РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ И МЕЖКУЛЬТУРНЫЕ ФЕНОМЕНЫ ЭНЕОЛИТА И БРОНЗОВОГО ВЕКА

ИА РАН

Москва 2018

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

УДК 902/904
ББК 63.4
А87

Утверждено к печати
Ученым советом ИА РАН

Ответственный редактор
к.и.н. М.В. Андреева

Рецензенты:
д.и.н. Ш.Н. Амиров
к.и.н. Ю.В. Лунькова

А87 **Археологические** памятники и межкультурные феномены энеолита и бронзововго века – М.: ИА РАН, 2018. – 368 с.: ил.

ISBN 978-5-94375-284-1

Сборник представляет труды сотрудников Отдела бронзового века ИА РАН; одно исследование выполнено в соавторстве с коллегами из Новороссийского исторического музея-заповедника. Издание отличают широта временного (энеолит – начало раннего железного века, V – первая половина I тыс. до н.э.) и территориального (Циркумпонтийский регион) охвата, жанровое разнообразие (публикации новых археологических памятников и материалов, исследования серий артефактов, масштабные историко-культурные построения), вариативность аналитических методов и подходов и, наконец, полифония исторического звучания сведенных воедино статей.

УДК 902/904

ББК 63.4

В оформлении титула использован рисунок сосуда из погребения 1 кургана 3 могильника Степной («Памятники археологии и древнего искусства Евразии». М.: ИА РАН, 2004).

ISBN 978-5-94375-284-1
DOI: 10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-284-1

© Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт археологии РАН, 2018
© Авторы статей, 2018

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 5

Гей А.Н. Курганный обряд ранних скотоводческих культур евразийских степей: сложение и смысловое значение 11

Авилова Л.И. О кладах металлических изделий в Анатолии (энеолит – бронзовый век) 37

Кореневский С.Н. Символика богини плодородия и символы войны (по материалам V–III тыс. до н.э. Подунавья и Переднего Востока) 91

Балабина В.И., Мишина Т.Н.. Прядение и ткачество на телле Юнаците в раннем бронзовом веке и халколите 126

Клещенко А.А. Каменные втульчатые топоры эпохи средней бронзы Предкавказья: классификация и хронология 154

Гей А.Н., Шишлов А.В., Колпакова А.В.,. Федоренко Н.В. Могильник Натухаевский IV – новый памятник майкопской культуры под Новороссийском 253

Мельник В.И. Погребения эпохи бронзы курганной группы Степной 294

Скаков А.Ю. Могильники эпохи раннего железа на территории Абхазии: погребальные памятники и погребальный обряд 328

Список сокращений 366

Сведения об авторах 367

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

TABLE OF CONTENTS

Foreword 5

A.N. Gey. The Kurgan Burial Rite of the Early Stock-breeding Cultures in the Eurasian Steppes: Development and Semantics 11

L.I. Avilova. Treasure Hoards of Metal Items in Anatolia (Eneolithic – Bronze Age) 37

S.N. Korenevskiy. Symbolism of the Goddess of Fertility and Symbols of War (Materials of V–III millennia BC from the Danube Region and the Near East) 91

V.I. Balabina, T.N. Mishina. Spinning and Weaving at Tell Yunatsite in the Early Bronze Age and the Chalcolithic 126

A.A. Kleshchenko. Stone Shaft-hole Axes of the Middle Bronze Age from the Fore-Caucasus: Classification and Chronology 154

A.N. Gey, A.V. Shishlov, A.V. Kolpakova, N.V. Fedorenko. The Natukhaevskaya IV Cemetery: a New Site of the Maikop Culture near Novorossiysk 253

V.I. Melnik. Bronze Age Burials of the Stepnaya Kurgan Group 294

A.Yu. Skakov. Early Iron Age Cemeteries in Abkhazia: Burial Sites and the Funerary Rite 328

Abbreviations 366

List of authors 367

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

ПРЕДИСЛОВИЕ

Последние десятилетия XX – начало XXI века ознаменовались большими достижениями отечественной археологии в изучении эпохи раннего металла (медный и бронзовый век, V–II тыс. до н.э.) – времени поздней первобытности и становления ранних цивилизаций. Трудами археологов Института археологии РАН, работающих в степной и лесостепной зоне Восточной Европы, на Кавказе, Переднем Востоке, Балканах были выявлены сотни новых памятников и десятки археологических культур этого времени, созданы обширные базы данных по материалам раскопок; важнейшим итогом стало построение единой историко-металлургической периодизации культур и памятников Циркумпонтийской зоны, подкрепленной большими массивами радиоуглеродных дат. На этой основе сотрудниками Отдела бронзового века ИА РАН разрабатывается в настоящее время ряд научных проектов, некоторые результаты которых представлены в этой книге.

Сборник открывает статья А.Н. Гея о причинах и механизмах сложения курганных погребальных памятников в степной полосе Евразии. Появившись в энеолитическую эпоху, в V тыс. до н.э., курганы прочно заняли место в степном и лесостепном ландшафте, постоянно, иногда вплоть до наших дней, функционируя как кладбища. Двигаясь традиционным для археолога путем, многосторонне рассматривая доступные в настоящее время сведения о сравнительно немногочисленных известных погребальных комплексах энеолитического времени, которые можно связать с появлением курганных насыпей, а также привлекая данные о более поздних археологических культурах, носители которых хоронили своих сородичей в тех же или таких же курганах, отмечая интерпретационные сложности и ограничения при работе с доступными источниками, автор подходит к масштабным историческим заключениям:

– в V тыс. до н.э. в степной полосе происходит переход населения к мобильным (конкретно – собственно кочевым) формам скотоводства;

– этот переход сопровождается появлением курганов и курганных могильников, которые представляли собой межевые знаки, обозначающие права того или иного семейно-родового коллектива на определенную экономическую территорию;

– нет необходимости непременно гипотетически связывать появление энеолитических курганных могильников с предполагаемым достижением

https://doi.org/10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-284-1.5-10

сообществами степных скотоводов высокого уровня социальной стратификации: подкурганные захоронения мужчин с реальным и символическим оружием и украшениями могут трактоваться как форпосты предков – хранителей семейно-родовых угодий, а не властителей-«бигменов» (но, вероятно, в обоих случаях – носителей воинских и магических функций).

Исследование дает ощутимый импульс к углубленной разработке вновь приобретающих живое звучание научных тем (ныне поддерживаемых широким спектром естественнонаучных методов), таких как конкретные палеоклиматические причины возникновения кочевого скотоводства и связанного с ним образа жизни, детали «стратегии освоения территорий» на разных этапах бронзового века, особенности и возможная динамика форм семейно-родовой организации, нашедших воплощение в «парциальных» курганных кладбищах. На очереди и более пристальное изучение роли во всех этих процессах «технологического прорыва» – освоения металла, а также механизмов взаимодействия мира степных скотоводов с земледельческими обществами Балкан и Кавказа.

Перейдя к работе Л.И. Авиловой, перебравшись из Северного Причерноморья в Анатолию, читатель попадает из энеолитической «зари» практически сразу в «полдень», высшую точку расцвета бронзовой эпохи – средний бронзовый век по историко-металлургической периодизации. Несмотря на то, что анатолийские памятники не содержат образцов письменности, присутствие в их слоях кладов изделий из бронзы, серебра и золота, большей частью (для находок из драгоценных металлов практически полностью) относящихся к III тыс. до н.э. (речь идет, главным образом, о кладах из Трои и Троады), позволяет воссоздать яркую картину динамики металлопроизводства (поскольку часть медных и бронзовых вещей происходит из кладов как более раннего, так и более позднего времени из других анатолийсих территорий). Продукция этого производства, по словам автора, «служила видимым воплощением и яркой манифестацией высокого социального статуса, идеологического обоснования власти и связанного с ней материального богатства». Представляя данные о химическом составе бронз и исследуя пути доставки сырья, автор показывает обширность сетей обмена (охвативших весь Передний Восток и затронувших прилегающие области), подчеркивает интенсивность движения ценных материалов и дорогих престижных вещей и указывает на стоящий за этим исторический феномен – небывалое прежде расширение человеческих контактов, возрастание открытости сообществ (последнее является важной чертой перехода к цивилизации). С этой точки зрения не менее важным представляется оформление в периоды ранней и средней бронзы

в Циркумпонтийском регионе метакультурной (и, соответственно, «надъязыковой») знаковой системы, основу которой составляли основные классы бронзовых орудий/оружия и металлических украшений.

К другому важному аспекту социальной жизни – войне или – шире – вооруженному насилию, рассмотренному через призму религиозно-мифологического сознания, содержание которого реконструируется на материалах археологии с разной степенью достоверности, отсылает работа С.Н. Кореневского. Несмотря на то, что изучение человеческой агрессии и социального насилия давно находится в центре внимания антропологии, главным образом, зарубежной, в отечественной археологии эпохи энеолита-бронзы (V–III тыс. до н.э.) данная тема впервые получила широкое звучание в последние годы в трудах этого исследователя. Немногочисленность ярких прямых археологических свидетельств действий военного характера в эту эпоху заставляет максимально привлекать свидетельства косвенные: это находки оружия в археологических комплексах (преимущественно в погребениях, то есть в ритуальном контексте), а также предметы культа, содержащие изобразительные сюжеты, которые как-то могут быть увязаны с обозначенной темой. В публикуемой статье автор пытается проследить динамику развития представлений о божествах, персонифицирующих агрессию и насилие, от имеющей очень древние, уходящие в каменный век, корни амбивалентной фигуры первобытной богини Матери (Жизни) и Губительницы (Смерти) в одном лице (ср., например, др.-инд. Парвати) к богам войны древневосточных государств и античной цивилизации.

Далее в сборнике помещены два образца «артефактной археологии», то есть вещеведческих исследований, причем в обоих случаях объектом морфологического анализа, традиционно нацеленного на выявление закономерностей распространения и динамики бытования вещей, являются серии орудий/оружия, большая часть которых датируется III тыс. до н.э. В.И. Балабина и Т.Н. Мишина изучают серии глиняных пряслиц и грузиков для ткацкого станка из многослойного поселения земледельцев – телля Юнаците во Фракийской долине в Болгарии; А.А. Клещенко – втульчатые каменные топоры из раскопок курганной группы Кёнделенская I в ущелье р. Баксан (Кабардино-Балкария) на Кавказе. Обе статьи публикуют новые материалы и, взятые вместе, образуют своеобразную дихотомию:

– публикации новых данных являются составной частью более широких исследований: в первом случае это всестороннее изучение материалов стратифицированного телля Юнаците, полученных в ходе многолетних работ Российско-Болгарской экспедицией, во втором – создание сводного катало-

га и изучение морфологии втульчатых топоров из разновременных и разнокультурных комплексов на территории Кавказа и Предкавказья;

– глиняные орудия прядения и ткачества представляют собой рядовые предметы несложной формы с минимальной отделкой; великолепно отшлифованные втульчатые каменные топоры, имеющие гораздо более изощренную и вариабельную форму (что, кстати, потребовало при анализе морфологии применения более сложных математических операций), – безусловно, вещи большой ценности;

– использование пряслиц и грузиков связано с женским домашним ремеслом, причем знаковая роль пряслиц (их мифопоэтическая соотнесенность с космо- и эмбриогенезом), в отличие от практического применения, никак не проявлена в поселенческом контексте памятника; помещенные в могилы каменные топоры представляют собой прежде всего престижные символы мужского и, вероятно, военного статуса, использование которых в качестве оружия не могло выходить за рамки если не собственно ритуала, то по крайней мере «ритуализированных» (отсылающих к ритуалу) действий.

В целом работы содержат весь основной спектр задач «артефактной археологии» эпохи бронзы и демонстрируют современный научный уровень их решения.

Следующие две статьи посвящены публикациям материалов могильников Западного Кавказа и Предкавказья.

К майкопской культуре эпохи ранней бронзы относится Натухаевский IV могильник, раскопанный в 2014 г. у г. Новороссийска (статья А.Н. Гея, А.В. Шишлова, А.В. Колпаковой и Н.В. Федоренко). Открытие каждого нового памятника этой культуры является научным событием, поскольку все они свидетельствуют о присутствии на Кавказе в IV тыс. до н.э. носителей переднеазиатских производственных, социальных и культурных традиций. Это явление современные исследователи преимущественно связывают с колонизационной экспансией носителей урукской культуры (или урукской цивилизации), считая основным очагом расселения сравнительно хорошо изученный северомесопотамский регион. Отметим, что сам процесс становления и распространения месопотамской цивилизации рассматривается – по недостатку данных – пока во многом изолированно от, вероятно, определявшего его тесного взаимодействия населения Двуречья с носителями передовых металлургических традиций Иранского нагорья.

Важно, что Натухаевский IV – первый достоверно зафиксированный сравнительно большой (14 погребений) грунтовый могильник, атрибутированный как майкопский. Напомним, что основной массив учтенных май-

копских погребений составляют подкурганные, а по устоявшемуся в науке мнению, курганный обряд погребения в своих истоках связан со скотоводческим миром европейских, а не переднеазиатских или закавказских степей. Присутствие в натухаевских погребениях расписной посуды позволило предположить связь могильника «с группой стационарных майкопских поселений отчетливо земледельческого характера» Анапско-Новороссийского района. Таким образом, появляется надежда выявления на Западном Кавказе субстратного «переднеазиатского» компонента майкопской культуры (стационарные поселения и грунтовые могильники, а также детские погребения в сосудах на поселениях), сходного с памятниками недавно открытой лейлатепинской культуры Восточного Закавказья (где грунтовые могильники, впрочем, пока не известны), а также с мало пока изученным пластом аналогичных «предкуро-араксских» древностей в Центральном Закавказье. Очевидно, что ожидаемый успех, помимо объективной – обнаружение информационно насыщенного археологического объекта, – должен быть обеспечен и субъективной составляющей: высокой техникой раскопок и фиксации памятника (как правило, сильно разрушенного более поздними насельниками этого плодородного края), дополненной максимально широким спектром естественнонаучных анализов.

Статья В.И. Мельника возвращает нас к материалам курганных могильников, исследованных достаточно давно, в позднесоветское время. Публикация раскопок группы «Степной» не только восполняет недостаток циркулирующих в науке сведений о древностях всех трех периодов эпохи бронзы на пограничной степной территории Прикубанской равнины и Ставропольской возвышенности, но и напоминает об отложенной, к глубокому сожалению, задаче ввода в научный оборот огромного массива данных о результатах археологических спасательных работ 70–80-х годов в Предкавказье.

Жанр завершающей сборник статьи А.Ю. Скакова о погребальных памятниках финала позднего бронзового – начала раннего железного века Абхазии можно определить, как конспект монографии, учитывая объем и разносторонность освещения данных. Работа включает обширную проблемную историографию как полевого изучения, так и кабинетного осмысления комплексов, результатом которого стало недавнее конституирование обширной кобано-колхидской культурно-исторической общности, объединившей памятники последней четверти II – начала I тыс. до н.э. по обе стороны Кавказского хребта. Далее материалы Западного Кавказа рассматриваются в рамках двух колхидских культур – бзыбской (которая с середины VII в. до н.э. сменяется бзыбской позднеколхидской культурой) и ингури-рионской (с ука-

занием на ранние и поздние комплексы). Остается сожалеть об отсутствии хотя бы минимального количества иллюстраций (чертежей и полевых фото), помогающих воспринять сложный материал: речь идет о весьма разнообразных видах погребального обряда: ингумации и кремации, первичных и вторичных, индивидуальных и коллективных захоронениях; уделено внимание и подробному обсуждению условий обнаружения так называемых кладов, которые автор трактует как культовые комплексы.

В целом все статьи сборника охватывают огромную территорию и касаются всех периодов эпохи бронзы, освещают как актуальные источниковедческие, так и фундаментальные историко-культурные вопросы, что дает уверенность в долгосрочной востребованности предпринимаемого издания.

М.В. Андреева

А.Н. Гей

КУРГАННЫЙ ОБРЯД РАННИХ СКОТОВОДЧЕСКИХ КУЛЬТУР ЕВРАЗИЙСКИХ СТЕПЕЙ: СЛОЖЕНИЕ И СМЫСЛОВОЕ ЗНАЧЕНИЕ

Резюме. В статье рассматриваются вопросы о предпосылках и времени сложения в энеолите и на раннем этапе бронзового века особых форм погребального обряда, связанных с возведением курганных насыпей, традиции, получившей широкое распространение в культурах и обществах мобильных скотоводов степной и лесостепной зон Восточной Европы, а в последующие эпохи воспринятой и иными группами населения на широких просторах Евразии. Основной смысловой доминантой курганного обряда, по мнению автора, является необходимость маркировки экономических территорий и обозначения их границ, а не создание масштабных посмертных памятников для неких социальных прослоек или групп, занимающих высокое социальное положение, как это достаточно часто трактуется многими исследователями. Феномен курганов как особых парциальных кладбищ коллективов мобильных скотоводов, обозначающих экономические территории данной конкретной группы, является наиболее вероятным объяснением тесного сцепления культа предков с темой охраны границ и владений, зафиксированной, в частности, письменными и этнографическими материалами у ряда европейских (индоевропейских?) народов.

Ключевые слова: энеолит, бронзовый век, степная зона, древние скотоводы, курган, погребальный обряд, семантика обряда.

Визуальная эффектность, выделенность в ландшафте, очевидная трудозатратность сооружения даже сравнительно небольшой курганной насыпи всегда привлекали внимание исследователей, заставляли задуматься о времени, месте и, главное, причинах появления этой совершенно особенной разновидности погребальных сооружений. Не претендуя на исчерпывающую историографию вопроса, замечу, что уже давно курганная проблема была соотнесена с проблемой индоевропейской. Так, в первом своем капитальном труде о так называемой «курганной культуре» М. Гимбутас писала о проникновении индоевропейцев на территорию Восточной Европы с юго-востока, через Кавказ, где возникают древнейшие, по ее мнению, курганы Майкопа и Новосвободной, связанные с Гиссаром II и III (*Gimbutas,* 1956). Тогда же или несколько позднее в серии работ, особое место среди которых занимает не опубликованная в полном объеме капитальная докторская диссертация, Николай Яковлевич Мерперт убедительно показал связь древнейших курганов

https://doi.org/10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-284-1.11-36

с энеолитической (как тогда считалось) древнеямной культурой Волго-Уралья и Северного Причерноморья или древнеямной культурно-исторической областью (*Мерперт*, 1968), понимаемой им, как выяснилось в ходе дальнейших исследований, достаточно расширительно, т.е. с включением разнообразных материалов, впоследствии так или иначе обособленных внутри данной КИО или даже выведенных за ее границы. Сам факт возведения над погребениями земляных насыпей с последующим впуском в них других захоронений объяснялся им как очевидное действие, направленное на разбиение монотонного степного ландшафта и создание ориентиров, облегчающих поиски традиционных мест и участков захоронения (*Мерперт*, 1968. С. 131), что можно назвать эмоционально-утилитарным объяснением. В последующем близкое понимание вопроса спорадически демонстрировалось и другими авторами, полагавшими, что в смысловом наполнении курганной обрядности первое место принадлежит «локализации» (имеется в виду обозначение, выделение) своих кладбищ в условиях степи (*Белов, Ляшко*, 1991. С. 29; и др.).

Связь древнейших курганов с ямной культурой признавалась и А.А. Формозовым, предложившим, пусть в краткой и научно-популярной форме, свои трактовки причин и внутреннего содержания явления, связь первых «пирамид степей» с определенными влияниями Египта и мегалитических культур Европы, достигшими Северного Причерноморья в III тыс. до н.э. Сам смысл действия виделся ему как «конкретная архитектурная задача – создать далеко заметный и вечный памятник погребенному» (*Формозов*, 1980. С. 99–101). Такой взгляд, как кажется, является первым подступом к популярной вплоть до настоящего времени социальной версии или трактовке курганной обрядности. Замечу, что немаловажная при таком подходе синхронизация «первых» курганов с египетскими гробницами и пирамидами оказалась несостоятельной независимо от того, какой из современных хронологических систем придерживаться, в действительности «отражения-подражания» оказались заметно древнее своих предполагаемых «прообразов».

Вопрос о смысле обряда, о его семантической и мировоззренческой составляющей также имеет значение для темы его генезиса. К сожалению, по этим вопросам имеются лишь отдельные высказывания. Умозрительной выглядит модель, полагающая что «курган – модель видимого мира, очерченного кольцом кругозора» (*Рыбаков*, 1981. С. 233), поскольку видимый мир был таким же задолго до появления насыпей, далеко не всегда круглых в плане. Считать курган местом перехода в мир предков, входом в загробный мир предлагалось С.Н. Кореневским (*Кореневский,* 2011. С. 94). Его же взгляд на насыпь как на реализацию «культа возвышенности как особого сакрального места» (*Кореневский,* 2011. С. 228, 229), возможно, имеет неко-

торые основания для крупных майкопских курганов IV тысячелетия до н.э., остающихся пока все же недостаточно понятным и изученным феноменом, но вряд ли применим к небольшим (порядка 10–20 м в поперечнике и до 1 м в высоту) энеолитическим курганам V тысячелетия. Отчетливее роль возвышенностей и водоразделов как особых участков, притягивающих к себе грозовые разряды (а, значит, регулярно очищаемых от враждебных и демонических сил), просматривается при выборе мест для поздних престижных курганов (в первую очередь водораздельных могильников скифской и сарматской знати), хотя истоки таких представлений вполне могут восходить и к предшествующим эпохам. Наконец, предположение, что курган и подкурганное кладбище являются в значительной степени воплощением представлений о загробном мире (не дверью в него, не коридором, а именно реализацией представлений о нем), о «елисейских полях», где души умерших влачат существование, во многом сходное с жизнью живущих, худо-бедно обосновано пока только для значительно более позднего круга протокатакомбных и катакомбных культур конца IV–III тыс. до н.э. (*Гей,* 1999).

Основное внимание исследователей, особенно в последнее время, сосредоточилось не на семантических моментах, а на вопросах, касающихся состава, культурной принадлежности и датировки древнейшей группы курганных погребений. За сравнительно короткое время появилась целая серия работ по степному энеолиту, рассматривающих практически идентичные, различающиеся лишь полнотой и подробностью описания серии погребальных комплексов. Речь идет главным образом об особой группе скорченных на спине захоронений с разнообразными формами погребальных сооружений и богатыми наборами сопровождающего инвентаря, называемой то типом Касимчи-Петро-Свистуново (*Збенович*, 1973), то «европейской энеолитической провинцией или общностью» (*Нечитайло*, 1996, 2002), то новоданиловкими типом или культурой (*Телегин, Нечитайло, Потехина, Панченко,* 2001), то скелянской культурой (*Rassamakin*, 2004), то по-прежнему среднестоговской (*Котова,* 2006), то «понто-предкавказской общностью культов» или протоямной культурой (*Кореневский*, 2011; 2012б), то просто «ранними захоронениями с охрой», подразделяемыми на ряд территориальных групп (*Govedariça,* 2004) или «древнейшими подкурганными погребениями» (*Моргунова*, 2011)[1].

Тем не менее, при определении характера и социокультурной интерпретации этой серии памятников, относимых разными авторами в системе ка-

[1] Входящие в эти работы перечни и каталоги в значительной степени освобождают от перечисления всех материалов. При дальнейшем изложении для краткости буду называть их новоданиловской культурой или кругом памятников НДК, несмотря на явную условность столь однозначного обозначения.

либрованных радиокарбонных дат ко второй половине V – началу IV тыс. до н.э. (*Нечитайло*, 2001) или 4750–4100 гг. до н.э. (*Rassamakin*, 2004) и разбросанных в пределах степной зоны от Среднего Дуная до низовьев Волги и предгорий Кавказа, наблюдается заметное сходство. Согласно наиболее категоричным формулировкам все новоданиловские комплексы суть захоронения элиты, а рядовых нет вообще или они неизвестны (*Шапошникова*, 1987). Ю.Я. Рассамакин говорит о формировании в скелянской культуре особого погребального обряда элиты безотносительно формы погребального сооружения, что отражает выделение в обществе особого элитного слоя, связанного с престижным обменом (*Rassamakin*, 2004).

Отмечая развитие и важность престижной экономики и престижного обмена в энеолитическую эпоху, Н.С. Котова предпочитает говорить не об элите, а о лидерстве, видя в ранних подкурганных по преимуществу захоронениях, удаленных от основной территории среднестоговской культуры с ее поселенчекими памятниками и грунтовыми могильниками, погребения предводителей дальних экспедиций, в роли которых выступали мужчины с высоким социальным статусом или лидеры отдельных поселков. Сам факт возведения над их могилами курганной насыпи при этом объясняется желанием отметить место захоронения, вынесенного далеко за пределы основной территории проживания коллектива (*Котова,* 2006. С. 149, 157).

Б. Говедарица, рассматривая три гипотезы, согласно которым древнейшие погребения с охрой могли принадлежать либо племенным вождям, либо богатым мастерам-ремесленникам, либо странствующим торговцам, считает, что применительно к данной серии следует говорить о сочетании всех трех моментов, нескольких социально-экономических факторов. Появление данной группы погребений, по его мысли, является, следствием социальных процессов в обществах, связанных с земледельческими культурами балкано-карпатского региона (Гумельницы и Триполья в частности), представляет собой формирование элиты, отраженное в новых, необычных по составу и богатству сопровождающего инвентаря погребальных комплексах. Распространение подобных норм и форм на восток вплоть до Северного Кавказа происходит в результате заимствования их скотоводческими племенами степной зоны *(Govedariça,* 2004. S. 357, 358).

С.Н. Кореневский, насколько можно судить по ряду публикаций (*Кореневский*, 2011; 2012а) и многочисленным устным докладам, увязывает одно с другим, считая появление курганного обряда в энеолите Предкавказья. Доно-Волжья и на Нижнем Дону в значительной степени следствием процессов социальной стратификации и формирования института «бигменов», сложения особой престижной экономики и особого престижного распре-

деления, хотя для древнейших энеолитических курганов предлагает более сдержанное (но недостаточно ясное и даже внутренне противоречивое) обозначение «модель бигменская эгалитарная», в отличие от более поздней «бигменской элитарной» (*Кореневский*, 2012б).

Суммируя данное направление исследований, нетрудно заметить, что несмотря на отсутствие прямых высказываний о смысловой стороне курганной формы обряда в качестве подоплеки ее подразумевается необычность социального статуса умерших и особая его маркировка.

Близкое понимание, социологический взгляд или подход при отсутствии специально посвященных данному вопросу работ присутствует во множестве статей и исследований, касающихся определения структуры или уровня развития не только энеолитических обществ, но также носителей ямной, майкопской, новосвободненской и других культур эпохи ранней бронзы. Невозможно, да и не нужно, перечислять все случаи стандартной реакции на обнаружение необычных по обряду или набору сопровождающих предметов погребальных комплексов (речь идет о трактовке их как погребений знати, элиты, вождей, жрецов и не иначе). Упомяну лишь одну из концепций, согласно которой все курганные памятники раннего и среднего этапов эпохи бронзы представляют могильники элиты, причем захоронения взрослых принадлежат представителям высших социальных рангов, а достаточно многочисленные захоронения детей и подростков – сопровождающими их жертвенными комплексами (*Синюк*, 1996). Относительным объяснением столь категоричного решения может служить ориентация автора прежде всего на материалы лесостепи Среднего Дона, где имеется большое число поселений при заметно меньшем, особенно по сравнению с более южными, степными районами, количестве курганов.

Для темы сложения кургана и курганного обряда представляют интерес сразу несколько вопросов: территориальный масштаб явления, достоверность определения ранних могильников под насыпями и достоверность разграничения их с грунтовыми кладбищами, характер таких кладбищ и половозрастной состав погребенных, а также культурная принадлежность, единообразны они или неоднородны в этом плане. Заслуживает внимания и вопрос о социальном подтексте, так ли обособлены, так ли элитарны эти памятники.

Сведения о вероятности сооружения искусственных насыпей на крупных некрополях раннего энеолита, датируемых приблизительно первой половиной V тыс. до н.э. (*Черных, Орловская,* 2004, 2010), пока недостаточно достоверны. По некоторым данным небольшая насыпь имела место на **Никольском могильнике** – одном из наиболее ярких памятников позднего этапа мариу-

польской общности в Нижнем Поднепровье[2]. Для **Хвалынского I-го** грунтового могильника отмечается только приуроченность к естественному округлому всхолмлению и определенная зависимость планировки кладбища от его очертаний (*Пестрикова, Агапов,* 2010. С. 93), похоже, что это в полной мере применимо и к могильнику II (*Пестрикова, Агапов,* 2010. Рис. на с. 118). Близкий к Хвалынским по времени и культуре **Нальчикский могильник п**рямо описывается как курган, намек на это возможно есть и в опубликованном профиле (*Круглов, Подгаецкий*, *Пиотровский*, 1941. С. 68, 69), хотя настаивать на изначальности искусственной насыпи вряд ли приходится из-за разрушения центральной части еще до начала научных раскопок и возможности возведения ее не над ранней, энеолитической, а над поздней группой погребений.

Бесспорные случаи возведения курганных насыпей над захоронениями, в инвентарный набор которых входят полированные каменные скипетры, крупные кремневые и обсидиановые пластины, наборы наконечников тяжелых стрел или дротиков, реже медные изделия и украшения, фиксируются в памятниках круга НДК, относимых разными авторами в системе калиброванных радиокарбонных дат ко второй половине V – началу IV тыс. до н.э. (*Нечитайло,* 2001) или 4750–4100 гг. до н.э. (*Рассамакин*, 2008. С. 180–182; и др.), При этом в работах разных авторов имеются заметные расхождения при определении характера тех или иных могильников и отдельных случайно обнаруженных погребений, грунтовые они или курганные, что затрудняет понимание масштаба этого нового явления. Для одних (Б. Говедарица) вопрос не имеет принципиального значения, главным критерием при объединении подобных комплексов выступает сходство таких показателей, как положение и ориентировка костяка и сопровождающего инвентаря. Для большинства связь находок с курганными насыпями выглядит случайной или недостаточно достоверной. Ю.Я. Рассамакин, крайне осторожный в дефинициях, скрупулезно отмечает все трудности с определением грунтового или курганного характера значительного числа энеолитических могильников, но при этом приводит обширные списки грунтовых могильников не только для древнейшей скелянской культуры (НДК), но и для более поздней в его системе квитянской (постмариупольской) культуры. Однозначно подкурганными он признает только еще более поздние животиловско-волчанские (нижнемихайловско-новосвободненские) погребения (*Rassamakin,* 2004.). Примыкает к такой точке зрения и Е.В. Яровой, считающий все суворовские (НДК) комплексы грунтовыми, а сам факт появления курганного об-

[2] В настоящий момент не могу дать точную ссылку на источник, где содержится такое указание. Не исключено, что видел его в отчете Д.Я.Телегина.

ряда в Северо-Западном Причерноморье связавший с хронологически более поздней по его данным так называемой хаджидерской группой или культурой (западный аналог тех же животиловско-волчанских) (*Яровой*, 2001), что с моей точки зрения и в сравнении с положением дел в других, в том числе и соседних областях степной полосы выглядит крайне сомнительным. По мнению Н.С. Котовой, как уже говорилось, основной разновидностью среднестоговских погребальных памятников являются грунтовые могильники, а случаи возведения насыпей имеются лишь на памятниках, далеко отстоящих от основной территории и оставленных в ходе дальних экспедиций.

При определении характера могильников прежде всего обращает на себя внимание тот факт, что очень многие энеолитические захоронения и целые могильники, обычно считающиеся грунтовыми, выявлены в процессе раскопок именно курганных насыпей и курганных групп или по крайней мере в неоднозначных ситуациях. Рассмотрим некоторые из этих случаев, двигаясь с запада на восток.

Наиболее западная находка такого рода **Чонград-Кеттесхалом** происходит из среднего течения Тисы. Скорченное на спине и ориентированнное головой на запад погребение мужчины с обсидиановой пластиной возле правой стороны грудной клетки и набором известняковых, раковинных и медных бус открыто при спасательных работах, проводившихся с использованием экскаватора. Признаки насыпи над ним не прослежены, однако по не совсем понятной причине тут же в публикации сообщается, что Halom, присутствующий в названии местности или урочища, в венгерском обозначает именно курган (*Ecsedy*, 1979. P. 11).

Известный комплекс из **Касимчи** (Добруджа), представлял собой ориентированное головой к западу погребение, густо засыпанное охрой. В состав сопровождающего инвентаря входили реалистическое навершие скипетра, массивные ножевидные пластины, крупные треугольные наконечники стрел с прямым основанием и трапециевидные топорики с частичной зашлифовкой лезвия, иными словами типы, в деталях повторяющие находки из Ямской и Ворошиловградской гробниц, Петро-Свистунова и др. пунктов Днепро-Волжского и Предкавказского участков степной полосы. По непонятной причине иногда описывается в группе грунтовых, хотя в публикации речь идет именно о кургане (*Popescu*, 1941. P. 119–125), даже о специальной насыпи как раз над этой могилой *Govedariça*, 2004. S. 104). Скорченное и ориентированное к югу захоронение с ножевидной пластиной и набором раковинных и медных бусин определено исследователем как основное для двухметрового кургана **Гонова Могила** у Новой Загоры (*Govedariça*, 2004. S. 109).

Наиболее яркий яркий памятник данного круга – могильник **Джурджулешти** в Нижнем Подунавье представлял собой группу из нескольких погребений, выявленных при раскопках курганного могильника под одной из насыпей. Возвышение, в котором они находились, обозначено исследователями как курган 2, однако (не без влияния гумельницко-варненских аналогий?) трактуется как грунтовое кладбище на естественном всхолмлении, впоследствии перекрытое курганом ямной культуры (*Govedariça*, 2004. S. 85). Еще один энеолитический комплекс из этого же района со скорченными костяками и похожим составом инвентаря (реалистический каменный зооморфный скипетр, ножевидные пластины, круглое в сечении медное шило, бусы из раковин) открыт в центре одного из кромлехов под курганом 2 **Суворовского II могильника** в низовьях Дуная. Стратиграфическая ситуация тут установлена недостаточно четко, – рядом имелся второй кромлех, вытянутое на спине погребение «постмариупольской» культуры и оба они были окружены большим третьим кромлехом из вертикально установленных плит, но курганный характер памятника не вызывал сомнений у исследователей (*Даниленко*, *Шмаглий*, 1972).

Вне всякого сомнения, из кургана у с. **Кайнары** в Молдавии происходит остающийся пока уникальным комплекс, где при остатках погребения найдены медная гривна, набор кремневых пластин, трипольская расписная посуда, послужившая для синхронизации определения глубокой древности древнейших курганов и синхронизации их с этапом В-I Триполья (*Мовша, Чеботаренко*, 1969. С. 49; *Збенович*, 1973. С. 75), долгое время воспринимавшиеся с недоверием. Хотя по тогдашним оценкам речь шла о второй половине IV тыс. до н.э., это казалось невероятно ранним, поскольку датировки ямной культуры не уходили глубже начала III тыс. до н.э. Последующее развитие радиокарбонной хронологии подтвердило такую синхронизацию, но только теперь в рамках середины – второй половины V тыс. до н.э.

Представлены подобные ситуации и в срединных районах ареала НДК или среднестоговской культуры. Одна из них отмечена при раскопках курганов у г. **Александровска**. Здесь изучен целый могильник, состоявший из скорченных на спине погребений, сопровождавшихся орудиями на массивных ножевидных пластинах, костяными и роговыми остриями, бусами из раковин и свернутых наподобие обоймиц бронзовых пластинок. Инвентарь этот подобен предметам, сопровождавшим «среднестоговские» погребения грунтового Чаплинского могильника в Поднепровье (5-я группа по А.В. Добровольскому). Некоторые из таких могил находились за пределами курганных насыпей, другие обнаружены именно под курганами (10 погребений под курганом № I, еще 2 под курганом № IX), что позволило изучавшему памятник С.Н. Братченко говорить о наличии грунтового энеолитического могильника, перекрытого впоследствии курганами

эпохи бронзы (*Братченко,* 1972). При этом часть объявленных докурганными энеолитических захоронений, выявленных под насыпями (погребения 40 и 65 в кургане IX), отмечены перекрытиями и выкидами на уровне поверхности погребенной почвы, тогда как предложенное С.Н. Братченко в качестве основного ямное захоронение с сосудом-амфоркой, украшенной шнуром, выкида не имело и залегало на уровне древней поверхности без всяких следов ямы (*Братченко,* 1972. С. 98–100, 106, 117). С учетом возможностей захоронений в межкурганном пространстве и возведения насыпей сразу над группой из нескольких могил, часто встречающихся в курганной археологии, вариант, что в Александровске речь идет не о чисто грунтовом, а о комбинированном курганно-грунтовом энеолитическом могильнике, представляется достаточно вероятным.

В **Ямском могильнике** на Донеччине, включаемом в новоданиловскую группу плоских могильников, каменная гробница располагалась в центре, а еще 6 таких гробниц, к сожалению, разрушенных, – в поле кургана, предположительно (якобы!) случайно их перекрывшего. Предполагаемое действительное основное захоронение разрушено и ничего определенного о нем сказать нельзя (*Телегін,* 1973. С. 114 115). Сходная гробница с аналогичным обрядом и инвентарем раскопана в **Ворошиловграде** (ВСХИ, курган 1) под центром курганной насыпи и прорезана скорченным на спине и ориентированным головой на запад ямным захоронением. Вопрос о том, с какой из двух могил связано сооружение собственно курганной насыпи остался открытым для исследователей и авторов публикации (*Писларий*, *Кротова*, *Клочко*, 1976. С. 21). Еще одно идентичное захоронение открыто в г**. Енакиево**. Оно было основным в кургане (sic!) и на этом основании отнесено исследователем памятника к ямной культуре (*Клименко*, 1972. С. 322). Наличие здесь каменной гробницы, сложенной из плоских плиток песчаника, заполнение ее красной глиной, коллективный характер захоронения, скорченное на спине положение погребенных – все эти признаки тождественны отмеченным для Ямского и Ворошиловградского курганов. Отличны лишь ориентировки (Яма – на северо-восток, Ворошиловград – на восток, Енакиево – на запад).

Каменка 8/6. Уместно вспомнить что одно из первых открытых в Подонцовье погребений с инвентарем, аналогичным Александровску и Чаплям (свернутые из бронзовых пластинок бусы, медные украшения от головного убора), совершенное в центральной части кромлеха, было определено как основное в кургане 8 группы у устья р. Каменка в Бахмутском уезде еще на заре «курганной археологии» (*Городцов*, 1907. С. 84). Несколько подобных ему подкурганных комплексов в Присамарье и на Донце находятся и в каталоге Ю.Я. Рассамакина (*Rassamakin,* 2004. С.114–116). Стоит отметить, что все эти предположительно или бесспорно курганные памятники находятся как раз на основной территории

среднестоговской культуры, а не далеко от ее границ, как это представляется в гипотезе Н.С. Котовой о дальних торговых экспедициях.

Ситуация, в деталях совпадающая с приведенной выше для Александровского могильника, известна и на Нижнем Дону, где в кургане 5 группы **Мухин II** выразительное новоданиловское погребение 30, совершенное в камере необычной по конструкции катакомбы, якобы было устроено «в естественном всхолмлении». Но при этом у него имелся четко выраженный выкид на горизонте, а расположенное неподалеку о него более позднее (в чем можно усомниться) парное детское погребение 7, приписываемое к «ливенцовской культуре» (в чем также имеются большие сомнения) могилы не имело – три ребенка и сопровождающий их сосуд предлагается считать просто положенными на поверхность «всхолмления» (*Нечитайло*, *Козюменко*, *Жеребилов*, 1998). Нестыковки с пониманием стратиграфии очевидны, один только факт сохранения выкида однозначно указывает на возведение над НДК погребением 30 специальной насыпи или досыпки.

Восточнее, в Доно-Волжском междуречье и на Нижней Волге подавляющее большинство энеолитических захоронений открыто под курганными насыпями. Показателен тут классический комплекс **Бережновка II 5/22** (мужчина, сильно скорченный на спине, ориентировка восточная), давший название древнейшему этапу ямной общности. Изначально определен как основной в кургане (*Синицын*, 1959). После открытия Съезженского и Хвалынского могильников, с керамическими материалами которых так или иначе перекликается бережновский сосудик, послужил основанием для вывода о появлении древнейших курганных могильников не позднее финала хвалынской культуры (*Гей,* 1985; *Пестрикова*, 1987). В последующем по материалам раскопок разных лет число таких погребений (при некоторой дискуссионности части определений) в курганах только нижневолжского района было доведено до двух десятков (*Дремов*, *Юдин,* 1992.). Одним из немногих исключений в данном районе является погребение 1 кургана 3 могильника **Джангр**, интерпретируемое в уже привычном ключе: «впущено в естественное всхолмление, позднее на этом месте возведена насыпь, связанная с ямными захоронениями» (*Николаева*, 1986). Позволю себе сомнение и в этом случае: в отчетах В.А. Сафронова, Н.А. Николаевой и других сотрудников их экспедиций «естественные всхолмления» возникают и в целом ряде других случаев, когда речь идет о курганных памятниках более поздних культур, ямной и катакомбной, причем на территориях, где их не наблюдается в принципе (Прикубанская низменность). По-видимому, здесь правильнее предполагать проблемы с разграничением непотревоженной погребенной почвы и небольшой насыпи из этой же почвы состоящей.

Аналогичным образом обстоит дело и с древнейшими энеолитическими погребениями круга НДК в степном Предкавказье. Практически все они открыты при раскопках курганных насыпей. Речь идет о 27 комплексах из района Центрального Предкавказья и еще 19 из Прикубанья, приведенных в книге С.Н. Кореневского «Рождение кургана» (*Кореневский*, 2012б. С. 19–43). И только в трех случаях вопрос о наличии над такими погребениями искусственной насыпи допускает разночтения или сомнения (Типки I 2/16; Тоннельный 6/1; Старонижестеблиевская, курган 1).

Можно по-разному оценивать изложенные наблюдения или противоречия в существующих описаниях и трактовках, однако сам факт столь частого совпадения мест, называемых бескурганными могильников с классическими курганными, не выглядит абсолютной случайностью. Он может говорить и о сохранении традиций, преемственности между внешне различными традициями, и о возможности неких долговременных опознавательных знаков над ранними энеолитическими захоронениями. Вероятнее всего – сравнительно небольших насыпей, заметных в древности и не сохранившихся или не прослеживаемых современными исследователями (раскопщиками).

Очевидно, некорректно обозначать все без исключения новоданиловские некрополи как грунтовые. Они и близкие к ним по времени и культуре энеолитические погребальные памятники маркируют период становления и широкого прежде всего в территориальном плане распространения курганных кладбищ как нового типа данной категории объектов. Однозначное определение их грунтового или курганного характера во множестве случаев затруднено. Курганная форма представлена практически во всех районах степной полосы от Поволжья и Предкавказья до Фракии, причем число таких объектов явно превышает обозначенное и обсуждаемое в литературе. При этом вряд ли оправдано придавать признаку «грунтовый/курганный» жесткое хронологическое значение. Тем более, что в определенных ландшафтных зонах, прежде всего в речных долинах, рядом с поселениями и в их культурном слое на всем протяжении бронзового века совершались захоронения по грунтовому обряду. Тем не менее, применительно к энеолитической эпохе и рассматриваемому кругу памятников НДК можно говорить о значительно большем числе курганных памятников на восточном участке степной зоны или на территориях к востоку от Дона, тогда как к западу от него, на территориях с более влажными климатическими показателями, доля грунтовых некрополей достаточно выражена.

Культурная принадлежность древнейших курганов оценивается разными исследователями неодинаково. С одной стороны, практически всеми подчеркивается сходство основных показателей погребального обряда грунтовых и курганных новоданиловских памятников (скорченнное положение на спине

головой к востоку с подогнутыми и обращенными коленями вверх ногами, обильная окраска костяка и заполнения могилы охрой, типологическая близость инвентаря, сходство наборов вещей, деталей костюмов и др.). С другой отмечается неоднородность достаточно редко встречающейся в таких комплексах керамики, сопоставимой с керамикой хвалынской культуры в восточных районах, явно заимствованной из земледельческих культур на западе (Кайнары, Джурджулешти) при наличии «предмайкопских» реплик между этими двумя крайностями (Новоданиловка) (*Котова*, 2006. С. 157). По мнению Н.Л. Моргуновой не только керамика, но и набор других артефактов из древнейших подкурганных комплексов может быть привязан к различным региональным культурным образованиям (*Моргунова,* 2011. С. 152).

В концепции Ю.Я. Рассамакина энеолит Северного Причерноморья представляет собой сложную картину развития четырех погребальных традиций на протяжении 4-х периодов. При этом для первых двух периодов признается абсолютное доминирование «второй погребальной традиции» или скорченных на спине коленями кверху захоронений сначала преимущественно в грунтовом варианте, и только на 2-м этапе, отнесенном к 4100–3900/3800 ВС, в курганах. Прочие группы погребений и погребальные традиции (вытянутые постмариупольские, называемые квитянскими, скорченные на боку или нижнемихайловские) формируются позже, и лишь на последнем этапе, синхронизируемом с поздним Трипольем (3500/3400 – 3000/2900 ВС), распространяются адоративные погребения 4-й традиции, они же памятники животиловско-волчанского типа (*Rassamakin,* 2004). Получается, что главная роль в становлении и распространении новой, курганной обрядности отведена им именно скелянской культуре (НДК).

Здесь бесспорно необходима коррекция. В ряде комплексов новоданиловского круга положение погребенных нельзя назвать скорченным на спине, скорее это различные варианты отклонения набок (Старонижестеблиевская 1/14; Веселая Роща 24/3; один из двух костяков в Суворове 1/7 и др.), разновидности сидячей или полусидячей позы (Гонова могила погребение 2; Кюлевча погребения 27 и 33; Ар-Хара II, парное погребение 27/3). Особый интерес в этой связи представляют скорченные на боку «адоративные» погребения из курганов Нижнего Поволжья, включенные в сводку (*Дремов*, *Юдин*, 1992.) комплексы Политотдельское 12/15 и 18 в камерных, скорее всего подбойных могилах, и незаслуженно забытое аналогичное погребение 54/4 Калиновского могильника (*Шилов*, 1959.) с чисто хвалынским сосудом и костяным острием, представляющим собой разновидность или скорее прообраз стержневидных изогнутых булавок позднейших степных новосвободненских или нижнемихайловско-новосвободненских групп. Учитывая обрядовые показатели – скорченное на правом боку положе-

ние с завалом туловища на живот, помещение рук перед лицевой частью черепа и южную ориентировку, – данное погребение можно считать наиболее ранним среди всех известных степных новосвободненских.

Особняком стоят несколько памятников, в инвентаре или обряде которых заметны особенно архаичные признаки. Таков уже упоминавшийся курган 1 у **Старонижестеблиевской**, замечательный в своем роде, но крайне неквалифицированно раскопанный памятник (*Шаталин*, 1982). Под возведенной по крайней мере в 3 приема насыпью высотой 5,90 и диаметром более 35 м. открыта серия разновременных погребений, среди которых как минимум 4 по сопровождающему инвентарю (костяные украшения мариупольских типов) относятся к раннему энеолиту (погребение 13 в северной поле, самое богатое, совершено в скорченном положении на левом боку головой к северу; погребение 14 – в северной поле, в скорченном положении на спине с завалом влево и головой к югу; погребение 29 – под центром кургана, взрослый, в скорченном положении на спине головой к северу; погребение 30 – под центром кургана, взрослый и два ребенка, все в скорченном положении на спине головами к югу)[3].

Исключительное значение данного памятника состоит в возможности синхронизации его с новоданиловским скорченным погр. XXIV с такими же пластинками, пристроенному к основному ряду погребений **Мариупольского могильника**, где подобные украшения являются массовой находкой. Что показывает распространение в северном и восточном Приазовье обряда скорченного (необязательно только на спине) трупоположения в небольших ямах если не на финальном этапе мариупольских могильников, то по крайней мере непосредственно сразу после него.

Похожий случай – **Чограй II 12/3** на Восточном Маныче (*Кореняко*, 1978). Сильно скорченный на левом боку или на спине с разворотом влево костяк с ЮЮВ ориентировкой, а также остатки трупосожжения были помещены в могилу катакомбной конструкции, причем, насколько можно понять по отчету, именно с сожжением связаны находки кремневой пластины и двух костяных украшений, по сути аналогичных мариупольским украшениям снарезками у концов и со сверлинами по углам. Напомню, что необычная для НДК форма обряда – частичные или полные трупосожжения – представлена в поздних могильниках мариупольской общности: Никольском и Лысогорском (*Телегин*, 1991. С. 52, 54, 74). Остатки трупосожжения с такими же

[3] В качестве основного погребения в кургане Ю.А. Шаталин определил захоронение конца эпохи ранней бронзы, что вызывает сомнения (нет ни выкидов, ни стратиграфических наблюдений). Принципиальное сходство ситуации с рассмотренными выше случаями обнаружения энеолитических могильников под курганными насыпями совершенно очевидно.

украшениями открыты и над НДК погребением XXI Мариупольского могильника (*Макаренко,* 1933. С. 68, 69).

В этой связи уместно вспомнить также архаичное погребение из **Балабинского I** могильника (курган 35, погребение 18) в низовьях Сала, совершенное в подпрямоугольной яме с обильным использованием охры. К сожалению, из-за разрушения полной информации о характере обряда нет. Погребение сопровождалось фрагментом сосуда с обильной раковиной в тесте и узором из прямоугольных полей накольчатого орнамента, разделенных зоной поверхностных оттисков гребенки (*Смирнов*, 1980. С. 173–179). При этом раковинная примесь и поверхностный характер орнаментации свойственны посуде восточной половины мариупольского ареала, а накольчатый орнамент в виде прямоугольных полей известен прежде всего на посуде Никольского могильника или на западе. В данном случае важен глубочайший архаизм керамики достоверно курганного сальского памятника, прямо восходящий к поздненеолитическим прототипам.

Добавлю, что в уже упоминавшемся могильнике **Мухин II**, где захоронения НДК по стратиграфическим данным никак нельзя признать грунтовыми, случайно оказавшимися под курганной насыпью, по планиграфии они еще и пристроены к поле первичной насыпи, возведенной над основным, к сожалению разрушенным погребением (№ 28) в узкой челновидной яме, ориентированной по оси ССВ–ЮЮЗ, форма которой не находит аналогий в НДК, но обычна как для мариупольской, так и для постмариупольской (квитянской) культур. Очевидно, речь идет о постепенном накоплении случаев обнаружения под курганами захоронений или предметов инвентаря, прямо ориентирующих в направлении поздних или финальных проявлений мариупольской культурной общности. Можно предположить, что и в хронологическом плане они могут предшествовать основной серии памятников НДК.

Что же касается сюжета о культурной принадлежности, то здесь правильнее говорить о разнообразии видов погребальной обрядности под древнейшими курганами и рассматривать это как довод в пользу участия в процессе становления и распространения кургана не одной, а по крайней мере нескольких различных в культурном плане групп населения.

Размеры ранних подкурганных или обнаруженных под курганными насыпями кладбищ и состав погребенных по полу и возрасту немаловажны для их оценки. Как правило речь идет о небольших кладбищах, включающих по несколько погребений или погребений и культовых площадок, либо ям. Наряду с одиночными встречаются коллективные или совместные захоронения

разновозрастных или разнополых субъектов. Половозрастной состав – тоже не одни мужчины старших возрастных групп. Захоронения детей и подростков не составляют исключения.

В **Джурджулештах** открыто 5 могильных комплексов: два взрослых субъекта, из которых только один определен как мужчина захоронены в ямах, все три погребения в необычных энеолитических катакомбах были детскими. В гробнице из **Ворошиловграда** помещались останки трех взрослых мужчин в возрасте от 35 до 50 лет (*Потехина*, 1976). **Ямская** гробница содержала останки двух взрослых, однако в этом же кургане, как уже говорилось, таких или подобных камерных сооружений было несколько.

Новоданиловское погребение 9 в катакомбной могиле из кургана 5 могильника **Мухин II** по определению автора раскопок принадлежало женщине 17–20 лет (*Беспалый*, 1994. С. 10 11), хотя в последующих публикациях обозначается как мужское. В близком по стратиграфии соседнем погребении 7, том самом, что скорее всего ошибочно приписывают к константиновской культуре, находились три детских скелета.

В **Кастырском VIII** могильнике на Правобережье Дона в его нижнем течении энеолитические комплексы зафиксированы в двух соседних курганах, в одном из них (13/2) был погребен взрослый субъект с кремневой пластиной и набором характерных наконечников в районе грудной клетки, в другом (14/15) – ребенок с кремневым ножом на пластине и теслом из зеленого камня (*Житников*, 1988).

В качестве примера многомогильных ранних кладбищ под курганами, заслуживает внимания **Койсуг II** возле устья Дона, где в кургане 7 открыто от 10 до 15 захоронений хвалынско-бережновского облика с костяками, скорченными на спине с поднятыми вверх коленями и скорченными на боку. Среди погребенных есть дети, подростки (5 могил) и предположительно неразродившаяся женщина (с младенцем в области живота) (*Максименко*, 1971).

А в прикубанском могильнике: **Батуринский II** курган 3 возведен над основным энеолитическим погребением ребенка (№ 15), после чего в первичную насыпь над ним впущены два парных новоданиловских захоронения с кремневыми пластинами, в одном из которых (№ 20) помещены костяк взрослого и расчлененные останки еще одного человека, а в другом (№ 14) – молодой взрослый и младенец (*Шарафутдинова*, 1983).

В кургане 1 у **Старонижестеблиевской** в низовьях Кубани раннеэнеолитическое кладбище включало не менее 4-5 могил. Антропологические материалы не определялись, ясно лишь, что в трех случаях это были захоронения взрослых, в одном – ребенка, а в коллективном захоронении № 30 помещались останки взрослого и двух детей (*Шаталин,* 1982).

В кургане 6 могильника **Константиновский 6** на Кавминводах энеолитические комплексы представлены парным захоронением двух детей с выразительным набором инвентаря (медные браслеты и нашивки, кремневая пластина, набор бус, керамический сосуд) и погребением взрослого мужчины, при котором находились кремневая пластина и мелкий фрагмент стенки сосуда. Замечу, что для объяснения подобной диспропорции предлагается уже знакомый «социологический» вариант, согласно которому «на статус детского погребения… мог распространятся статус его родителей. Вследствие этого могила ребенка сопровождалась престижным инвентарем такого же или почти такого же высокого ранга, как и захоронение взрослого человека, за исключением оружия (стрел, булав)» (*Кореневский*, *Березин*, 2017). Вольность трактовки «такого же или почти такого же» применительно к данному случаю оставляю на совести авторов.

Во многих случаях, при недостатке стратиграфических данных и невозможности точно датировать абсолютно все погребения, «богатые» энеолитические комплексы легко узнаваемы, а синхронные или близкие по времени безынвентарные оказываются без точной атрибуции. Показателен в этом отношении **Шляховский** курган в Нижнем Поволжье, где одно погребение (№ 3) со скорченным на спине костяком (мужчина 35–40 лет) сопровождалось зооморфным каменным скипетром и характерными новоданиловскими кремневыми наконечниками тяжелых стрел или дротиков, а расположенное рядом невыразительное погребение взрослого человека (№ 4) определено в качестве энеолитического только по наличию в обеих могилах половинок от одной сломанной кремневой пластины (*Клепиков*, 1994).

Очевидно, при характеристике НДК методически неверно выбирать одни только «престижные» инвентарные яркие комплексы и на этом основании выдвигать гипотезы об элитарности или «бигменской» доминанте в их смысловом содержании. Приведенные примеры говорят скорее о том, что основные изменения, имеющие выраженный социальный подтекст, сводятся к отходу от стационарных, часто крупных по размерам грунтовых некрополей позднего неолита-энеолита (хотя в лесостепи и в долинах крупных рек они сохраняются и в позднем энеолите, и в бронзовом веке) в пользу кладбищ небольших коллективов буквально семейного масштаба. Это видно по численности и составу как курганных, так и грунтовых или неопределенных по этому показателю некрополей. В плане общей преемственности рассматриваемые энеолитические памятники являются бесспорными предтечами многовековых степных традиций, что особенно рельефно на примере совместных парных и тройных захоронений, представляющих собой

яркую отличительную черту целой свиты степных скотоводческих культур вплоть до эпохи железа.

Выяснение смыслового значения курганного обряда, как, впрочем, и любые другие попытки проникновения в семантику древних обрядов и первобытных культур, – тема весьма деликатная. Любые решения здесь почти всегда сохраняют больший или меньший элемент гипотетичности, а ряд аспектов может вообще оказаться за границами информационных возможностей наших источников. Тем не менее, отмеченная выше культурная преемственность (выражающаяся отнюдь не только в традиции совместных погребений, но во множестве самых разнопорядковых признаков и показателей) мобильных степных скотоводческих обществ, особенно отчетливая на примере культур энеолита – бронзового века, позволяет высказать ряд положений, основанных на изучении более поздних, но одновременно и более массовых материалов.

Порядок формирования, состав и планировка подкурганных кладбищ группы культур погребений с повозками (новотиторовская, буджакская и др.) и сменяющих их культур катакомбной общности свидетельствуют не только о фиксации прижизненных отношений и родственных связей между погребенными, но и о символическом воспроизведении подвижного жилища-повозки в устройстве могильного сооружения, а также реального становища – лагеря – крааля в планиграфии всего кладбища. Иными словами, курган мог мыслиться, и скорее всего мыслился, не как дорога на тот свет, не как «вход» или «точка перехода», а как своего рода «поселение предков – «отцов», так или иначе соотнесенное с определенными точками мира живых.

Картографирование курганных памятников (и с учетом размеров самих насыпей, и с позиций их культурной принадлежности в различных территориальных или ландшафтных зонах, и с точки зрения половозрастного состава погребенных определенной археологической культуры) свидетельствует, что ни курган, ни даже курганный могильник не могут являться кладбищем даже относительно небольшой семейной группы. Общее или «совокупное» кладбище коллектива, способного реализовать необходимый минимум земляных работ (даже при допущении широкой кооперации с соседями) и оставить адекватное его естественной структуре число захоронений, должно включать как минимум несколько курганных могильников. Отчетливые различия состава погребенных в курганах пригодных для зимников приморских областей и пастбищных участков открытых степей обрисовывает если не границы экономических зон коллективов и культурных групп и маршруты их передвижений, то по крайней мере стратегию освоения террито-

рий. Стратегию, подразумевающую создание серии удаленных друг от друга «парциальных» кладбищ (*Гей,* 1990, 1993)[4].

Нет никаких оснований видеть в такой ситуации отражение хаотического «броуновского» движения отдельных семейных и родовых коллективов с захоронением каждого нового умершего в том пункте, где его застала смерть. Против этого свидетельствует и достаточно четкая картина размежевания отдельных культурных типов и вариантов в степной полосе, и факты, свидетельствующие о связях серий погребений одного кургана между собой, и этнографические материалы (доставка умерших на удаленное родовое кладбище). Гораздо логичнее выглядит объяснение указанных выше особенностей, если признать курган своеобразным (и очень выразительным) межевым знаком, обозначением прав или претензий коллектива на определенную (экономическую) территорию или участок. Такое понимание позволяет согласовать между собой и одновременно объяснить множество моментов: особенности приуроченности и плотности курганных памятников, неодновременность их распространения в разных районах (очевидное запаздывание на малопригодных для хозяйственного использования, например засушливых землях, что явственно видно в случае с водораздельными пространствами в северных районах Ростовской области и прилегающих к ним с запада областей Украины), заметную диспропорцию между обилием курганных насыпей и малым числом погребенных в них, случаи «присвоения» более древних курганов пришлым населением с подчеркнутой маркировкой их своими погребениями и т.д.[5]

Все это хорошо согласуется с известными из этнографии и письменных источников данными по разным культурам и традициям позднейших эпох. «Земля, в которой покоились мертвые, признавалась священною, недоступ-

[4] Сходные наблюдения (и близкое понимание) имеются для памятников Калмыкии, где фиксируется определенная сезонность совершения захоронений разных культур и сезонность освоения данных территорий небольшими коллективами, особенно отчетливые в энеолите и на начальной стадии эпохи ранней бронзы (*Шишлина*, 2007. С. 287–292, 301, 302 и др.).

[5] Близкая трактовка проблемы содержится в сравнительно недавно появившейся работе А.В. Епимахова, рассмотревшего южноуральские погребальные памятники бронзового века, преимущественно среднего и позднего его этапов, в свете теоретических построений зарубежных исследователей. При сходном понимании погребальных памятников как «средства обоснования прав на ресурсы» он все же не акцентирует внимания на роли именно курганной традиции как наиболее выразительного способа маркировки в обществах мобильных скотоводов, а, кроме того, с учетом специфики Южного Урала отмечает в первую очередь важность маркировки рудных источников, а не хозяйственных территорий в целом. Заключение о том, что обозначение прав или претензий на участки территории имело ситуационный характер, проявлялось в отдельные периоды и только в некоторых культурных группах (*Епимахов*, 2013), также показывает, что речь в его работе идет о локальных проявлениях более общих, как представляется мне, принципов.

ною чужеродцам и не подлежала отчуждению. По свидетельству Нестора, славяне-язычники сжигали мертвых, а пепел их собирали в малые сосуды и ставили их «на столпе, на путех», т.е. ставили погребальные урны на пограничных термах, возле дороги, ведущей в родовое владение при самом входе в него» (*Афанасьев*, 1995. Т. 2. С. 50.).

Интересна и показательна с этой точки зрения связь римского бога границ и межевых знаков Терминуса с подземным миром мертвых, т.е. предков (*Штаерман*, 1987. С. 49 – ссылка на Pseudoacr.). Собственно, Термúн (Terminus) – не единое божество. Свой Термúн имелся у каждой семьи и охранял границы ее владений. В праздник Терминалий соседи сообща приносили жертвы своим Терминам, *выливая мед и молоко* (ср. с возлияниями сомы) в сделанную у межевого камня яму, умащивая и увенчивая сам камень, что по мнению исследовательницы [МНМ, 1991-1992. Т. 2. С. 501] говорит о хтонической природе данного божества. Интимно-семейный характер культа и все упоминаемые в этой связи детали определенно указывают на то, что такое жертвоприношение адресовалось не хтоническим чудовищам, а сопричастным подземному миру предкам (предку?), гарантировавшим неприкосновенность границ родовой территории. Учреждение культа Термина приписывалось Нуме. Это противоречит массовости и домашнему или семейному характеру ритуала, свидетельствующим о глубокой древности данного культа. Нуме же, как отмечает и Е.М. Штаерман, скорее всего принадлежит учреждение государственного культа единого Термина, символизирующего нерушимость границ Рима и практиковавшегося на Капитолии (ссылка на Ovid. Fast. II, 667 и след.).

Практически то же самое отмечено и у восточных славян (*Шеппинг*, 2014. С. 128), в частности у белорусов, которые еще в XIX в. рассказывали, «что у каждого хозяина есть свой Чур – бог, оберегающий границы его поземельных владений» (*Афанасьев*, 1995. Т. 2. С. 48.). С прозрачной и для современного уха этимологией: *Чур = Щур = праЩур*[6].

Определение кургана/кладбища как межевого знака, обозначающего принадлежность данной местности данному коллективу, позволяет в свою очередь сделать несколько важных для нашей темы заключений. Первое касается распространенного мнения о выделении и обозначении мест захоронения в равнинных и пустынных ландшафтах. Правильным оно будет только при

[6] Логичным представляется и отражение структурных и семантических связей культа предков, мест их погребения и границ территории коллектива в языке. Признавая необходимость ее специальной разработки профессиональными лингвистами, ограничусь одной вероятной параллелью: греч.: χολώνη – **холм, могильный курган;** лат.: collis – **холм**, columen – вершина, columna – **межевой столб, граница**; colonia – **земельная собственность**. («О, Русская земля, уж за *шеломенем* еси»?!).

одном уточнении – возведение насыпей, столбление территории курганами это знаки в первую очередь для *чужих*, не для *своих*. Свои способны отыскать традиционные места захоронения и по неприметным естественным зацепкам. Или обозначить их гораздо менее броскими и трудозатратными способами.

Второе показывает, что именно причастностью к межеванию племенных территорий, а не мнимой высокой степенью социальной дифференциации энеолитических обществ, по-видимому, следует объяснять отчетливо выраженный манифестационный характер (или облик) значительного числа ранних погребений, насыщенность их оружием (стрелы или дротики), украшениями, необычными предметами с ярко выраженной символической или магической составляющей (навершия, скипетры). По мере «привыкания» и освоения пространств, элемент рутины возрастает, пафос снижается, контингент достойных подкурганного захоронения очень заметно расширяется, что собственно и наблюдается на примере ряда сменяющих друг друга общностей раннего, среднего и даже позднего (хотя здесь вступают иные факторы) периодов эпохи бронзы.

Обращаясь к смысловым моментам обрядности правомерно уточнить вопрос, что именно столбили и делили ранние скотоводы. Распределение древнейших курганов достаточно четко показывает, что наиболее важными и ценимыми для них являлись не только приречные, богатые травой и водой пастбищные угодья, или зоны зимников, но и области контактов с принципиально отличающимися по укладу, характеру хозяйственной деятельности, можно сказать даже по уровню развития обществами. Т.е. территории, перспективные в плане доступа к земледельческой продукции (хотя это вопрос) и (здесь сомнений быть не может) к тогдашнему «дефициту» – металлу, технологии его получения и обработки, не исключено – к сырьевым источникам. Вероятно, именно этим объясняется очень раннее распространение курганных памятников и на Дунае, и в Предкавказье.

В общем и целом – совместное и, очевидно, взаимосвязанное распространение кургана и памятников НДК[7] в очень широких пределах или буквально от Волги до Среднего Дуная (или на участке протяженностью около 2000 км в широтном и от 400 до 600 км в меридиональном направлениях) показывает, что именно в этот исторический момент и происходит формирование подвижных форм скотоводства. Принципиально важным показателем этого является сочетание трех явлений, появляющихся практически одновременно. Первое – широкое распространение небольших (семейных?) могильни-

[7] Отмеченных единством или сходством целого ряда форм в обряде и типах инвентаря, но все же неоднородных в генетическом отношении.

ков. Второе – появление таких могильников далеко от границ компактного ареала памятников сходного культурного типа (Чонград, являющийся несомненным аналогом новоданиловским памятникам Причерноморья и Предкавказья, на Среднем Дунае; Старонижестеблиевская с выразительными наборами инвентаря, характерного для позднейшей группы мариупольских могильников, в Западном Предкавказье). Третье – строительство на значительной части таких могильников курганных насыпей, несомненных в одних и, как я пытался показать, достаточно вероятных в других случаях.

Очевидно, что формы хозяйства оставивших такие могильники групп энеолитического населения заслуживают обозначения как полукочевая и кочевая. Все гипотезы о более позднем формировании кочевничества (например, в раннем железном веке) фиксируют лишь факты повторного широкого распространения именно этих типов экономики, что неоднократно происходило в связи с колебательными изменениями климатических параметров. И не более того. Популярными в археологической литературе прошлого века заключениями о пастушеском скотоводстве в различных археологических культурах энеолита-бронзового века степей такой масштаб курганного строительства, какой мы наблюдаем, объяснить трудно, даже невозможно.

Выводы. Несмотря на немногочисленность ранних материалов есть серьезные основания говорить о сложении (а не просто появлении) курганной формы кладбищ уже в середине –второй половине V тыс. до н.э. в рамках если не совершенно различных, то по крайней мере заметно различающихся культурных традиций или групп населения западного сектора евразийского степного коридора.

Сравнительно быстрое и широкое его распространение в энеолитическую эпоху является результатом серьезных изменений в экономике, хозяйственной деятельности и образе жизни населения степной по преимуществу зоны, связанных с формированием особого хозяйственно-культурного типа – подвижных или мобильных степных скотоводов.

Смысловой доминантой курганного обряда выступает идея столбления/обозначения/маркирования экономических территорий (пастбищ, водопоев, зимников) данного конкретного коллектива. Представляется весьма вероятным, что развитие практики дискретных и дисперсных кладбищ, покрывающих экономическую территорию коллектива, явилось одной из основных причин, предопределивших прочное сцепление культа предков и сопряженных с ним ритуальных действий с темой охраны границ родовых или племенных территорий. Приведенные выше наблюдения являются скорее всего отражениями такого слияния в позднейших индоевропейских культурах, своеобразным «родимым пятном»

степной индоевропейской прародины. Что, впрочем, не исключает возможности заимствования или воспроизведения в более позднее время этого ментального и одновременно обрядового комплекса другими этнокультурными традициями (например, тюркской, позаимствовавшей очень многое у своих предшественников). Социальные факторы в данном случае проявляются опосредованно и постольку, поскольку качественное преобразование системы хозяйства, естественно, не могло не повлечь за собой структурных изменений в самих обществах. Они в данном случае вторичны, и вряд ли оправдано говорить о социальном расслоении (ранжировании, стратификации, лидерстве, «бигменстве» и т.д.) как главной предпосылке сложения курганного обряда.

ЛИТЕРАТУРА И АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Афанасьев А.Н., 1995. Поэтические воззрения славян на природу. Опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований, в связи с мифическими сказаниями других родственных народов. Т. 1–3. М. <переиздание труда1865–1869 гг.>.

Белов А.Ф., Ляшко С.Н., 1991. Об одном из аспектов возникновения курганного погребального обряда степей Восточной Европы // Древности степного Причерноморья и Крыма. Вып. II. Запорожье. С. 28–30.

Беспалый Е.И., 1994. Раскопки в 1993 году // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1993 году. Вып. 13. Азов.

Братченко С.Н., 1972. Звіт за дослідження Сіверськодонецької експедиції біля м. Олександрівськ // Архив ИА НАНУ. 1972/23.

Гей А.Н., 1985. Переход от неолита к бронзовому веку в степной полосе Северного Причерноморья (о роли племен мариупольской провинции в сложении степных скотоводческих культур эпохи бронзы) // Автореф. дисс. … канд. ист. наук. М.

Гей А.Н., 1990. Опыт палеодемографического анализа общества степных скотоводов эпохи бронзы: по погребальным памятникам Прикубанья // КСИА. Вып. 201. С. 78–87.

Гей А.Н., 1993. Проблема социальной дифференциации и эволюции общества степных скотоводов эпохи бронзы (на примере новотиторовской и катакомбной культур Степного Прикубанья) // Социальная дифференциация общества. М.: Наука. С. 42–77.

Гей А.Н., 1999. О некоторых символических моментах погребальной обрядности степных скотоводов Предкавказья в эпоху бронзы // Погребальный обряд. Реконструкция и интерпретация древних идеологических представлений. М.: Вост. лит. С. 78–113.

Городцов В.А., 1907. Результаты археологических исследований в Бахмутском уезде Екатеринославской губернии 1903 года. Труды XIII Археологического Съезда. Т. 1. М.

Даниленко В.М., Шмаглій М.М., 1972. Про один поворотний момент в історії енеолітичного населення Південної Європи // Археологія. Вип. 6. С. 3–20.

Дремов И.И., Юдин А.И., 1992. Древнейшие подкурганные захоронения степного Поволжья // РА. № 4. С. 18–30.

Епимахов А.В., 2013. Гипотеза 8 Артура Сакса и погребальные памятники бронзового века Южного Урала // КСИА. Вып. 229. С. 25–33.

Житников В.Г., 1988. Отчет о работе Константиновского отряда РГУ в зоне строительства Константиновской ОС в 1987 г. // Архив ИА РАН. Р-I. № 12129.

Збенович В.Г., 1973. Енеоліт північно- західного Причорномор`я // Матеріали з антропології України. Київ.

Клепиков В.М., 1994. Погребение позднеэнеолитического времени у х. Шляховский в Нижнем Поволжье // РА. № 3. С. 97–102.

Клименко В.Ф., 1972. Раскопки курганов в Центральном Донбассе // АО 1971 года. М.

Кореневский С.Н., 2011. Становление курганного обряда в Предкавказье и Доно-Волжском междуречье // Труды III (XIX) ВАС. СПб-М.; В. Новгород. Т. I. С. 228, 229.

Кореневский С.Н., 2012а. Древнейшие курганы Предкавказья в сравнении с майкопско-новосвободненской курганной традицией и материалами ее бытовых памятников // Новейшие открытия в археологии Северного Кавказа: исследования и интерпретации. XXVII Крупновские чтения. Материалы междунар. научн. конф. Махачкала, 2012. С. 76, 77.

Кореневский С.Н., 2012б. Рождение кургана (погребальные памятники энеолитического времени Предкавказья и Волго-Донского междуречья). М.: Таус. 256 с.

Кореневский С.Н., Березин Я.Б., 2017. Энеолитические погребения кургана 6 могильника Константиновский-6 // Stratum plus. № 2. С. 385–396.

Кореняко В.А., 1978. Отчет о работе Арзгирского отряда Ставропольской экспедиции ИА АН СССР в 1977 г. // Архив ИА РАН. Р-I. № 7223.

Котова Н.С., 2006. Ранний энеолит степного Поднепровья и Приазовья. Луганск.

Круглов А.П., Подгаецкий Г.В., Пиотровский Б.Б., 1941. Могильник в г. Нальчике // Материалы по археологии Кабардино-Балкарии. М.-Л. (МИА. № 3). С. 67–146.

Макаренко М., 1933. Маріупольский могильник. Київ.

Максименко В.Е., 1971. Отчет о раскопках Койсугского курганного могильника в 1970 году // Архив ИА РАН. Р-I. № 4078.

Мерперт Н.Я., 1968. Древнейшая история степной полосы Восточной Европы (III – начало II тыс. до н.э.). Дисс. … д-ра ист. наук // Архив ИА РАН. Р-2. № 2010–2012.

Мерперт Н.Я., 1974. Древнейшие скотоводы Волжско-Уральского междуречья. М.: Наука, 174 с.

МНМ, 1991-1992 – Мифы народов Мира. Энциклопедия. Т. 1, 2. М. (2-е изд.).

Мовша Т.Г., Чеботаренко Г.Ф., 1969. Энеолитическое курганное погребение у ст. Кайнары // КСИА. Вып. 115. С. 45–49.

Моргунова Н.Л., 2011. Энеолит Волжско-Уральского междуречья. Оренбург, Изд-во ОГПУ. 220 с.

Нечитайло А.Л., 1996. Европейская степная общность в эпоху энеолита // РА. № 4. С. 18–30.

Нечитайло А.Л., 2001. XX век: новоданиловская культура. Итоги изучения // XV Уральское археологическое совещание. Тез. докл. конф. Оренбург. С. 52, 53.

Нечитайло А.Л., 2002. Основы общности культур степного энеолита // Северное Причерноморье: от энеолита к античности. Тирасполь. С. 9–20.

Нечитайло А.Л., Козюменко Е.В., Жеребилов С.Е., 1998. Новые погребальные памятники эпохи энеолит // Проблемі археологіі Подніпров′я. Дніпропетровськ. С. 58–69.

Николаева Н.А., 1986. Исследование курганов в зоне строительства рисовой КАРОС на землях совхоза Джангр Октябрьского р-на Калмыцкой АССР в 1985 г. // Архив ИА РАН. Р-I. № 9378.

Пестрикова В.И., 1987. Хвалынский энеолитический могильник как исторический источник // Автореф. дис. … канд. ист. наук. М.

Пестрикова В.И., Агапов Д.С., 2010. Хвалынский I энеолитический могильник как исторический источник // Хвалынские энеолитические могильники и хвалынская энеолитическая культура. Самара.

Писларий И.А., Кротова А.А., Клочко Т.Н., 1976. Погребение эпохи энеолита в г. Ворошиловграде // Энеолит и бронзовый век Украины. Киев, Наук. думка.

Потехина И.Д., 1976. Черепа из энеолитического могильника в г. Ворошиловграде // Энеолит и бронзовый век Украины. Киев, Наук. думка.

Рыбаков Б.А., 1981. Язычество древних славян. М.: Наука. 608 с.

Синюк А.Т., 1996. К оценке результатов использования курганных погребений эпохи бронзы в палеодемографии // Археологические исследования высшей педагогической школы. Воронеж. С. 9–21.

Синицын И.В., 1959. Археологические исследования Заволжского отряда (1951–1953) // МИА № 60. М. С. 39–205.

Смирнов Ю.А., 1980. Погребение с бычьими черепами в Нижнем Подонье // СА. № 4. С. 173–180.

Телегин Д.Я., 1973. Средньо-стогівська культура епохи міді. Київ, Наук. думка. 171 с.

Телегин Д.Я., 1991. Неолитические могильники мариупольского типа. Киев, Наук. думка. 96 с.

Телегин Д.Я., Нечитайло А.Л., Потехина И.Д., Панченко Ю.В., 2001. Среднестоговская и новоданиловская культуры энеолита Азово-Черноморского региона. Луганск: Шлях. 152 с.

Формозов А.А., 1980. Памятники первобытного искусства на территории СССР. М.: Наука. 136 с.

Черных Е.Н., Орловская Л.Б., 2004. Радиоуглеродная хронология энеолитических культур Юго-Восточной Европы: результаты и проблемы исследований // РА. № 4. С. 24–37.

Черных Е.Н., Орловская Л.Б., 2010. Радиоуглеродная хронология Хвалынских некрополей // Хвалынские энеолитические могильники и хвалынская энеолитическая культура. Самара. С. 121–129.

Шапошникова О.Г., 1987. Степные общности и культуры эпохи раннего металла в Северном Причерноморье // Кавказ в системе палеометаллических культур Евразии. Тбилиси.

Шарафутдинова Э.С., 1983. Новые материалы по эпохе энеолита и бронзы в Степном Прикубанье // КСИА. Вып. 176. С. 15–22.

Шаталин Ю.А., 1982. Отчет о раскопках кургана на землях колхоза им. Калинина Красноармейского района Краснодарского края // Архив ИА РАН. Р-I. № 9511.

Шеппинг Д.О., 2014. Мифы славянского язычества. М.: Академический проект; Гаудеамус. 216 с. (переиздание)

Шилов В.П., 1959. Калиновский курганный могильник // Древности Нижнего Поволжья. Т. 1. М. (МИА № 60). С. 323–523.

Шишлина Н.И., 2007. Северо-Западный Прикаспий в эпоху бронзы (V–III тысячелетия до н.э.). М. (Труды ГИМ. Вып. 165). 400 с.

Штаерман Е.М., 1987. Социальные основы религии древнего Рима. М.: Наука. 324 с.

Яровой Е.В., 2001. К вопросу о возникновении курганного строительства в Северо-Западном Причерноморье // XV Уральское археологическое совещание. Тез. докл. конф. Оренбург. С. 125.

Ecsedy I., 1979. The People of the pit-grave kurgans in Eastern Hungary. Budapest, Academiae Kiadò. 149 p.

Gimbutas M., 1956. The Prehistory of Eastern Europe. Part I: Mesolithic, Neolithic and Copper Age Cultures in Russia and the Baltic Area // American School of Prehistoric Research, Harvard University Bulletin No. 20. Cambridge, MA: Peabody Museum.

Govedariça B., 2004. Zepterträger – Herrscher der Steppen. Die frühen Ockergräber des älteren Äneolithikums in Karprtenbalkanischen Gebiet und im Steppenraum Südost- und Osteuropas. Mainz: Philipp von Zabern. 426 p.

Rassamakin J.J., 2004. Die nordpontische Steppe in der Kupferzeit. Teile I, II // Archäologie in Eurasien. 17. Mainz.

Popescu D., 1941. La tombe à ocre de Casimcea (Dobrogea) // Dacia VII-VIII, 1937–1940. Bucureşti. P. 119–125.

A.N. Gey

THE KURGAN BURIAL RITE OF THE EARLY STOCK-BREEDING CULTURES IN THE EURASIAN STEPPES: DEVELOPMENT AND SEMANTICS

Abstract. The paper reviews the preconditions and the time when special forms of the funerary rite emerged in the Eneolithic and the Early Bronze Age. These issues are related to the construction of kurgan mounds, i.e. a tradition which was widely practiced by cultures and communities of mobile herders inhabiting the steppe and the forest-steppe belts in Eastern Europe and which was adopted by other population groups across vast expanses of Eurasia in the subsequent periods. The author believes that the conceptual focus of the kurgan rite was a need to mark the areas of economic activities and delineate their boundaries rather than create massive funerary monuments for certain social strata or high ranking groups within society as many researchers tend to interpret quite frequently. The phenomenon of kurgans as special partial cemeteries of groups of mobile herders which defined the economic areas exploited by specific groups is the most likely explanation of close linkage between the cult of ancestors and the protection of borders and domains recorded in written and ethnographic materials left behind, in particular, by a number of European (Indo-European?) population groups.

Key words: Eneolithic, Bronze Age, steppe zone, earliest herders, kurgan, funerary rite, semantics of the rite.

Л.И. Авилова

О КЛАДАХ МЕТАЛЛИЧЕСКИХ ИЗДЕЛИЙ В АНАТОЛИИ (ЭНЕОЛИТ – БРОНЗОВЫЙ ВЕК)

Резюме. Статья посвящена исследованию специфического вида археологических комплексов на территории Анатолии – кладам, содержащим металлические изделия. Клад понимается как носитель информации о морфологических, производственных, социальных стандартах древнего общества. База данных включает 31 клад, это почти 32 тысячи находок и 115 спектральных анализов медно/бронзовых изделий. Представлен обзор комплексов, их распределение во времени, состав набора функциональных категорий изделий и металлов, археологический контекст. Материал рассматривается с нескольких точек зрения. Это особенности внедрения, производства и использования металла на протяжении длительного периода – от позднего энеолита до позднего бронзового века включительно (рубеж V–IV – II тыс. до н.э.). Проводится сравнительный анализ комплексов по ряду признаков: набору функциональных классов вещей, материалу изготовления (медь, мышьяковая и оловянная бронзы, драгоценные металлы), хронологии. На основе исследования химического состава анатолийских бронз дается характеристика использовавшихся сплавов по периодам и обсуждается проблема минеральных ресурсов древней анатолийской металлургии, подчеркивается роль местных рудных источников и развитой сети торговых связей. Особое внимание уделено проблеме источников олова в связи с переходом от мышьяковой бронзы к оловянной бронзе при переходе от Трои I к Трое II. Предлагается ряд выводов о связи изменений в металлопроизводстве с общей культурно-исторической ситуацией в регионе, а именно с появлением городских центров, которые стали узловыми пунктами в сети обмена III тыс. до н.э., зонами взаимодействия с передовыми регионами. В это время происходит формирование государств и властных элит. В ряде случаев наблюдается связь кладов с культовыми и общественными сооружениями, что свидетельствует о символической роли этих комплексов. Развитые системы обмена с использованием металла как эквивалента ценности являются признаком ранних цивилизаций ближневосточного типа, что отражается в стандартизации металлопроизводства. Материалы позднебронзового века дают основания для вывода о завершении этого процесса. Наблюдается перераспределение общественной энергии из сферы идеологии в область практического использования металла как предмета вооружения и торговли.

Ключевые слова: Анатолия, энеолит, бронзовый век, комплекс, клад, база данных, морфологические классы изделий, металлы, сплавы, производство, минеральные ресурсы, системы обмена, социальное развитие, цивилизация.

https://doi.org/10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-284-1.37-.90

Óдин… сказал, что каждый должен прийти в Валгаллу с тем добром, которое было с ним на костре, и пользоваться тем, что он сам закопал в землю.

Снорри Стурлусон. Круг земной.

При исследовании производства и использования металла на территории Анатолии привлекает внимание специфический тип археологических комплексов – клады, содержащие металлические изделия. В чем состоит специфика клада как археологического источника? Прежде всего, вещи помещали в клады целенаправленно в отличие от находок на поселениях. Если в погребальных комплексах отбор категорий инвентаря определялся соображениями ритуального характера, то сокрытие вещей в кладе часто имело более практическую цель – сохранение ценностей для их дальнейшего использования. Обзор кладовых комплексов, их распределение во времени, набор функциональных категорий изделий и металлов, представленных в них, интересен с точки зрения исследования динамики внедрения металла и изменения его роли в обществе. Состав кладов имеет также отношение к рассмотрению общих вопросов реконструкции экономических систем Древнего Востока, в частности, моделей обмена (перераспределение, дарообмен) и использования металла как эквивалента ценности. Наконец, наблюдаемая в ряде случаев связь кладов с культовыми и общественными сооружениями заставляет задуматься о символической роли этих комплексов.

Работы историков по проблемам ближневосточной экономики опираются в основном на сведения письменных источников. В них имеются важные для интерпретации археологического материала положения о значимости социальной системы и культурного контекста для развития таких особенностей древней экономики, как ее тесная связь с политической властью, идеологией, системой перераспределения ценностей, ролью храмовых организаций (*Дьяконов*, 1959. С. 145; ИДВ, 1983. С. 46, 144; ИПО, 1988. С. 382). Несмотря на отсутствие в Анатолии столь ранних письменных источников, можно попытаться рассмотреть анатолийский археологический материал с этой точки зрения.

Возможны и иные подходы к анализу кладов как типа комплексов, когда центр интересов исследователя переносится с проблем производства и использования на специфику роли кладов в социальной практике. В последнее время появляются работы, в которых главным для ученого становится реконструкция мотивов и механизмов некоторых видов социального поведения. Это дарообмен, рассматриваемый с точки зрения взаимодействия групп,

стоящих на одном или на разных уровнях общественного развития; подношения потусторонним силам и божествам, вотивы, причем сравнения комплексов и обстоятельств их сокрытия проводятся в чрезвычайно широких территориальных и хронологических рамках. Клады рассматриваются как «тотальный» общественный феномен, в котором одновременно отражаются все типы общественных институтов – религиозных, правовых, моральных и экономических. Так, сборник «Hort und Raum» (2012) посвящен проблемам связи кладов Средней Европы с окружающим ландшафтом, выявлению закономерностей депонирования кладов в связи с наличием локусов определенного типа – «священных мест» (источник, река, болото) (*Fontijn*, 2012; *Hansen*, 2012). С этой точки зрения в статьях сборника рассматриваются разновременные материалы – от неолита до Римского времени.

Поиск нового угла зрения на уже известные комплексы вполне правомерен, хотя иногда высказывания его сторонников принимают крайние формы: «…пока… считали, что речь идет о тайниках торговцев, которые не могли вернуть себе спрятанное из-за военных событий, у такого рода исследований не существовало *никакой осмысленной перспективы*» (Курсив мой – *Л.А.*) (*Хансен*, 2013. С. 288.).

Примером плодотворности традиционного подхода к анализу феномена кладов эпохи бронзы является статья А. Бобохяна, в которой клады раннего и среднего периодов бронзового века рассматриваются в пределах культурной провинции, включающей Северный Кавказ, Закавказье и Восточную Анатолию (*Bobokhyan*, 2006). Сравнение комплексов проводится по признакам наличия определенных классов изделий (оружия, украшений, орудий); материала изготовления (мышьяковая и оловянная бронза, драгоценные металлы) и хронологической позиции клада. Клад понимается как носитель информации о морфологических, производственных, социальных стандартах общества, что дает основания ставить вопрос о связи кладов с определенными типами памятников в различных историко-культурных регионах (Кавказ и Восточная Анатолия, Эгеида, Европа).

В анатолийском регионе клады известны с позднего энеолита. На материалах этих комплексов представляется возможным проследить динамику в производстве и использовании металлов в течение длительного периода, с рубежа V–IV до середины II тыс. до н.э. В данной статье предлагается попытка рассмотреть эту специфическую группу анатолийского материала, исследовать экономические, производственные и социальные аспекты использования металлических изделий, содержащихся в кладах, и проследить изменение отношения древнего населения к металлу, его практической цен-

ности и символической роли. Основной целью работы является выяснение распределения анатолийских кладовых комплексов по периодам, изучение закономерностей в их составе и культурного контекста.

Методика работы

Работа с кладовыми комплексами имеет свои специфические сложности. Многие находки происходят из старых, недостаточно документированных, раскопок (например, материалы Г. Шлимана) или с рынка антиквариата. Их невозможно считать закрытыми комплексами и соответственно не для всех можно провести достоверные подсчеты находок. Но эти блестящие комплексы давно вошли в научную литературу и стали основой для исследования важнейших проблем реконструкции экономического и социального развития общества (*Easton*, 1984; 1994; *Трейстер*, 1996). И ограничиваться при комплексном исследовании только немногочисленными кладами, найденными в ходе профессиональных раскопок, было бы неверно, поскольку в таком случае источниковая база оказалась бы неправомерно суженной. Поэтому особо важным аспектом данного исследования стала критика источника с привлечением сведений по датировке, археологическому контексту, степени сохранности, количественным характеристикам, набору категорий и пр. С учетом этих данных проводится статистический анализ комплексов.

Автор придерживается апробированной в целом ряде историко-металлургических исследований и ставшей традиционной методики работы с комплексами. В центре внимания находится состав клада – распределение материала по функциональным классам и морфологическим категориям; набор представленных металлов (медь-бронза, золото, серебро); состав сплавов на медной основе. Полученные данные сопоставляются с культурной характеристикой памятника и его хронологической позицией.

Металлам присуща высокая практическая ценность; наряду с ней металлические вещи имеют и ценность «внеэкономическую» т.е. как символы престижа. Такие свойства, как прочность и способность к переработке сделали металл наиболее подходящим материалом для длительного хранения и сокрытия в виде кладов. Учитывая эти свойства, при анализе кладов можно выделять в их составе четыре морфолого-функциональные группы находок:

а) готовые изделия;

б) вещи более или менее стандартизированной формы;

в) слитки и заготовки;

г) лом металла.

Последние три группы изделий можно рассматривать как предназначенные преимущественно для обмена или переработки. Все перечисленные группы могут присутствовать в одном комплексе.

Близкую классификацию предлагает Л. Пейронел в работе, посвященной роли серебра в экономике Ближнего Востока (*Peyronel*, 2010. P. 927).

Характеристика клада включает качественную и количественную стороны. Для получения сопоставимых характеристик комплексов учитывается общее количество вещей, набор функциональных категорий изделий и их доля в процентах от общего числа находок. Наиболее значимыми категориями являются орудия/оружие, украшения, металлические сосуды, предметы с выраженной символической функцией, а также слитки и заготовки. Учитывается материал изготовления (медь-бронза, золото, серебро); доля различных металлов также указывается в процентах к общему числу изделий в кладе (таблица).

При наличии спектральных анализов бронзовых изделий приводится характеристика сплавов на медной основе по каждому комплексу; проводится статистическое сопоставление данных, что дает основание предложить обобщенную оценку набора используемых сплавов по периодам. Обсуждается проблема возможных источников олова (как наиболее актуальная для историко-металлургических исследований металлического инвентаря эпохи бронзы с одной стороны, и системы путей обмена – с другой). В результате такого единообразного описания получаем сопоставимые характеристики комплексов для разных периодов и регионов, что является основанием для выводов производственного и историко-культурного плана.

Материалы

Основой работы стала компьютерная база данных по древним металлическим изделиям, созданная автором по литературным источникам в ходе многолетних сборов (*Авилова*, 2008. С. 18–21). В нашей БД имеются сведения о 31 кладе металлических изделий эпохи раннего металла (энеолит и бронзовый век, рубеж V/IV – II тыс. до н.э.) с территории Анатолии (*Авилова*, *Орловская*, 2002; *Авилова*, 2008; 2011; 2014). К позднему энеолиту относится 1 клад, к раннему бронзовому веку (РБВ) – 4, к среднебронзовому веку (СБВ) – 20, к эпохе поздней бронзы (ПБВ) – 6 (рис. 1). Из них происходит 31914 учтенных находок. Их распределение по периодам неравномерно: энеолит – 15, РБВ – 37, СБВ – 31820, ПБВ – 42 (таблица).

Таблица. Состав анатолийских кладов: материал и категории находок

Хрон.	Памятник, комплекс	Всего предм.	Материал			Орудия/ оружие	Украшения	Сосуды	Символич. предметы	Слитки, заготовки
			бронза	золото	серебро					
МВ	Бейджесултан 34	**15**	14 (93%)		1 (7%)	10 (67%)	1 (7%)			4 (26%)
РБВ	Арслантепе VIA	**22**	22 (100%)		(3 инкруст).	21 (95%)	1 (5%)			
	Бейджесултан 17	**6**	6 (100%)			6 (100%)				
	Тюлинтепе	**6**	6 (100%)			6 (100%)				
	Юсуфели	**3**	3 (100%)			3 (100%)				
СБВ	Троя II, пом.252	**1 284**		1284 (100%)			1284 (100%)			
	Троя II, клад D	**834**		834 (100%)			382 (46%)			452 Au (54%)
	Троя II, пом. 206	**151**		151 (100%)			151 (100%)			
	Троя II–V, клад Ha	**62**		62 (100%)			53 (85%)		9 (15%)	
	Троя II, клад F	**12**		12 (100%)			6 (50%)			6 Au (50%)
	Троя II, клад A	**27 262**	42 (0,02%)	27210 (99,8%)	10	37 (0,01%)	27111 (99,6%)	13	85 (0,04%)	6 Ag, 9 Au,1 бр.
	Троя II, клад J	**171**		169 (99%)	2 (1%)		105 (61%)		5 (3%)	61 Au (36%)
	Эскияпар	**1 765**		1531 (87%)	234 (13%)		1757 (99,5%)	7 (0,5%)	1	
	Троя II, клад R	**8**	2 (25%)	6 (75%)			5 (63%)			3 Au (37%)

Таблица. Окончание

	Троя II, клад L	**100**	+	50 (50%)	50 (50%)					100 Au, Ag (100%)
	Махматлар	**28**	8 (29%)	2 (7%)	18 (64%)	8 (29%)		2 (7%)		
	Троя II, клад N	**39**		2 (5%)	37 (95%)		39 (100%)			
	Троя II, клад O	**2**		2 (100%)			2 (100%)			
	Троя II, клад B	**3**	1 (33%)		2 (67%)			3 (100%)		
	Троя II, клад K	**5**	5 (100%)			3 (60%)	1 (20%)		1 (20%)	
	Троя II, клад C	**1**	1 (100%)			1 (100%)				
	Троада	**383**		383 (100%) электр			383 (100%)			
	Норшун-тепе 7b	**15**	15 (100%)				15 (100%)			
	Тарс, пом. 56	**6**	6 (100%)			6 (100%)				
	Соли	**72**	72 (100%)			67 (93%)			5 (7%)	
ПБВ	Тарс, пом. D	**13**	13 (100%)			12 (92%)		1 (8%)		
	Коруджук	**9**	9 (100%)			4 (44%)		5 (56%)		
	Орду	**8**	8 (100%)			8 (100%)				
	Сазазкале	**6**	6 (100%)			5 (83%)				1 (17%)
	Троя VI, клад P	**5**	5 (100%)			5 (100%)				
	Троя VI, клад Hb	**1**		1 (100%)			1 (100%)			

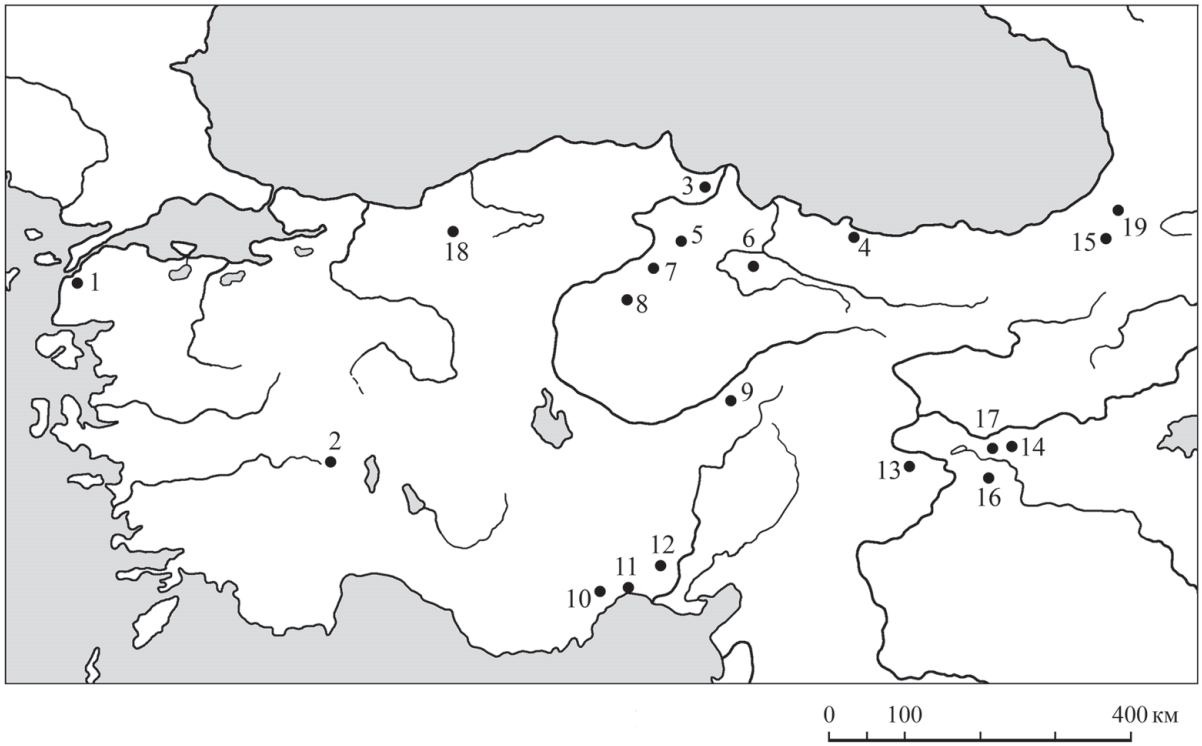


Рис. 1. Анатолия. Памятники, упоминаемые в статье
1 – Троя; *2* – Бейджесултан; *3* – Икизтепе; *4* – Орду; *5* – Махматлар; *6* – Хорозтепе; *7* – Аладжахейюк; *8* – Эскияпар; *9* – Кюльтепе; *10* – Соли; *11* – Мерсин; *12* – Тарс; *13* – Арслантепе; *14* – Норшунтепе; *15* – Юсуфели; *16* – Чайоню-тепеси; *17* – Тюлинтепе; *18* – Коруджук; *19* – Сазазкале

Для позднего энеолита известен единственный достоверный клад из городского поселения Бейджесултан в Юго-Западной Анатолии, слой XXXIV (*Lloyd, Mellaart*, 1963. P. 21, 280–283. Fig. F8. Tab. 34) (рис. 2, *1–15*). Однако ряд ученых на основании исследований керамики склонен датировать соответствующие слои памятника более поздним временем – второй половиной IV тыс. до н.э. (*Mellink*, 1967). Единственная радиоуглеродная дата, полученная из этих слоев (4100–3700 до н.э.), ситуацию не проясняет. Поэтому я традиционно отношу этот комплекс к позднему энеолиту. В кладе 15 предметов (14 медно-бронзовых и 1 серебряный), помещенных в керамический сосуд, стоявший у очага в жилище. Две трети изделий являются орудиями: это 2 шила с упором и 3 без упора, долото, обломок ножа и 3 иглы (у двух ушко сформовано пробивкой, у одной – за счет согнутого верхнего конца стержня). Имеется еще 4 стержневидных предмета, которые авторы публикации именуют неоконченными изделиями, указывая, на то, что они не имеют острого рабочего окончания и упора (*Lloyd, Mellaart*, 1963. P. 280–283; Fig. F8, *8–10*), и скорее всего, являются заготовками или формой хранения

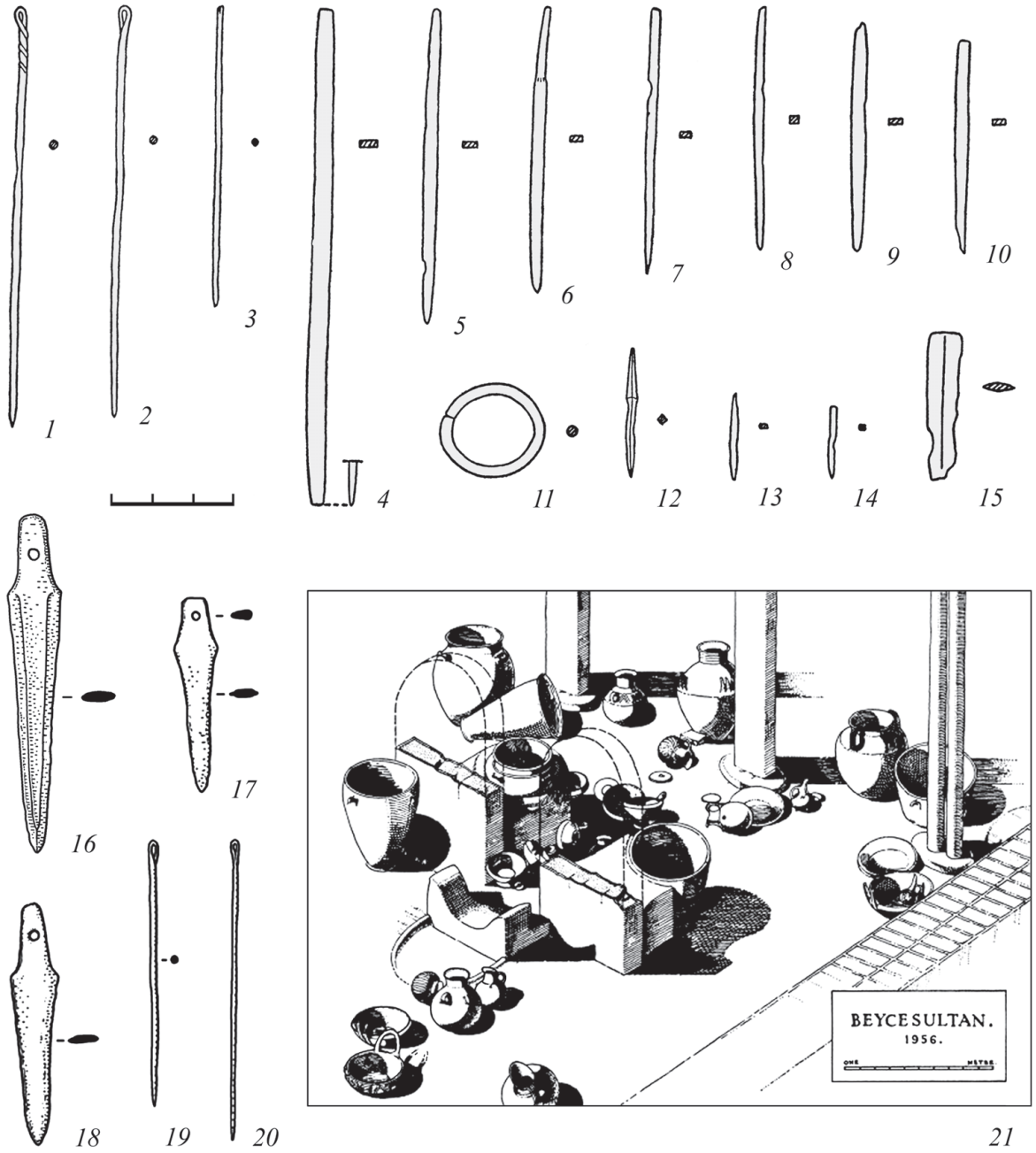


Рис. 2. Металлические изделия из кладов в Бейджесултане
1–15 – слой XXXIV; *16–20* – слой XVII;
21 – реконструкция святилища в слое XVII (по: Lloyd, Mellaart, 1963)
11 – серебро; остальное – бронза

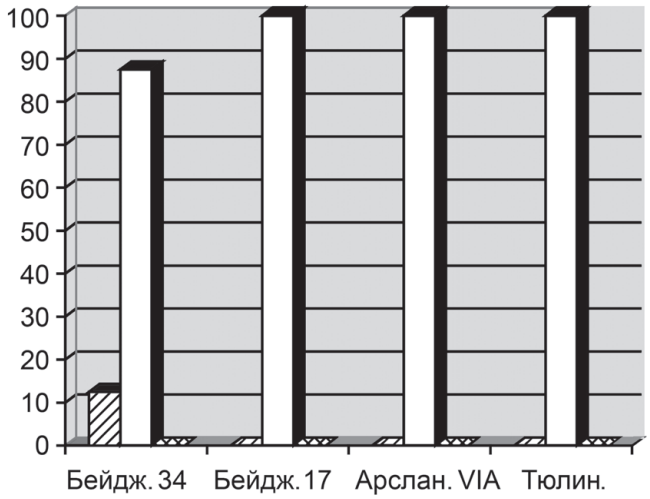
металла. Единственное украшение – серебряное колечко. Таким образом, клад состоит в основном из предметов повседневного использования. Подчеркнем, что их значительное для раннего времени число, присутствие об-

ломанного изделия, стержней без рабочего окончания и единственного для своего времени серебряного украшения свидетельствует о высокой ценности металла и документирует процесс концентрации ценностей в отдельной семейной группе. Семь предметов изготовлены из мышьяковой бронзы (по западной терминологии – мышьяковой меди) с содержанием элемента от 0,8 до 2,4% (в среднем 1,33%), один – из «чистой» меди (гист. 1).

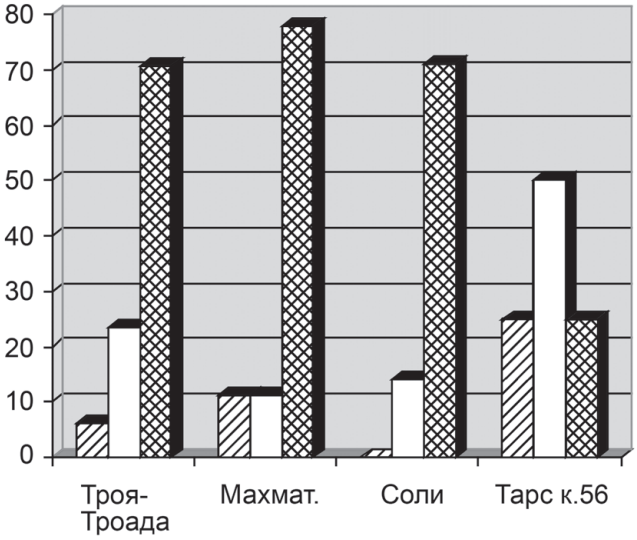
К эпохе ранней бронзы (IV тыс. до н.э.) в Анатолии относится уже несколько кладовых комплексов. На том же поселении Бейджесултан исследован участок с последовательно функционировавшими культовыми постройками. Наиболее раннее святилище в слое XVII (РБВ I) раскопано полностью. Здание представляет собой трехкамерный мегарон; в его центральном помещении находился бассейн, скамья-платформа и алтарь. Из святилища происходит небольшой клад из 6 медно-бронзовых орудий: 3 миниатюрных черенковых ножа с заклепками (длина изделий от 4,3 до 7,6 см) и 3 иглы (*Lloyd, Mellaart*, 1963. Fig. F9, *3–5*; F11, *12–14*; Tab. 35) (рис. 2, *16–21*). Вещи были обнаружены воткнутыми в пол, что свидетельствует о специфическом характере их использования (*Lloyd, Mellaart*, 1963. P. 285). Три предмета проанализированы, все они изготовлены из мышьяковой бронзы (от 1 до 2,3% As) (гист. 1).

Наиболее яркий комплекс эпохи ранней бронзы – клад из городского поселения Арслантепе в Восточной Анатолии, из слоя VIA, надежно датированного по ^{14}C – 3700–3400 до н.э., (что соответствует анатолийскому позднему энеолиту, см. *Yakar*, 2011), иначе говоря, урукским временем (*Palmieri*, 1973; 1978; 1981; *Alessio et al.*, 1983).

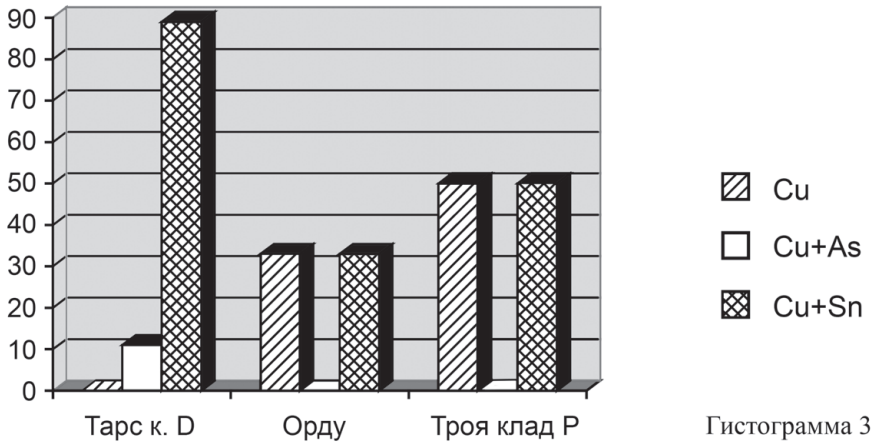
Памятник демонстрирует выраженные следы воздействия месопотамской культурной традиции (Frangipane, 1997). Обширный комплекс культово-административных зданий, построенный по урукским архитектурным канонам, включает кладовые с множеством крупных сосудов для хранения, а также оттисков печатей на сосудах, что говорит о проходивших здесь процессах перераспределения ценностей (*Palmieri*, 1973. P. 315–325). Клад был найден в помещении A113 здания III, и состоял из двух связок предметов: 12 черенковых листовидных копий (длина 42–53,7 см) – первая связка, и вторая – 9 мечей с цельнолитой рукоятью (длина 46–62 см). Рукояти трех мечей украшены инкрустацией из серебряной фольги. В кладе имеется также плоская четырехспиральная бляха (*Palmieri*, 1981. P. 104, 109. Fig. 3, *1–4*) (рис. 3, *1–10*). Это наиболее ранние мечи и копья на Ближнем Востоке. Копья не имеют выраженных морфологических особенностей, тогда как мечи, несмотря на крупные размеры и развитую форму, практически непригодны



Гистограмма 1



Гистограмма 2



Гистограмма 3

Гистограммы. Соотношение сплавов на медной основе в анатолийских кладах
гист. 1 – поздний энеолит и РБВ I; гист. 2 – РБВ II–III; гист. 3 – ПБВ

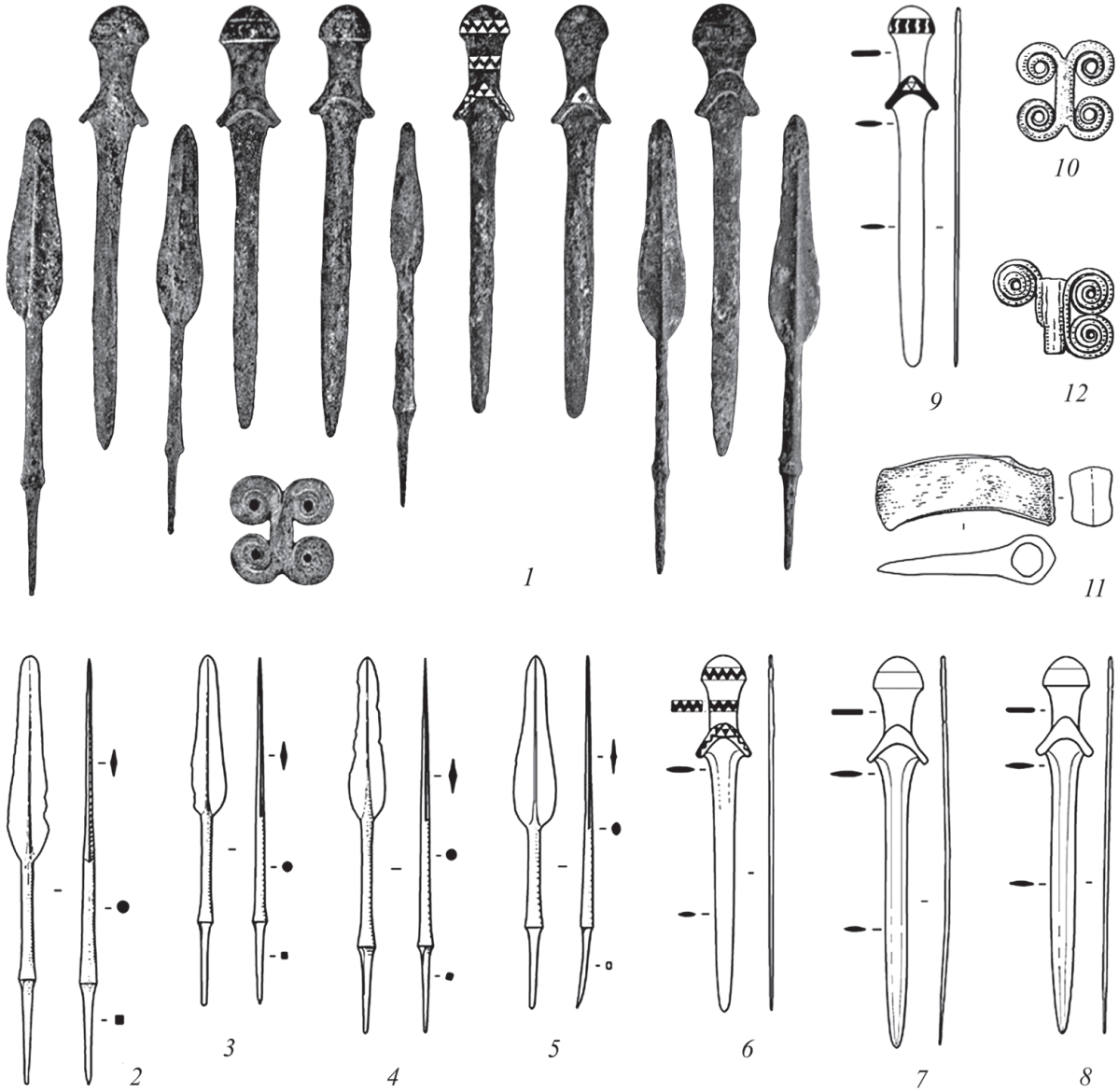


Рис. 3. Металлические изделия из кладов в Арслантепе VIA, Юсуфели и Кюльтепе

1 – общий вид клада из Арслантепе VIA; *2–10* – копья и мечи из клада в Арслантепе VIA (*6, 9* – мечи с инкрустацией серебром); *11* – топор из клада (?) Юсуфели; *12* – золотая пронизка из Кюльтепе II

для использования в качестве боевого оружия: их лезвия заточены, но плоская рукоять равна по толщине лезвию, что делает их неудобными для боя. Вместе с тем по своим внешним характеристикам оружие вполне соответствует церемониальному назначению. Все вещи изготовлены из мышьяковой бронзы (гист. 1). 30 анализов дают от 2,09 до 6,54% мышьяка в сплаве, в среднем 3,52% (*Caneva et al.*, 1985. P. 119).

На восточноанатолийском поселении Тюлинтепе был обнаружен небольшой клад близкого времени (конец IV тыс. до н.э.). Имеется предварительная информация о комплексе, состоящем из кинжала и 5 копий. Неожиданными и важными оказались результаты исследования вещей с помощью электронного сканирующего микроскопа: все предметы были изготовлены из мышьяковой бронзы, но имели оловянное покрытие. Видимо, целью применения этой технологии было имитировать внешний вид серебра. Дж. Мюли расценивает этот комплекс как доказательство экспериментов древних металлургов с новым материалом – оловом. Следующим шагом в развитии технологии стало изготовление медно-оловянных сплавов (*Muhly*, 2011. P. 866).

Из Северной Анатолии (окрестности г. Юсуфели в бассейне р. Чорох) происходит клад (?), состоявший как минимум из трех предметов. Комплекс не опубликован; его контекст неясен, вещи хранятся в Археологическом музее Стамбула. Это три медно-бронзовых топора (The Anatolian…, №№ 6878–6880) со слабоизогнутым широким клином и слегка оттянутым книзу лезвием (рис. 3, *11*). К эпохе ранней бронзы они могут быть отнесены условно, согласно своим морфологическим характеристикам.

В период РБВ III (середина III тыс. до н.э. или средний бронзовый век по историко-металлургической периодизации, см. *Черных и др.*, 2002; *Авилова*, 2008. С. 22, 23. Табл. 1) клады металлических вещей становятся многочисленными. Крупнейшая серия таких комплексов происходит из Трои. Памятник, впервые исследованный Г. Шлиманом (Schliemann, 1881), и поныне остается одним из ключевых для Анатолии и Юго-Восточной Европы (*Blegen et al.*, 1950; 1951; 1953; *Easton et al.*, 2002). Г. Шлиман писал о «горизонте кладов» (Schatzfundhorizont) и относил их ко времени Троянской войны, т.е. датировал их на тысячу лет позже их реальной хронологии. В современном понимании стратиграфической позиции комплексов клады происходят в основном из поздних слоев Трои II (начиная со слоя IId, в основном IIg по Блегену), а часть комплексов связана с ранними горизонтами слоя III (*Bachhuber*, 2009. P. 6. Fig. 2). Подробнее об относительной хронологии троянских кладов см. в работе А.М. Трейстера (1996).

Троя II (РБВ IIb, 2600–2300 гг. до н.э.) – поселение городского типа с оборонительной стеной из сырцовой кладки. Имеются двое монументальных ворот с ЮЗ и ЮВ сторон; к последним ведет каменная мостовая. Цитадель застроена по единому плану, ее площадь занимают 5 больших мегаронов (самый крупный 30 × 14 м), расположенных параллельно друг другу вокруг центрального двора с колоннадой. В центре одного мегарона огромным очаг (диаметром 4 м). Постройки имели общественное и/или культовое назначение. После гибели в пожаре Трои II в культуре Трои III (2300–2200 гг.

до н.э.) отмечаются изменения в архитектуре: теперь цитадель тесно и беспорядочно застроена небольшими домами с каменными стенами, состоящими из 1–3 комнат. Продолжается использование укреплений Трои II. Но материальная культура Трои III является продолжением предшествующей: основная группа керамики – круговая с красным ангобом.

По отношению к троянским кладам всегда остро стоял вопрос о количестве комплексов, достоверности их состава и стратиграфической позиции. Классификацию кладов по признаку достоверности в зависимости от их контекста впервые предложил К. Биттель. Он разделил их на три группы: 1) целенаправленно сокрытые закрытые комплексы, найденные в контейнерах (в том числе клад A в каменном ящике и клады C, D, F, E, I, M в сосудах); 2) комплексы, найденные на полах, под полами или в завалах помещений (клады B, J, K); и 3) вещи, найденные в сомнительном контексте, которые могут представлять собой случайные находки, не составляющие единого комплекса (клады O, Q, R, S) (*Bittel*, 1959. P. 18–19). Вопросы относительной хронологии кладов и их преднамеренного или непреднамеренного характера детально разработаны Д. Истоном (*Easton*, 1997. P. 194–197).

Точное число кладов из Трои определить не удается, исследователями приводятся цифры от 19 до 21 (*Трейстер*, 1996. С. 197–198). Наиболее полной и качественной публикацией металлических изделий из троянских кладов является каталог выставки «Сокровища Трои из раскопок Генриха Шлимана», проходившей в Москве в ГМИИ им. А.С. Пушкина в 1996–1997 гг. (Сокровища…, 1996). В нашей БД учтено 14 кладов, содержащих оружие и орудия из бронзы, многочисленные изделия из драгоценных металлов, слитки и заготовки из золота и серебра (рис. 4). Приведу краткие сведения по составу кладов (таблица).

Клад A. Отсутствие сведений о его точном местоположении, глубине залегания, противоречия в публикациях и дневниковых записях Г. Шлимана относительно обстоятельств находки, сразу же после первых опубликованных статей привели к обвинениям в том, что он сформировал, по крайней мере один, самый крупный комплекс, известный также как «клад Приама», из отдельных предметов, обнаруженных в разных местах древнего города. Эти обвинения встречаются и в современных публикациях (*Traill*, 1983). Дневники Г. Шлимана оставались неизвестными для исследователей до 1990 г., когда к ним получил доступ Д. Истон. Ученый привел документальные доказательства подлинности *комплекса A* и предложил уточненный вариант локализации кладов и их археологического контекста (*Easton*, 1984). По-видимому, правы те исследователи, которые отвергают подозрения в фаль-

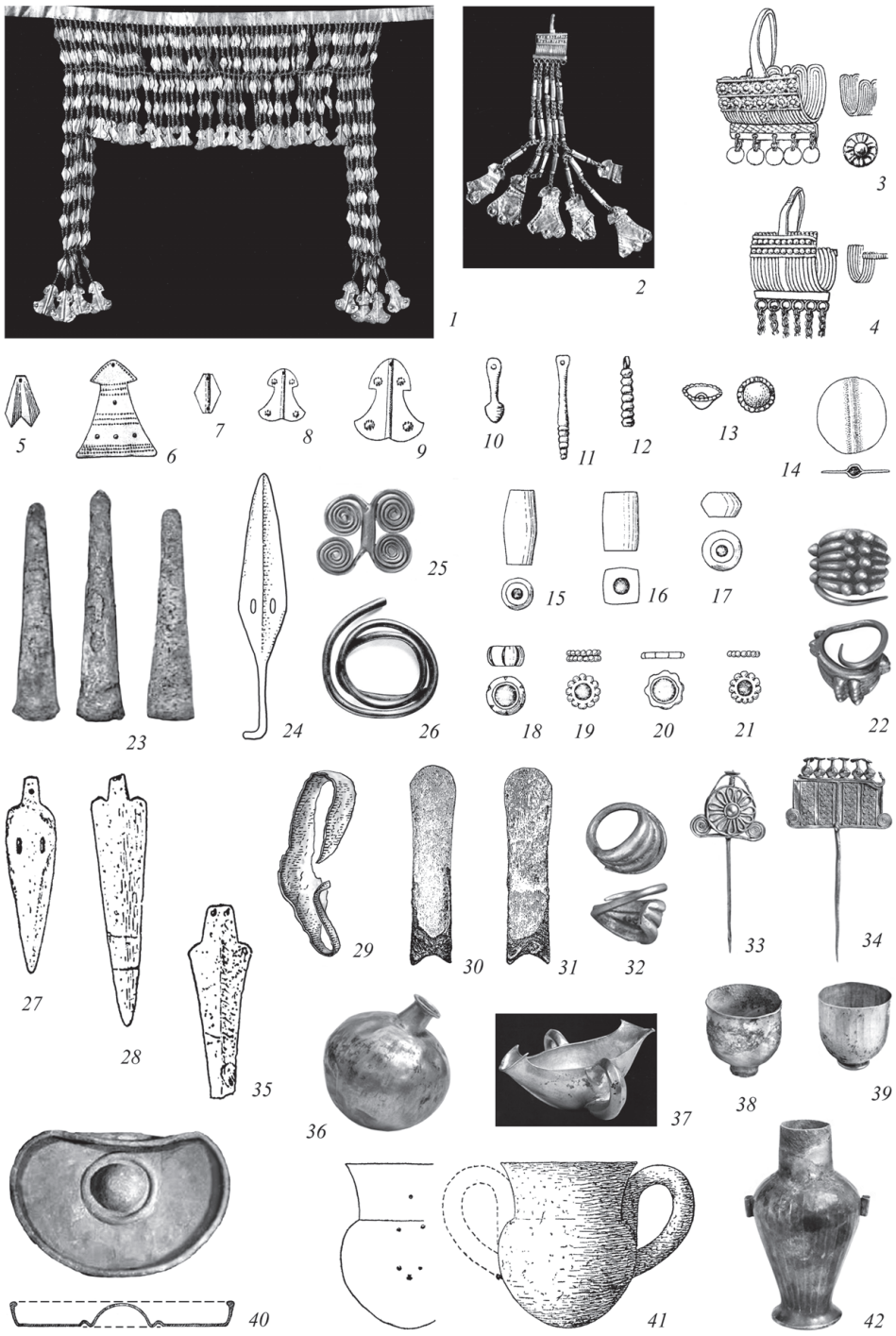


Рис. 4. Металлические изделия из кладов Трои II–III

1 – малая диадема; *2–4* – серьги-корзиночки с деталями; *5–9* – детали диадем; *10–21* – типы бус и подвесок; *22, 32* – серьги дольчатые; *23, 24, 27–29, 35* – орудия и оружие; *25* – пронизь четырехспиральная; *26* – проволочная заготовка; *30, 31* – слитки; *33, 34* – булавки; *36–42* – сосуды.

25 – клад D; *26* – клад R; *33, 34* – клад O; остальное – клад A

(*23, 24, 27–29, 35, 40* – бронза; *30, 31, 41, 42* – серебро; остальное – золото)

сификации (*Easton*, 1984; 1994; *Bachhuber*, 2009), поскольку позднейшими раскопками в слое IIg также выявлены клады драгоценных украшений: в помещении 206 найдено ожерелье из золотых бусин, в помещении 252 – также ожерелье из золотых бусин, 2 булавки и кольцо-серьга (*Blegen et al.*, 1951. P. 213. Tab. 7, 8).

Точное число изделий в *кладе A* установить невозможно, т.к. они находятся в различных музейных собраниях; наиболее крупная серия предметов находится в ГМИИ им. А.С. Пушкина. В нашей БД учтено 27262 индивидуальные находки (27210 золотых, 10 серебряных, 42 медно-бронзовых), в том числе:

– орудий/оружия бронзовых 37 (10 ножей, 15 тесел, 3 долота, 8 копий, 1 пила),

– сосудов 13 (5 бронзовых, 4 золотых, 4 серебряных),

– подвесок золотых в форме антропоморфных идолов – 85,

– слитков серебра 6, слитков-заготовок из золота 9, слиток бронзы 1.

Украшений 27111, в том числе: 8130 бусин Au, 16 подвесок Au, 44 бляшки конические Au, большая диадема Au (включает 16441 деталь: 12271 кольцо, 4066 чешуек, 90 цепочек, 14 подвесок-идолов), малая диадема Au (включает 2211 деталь: 1750 колец, 354 чешуйки, 64 цепочки, 1 лента, 42 подвески-идола), 2 серьги-корзиночки Au (в сумме включают 158 деталей: 11 цепочек, 118 чешуек, 18 трубочек, 11 подвесок-идолов), 2 серьги-корзиночки Au (в сумме включают 145 деталей: 11 цепочек, 107 чешуек, 16 трубочек, 11 подвесок-идолов), 51 кольцо-серьга дольчатое Au, 3 браслета Au, 3 гривны (браслета?) Au, 4 «запонки» Au.

Клад B. 3 находки: 1 бронзовый сосуд и 2 серебряных.

Клад C. 1 находка: тесло бронзовое.

Клад D. 834 золотых находки: 1 булавка, 5 колец-серег дольчатых, 2 кольца-серьги с зернью, 1 пронизь четырехспиральная, 373 бусины полых крупных. В кладе имеется так называемая «бахрома» из ок. 450 отрезков четырехгранной кованой золотой проволоки, а также 2 сломанных и деформированных пластинчатых браслета. Заготовки и лом составляют более половины предметов (таблица).

Клад F. 12 золотых находок: 6 украшений (1 браслет, 1 булавка, 2 серьги-корзиночки, 2 кольца-серьги), 6 слитков-заготовок (3 стержня с отверстиями, 3 стержня с насечками). Слитки-заготовки составляют больше половины изделий.

Клад Ha. 62 золотых находки: 9 подвесок-идолов, 5 цепочек, 48 чешуек.

Клад J. 171 находка: 169 золотых: 5 подвесок-лунниц, 5 серег-колец дольчатых, 1 серьга-корзиночка, 5 цепочек, 85 чешуек, 5 подвесок-идолов, 1 про-

низь четырехспиральная, низка из 61 проволочного кольца-заготовки, 1 браслет (гривна?). Еще 2 серебряные находки – бесформенные украшения.

Клад K. 5 бронзовых находок: 3 тесла, 1 статуэтка антропоморфная, 1 ажурная диадема.

Клад L. 4 парадных каменных (один лазуритовый) топора-молота и 36 линзовидных изделий из горного хрусталя, фаянсовые бусы, а также конгломерат из более чем 100 мелких металлических находок. Это множество бронзовых бляшек или пластин; золотых бусин и бляшек; колечек, маленьких золотых (длиной 0,6–0,9 см) и более крупных серебряных (длиной 1,7–1,8 см); кованых гвоздиков со шляпками; мелких слитков золота и серебра неправильной формы, размерами до 1 × 0,6 × 0,5 см; золотые глобулы; обрывки золотой фольги; серебряные пластины (Сокровища…, 1996. С. 170). Количество изделий в кладе определено условно, по иллюстрациям каталога: в БД включено ок. 50 золотых предметов и ок. 50 серебряных. Число бронзовых вещей остается неизвестным, поскольку они сильно разрушены коррозией.

Множество мелких предметов, скорее всего, представляют собой форму хранения ценного материала и заготовок, принадлежавших мастеру-ювелиру. С этим предположением согласуется наличие серии из 36 хрустальных «линз», некоторые из которых, возможно, представляли собой оптические приспособления для изготовления мелких деталей ювелирных украшений (*Трейстер*, 2013. С. 146).

Клад N. 39 находок: 37 серебряных украшений (1 браслет, 2 гривны, 1 кольцо-серьга, 13 колец-серег в конгломерате, 20 мелких бусин/бисер в конгломерате). 2 золотых украшения – 1 серьга-кольцо дольчатая, 1 серьга-лунница.

Клад O. 2 золотые булавки – одна украшена миниатюрными

Клад R. 8 находок. Из них 5 – украшения: 3 золотых (1 булавка, 1 серьга-кольцо дольчатое, 1 пронизь четырехспиральная) и 2 бронзовые (булавки). Так же имеется 3 отрезка проволоки из золота, свернутых спиралью – заготовки и одновременно форма хранения драгоценного металла).

Клад в помещении 206 из раскопок К. Блегена состоит из золотых бус (151 экземпляр).

Клад в помещении 252 – набор из 1284 золотых украшений: 1281 бусина, 2 булавки, 1 кольцо-серьга.

Еще один комплекс ювелирных изделий был приобретен музеем Университета Пенсильвании в 1966 г. По информации владельца, это клад, най-

денный в Троаде. В кладе (?) 383 предмета, из них 360 – бусины нескольких типов. Предположительно все изделия изготовлены из электра. Автор публикации комплекса Ф. Басс считает, что изделия стилистически несомненно связаны с Троей II, а также с Полиохни и другми памятниками Восточного Средиземноморья III тыс. до н.э. Примечательно также, что ряд вещей (некоторые типы бус, серег и подвески-медальоны с четырехспиральными элементами) имеет точные морфологические и технологические аналогии в Месопотамии – Царском некрополе Ура времени Раннединастического III (*Bass*, 1970).

Месопотамские и эгейские аналогии изделиям из троянских кладов детально рассмотрены М.Ю. Трейстером (*Трейстер,* 1996; 2013. С. 148–153).

Число спектральных анализов вещей из кладов невелико, поэтому дополнительно были привлечены материалы по Троаде. Наши подсчеты для времени Трои II дали следующие цифры: из 34 доступных анализов всего 2 оказались «чистой» медью, 8 – мышьяковой бронзой (от 0,57 до 4,6% As), тогда как 24 (70,5%) – оловянной бронзой с концентрацией олова от 1,2 до 10% (гист. 2). В последнюю группу входят и 4 тройных сплава медь-олово-мышьяк. Данная статистика сплавов согласуется с приводимой другими исследователями: в 31 из 51 случая примесь олова выше 1% (62% исследованного материала – *Esin*, 1969), а в 30 случаях концентрация олова больше 4%, в среднем 7,95%, максимально составляет – 13,2% (*Pernicka et al.*, 1984. P. 575). Безусловно, в период Трои II фиксируется массовое использование нового материала – оловянной бронзы.

Контекст троянских кладов

В составе и местоположении многих троянских кладов имеются определенные закономерности. Кратко рассмотрим данные по этой теме.

Кроме металлических предметов, комплексы часто содержат другие категории находок, не имеющие значительной ценности. Это, прежде всего, типичная для Трои IIа-с керамика с красным ангобом и кости животных. В *кладе А* были найдены кости мелкого и крупного рогатого скота, свиньи, оленя и зайца, зерна злаковых и бобовых культур.

В связи с этим стоит напомнить, что раскопками К. Блегена на обрывистом склоне холма цитадели был раскрыт обширный котлован (6×16 м), вырубленный в известняке и на 3,5 м заполненный скоплениями красноангобированной керамики; пережженной массой неопределенных органических веществ; костями животных (в основном коровы и козы, меньшим количеством – овцы, оленя, свиньи, собаки и панцирями черепахи). Здесь же

находились многочисленные каменные тесла, каменные статуэтки, пряслица. К. Блеген предположил, что комплекс является местом отправления неких обрядов, включавших сожжение жертвоприношений (*Blegen et al.*, 1950. P. 270–277). Позже, в фазе IId котлован был заброшен. Однако аналогичные действия были перенесены на специально выделенный участок внутри цитадели, где к югу от входа в мегарон IIA были исследованы 22 ямы (*bothroi*) (*Blegen et al.*, 1950. P. 206, 278). Состав находок в них сходен с тем, который зафиксирован в котловане: красноангобированная керамика, костяные идолы и гребни, глиняные пряслица, серебряный кубок, медно-бронзовые булавки, подвески из горного хрусталя, а также большое количество костей животных, раковин и пережженной органики (*Blegen et al.*, 1950. P. 279–280). Среди материалов отмечаются металлические изделия.

Состав находок в котловане и в ямах на территории цитадели Трои II напоминает состав кладов и заставляет задуматься о назначении последних. В последнее время археологи и социальные антропологи проявляют значительный интерес к теме пиршества и возможностям реконструкции этого вида общественной деятельности на археологическом материале. Ближнего Востока и отчасти Эгеиды и дешифровки ее социального значения и сакрального смысла (*Johnson*, 1973. P. 129; Early town, 1981. P. 65 pass.; *Millard*, 1988; *Антонова*, 1998; *Helwing*, 2003; *Wright*, 2004; *Bachhuber*, 2009; *Авилова*, 2010). В приложении к Трое перспективной представляется гипотеза К. Баххубера, который предлагает рассматривать материал из котлована и ям Трои II как целенаправленно сокрытые остатки пиршественной деятельности (Bachhuber, 2009. P. 4).

Многие комплексы кладов связаны с городскими воротами Трои. Например, *клад A* был найден на участке, примыкавшем с северо-запада к так называемым Скейским воротам (названным так Г. Шлиманом), в каменном здании у ворот FM с внешней стороны городской оборонительной стены (*Easton*, 1984). Эти парадные ворота с каменной вымосткой вели из Нижнего города к комплексу мегаронов, расположенному на священном участке-теменосе в центре цитадели. Насколько можно реконструировать, клад находился в каменном ящике под полом помещения. Он представлял собой плотную массу вещей, сохранявшую форму параллелепипеда (Бронзовый век…, 2013. С. 429–430). *Клад J* был спрятан в тайнике, устроенном в сырцовой кладке оборонительной стены. *Клад L* также найден непосредственно у ворот IIN, под полом помещения. Таким образом, клады часто связаны с городскими воротами, которые наряду с постройками культового и дворцового характера также являлись важными общественными сооружениями. Вокруг ворот преимущественно концентрировалась торговая деятельность,

о чем наглядно свидетельствуют находки гирь (*Bobokhyan*, 2009. P. 38, 45). Сцена купли-продажи земельных участков, происходившая у городских ворот, описана в Библии (Руфь, 4:1–11).

Клады в сосудах, относящиеся к поздним горизонтам Трои II и к Трое III, группируются в основном вокруг каменного здания в западной части цитадели, которое Г. Шлиман назвал «Домом правителя» (*Easton*, 2002. P. 308; *Bachhuber*, 2009. P. 7).

Расположение многих кладов Трои II–III показывает, что и в середине – второй половине III тыс. до н.э. связь кладов с общественными зданиями продолжала существовать. Можно полагать, что в период поздней Трои II взаиморасположение кладов и остатков ритуальных пиршеств с комплексом мегаронов указывает на ведущую роль городской элиты в организации культа. В начале периода Трои III ее социальная функция меняется, параллельно отмечается изменение модели застройки цитадели: вместо группы крупных мегаронов центром общественной жизни становится «Дом правителя», что говорит о централизации власти, росте влияния административного и военного аппарата в консолидации городской общины и мобилизации ее энергии на закрепление ранговой структуры.

На городском поселении Эскияпар в Центральной Анатолии, относящемся к эпохе Трои II, обнаружено два клада драгоценных изделий (*Özgüc, Temizer*, 1993). Это редкий случай, когда богатые клады найдены в ходе научных раскопок, в достоверном археологическом контексте. Учтено 1765 находок. Бронзовых предметов в кладах нет, золотых 1531, серебряных 234. Клад содержит в основном украшения (1757 экз.), а также металлические сосуды и парадный топор-чекан из электра (рис. 5, *40*, *41*).

Оба комплекса найдены в помещении конца РБВ III, погибшем в пожаре. *Большой клад А* был зарыт в центре помещения; *клад В*, состоявший из нескольких предметов, – у стены. Оба комплекса были помещены в однотипных керамических сосудах (*Özgüç, Temizer*, 1993. Fig. 43). В *кладе А* было 7 металлических сосудов, в том числе 2 серебряных кубка и чаша, серебряная «сковорода», а также символ власти – церемониальный топор из электра. Мелкие украшения (серьги, браслет, гривна, застежка, золотые и серебряные бусы, бусы из агата) находились в сосуде, золотая булавка и еще один серебряный кубок найдены под ним. *Клад В* содержал только украшения: одну золотую булавку и две серебряных, с головками из горного хрусталя; одну золотую и три серебряных серьги; один целый серебряный браслет и обломок второго; золотые и серебряные бусы, а также бусы из агата и горного хрусталя.

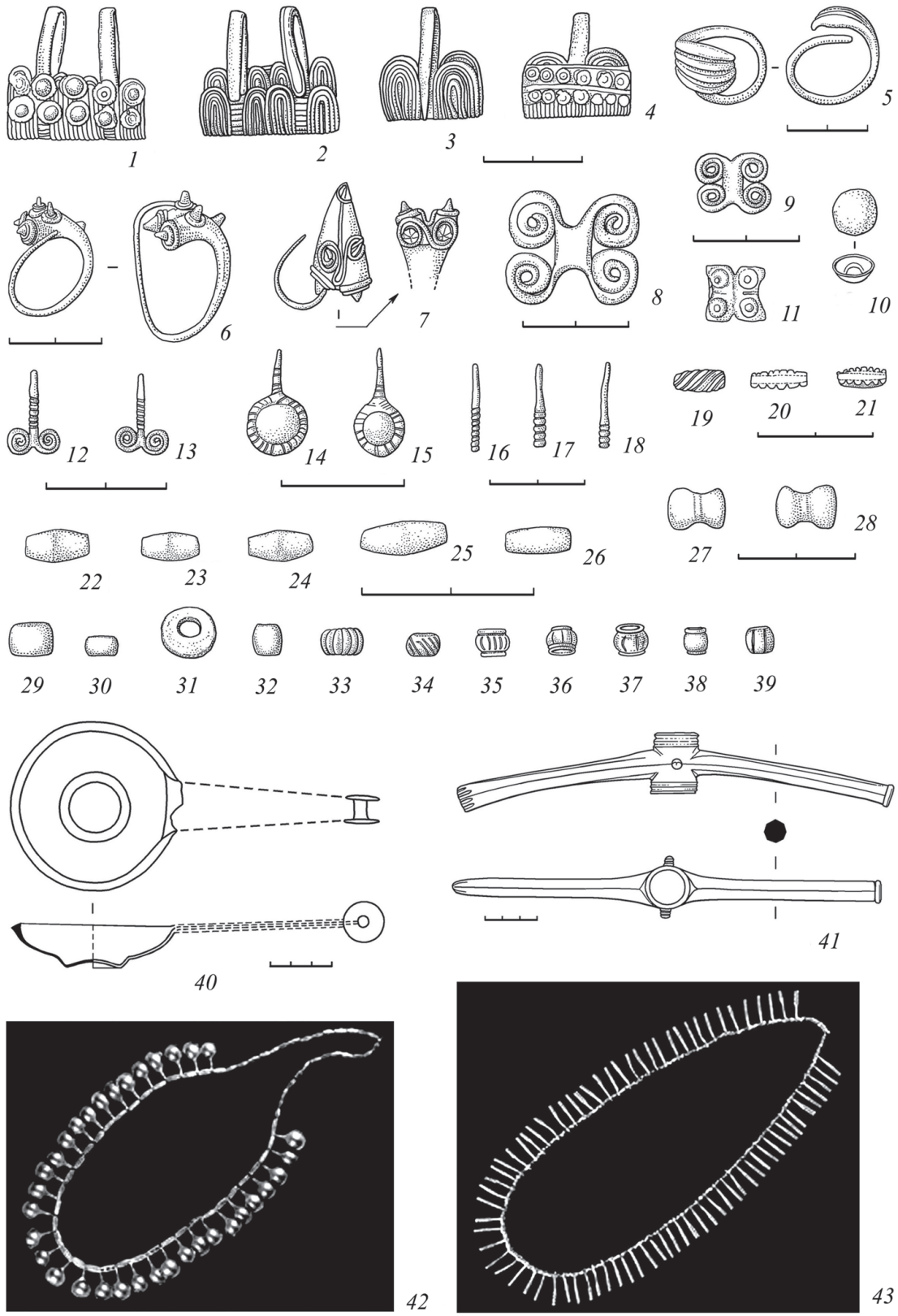


Рис. 5. Эскияпар. Металлические изделия из кладов A–B
40 – серебро; *41* – электр; остальное – золото

Остановлюсь на одной из выразительных категорий металлических изделий. Четырехспиральные украшения живут долго и претерпевают морфологические изменения. Наиболее ранняя бляха из клада Арслантепе VIA плоская (рис. 3, *10*), тогда как в троянском кладе R (рис. 4, *25*) и кладе Эскияпар (рис. 5, *8–9*) эти предметы имеют вид трубчатых пронизей с разрубленными и согнутыми спиралью концами.

Серия плоских четырехспиральных блях известна из могильника Икизтепе I на черноморском побережье Анатолии (*Bilgi*, 1984). Отсюда происходит значительная коллекция металлических находок. Памятник в зарубежной литературе принято датировать РБВ III, т.е. последней третью III тыс. до н.э. (*Bilgi*, 1984; 1990; *Yakar*, 2011). Кроме того, из Икизтепе происходит большая серия черенковых листовидных копий типа, известного по кладу из Арслантепе VIA урукского времени (соответствует анатолийскому позднему энеолиту, по ^{14}C – 3700–3400 до н.э.). Наиболее поздняя находка четырехспиральной золотой пронизи известна из детского погребения в Кюльтепе II (ок. 1900 до н.э. – *Özgüç*, 1959; 2005), причем технология ее изготовления иная, чем в Трое II: вдоль трубочки-основы напаяны две проволоки со спирально загнутыми концами (*Özgüç, Akok*, 1958. Pl. XIX, *8*) (рис. 3, *12*). Таким образом, четырехспиральные изделия, изготовлявшиеся в разной технологии, бытовали от Востока до Северо-запада и Центра Анатолии в широком хронологическом диапазоне – с конца IV по начало II тыс. до н.э. Можно предположить, что мотив спирали, хорошо известный в орнаментации керамики, нашел свое отражение и в металлических изделиях, поскольку наделялся неким важным символическим смыслом.

Из памятника Махматлар в Центральной Анатолии происходит интереснейшая серия металлических находок. Вещи были найдены крестьянами, последовавшие раскопки не позволили уточнить состав комплекса и его контекст. По керамике и металлическим находкам, имеющим аналогии в некрополе Аладжахююк, комплекс датируется серединой – второй половиной III тыс. до н.э. и, видимо, является кладом (*Koşay, Akok*, 1950). Сохранились два золотых сосуда – кувшин с геометрическим орнаментом (рис. 6, *1*) и неорнаментированный кубок, 8 медно-бронзовых проушных топоров разных типов (рис. 6, *2–5*). Среди них представлены: секиры с полукруглым лезвием и коротким обухом, загнутым в виде крюка; такие же секиры с зубчатым лезвием; топоры нефункционального типа с длинной втулкой и полукруглым лезвием, оформленным тупыми зубцами, а также миниатюрный узколезвийный топорик с плоским обухом в виде гребня (*Koşay, Akok*, 1950. Pl. LX). Имеется 9 анализов состава бронзовых изделий (*Esin*, 1969). В одном слу-

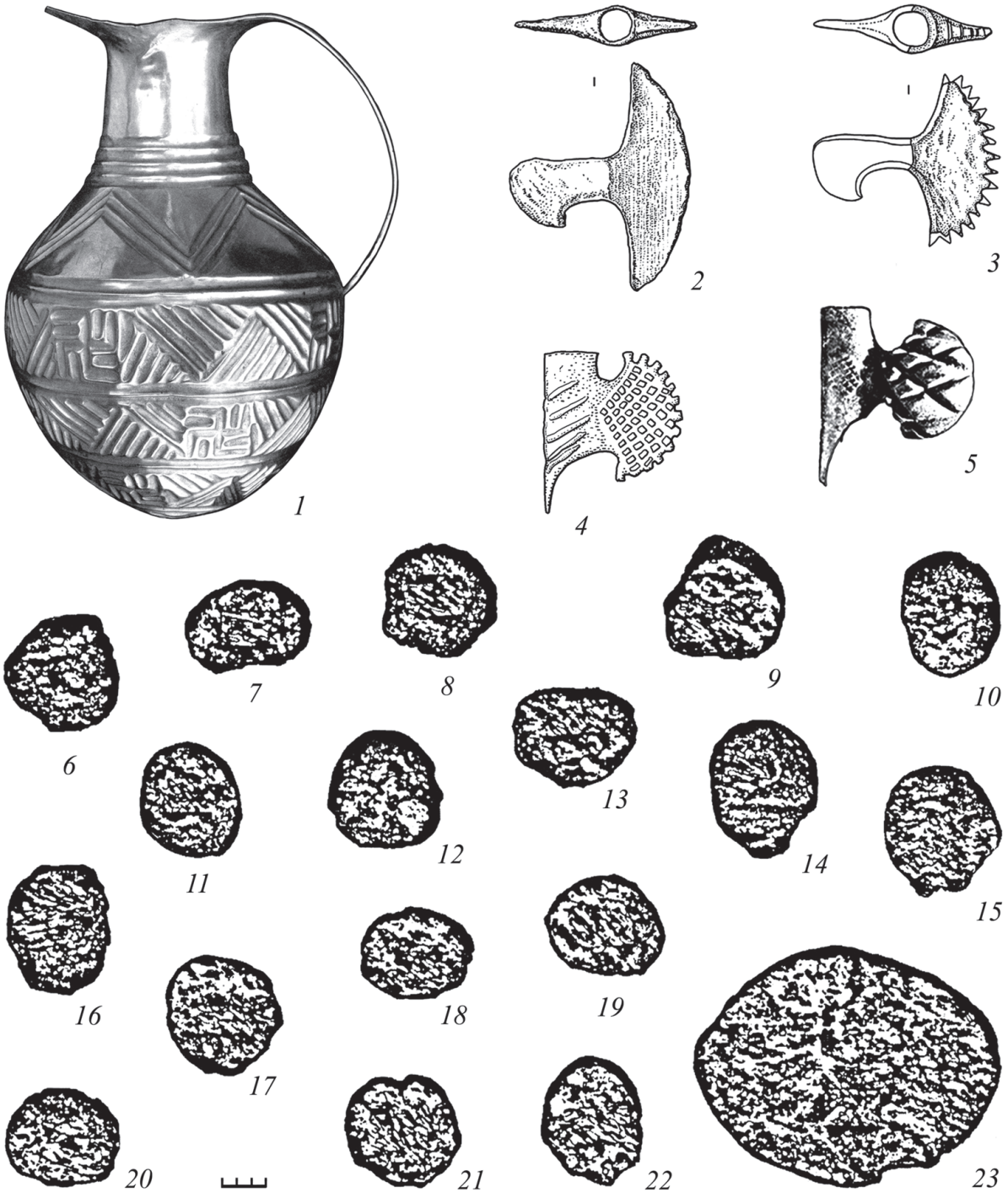


Рис. 6. Махматлар. Клад
1 – кувшин, золото; *2–5* – топоры, бронза; *6–23* – слитки серебра

чае это «чистая» медь; медно-мышьяковый сплав также представлен одним анализом (3,25% As); еще 7 предметов (78%) – оловянные бронзы с высокой концентрацией олова – от 8,2 до 10%) (гист. 2).

В кладе было также 18 слитков серебра, помещенных в сосуд. Слитки имеют форму лепешек, насколько можно судить по некачественной фотографии (рис. 6, *6–23*). Их размеры в публикации не указаны, но исходя из линейного масштаба можно вычислить, что диаметр большого слитка составляет 17–18 см, малых – 6–7 см. Вес самого крупного слитка – 4,630 кг; шесть слитков имеют вес 426 г; три – 425 г; два – 424 г; по одному слитку весом 416, 428, 440, 436, 430, 494 г (*Koşay, Akok*, 1950. P. 484). Общий вес 18 слитков – 11,953 кг. Это редчайший случай нахождения большой массы сырого серебра в слитках.

Еще один клад найден на городском поселении Норшунтепе (Восточная Анатолия). Поселение имело регулярную планировку (прослежены улицы и переулки) и, видимо, являлось политическим центром раннегосударственного образования на равнине Алтынова. Был исследован дворцовый участок, на котором в слое 7 (РБВ IIIC) находилось древнейшее для Восточной Анатолии здание дворцового типа с подвальным помещением и вкопанными в землю большими сосудами для хранения (*Hauptmann*, 1982). В этом же слое (горизонт 7b) обнаружен небольшой клад бронзовых украшений – всего 15 находок: 14 колец-серег с утолщенными концами и одна булавка. Вероятно, этот скромный клад связан не столько с дворцовым комплексом, сколько с тем, что поселение было центром развитого металлопроизводства: начиная со слоя 26 (РБВ IB) на памятнике отмечаются многочисленные находки тиглей, льячек, шлаков, литейных форм. Анализ находок из слоя 25 (РБВ IB) показал, что на поселении существовало производство мышьяковой бронзы; в слое 21 (РБВ IIA) обнаружены остатки металлургической печи; в слое 20 (РБВ IIB) – двухсторонняя литейная форма для отливки топора (*Schmidt*, 1996).

При исследовании городского поселения в Тарсе (Киликия) в слоях РБВ III, в помещении 56, был обнаружен небольшой клад бронзовых орудий и предметов вооружения – 2 ножа-кинжала, 2 долота, тесло и черенковое копье с парными отверстиями на пере (*Goldman*, 1956. Figs. 424, 426, 428) (рис. 7, *1–3*). Украшения в комплексе отсутствовали. Четыре анализа металла представляют 3 группы сплавов (гист. 2): 1 – «чистая» медь, 2 – мышьяковая бронза (0,65 и 1,7% As) и 1 – тройной сплав Cu+3,5% Sn+2,2% As).

К близкому времени относится крупный клад бронзовых вещей, обнаруженный в 1889 г., как принято считать, в Киликии, на поселении, известном в античное время как Соли (*Bittel*, 1940). Контекст находки и ее точное ме-

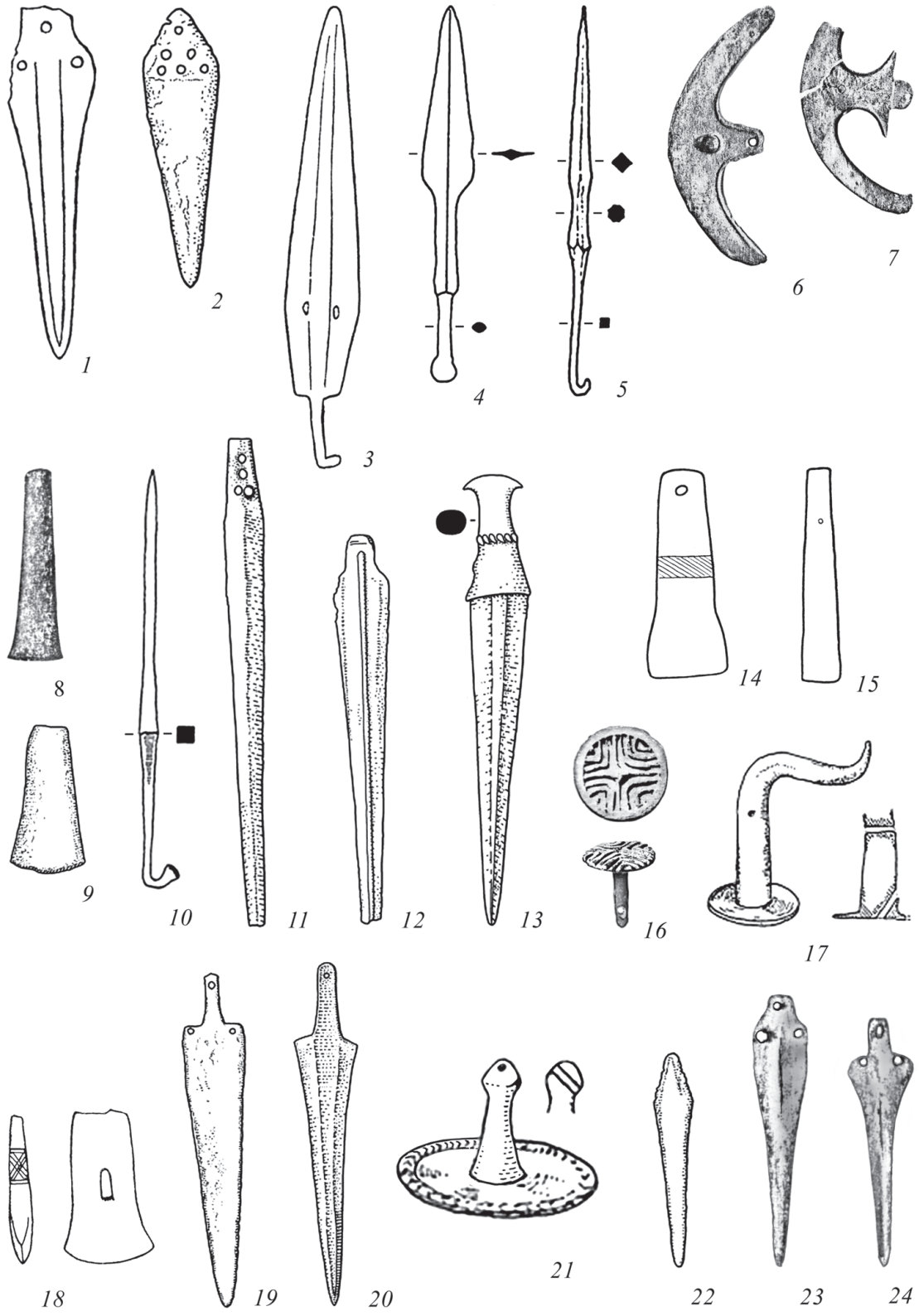


Рис. 7. Тарс и Соли. Клады бронзовых изделий РБВ III
1–3 – Тарс, комн. 56; *4–24* – Соли

стонахождение являются сомнительными; много споров вызывала и хронология клада: его датировали временем от XVIII до XIII вв. до н.э. (*Przeworski*, 1967. S. 109; *Muscarella*, 1988. P. 396). В настоящее время комплекс относят к РБВ III (2300–2000 гг. до н.э.) (*Muhly*, 2011. P. 869). Набор находок отличается стилистическим единством. В нашей БД учтено 72 медно-бронзовых предмета (рис. 7, *4–24*). 67 из них – орудия и оружие (2 секиры в форме полумесяца, 2 меча, 29 ножей/кинжалов, 3 крупных кинжала с отдельно изготовленными рукоятями, 6 копий, 25 тесел). 5 предметов являются символически значимыми: 2 печати-штампа, 2 «кастаньеты» (музыкальные инструменты типа тарелок – рис. 7, *21*) и полый предмет в форме изогнутого рога с плоским основанием – музыкальный инструмент наподобие лура или часть составной зооморфной статуэтки (рис. 7, *17*).

Для двух последних кладов (Тарс РБВ III и Соли) характерно полное отсутствие украшений и изделий из драгоценных металлов, чем они резко отличаются от комплексов РБВ II.

Аналитически исследовано 7 вещей из Соли (гист. 2). Мышьяковая бронза – 1 ан., 5 ан. (71%) – оловянные бронзы с 1,8–12% Sn. В одном случае зафиксирован тройной сплав медь-сурьма-свинец. (на гистограмме, согласно легенде, это будет читаться – просто медь).

Для эпохи поздней бронзы учтено 6 небольших комплексов. Из слоев ПБВ I в Тарсе происходит *клад из комнаты D*, состоявший в основном из предметов вооружения и орудий – двулезвийный топор-лабрис, 4 ножа-кинжала (один миниатюрный длиной 6,3 см), 2 долота (одно втульчатое), 5 тесел двух разных типов, в том числе характерные для ПБВ тесла с выступами-цапфами (рис. 8, *1–3*). К категории сосудов можно отнести трубку с фильтром из нескольких отверстий на конце (*Goldman*, 1956. Figs. 424–426, 428, 433). Имеется 9 анализов металла (гист. 3). В одном случае это низкомышьяковая бронза (0,9% As), остальные 8 – оловянные бронзы с 1–9,7% Sn (из них 3 тройных сплава медь-олово-мышьяк, еще в двух случаях в сплаве присутствует четвертый компонент – свинец).

Позднебронзовым веком датируются и два клада из Трои VI. *Клад Hb* состоит из одной большой золотой бляхи с тисненым орнаментом в виде розетки. В *кладе P* пять бронзовых предметов, два из них проанализированы. Это двулезвийный топор-лабрис из «чистой» меди и тесло из оловянной бронзы. Кроме того, в кладе имеются 3 серпа – не проанализированы.

К ПБВ относится группа из 9 вещей, случайно обнаруженных у с. Коруджук, р-н Болу в Северной Анатолии: 5 полусферических чаш, топор-лабрис, топор с гребнем на обухе, украшенный изображениями птичьих голов, 2 тес-

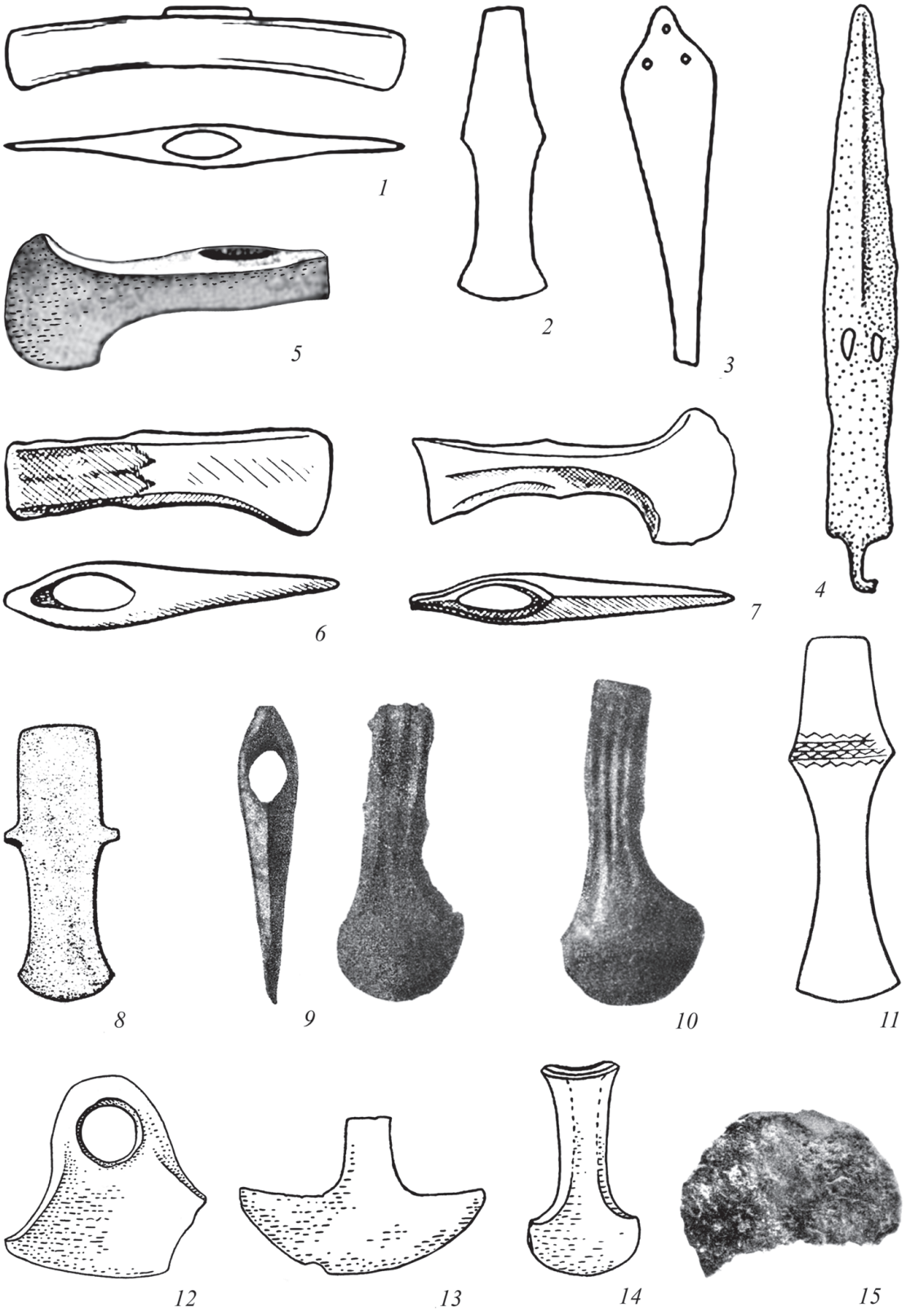


Рис. 8. Клады бронзовых изделий ПБВ
1–3 – Тарс, комн. D; *4–10* – Орду; *11* – Болу; *12–15* – Сазазкале

ла с цапфами (рис. 8, *11*). Автор публикации считает находки хеттским вотивным кладом (*Yildirim*, 2001).

Среди понтийских памятников ПБВ Анатолии известна группа из трех кладов, которые относятся к хеттской эпохе. С. Пшеворски датирует их ок. 1200 до н.э. (*Przeworski*, 1967. Tab. II. S. 109). Комплексы происходят из старых раскопок и не все предметы детально описаны.

Основным источником сведений для нашей БД является работа С. Пшеворского (*Przeworski*, 1967. Tab. I. S. 105, 106, pass.). В гроте вблизи поселения Орду найден клад из 8 предметов: 5 проушных топоров с широким округлым лезвием и каннелюрами (рис. 8, *5–7, 9, 10*), черенковое копье с парой отверстий на пере (рис. 8, *4*), плоское тесло с цапфами (рис. 8, *8*), плоская «сечка». Имеется 3 анализа металла, представляющие 3 группы сплавов: «чистая» медь, оловянная бронза с 6% Sn (гист. 3), а третий сплав медь-свинец на гистограмме не показан как исключительный случай.

Клад Сазазкале (район Артвин) также найден в гроте. Включал 7 находок: секиру с полукруглым лезвием, проушной топор с каннелюрами, втульчатое орудие (рис. 8, *14*), мотыгу (рис. 8, *12*), нож, «сечку» с полукруглым лезвием (рис. 8, *13),* и редкую находку – часть слитка бронзы (рис. 8, *15*).

Минеральные ресурсы и некоторые проблемы анатолийской металлургии

В развитии анатолийского металлопроизводства и обмена большую роль играло наличие местных рудных источников и развитая сеть торговых связей, что подтверждается результатами свинцово-изотопных исследований анатолийских бронз, проведенных группой Н. Гейла. Анатолия имеет богатые рудные запасы (*Ryan*, 1960), число месторождений, которые потенциально могли разрабатываться в древности, чрезвычайно велико (*Gale, Stos-Gale, Gilmore*, 1985) (рис. 9). Особенно важны известные в археологической литературе месторождения сульфидных медных руд на востоке, в Эргани Маден (*Wallace et al.*, 1972). Однако следов древних горных выработок здесь не обнаружено (*Jesus de*, 1978), хотя они, по всей вероятности, существовали: вблизи рудных выходов расположено поселение докерамического неолита Чайоню-тепеси VIII–VII тыс. до н.э., откуда происходят многочисленные находки древнейших изделий из самородной меди (*Muhly*, 1989; *Yalçin*, 2000. P. 19). На территории месторождения много скоплений медных шлаков, но определить, к какому времени они относятся, невозможно, т.к. месторождение эксплуатировалось вплоть до раннеассирийского периода

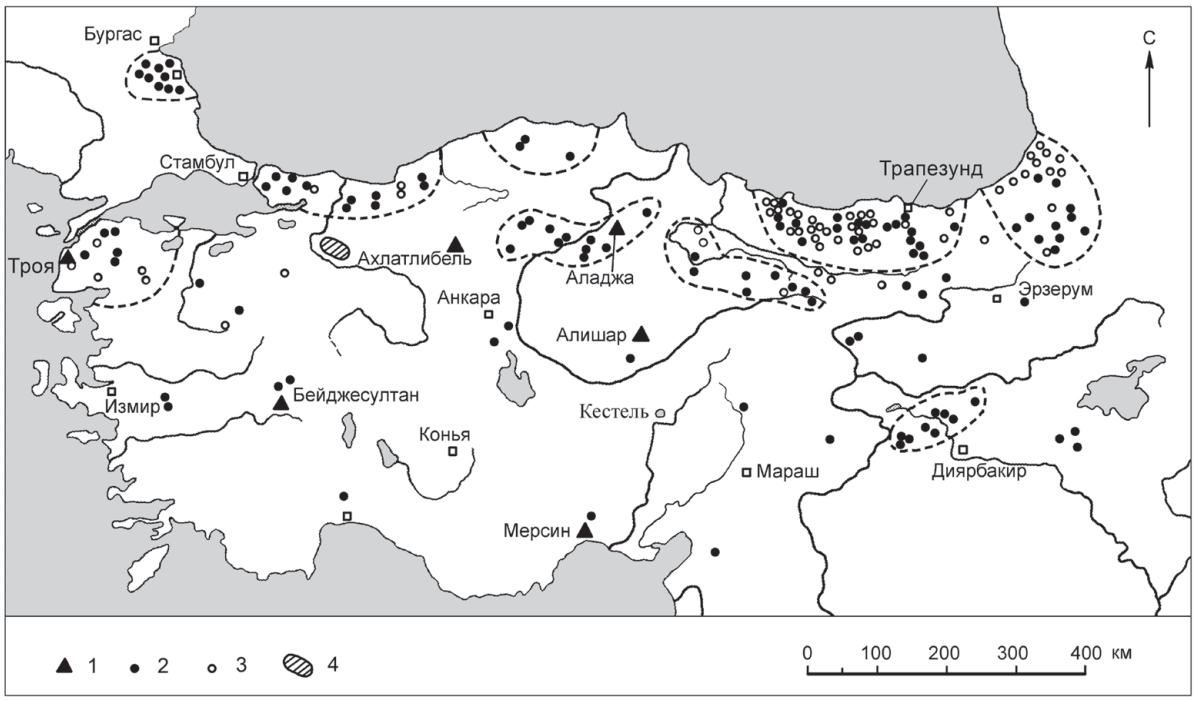


Рис. 9. Месторождения медных руд на территории Анатолии (по: Gale, Stos-Gale, Gilmore, 1985)

1 – археологические памятники бронзового века; *2* – месторождения медных руд; *3* – месторождения полиметаллических руд; *4* – месторождение олова (?)

(*Kelly-Buccellati*, 1990. P. 119). Возможно, дальнейшие аналитические исследования руд Эргани, их сравнение с анализами шлаков и металлических изделий позволит определить периоды наиболее интенсивной эксплуатации месторождения.

В Восточной Анатолии, в районе Кебана (Верхний Евфрат) известны богатые месторождения меди и серебра (*Ryan*, 1960). Существуют данные, что месторождения свинцовосодержащих серебряных руд в этом районе разрабатывались в урукский период (*Yener*, 1983). Вдоль северо-восточного побережья Анатолии также размещается обширный район месторождений медных и серебряных руд (*Pernicka et al.*, 1984).

Месторождений меди в Анатолии много. Они могли быть источниками для местного производства изделий из «чистой» и мышьяковой меди. Последний сплав имеет в Анатолии длительную историю использования. Так, позднеэнеолитический клад в Бейджесултане XXXIV содержит 7 вещей из низкомышьяковой бронзы (по западной терминологии – мышьяковой меди) с содержанием элемента в среднем 1,33%. Сплав меди с мышьяком был ведущим в кладе из Арслантепе VIA, причем концентрация мышьяка здесь заметно выше – от 2,09 до 6,54% (в среднем 3,52%).

В северной части центрально-анатолийского плато, в 15 км от разрушенного царского некрополя середины III тыс. до н.э. Хорозтепе расположен рудник Козлу, где в начале III тыс. до н.э. добывали сульфидную медную руду (Giles, Kuijpers, 1974). Здесь достаточно подробно зафиксированы и достоверно датированы следы древней добычи руды. Обследование обширных подземных выработок и отвалов породы, находки керамики свидетельствуют о том, что здесь существовали поселения горняков и металлургов. Были выявлены следы плавления руды, в частности, крупный слиток сырой меди 40 см в диаметре. Масштаб разработок был очень велик – следы разрушенных выработок достигают 300 м в длину и около 45 м в глубину. Остатки деревянных крепежных конструкций дали радиоуглеродную дату 2800 г. до н.э.

В зависимости от спектроаналитических данных, весь массив древнего металла делится на три группы: металлургически «чистая» медь, мышьяковая бронза (или, по терминологии западных исследователей, мышьяковая медь с концентрацией мышьяка ниже 1%), оловянная бронза.

В развитии древней металлургии и металлообработки выделяется четыре фазы (*Coghlan*, 1951. С. 28–29). *Фаза А* связана с использованием самородной меди; *фаза В* характеризуется плавлением самородной меди и литьем в открытых формах; *фаза С* связана с открытием выплавки меди из руд (металлургией в точном смысле); и *фаза D*, на которой происходит переход к использованию собственно бронз – искусственных сплавов на медной основе.

Свойства меди по сравнению с камнем заключаются в пластичности, ковкости, твердости, возможности создать острый рабочий край, возможности переиспользования, эстетических качествах. Металлургически «чистая» медь имеет высокую температуру плавления (1100° С). Ее существенным недостатком является вязкость, в результате черновая медь всегда сильно загрязнена шлаками и требует интенсивной проковки для их удаления; кроме того, она сильно подвержена коррозии. Твердость меди – 130 кг/кв. мм.

Легирование меди мышьяком значительно улучшает свойства металла по сравнению с «чистой» медью – мышьяковая бронза обладает высокой текучестью, ковкостью и твердостью. Температура плавления на 400° С ниже, чем у меди, что дает экономию топлива при плавке и позволяет использовать более простые конструкции плавильных печей. Легирование мышьяком придает сплаву ряд важных механических и технических свойств: снижает окисляемость, нейтрализует вредное действие примесей свинца и висмута на ее пластичность, повышает жидкотекучесть, усиливает упрочняющий

эффект, повышая твердость до 177 кг/кв. мм. Оптимальная ковкость в сочетании с прочностью и твердостью достигается при концентрации мышьяка 4–5%. Однако большинство изделий, относящихся к раннему и среднему периодам бронзового века, содержит 1–2% элемента, что связано с его потерями при нагреве вследствие высокой летучести, затруднявшей контроль над его содержанием в сплаве (*Равич, Рындина*, 1984. С. 114–115). Тем не менее, состав сплава контролировался древними мастерами, что видно из зависимости концентрации мышьяка от функции изделия: орудия и оружие имеют до 5%, украшения – до 20% As. Отмечается и зависимость между функциональным назначением изделия и составом металла: высокие концентрации As гораздо чаще встречаются в режущих орудиях, а орудия ударного действия производили из сплава с низким содержанием элемента (*Eaton, McKerrel*, 1976).

Основная черта металлопроизводства III тыс. до н.э. – внедрение оловянных бронз, в том числе тройных сплавов медь-олово-мышьяк. Их производство стало важным техническим достижением: оловянные бронзы отличаются высокими литейными качествами в сочетании с ковкостью, их преимущества заключаются в большей прочности и твердости по сравнению с мышьяковыми. Управление производственными процессами облегчалось неизменностью состава сплава при нагреве (*Равич, Рындина*, 1984. С. 121–122). Температура плавления – 900° С. Оловянные бронзы в отличие от мышьяковых не были токсичными и имели красивый золотистый цвет. Трудности в получении этого материала связаны с редкостью месторождений олова (см. ниже).

Интересные результаты дала предпринятая группой Н. Гейла программа свинцово-изотопных исследований состава древнего металла с целью локализации рудных источников, использовавшихся при изготовлении медно-бронзовых изделий из Трои, Йортана, Бейджесултана и Мерсина.

Установлено, что медные изделия Трои II происходят как минимум из пяти месторождений (*Stos-Gale, Gale, Gilmore*, 1984). В Троаде известно 14 месторождений (*Ryan*, 1960), в трех зафиксированы древние выработки, однако они точно не датированы; вблизи двух имеются следы металлургической деятельности. Данные Н. Гейла указывают на возможность использования еще четырех месторождений, расположенных вдоль черноморского побережья Малой Азии. Для бронз Трои II характерно присутствие рудной примеси олова (*Gale, Stos-Gale, Gilmore*, 1985. P. 151). На массовое использование в Трое металла неместного происхождения на основании исследования 33 рудных источников в Северо-Западной Анатолии указывает

и Э. Перника с соавторами (*Pernicka et al.*, 1984). Я. Якар подчеркивает, что население Трои II контролировало морские пути, по которым осуществлялась торговля, в том числе и металлом. Благодаря своему выгодному географическому положению город стал местом сосредоточения огромных богатств и центром притяжения квалифицированных ремесленников, которые находили здесь заказчиков и рынок сбыта (*Yakar*, 1984. P. 74).

В Бейджесултане весь проанализированный металл позднего энеолита, ранней и средней бронзы был получен из одного рудного источника с неравномерным содержанием мышьяка. Этим фактом объясняется большой разброс концентраций элемента в изделиях клада из слоя XXXIV – от 0,37% до 2,4%. Н. Гейл с соавторами считают, что с точки зрения металлургии все эти ранние предметы являются медно-мышьяковыми сплавами, однако не целенаправленно изготовленными, а естественными, полученными за счет особенностей рудного источника (*Gale, Stos-Gale, Gilmore*, 1985. P. 164). В окрестностях поселения имеется 4 меднорудных месторождения со следами древних разработок, два из них содержат арсенопириты (источник примеси мышьяка в металле). Вероятно, что на протяжение всего существования поселения от энеолита до поздней бронзы население эксплуатировало одно и то же расположенное поблизости месторождение Кизилджа.

В целом представляется, что особенности использования меднорудных месторождений связаны с географическим положением памятника: если производство расположенных во внутренних районах (Бейджесултан) постоянно базировалось на одном источнике, то прибрежные города (Троя), являвшиеся центрами морской торговли, использовали привозной металл из разных месторождений (*Gale, Stos-Gale, Gilmore*, 1985. P. 171).

Проблема применения олова

Общепринятого мнения по вопросу о том, какие концентрации легирующих элементов являются пороговыми, начиная с которых практически проявляются полезные свойства примесей мышьяка и олова, в литературе нет. В западных публикациях считается, что для олова такой порог концентрации определяется величиной выше 5%, а для мышьяка колеблется в пределах от 1 до 5% (*Eaton, McKerrell*, 1976. P. 169–170). Н. Гейл и З. Стос-Гейл считают даже, что не существует надежных доказательств того, что образцы «мышьяковой меди» с содержанием мышьяка от 2 до 7% являются искусственными бронзами (*Gale, Stos-Gale, Gilmore*, 1985. P. 145). Тем не менее, термин «мышьяковая медь» в целом соответствует мышьяковой бронзе, как она трактуется в работе Е.Н. Черных (1966); в результате мы можем поль-

зоваться данными зарубежных исследователей при статистических подсчетах.

Какие сплавы можно классифицировать как оловянную бронзу? У. Эсин утверждает, что с собственно бронзой мы имеем дело при содержании элемента не ниже 6%, а массовое производство таких бронз относится к первой половине III тыс. до н.э. (*Esin*, 1981. P. 115–117). Сходные взгляды на историю развития технологии производства оловянной бронзы в Анатолии высказывают Дж. Мюли и Э. Перника, несмотря на некоторые расхождения в датировке начала бронзового века (предлагается относить его ко второй половине III тыс. до н.э., что связано с различиями в определении хронологической позиции тех или иных памятников – *Muhly, Pernicka*, 1992. P. 312).

Аналитические данные по троянскому металлу, в том числе находкам из *клада А*, начал публиковать Г. Шлиман. Оказалось, что 9 тесел изготовлены из оловянной бронзы с концентрацией олова от 2,89 до 8,49%. Использование данного сплава было зафиксировано в слоях, впоследствии идентифицированных как поздние горизонты Трои II, тогда как в Трое I этот сплав отсутствовал (*Schliemann*, 1881. P. 104, 258, 478). Публикацию аналитических данных продолжил В. Дёрпфельд (*Dörpfeld*, 1902. P. 421–423). Позже были изданы анализы К. Дэша (*Tylecote, Tylecote, Jaffee*, 1966) и наиболее значительная серия анализов штутгартской группы (*Esin*, 1969). Результаты современных свинцово-изотопных исследований находок из Трои и Северо-Западной Анатолии были опубликованы группой Н. Гейла (*Stos-Gale, Gale, Gilmore*, 1984; *Gale, Stos-Gale, Gilmore*, 1985) и группой из Гейдельберга-Майнца, включая материалы комплекса (возможно, клада) из Троады, хранящегося в Стамбульском университете (*Pernicka et al.*, 1984, Tab. 3, 4).

Первоначальное знакомство анатолийских металлургов с оловом, видимо, надо относить к концу IV тыс. до н.э., о чем свидетельствуют оловянные покрытия на предметах вооружения из клада Тюлинтепе, изготовленных из мышьяковой бронзы (*Muhly*, 2011. P. 866). Неслучайно эти эксперименты с новым металлом происходили в Восточной Анатолии – передовом регионе в истории древней металлургии.

Предметы из оловянной бронзы конца IV – начала III тыс. до н.э. известны в Северной Эгеиде. Это Ситагри в Македонии, слой 5 (3100–2200 гг. до н.э.) и еще более ранний Ситагри 4 (3500–3100 гг. до н.э.); Полиохни на о. Лемнос; слои «зеленый» и «красный», Терми на о. Лесбос, слой 1; на анатолийском материке – Бешик-Яссытепе (памятник надежно датирован эпохой Трои I – 2900–2500 гг. до н.э.). В самой Трое I оловянной бронзы нет

(*Muhly, Pernicka*, 1992). Массовое использование этого сплава начинается в период Трои II (2500–2300 гг. до н.э.). Есть статистика находок этого времени из Трои и Троады: в 31 из 51 анализа примесь олова выше 1% (62% исследованного материала – *Esin*, 1969). Причем в 30 случаях концентрация олова выше 4%; в среднем 7,95%, а максимальное содержание элемента достигает 13,2% (*Pernicka et al.*, 1984. P. 575). По нашим данным процент оловянных бронз еще выше – 70,5% (гист. 2).

Для бронз Трои II характерно высокое содержание олова, перешедшего в металл из руды (*Gale, Stos-Gale, Gilmore*, 1985. P. 151). Синхронные памятники Эгейского бассейна также дали значительные серии оловянных бронз. Так, в Полиохни «желтый» 29 из 52 анализов (56%) – оловянные бронзы с содержанием элемента свыше 1%. В кинжале из Полиохни «красный» концентрация олова достигает 19,8% (*Pernicka et al.*, 1984. P. 575. Tab. 3).

Как видим, проблема смены традиций металлургического производства при переходе от Трои I к Трое II была поставлена еще Г. Шлиманом. Современные историко-металлургические исследования рисуют картину повсеместных кардинальных изменений в металлургической технологии, именно – перехода от мышьяковой бронзы (мышьяковой меди) к оловянной бронзе (ср. гист. 1 и 2).

Период Трои II – время ускоренного развития и культурной трансформации всего Эгейского региона, причины которой К. Рэнфрю (*Renfrew*, 1972) видел, в частности, в открытии оловянной бронзы. Проблема заключалась в том, что гипотеза не могла быть доказана с помощью историко-металлургических аргументов, поскольку достоверные сведения о местных источниках олова отсутствовали (как они отсутствуют и до настоящего времени). Поэтому Рэнфрю пришлось встать на путь предположений: он не исключал, что небольшие месторождения олова существовали в Троаде, но к настоящему времени оказались полностью исчерпаны.

Современные аналитические исследования проливают новый свет на сложную проблему локализации древних источников олова. Свинцово-изотопные анализы анатолийских материалов говорят о том, что металлургами использовались руды из месторождения, геологически значительно более древнего, докембрийского возраста (700–900 млн. л. – *Wagner*, 1988. P. 329), чем те, которые эксплуатировали до начала эпохи Трои II. В Анатолии, Эгеиде и Юго-Восточной Европе такие месторождения отсутствуют (*Stos-Gale, Gale, Gilmore*, 1984. P. 28). Использование местных источников олова следует исключить также и потому, что концентрации изотопов свинца

в бронзах не соответствуют показателям изотопов в рудах (*Muhly, Pernicka*, 1992. P. 313). Это серьезное возражение против мнения о том, что производство оловянной бронзы в Троаде и Северо-Восточной Эгеиде в целом возникло на месте. Об отсутствии запасов олова в регионе давно писали Дж. Дэйтон (*Dayton*, 1971), Дж. Мюли и Т. Вертайм (*Muhly, Wertime*, 1973). Ряд специалистов вслед за К. Рэнфрю продолжает считать, что собственные источники олова, разрабатывавшиеся в РБВ, в Анатолии были. Однако сторонники местной добычи олова (*Yakar*, 1984. P. 80–81) пока могут привести в поддержку своего мнения лишь единственный кристалл касситерита (*Wertime*, 1978. P. 4).

Свинцово-изотопный анализ позволил установить, что с переходом к производству оловянных бронз в период Трои II в Эгеиде начинается эксплуатация новых источников сырья – оловянных руд, а также новых источников меди (*Begemann et al.*, 1989. P. 271–272). Одновременно в производство широко внедряется золото. Совокупность этих данных указывает на то, что инновации были привнесены в металлопроизводство этой зоны извне. Ясно, что должна была существовать хорошо налаженная система доставки олова. По вопросу о том, откуда шел импорт олова, существуют различные мнения.

Тема поисков древних источников олова с давних пор интересовала отечественных археологов. В работе А.А. Иессена она рассматривается на базе серии спектральных анализов кавказских бронз разного времени (от майкопских до эпохи перехода к железу), выполненных в Институте исторической технологии, в сотрудничестве с геологическими организациями и с привлечением поздних письменных сведений (*Иессен*, 1935). Исследователь пишет, что олово применялось на Кавказе с конца III тыс. до н.э., однако его широкое распространение относится ко II тыс. до н.э. и только для конца II – начала I тыс. до н.э. можно предполагать использование его местных источников. Незначительные примеси олова в некоторых ранних находках «позволяют думать, что вещи эти изготовлены из металла, шедшего из одного источника, причем нерешенным является пока вопрос: изготовлены ли и те, и другие вещи на месте, или же майкопские вещи импортированы, а махошевские сделаны на Северном Кавказе из импортного металла или путем переплавки импортных вещей?» (*Иессен*, 1935. С. 198). Исследователь допускает, что незначительная примесь олова указывает на рудное происхождение элемента, что при отсутствии серии анализов рудного сырья позволяет предполагать либо наличие в Западном Предкавказье оловянных руд, либо сопровождаемой оловом медной руды (Там же).

Среди возможных районов добычи олова перечисляются Центральный Кавказ (оба склона Большого Кавказского хребта), Верхняя Рача, Юго-Осетия, Шаропань, Горийский и Боржомский район; а также полоса меднорудных месторождений от Аллавердского до Тертерского района. Сопровождаемые оловом медные руды можно предполагать по археологическим данным в районе р. Белой и в Ганджинском районе. По-видимому, местная добыча олова прекращается в эпоху эллинизма в связи с масштабным импортом западноевропейского олова (*Иессен*, 1935. С. 204–205).

Возможность добычи олова в Закавказье обсуждалась в связи со следами древних разработок оловянных руд в Армении у подножия горы Арагац (Мецамор). Выработки датируются XIII в. до н.э., хотя предполагается их более раннее использование. Этот район был связан древними торговыми путями с Северной Месопотамией через Тебриз; другая торговая дорога вела на запад по направлению к Эрзеруму (*Crawford*, 1974. P. 242–243. Fig. 43).

Геологически наиболее вероятна доставка олова в Месопотамию и затем в Анатолию с территории современного Афганистана, богатого месторождениями касситеритов. Эта точка зрения широко распространена в литературе, хотя сведений о древней разработке афганских рудников нет (*Berthoud et al.*, 1982). Однако изученные афганские рудные источники имеют сравнительно молодой геологический возраст – поздний юрский или ранний меловой (200–1500 млн. л.) или еще моложе. Афганистан – сложный и недостаточно исследованный геологический район, и нельзя исключать существования здесь значительно более древних месторождений. Предполагается также, что источники олова могли разрабатываться в древности на Алтае (*Muhly, Pernicka*, 1992. P. 314). Первое предположение находит реальное подтверждение в древних памятниках горнодобывающей деятельности в районе Вешнове (Афганистан, провинция Анарак) (*Moorey*, 1982. P. 82). Здесь открыты рудники по добыче медных руд (малахита, реже азурита) с вкраплениями самородной меди. Находки керамики типа Сиалк IV относятся к эпохе Урука – Раннединастического II, т.е. к IV – началу III тыс. до н.э. Второе предположение – об эксплуатации алтайских источников – остается чисто умозрительным.

Источники олова упоминаются в шумерских текстах III тыс. до н.э.: это страны Дильмун, Мелухха, Маган, Аратта и «оловянные горы», расположенные на восток от Месопотамии. Некоторые из этих источников локализуются на южных берегах Персидского залива (*Moorey*, 1994. P. 298–300).

На роль поставщика олова в Анатолию из Европы могут претендовать месторождения в Корнуолле. По свинцово-изотопному составу эти руды датируются эпохой кембрия, т.е. их геологический возраст совпадает с возрас-

том олова, присутствующего в бронзах Трои и Полиохни (*Muhly, Pernicka*, 1992. P. 314).

Перспективным представляется поиск мест древней добычи олова на восток от Месопотамии. Большой интерес в плане выяснения древних источников олова представляет информация о его древних разработках в Средней Азии, в районах Бухары и Ферганы. В отечественной литературе 1960–70-х гг. упоминаются месторождения олова в Средней Азии (между Бухарой и Самаркандом) со следами разработок, связанных с андроновской культурой первой половины II тыс. до н.э. (*Кузьмина*, 1966). О рудниках в районе Ферганы писали и другие российские исследователи, не исключая более ранней датировки их использования (*Masson, Sarianidi*, 1972. P. 128).

В более позднее время тема среднеазиатского олова продолжала активно обсуждаться в западной литературе (*Potts*, 1997. P. 170). Были предприняты совместные исследования Германского Археологического института, археометаллургической группы из Фрайбурга, Германского музея горного дела в Бохуме и Институтов археологии Узбекистана и Таджикистана, которые выявили два крупных месторождения оловянных руд в долине Зеравшана на территории Узбекистана и Таджикистана – рудники Карнаб, Чангалли, Мушистон, Лапас. По керамическому материалу и радиоуглеродным датировкам эксплуатация месторождений датируется периодом от начала II тыс. до н.э. до раннего железного века (1800–800 гг. до н.э.). Поблизости выявлены поселения горняков и металлургов андроновской и более поздних культур (*Boroffka et al.*, 2002; *Parzinger, Boroffka*, 2003). Связи древней Бактрии (Северный Афганистан и Южный Узбекистан) с Ираном хорошо документированы морфологически выразительными находками начиная с III тыс. до н.э. Это топоры с зооморфными мотивами и перегородчатые печати (*Tallon*, 1987. № 72, 73, 1249, 1250; *Yule*, 1982. Abb. 9c, *4*). Существовала и древняя, восходящая к убейдской эпохе, система путей доставки лазурита из Бадахшана и бирюзы из Кызыл-Кумов (*Herrmann*, 1968; *Tosi*, 1974) и Центрального Ирана (*Moorey*, 1982. P. 14). Путь, по которому доставляли лазурит, проходил на восток вдоль гор Эльбурс к Бадахшану, вероятно, в направлении Файзабада (совр. территория Афганистана) (*Herrmann*, 1968). Этот древний Хорасанский путь мог иметь ответвление, уходившее в сторону Самарканда. Еще одна ветка этого пути уходила в юго-восточном направлении, отмеченном поселениями Шахдад и Тепе Яхья. Возможные варианты реконструкции путей импорта олова в Месопотамию в III тыс. до н.э. с использованием сети путей обмена ценными ресурсами еще в 70-х гг. были предложены в небольшой статье Х. Кроуфорд (*Crawford*, 1974. Fig. 43). В свете недавних открытий оловянных рудников в Средней Азии эти предположения следует

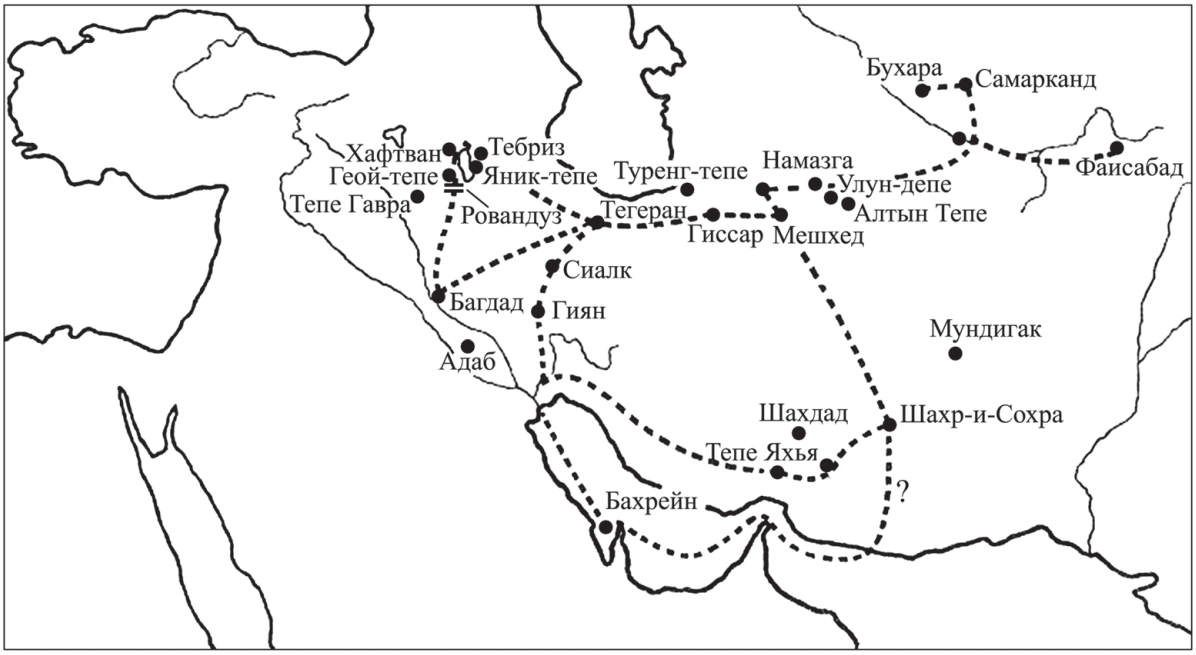


Рис. 10. Пути доставки олова и лазурита из Средней Азии в Месопотамию (по: Crawford, 1974)

считать вполне перспективными: восточная система торговых путей могла использоваться для подвоза олова в Иран и затем в Месопотамию (см. также: *Cierny*, 2002. С. 77–78). Нельзя исключать, что экспорт олова параллельно с доставкой лазурита (рис. 10) шел еще дальше на запад: о связи между находкой лазуритового топора из троянского клада L и возможностью доставки теми же путями олова в мастерские Трои пишет М.Ю. Трейстер (*Трейстер*, 1996. С. 239; 2013. С. 153 с библиографией).

В последние годы активно обсуждается вопрос о вероятности добычи олова в центральном массиве гор Тавра, район Болкардаг. Здесь работала экспедиция Смитсоновского института, США. Горнорудный район Кестель на южных склонах Тавра рассматривается исследователями как место добычи олова, откуда поставляли касситерит не только для нужд местного анатолийского производства, но и в Месопотамию (*Yener, Özbal*, 1987; *Yener, Vandiver*, 1993; *Yener*, 2000. P. 88–98). Поблизости от рудных разработок Кестель было исследовано поселение горняков-металлургов Гёльтепе с многочисленными плавильными печами, скоплениями измельченной руды, отходами металлургического производства. Следы олова обнаружены в тиглях; его соединения присутствуют в измельченной руде, хранившейся в мерных сосудах (*Yener*, 2000. P. 98–109).

Болкардаг представляет собой важный горнорудный район с длительной историей использования. Руды здесь полиметаллические, поэтому сле-

дует со вниманием относиться к мнению Дж. Мюли о том, что в середине III тыс. до н.э. месторождение в горах Тавра разрабатывалось не как источник олова, а меди, свинца и серебра, а также золота (*Muhly*, 1993; *Palmieri, di Nocera*, 1999). Свинцово-изотопный анализ шести слитков серебра из Махматлара позволяет связывать их с месторождением Аладаг в горах Тавра; анализ семи образцов серебра из троянских кладов также указывает, что металл происходит из центральных районов Тавра (*Muhly*, 2011. P. 864). Исследование двух слитков серебра из клада Махматлар и еще двух из Трои показало чрезвычайно высокое содержание цинка в металле – до 13%, что пока не находит объяснения (*Yener*, 2000. P. 68). Несомненно, рудные запасы Тавра в РБВ III стали важным ресурсом для развития анатолийского металлопроизводства и поставок металлов как на северо-запад, так и на восток. Именно Болкардаг можно обоснованно идентифицировать с Серебряными горами, которые упоминаются в месопотамских текстах времени Саргона Аккадского (XXIV в. до н.э.). По-видимому, этот район был крайней западной точкой проникновения месопотамского влияния в Анатолию. Но как источник олова он никогда не был известен (*Muhly et al.*, 1991). Аргументированная критика мнения о районе Болкардаг, как о центре добычи олова, была опубликована в статье Дж. Мюли и Э. Перники (*Muhly, Pernicka*, 1992), где авторы утверждают, что здесь наличествует рудопроявление олова в виде станнита в составе комплексного месторождения полиметаллических руд; но олово присутствует лишь в виде микроскопических дисперсных зерен станнита. Во всех проанализированных образцах руды концентрация олова не превышает 0,6%, в основном она составляет 0,2%. Это классифицируется как геологическое проявление олова, но не как месторождение, и оно не могло использоваться горняками бронзового века. Однако по мнению А. Йенер, низкое содержание олова в руде из Кестель объясняется тем, что богатые участки месторождения были исчерпаны в древности, после чего добыча прекратилась (*Yener*, 2000. P. 73–75).

Распад Аккадской державы (ок. 2150 г. до н.э.) стал причиной кризиса системы месопотамско-анатолийских связей, в том числе в области производства и обработки металлов. Вероятно, сокрытие многочисленных кладов серебра в Сиро-Месопотамии, относящихся к этому времени, связано с нестабильной ситуацией в торговле металлом (*Matthews*, 1994). Та же тенденция наблюдается и в Анатолии (*Авилова*, 2015). Кризис торговли металлами сыграл существенную роль в разрушении общеанатолийской системы торговых связей. Возрождение торговых контактов происходит в начале II тыс. до н.э., при этом роль Западной Анатолии снижается, а основным направлением контактов становятся связи Центральной Анатолии с Месопотамией

через систему ассирийских торговых поселений. Основой существования колонии в Кюльтепе II (1974–1836 гг. до н.э.) и Ib (1798–1740 гг. до н.э.) (*Özgüç*, 1959; 2005) была караванная торговля с Верхней Месопотамией и транзитная торговля с Эламом. Из Анатолии поставляли металлы (золото, серебро, бронзовые изделия), из Месопотамии и Элама – олово, ткани и благовония. Обнаруженные многочисленные клинописные тексты на древнеассирийском языке (переписка купцов с царем Ассура Ишме-Даганом) освещают экономические и социальные отношения между ассирийскими купцами, правителем Ассура и местным населением, а также этническую ситуацию накануне формирования Хеттского царства (*Şahoglu*, 2005).

Таким образом, вопрос об источниках и путях доставки олова продолжает оставаться одной из наиболее интригующих загадок в истории металлургии бронзового века.

Заключение

На материалах кладов металлических изделий, в рамках длительного периода – с IV до II тыс. до н.э., можно проследить динамику производства и использования металлов на территории Анатолии.

Устанавливаются четкие закономерности, отражающие представительность функциональных изделий в зависимости от хронологической позиции комплекса. Например, ранние клады (МВ–РБВ) состоят почти исключительно из орудий/оружия. Для понимания характера раннего этапа анатолийского металлопроизводства показательно, что в металлопроизводящем регионе представлен и класс заготовок. В производстве используется в основном медь-бронза (таблица), точнее – мышьяковая бронза (гист. 1).

В эпоху ранней бронзы (IV тыс. до н.э.) центр культурного и технологического развития Анатолии располагался в ее восточных районах, на территории, входившей в сферу воздействия урукской цивилизации. Городские поселения урукского облика Арслантепе VIA, Норшунтепе 7 и другие памятники бассейна Верхнего Евфрата были центрами металлопроизводства и поставщиками металла в Месопотамию (*Мунчаев*, 2005). Доминирующим материалом этой эпохи была мышьяковая бронза (гист. 1). Этот сплав стал первой искусственной бронзой на пространстве всей Циркумпонтийской зоны (*Frangipane*, 1985; *Авилова*, 2008. Табл. 48).

Использование металлических орудий и оружия, как и иных ценностей, в областях, затронутых воздействием шумерской цивилизации, контролировались храмовой администрацией. В месопотамских текстах III тыс. до н.э. имеются соответствующие сведения. Орудия выдавались работникам храмового хозяйства для сезонных работ, поврежденные централизованно отправлялись

на переработку (*Moorey*, 1971; ИДВ, 1983. С. 144). Орудия использовались по своему прямому назначению, но одновременно были формой хранения богатства, предметом обмена, источником металла для переработки. Таким комплексом, связанным с месопотамской моделью храмовой экономики, мог быть клад Арслантепе VIA: его состав и нахождение в храмово-административном здании позволяет интерпретировать его как общественное богатство, состоявшее из предметов двойного назначения, которые могли использоваться и как оружие (копья), и как знаки высокого социального статуса (мечи). Клад престижных вещей из Арслантепе, как и скромные находки из Бейджесултана XVII демонстрируют связь металлосодержащих комплексов эпохи ранней бронзы с постройками культового назначения (*Авилова*, 2012).

В III тыс. до н.э. центр металлургии и металлообработки смещается в Центральную и Западную Анатолию. В РБВ I Троя была рядовым поселением; и Анатолия в целом не выделялась многочисленностью и богатством металлических изделий: ее заметно опережали такие регионы, как Месопотамия и Левант (*Авилова*, 2011. Табл. 43). Комплексы середины – второй половины III тыс. до н.э. рисуют картину резкого ускорения темпов социально-экономического развития Северо-западной и Центральной Анатолии. В РБВ II–III его облик определяют такие памятники, как Троя II–III, Эскияпар и Махматлар, могильники Аладжахююк (Koşay, 1951) и Хорозтепе (*Özgüç, Akok*, 1958). Морфологическое сходство целого ряда изделий из упомянутых комплексов свидетельствует о тесных производственных и торговых связях между ними. Так, близкие аналогии металлическим сосудам из клада Эскияпар («сковороде» и серебряным кубкам) известны в кладах Трои II; чекан из электра, найденный в Эскияпаре, аналогичен бронзовому чекану с золотой обкладкой рукояти из царского некрополя Аладжахююк. Аналогии золотым четырехспиральным пронизям из кладов Трои II–III и медальонам из клада, хранящегося музее Университета Пенсильвании, известны в ряде памятников разного времени (см. выше).

Важно отметить, что появление в середине – второй половине III тыс. до н.э. на широкой территории от Восточного Средиземноморья и Северо-Западной и Центральной Анатолии и далее на восток до Южной Месопотамии многочисленных ювелирных изделий и металлических сосудов, отмеченных чертами морфологического и технологического сходства, несомненно отражает сходные социально-экономические феномены и является фактором и одновременно результатом оживленного обмена материалами, технологиями и идеями. Невозможно предположить, как писал Дж. Басс, что столь высокое ювелирное мастерство возникло конвергентно в несколь-

ких удаленных регионах в течение ограниченного периода времени (*Bass*, 1970. P. 341). Широкий спектр детальных аналогий ювелирным изделиям из троянских кладов приводит М.Ю. Трейстер (*Трейстер*, 1966; 2013). Существование определенной стилистической и технологической специфики в работе разных центров не противоречит картине широких торговых связей, простиравшихся значительно дальше, чем можно предполагать из факта существования так называемой Большой Анатолийской торговой сети (Great Anatolian Trade Network, см. *Şahoğlu*, 2005. P. 339–361).

Рассматривая особенности кладов как специфического типа источника, нельзя обойти стороной вопрос о причине их сокрытия. Кажется самоочевидным, что клады могли скрывать в обстановке военной опасности, что подтверждается разрушениями поселений эпохи Трои II–III и исчезновением так называемой «приморской культуры» Трои I–III, в особенности катастрофическое разрушение комплекса мегаронов в цитадели Трои II (*Blegen et al.*, 1950. P. 366–367; *Bittel*, 1959. P. 19). То же мнение высказывалось о кладах из сожженного здания в Эскияпар (*Özgüc, Temizer*, 1993. P. 613). Однако тогда не находит объяснения факт присутствия оружия в троянских кладах. Только в *кладе A* насчитывается 7 копий и 9 кинжалов, которые можно было использовать для целей обороны. Иначе трактует вопрос М. Корфманн, который интерпретирует *клад A* как закладную жертву при строительстве ворот FL (*Korfmann*, 2001a. P. 378–380) и тем самым переносит акцент с военно-политической ситуации на ритуальную деятельность.

Общие закономерности распределения материала СБВ можно видеть в таблице. В отличие от ранних кладов, доминирующую позицию занимает класс украшений (60–100% состава представительных в количественном отношении комплексов). Орудия/оружие присутствует в заметном проценте в небольших кладах. Достаточно часто встречаемым классом находок становятся слитки и заготовки, почти исключительно из драгоценных металлов. Только в кладах III тыс. до н.э. встречаются предметы символического назначения.

Наиболее характерная черта эпохи – массовое применение золота: 8 представительных комплексов состоит почти исключительно из золотых изделий (87–100% предметов). Клады, включающие небольшое число вещей, более пестры по составу, среди них есть такие, в которых встречена только бронза. В целом клады III тыс. до н.э. составляют своеобразную и яркую группу памятников, как по численности, так и по разнообразию набора функциональных классов изделий и металлов. Ведущим сплавом этого времени становится оловянная бронза, а роль «чистой» меди и мышьяковой бронзы заметно снижается (ср. гист. 1 и 2). Прогресс металлопроизводства отража-

ется также в применении тройных сплавов медь-олово-мышьяк. Богатство комплексов и мастерство изготовления металлических изделий указывает на чрезвычайно высокий уровень развития металлургии и металлообработки.

Резкие изменения в металлопроизводстве несомненно связаны с общей культурно-исторической ситуацией в регионе. Третье тысячелетие до н.э. отмечено массовым появлением городов, формированием государств и властных элит, изобретением письменности в передовых регионах развития цивилизации – Египте, Месопотамии, Сирии. На периферии этой первичной цивилизационной зоны возникают и развиваются центры вторичного характера, которые представляли собой узловые пункты в сети обмена, контактные зоны взаимодействия с более передовыми регионами (*Korfmann*, 2001b). В РБВ II–III Анатолия резко вырывается вперед и достигает уровня развития ранних государств с укрепленными поселениями городского типа, дворцовыми постройками, могильниками социальной элиты, т.е. выходит на те же позиции, что и Месопотамия, что находит отражение в скачкообразном росте металлопроизводства (*Авилова*, 2011. Табл. 45). Индикатором этого прорыва служат богатейшие коллекции металлических изделий, в том числе клады Трои II–III, Эскияпар, Махматлар. В их состав входят значимые предметы – символы власти правителей городов-государств, престижные вещи, которые могли циркулировать в системе дарообмена, т.е. были неразрывно связаны со сферой внеэкономических отношений. Клады в определенной обстановке могли рассматриваться также как и сокровища, материальная ценность. В них представлены соответствующие категории находок, указывающие на высокоразвитое ремесло и обмен (полуфабрикаты, слитки, лом).

Слитки и заготовки разных форм (мелкие аморфные, оформленные в виде заготовок стандартной формы, размера и веса) использовались при обращении металлов. Простейшие по форме предметы стандартного облика (стержни, кольца, отрезки проволоки) соответствовали целям транспортировки и проведения обменных операций, и могли служить ранними эквивалентами ценности (*Авилова, Терехова*, 2006; *Авилова*, 2014; 2015). Показательно, что в слоях Трои II–VI имеется значительная серия гирек, что в условиях развитых торговых связей указывает на использование весовых стандартов (*Bobokhyan*, 2009; *Авилова*, 2015; *Авилова, Гей*, 2016).

Видимо, в эпоху расцвета сложилась общеанатолийская сеть торговых путей, соединявших Центр с Северо-западом (район Эскишехир), западным побережьем и Эгеидой (*Şahoglu*, 2005. Fig. 1a). Одно из ответвлений этой системы связей вело к Трое, что нашло свое отражение в разительном сходстве металлических изделий из Трои, Аладжахююк и Эскияпара. Таким образом, в РБВ III функционировали три направления связей между

памятниками Центральной Анатолии и других регионов – западное, северное и юго-восточное. Центральноанатолийское поселение Эскияпар было узловой точкой в сети торговых связей, включавших как морскую торговлю (Троя, Икизтепе), так и сухопутную (Аладжахююк), и являлось резиденцией местного правителя, контролировавшего обмен ценностями. Троя была доминирующим звеном в северо-западной части торговой сети и контролировала морские связи с Эгеидой и далее с Фракией. Разветвленная система обмена на далекие расстояния, функционировавшая на обширных территориях, обеспечивала получение предметов роскоши и особо ценного сырья. В ней циркулировали в основном объекты, относящиеся к категории престижных и ценных предметов, в которых нуждалось не рядовое население, а элита. Именно она обладала возможностями для интенсификации производства, накопления излишков продукции, которые вовлекались в обменные отношения, а также для организации и охраны торговых путей.

Материалы позднебронзового века немногочисленны (таблица). Тем не менее, они дают основания для того, чтобы сделать вывод о завершении процесса стандартизации набора категорий изделий и металлов, начало которого заметно в кладах конца III тыс. до н.э. – Тарс комн. 56 и Соли. Клады ПБВ состоят в основном из оружия, украшения практически отсутствуют, то же касается и драгоценных металлов (золотая бляха из клада Hb в Трое VI – исключение, подтверждающее правило). Насколько можно судить по анализам состава металла этого времени, основой производства была оловянная бронза. Клады позднебронзового века рисуют картину перетекания общественной энергии из сферы идеологии в область практического использования металла как предмета вооружения и торговли. Неслучайно в составе поздних комплексах доминируют орудия и оружие стандартизированных типов (Соли, Орду). На широкомасштабную торговлю металлом указывают серии товарных слитков из материалов кораблекрушения в Улубуруне (*Pulak*, 2008).

В данной работе представлена попытка осветить некоторые проблемы металлопроизводства в древнем обществе, поскольку именно его продукция служила видимым воплощением и яркой манифестацией высокого социального статуса, идеологического обоснования власти и связанного с ней материального богатства.

Прогресс металлопроизводства был одним из мощных стимулов экономического и социального развития ближневосточного общества в позднем энеолите и бронзовом веке. Изделия из различных металлов, использовавшиеся в качестве престижных объектов, в притоке которых была заинтересована социальная верхушка, играли большую роль в выработке представлений о

богатстве, что в свою очередь было заметным фактором эволюции от эгалитарного к иерархическому обществу. Таким образом, исследования эволюции производства и использования металлов тесно связаны с проблематикой образования ранних государств и отражением этих процессов в археологическом материале. В частности, Н.Н. Крадин, анализируя археологически уловимые критерии цивилизации, перечисляет трехуровневую структуру общества, оседлость, земледельческое хозяйство как основу экономики и, что важно подчеркнуть в данной статье, обработку металла (*Крадин*, 2006. С. 196). Ряд археологических признаков государства перечисляет Ю.В. Павленко. Это существование раннегородских центров, многоуровневую общественную стратификацию, отраженную в материалах поселений и погребальных комплексов, обособление культуры элиты, трансформация в идеологии, развитие ремесленной специализации (*Павленко*, 1989. С. 65–72). Перечисленные критерии находят отражение в археологических материалах анатолийских кладов эпохи раннего металла.

ЛИТЕРАТУРА

Авилова Л.И., 2008. Металл Ближнего Востока. Модели производства в энеолите, раннем и среднем бронзовом веке. М.: Памятники исторической мысли. 227 с.

Авилова Л.И., 2010. К изучению социокультурного развития земледельческих обществ Древнего Востока // Вестник Дагестанского научного центра. № 37. С. 35–49.

Авилова Л.И., 2011. Металл Ближнего Востока. Социально-экономические и культурные процессы. Saarbrücken.: LAP Lambert academic publishing. 356 с.

Авилова Л.И., 2012. К характеристике храмовых комплексов Ближнего Востока в IV–III тыс. до н.э. // Проблемы археологии Кавказа / Отв. ред. Р.М. Мунчаев, С.Н. Кореневский. М.: Таус. С. 10–21.

Авилова Л.И., 2014. Анатолийские клады металлических изделий (эпоха раннего металла). Анализ состава комплексов // КСИА. Вып. 236. С. 26–33.

Авилова Л.И., 2015. О слитках металла из анатолийских кладов (эпоха бронзы) // КСИА. Вып. 238. С. 49–67.

Авилова Л.И., Гей А.Н., 2016. Об использовании весовых систем в эпоху бронзы // КСИА. Вып. 245. Ч. 1. С. 82–93.

Авилова Л.И., Орловская Л.Б., 2002. Историко-металлургические и радиоуглеродные базы данных по Циркумпонтийской металлургической провинции // КСИА. Вып. 211. С. 2–29.

Авилова Л.И., Терехова Н.Н., 2006. Стандартные слитки металла на Ближнем Востоке в эпоху энеолита – бронзового века // КСИА. Вып. 220. С. 14–33.

Антонова Е.В., 1998. Месопотамия на пути к первым государствам. М.: Главная редакция восточной литературы издательства Наука. 223 с.

Бронзовый век…, 2013 – Бронзовый век. Европа без границ. Четвертое – первое тысячелетия до н. э.: каталог выставки / Ред. Ю.Ю. Пиотровский. СПб.: Чистый лист. 648 с.

Дьяконов И.М., 1959. Общественный и государственный строй древнего Двуречья. Шумер / Отв. ред. В.И. Авдиев. М.: Восточная литература. 306 с.

Иессен А.А., 1935. Олово Кавказа // Археологические работы Академии на новостройках. М.-Л.: ОГИЗ СОЦЭКГИЗ. С. 193–205.

ИДВ, 1983 – История древнего Востока: Зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческой цивилизации. Ч. I. Месопотамия / Ред. И.М. Дьяконов. М.: Главная редакция восточной литературы издательства Наука. 534 с.

ИПО, 1988 – История первобытного общества. Эпоха классообразования. М.: Наука. 568 с.

Крадин Н.Н., 2006. Археологические признаки цивилизации // Раннее государство, его альтернативы и аналоги / Под ред. Л.Е. Гринина, Д.М. Бондаренко, Н.Н. Крадина, А.В. Коротаева. Волгоград: Учитель. С. 184–208.

Кузьмина Е.Е., 1966. Металлические изделия энеолита и бронзового века в Средней Азии. Археология СССР. М., Наука. 149 с. (САИ; вып. В 4–9)

Мунчаев Р.М., 2005. Месопотамия, Кавказ и Циркумпонтийская металлургическая провинция // РА. № 4. С. 13–24.

Павленко Ю.В., 1989. Раннеклассовые общества (генезис и пути развития). Киев: Наукова думка. 287 с.

Равич И.Г., Рындина Н.В., 1984. Изучение свойств и микроструктуры сплавов медь – мышьяк в связи с их использованием в древности // Художественное наследие. № 9 (39). М.: Изд-во «Искусство». С. 114–124.

Сокровища…, 1996 – Сокровища Трои из раскопок Генриха Шлимана: каталог выставки / Ред. И.А. Данилова. М.: ГМИИ им. А.С. Пушкина: Леонардо Арте. 297 с.

Трейстер М.Ю., 1996. Троянские клады: (атрибуции, хронология исторический контекст) // Сокровища Трои из раскопок Генриха Шлимана. Каталог выставки / Ред. И.А. Данилова. М.: ГМИИ им. А.С. Пушкина; Леонардо Арте. С. 197–240.

Трейстер М.Ю., 2013. Троянские клады // Бронзовый век. Европа без границ. Четвертое – первое тысячелетия до н. э.: Каталог выставки / Ред. Ю.Ю. Пиотровский. СПб.: Чистый лист. С. 140–154.

Хансен С., 2013. Клады в Европе эпохи бронзы // Бронзовый век. Европа без границ. Четвертое – первое тысячелетия до н. э.: каталог выставки / Ред. Ю.Ю. Пиотровский. СПб.: Чистый лист. С. 279–289.

Черных Е.Н., 1966. История древнейшей металлургии Восточной Европы. М.: Наука. 144 с.

Черных Е.Н., Авилова Л.И., Кузьминых С.В., Орловская Л.Б., 2002. Древняя металлургия в Циркумпонтийском регионе: от единства к распаду // РА. № 1. С. 5–23.

Alessio M., Allegri L., Azzi C., Bella F., Calderoni G., Cortesi C., *Improta S., Petrone V.*, 1983 – 14C Dating of Arslantepe // Origini. Vol. XII, 2. P. 575–580.

Bachhuber C., 2009. The treasure deposits of Troy: rethinking crisis and agency of the Early Bronze Age citadel // AS. 59. P. 1–18.

Bass G.F., 1970. A hoard of Trojan and Sumerian jewelry // American Journal of Archaeology. Vol. 74. No. 4. P. 335–341.

Begemann F., Schmitt-Strecker S., Permnicka E., 1989. Isotopic composition of lead in early metal artefacts. Results, Possibilities and limitations // A. Hauptmann, E. Pernicka, G.A. Wagner, eds. Archäometallurgie der alten Welt. Bochum. P. 269–278.

Berthoud Th., Cleuziou S., Hürtel L.P., Menu M., Volfovsky C., 1982. Cuivres et alliages en Iran, Afghanistan, Oman au cours des IVe et IIIe millénaires // Paléorient. Vol. 8. No. 2. P. 39–54.

Bilgi Ö., 1984. Metal objects from Ikiztepe-Turkey // Beiträge zur Allgemeinen und Vergleichenden Archäologie. Bd. 6. S. 31–96.

Bilgi Ö., 1990. Metal objects from Ikiztepe-Turkey // Beiträge zur Allgemeinen und Vergleichenden Archäologie. Bd. 9–10. S. 119–219.

Bittel K., 1940. Der Depotfund von Soloi – Pompeiopolis // Zeitschrift für Assyriologie und Vorderasiatische Archaologie. Bd. 46, 1. S. 183–205.

Bittel K., 1959. Beitrag zur Kenntnis anatolischer Metalgefässe der zweiten Hälfte des dritten Jahrtausends v. Chr. // Jahrbuch des deutschen archaologischen Instituts 74. S. 1–34.

Blegen C.W., Caskey J.L., Rawson M., 1951. Troy. Vol. II: The third, fourth and fifth settlements / Eds.: C. W. Blegen, J. Caskey. Princeton: Univ. Press. 325 p.

Blegen C.W., Caskey J.L., Rawson M., 1953. Troy. Vol. III: The sixth settlement / Eds.: C. W. Blegen, J. Caskey, M. Rawson. Princeton: Univ. Press. 288 p.

Blegen C.W., Caskey J.L., Rawson M., Sperling J., 1950. Troy. Vol. I: General introduction. The first and second settlements / Eds.: C.W. Blegen, J. Caskey. Princeton: Univ. Press. 396 p.

Bobokhyan A., 2006. Das Phänomen “Hortfund” im früh- und mittelbronzezeitlichen Kulturkontext Kaukasiens // Aramazd. Vol. I. P. 50–71.

Bobokhyan A., 2009. Trading implements in early Troy // AS. Vol. 59. P. 20–50.

Boroffka N., Cierny J., Lutz J., Parzinger H., Pernicka E., Weisgerber G., 2002. Bronze Age tin from Central Asia: Preliminary notes // Ancient interactions: east and west in Eurasia. Cambridge. P. 135–159.

Caneva C., Frangipane M., Palmieri A.M., 1985. I metalli di Arslantepe nel quadro dei piu antichi sviluppi della metallurgia vicino-orientale // La ricerca scientifica, 112 (1976–1979). P. 115–137.

Cierny J., 2002. Bronze Age tin mines in Central Asia // Каргалинский Международный полевой Симпозиум-2002 «Древнейшие этапы горного дела и металлургии в Северной Евразии: Каргалинский комплекс». М. С. 77–78.

Coghlan H.H., 1951. Notes on the prehistoric metallurgy of copper and Bronze in the Old World // Occasional Papers on Technology. № 4. Oxford: Pitt Rivers Museum. 131 p.

Crawford H.E.W., 1974. The problem of tin in Mesopotamian bronzes // World Archaeology. Vol. 6. No. 2. P. 242–247.

Dayton J.E., 1971. The problems of tin in the Ancient World // World Archaeology. Vol. 3 (I). P. 49–7I.

Dörpfeld W., 1902. Troja und Ilion. Ergebnisse der Ausgrabungen in den vorhistorischen und historischen Schichten von Ilion, 1870–1894. Athen: Beck and Barth. 554 p.

Early town, 1981 – Early town on the Deh Luran Plain. Excavations at Tepe Farukhabad / Ed. H.T. Wright. Ann Arbor. 485 p.

Eaton E.R., McKerrell H., 1976. Near Eastern alloying and some textual evidence for the early use of arsenical copper // World Archaeology. Vol. 8(2). P. 169–191.

Easton D.F., 1984. “Priam’s treasure” // AS. Vol. 34. P. 141–169.

Easton D.F., 1994. Priam’s gold: The Full Story // AS. Vol. 44. P. 221–243.

Easton D.F., 1997. The excavation of the Trojan treasures and their history up to the death of Schliemann in 1890 // E. Simpson, ed. The spoils of war: the loss, reappearance, and recovery of cultural property. N.Y.: Harry N. Abrams Inc. P. 194–206.

Easton D.F., 2002. Schliemann’s excavations at Troia 1870–1873 // Studia Troica Monographs. Vol. 2. Mainz am Rhein.

Easton D.F., Hawkins J.D., Sherratt A.G., Sherratt E.S., 2002. Troy in recent perspective // AS. Vol. 52. P. 75–109.

Esin U., 1969. Kuantatif spektral analiz yardimiyla Anadolu'da başlangicindan Asur kolonileri çagina kadar bakir ve tunç madenciligi. Istanbul: Tas, Matbaasi. 205 p.

Esin U., 1981. Die chalcolitischen, Arsen-Kupferzeitlichen und frühbronzezeitlichen Kulturen Anatoliens anhand der Metallanalysen // J. Guilaine, ed. El origen de la metalurgia (X UISPP, Mexico, 19–24 Oct. 1981). Mexico City. P. 105–123.

Jesus de, P.S.,1978. Metal resources in ancient Anatolia // AS. Vol. XXIII. P. 97–102.

Johnson G.A., 1973. Local exchange and early state development in Southwestern Iran. // Anthropological Papers. № 51. Ann Arbor, Mich.: Museum of Anthropology, University of Michigan. 205 p.

Fontijn D., 2012. Landscapes without boundaries? Some thoughts on Bronze Age deposition areas in North-Western Europe // Hort und Raum. Aktuelle Forschungen zu bronzezeitlichen Deponierungen in Milleteuropa / S. Hansen, D. Neumann, T. Vachta, Hrsg. Berlin-Boston: de Gruyter. P. 49–68.

Frangipane M., 1985. Early developments of metallurgy in the Near East // Studi di Paletnologia in onore di Salvatore M. Puglisi. / M. Liverani, A. Palmieri, R. Peroni, ed. Universita di Roma "La sapienza", Roma. P. 215–228.

Frangipane M., 1997. Arslantepe-Malatya, external factors and local components in the development of an early state society // L. Manzanilla, ed. Emergence and change in early urban societies. N.Y.: Plenum Press. P. 43–58.

Gale N.H., Stos-Gale Z.A., Gilmore G.R., 1985. Alloy types and copper sources of Anatolian copper alloy artifacts // AS. Vol. 35. P. 143–173.

Giles D.L., Kuijpers E.P., 1974. Stratiform copper deposit, Northern Anatolia, Turkey: Evidence for Early Bronze I (2800 B.C.) mining activity // Science. 186/4166. Nov. 29. P. 823–825.

Goldman H., 1956. Excavations at Gözlükule, Tarsus. Vol. II. The Neolithic through the Bronze Age. Princeton. 373 p.

Hansen S., 2012. Bronzezeitliche Horte: Zeitliche und raumliche Rekontextualisierungen // Hort und Raum. Aktuelle Forschungen zu bronzezeitlichen Deponierungen in Milleteuropa / S. Hansen, D. Neumann, T. Vachta, Hrsg. Berlin-Boston: de Gruyter. P. 23–48.

Hauptmann H., 1982. Die Grabungen auf dem Norşun Tepe, 1974 // Keban Project 1971 Activities. Ankara: METU Press. P. 41–70.

Helwing B., 2003. Feasts as a social dynamic in prehistoric Western Asia – three case studies from Syria and Anatolia // Paléorient. Vol. 29/2.

Herrmann G., 1968. Lapis lazuli: The early phases of its trade // Iraq. Vol. 30.

Hort und Raum. Aktuelle Forschungen zu bronzezeitlichen Deponierungen in Milleteuropa / S. Hansen, D. Neumann, T. Vachta, Hrsg. Berlin-Boston: de Gruyter. 255 p.

Kelly-Buccellati M., 1990. Trade and metals in the third millennium: Northeastern Syria and Eastern Anatolia // P. Matthiae, M. van Loon, H. Weiss (Eds.). Resurrecting the past. Istanbul. P. 117–131.

Korfmann M., 2001a. Neue Aspekte zum "Schatz des Priamos": Der Schatz A von Troia, sein Auffindungsort und seine Datierung // D. Planck, G. Biegel, J. Luckhardt, W. Jacob, eds. Troia: Traum und Wirklichkeit. Baden-Württemberg. P. 373–383.

Korfmann M., 2001b. Troia als Drehscheibe des Handels im 2. und 3. vorchristlichenJahrtusends: Erkentnisse zur Troianischen Hochkultur und zur Maritimen Troiakultur // Troia: Traum und Wirklichkeit. Begleitband zur Ausstellung. Archäologisches Landes-museum Baden-Württemberg. Stuttgart: Theiss. S. 355–368.

Koşay H.Z., 1951. Les fouilles d'Alaca Höyük: Rapport préliminaire sur les travaux en 1937–1939 // TTKY. Ser. V. № 5. Ankara: Türk Tarih Kurumu Basımevi. 409 p.

Koşay H.Z., Akok M., 1950. Amasya Mahmatlar köyü definesi // TTKY Belleten, 14. Ankara: Türk Tarih Kurumu Basımevi. P. 481–485.

Lloyd S., Mellaart J., 1963. Beycesultan. Vol. I. The Chalcolithic and Early Bronze Age levels. London: The British Institute of Archaeology at Ankara. 296 p.

Masson V.M., Saraindi V.I., 1972. Central Asia: Turkmenia before the Achaemenids // Ancient Peoples and Places. Vol. 79. L.:Thames and Hudson. 219 p.

Matthews R., 1994. Imperial catastrophe or local incident? An Akkadian hoard from Tell Brak, Syria // Cambridge Archaeology Journal. Vol. 4. P. 290–316.

Mellink M., 1967. Beycesultan: A Bronze Age site in Southwestern Turkey // Bibliotheka Orientalis. Vol. 24. P. 3–9.

Milano L., 1991 Circolazione di coppe e recipienti d'oro e d'argento in Siria nell'Antico e Medio Bronzo // Science dell'Antichita. Vol. 5. P. 353–368.

Millard A.R., 1988. The beveled-rim bowls: Their purpose and significance // Iraq. Vol. 50. P. 49–57.

Moorey P.R.S., 1971. The Loftus hoard of Old Babylonian tools from Tell Sifr, Iraq // Iraq. Vol. 33. P. 61–87.

Moorey P.R.S., 1982. Archaeology and pre-Achaemenid metalworking in Iran: A fifteen years retrospective // Iran. Vol. 20. P. 81–101.

Moorey P.R.S., 1994. Ancient Mesopotamian materials and industries. The archaeological evidence. Oxford; N.Y.: Clarendon Press. 414 p.

Muhly J.D., 1989. Çayönü Tepesi and the beginnings of metallurgy in the Old World // Old World archaeometallurgy / Eds. A. Hauptmann, E. Pernicka, G.A. Wagner. Der Anschnitt, Beiheft 7. Bochum: Deutsches Bergbau-Museum. P. 1–13.

Muhly J.D., 1993. Early Bronze Age tin and the Taurus // American Journal of Archaeology. No. 97. P. 239–253.

Muhly J.D., 2011. Metals and metallurgy // The Oxford handbook of Ancient Anatolia (10000–323 BCE) / Gregory McMahon and Sharon Steadman, eds. Oxford: Oxford Univ. Press. P. 858–876.

Muhly J.D., Begemann F., Öztunali Ö., Pernicka E., Schmitt-Strecker S., Wagner G.A., 1991. The bronze metallurgy of Anatolia and the question of local tin sources // Archaeometry ’90. P. 209–220.

Muhly J.D., Pernicka E., 1992. Early Trojan metallurgy and metals trade // Heinrich Schliemann. Grundlagen und Ergebnisse moderner Archäologie 100 Jahre nach Schliemanns Tod. J. Herrmann, ed. Berlin: Akademie Verlag. P. 309–319.

Muhly J.D., Wertime T.A., 1973. Evidence for the sources and use of tin during the Bronze Age of the Near East. A reply to J. E. Dayton // World Archaeology. Vol. 4 (I). P. 11–23.

Muscarella O.W., 1988. Bronze and iron: Ancient Near Eastern artifacts in The Metropolitan Museum of art. N.Y.: Metropolitan Museum of Art. 504 p.

Özgüç T., 1959. Kültepe-Kaniş: Asur ticaret kolonilerinin merkezinde yapılan yeni araştırmalar // TTKY. Ser. V. No. 19. Ankara: Türk Tarih Kurumu Basımevi.113 p.

Özgüç T., 2005. Kültepe Kanis / Nesa. İstanbul: Yari Kredi Yayınları. 296 p.

Özgüç T., Akok M., 1958. Horoztepe. An Early Bronze Age settlement and cemetery // TTKY. Ser. V. No. 18. Ankara: Türk Tarih Kurumu Basımevi. 61 p.

Özgüç T., Temizer R., 1993. The Eskiyapar treasure // Aspects of art and iconography: Anatolia and its neighbours. Studies in honor of Nimet Özgüç / M.J. Mellink, E. Porada, T. Özgüç (Eds.). Ankara: Türk Tarih Kurumu Basimevi. P. 613–628.

Palmieri A.M., 1973. Scavi nell’area sud-occidentale di Arslantepe. Ritrovamento di una struttura templare dell’Antica Età del Bronzo // Origini. Vol. 7. P. 55–228.

Palmieri A.M., 1978. Scavi ad Arslantepe (Malatya) // Quaderni de «La Ricerca Scientifica». № 100. Consiglio nazionale delle Ricerche: Roma. P. 311–373.

Palmieri A.M., 1981. Excavations at Arslantepe (Malatya) // AS. Vol. 31. P. 101–119.

Palmieri A.M., di Nocera G.M., 1999. The metal objects from the ‘Royal’ Tomb at Arslantepe (Malatya – Turkey) and the metalwork development in the Early

Bronze Age // Landscapes, Territories, Frontiers and Horizons in the Ancient Near East. Papers presented to the XLIV Rencontre Assyriologique Internationale, Venezia, 7–11 July 1997 / L. Milano, S. De Martino, F.M. Fales, G.B. Lanfranchi (Eds.). Padova: Sargon. P. 179–190.

Parzinger H., Boroffka N., 2003. Das Zinn der Bronzezeit in Mittelasien I. Die siedlungsarchäologischen Forschungen im Umfeld der Zinnlagerstätten // Archäologie in Iran und Turan. Bd. 5. Mainz am Rhein: Verlag Philipp von Zabern. 328 s.

Pernicka E., Seeliger T.C., Wagner G.A., Begemann F., Schmitt-Strecker S., Eibner C., Öztunali O., Baranyi I., 1984. Archäometallurgische Untersuchungen in Nordwestanatolien // Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums Mainz. Vol. 31. S. 533–599.

Peyronel L., 2010. Ancient Near Eastern economics. The silver question between methodology and archaeological data // Proceedings of the 6th International Congress on the Archaeology of the Ancient Near East. May, 5th–10th 2008, Sapienza – Università di Roma. Vol. 1 / Eds.: P. Matthiae, F. Pinnock, L. Nigro, N. Marchetti, with the collaboration of L. Romano. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag. P. 925–948.

Potts D.T., 1997. Mesopotamian civilization. The material foundations. L. 366 p.

Przeworski S., 1967. Die Metallindustrie Anatoliens in der Zeit von 1500–700 vor Chr. // Opera selecta. Wrocław; Warszawa; Kraków: Ossolineum. S. 69–351.

Pulak C., 2008. The Uluburun shipwreck and Late Bronze Age trade // Beyond Babylon: art, trade, and diplomacy in the second millennium B.C. / Eds.: C. Aruz, K. Benzel, M. Evans. N.Y.: The Metropolitan Museum of Art; New Haven: Yale University Press. P. 289–310.

Renfrew C., 1972. The emergence of civilisation. The Cyclades and the Aegean in the third millennium B.C. L.: Methuen. 624 p.

Ryan C.W., 1960. A guide to the known minerals of Turkey. Ankara: Operations Mission to Turkey, International Cooperation Administration. 196 p.

Şahoğlu V., 2005. The Anatolian trade network and the Izmir region during the Early Bronze Age // Oxford Journal of Archaeology. Vol. 24 (4). P. 339–361.

Schliemann H., 1881. Ilios: The city and country of the Trojans. L.: Murray. 800 p.

Schmidt K., 1996. Norşuntepe. Kleinfunde I: Die litische Industrie. Deutsches Archäologisches Institut, Abteilung Istanbul. Archaeologia Euphratica. Bd. 1. Ausgrabungen und Forschungen im Türkischen Euphratgebiet. Hrsg. H. Hauptmann. Zabern Verlag. 145 p.

Stos-Gale Z.A., Gale N.H., Gilmore G.R., 1984. Early Bronze Age Trojan metal sources and Anatolians in the Cyclades // Oxford Journal of Archaeology, 3 (3). P. 23–43.

Tallon F., 1987. Métallurgie susienne I. De la fondation de Suse au XVIIIe siècle avant J.-C. Vols. I–II. Paris: Editions de la Réunion des musées nationaux. Vol. I – 416 p. Vol. II – 350 p.

The Anatolian civilizations. Istanbul. May 22 – October 30, 1983. Istanbul: Turkish Ministry of Culture and Tourism. 311 p.

Tosi M., 1974. The problem of turquoise in protohistoric trade on the Iranian plateau // Studi di Paletnologia, Paleoantropologia, Paleontologia e Geologia del Quaternario. Roma: Istituto Italiano di Paleontologia Umana. Vol. 2. P. 147–162.

Traill D.A., 1983. Schliemann's "discovery" of "Priam's treasure" // Antiquity. Vol. 57. P. 181–186.

Tylecote R.F., Tylecote E., Jaffee R.I., 1966. Analysis of Trojan bronzes // Historical Metallurgy. Vol. 1. No. 7. P. 20–29.

Wagner G.A., 1988. Die Anfänge der Kupfermetallurgie Kleiasiens. Geowissenschaften. Bd. 6. P. 321–329.

Wallace R., Griffits J., Albers P., Öner Ö., 1972. Massive sulfide copper deposits of the Ergani-Maden area, Southeastern Turkey // Economic Geology. Vol. 67. N 6. P. 701–716.

Wertime T.A., 1978. The search for ancient tin: The geographic and historic boundaries // The search for ancient tin / A.D. Franklin, J.S. Olin, T.A. Wertime, eds. Washington, DC: Smithsonian Institution Press. P. 1–6.

Wright J. (ed.) 2004. The Mycenaean Feast. Princeton: American School of Classical Studies in Athens. 217 p.

Yakar J., 1984. Regional and local schools of metalwork in Early Bronze Age Anatolia. Part I. // AS. Vol. 34. P. 59–86.

Yakar J., 2011. Anatolian chronology and terminology // The Oxford handbook of Ancient Anatolia (10.000-323 BCE) / G. McMahon, Sh. Steadman (eds). Oxford: Oxford Univ. Press. P. 56–93.

Yalçin Ü., 2000. Anfänge der Metallvervendung in Anatolien // Anatolian Metal I / Ed. Ü. Yalçin. Der Anshnitt. Beiheft 13. Bochum. S. 17–30.

Yener A. K., 1983. The production, exchange, and utilization of silver and lead metals in Anatolia // Anatolia. Vol. 10. P. 1–16.

Yener A.K., 2000. The domestication of metals, the rise of complex metal industries in Anatolia. Leiden; Boston; Köln: Brill. 210 p. (Culture and History of the Ancient Near East; Vol. 4).

Yener A.K., Özbal H., 1987. Tin in the Turkish Taurus mountains: the Bolkardag mining district // Antiquity. Vol. 61. P. 220–226.

Yener A.K., Vandiver P.B., 1993. Tin processing at Göltepe, an Early Bronze Age site in Anatolia // American Journal of Archaeology. Vol. 97. P. 207–238.

Yildirim T., 2001. A group of Hittite bronze objects from the Seben district of Bolu // Anatolica. Vol. 27. P. 127–144.

Yule P., 1982. Tepe Hissar. Neolitische und kupferzeitliche Siedlung in Nordostiran. München: C.H. Beck. 45 p. (Materialien zur allgemeinen und vergleichenden Archäologie. Bd. 14.

L.I. Avilova

TREASURE HOARDS OF METAL ITEMS IN ANATOLIA (ENEOLITHIC – BRONZE AGE)

Abstract. The paper explores a specific type of archaeological assemblages in Anatolia, i.e. treasure hoards containing metal items. A treasure hoard is understood to be a data source of information on morphological, production and social standards of prehistoric society. Our corpus of hoards includes 31 treasure hoards, which means almost 32000 finds and 115 spectral analyses of copper/bronze items. The paper provides an overview of assemblages, their chronological distribution, a description of functional categories of items and metals used and archaeological contexts of the hoards. The artifacts are considered from several angles, including characteristics of how metal was introduced, produced and used throughout a long period, i.e. from the Late Eneolithic to the Late Bronze Age inclusive (the turn of V and IV till II mill. BC). The paper contains comparative analysis of the assemblages based on a number of indications such as the set of functional categories of the items, the material the items are made from (copper, arsenical and tin bronzes, noble metals), and chronologies. Based on the research of the chemical composition of Anatolian bronzes, the copper-base alloys are characterized by periods; mineral resources of early Anatolian metallurgy are discussed and the role of local mining sources and a developed network of trading links are highlighted. A special focus is given to the issue of tin sources because during transition from Troy I to Troy II arsenical bronze was gradually replaced by tin bronze. The paper provides a number of conclusions on the linkage between changes in metal working and the overall cultural and historical situation in the region, namely, emergence of urban centers as ‘hubs’ of the exchange networks of III mill. BC or areas where contacts with advanced regions took place. It was the time when states and power elites emerged and developed. In anumber of cases there is a link established between the cult and public constructions emphasizing a symbolic role of such assemblages. Developed systems of exchange in which metal was used as an equivalent of value are an attribute of early civilizations of the Near Eastern type which is reflected in standardization of metal production. Late Bronze Age artifacts permit the author to conclude that this process was completed and public energy began to be refocused from ideology to practical use of metal as an item of weaponry and trade.

Keywords: Anatolia, Eneolithic, Bronze Age, assemblage, treasure hoard, database, morphological categories of items, metals, alloys, production, mineral resources, exchange systems, social development, civilization.

С.Н. Кореневский

СИМВОЛИКА БОГИНИ ПЛОДОРОДИЯ И СИМВОЛЫ ВОЙНЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ V–III тыс. до н.э. ПОДУНАВЬЯ И ПЕРЕДНЕГО ВОСТОКА)

Резюме. Статья ставит цель показать символику женских божеств, отражаемую археологическим источниками V–III тыс. до н.э. – в культурах земледельцев и скотоводов на разных территориях. В ней делается попытка ответить на вопрос, почему в мифологии культур нарождающихся цивилизаций существовал феномен богини войны, хотя война, как известно, дело не женское. В работе приводятся примеры символики женского божества из культур халколита Дунайского бассейна и Ближнего Востока. В итоге делается вывод, что образ богини войны был первоначально связан с образом богини смерти. Появление богов войны в мифологии земледельцев и скотоводов, например, Ближнего Востока было более поздним явлением.

Ключевые слова: энеолит, Дунайский регион, искусство, абстракция, Ближний Восток, богиня, война, символика, оружие, Древо Жизни, кошачьи хищники, погребение, престиж, верования, шумеры.

Пантеон божеств Религии Природы знает много богов и богинь, отвечающих за различные сферы деятельности человека и общества. Среди женских богинь особо почитаемыми были богини-прародительницы и богини плодородия, которые играли доминирующую роль в сообществе мифологических властителей мира. Особое место среди богинь в мифах Древнего Египта, Месопотамии и Ирана в предгосударственный и ранний государственный период начинают занимать также богини войны, например, Сехмет (Египет) и Инанна-Иштар (Месопотамия). Богини войны были многочисленны и в мифологии кельтов и германцев, как справедливо показала К. Джонс-Блей. (*Джонс-Блей*, 1997; *Jones-Bley*, 2008. С. 35–50).

В данной статье мы попытаемся показать символику женских божеств, отражаемую археологическим источниками V–III тыс. до н.э. в культурах земледельцев и скотоводов на разных территориях, чтобы ответить на вопрос: почему в мифологии культур нарождающихся цивилизаций возник и играл существенную роль феномен богини войны, хотя война, как известно, дело не женское.

Изложение материала будет построено в виде этюдов с такими разделами, как введение в проблему, символы богинь в комплексах с оружием культур Дунайского халколита (Хаманджия, Варна), символика богини – хо-

https://doi.org/10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-284-1.91-125

зяйки Древа Жизни и богинь на львицах в культурах Месопотамии и Ирана, символика богини победы у шумеров по материалам могильника в Уре.

Введение в тему

Занятия войной в процессах военизации родового общества и превращения его в общество предгосудрственного периода со сложной структурой и престижной экономикой, конечно, были связаны с мужской частью населения. Однако участие женщин в военных действиях охотников и собирателей, скотоводов и земледельцев было отмечено на разных континентах многими исследователями (*Дейви*, 2009).

Сам по себе процесс военизации родоплеменных обществ был связан с постоянно непрекращающимися войнами по первобытным причинам (*Дейви*, 2009), в которых добыча как цель войны не имела никакого значения. Этот долгий процесс продолжался в пережитках и рудиментах вплоть до времени германцев Тацита (*Окшотт*, 2004. С. 65) и как проявление кровной мести смог дожить вплоть до нового времени. Появление войн за рабов, как источника рабочей силы, и за иные материальные блага, хорошо фиксируется с возникновением цивилизации и государственности. Это время наступает в начале III тыс. до н.э. на территории Египта и на юге Месопотамии. Во II тыс. до н.э. войны за добычу получили дальнейшее распространение на Ближнем Востоке и в Эгейском бассейне. На других территориях процесс перехода к цивилизации и существованию воинственных вождеств затянулся до I тыс. до н.э. и более позднего времени. В ходе подобных трансформаций и превращения войн из кровавых мероприятий культового и религиозного характера в средство получения экономических благ и высокого социального престижа, отношение к божественным покровителям военной деятельности менялось. Мы начнем анализ нашего материала с обществ, стоящих на стадии развитого халколита и протоцивилизации (*Кореневский*, 2013). Эти общества уже вступили на путь перехода от века камня к веку металла, освоили в V тыс. до н.э. производство оружия на медной основе и изготовление дорогих изделий из золота – предметов культа и высокого престижа.

Дунайский бассейн

Богини плодородия, метаморфозы их образов в пластике и связь с символикой оружия.

Дунайский бассейн в конце VI–V тыс. до н.э. был одним из самых развитых регионов Европы в военном отношении. Здесь у племен культуры

линейно-ленточной керамики (Археология Венгрии, 1980. С. 288) активно шло изготовление каменных втульчатых топоров–молотов, появились их копии из меди, использовались костяные клевцы и костяные кинжалы; менее известны каменные булавы.

Каменные топоры со сверлиной-проухом в своей законченной форме фиксируются в основном в культуре среднего неолита Лендьел и в культуре Триполье А. До этого времени их находки, по мнению В.С. Титова, невыразительны и редки (Археология Венгрии, 1980. С. 284).

Эпоха энеолита создает, помимо каменных топоров, медные топоры, в общих чертах аналогичной формы с каменными топорами, имеющими сверлину и утолщение в центре корпуса.

В арсенале оружия времени среднего неолита Подунавья, в группе Желиз, впервые фиксируется каменная булава простой шаровидной формы. Каменные булавы известны также в культуре Бюкк (Археология Венгрии, 1980. С. 308) и в позднем неолите Венгрии – в культуре Тиса (Археология Венгрии, 1980. С. 346), но каменные булавы встречаются здесь гораздо реже, чем каменные сверленые топоры.

В эпоху Дунайского энеолита в погребальную обрядность широко проникают втульчатые клевцы из рога оленя. По случайной находке из Болгарии известен втульчатый костяной топор с коротким обухом (Кореневский, 2017, С. 163 рис. 3, *2*;16)

Погребальная практика дунайских культур впитывает символику форм оружия, наряду с символикой вещей культового характера и престижно-статусных украшений погребального костюма. Очень интересны данные анализа погребений огромного могильника Дуранкулак в Болгарии. Всего в нем было открыто более 1200 захоронений, из которых 720 относятся к культуре Хаманджия (первая половина V тыс. до н.э.)[1]. Положение покойных – вытянуто на спине и скорченно на правом боку. Процентное соотношение этих поз колеблется внутри каждого этапа, но обе позы выглядят как типичные. Большинство мужских захоронений связано с вытянутой позой,

[1] Культура Хаманджия распространена в Добрудже, в приморской части Болгарии и в Румынии. Она является предшественницей культур Гумельница и Варна, синхронна культуре Марица и Караново V. По типологии Г. Тодоровой датируется средним энеолитом (*Тодорова*, 1986. С. 43). В абсолютных датах культура Хаманджия занимает интервал от конца VI тыс. до н.э. до середины V тыс. до н.э. (5200–4600 ВС) (Cucuteni, 1997. Хронологическая таблица). Выделяют четыре этапа развития культуры, для могильника Дуранкулак отмечены все этапы с I по IV. Их абсолютная хронология такова: Хаманджия I–II – 5250/5200–4950/4900 ВС, Хаманджия III – 5050/4900–4650/4600 ВС, Хаманджия IV – 4650/4600–4450/4400 ВС (*Gürsdorf, Bojadziev*, 1996).

женских – со скорченной. Костяки в основном ориентированы в северный сектор. Из 720 захоронений культуры Хаманджия 297 (41%), по заключению антропологов, определены как мужские. Из оружия ударного действия хорошо представлены клевцы из рога. Они найдены в 14 захоронениях. Это составляет 4,7% от числа мужских погребений. Каменные тесла зафиксированы в 26 захоронениях (8,7%), то есть они встречаются в два раза чаще, чем клевцы из кости. Совместная находка клевца и тесла отмечена только один раз (погр. 404) (*Todorova*, 2002a, b). Орудия ударного действия найдены при вытянутых на спине мужских захоронениях. Только один раз клевец найден в женском погребении (погр. 762). Скелет женщины в нем лежал скорченно на правом боку, кисти находились у лица. Кроме клевца, лежащего у черепа, в могиле найден небольшой сосуд.

Культура Варна[2]. Для погребенных людей культуры Варна из могильника Дуранкулак антропологи установили, что пик мужской смертности приходился на возраст 20–24 года, женской – 26–30 лет. Далее второй малый пик мужской и женской смертности приходился на возраст 48–54 года. Погребенные люди старше 55–60 лет редки (*Todorova*, 2002a. С. 66).

Теперь обратим внимание, как себя проявляют возрастные группы смертности для погребенных людей с оружием ударного действия. Возраст людей, погребенных с клевцами, каменными топорами и теслами в основном составляет 25–30, 26–35 лет и более пожилых людей в возрасте *maturus* – 35–55 лет. Стариков старше 50 лет, погребенных с оружием – нет; случай с мужским погр. 18 единичен. Самый молодой человек захороненный с клевцом – подросток 14 лет. Вероятно, это был уже молодой воин, прошедший инициацию. В целом мы видим, что смерть настигала в основном мужчин на пике их биологического расцвета

Всего в могильнике Дуранкулак для культуры Варна зафиксировано 28 погребений мужчин с орудиями ударного ручного действия. Два погребения содержат находки каменных топоров. Погребений с каменными теслами – 6 (21% из 28 случаев), погребений с костяными клевцами – 16 (57% из 28 случаев.) В основном это мужские захоронения и кенотафы. В погребениях клевцы ни разу не были встречены ни с теслами, ни с каменными топорами.

В период культуры Варна в могильнике Дуранкулак в погребальные комплексы начинают проникать орудия из меди. Таковы два медных топора из

[2] Культура Варна занимает прибрежную часть Болгарии (область Добруджи). Ее комплексы в могильнике Дуранкулак датируется серединой – второй половиной V тыс. до н.э. Они подразделены на три периода: Варна I, II и III (*Todorova*, 2002a. S. 35–52) В работе Т. Хайма и его коллег хронологический диапазон погребений могильника Варна – 4750–4330 ВС. (*Higham et al*., 2008. P. 168–186).

погр. 320 и 977. Их военные функции очевидны. Все находки медных орудий относятся к фазе Варна III.

Дважды встречены медные тесла (погр. 404, 426). В погребении позиция медных тесел зафиксирована у плеча покойного, как и у топоров, клин которых перпендикулярен рукояти.

В целом, погребальная традиция предшествующей культуры Хаманджия в отношении символики орудий ударного действия продолжается. Символика каменного тесла, костяного клевца и медного топора здесь различна. За этим, надо полагать, вновь стоят особые социальные группы мужского населения: воинская группа и группа лиц, отмеченных символикой каменных тесел.

Количество погребений с оружием для культуры Варна в могильнике Дуранкулак среди мужских могил составляет 22%. Это в четыре раза больше, чем для таких же расчетов на материалах культуры Хаманджия. Вероятно, накал военной обстановки в эпоху культуры Варна нарастает по сравнению с предшествующим временем.

Варненский некрополь[3] Варненский некрополь содержит большое количество погребений с оружием (медными и каменными топорами, клевцами из меди, остриями, напоминающими наконечники копий с черенковым насадом). Среди этих могил встречаются захоронения с обилием золотых находок. В настоящее время полная сводка комплексов Варненского некрополя не опубликована. Поэтому мы вынуждены опираться на некоторую выборку захоронений этого знаменитого могильника. Наиболее известные из них погребение 43, кенотафы 4 и 36.

Культуры Дунайского бассейна начала медно-бронзового века V тыс. до н.э. (например, Тиса, Хаманджия, Гумельница, Варна, Коджадермен,

[3] Варненский некрополь был открыт в 1972 году Иваном Ивановым у г. Варна, в приморской части Болгарии в районе Добруджи. Он насчитывает около 300 грунтовых погребений. По обилию золота некрополь превосходит все известные памятники энеолитической эпохи Европы, Кавказа и Переднего Востока. Этот памятник дал имя особой археологической культуре Варна (4750–4400 ВС или 4550/4500–4250/4200 ВС), которая вошла в блок дунайских культур Караново VI – Гумельница – Варна – Коджадермен. В Днепро-Прутском междуречье этому блоку определенно синхронны памятники Триполья BI. Совпадает ли с ним по времени более ранняя фаза финала Триполья A или более поздняя фаза Триполья BIBII? Для ответа на этот вопрос требуется специальная аргументация и конкретные наблюдения над синхронизацией предметов и радиоуглеродными датами. Согласно последним определениям, с временем 4550/4500–4250/4200 ВС определенно синхронны памятники степного восточноевропейского энеолита, о чем исследователи М. Гимбутас и Н.Я. Мерперт писали еще и до внедрения дат ^{14}C в археологическую хронологию энеолитической эпохи.

Кукутени-Триполье) выработали сложную идеологию и богатую мифологию. Персонажи последней нашли воплощение в глиняной скульптуре, изделиях из кости и меди. Образ богини-матери (богини плодородия) нашел отражение в полуреалистической скульптурной пластике из глины, а также схематических украшениях-подвесках и символических предметах, формы которых уже совсем не напоминают антропоморфный образ божества.

В стилизации женской фигуры богини можно отметить несколько направлений. Одно можно обозначить как *реально стилизованный антропоморфизм*, другой – как *абстрактный антропоморфный геометризм*. Так, древние художники, работая в стиле стилизованного антропоморфизма, могли сохранять конуры тела божества, но существенно его преобразовав. Голова показывалась в виде прямоугольника, но с обязательными отверстиями в ушах или по периметру (рис 1, *5*; 2, *1–4*). Это была имитация ношения престижных металлических подвесок, закрепляемых в ушных раковинах и даже под нижней губой на подбородке. В итоге голова оказывалась как бы в круге отверстий. Лицо моделировалось просто в виде выступа (рис. 1, *5*). Голова вообще могла не отображаться и не прорабатываться как часть тела (рис. 1, *7*). Руки показывались в виде отростков, расставленных в стороны (рис. 1, *7*) или опущенных вниз от горизонтальной линии плеч (рис. 1, *5*). Талия четко подчеркивалась и отмечался крутой переход к бедрам (рис. 1, *5, 7*). Показывались женские груди, область живота (чрева) (рис. 1, *5, 6*). Иногда антропоморфные детали придавались сосуду и на сосуд наносился орнамент, имитирующий водные потоки (дождь). Последний сюжет вполне соответствовал образу богини плодородия и подательнице небесной влаги (рис. 2, *22*).

Стиль абстрактного антропоморфного геометризма вообще упрощал контуры тела до неузнаваемости и превращал тело богини в некую геометрическую фигуру – подвеску, которая могла крепиться к костюму через отверстие. Так, в могильнике Варны в погр. 1, 3, 4 и 36 встречены подвески в виде прямоугольных пластин из кости или мрамора с отростком-талией и опущенными вниз стилизованными руками (рис.1, *1–4*). Такая композиция в виде буквы Т напоминала вполне реалистичную фигуру богини с опущенными вниз руками, но без головы. На некоторых из подвесок (рис 1, *3*) крепились выпуклые золотые бляшки с парными отверстиями по краям (рис. 3, *4*). Подобные украшения можно рассматривать как детали, относящиеся к символике богини плодородия. В могильнике Варна встречены более крупные бляшки из золота с пунсоном по краю или без него, что также связывает этот тип орнамента с символикой женского божества (рис. 3, *1, 7, 8*).

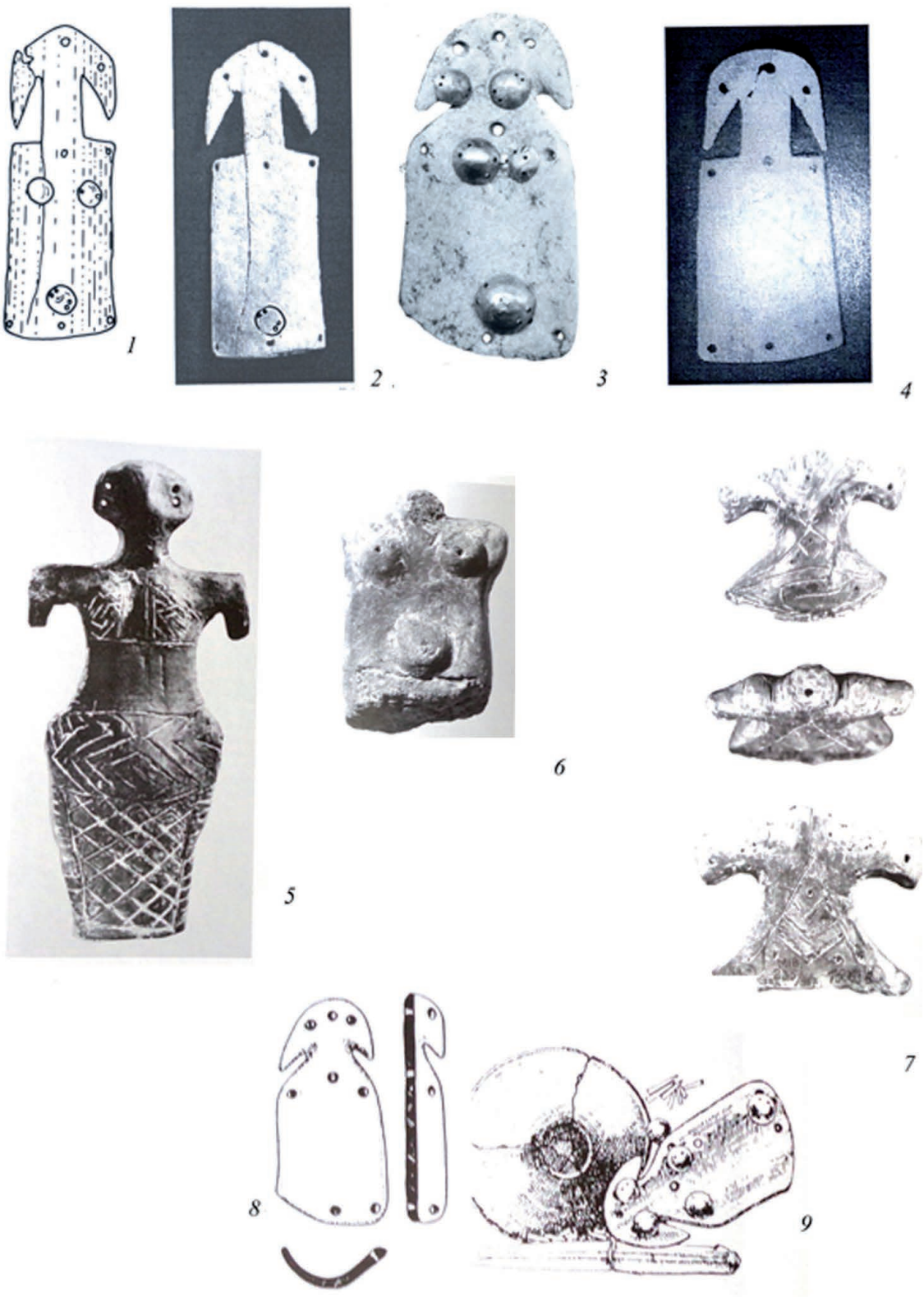


Рис. 1. Антропоморфные подвески энеолитических культур Подунавья
1–4, 8, 9 – Варна: *1* – погребение 1; *2* –погребение 4; *3, 8, 9* – погребение 3; *4* – погребение 36; *5* – Градешница, *6* – Овчарово, *7* – Видра (по: Hansen)

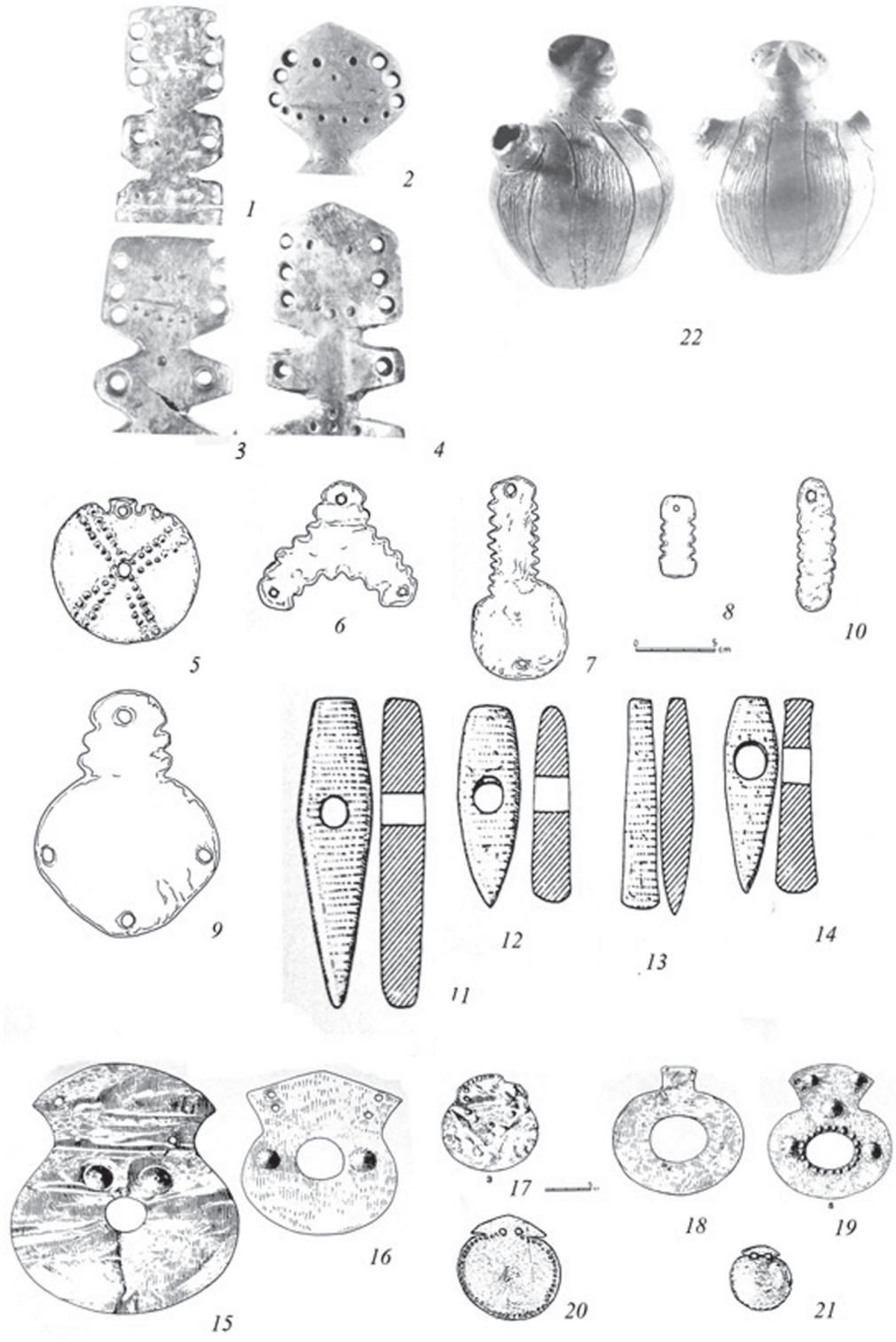


Рис. 2. Антропоморфные фигурки и подвески энеолитических культур Подунавья и вещи из Карбунского клада

1 – Sultana; *2–4, 22* – Cäscioarele; *5–14* – Карбуна, клад; *15* – Moigrad; *16* – Tiszaszül□s, *17* – Hatvan-Üjteler; *18* – Tigru Mureş; *19* – Progar; *20, 21* –Pazardžik.

(*1–4, 15–21* – по: Hansen; *5–14* – по: Дергачев)

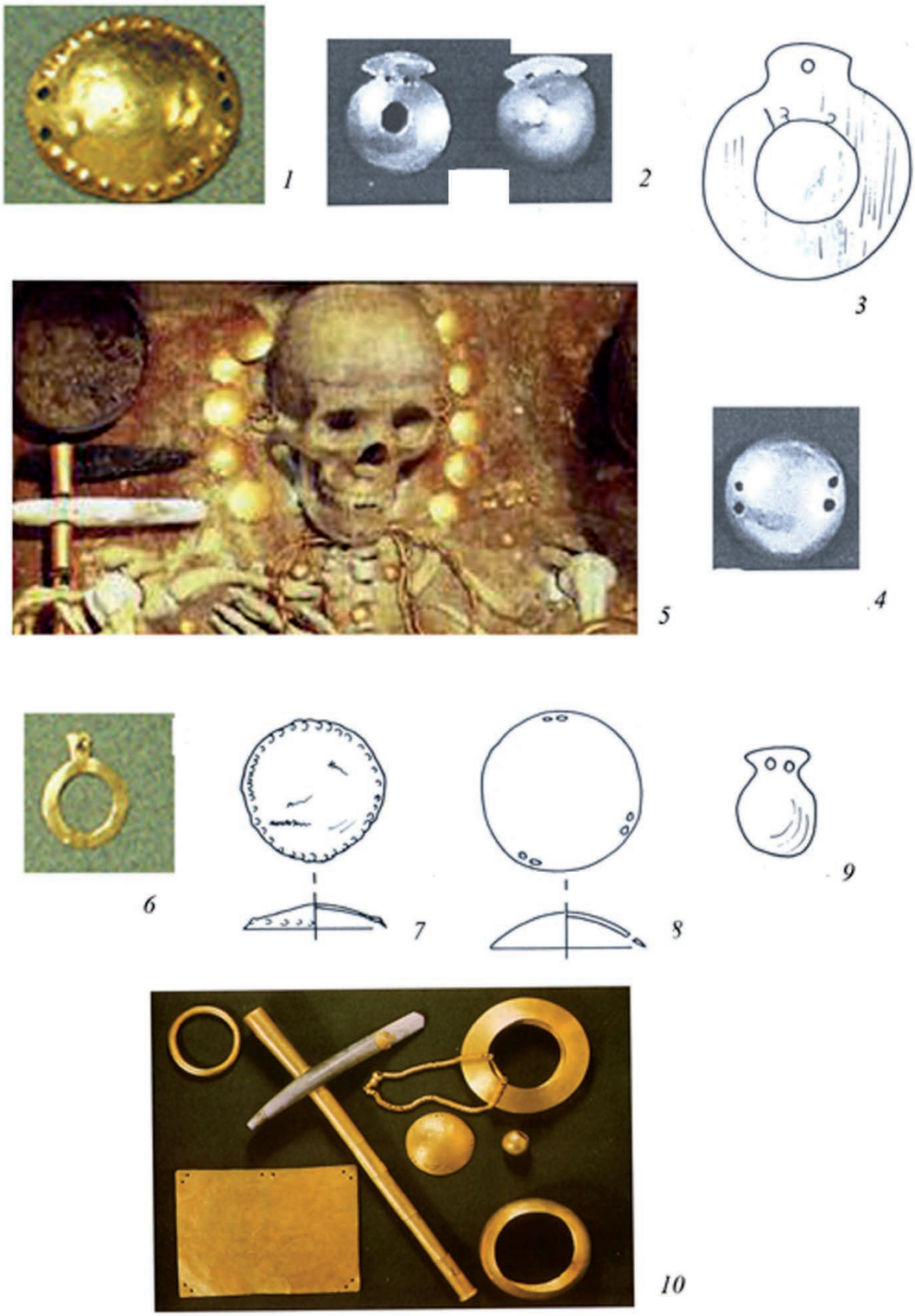


Рис. 3. Престижные украшения: бляшки и подвески могильника Варна
1, *5, 7* – погребение 43; *2,6* –погребение 36; *3* –погребение 108;
4, 8, 10 –погребение 4; *9* – погребение 26 (по: Ivanov)

Другая линия стилизации антропоморфной подвески отражена в находках Карбунского клада. В этом комплексе встречены медные пластины, имитирующие туловище и шею божества (рис. 2, *6, 7, 9*) и только шею (рис. 2, *8, 10*). Последние незамысловатые подвески очень важны для понимания того, что они дали еще более схематичную модификацию украшения в виде так называемой скорлупки. Вариацией стилизованной фигуры божества стали также подвески-медальоны с отверстием в центре или кольцевидные медальоны (рис. 2, *15–21*).

Теперь обратим внимание на комплексы, в которых найдены антропоморфные статуэтки богини и ее символы – бляшки и медальоны, а также оружие.

Одно из наиболее ранних погребений с таким набором вещей – погр. 1036 могильника Дуранкулак культуры Хаманджия. В нем был погребен мужчина с палицей – жезлом из рога оленя с острыми отростками, каменным теслом и статуэткой богини. Здесь же найдены путовые кости осла (рис. 4). Последние атрибуты погребального обряда отражают еще одну категорию символических предметов, связанных с культом богини плодородия – это путовые кости лошади или осла (*Todorova*, 2002a). Такой вывод можно сделать на том основании, что в ранней неолитической культуре Криш в Румынии (VII–V тыс. до н.э.) были встречены идолы с женским символом, изготовленные из фаланг животных. Они были найдены на поселение Cuina Turcului (*Vlassa*, 1976. P. 79. Fig 5; 6). Путовые кости лошади с женскими символами известны из Варфоломеевской стоянки в Саратовском Заволжье, на восточной окраине Европы (*Юдин,* 2004. С. 126) и в культуре Ботай в Казахстане (*Olsen, Harding,* 2008).

Следующее захоронение с оружием и символами богини – это богатейший комплекс погр. 43 Варненского некрополя (рис. 5, *1*). Здесь был похоронен мужчина в возрасте около 45–50 лет, ростом 170 см. Он принадлежал к старшей возрастной группе. Усопший был захоронен в узкой яме. В погребении было найдено оружие с символикой высокого престижа – великолепно отполированный каменный топор с украшенной золотом рукояткой. У левого плеча лежало орудие, напоминающее наконечник копья с черенковым насадом или сверло. В области бедер были зафиксированы тесло на медной основе и узкое долото. Между ног находилось каменное тесло или его символ (модель).

В погребении было найдено много золотых блях с пунсоном или бляхколпачков без пунсона, но с двумя парами отверстий по краям. Головной убор, судя по музейной реконструкции, был оформлен полукольцом из крупных золотых выпуклых блях с парой отверстий (рис. 3, *5*). Он как бы

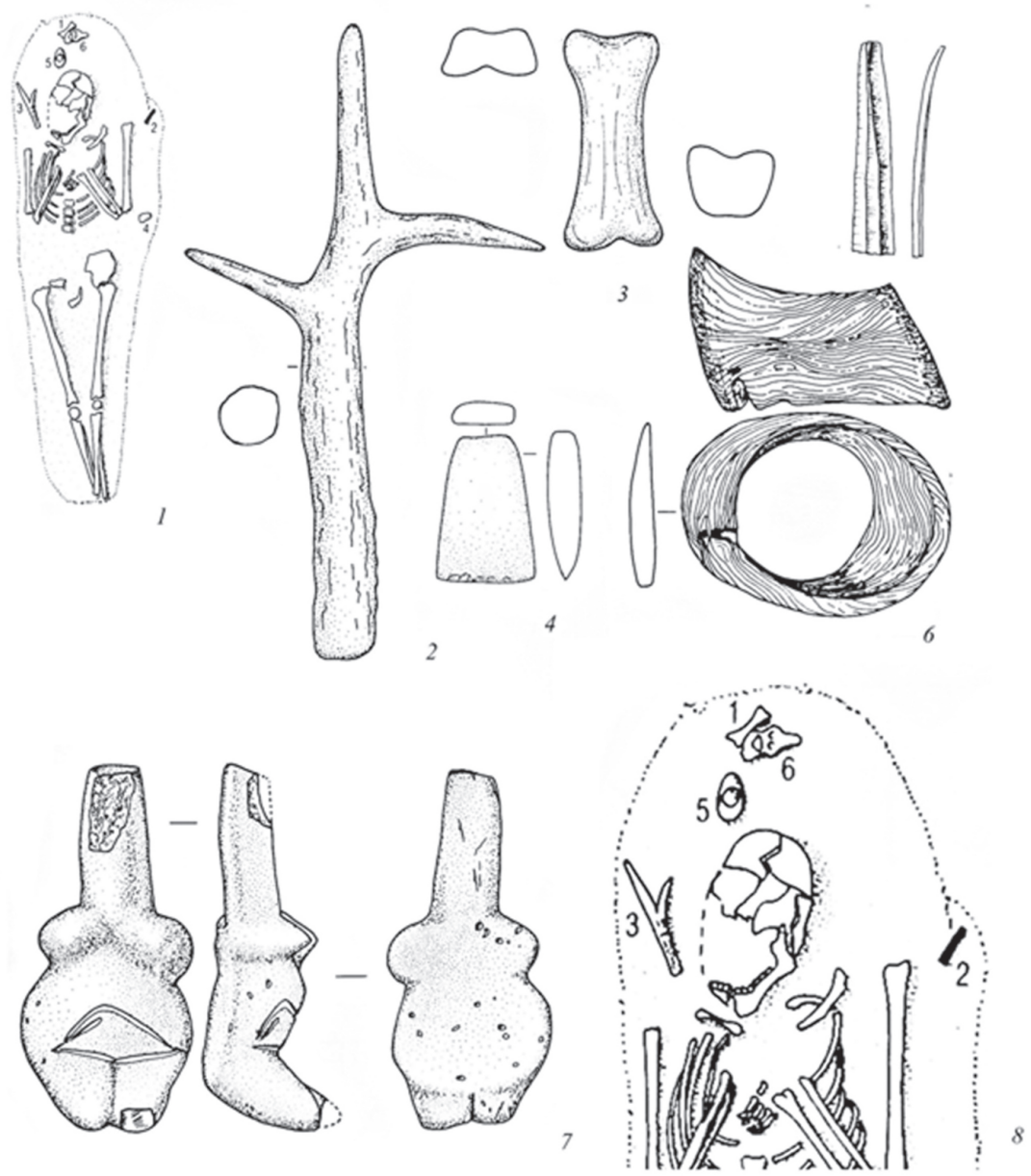


Рис. 4. Погребение 1036 могильника Дуранкулак (культура Хаманджия) (по: Todorova)

имитировал полукольцевидные оформления голов статуэток отверстиями, в которые должны были вставляться кольца престижа. В целом, можно констатировать, что в этом выдающемся комплексе властного и культового лидера символика вооружения, инструментов труда и богини плодородия были объединены в одном наборе погребальной утвари как выражение высочайшего престижа мифологии смерти.

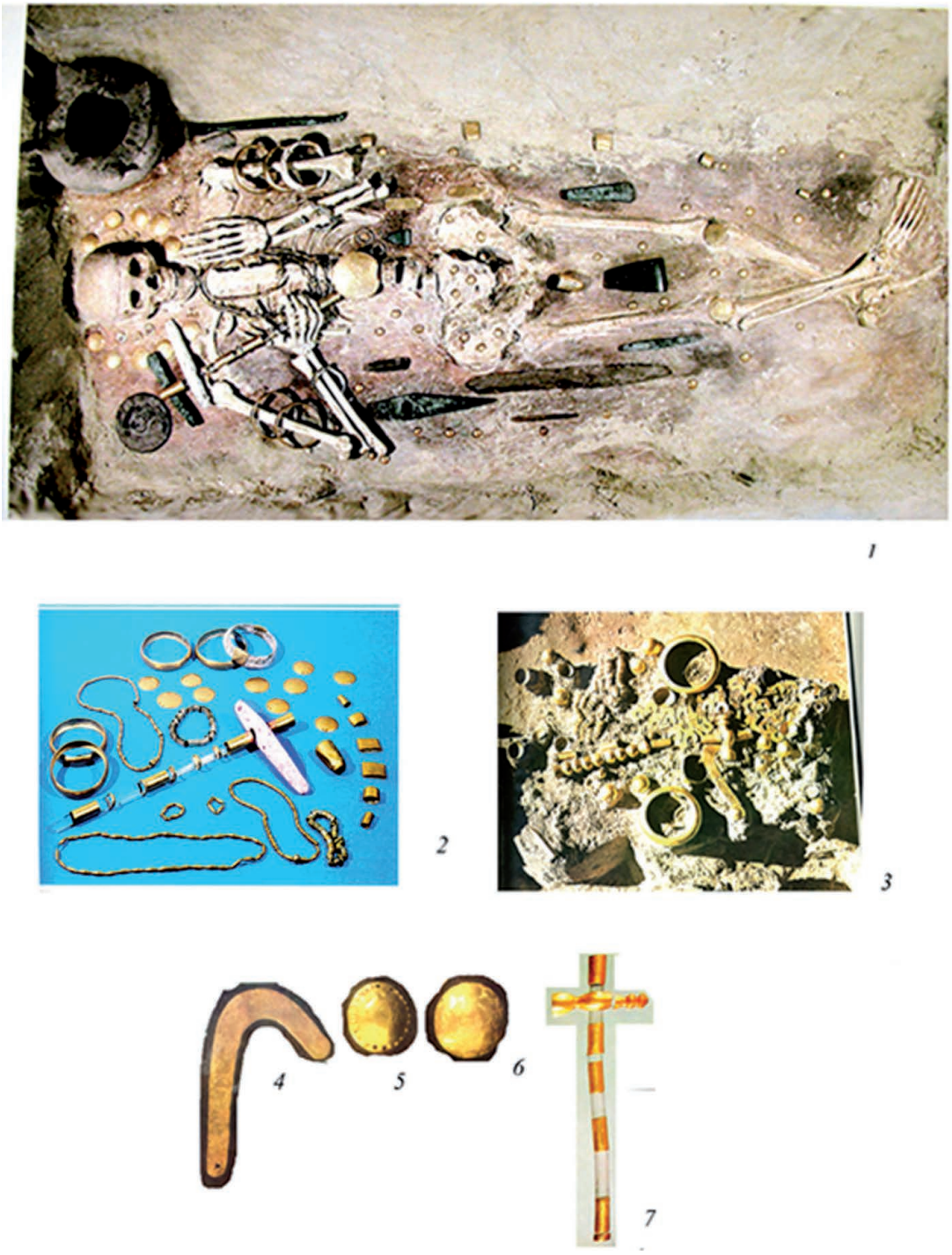


Рис. 5. Погребение 43 (*1, 2*) и находки в погребении 4 (*3–7*) могильника Варна (по: Ivanov)

Пластинки, символизирующие богиню плодородия, бляшки из золота в могильнике Варна встречены также в богатых золотом символических захоронениях с оружием. А именно:

Погребение 1. Содержит набор из двух медных топов, медного тесла, долота, Т-образной антропоморфной фигурки богини (рис. 1, *1*), блях из золота с парными отверстиями по краям.

Погребение 4. Содержит набор из каменного топора с обложенной золотом рукояткой, медного клевца-пробойника, медного топора, медного тесла и медного стержня с крюком, Т-образной статуэтки (рис. 1, *2*), блях из золота с парными отверстиями по краям.

Погребение 36. Содержит набор из золотого молота на рукоятке, обложенной золотом, символа изогнутой палицы, крупной золотой бляхи, массы мелких бляшек с парными отверстиями по краю, кольцевидных медальонов с широкой петлей и узкой петлей для подвешивания (рис. 1, *4*) (*Иванов*, 1978; *Ivanov*, 1988).

Все эти данные показывают, что самые престижные комплексы с оружием и инструментами с так называемой элитарной военно-производственной символикой культуры Варна сопровождались символами богини плодородия, а присутствие оружия в захоронениях не отрицало связи его символики с символикой богини-матери.

Оружие и украшения – символы богини-матери встречаются в кладах, связанных с металлом культур Дунайского энеолита. Таковы Карбунский клад, в котором найден 851 предмет – медные и каменные топоры, каменные тесла и многочисленные украшения из меди в виде крайне стилизованных образов культовых подвесок магии богини плодородия: дисковидные подвески, подвески-скорлупки (рис. 2, *5–14*). Другой клад – Брад (Brad) – происходит из Румынии; он был найден в 1982 г. в слое поселении культуры Кукутени А3 (4200–4050 ВС). В кладе, помещенном в сосуд, был обнаружен топор, совмещающий признаки топоров типа Видра (обушная часть) и Девня–Варна (клин), причем клин был отделан ребрами жесткости (рис. 6). Помимо топора в состав клада входили более 480 металлических и костяных украшений: золотые бляхи с двумя отверстиями, серебряные бляхи меньшего размера с двумя отверстиями, два массивных литых браслета, украшения из зубов оленя и костяные бусы. Сочетание оружия и украшений культа богини-матери (золотых блях) здесь повторяется (*Дергачев*, 1998).

Третий клад происходит из Каменец-Подольского района Хмельницкой области (Украина) и был введен в научный оборот В.А. Дергачевым (*Дергачев*, 2016. С. 36–51). Клад содержал топор типа Ясладань, золотую диадему, антропоморфную подвеску в виде сильно стилизованной фигуры богини (рис. 7, *1*). Особенностью этой фигурки являются ноги, оформленные в виде спиралей, и сильно стилизованное туловище.

Рис. 6. Клад Брад (по: Vulpe)

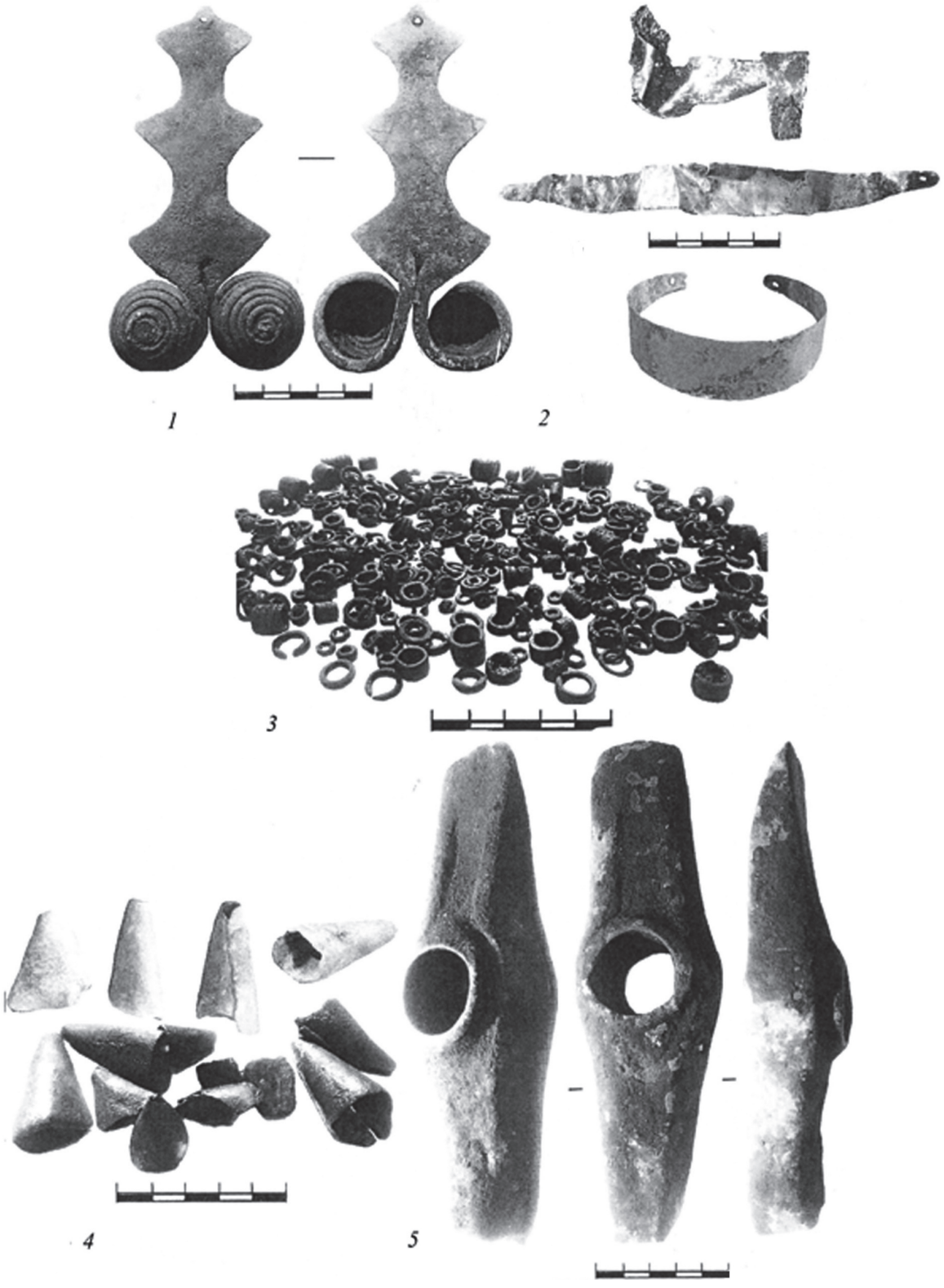


Рис. 7. Клад из Каменец-Подольского района (по: Дергачев)

Скульптура из глины дополняет наши материалы своими сюжетами. Для культуры Тиса (Венгрия) (первая половина V тыс. до н.э.) характерны статуэтки из глины, которые передают образ человека на скамейке (троне) (*Hansen*, 2007). Одни из фигурок имеют признаки мужского пола (*Hansen*, 2007. S. 194. Abb. 63), у других показаны груди и четко передан признак женского естества (рис. 8, *3, 4, 5, 7*). Поэтому можно прийти к выводу, что древнее искусство было небезразлично к передаче образов мужчин или женщин, видимо, божеств.

Нас интересуют две статуэтки с оружием в руках из Сцегвар Тусковец. Первая статуэтка держит на плече медную палицу с изгибом в верхней части (рис. 8, *1, 2*), в натуральную величину известную по находке из Заласентмихай (Археология Венгрии, 1980, С. 357. Рис. 215). Признаков мужского пола у этой статуэтки не заметно. Лицо богини изображено как вогнутая внутрь поверхность, что совершенно не характерно для антропоморфной пластики культур Дунайского халколита, где лица моделируются выпуклым рельефом. Нос у статуэтки показан как кость на черепе. Расстояние между ним и прорезью рта непропорционально большое для живого человека. Может быть, это маска? Но нет убедительных аргументов для такого суждения. Скорее всего, здесь передается воображаемый портрет богини смерти, лицо которой – не лицо живого человека, а подверженное тлению лицо покойника.

Вторая статуэтка сохранилась фрагментарно. Похоже, что это такая же богиня без признаков мужского пола, которая держит в руках оружие – каменный топор (рис. 8, *6*). Нельзя не отметить, что в литературе существует иное мнение об этих статуэтках – как об образах мужчин, которые изображаются при оружии, но на наш взгляд, это не аргумент в определении пола.

Целая группа статуэток с оружием была найдена в 2008 г. в Сербии, в жилище на поселении Стублине (культура Винча D-2, ок. 4600 ВС) (*Crnobrnja*, 2011. С. 139. Fig. 9) (рис. 9, *1*). Жилище имело размер 9,1 × 4,8 м. Характер жилища определяется одновременно как культовый и как светский. В нем был очаг, сосуды для приготовления пищи, зернотерки, алтарь. Общее количество обнаруженных фигурок составляло 43 шт. Некоторые статуэтки были найдены перед большим очажным местом, но большая их часть, 34 шт., находилась под завалом стены. Статуэтки имели цилиндрическое туловище, руки у них отсутствовали. Глиняная модель ударного оружия на палочке втыкалась в плечо статуэтки. Автор публикации отмечает, что такие фигурки были выполнены в традициях культуры Винча. Они лишены указаний на пол и воспринимаются, на мой взгляд, как абстрактные фигуры неких монстров. Лики статуэток абстрактны и, по мнению автора статьи, напоминают головы птиц (рис. 9, *2*). Люди ли это или некие фантастические существа? Но ясно одно – эти фигуры изображены при оружии.

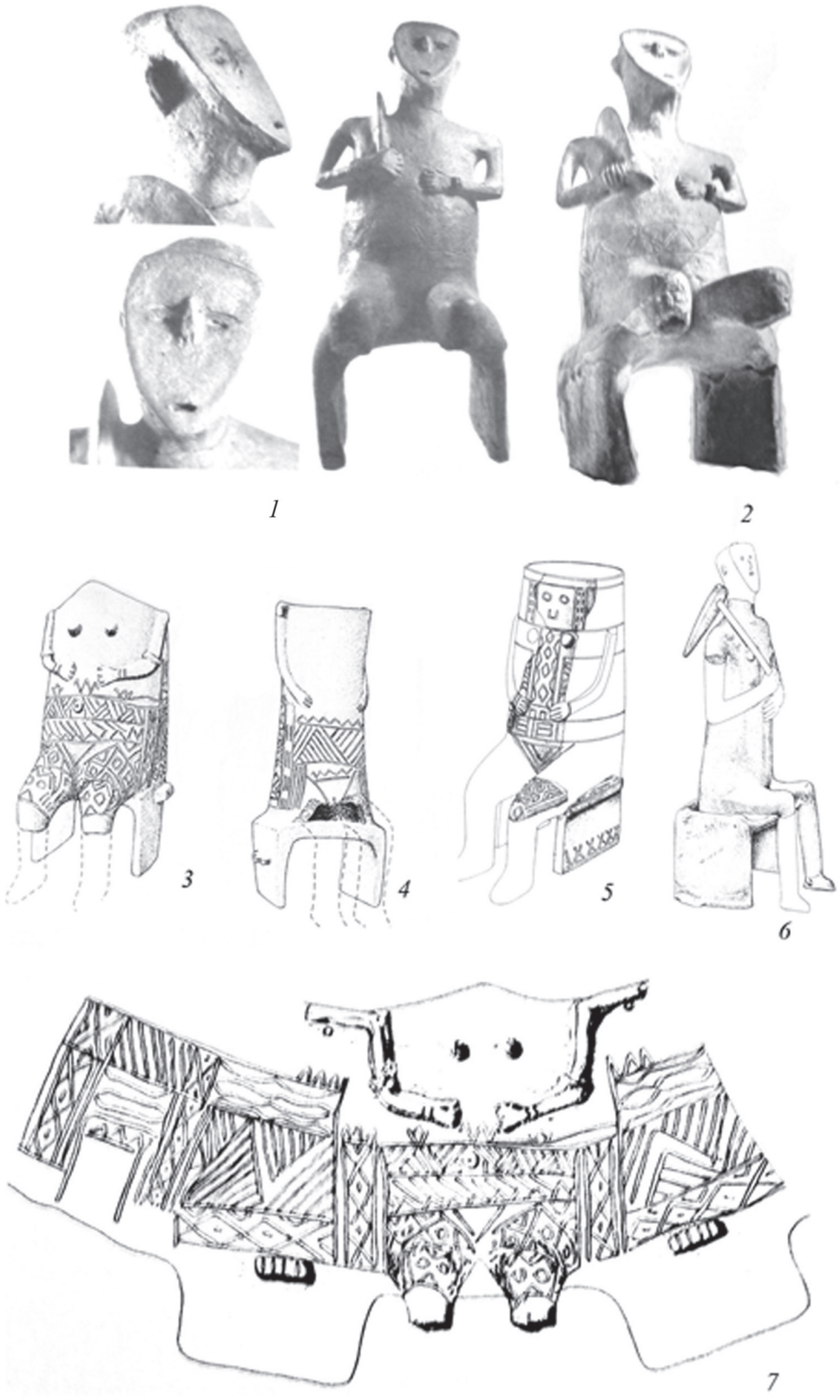


Рис. 8. Сцегвар Тусковец, статуэтки богинь на тронах с оружием в руках и без него

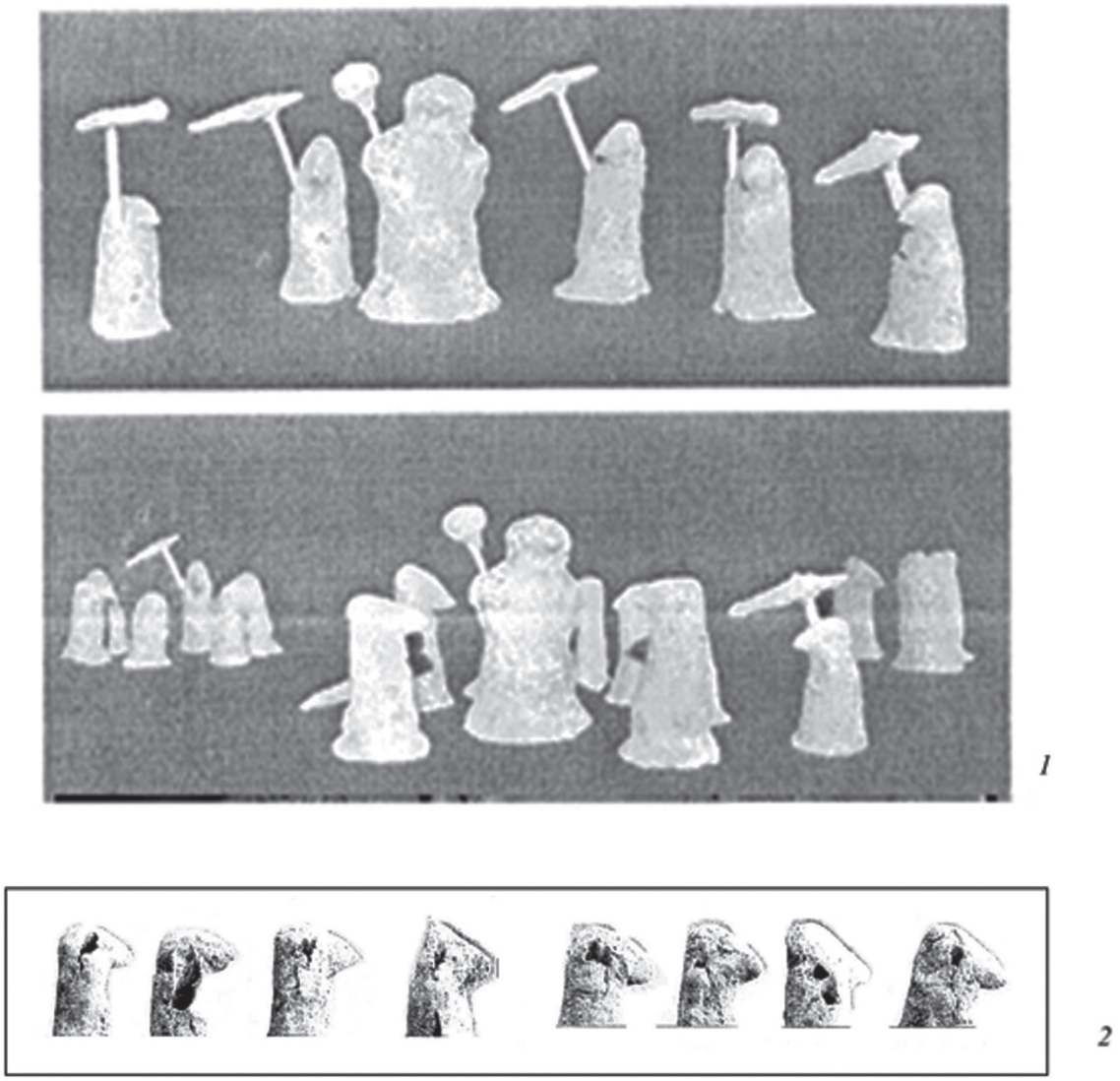


Рис. 9. Статуэтки из жилища на пос. Стублине (по: Crnobrnja)
1 – целые статуэтки; *2* – головы статуэток

Среди глиняных моделек можно различить, по мнению автора статьи, два типа топоров-молотов, три варианта топоров-клевцов и три неких специальных предмета. Отчетливо видна палица-булава. При детальном рассмотрении выясняется, что фигурки в жилище располагаются группами. Три группы включают по три статуэтки, три группы по шесть статуэток и одна (центральная) группа состояла из девяти статуэток, собранных вокруг «вождя» – самой крупной фигурки с булавой. В таком расположении прослеживается, на мой взгляд, некая магия чисел 3, 6, 9, а может быть, это указание на боевую численность подразделения. Адам Црнобрна цитирует мнение коллеги о том, что здесь может быть отражена символическая процессия воинов, или это были фишки для игры. На наш взгляд, эти статуэтки имеют культовый характер

и отражают некие мифологические представления местного населения, в которых было место воинам с боевыми топорами в руках.

У войска статуэток явно есть лидер. Он, как и многие вожди в первобытном искусстве, показан самым крупным. Лидер вооружен палицей-булавой. Остальные статуэтки вооружены медными или каменными топорами. В любом случае, перед нами как бы отряд со своим военачальником, имеющим особое оружие предводителя (булаву). Группа статуэток из Стублине и статуэтки из Сцегвар Тузковец, таким образом, позволяют предполагать, что оружие рукопашной схватки и воины попали в образы мифологии племен Дунайского халколита V тыс. до н.э. Образы носителей такого оружия могли быть связаны с женским персонажем или фантастическими существами. В погребальных обрядах символика оружия и военного дела сочеталась в самых престижных комплексах лидеров с символикой богини плодородия, что не исключает покровительство этой богини военному делу и трактовки одной из ипостасей ее образа как богини войны.

Ближний Восток. Богини на тронах и львицах. Образ богини-матери и богини плодородия в искусстве населения Малой Азии, Месопотамии и Ирана с глубоких времен начал формироваться как изображение богини на троне в окружении могучих кошачьих хищников. Таковы скульптурные изображения из Чатал Гуюка и Хаджилара VII тыс. до н.э. (рис. 10, *1, 2*). В это время в общинах ранних земледельцев Малой Азии уже были известны каменные булавы и колющие кинжалы из кремня (*Mellaart*, 1975. P. 81. Fig. 35; P. 103. Fig. 48). Это свидетельствует о том, что военизация уже приобретала конкретные черты в типах оружия и начала находить отражение в мифологии. Поэтому высокая плодовитость представителей семейства кошачьих (Felidae) порождала ассоциацию древних людей с высокой репродуктивностью божества и заодно – с его военной силой.

Позже, в V тыс. до н.э., на Ближнем Востоке мы не находим изображений единения богини плодородия с хищными кошачьими, но, по всей видимости, в восприятии символики изображения великой богини плодородия существенных перемен не произошло. В урукскую эпоху в искусстве Месопотамии и Ирана львы и львицы становятся обычными участниками шествий зверей на печатях. Но они никого не терзают и идут рядом с их добычей – травоядными копытными животными (*Amiet*, 1961, 1977). Пример мирного шествия травоядных вместе со львами и гепардами иллюстрируют серебряные кубки Майкопского кургана (рис. 11, *1*). Набор погребальной утвари Майкопского кургана содержит, как известно, орудия и оружие. Это втульчатый топор, топор-мотыга, два кинжала на медной основе, набор стрел, скорей всего, для лука, приспособленного к военной сфере, тесло, два долота. В этом погребении также найдены золотые штампованные фигурки идущих львов (рис. 11, *8*) и быков.

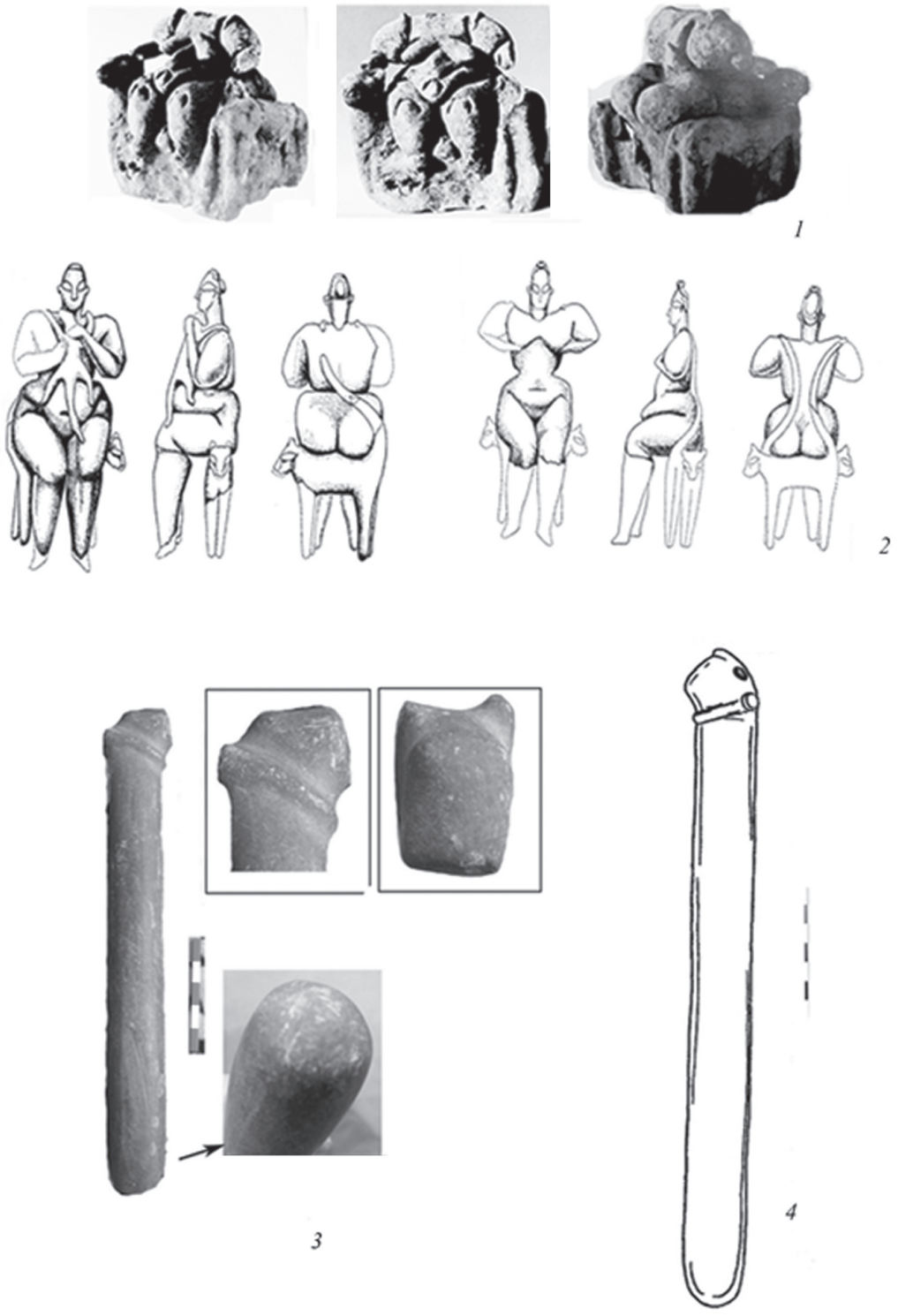


Рис. 10. Статуэтки богини плодородия и изображения кошачьих хищников
1 – Чатал Хуюк; *2* – Хаджилар; *3* – Хишкадере, Азербайджан; *4* – Си Гирдан курган III (*1,2* – по: Mellaart*); 3* – по: Ахундов, Махмудова; *4* – по: Muscarella)

Начиная с IV тыс. до н.э. образ кошачьего «царя зверей» появляется в символике погребального обряда. Таково навершие скипетра в виде головы льва из гробницы кургана III могильника Си Гирдан к западу от оз. Урмия (рис. 10, *4*). Оно было найдено в комплексе вещей урукского времени, тяготеющего к майкопской культуре Кавказа (*Muscarella,* 1969). Аналогии ему есть на Южном Кавказе, в Азербайджане (Хишкадере) (*Ахундов, Махмудова*, 2008) (рис 10, *3*). Очень интересно, что на обоих скипетрах, в верхней их части, присутствует валик как знак гривы или ошейника на головах львов.

Головка львицы как некий символ-подвеска (рис.11, *10*) и маленькая фигурка лани (рис.11, *9*), известны из собрания вещей Старомышастовского клада, памятника того же времени, что и сам Майкопский курган (*Кореневский*, 2011).

Символика богини войны и хозяйки Древа Жизни прослеживается в комплексе украшений Майкопского кургана по нескольким признакам. Она проявляется в изображении на серебряном кубке самого Древа Жизни с привставшим на задние лапы перед ним зверьком фантастического вида (рис.11, *1*). В комплексе этого выдающегося памятника имеется также золотая диадема, состоящая из двух лент и золотые цветы, характерные для символики культа Инанны-Иштар, по данным царского кладбища в Уре. Орнаменты в стиле фестонов и цветов Древа Жизни украшают золотые бусы и головы литых бычков Майкопского кургана (рис. 11, *3–7*). Хозяйкой Древа Жизни по мифам Шумера III тыс. до н.э. была великая богиня плодородия и войны Инанна-Иштар (*Афанасьева*, 1987. С. 510). Все это может косвенно отражать сочетание символики Инанна-Иштар или богини такого же ранга с комплексом символов, указывающих на военный и трудовой престиж погребенного в Майкопском кургане лица высокого социального статуса (*Кореневский*, 2012). Таким образом, мы можем предполагать явное влияние у майкопских племен культа богини войны и плодородия на материальное выражение мифов об ее могуществе.

В III тыс. до н.э. в Месопотамии и Иране распространяются сосуды и печати с изображениями богинь на львицах или пантерах. Так, богиня, стоящая между двумя львицами (пантерами), изображена на стеатитовой вазе из Хафадже (рис. 12, *1*). Данная ваза явно иранского происхождения. Изображенная на вазе богиня схватила за горло двух гигантских змеев. Этот сюжет как бы открывает цикл изображений змееборцев Переднего Востока и Европы. Еще одна богиня (или та же самая) сидит на спине огромного быка-зебу и держит в руках истоки двух рек или мировых вод. Кроме богини/богинь на вазе изображены сцены, приуроченные к событиям при Древе Жизни. Ваза из Хафадже датируется Раннединастическим

(РД) периодом II[4] (*Frankfort*, 1954; *Mallowan*, 1965. С. 22, 23. Fig. 6, 7; *Афанасьева*, 2007. С. 30, 32).

На другой вазе из Ирана, входящей в коллекцию Джирофта, мы видим, изображение богини – властительницы мира (рис. 12, *2*). Рядом с фигуркой богини изображены ее символы – звезда-цветок и месяц. Она всеобъемлюща и велика, живет в горной стране, ее избранным животным кроме львицы или пантеры является бык-зебу.

Наиболее широко почитаемой богиней войны/распри и плодородия в Шумере была Инанна, она же Иштар у аккадцев, Ашера у западных семитов (греч. Астарта). Инанна –владычица небес. Она почиталась как утренняя звезда Венера. В мифах Инанна рассматривалась как дочь бога неба Ану или дочь бога Луны Нанны; сестра бога солнца Уту. Иногда Инанна упоминается как дочь Энлиля или его брата Энки (*Редер*, 1965).

На оттисках печатей из Элама (Иран) и Шумера сохранилось немало изображений богини, которую мы можем связать с Инанной. Так, на печати из Суз конца периода РД III можно наблюдать несколько сцен с изображением богини. Так, на одной – богиня, сидящая на львице. На ней длинное платье до щиколоток, волосы заплетены в косу и завернуты крючком. Она выслушивает богиню более низкого ранга, стоящую перед ней на коленях. Эта богиня имеет головной убор. У нее распущенные по спине волосы, она также одета в длинное до пят платье (рис. 12, *3*). На другой сцене богиню ублажают обнаженные служанки, обмахивая веерами. На третьей – богиня на львице выслушивает мужское божество. Стоящий перед ней человек имеет короткую прическу (не женскую). Он одет в юбку, лишь прикрывающую бедра. В еще одной сцене мы видим, как богиня охотится. Тут она стоит на двух породистых крупных собаках и держит перед собой лук. В целом изображения печати относятся к теме мифов с «фризами сражающихся» (термин В.К. Афанасьевой). (*Афанасьева*, 1979. С. 8).

Как нам известно, богиня Инанна была покровительницей победы. На стеле лулубейского царя Анубанини она изображена ведущей вереницу пленных к царю-победителю. Инанна одета в длинное платье со своеобразным кроем юбки из горизонтальных полос материи. За спиной богини выступают напоминающие ветки дерева отростки (рис. 13, *3*). На печатях аккадского времени Инанна представлена с оружием в руке и наступившей ногой на льва. Очень интересно, что богиня держит нечто похожее на повод, идущий

[4] Раннединастический (Early Dynastic) период в Месопотамии подразделяется на три подпериода: I, II и III, причем последний в свою очередь делится на фазы IIIa и IIIb. Хронология Раннединастического периода такова: РД I – 2900–2750 гг. до н.э., РД II – 2750–2650 гг. до н.э., РД III – 2650–2350 гг. до н.э. (*Ллойд*, 1984. С. 103, 104).

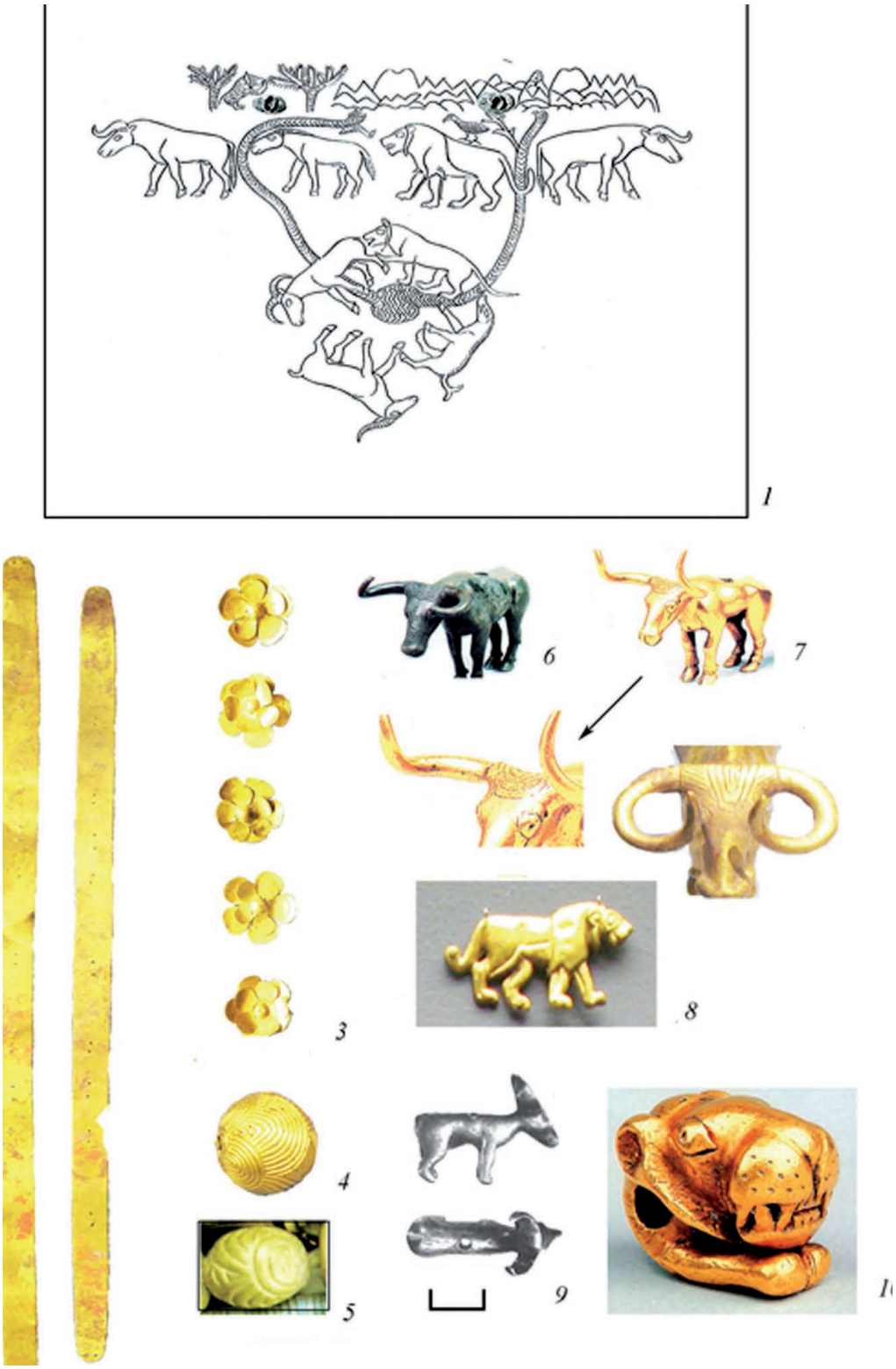


Рис. 11. Майкопский курган (*1–8*) и Старомышастовский клад (*9, 10*)
1 – изображение на серебряном сосуде; *2* – золотые ленты, *3*– золотые цветы; *4, 5* – золотые бусы; *6, 7* – статуэтки бычков из серебра и золота; *8* – штампованная фигурка льва; *9* – фигурка лани, *10* – голова львицы

к носу зверя. Лев явно находится под ее контролем и управлением (рис. 13, *1, 2*). Таким образом, руководство могучими кошачьими хищниками через повод можно считать реальностью для древних времен Ближнего Востока, по крайне мере, в области мифологии.

Символика богини победы у шумеров по данным могильника в Уре. Становление цивилизации связано с появлением городов-государств в Южной Месопотамии. Археологические свидетельства этого явления были получены во многом благодаря феноменальным раскопкам сэра Л. Вулли могильника в Уре с 1922 по 1934 гг. Всего здесь было открыто около 1850 захоронений. Из них 16 выделяются исключительным богатством и содержат множество золотых вещей и украшений из полудрагоценных камней.

Л. Вулли при описании своих раскопок справедливо заметил, что раскопки могил царского кладбища плохо увязываются с картиной довольно унылого существования людей в стране предков (*Woolley*, 1934; *Вулли*, 1961. С. 87). В связи с этим нам остается предполагать, что у шумеров – жителей города Ура, совершавших неимоверно пышные захоронения своей знати, были особые представления о загробном мире. В них было место и для роскоши погребальной утвари и для человеческих жертв. По всей вероятности, такие излишества подчеркивали особое место лиц царского ранга, придворных дам и воинской гвардии, сопровождавших царственных особ в потусторонний мир. Организация этого загробного мира была иной, может быть даже не совсем шумерской или во многом раннешумерской, отвечающей требованиям религии многих народов, включавшей мифологию смерти, в которой были особо почетные места для знати, служительниц культа и воинства. По крайней мере, из шумерских мифов об этом мы ничего не знаем.

Самое выдающее воинское захоронение Урского некрополя – это погребение лугаля Мескаламдуга.

Погребение 755 (могила Мескаламдуга) (рис 14, *1*) по устройству было типично для царского кладбища, и выделялось среди остальных могил богатством утвари, а не размерами ямы. Захоронение было совершено в прямоугольной яме (шахте) размерами 2,5 × 1,5 м и глубиной 5 м от современной поверхности земли. Над погребением, на глубине 1,8 м, было обнаружено воткнутое копье.

Погребение 755 было зачерчено в общей схематичной манере «крока» с нанесением примерных очертаний костей, вещей и конструкции. (*Woolley*, 1934. С. 157. Fig. 35). Тело покойного было помещено в деревянный гроб (короб) размером 1,7 × 0,65 × 0,5 м, поставленный вплотную к длинной стенке ямы. Л. Вулли назвал погребенного «молодым человеком» крепкого телосложения, ростом 5 футов 4 дюйма (162 см) (*Woolley*, 1934. С. 156).

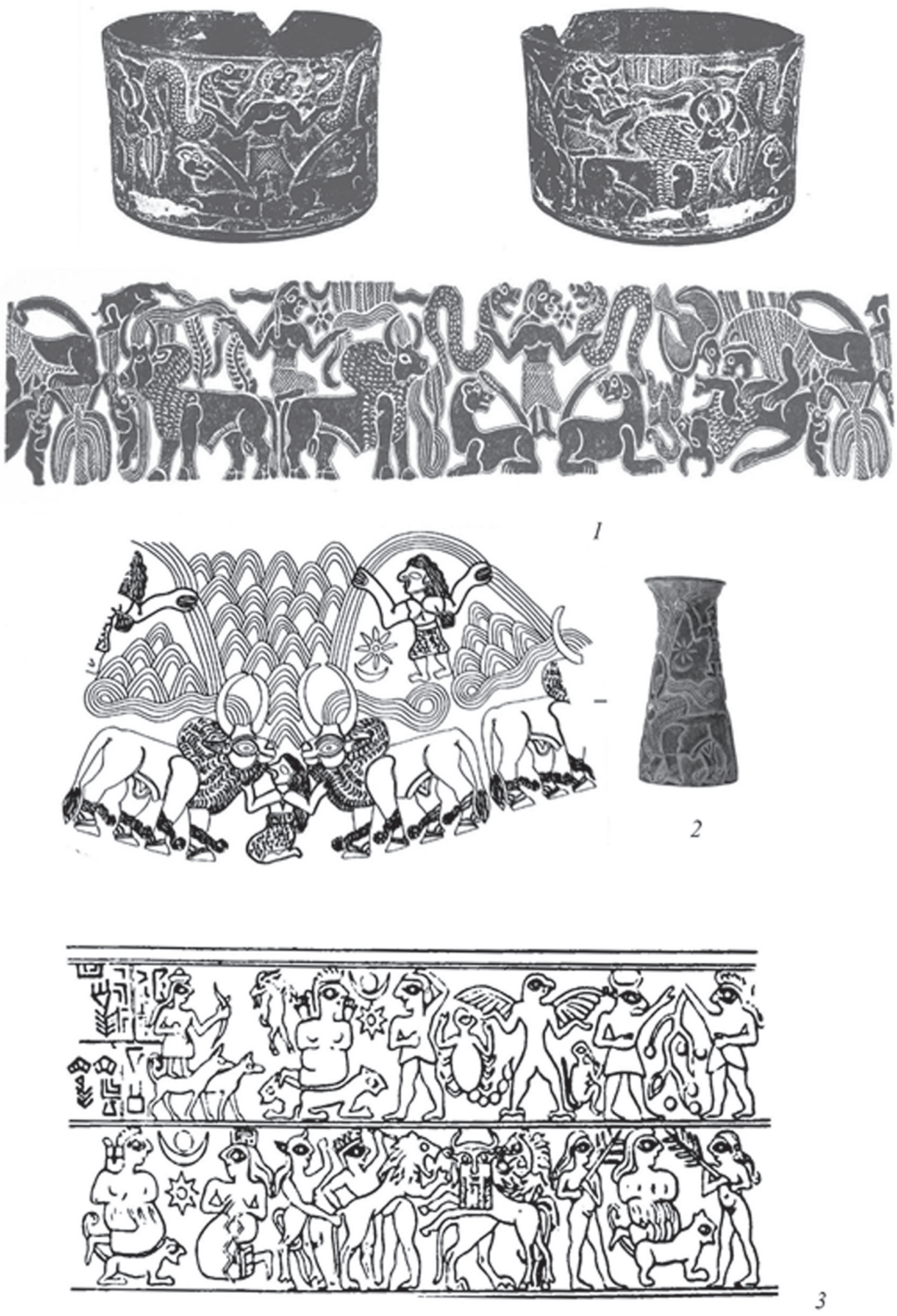


Рис. 12. Изображения богини на львах
1 – ваза из Хафадже (по: Frankfort); 2 – ваза из Джирофта (по: Majidzadeh);
3 – оттиск печати из Суз (по: Frankfort)

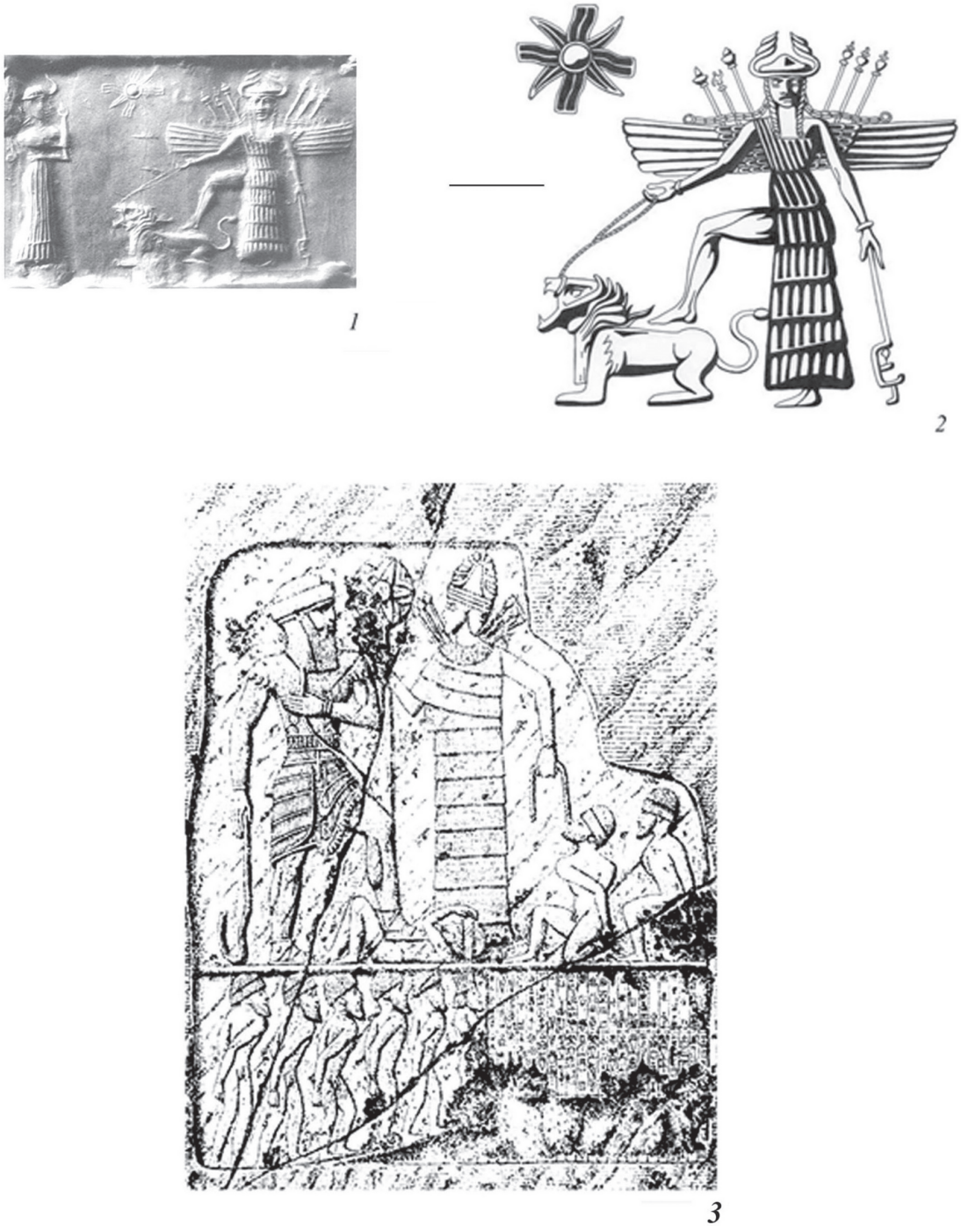


Рис. 13. Изображения богини войны
1, 2 – печать аккадского времени, 2340–2150 гг. до н.э. (по: Amiet),
3 – стела Анубанини (по: Авдиев)

Положение костяка – слабо скорченно на левом боку головой на СЗ, лицом на СВ. Череп был отделен от тела, но находился в близком анатомическому порядку положении. Шейные позвонки не зафиксированы. Сохранность костей очень плохая (*Вулли*, 1961. С. 58).

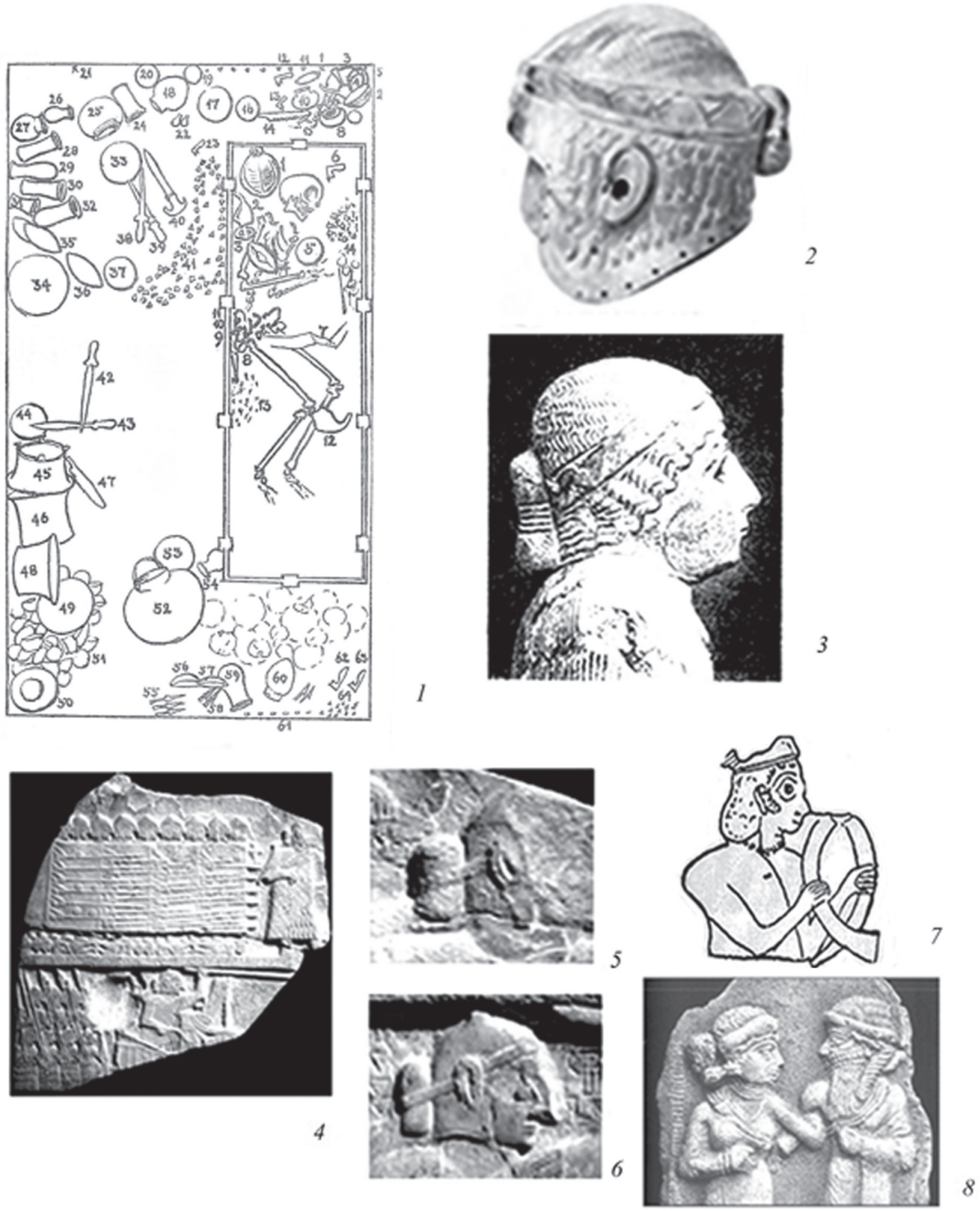


Рис. 14. Погребение 755 Урского некрополя,
шлем Мескаламдуга и возможные аналогии

1 – погребение 755; *2* – золотой шлем Мескаламдуга; *3* – голова богини из Уммы; *4–6* – стела Коршунов; *7* – арфистка, оттиск на печати из Урского некрополя; *8* – богиня и бог, шумерская мифология (*1, 2, 7* – по: Woolley; *3–6* по: ИДВ; *8* –интернет-ресурс)

Среди заупокойной утвари, оружия и украшений находилась золотая лампа (U. 10004. Pl. 163) с надписью «Мескаламдуг», золотой сосуд также с надписью владельца (U. 10001. Pl. 163); в руках покойный «сжимал» еще один золотой сосуд с той же самой надписью (U. 10002) (*Woolley*, 1934. С. 156, 552).

Антропологическое обследование костяка выполнил. Артур Кейт. Он отметил, что скелет Мескаламдуга был явно могучего мужского сложения и отличался крепким костным составом, гораздо более мощным, чем кости царицы Шубад. Объем его мозга составлял 1550 см^3, что несколько больше, чем средний объем мозга у шумеров. По своим расовым показателям череп Мескаламдуга отличался от черепов людей из Эль Обейда и черепа царицы Шубад. А. Кейт называет его протоарабским типом. На момент смерти погребенному было около тридцати лет (*Molleson, Hodson*, 2003. С. 91–120). Мескаламдуг был левшой (*Woolley*, 1934. С. 402–404).

Размещение утвари свидетельствует о «конкретно-орудийной» традиции. Перед черепом покойного был обнаружен золотой боевой топор, рукоять которого предположительно должна была находиться в руках покойного воина. Как уже говорилось, у кистей рук стоял золотой сосуд с надписью «Мескаламдуг». Таким образом, топор и чаша располагались непосредственно под руками человека, предположительно, он мог незамедлительно действовать ими в заупокойном мире.

В деревянный короб Мескаламдугу положили золотой шлем, изготовленный в виде парика. Шлем на чертеже показан лежащим позади отделенной головы. В тексте более поздней работы Л. Вулли пишет о том, что шлем сверкал на истлевшем черепе (*Вулли*, 1961. С. 58). Но мы склонны полагаться на более раннее описание находки шлема-парика из золота и рисунок. С. Ллойд совершенно справедливо замечает, что он имитировал женскую прическу с узлом волос сзади и диадемой, которая была характерна для женщин (*Ллойд*, 1984. С. 131) Размер парика составлял: высота 230 мм, диаметр от передней части до затылка – 260 мм (рис. 14, *2*). Прическа с узлом представлена на голове богини из Уммы (рис. 14, *3*) и богини Дамкин (рис.14, *5*), а также на изображении шумерской арфистки (рис. 14, *7*).

В литературе есть, однако, высказывание, что шлем Мескаламдуга имеет аналогию с головным убором мифического персонажа, условно названного «Эном»; этот убор есть не что иное как повязка ленты вокруг головы (*Антонова*, 1998. С. 139) (печати с изображением Эна относятся к времени Джемдет Наср, около 3000 г. до н.э.). Однако это не так. В работе, детально проведенной Денизой Шмандт-Бессера в 1993 г. и посвященной специально символике этого персонажа (*Schmandt-Besserat*, 1993), головной убор

Эна обозначен как headdress, то есть именно головной убор, а не прическа с лентой[5]. Головной убор Эна – шапка с околышем – имеет многие аналогии в изображениях лулубеев (иранцев) и аккадцев в более поздние времена. Еще одно изображение шлема воина мы видим на стеле Коршунов (Эаннататума) из Лагаша. Лидер, ведущий войско в атаку, имеет шлем, к которому лентой ниже затылка прикреплен пучок волос (рис 14, *4*). Лента явно идет поверх шлема и заходит за ухо воина. Такой же шлем имеет командир, возглавляющий войско на марше (рис 14, *5, 6*). Простые воины изображены в обычных шумерских медных шлемах без всякого подвязывания к нему пучка волос (рис 14, *4*). Следовательно, только их лидер имеет головной убор вождя с пучком волос ниже затылка. Теперь становится понятна символика золотого парика Мескаламдуга, выполняющего роль командирского головного убора высочайшего престижа. Его магическая символика имитировала прическу богини Инанны, как у военного лидера, или прическу иной богини.

В итоге можно прийти к выводу, что у шумеров времени ранних династий, образ Инанны – богини войны стал символом «офицерского» головного убора, как своего рода оперенье вождя у воинственных индейцев прерий или кокарда для головных уборов воинского командования в последующие века.

---

[5] Относительно похожий на шлем Мескаламдуга головной убор был отмечен на бронзовой статуе из Ниневии, найденной в жилище ассирийского времени вблизи храма Иштар. Статуя представляет собой голову человека в головном уборе. Произведение явно относится к шедеврам искусства и отражает портретное сходство. Шумерское искусство такого уровня не достигло. Шумеры не были знакомы с высокохудожественным литьем скульптур с портретной передачей черт лица. Их изображения людей выполнены в каменной, терракотовой скульптуре. Маллоуэн справедливо отмечает, что изображенный на статуе человек не является шумером. Его борода явно имеет вставки, и сама по себе, она, скорей всего, накладная. Усы – тонкие и практически не поднимаются над верхней губой. Такие усы являлись данью моде и традиции. Они совершенно не соотносятся с пышной растительностью бороды человека из Ниневии. Традиция ношения таких усов – при длинной завитой бороде – явно связана с ассирийской модой. Шумеры таких усов не носили. Они брили головы или носили накладные завитые бороды, но более простой формы – с горизонтальными рядами завитков. Ассирийцы же носили бороды с вертикальными и горизонтальными рядами завитков, как и изображено на бронзовой статуе из Ниневии. В литературе находку из Ниневии часто связывают с Саргоном Аккадским (*Mallowan*, 1936. С. 104–110). Но вряд ли этот так, скорей всего, на ней изображен ассириец. Головной убор его включает тугой пучок волос (или его имитацию), расположенный ниже канта головного убора. На нем имеется небольшой цилиндрический выступ, который явно совпадает с такой деталью на прическе ассирийца, изображенного на каменном барельфе (Корневский, 2017 С. 270. Рис. 96, *2*; Интернет-ресурс «Ассирийские барельефы и прически»). Для шлема Мескаламдуга характерна иная постановка контейнера для пучка волос. Она связана с его положением посередине ленты-диадемы, а не под ней (Кореневский. 2017. С. 270. Рис. 96, *2*).

Проведенный обзор сюжетов о богинях войны в разных культурах и на разных территориях в период V–III тыс. до н.э. показывает, что такие персонажи были широко распространены в мифологии древних земледельцев и скотоводов как отражение определенного этапа развития обществ на стадии протоцивилизации (*Кореневский*, 2013). Образ богини войны зародился в период доминирования войн по первобытным причинам, в эпоху медно-бронзового века, и существовал на раннем периоде становления государственности. По имеющимся источникам, на материалах развитых энеолитических культур Подунавья сейчас можно поставить вопрос о совместимости образов богини войны и богини-матери. С другой стороны, определенно можно сказать о связи символики богини плодородия с погребальными обрядами самых выдающихся захоронений с военно-производственной символикой наборов вещей в комплексах, таких как Варненские захоронения 43, 4, 36.

На материалах Ближнего Востока персонаж богини-матери, совместимый с образами могучих кошачьих хищников, хорошо прослеживается с эпохи ранних культур земледельцев и скотоводов VII/VI тыс. до н.э. Он показан в искусстве и мифологии раннединастического и аккадского периодов по характерным изображениям богинь на львицах. По всей вероятности, слияние образов богини войны и богини плодородия связано с представлением о женском божестве, отвечающим за рождение, жизнь и смерть человека или только за смерть воина и его присутствие в престижном месте в мире предков – страны без возврата.

Таковы мифы об Инанне-Иштар, Астарте, Шавушке, а также мифы кельтов о богинях Морриган, Эпоне (*Шкунаев*, 1987. С. 633–637), мифы германо-скандинавских народов о Фрее, валькириях (*Мелетинский, Гуревич*, 1987. С. 284–292).

Несколько особняком в этом списке стоит образ греческой Афины – богини справедливой войны. Ее связь с плодородием проблематична. Афина – девственница, как и положено быть женщине-воину по данным этнологии. Однако Афина, помимо своей ведущей роли воительницы в мифах греков, является великой богиней созидательницей, научившей людей многим ремеслам и коневодству (*Лосев*, 1987. С. 125–129). Видимо на формирование ее образа могла оказать влияние специфика сообщества ахейских племен и их отношение к войне.

Появление на первых ролях покровителей войны мужчин или богов грозы по данным мифологии происходит через борьбу молодых богов со старыми богами (Олимпийский цикл и восхождение к вершинам власти Зевса) или через подвиг, который должен совершить бог-воин. Таковы деяния военных богов шумеров: Нергала, свергнувшего с трона Эрешкигаль, богиню

подземного царства; бога Нинурты, вернувшего богам таблицы судеб, похищенных монстром Анзундом; у вавилонян – Мардука, победителя чудовища Тиамат (*Редер*, 1965). Божества войны – мужчины – становятся богами грозы и победителями змеев (Индра, Перун, Тешуб и т.д.). Такой переворот в мифологии многих народов был обусловлен изменением характера войн, постепенным превращением войн по первобытным причинам в войны с экономическими целями и с приходом к вершинам власти в обществе вождей военных дружин. Образ богини войны сохраняется в искусстве и мифологии народов Ближнего Востока в эпоху ранней государственности, и новые боги войны уважительно относятся к более древним богиням войны.

На археологических материалах юга Восточной Европы символика богов войны и первопредков-мужчин – хорошо документируется изображениями на каменных стелах Северного Причерноморья, соотносимых с племенами поздней ямной культуры. Датируются эти стелы началом – первой половиной III тыс. до н.э., как, например, Керносовский идол (*Крылова*, 1976).

ЛИТЕРАТУРА

Авдиев В.И., 1953. История Древнего Востока. Л.: Госполитиздат. 759 с.

Антонова Е.В., 1998. Месопотамия на пути к первым государствам. М.: Восточная литература. 223 с.

Археология Венгрии, 1980 – Археология Венгрии. Каменный век / Отв. ред. В.С. Титов, И. Эрдели. М.: Наука. 417 с.

Афанасьева В.К., 1987. Инанна // Мифы народов мира. Т. 1. М.: Советская Энциклопедия. С. 510–511.

Афанасьева В.К., 2007. Орел и змея в изобразительности и литературе Двуречья. М.: Водолей. 462 с.

Ахундов Т.И., Махмудова В.А., 2008. Южный Кавказ в кавказо-переднеазиатских этнокультурных процессах IV тысячелетия до н.э. Баку. 198 с.

Вулли Л., 1961. Ур халдеев. М.: Восточная литература. 252 с.

Дейви М., 2009. Эволюция войн. М.: Центрполиграф. 386 с.

Дергачев В.А., 1998. Карбунский клад (Carbuna deposit). Кишинев: Tipografia Academiei de Stiinte. 119 с.

Дергачев В.А., 2016. Новые клады металлических изделий культуры Кукутень-триполья из среднего Поднестровья // Culturi, Procese, Contexte Archologie. Volum omagial Oleg Levitki la 60 de ani. Chişinău: Garamont-Studio С. 36–51.

Джонс-Блей К., 1997. Женщина и война в индоевропейском мире // Стратум. Структуры и катастрофы: Сборник символической индоевропейской истории. СПб.: Нестор. С. 67–72.

Иванов И. С. 1978. Съкровищата на Варненския халколитен некрополь София. Изд. Сентеври. 125с.

Иванов В.В. Тешуб // Мифы народов мира. Т. 2. 1988. М.: Советская энциклопедия. С. 505.

ИДВ, 1983 – История Древнего Востока. Зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческой цивилизации. Ч.I. Месопотамия / Ред. И.М. Дьяконов. М.: Главная редакция восточной литературы издательства Наука. 534 с.

Кореневский С.Н., 2011 Древнейший металл Предкавказья. Типология. Историко-культурный аспект. М.: ТАУС. 335с.

Кореневский С.Н., 2012. Символика погребального набора Майкопского кургана и культ Инанны-Иштар // РА. № 4. С. 66–80.

Кореневский С.Н., 2013 О понятиях цивилизация и протоцивилизация и знаках на керамике в культурах Подунавья и Кавказа и Переднего Востока в V – III ты до н.э. // КСИА. Вып. 230. С. 63–84.

Кореневский С.Н., 2014. Феномен первобытных войн и становление власти военной (теоретический аспект проблемы по данным археологии и исторической этнологии) // Археология, этнография и антропология Евразии. № 1 (57). С. 66–80.

Кореневский С.Н. 2017. Оружие в комплексах культур начала медно-бронзового века (V–IV тысячелетия до н.э.) Очерки военизации древних обществ по данным археологии. Подунавье, юг Восточной Европы, Кавказ, Ближний Восток). Научный редактор акад. В.И. Молодин. М.: ИА РАН. 283 с.

Крылова Л.П., 1976. Керносовский идол // Энеолит и бронзовый век Украины. Киев: Наукова думка. С. 36–46.

Ллойд С., 1984. Археология Месопотамии. М.: Наука. Глав. ред. вост. лит. 282 с.

Лосев А.Ф., 1987. Афина // Мифы народов мира. М.: Советская энциклопедия. С. 125–129.

Мелетинский Е.М., Гуревич А.Я., 1987. Германо-скандинавская мифология // Мифы народов мира. Т. 1. М.: Советская энциклопедия. С. 284–292.

Окшотт Э., 2004. Археология оружия. От бронзового века до эпохи Ренессанса. М.: Центрполиграф. 399 с.

Редер Д.Г., 1965. Мифы и легенды древнего Двуречья. М.: Наука. Глав. ред. вост. лит. 114 с.

Тодорова Г., 1986. Каменно-медната епоха в България. София. 279с.

Шкунаев С.В., 1987 Кельтская мифология // Мифы народов мира. Т. 1. М.: Советская энциклопедия. С. 633–637.

Юдин А.И., 2004. Варофоломевская стоянка и неолит степного Поволжья. Саратов: Изд-во Саратовского Ун-та. 200 с.

Amiet P., 1961. La Gliptique Mesopotamienne Archaiuque. Centre national de la Recherche scientifique. Paris. 212 p. +113 pl.

Amiet P., 1977 Die Kunst des Alten Orient. Freibirg-Bazel-Wien. 578 S.

Crnobrnja A. N., 2011. Arrangement of Vinca culture figurines a study of social structure and organization // Documenta Praehistorica. XXXVIII. Belgrade City Museum. Belgrade. P. 131–144.

Cucuteni, 1997 – Cucuteni. The Last Great Chalcolithic Civilisation of Europe. The exhibition was opened in the Archaeological Museum of Thessaloniki, Greece, September–December 1997. Bucharest: Athena Publishing and Printing House, 246 p.

Gürsdorf von Jüchen, Bojadziev J., 1996. Zur absoluten Chronologie der bulgarischen Urgeschichte // Eurasia Antiqua. Bd. 2. Mainz. S. 105–173/

Frankfort H. 1954. The Art and Architecture of the Ancient Orient. L.: Penguin Books. 279 p.

Hansen S., 2007. Bilder vom Menschen der Steinzeit. Untersuchungen zur anthropomorphen Plastik der Jungsteinzeit und Kupferzeit in Südosteuropa. Teil I: Text. Teil II: Taf. 1–532. Mainz: Deutsches Archäologisches Institut, Eurasien Abteilung. Verlag Philipp von Zabern (Archäologie in Eurasien. Bd. 20). 547 p.

Higham T., Chapman J., Slavchev V., Gaydarska B., Honch N., Yordanov Y., Dimitrova B., 2008. New AMS radiocarbon dates for the Varna Eneolithic cemetery, Bulgarian Black Sea coast // Acta Musei Varnaensis. Vol. 6. P. 95–114.

Ivanov I., 1988. Das Gräberfeld von Varna // Macht, Yerrschaft und Gold. Das Graberfeld von Varna (Bulgarien) und die Anfänge einer neuen europäischen Zivilisation. Saarbrüken: Saarland Museum. S. 183–240.

Jones-Bley K., 2008. Arma Feminamque Cano: Warrior-Women in the Indo-European World // Are all warriors male? Gender roles on the Ancient Eurasian Steppe. Ch. 2. N.Y.: AltaMira Press. P. 35–50.

Majidzadeh Y., 2003. Jiroft: The Earliest Oriental civilization. Tehran.

Mallowan M.E.L. 1936. The Bronze Head of the Akkadian Period from Nineveh // Iraq. Vol. 3. № 1. P. 104–110.

Mallowan M.E.L., 1965. Early Mesopotamia and Iran. L.: Thames and Hudson. 142 p.

Mellaart J., 1975. The Neolithic of the Near East. L.: Thames and Hudson. 300 p.

Molleson T., Hodgson D., 2003. The human remains from Woolley's excavations at Ur // Iraq. Vol. LXV. P. 91–129.

Muscarella O.M., 1969. The Tumuli at Sé Girdan // Metropolitan Museum Jornal. Vol. 2. P. 5–26.

Olsen S., Harding D.G., 2008. Women's Attire and Possible Sacred Role in 4th Millenium Northern Kazahstan // Are all warriors male? Gender roles on the Ancient Eurasian Steppe / Ed. Katheryn M. Linduff and Karen S. Rubinson. Lanham-N.Y.-Toronto-Plymouth: AltaMira. P. 67–92.

Schmandt-Besserat D., 1993. Image of Enship // Between the Rivers and over the Mountains. Archaeologica Anatolica et Mesopotamica Alba Palmieri dedicata. Roma: Dipartimento di Scienze Storiche, Archeologiche e Antropologiche dell'Antichità, Università di Roma, «La Sapienza». P. 201–219.

Todorova H., 2002a. Durankulak. Bd. II. Tail I, II. Der prähistoroschen Gräber von Durenkulak. Sofia: Publishing Haus Anubis. 158 s.

Todorova H., 2002b. Durankulak. Bd. II. Tail II. Der prähistoroschen Gräber von Durenkulak. Sofia. Tabl. 203.

Vlassa N., 1976. Neoliticul Trasilvaniei. Studii, articole, note. Cluj-Napoca: Muzeul de Istorie al Transilvaniei. (Bibliotheca Musei Napocensis.Vol. III). 264 p.

Vulpe A., 1975. Die Äxte und Beile in Romänia Prähistorische bronzefunde // Prähistorische Bronzefunde. Abt. IX. Bd. 5. München: Beck.

Woolley L., 1934. Ur excavation. The Royal Cemetery. A Report on the Predynastic and Sargonid Graves Excavated between 1926 and 1931. Vol. II. L., Philadelphia: British Museum and Museum of the University of Pennsylvania. Part. 1. Text. 604 p. Part. 2. Plates. 274 p.

S.N. Korenevskiy

THE SYMBOLISM OF THE GODDESS OF FERTILITY AND SYMBOLS OF WAR (ON MATERIALS OF V–III MILLENNIA BC FROM THE DANUBE REGION AND THE NEAR EAST)

Abstract. The article aims to show the symbolism of the female deities reflected by archaeologists sources of V-III Millennia BC in the cultures of farmers and ranchers from the different areas. It attempts to answer the question, why mythology of cultures emerging civilizations existed played the role of the phenomenon of the goddess of war, although the war, as it far and wide, it was not a woman deal. There are examples with the symbols of a female deity of the cultures dealt with the Chalcolithic in the Danube river basin and the Middle East. In the end, the conclusion is that the image of the goddess of war was originally associated with the image of the goddess of death. The appearance of the gods of war in mythology of farmers and pastoralists, for example, in the Middle East was a later phenomenon.

Keywords: The Eneolithic period, the Danube region, art, abstraction, the Near East, goddess, war, symbols, weapons, the Tree of Life, feline predators, grave, prestige, beliefs, Sumerians.

В.И. Балабина, Т.Н. Мишина

ПРЯДЕНИЕ И ТКАЧЕСТВО НА ТЕЛЛЕ ЮНАЦИТЕ В РАННЕМ БРОНЗОВОМ ВЕКЕ И ХАЛКОЛИТЕ

Резюме: Изготовление тканей долго было домашним женским ремеслом (рис. 1, 10). В зависимости от особенностей используемых волокон, этот многоступенчатый процесс включал в себя разные этапы, среди которых можно выделить два обязательных – прядение и ткачество. В работе рассматриваются необходимые для этих этапов глиняные пряслица и грузики для ткацкого станка на поселениях телля Юнаците.

В коллекции памятника хранится 416 целых и восстановленных пряслиц и 147 грузиков из горизонтов раннего бронзового века (РБВ) и финального горизонта халколита, большинство артефактов фрагментировано. Для пряслиц было выделено 12 морфологических типов; в их анализ включены вариации пропорций и размеров (гист. 1–5). Для грузиков выделено 4 морфологических группы и проанализирована высота пирамидальных грузиков. Для большинства пряслиц и 30% грузиков реконструируется археологический контекст. Впервые публикуются «коллективные находки» артефактов, зафиксированных вместе (рис. 3, 4). Относительная стратиграфия типов пряслиц и морфологических групп грузиков демонстрирует наибольшее их разнообразие и количественное преобладание в РБВ II – III (табл. 1, 2).

Ключевые слова: телль Юнаците, эпоха ранней бронзы, халколит, стратиграфия, прядение, ткачество, пряслица, грузики для ткацких станков, морфологический тип, размеры, пропорции.

Метафорически прядение и ткачество в первобытности называют «невидимое ремесло», поскольку самые ранние находки тканей известны уже с эпохи неолита на территории Ближнего Востока и Анатолии (*Авилова*, 2010). Исследователи долгое время довольствовались лишь косвенными свидетельствами – инструментами, которые применялись при прядении и ткачестве: это пряслица и грузики для ткацких станков, а также отпечатками тканей, сохранившихся на донцах сосудов. Тема детально не исследовалась из-за отсутствия данных в археологическом контексте, трудностей с культурной и хронологической атрибуцией некоторых артефактов.

Изготовление тканей долго было домашним женским ремеслом (рис. 1, 10). В зависимости от особенностей используемых волокон процесс мог включать различные этапы, среди которых выделяются два обязательных и неизменных – прядение и ткачество (*Николов*, 2011). В последние двад-

https://doi.org/10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-284-1.126-153

Рис. 1. Изображение прядильщицы на сосуде из Британского музея (Museum number 1873, 0820.304) Attic, 490-470 BC

цать лет появились крупные исследования, по древнейшему изготовлению тканей на Ближнем Востоке (*Breniquet*, 2008; 2014), в Средиземноморском регионе (Barber, 1993), Трансильвании (*Mazăre*, 2012) и Евразийских степях (*Шишлина*, 1999. С. 7–57; *Орфинская и др.*, 1999. С. 58–184). Эти обобщающие работы используют различные современные методики исследования, детально описывают инструменты, с помощью которых на самых ранних

этапах производили ткани. В монографиях рассматриваются вопросы о значении ткацкого производства в древнем обществе, о роли женщин в этом ремесле и в экономике в целом (*Barber*, 1996). В данной статье речь пойдет о двух категориях глиняных находок, свидетельствующих об изготовлении тканей: пряслицах и грузиках для ткацкого станка, найденных в разновременных поселках телля Юнаците при исследовании горизонтов эпохи ранней бронзы и верхнего горизонта халколита.

Пряслица

В коллекции Юнаците хранится 446 целых и восстановленных пряслиц разных типов из горизонтов РБВ и финального горизонта халколита. Для статистической достоверности не можем не упомянуть, что имеется еще около 60 фрагментов пряслиц плохой сохранности, которые в данной работе не рассматривались, поскольку их трудно отнести к какому-либо из выделенных типов. Таким образом, общее число пряслиц на Юнаците – 506. Все они обожжены, некоторые имеют следы вторичного обжига. Их поверхность заглажена и бывает залощенной.

Хорошо известно, что обычно глиняные пряслица круглые в плане, с вертикальным сквозным отверстием для насадки на веретено, но их форма бывает разной благодаря особенностям профилировки.

В последние годы пряслицам из праисторических памятников Болгарии были посвящены специальные работы: В. Петровой и А. Чохаджиева. Оба автора привлекают широкий материал различных памятников и эпох, выделяют среди рассматриваемых пряслиц разновидности по пропорциям и группы по размерам (*Чохаджиев*, 2007; *Петрова*, 2011). Р. Александрова в публикации 2017 года полностью публикует серии интересующих нас предметов эпохи позднего неолита из многослойного поселения Сырнево (*Александрова*, 2017. С. 345–357).

В данной статье мы оперировали традиционными морфологическими характеристиками, выделив среди встреченных глиняных пряслиц следующие типы: *биконические (biconical), конусовидные (conical), усечено-конические (conical with a flattened top), «грибовидные» (?) «грушевидные» (?), катушковидные (spool-shaped), полусферические (hemispherical), округло-уплощенные (?), цилиндрические (cylindrical), «колесовидные» (?), сферические (spherical) и плоские (flat),* в том числе из фрагментов керамики (рис. 2, *1–12*; 3).

В анализ были включены вариации пропорций и размеров. Использовались замеры высоты, а также одного или нескольких внешних диаметров (в зависимости от сложности формы) и диаметр отверстия.

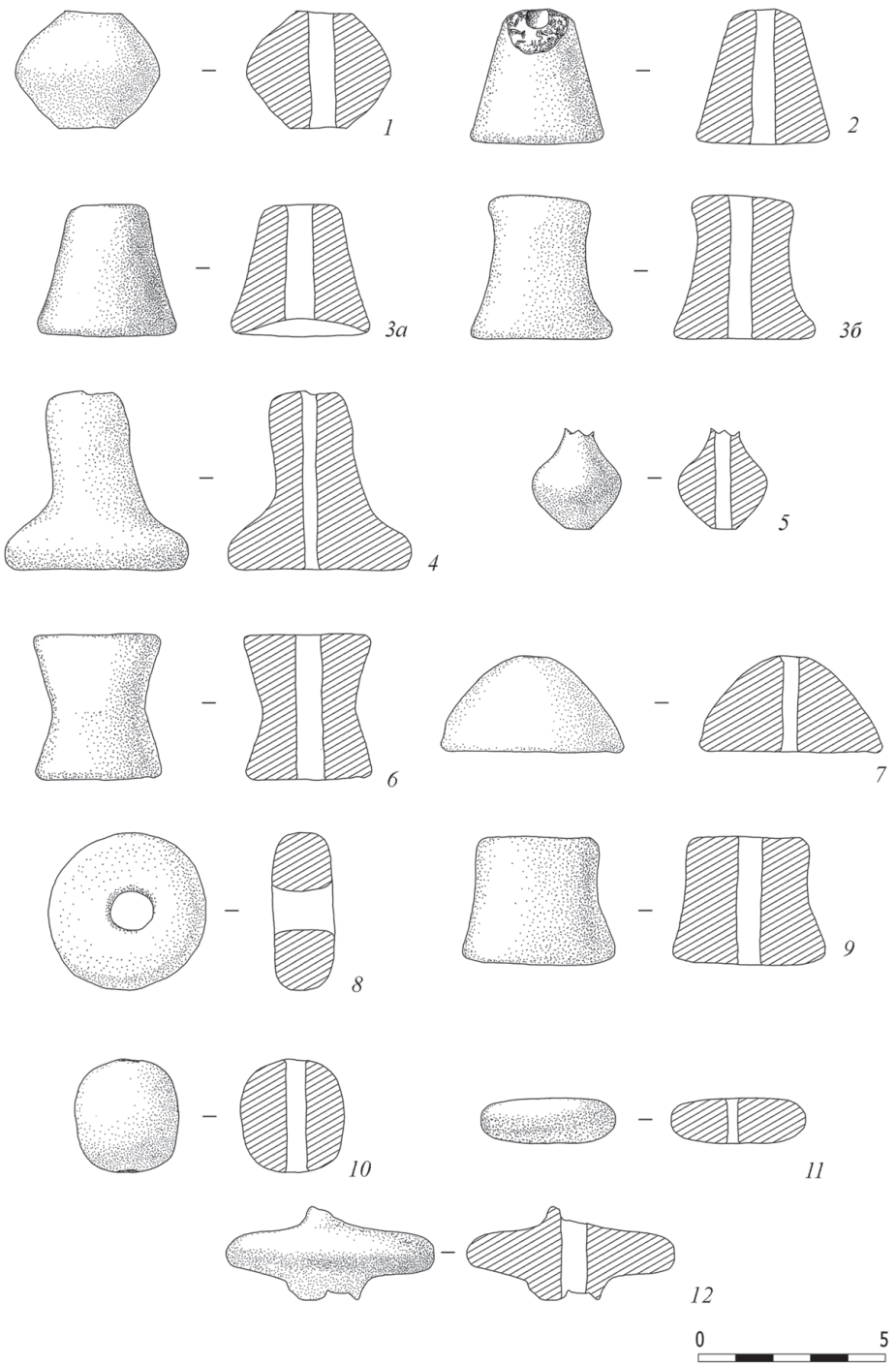


Рис. 2. Типы пряслиц телля Юнаците

1 – биконические (biconical); *2* – конусовидные (conical); *3а, 3б* – усечено-конические (conical with a flattened top); *4* – «грибовидные» (mushroom-shaped); *5* – «грушевидные» (pear-shaped); 6 – катушковидные (spool-shaped); *7* – полусферические (hemispherical); *8* – округло-уплощенные (round flattened); *9* – цилиндрические (cylindrical); *10* – «колесовидные» (wheel-shaped); *11* – сферические (spherical); *12* – плоские (flat), в том числе из фрагментов керамики

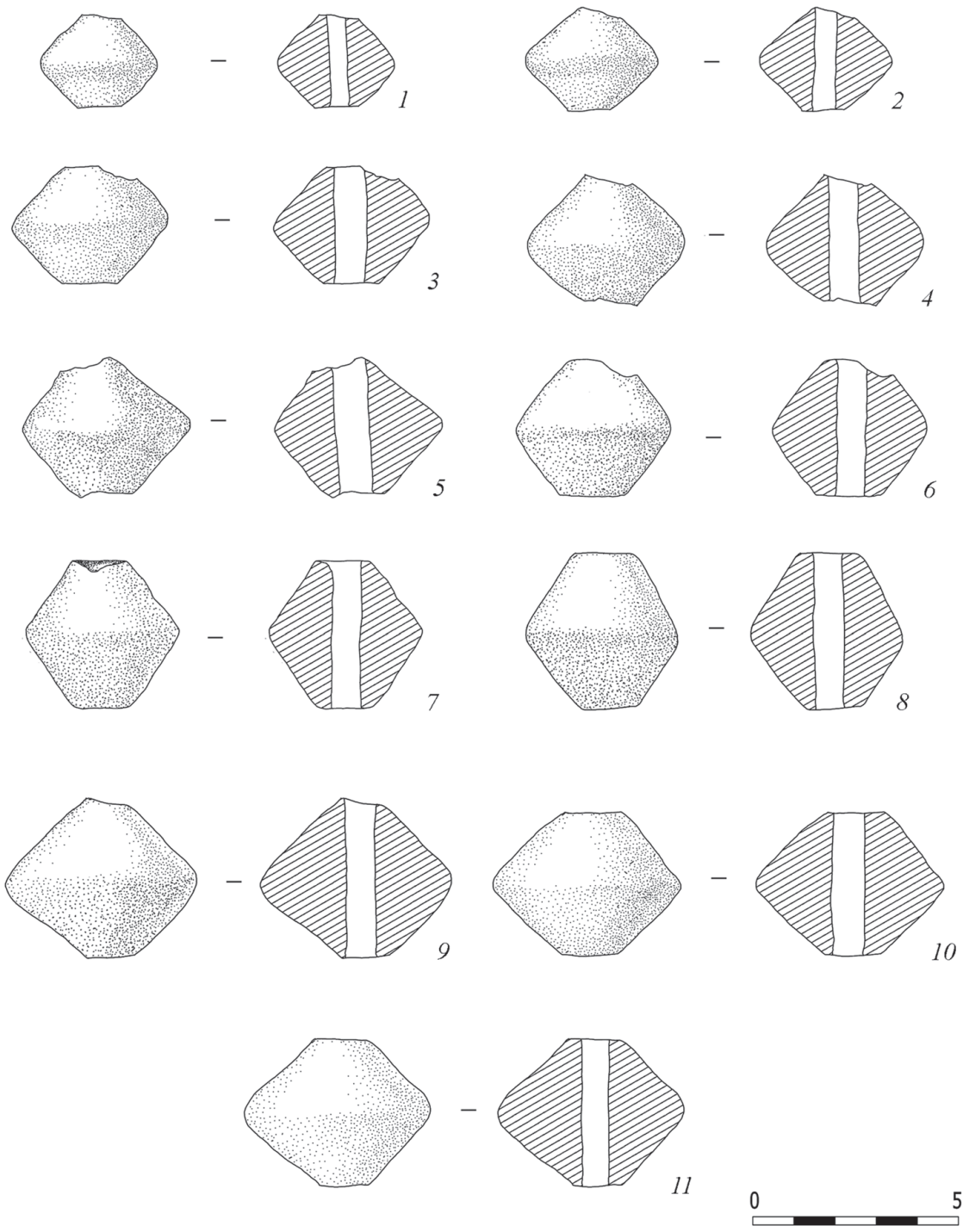


Рис. 3. Телль Юнаците.
Коллективная находка из 11 пряслиц эпохи РБВ, горизонт III, квадрат К/6

Биконические пряслица– самая крупная серия (рис. 1, *1;* 3, 4) в коллекции Юнаците – 360 экземпляров этого типа. Они встречены во всех горизонтах РБВ, а также в верхнем горизонте халколита (табл. 1)

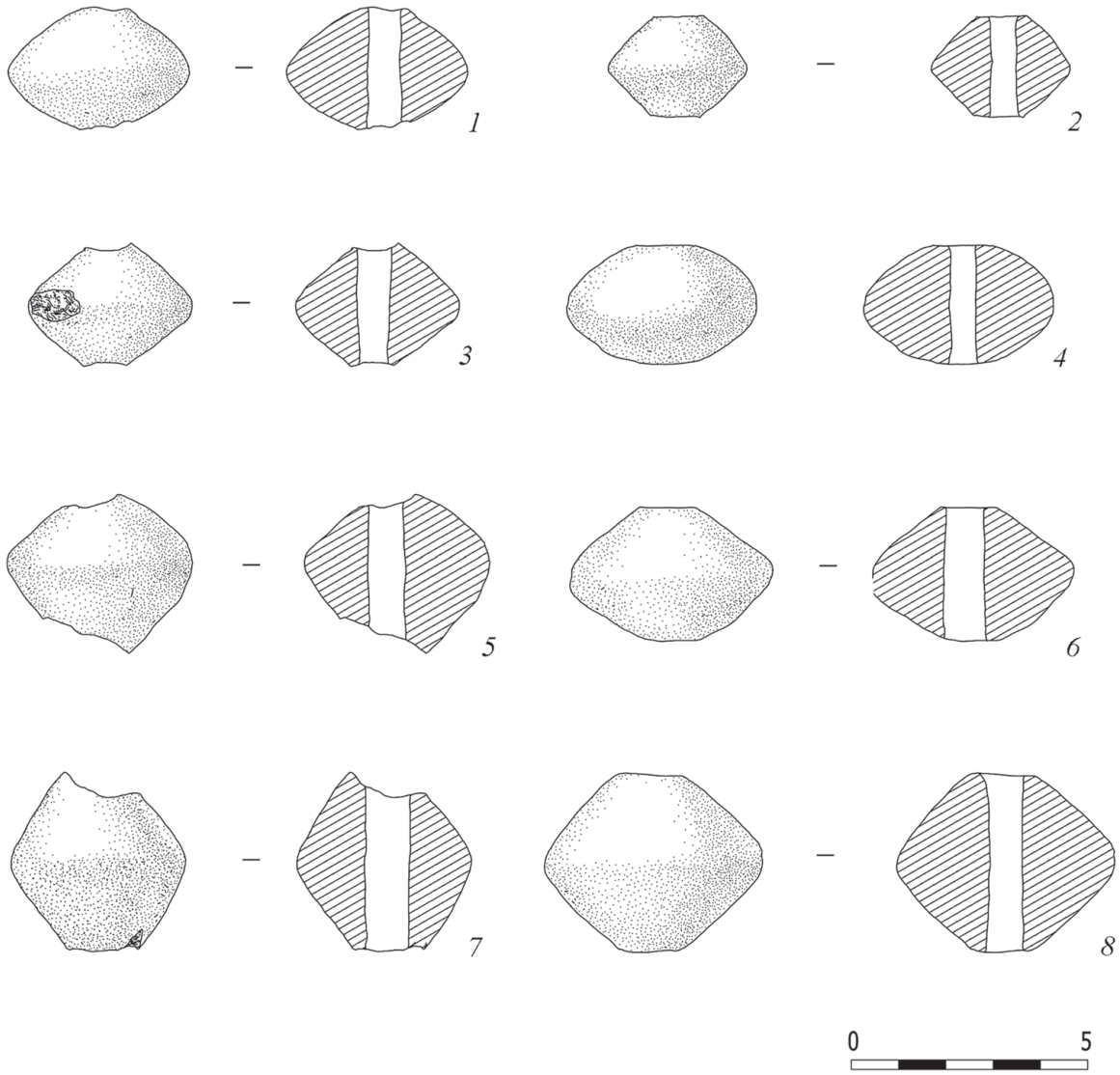


Рис. 4. Телль Юнаците.
Коллективная находка из 8 пряслиц эпохи РБВ, горизонт VII, квадрат C/7

Профиль таких пряслиц варьирует от остроугольгого до почти округлого. Поверхность может быть в разной степени заглаженной, вплоть до «полировки», хотя возможна и достаточно небрежная обработка. Иногда присутствует скупая орнаментация.

По данным, которые оказались доступны, у 360 пряслиц измерены: максимальный диаметр (d) и высота (h). Вертикальное отверстие в центре (иногда, слегка наклонное) было измерено для 100 экземпляров; его диаметр варьирует от 0,5 до 1,2 см. У большинства биконических пряслиц диаметр отверстия составляет не менее 0,7 см.

Таблица 1. Телль Юнаците. Распределение пряслиц по горизонтам РБВ

Эпоха	Горизонт	Биконические	Конусовидные	Усеченно-конические	Грибовидные	Грушевидные	Катушковидные	Полусферические	Округло-уплощенные	Цилиндрические	Сферические	Плоские	Колесовидные	Всего
РБВ III	**I**	4		2										189
	II	19	1	8					3			2		
	III	35		3										
	IV	17		2			2							
	V	32	1										2	
	VI	10		7			1	1						
	VII	25	1	1		1	3			1		2	2	
	VIII	3												
РБВ II	**IX**	32	1				1		3					110
	X	18	1							1		2		
	XI	23		1				1				2		
	XII	9												
	XIII	6		1							1			
	XIV	6												
РБВ I	**XV**	9		1										15
	XVI /XVII	5												
Халколит	**B 1**	42	1	1	1							2		47
Неясно		65	0	10		1	3	0	3	2	0	0	0	85
Всего		**360**	**6**	**37**	**1**	**2**	**10**	**2**	**9**	**4**	**1**	**10**	**4**	446

Размеры и пропорции биконических пряслиц. Максимальный диаметр варьирует от 2,1 до 7,4 см. Наиболее распространенный от 3,5 до 5 см. Значительно меньше в нашей серии пряслиц малого диаметра – от 2,1 до 3 см. Еще реже встречаются крупные пряслица с диметром более 6 см (гист. 1).

Высота биконических пряслиц (357 экземпляров) тоже не одинакова, ее разброс составляет от 1,5 до 5,3 см. Наиболее «стандартна» высота – 2,5–4 см (гист. 2).

Среди пряслиц этого самого массового типа, можно выделить предметы средних размеров, воспринимаемых как стандарт с усредненными весовыми характеристиками. Крупные пряслица можно условно обозначить как более тяжелые, а мелкие – как более легкие.

Анализ пропорций (d/h) всей серии пряслиц показывает, что наиболее распространенное отношение d/h фиксируется между значениями 1,2 и 1,5. Отметим также небольшую группу пропорционально высоких пряслиц, у которых d/h больше или равно 1 (гист. 3).

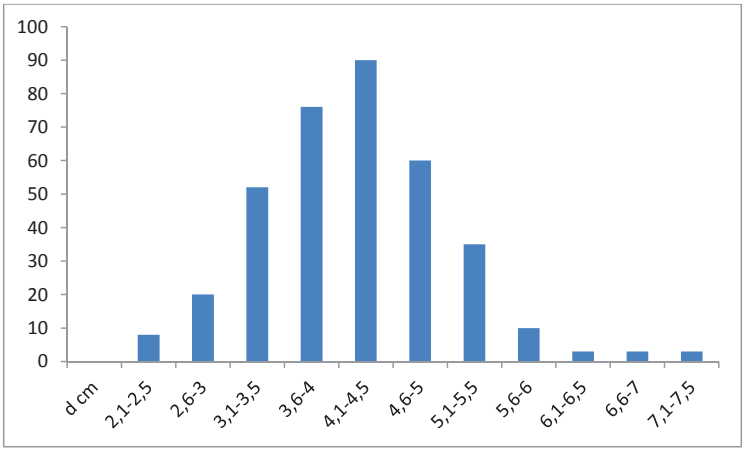
Пропорции тоже отчасти помогают уточнить соотнесение с весовыми характеристиками. На фоне стандартного варьирования (гист. 3) выделяются относительно высокие и низкие предметы, о чем в свое время писал А. Чохаджиев (*Чохаджиев*, 2007). Однако, такие дефиниции не следует воспринимать буквально. Для пропорционально высоких биконических пряслиц, определяющей для выявления крупных/тяжелых и маленьких/легких пряслиц является высота (h). Относительно высокими могут оказаться и предметы небольшие.

Среди биконических пряслиц встречено 23 с орнаментом, нанесенным в нескольких техниках: прочерченными линиями, маленькими неглубокими ямками-наколами, насечками, ногтевыми отпечатками (рис. 5–8). Чаще орнаментировали одну сторону пряслица, редко – обе. Орнамент наносился и по ребру, иногда в сочетании с одной орнаментированной поверхностью. По ребру наносились ямки-наколы и/или насечки. Отметим пряслице, у которого орнамент в виде прочерченных окружностей, вписанных одна в другую, занимал обе поверхности (рис. 8, *1*).

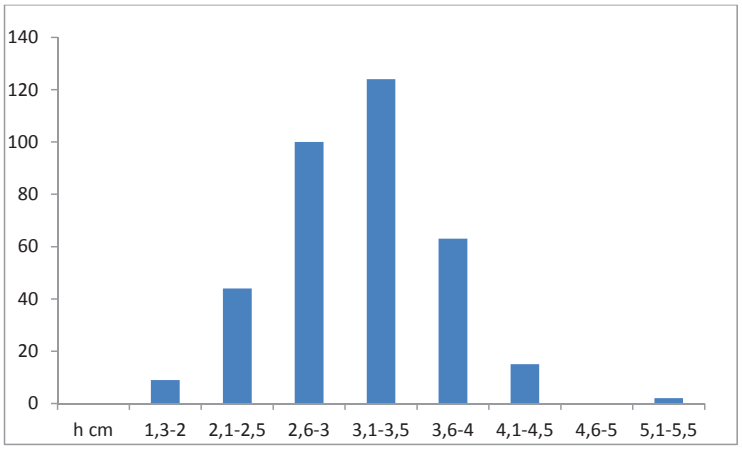
В данной группе большинство пряслиц орнаментировано (с одной стороны) радиальными прочерченными линиями (рис. 6, *1–2*; 7, *5;* 8, *4, 6*). Иногда прочерченные линии сочетаются с ямками-наколами, а также с насечками по ребру (рис. 7, *5*).

Лишь у двух пряслиц оказались более сложные композиции из прочерченных линий, одно из которых находит некоторые соответствия в Трое I (*Seferiades* 1985. S. 193, Pl. VIII, *2*) (рис. 7, *2*).

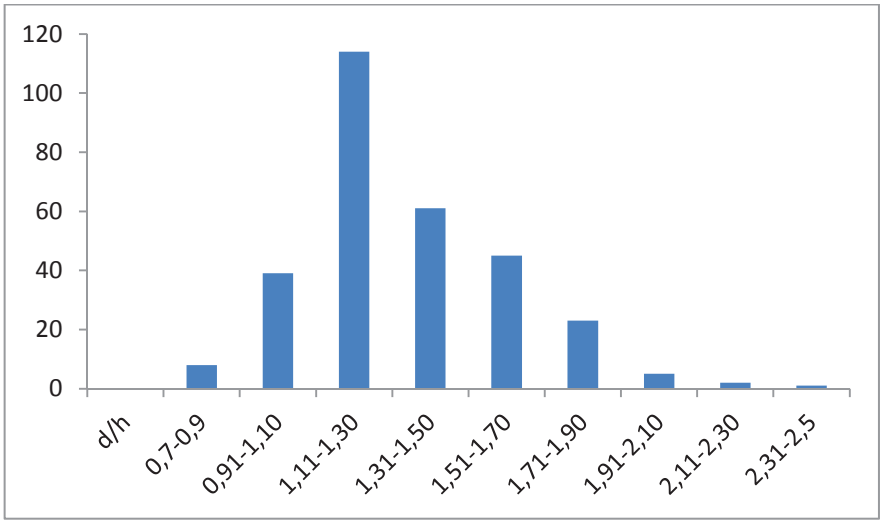
Конусовидные пряслица – 6 предметов, включая округло-конические, все без орнамента (рис. 2, *2*). Высота варьирует от 1,6 до 4,2 см, диаметр



Гистограмма 1. Вариации максимального диаметра биконических пряслиц



Гистограмма 2. Вариации высоты биконических пряслиц



Гистограмма 3. Пропорции биконических пряслиц

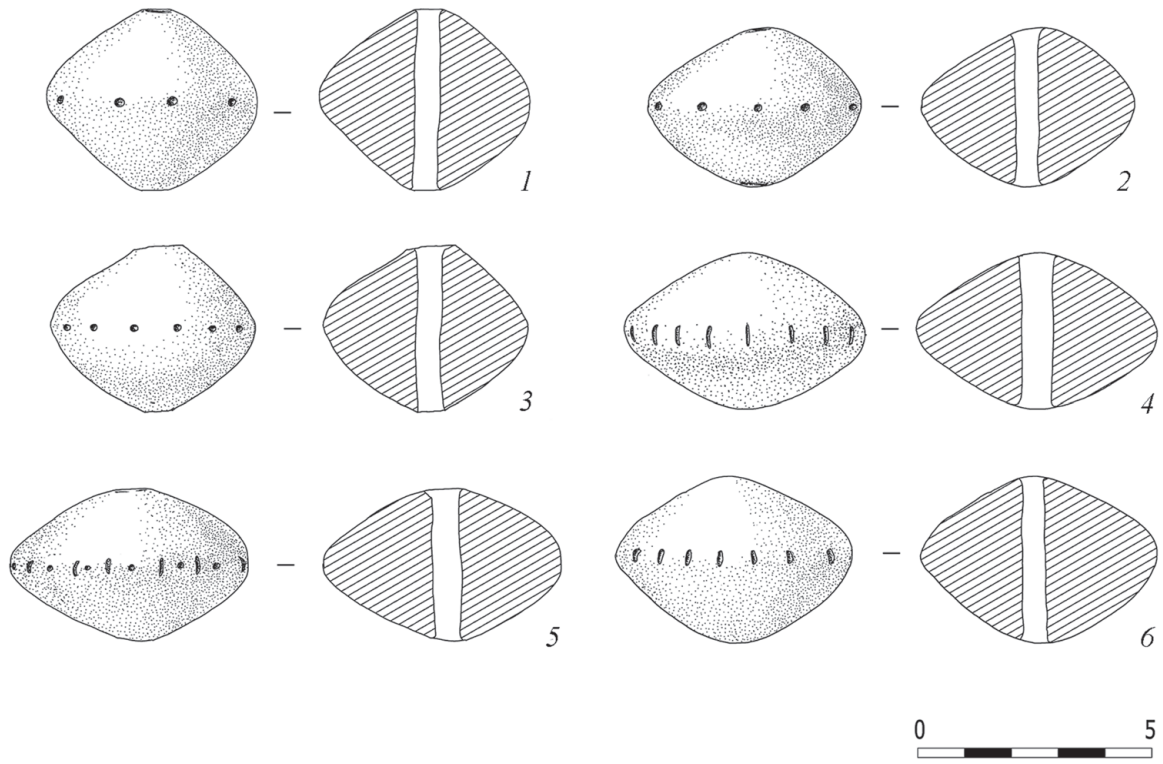


Рис. 5. Телль Юнаците. Виды орнаментов на пряслицах эпохи РБВ
1 – горизонт XVI, кв. Т/9, постройка 42; *2* – горизонт XI, кв. Т/9, постройка 12А; *3* – горизонт X, кв. С/8, постройка 10А; *4* – горизонт IX, кв. Р/7, постройка 7; *5* – горизонт IV, кв. И/8, район постройки; *6* – горизонт IX, кв. Р/5, район постройки 7; *7* – горизонт IX, кв. С/9

основания – от 2,4 см до 5,6 см. В одном случае отмечена хорошо заглаженная поверхность. Диаметр отверстия отмечен один раз – 0,8 см. Все экземпляры пропорционально низкие – диаметр основания пряслиц заметно превышает высоту. Конусовидные пряслица встречены в II, IX, X горизонтах РБВ и в I горизонте халколита.

Усечено-конические пряслица – 37 экземпляров, их вертикальный разрез напоминает усеченный конус (рис. 2; *3a, 3b*), встречены они в разных горизонтах РБВ – с I по XVI/XVII и в халколите, но большинство их соотносится с горизонтами РБВ III (табл. 1). Такие пряслица иногда имеют прогиб боковых сторон (рис. 2, *3b*). Поверхность бывает заглаженная или грубая. У усеченно-конических пряслиц измерялись оба основания и высота. Диаметр большего основания (d max) колеблется от 5 до 2,1 см; диаметр меньшего (d min) – от 4,1 до 1,5 см; высота (h) – от 5,0 до 1,6 см. По высоте (h) можно выделить: высокие (крупные) – от 4 до 5 см; условно средние – от 2,5 до 3,5 см и низкие (малые) – 1,6–2,4 см (гист. 4).

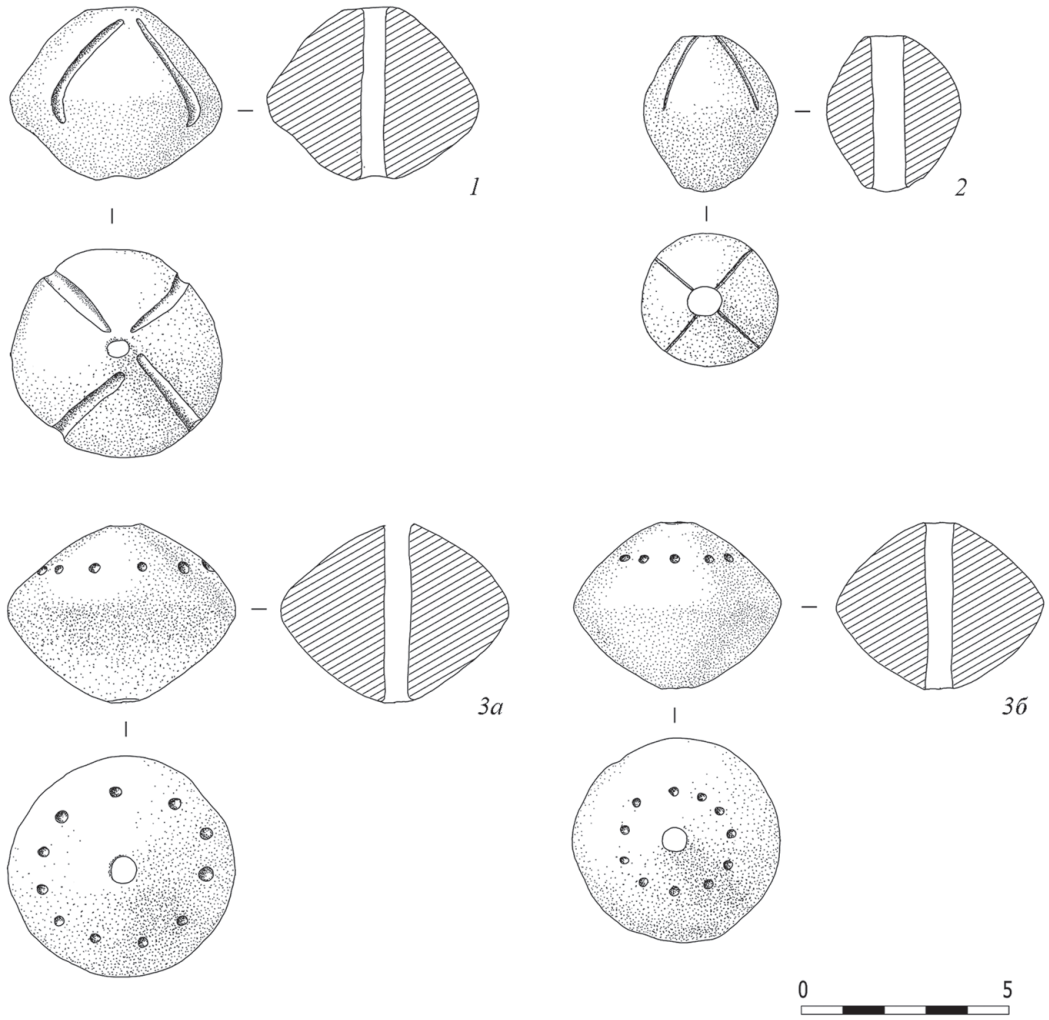


Рис. 6. Телль Юнаците. Виды орнаментов на пряслицах эпохи РБВ
1 – горизонт XV, кв. П/9, постройка 29; *2* – ?; 3*а, 3б* – парная находка, горизонт XI, кв. С/8, постройка 12

Пропорции (d max/h) могут заметно отличаться, варьируя от 0,91 до 1,71. Соответственно, есть и пропорционально низкие пряслица, и более вытянутые. Вытянутыми и низкими бывают и крупные и маленькие пряслица. У нескольких наиболее вытянутых пряслиц соотношение d max/h колеблется от 0,91 до 1,1. Среди этих пряслиц отметим одно орнаментированное насечками со следами белой пасты по ребру большего основания (гист. 5).

Усеченно-коническим пряслицам морфологически и по размерам, близки два «грушевидных» пряслица, имеющих помимо прогиба боковых поверхностей еще и общую заметную «закруленность» (рис. 2, *5*). Они по своим пропорциям оказалось наиболее вытянутыми (d max/h – 0,92), одно из них зафиксировано в VII горизонте.

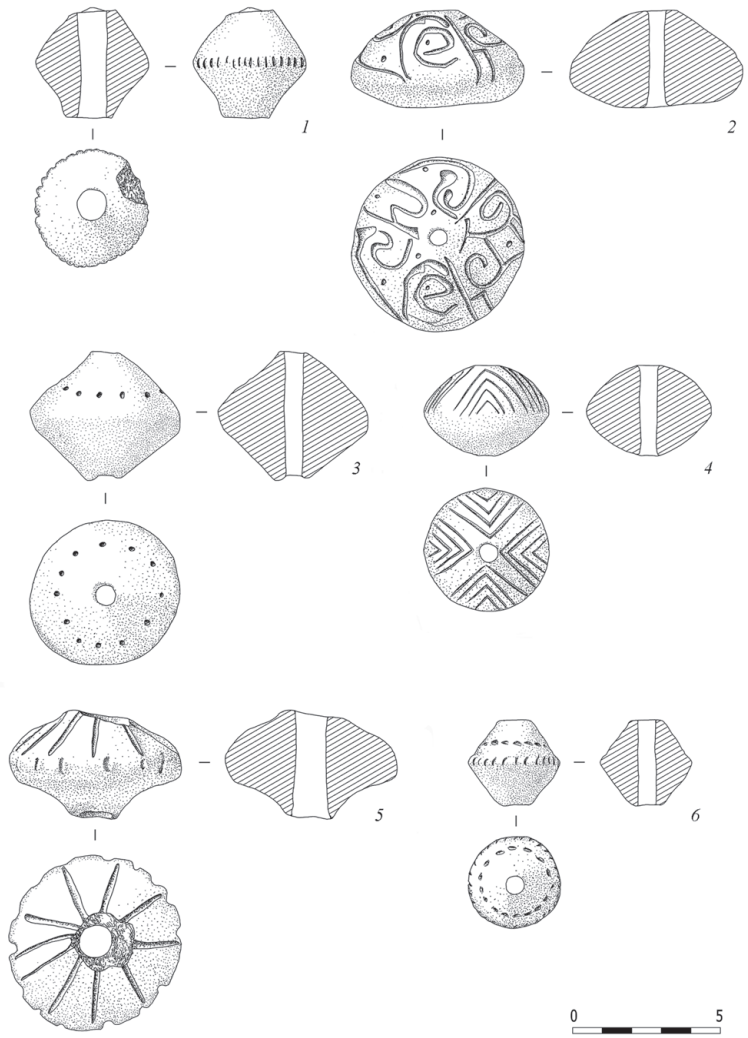


Рис. 7. Виды орнаментов на пряслицах эпохи РБВ
1 – ?; *2* – горизонт VI, кв. Р/8; *3* – горизонт VII, кв. О/8, район постройки 3; *4* – ?; *5* – горизонт XIV, кв. Л/8, постройка 21А; 6 – горизонт XVI, кв. Т/9, постройка 42

Катушковидные пряслица малочисленны, их всего 10 экземпляров (рис. 2, *6*), отмечены в горизонтах РБВ: IV, VI, VII, IX. Основной признак выделения этого типа – выраженный перехват в середине. Диаметры оснований могут быть равны или различны. Все катушки целые, поверхность у большинства из них заглажена, лишь в одном случае отмечена как грубая.

Высота (h) катушек варьирует от 3,9 до 2,8 см. Диаметр вертикального сквозного отверстия – от 0,6 до 0,9 см. Диаметры наибольшего основания (d1) – от 5,1 до 3,4 см, диаметры меньшего (d2), соответственно – от 3,9 до 2,4 см. Часть катушек можно описать как пропорционально низкие – их высота (h) близка меньшему основанию (d2).

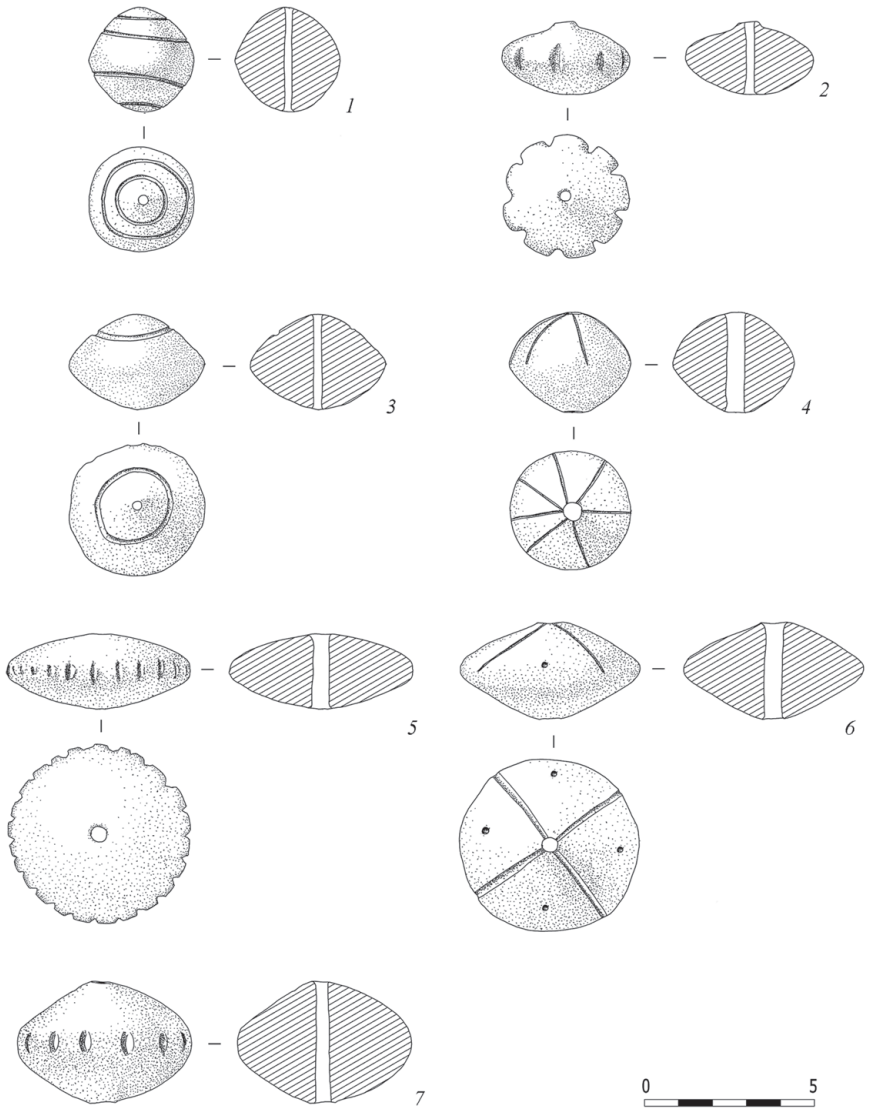
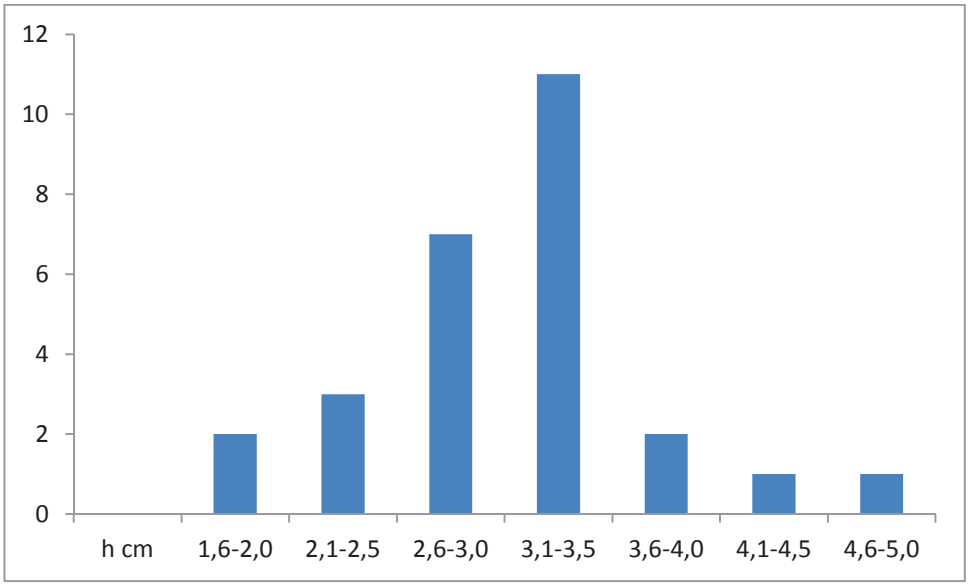


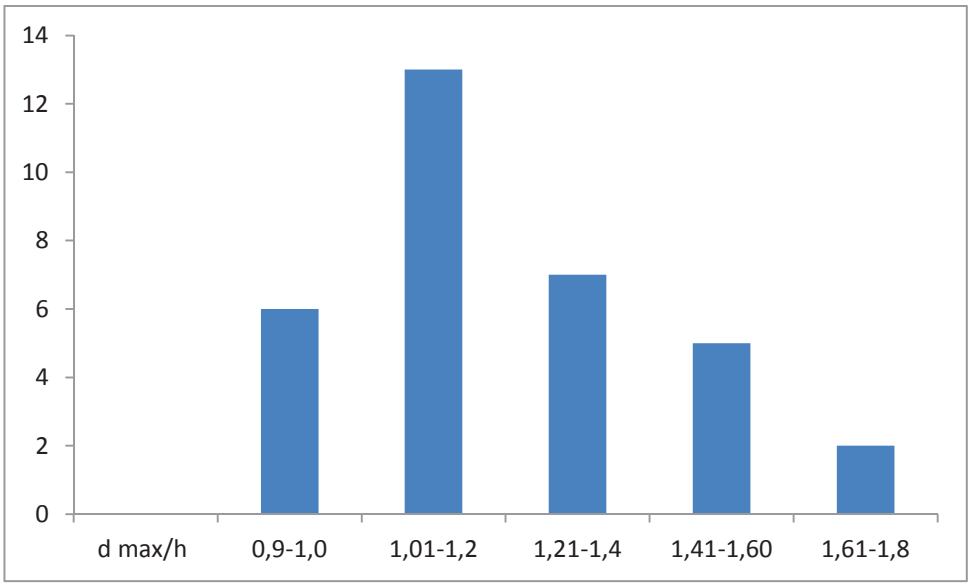
Рис. 8. Телль Юнаците.
Виды орнаментов на пряслицах эпохи халколита, горизонт I
1 – кв.т З/6; *2* – ?; *3* – кв. Р-С/5, постройка 11; *4, 5, 6* – кв. М/8, постройка 3;
6. 7 – кв. К/9, постройка 5а

Редко высота катушки равна или превышает диаметр большего основания, такие пряслица выглядят относительно «высокими». Отметим две крупных катушки (h: 3,8–3,9 см; d1: 4,7–5,1 см; d2: 3,8–3,9 см).

Полусферические пряслица – 2 экземпляра в нашей коллекции, найденные в VI и XI горизонтах РБВ. Данных о сохранности поверхности нет. (рис. 2, *7;* 7, *2;* 9, *7*). Для одного из них (VI горизонт) отметим орнамент, который находит некоторые соответствия в Трое I – сложные композиции из прочерченных линий, (*Seferiades*,1985. S. 193. Pl. VIII, *2*).



Гистограмма 4. Высота усечено-конических пряслиц



Гистограмма 5. Пропорции усечено-конических пряслиц

Цилиндрические пряслица. Их всего 4 экземпляра (рис. 2, *9*), встречены в VII и X горизонтах РБВ (табл. 1). Высота варьируется от 2 см до 3,6 см. Диаметр колеблется от 2,8 до 3,8 см.

Округло-уплощенных пряслиц известно 9 экземпляров (рис. 2, *8*). Три пряслица происходят из II горизонта РБВ, и три – из IX горизонта (табл. 1). Для них характерна заметная выпуклость боковых поверхностей при уплощенности верха и низа пряслица. Диаметр обычно превышает высоту, их

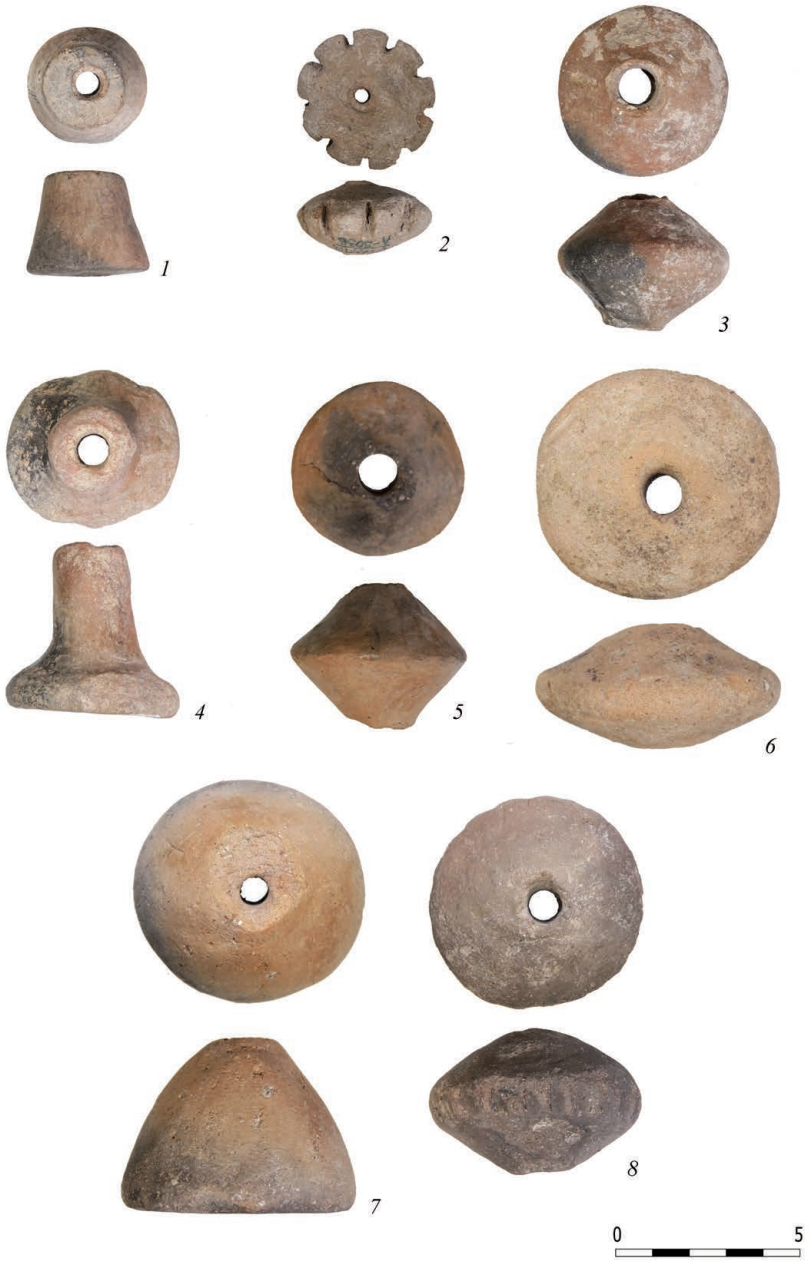


Рис. 9. Пряслица эпохи халколита, фото

соотношение колеблется от 1,2 до 1,8, т.е. пропорции у всех экземпляров относительно низкие. Вариации диаметров от 5,6 до 3 см. Высота – от 3,4 до 2 см. По диаметру некоторые предметы можно отметить, как крупные (d 5,6–4,7 см). Диаметр отверстия 0,8 см.

У единственного условно ***сферического пряслица***, обнаруженного в XIII горизонте, (рис. 2, *10*) при сходных пропорциях, несколько выпуклая форма верха и низа, его высота (h) 2 см, диаметр максимальный (d max) – 3,3 см, диаметр отверстия (d) 0,8 см,

Плоские пряслица – 10 экземпляров – круглые с отверстием в середине (рис. 2, *11*). Найдены во II, VII, X и XI горизонтах и в халколите. В данной серии встречены восемь плоских, специально смоделированных, и два из фрагментов керамики с подточенными краями. Диаметры смоделированных варьируют от 7,4 до 3,5 см, толщина 1,3–4,0 см.

Колесовидные пряслица – 4 экземпляра, Они – уплощенные с отчетливыми выступами с обеих сторон у отверстия, похожими на ступицы (рис. 2, *12*). Встречены в V и VII горизонтах. Диаметр у всех имеющихся пряслиц близок 5 см. Они соответствуют 4 варианту группы В по А. Чохаджиеву (*Чохаджиев*, 2007. С. 17. Обр. 2).

Единичным экземпляром представлено так называемое «***грибовидное***» ***пряслице,*** найденное в I горизонте халколита. По В. Петровой относится к типу V-3 (рис. 2, *4*) (*Петрова*, 2011. Табл. 1).

Все типы пряслиц из отложений эпохи ранней бронзы находят аналогии в типологии представленной В. Петровой для Северобалканского региона Болгарии (*Петрова*, 2011. Табл. 1).

Археологический контекст

Большинство пряслиц было найдено в постройках. Иногда это «коллективные находки» из нескольких предметов. Все они оказались биконическими. На Юнаците для горизонтов РБВ известно десять таких комплексов, насчитывающих от 2 до 11 экземпляров. В шести наборах пряслица парные.

Коллективные находки пряслиц были обнаружены в горизонтах РБВ II и РБВ III. Самая крупная коллективная находка из 11 предметов происходит из III горизонта (рис. 3). В V горизонте зафиксированы 4 набора: три из них парные и один набор из восьми экземпляров (рис. 4). В VI горизонте – две пары пряслиц, в VII – набор из восьми пряслиц, в XI – из двух. Один набор из 7 экземпляров не имеет точной привязки (предположительно он относится ко II горизонту).

В наборах пряслица бывают как одного размера, так и разновеликие. Часть комплектов включает в себя помимо стандартных пряслиц, также и пряслица меньшего размера.

Близкие по размерам пряслица чаще группируются по парам; исследователями были зафиксированы 4 таких случая. В постройке 12 (горизонт XI РБВ), найдены рядом два одинаковых биконических пряслица – комплект, со сходным орнаментом в виде круга из ямок-наколов (рис. 6, *3а, 3б*), что, возможно, являлось личной маркировкой. Кроме парных наборов

пряслиц, близких по размеру, имеются коллективные находки разновеликих пряслиц из 7 и 8 предметов.

Рассмотрим размерные вариации биконических пряслиц в наиболее представительных комплектах из 11, 8 и 7 штук.

В комплекте из 11 штук заметны различия по размерам и пропорциям. Большая часть близка стандартным размерам этого типа. Можно отметить два мелких пряслица (диаметр и высота менее 3 см). В двух наборах из 8 штук прослеживаются те же тенденции – преобладают стандартные пряслица, но имеются и мелкие. Комплект из 7 предметов представлен стандартными размерами. Близки размерные градации из трех парных комплектов пряслиц, в том числе пара пряслиц из постройки 12.

Различные морфологические типы пряслиц на Юнаците демонстрируют сходный разброс параметров: на фоне стандартных выделяются крупные и мелкие.

Как свидетельствует балканская этнография, в селах при прядении использовали как одинаковые по размеру пряслица, так и разные. В начале прядения, когда веретено еще «легкое», использовали более крупные (т.е. тяжелые) пряслица или не одно. Веретено с большим количеством нити требовало более мелкого (т.е. легкого) пряслица.

Грузики для ткацкого станка

Грузики для ткацкого станка широко известны на раннеземледельческих поселениях Болгарии (*Петрова*, 2011). Эта маловыразительная категория находок не часто публикуется, однако именно с ней связывают различные реконструкции ткацкого станка и способов ткачества. Грузики привязывались к основным нитям (одной или нескольким), закрепленным на вертикальном ткацком станке и служили для их натягивания (рис. 10, *а, б*). (*Малинова, Малина*, 1988. С. 82–85; *Шишлина*, 1999. С. 28, 57).

На телле Юнаците они встречены при исследовании поселков эпохи ранней бронзы и верхнего горизонта халколита. Грузики бывают глиняные и каменные. Каменные артефакты в количестве 22 экземпляров опубликованы в работе работе Ст. Терзийской-Игнатовой (*Terzijska-Ignatova*, 2004)[1]. В настоящей статье публикуются глиняные грузики, всего их 144 экземпляра. Информация о размерах имеется не для всех предметов, однако даже эти сведения не всегда полно и системно представлены, поэтому число анализируе-

[1] Не все опубликованные в статье Ст. Терзийской-Игнатовой артефакты, на наш взгляд, стоит относить к грузикам для ткацкого станка. Они могли использоваться в качестве грузиков в других целях.

Рис. 10. Изображение ткацкого станка
а – в несколько нитей, на лекифе (Метрополитен музей, Нью-Йорк);
б – в одну нить, на чернофигурном скифосе (Британский музей, Лондон)

мых грузиков значительно меньше. Грузики, к сожалению, не взвешивались, однако их вес связан с размерами, пропорциями и формой. Были выделены следующие группы: *пирамидальные*; *усеченно-пирамидальные*; *удлиненные (овальные в сечении)*; *подпрямоугольные (разных пропорций)*, (рис. 11, *1–3*; 12, *1–7*) и так называемые *гантелевидные* (рис. 12, *8*).

Грузики из поселений Юнаците разнообразны, плохой сохранности, что сказалось на выделении морфологических групп. К подобным результатам на представительной серии грузиков из Трансильвании приходит и румынская исследовательница Н.П. Мазаре (*Mazăre*, 2012. С. 31–38).

Почти все грузики из коллекции телля Юнаците имеют сквозные отверстия в верхней части для привязывания нитей, закрепленных на ткацком станке (рис. 10). Иначе крепился только единственный *гантелевидный* гру-

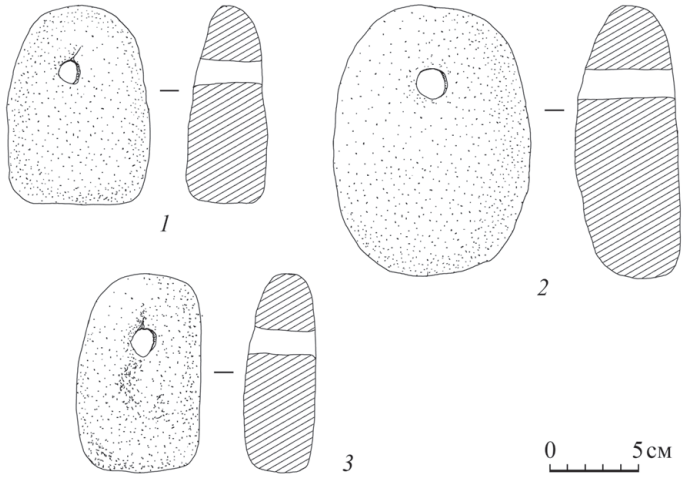


Рис. 11. Телль Юнаците. Грузики для ткацкого станка, эпохи халколит
1 – кв. О/5; 2 – кв. О/7-8; 3 – постройка 4, кв. Е/9

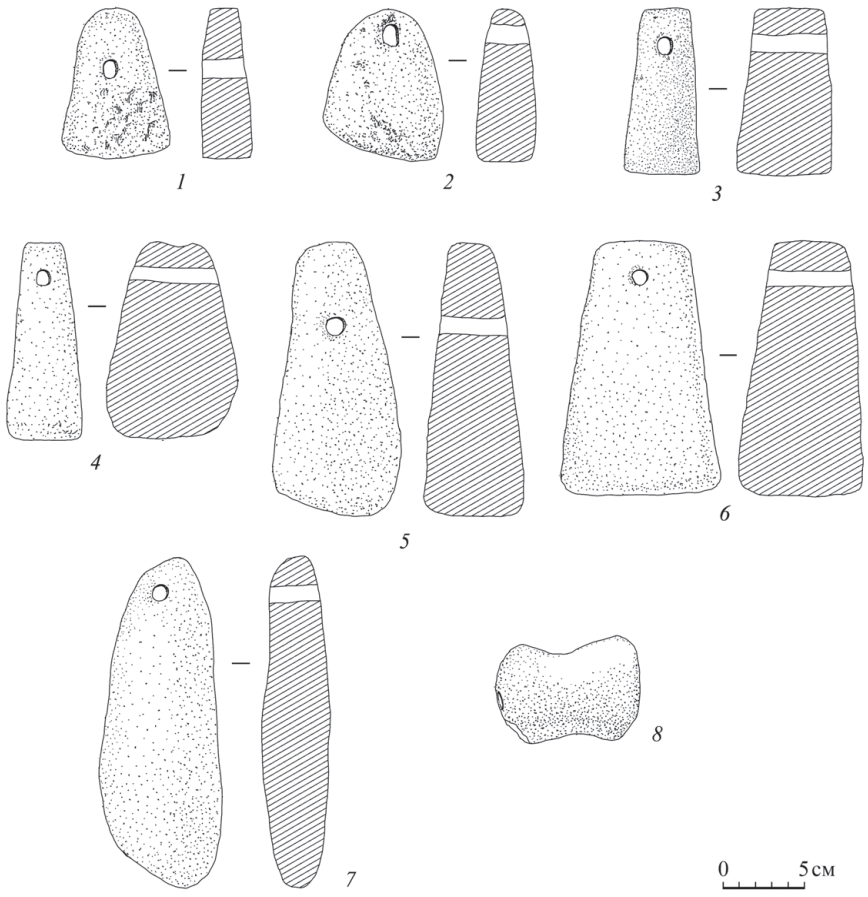
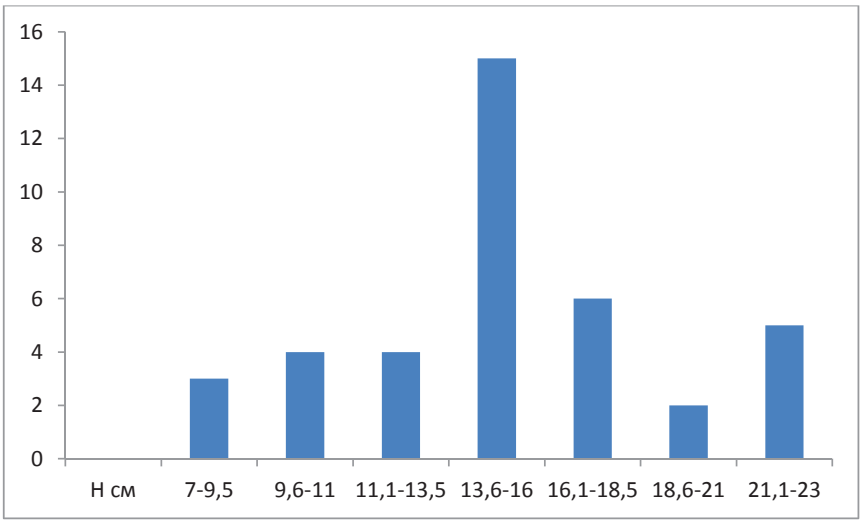


Рис. 12. Телль Юнаците. Грузики для ткацкого станка, РБВ
1 – горизонт VII, постройка 3А; *2* – горизонт XVII, кв. Л/9; *3* – горизонт VII, кв. З/9; *4* – горизонт III, кв. Д/8; *5* – горизонт VIII, кв. О/7; *6* – горизонт XII, кв. Л/4; *7* – горизонт X, кв. Л/7; *8* – горизонт VII, кв. З/9



Гистограмма 6. Вариации высоты у пирамидальных и усеченно-пирамидальных грузиков

зик. Все они вылеплены руками, обжиг, как правило, низкого качества и мог носить вторичный характер.

Большая часть грузиков сохранилась фрагментарно, поэтому при анализе использовалась лишь высота сохранившихся предметов. Этот параметр анализировался для двух наиболее многочисленных групп – *пирамидальных* и *усеченно-пирамидальных.* Они отличаются оформлением верха и боковых сторон, но из-за плохой сохранности предметов расчленить их затруднительно, поэтому они рассматривались вместе. В других группах высота замерена у незначительного числа находок.

Пирамидальные и усеченно-пирамидальные грузики насчитывают 133 экземпляра, было измерено всего 38. По высоте они варьируют от 7 до 22,5 см, большая часть попадает в интервал от 13 до 16 см, что указывает на определенный стандарт (по размеру и, соответственно, весу). Отметим несколько более высоких от 21 до 22,5 см, и более тяжелых предметов (гист. 6).

В. Петрова по результатам взвешивания представительной серии грузиков из нескольких праисторических поселений Болгарии (Нова Загора, Дядово и Гылъбово) выделила две группы с учетом веса: крупные 700–1200 грамм и мелкие 250–400 грамм. Она справедливо считает, что большая часть грузиков РБВ из Юнаците тяготеют к первой (*Петрова*, 2011). По исследованиям грузиков из румынской Трансильвании (неолит-халколит) также выделены крупные/тяжелые (700 г и более), мелкие/легкие (150–240 г.) и средние, куда включены предметы от 250 до 600 грамм (*Mazăre*, 2012. С. 31–33). В целом близкие весовые границы определяет Т.Н. Глушкова для этой категории находок из поселений различных эпох на территории России; артефакты ве-

сом более 1,5 кг, по ее мнению, имеют другое назначение (*Глушкова*, 2006. С. 60).

Все *пирамидальные* и *усечено-пирамидальные* грузики в верхней трети имеют отверстие. Отметим, что у большинства, сохранившихся полностью, оно находится спереди, но встречаются и такие, у которых отверстие проходит через торцовую сторону (4 экземпляра в данной коллекции) (рис. 12, *3–4*).

Прочие грузики (рис. 11, *1–3;* 12*, 1, 6–7*):

а) *Удлиненные, овальные в сечении* – 2 экземпляра, встречены в горизонтах II и X (РБВ), сохранились частично. У одного имеются размеры: высота – 20 см, ширина основания – 7,5.

б) *Подпрямоугольные* (разных пропорций) – 8 экземпляров, шесть из них встречены в халколите, два грузика зафиксированы в раннем поселке РБВ. Не исключено, что они переотложены при нивелировке поверхности и изначально принадлежали халколитическому поселку. Высота всех грузиков варьируется от 9 до 15 см.

в) Единственный *гантеллевидный* грузик (рис. 12, *8*) обнаружен в VIII горизонте, его длина 9 см.

Некоторое разнообразие форм и размеров грузиков может свидетельствовать о различном сырье, используемом в производстве тканей.

Археологический контекст

Более трети грузиков РБВ были найдены в постройках, хотя в действительности этот процент выше[2], немногочисленные халколитические также происходят из построек (рис. 11, *1, 3*).

Отметим 7 случаев «коллективных находок» в горизонтах РБВ, где в комплекте имеется от 3 до 10 глиняных *пирамидальных* грузиков. Набор из 10-и грузиков зафиксирован в III горизонте (квадрат З/8). Для трех из них известна высота, близкая выделенному стандарту – 16,4; 14,5; 14 см (гист. 6).

Встречено 4 набора *пирамидальных* грузиков в одном (V) горизонте: по 6, по 5, по 4 и 3 предмета соответственно; большинство из них сохранились фрагментарно. В постройке А, горизонта V были обнаружены две коллективные находки *пирамидальных* грузиков из трех и пяти штук (квадрат К/8), кроме того в этой постройке найдено еще несколько разрозненных грузиков (К/6-7). В постройке Б (*Мерперт, Мацанова*, 2007. С. 108–111. Илл. 17) в соседних квадратах (Р/6-7) также обнаружены два набора по шесть и четыре экземпляров и несколько отдельных грузиков, в том числе и каменные[3]. Все

[2] Постройки стали прослеживаться только с V горизонта РБВ III.

[3] Примечательно, что комплекты из каменных грузиков не известны (*Terzijska-Ignatova*, 2004).

целые пирамидальные грузики из комплектов в постройках А и Б по высоте соответствуют стандарту (гист. 6).

В постройке 1 (VI горизонт) в разных квадратах найдены шесть разрозненных *пирамидальных* грузиков; отдельные грузики были и в постройке 2 (рис. 13, *а*). В постройке 7 (IX горизонт) зафиксирован комплект из шести грузиков, сохранившихся во фрагментах.

В постройке 9Б (X горизонт) – комплект из четырех штук и еще один грузик в том же квадрате (К/8). Все грузики из этой постройки близки по высоте (h – 21–22,5 см); на гистограмме 6 именно они самые крупные.

Заметно, что и в других наборах *пирамидальные* грузики также близки между собой по высоте, что обусловлено необходимостью одинакового натяжения нитей основы.

Н.И. Шишлина приводит данные публикации Е. Барбер, которая указывает на коллективную находку грузиков в Трое в количестве 44 штук, расположенных в ряд, возможно, все, что сохранилось от ткацкого станка (*Шишлина*, 1999. С. 29). На халколитическом поселении Голямо Делчево зафиксированное *in situ* расположение грузиков в линию позволяет реконструировать примитивный вертикальный ткацкий станок (*Тодорова, Иванов и др.*, 1975. С. 26–27). Упомянем также коллективные находки грузиков из поселений Караново (42 штуки) и Новой Загоры (25 штук) (*Петрова*, 2011).

Относительная стратиграфия типов пряслиц и грузиков на Юнаците

В нашей коллекции все грузики и 361 пряслице имеют привязку к стратиграфическим горизонтам. К эпохе ранней бронзы относится 314 пряслиц и 137 грузиков (табл. 1, 2).

Пряслица РБВ. Малочисленные типы пряслиц – *конусы*, *усеченные конусы*, *грушевидные*, *катушки*, *цилиндрические*, *округло-уплощенные* и *плоские*, *сферические* и *полусферические* найдены отложениях в РБВ II и III (табл. 1, гист. 7)[4]. Большая часть биконических пряслиц тоже концентрируется в горизонтах РБВ II–III (табл. 1).

Распределение наиболее многочисленной серии артефактов – пряслиц – по горизонтам РБВ показывает, что они не могут служить надежным хронологическим маркером, поскольку более или менее равномерно распределились с XII по II горизонты (гист. 7).

[4] По болгарской периодизации эпоха ранней бронзы разделена на три этапа: РБВ I, начало которого датируется 3100–3000 гг. до н.э.; РБВ II – 2850–2500/2400 гг. до н.э.; РБВ III – 2500/2400–2000 гг. до н.э. Финал эпохи халколита, согласно серии радиоуглеродных дат, приходится на рубеж IV–IIIтыс. до н.э. (*Бояджиев,* 2014).

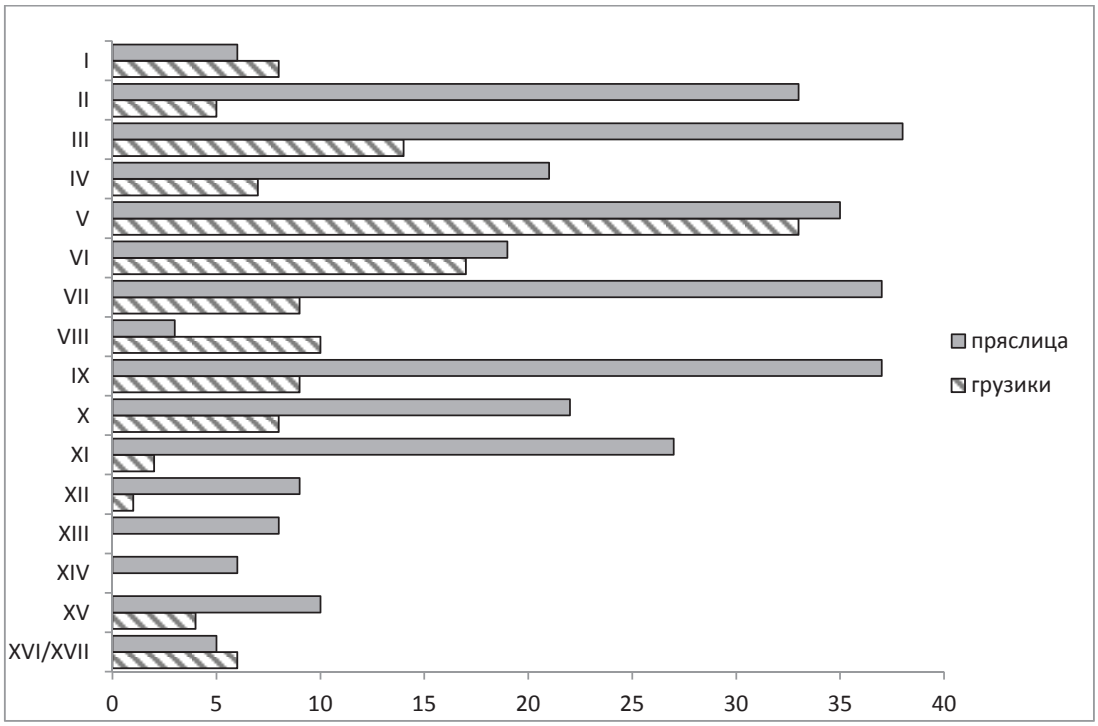
Таблица 2. Телль Юнаците. Распределение грузиков для ткацкого станка по горизонтам РБВ

	Горизонт	Пирамидальные и усеченно-пирамидальные	Удлиненные, овальные в сечении	Подпрямо-угольные	Пашкуловид-ная	Всего
РБВ III	**I**	8				105
	II	5	1			
	III	14				
	IV	7				
	V	33				
	VI	17				
	VII	9				
	VIII	10			1?	
РБВ II	**IX**	9				21
	X	8	1			
	XI	2				
	XII	1				
	XIII					
	XIV					
РБВ I	**XV**	4				12
	XVI /XVII	6		2		
Халколит	**B 1**	1		8		9
Всего		**134**	**2**	**10**	**1**	**147**

Грузики РБВ. Все группы грузиков: *пирамидальные* и *усеченно-пирамидальные*, *удлиненные, овальные в сечении* также зафиксированы в РБВ II и III, отчетливо наблюдается возрастание их числа от РБВ II к РБВ III (табл. 2, гист. 7). Такое распределение грузиков в слоях телля полностью соответствует стратиграфии пряслиц (*Matsanova, Balabina, Mishina & all.*, 2016. С. 403–413). Разнообразие форм и размеров грузиков для ткацкого станка может свидетельствовать о различном сырье, используемом в производстве тканей.

Аналогичное распределение пряслиц и грузиков отмечалось на поселениях РБВ для телля Езеро (*Георгиев и др.*, 1979. С. 391–392). Подобная картина может указывать на определенную стабильность жизни поселений на этапах РБВ II и РБВ III.

Пряслица и грузики халколита. В финальном халколитическом горизонте (В I) найдено 47 экземпляров пряслиц, среди которых *биконические*, *конусовидные*, *плоские* и единственное *«грибовидное»* (табл. 1, рис. 2, *4*; 8, *1–7*) и всего 9 глиняных грузиков. Почти все грузики относятся к груп-



Гистограмма 7. Распределение пряслиц и грузиков по горизонтам РБВ

пе *подпрямоугольных* (рис. 8, *1–3*). По высоте они соответствуют наиболее многочисленным *пирамидальным* и *усечено-пирамидальным* грузикам РБВ. Четыре из них зафиксированы в постройке № 4 (рис. 13, *б*; гист. 7).

В раннеземледельческих поселениях Балкан, Средиземноморья и Малой Азии пряслица и грузики для ткацкого станка широко распространенные находки на различных памятниках в широком хронологическом диапазоне.

В поисках аналогий мы обращали внимание на многослойные поселения с длинными хронологическими колонками по охвату периодов подобные теллю Юнаците. Из опубликованных материалов были использованы данные о пряслицах из Езеро, Кындача (Пловдивский округ), Кастнаса, Артемисиса, Трои (*Бацова, Кънчев*, 1979; *Стефанова*, 2002; *Aslanis*, 1985. С. 195–196. Abb. 107. Taf. 81; *Joukowsky*, 1986; *Blegen et al.*, 1951; *Séfériadis*, 1985).

Серии пряслиц в Кастанасе, Артемисисе, Езеро, Кындаче, Трое и многих других памятниках всегда представлены несколькими типами, среди которых также преобладают биконические разных пропорций, что отмечали на болгарском материале А. Чохаджиев и В. Петрова (*Чохаджиев*, 2007; *Петрова*, 2011). Возможно, именно такая форма была наиболее удобна.

В Болгарии грузики для ткацкого станка хорошо известны в поселениях начиная с неолита, и далее в халколите и РБВ. В халколитических отложениях поселений: Голямо Делчево (*Тодорова*, 1975, 27), Криводол (*Миков*, 1948.

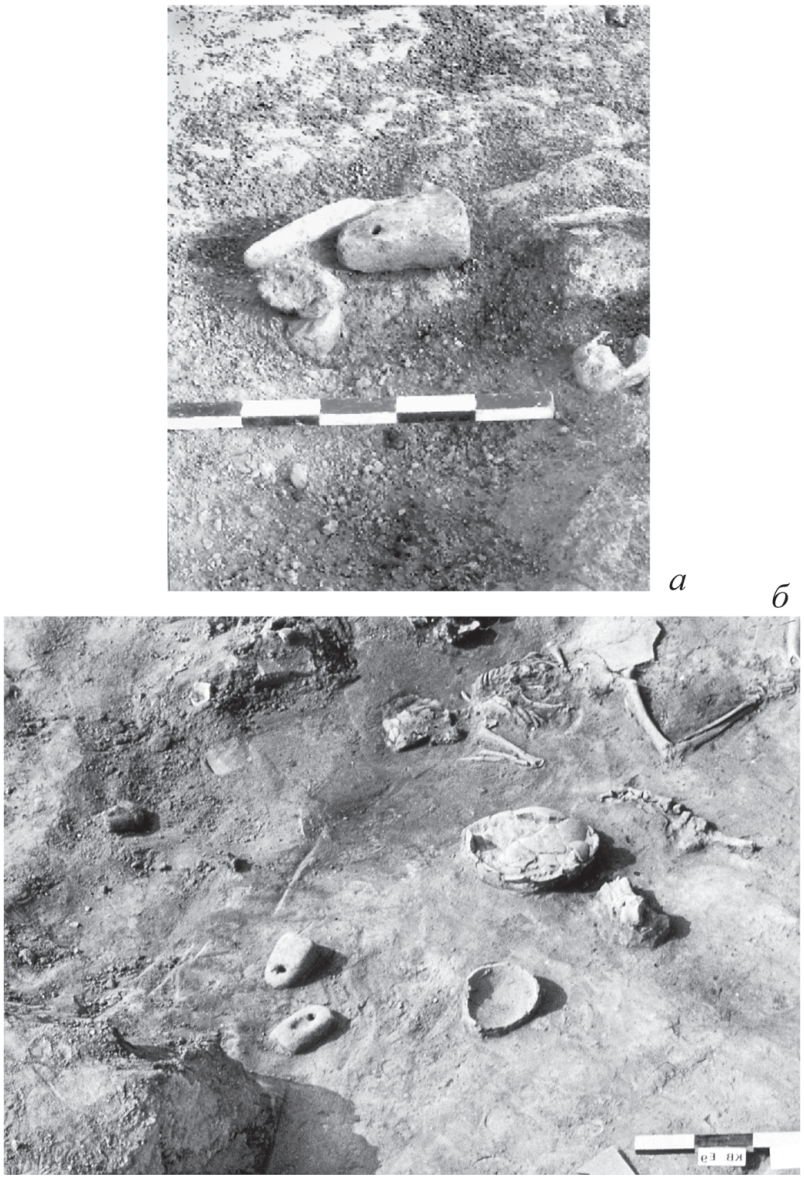


Рис. 13. Телль Юнаците, артефакты в археологическом контексте
а – грузик для ткацкого станка на полу постройки № 2, VI горизонта РБВ;
б – грузик для ткацкого станка на полу постройки № 4, энеолитический горизонт (В I)

С. 50) Ново Загора, Карановo, Дядово, Овчарово (*Петрова*, 2011) и других; в раннебронзовых – Раскопаница, в отложениях РБВ III (*Detev*, 1968. С. 69), Езеро – в нижних горизонтах РБВ I – единично, большая часть в РБВ III (*Бацова, Кънчев*, 1979. С 390–392), Михалич и других. Большинство грузиков – пирамидальные, хотя встречаются и конусовидные, и цилиндрические. Так, в Езеро спектр форм грузиков более разнообразен, чем в Юнаците, однако по высоте и соответственно весу грузики соизмеримы с предметами из Юнаците (*Бацова, Кънчев*, 1979. С. 391).

Массовость пряслиц и грузиков на телле Юнаците и разнообразие их типов указывает на то, что прядение и ткачество являлось регулярным домашним ремеслом у обитательниц практически каждого дома в разновременных поселках телля. Вероятнее всего, продукция потреблялась в рамках семьи. Отметим, что некоторые исследователи рассматривают пряслица не только как орудия для прядения, но и как сакрализованные артефакты (*Авилова*, 2010. С. 37–43).

ЛИТЕРАТУРА

Авилова Л.И., 2010. Золотое веретенце // РА. № 3. С. 37–43.

Александрова Р., 2017. Керамични прешлени за вретено и тежести за тъкачен стан. Разни // Сърнево. Вкопани структури от късния неолит, ранната и късната желязна епоха и римския период. Т. 1. Късноеолитното ямно поле / Ред. К. Бъчваров, М. Тонкова и Г. Кацаров. София: Изд-во Национален археологически институт с музей при Българската академия на науките. С. 345–357.

Бояджиев Я.Д., 2014. Телль Юнаците и проблема перехода от энеолита к эпохе бронзы на территории Болгарии // Древние культуры Юго-восточной Европы и Западной Азии. Сборник к 90-летию со дня рождения и памяти Н.Я. Мерперта. М.: ИА РАН. С. 203–211.

Бацова Е., Кънчев М., 1979. Глинени предмети // Езеро Раннобронзовото селище / Ред.: Г. Георгиев, Н. Я. Мерперт, Р. Катинчаров. София: БАН. С. 387–398.

Глушкова Т.Н., 2006. История изучения древнего плетения и ткачества в отечественной археологии. Сургут: РИО СургГПУ. 96 с.

Малинова Р., Малина Я., 1988. Прыжок в прошлое. Эксперимент раскрывает тайну древних эпох. М.: Мысль. 271с.

Мерперт Н.Я., Мацанова В., 2007. Горизонты эпохи ранней бронзы. Телль Юнаците. Эпоха бронзы. Том II. Часть 1. М.: Восточная литература С. 17–125.

Миков В., 1948. Предисторическото селище до Криводол, Врачанско // Разкопки и проучвания. Т. I. София. С. 26–62.

Николов В., 2011. Праистория на българските земи. Глава втора. Селото на ранните земеделци. Българска национална история. Том I. Велико Търново: Изд-во Абагар. С. 80–140.

Орфинская О.В., Голиков В.П., Шишлина Н.И., 1999. Комплексное экспериментальное исследование текстильных изделий эпохи бронзы Евразийских степей // Текстиль эпохи бронзы Евразийских степей. М. (Труды ГИМ. Вып. 109). С. 58–184.

Петрова В., 2011. Предачество и ткачество в Северобалканската област през бронзовата и ранножелязната епоха (III – първата половина на I хилядолетие пр. Хр.) // Автореф. на дисертация за присъждане на научна и образователна степен «доктор». София.

Стефанова М., 2002. Керамичен комплекс от края на ранната бронзова епоха от селищната могила „Кындача" при с. Брезово, Пловдивско. Национален исторически музей-София. Известия. Т. XIII. С. 13–24.

Тодорова Х., Иванов Ст., Василев В., Хопф М., Квита Х., Кол Х., 1975. Селищна могила при Голямо Делчево. София: БАН (Разкопки и проучвания. Т. V). 333 с.

Чохаджиев Ал., 2003. Макари и/или тяжести: распространение и интерпретация на неолитните «пашкуловидни тежести за стан». Праисторическа Тракия // Доклади на международния симпозиум в Стара Загора 30.09 – 04.10.2003. София-Стара Загора. С. 227–238.

Чохаджиев А., 2007. Праисторическите прешлени за вретено – идентифициране, системетезиране и интерпретиране. Известия на регионален исторически музей. Велико Тырново. XXII. С. 9–20.

Шишлина Н.И., Текстиль эпохи бронзы Прикаспийских степей // Текстиль эпохи бронзы Евразийских степей. М. (Труды ГИМ. Вып. 109). С. 7–56.

Aslanis I., 1985. Kastanas. Die frühbronzezeitlichen Funde und Befunde. Prähistorische Archäologie in Südosteuropa. Band 4. Berlin.

Barber E.J.W., 1995. Women's Work: The First 20,000 Years – Women, Cloth and Society in Early Times. Norton & Company, Incorporated, W. W. Press, N.Y. 336 s.

Barber E.J.W., 1993. Prehistoric Textiles: The Development of Cloth in the Neolithic and Bronze Ages with Special Reference to the Aegean. Princeton University Press. Oxford, Princeton, N.J. 504 s.

Blegen C.W., Caskey J.L., Rawson M., 1951. Troy II. The Third, Fourth and Fifth Settlements. Princeton, New Jersey.

Breniquet C., 2008. Essai sur le tissage en Mésopotamie: Des premières communautés sédentaires au milieu du III-e millénaire avant. J.-C. Paris. 416 s.

Breniquet C., 2014. Wool Economy in the Ancient Near East (Ancient Textiles). Hardcover. 400 p.

Detev P., 1968. Traces de la Civilization de Razkopanitza de Transylvanie // Apulum (Acta Musei Apvlensis) VII/I. P. 61–90.

Joukowsky M., 1986. Miscellaneous Ceramics // Prehistoric Aphrodisias: an account of the excavations and artifact studies. Vol. I. Excavations And Studies. R.I.: Brown University, Center for Old World Archaeology and Art; Louvain-

la-Neuve; Belgique: Institut supérieur d'archéologie et d'histoire de l'art. (Archeologia Transatlantica, III.). C. 372–379.

Mazăre N.P., 2012. The Craft of Textile Production at the Neolithic and Eneolithic Communities in Transyilvania: Ph.D. Thesis Abstract. Alba Iulia: University of Alba Iulia, Ministry of Education, Research, Youth and Sports. 56 p.

Matsanova V, Balabina V.I., Mishina T.N., and Terzijska-Ignatova S., 2016. Chalcolithic and Early Bronze Age spinning at Tell Yunatsite, Bulgarian Thrace // Southeast Europe and Anatolia in prehistory. (Universitätsforschungen zur Prähistorischen Archäologie). Bonn: Verlag Dr. Rudolf Habelt GmbH. P. 403–413.

Terzijska-Ignatova St., 2004. Steingevichte aus der frühen Bronzezeit aus dem Tell Junacite. Von Domica bis Drama. Gedenkschrift für Jan Lichrdus. Sofia. S. 147–153.

Séfériadés M., 1985. Troie I. Matériaux pour l´etude des sociétés du Nord-Est Égéen au début de bronze ancien. Paris: ADPF (Editions Recherche sur les civilizations, 15) . 290 p.

V.I. Balabina, T.N. Mishina

SPINNING AND WEAVING AT TELL YUNATSITE IN THE EARLY BRONZE AGE AND THE CHALCOLITHIC

Abstract. For a long time women were the producers of cloth at home. Depending on specific characteristics of the fiber used, this multi-stage process consisted of various activities, including two essential activities such as spinning and weaving. This paper examines clay spindle whorls and loomweights at Tell Yunatsite settlements. The site collection is composed of 416 intact and restored spindle whorls and 147 loomweights from the Early Bronze Age (EBA) horizons and the terminal horizon of the Chalcolithic. Most artifacts are fragmented. Twelve morphological types of spindle whorls were singled out, their analysis covered variation in their proportions and size (histograms 1–5); four morphological groups of loomweights were identified, the height of pyramid-shaped loomweights was analyzed. The archaeological context was reconstructed for most spindle whorls and 30% of the loomweights. The so called 'multiple finds', i.e. artifacts found disposed close to each other in a cluster (fig. 3, 4), are published for the first time. As demonstrated by relative stratigraphy of the spindle whorls of different types and morphological groups of the loomweights, most artifacts were found in EBA II–III, morphological variability of the items in these layers was the highest (table 1, 2).

Keywords: Tell Yunatsite, Early Bronze Age, Chalcolithic, stratigraphy, spinning, weaving, spindle whorls, loomweights, morphological type, size, and proportions.

А.А. Клещенко

КАМЕННЫЕ ВТУЛЬЧАТЫЕ ТОПОРЫ ЭПОХИ СРЕДНЕЙ БРОНЗЫ ПРЕДКАВКАЗЬЯ: КЛАССИФИКАЦИЯ И ХРОНОЛОГИЯ

Резюме: Статья посвящена классификационному и хронологическому анализу каменных втульчатых топоров эпохи средней бронзы, обнаруженных на территории Предкавказья. Работа состоит из шести частей. Первая из них посвящена публикации серии каменных орудий, обнаруженных в 2014 г. при раскопках курганной группы Кёнделенская I в Кабардино-Балкарии и ставших непосредственным поводом для данного исследования. Во второй рассмотрена в целом история изучения данной категории находок. В третьей представлена современная источниковая база, составляющая 255 орудий, половина из которых была обнаружена в археологическом контексте, что позволяет судить об их датировке. Четвертая и пятая части представляют собой классификацию и хронологию рассматриваемой категории орудий. Классификация основана на математическом анализе методом главных компонент по 17 признакам, позволяющем выделить два основных морфологических типа, включающих по восемь подтипов. При этом типообразующим признаком является положение втулки на корпусе топора, а диагностичными для подтипов – вариация соотношения длины к высоте и степень изогнутости корпуса топора. В результате анализа культурно-хронологической контекста, в котором были обнаружены топоры разных подтипов, были сделаны наблюдения о времени появления, длительности существования и территории распространения топоров разных форм на территории Предкавказья, а также рассмотрены вопросы возможного происхождения основных их типов. Наконец, в шестой части подводится итог и определяется место кёнделенских комплексов с каменными втульчатыми топорами в древностях эпохи средней бронзы. К статье прилагается полный индексированный каталог всех использованных в работе топоров с указанием основных характеристик закрытых комплексов и отдельных случайных находок, а также источников, содержавших сведения о них.

Ключевые слова: каменные втульчатые топоры, эпоха средней бронзы, Предкавказье, классификация, метод главных компонент, хронология, курганная группа Кёнделенская I.

Настоящая работа посвящена классификационному и хронологическому анализу одной из наиболее ярких категорий находок эпохи средней бронзы Предкавказья – каменным втульчатым (сверленым) топорам. Непосредственным поводом для данного исследования стала серия каменных орудий эпохи

https://doi.org/10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-284-1.154-252

средней бронзы, обнаруженная в 2014 году в результате исследований экспедицией отдела бронзового века ИА РАН пяти насыпей курганной группы Кёнделенская I в ущелье р. Баксан (Кабардино-Балкария) (*Клещенко*, 2015а, 2015б, 2017; *Клещенко*, *Атабиев*, 2016). В процессе анализа и попытки датировки кёнделенских комплексов выяснилось, что современная источниковая база по предкавказским каменным втульчатым топорам, а также современные цифровые методы статистики позволяют, а историографическая ситуация даже заставляет, по-новому взглянуть на классификацию и отчасти пересмотреть существующие взгляды на датировку и эволюцию этой категории предметов эпохи средней бронзы.

1. Комплексы с каменными орудиями из погребений курганной группы Кёнделенская I

Серия кёнделенских орудий представлена шестью топорами и одним молотком. Все орудия были обнаружены в разных погребальных комплексах северокавказской культуры эпохи средней бронзы (далее – СКК). В обрядовом отношении эта группа комплексов вполне гомогенна: в шести погребениях это классическая для СКК вытянутая ингумация в яме – в трех случаях с восточной ориентировкой, причем одно из этих погребений было двойное (рис. 1, *II*; 2, *I, III, V*), и по одному – с северо-восточной (рис. 2, *II*), северной (рис. 2, *IV*) и юго-юго-восточной (рис. 1, *III*). Все погребения находились в центральной части насыпи, но не являлись основными для курганов (рис. 1, *I А–Г*). В трех погребениях был достоверно установлен пол и возраст погребенных: мужчины от 18 до 35 лет (погр. 423/6, 425/10, 425/12). Еще в одном случае с идентичным возрастом (25–35 лет) пол погребенного не был определен (426/7), как и еще в двух погребениях подростков 15–18 лет (423/4 и 424/4)[1]. Наконец, один комплекс не содержал костных останков (423/13), однако, судя по размеру погребальной ямы и другим косвенным фактам, вполне можно допустить, что данное захоронение могло принадлежать ребенку, захороненному головой в восточном направлении. К сожалению, обстоятельства раскопок не позволяют считать последний комплекс достоверным: есть предположение, что каменный топор был перенесен сюда из другого погребения сотрудниками экспедиции из числа местных жителей. Теперь истину установить невозможно. Тем не менее, по полевой документации этот комплекс значится как закрытый, каковым и представлен в настоящей публикации с соответствующей оговоркой.

[1] Антропологические определения выполнены к.и.н. А.А. Казарницким (МАЭ им. Петра Великого, Санкт-Петербург) и д.и.н., к.б.н. М.В. Добровольской (ИА РАН, Москва).

Помимо шести топоров и молотка (рис. 3, *1–7*), в рассматриваемых комплексах находились следующие предметы: алебастровая антропоморфная статуэтка (как указанно выше, из не вполне достоверного комплекса 423/13 (рис. 3, *8*)), кремневые треугольные выемчатые наконечники стрел (11 шт. из одного комплекса – рис. 3, *9*), костяная прямоугольная накладка с геометрическим орнаментом и шестью бронзовыми гвоздиками (рис. 3, *11*), три бронзовых листовидных ножа и еще два обломка ножей того же вида (из четырех погребений – рис. 3, *12–16*), набор из восьми бронзовых перевитых каплевидных подвесок (рис. 3, *10*), два керамических сосуда без орнамента с лощеной поверхностью – кувшин (рис. 3, *17*) и амфора (рис. 3, *18*) – из двух разных погребений. В захоронении 425/10 также были встречены три кремневых скола без следов дополнительной обработки.

Сразу следует оговориться, что близких аналогий каменному молотку из погребения 424/4 (рис. 3, *7*) на Северном Кавказе по литературным и отчетным данным не известно. Можно лишь предположить, что такая форма была продиктована мастеру качеством или непосредственной формой заготовки. Не исключено также, что в процессе изготовления топора лезвийная часть могла отколоться и, таким образом, каменщику не осталось вариантов для оформления вида конечного изделия.

В результате консультации, проведенной на кафедре минералогии МГУ[2], выяснилось, что три топора были сделаны из светлой тальк-серпентиновой породы (погребения 423/4, 423/6, 426/7, рис. 4, *2, 5, 6*), два топора кургана № 425 – из черного и зеленого серпентинита (антигорита) (рис. 4, *3, 4*), топор из комплекса 423/13 – из темно-зеленого серпентинита (лизардита) (рис. 4, *1*), а молоток из погребения 424/4 – из порфиритового андезито-дацита (рис. 4, *7*). Все предметы не имеют следов активного использования.

2. История изучения каменных втульчатых топоров эпохи средней бронзы Предкавказья

Несмотря на значительное место, отводимое каменным топорам при характеристике культур эпохи средней бронзы Предкавказья, работ по их обобщению и характеристике немного. Выборки, использованные в разное время А. Европеусом, В.И. Марковиным, В.А. Сафроновым, С.Н. Кореневским, А.Н. Геем, были в основном частью работ по более обширным темам (*Äyräpää*, 1933; *Марковин*, 1960; *Сафронов*, 1968; *Кореневский*, 1990а; *Гей*, 2000). Собственно, единственным специальным исследованием, посвящен-

[2] Выражаю благодарность сотрудникам кафедры Э.М. Спиридонову и А.А. Ульянову за любезно предоставленную консультацию.

ным данной категории предметов, в настоящее время можно считать статью С.Н. Кореневского (1993), речь о которой пойдет ниже.

Первые публикации находок предкавказских каменных топоров эпохи средней бронзы относятся к концу XIX – первой половине XX в. (*Chantre*, 1885. Pl. I, *8–10, 13*; *Уварова*, 1900. С. 22. Рис. 28, 29; ОАК за 1903 г. С. 76. Рис. 157; Каталог собрания древностей..., 1907. С. 9. Рис. 4; ОАК за 1913–1915 гг. С. 208–209. Рис. 256; *Tallgren*, 1931. S. 138. Abb. 49; *Äyräpää*, 1933. S. 58. Abb. 50–53; *Иессен*, 1941а. С. 41. Табл. I, *1, 6*; *Деген*, 1941. С. 228, 239, 261, 309. Рис. 28, *1*; 33, *1–3*; 40, *11*. Табл. X, *1*; XI, *1*; XIII, *5*; XVI, *4*; *Круглов, Подгаецкий*, 1941. С. 205. Табл. IV, *1–3*; *Иессен*, 1941б. С. 227. Табл. XXXVIII, *3*; *Минаева*, 1947. С. 134. Рис. 45; *Крупнов*, 1941. С. 160. Рис. 1; 1949а. С. 13. Рис. 6, *2*; 1949б. С. 288. Рис. 7; 1950а. С. 207. Рис. 11–12; 1950б. С. 89, 96. Рис. 23, *11,12*; 26, *15*; 1951. С. 41, 55. Рис. 8, *4–7*; 18, *1*; *Гриневич*, 1950. С. 208. Рис. 1; 1951. С. 126, 127. Рис. 2, *1, 2*). В это время вышла, в том числе, работа А. Европеуса, который, анализируя культуру боевых топоров на территории России, выделил среди них «пятигорский тип» (Pjatigorsker Typus) (*Äyräpää*, 1933. S. 57–60). Под этим названием северокавказские топоры эпохи средней бронзы фигурировали в научной литературе в 1930–50-х гг., когда Е.И. Крупнов посчитал это название неверным и ввел термин «кабардино-пятигорский тип» (далее КПТ) (*Крупнов*, 1957. С. 78), используемый с теми или иными оговорками до настоящего времени.

Первая попытка систематизации, а точнее – сбора материалов по топорам КПТ, была предпринята В.И. Марковиным, который провел значительную работу по обработке материалов эпохи средней бронзы Северного Кавказа, находившихся в различных центральных и региональных музеях. В результате, судя по рисункам в монографии, автором были изучены (как лично, так и по публикациям) порядка 70–80 каменных втульчатых топоров (*Марковин*, 1960. С. 34, 36, 38, 45, 48, 54, 57, 58, 61, 68, 72, 77, 82, 99, 102, 120, 137. Рис. 5, *5*; 7, *3–4, 7–9, 19, 20, 22–24*; 9, *1–5, 7–9, 16–22, 25;* 13, *1–4, 28–48, 97, 98;* 15, *4, 12–16, 39, 40*; 20, *2, 6, 7*; 21, *12*; 22, *25*; 25, *4, 10*; 29, *2*; 31, *10–12, 25, 26, 28, 29*; 35, *1*; 38, *10*; 44, *11–19*; 46, *68–70, 72, 76, 77, 80, 86, 87*; 50, *12, 14, 15, 24, 25, 88, 89, 116, 117*; 51). К сожалению, данные, собранные В.И. Марковиным, несколько обесцениваются тем, что на некоторых общих иллюстрациях рисунки топоров представлены схематично и без масштаба (Там же. Рис. 44, 46, 50), а на других, как показала детальная проверка, масштаб предметов произволен и зачастую не соответствует заявленному (Там же. Рис. 7, 9, 13, 31).

Классификационная схема, предложенная В.М. Марковиным для топоров КПТ, исключительно формальна. Он выделил два их типа, употребляя также

термины «вариант» и «вид» (последний, как представляется, более подходит в данном случае): «граненые» и «гладкие» (Там же. С. 100), причем, при констатации общей синхронности существования обоих видов, гладкие топоры были определены как «типологически более поздние», так как, по мнению автора, отдельные «поздние» их экземпляры (находки у с. Михайловка и с. Шалушкинское) по форме напоминали металлические кобанские и колхидские топоры. Здесь следует отметить, что, в отличие от находки шалушкинского топора, комплекс из с. Михайловка (точнее – с. Старо-Михайловка у г. Ставрополя) являлся закрытым и обладал всеми архаичными чертами ямной культуры, на что чуть позже указала Т.М. Минаева, опубликовавшая данный комплекс (*Минаева*, 1965. С. 99). Интересно, что наряду с топорами типа старомихайловского В.И. Марковин отнес к позднему этапу СКК так же и чисто кобанские формы (1960. С. 44, 48. Рис. 13, *97*; 15, *40*). В схеме 1959 г., на которую автор ссылается в работе 1960 г., В.И. Марковин, не найдя прототипов топорам КПТ в майкопское время, делает вывод о том, что они «типологически выведены из многочисленных (к сожалению, найденных вне комплексов) топоров-молотов очень простой формы» (*Марковин*, 1959. С. 20. Рис. 6, *1, 2*) (№№ 3.3 и 7.25 в табл. 1 и на и рис. 11 настоящей статьи). Забегая вперед, следует отметить, что формы, типологически схожие с топорами такой «простой формы», позже были обнаружены в закрытых комплексах как раннего (в табл. 1 и на рис. 11: 1.6, 1.9, 1.18), так и развитого (в табл. 1 и на рис. 11: 1.4, 1.11, 1.13, 3.13, 8.54) этапов эпохи средней бронзы, что косвенно подтверждает предположение В.И. Марковина. С другой стороны, к «очень простой форме» В.И. Марковиным были причислены и топоры с боковыми выступами-«цапфами» (*Марковин*, 1960. С. 45. Рис. 13, *2*), относящиеся к кобанским древностям (см., например, топор из погребения № 1 (7) могильника Султан-Гора 1: *Рунич*, 1966. С. 2, 24. Рис. 1).

Следующий, уже более развернутый, опыт осмысления известной в то время серии топоров КПТ был предпринят В.А. Сафроновым (*Сафронов*, 1968. С. 99–103. Рис. 1–4). Его классификацию можно назвать формализованной, но не лишенной авторского субъективизма, так как основной целью автора было обоснование «генетической связи» топоров так называемого Бородинского клада с их предположительными северокавказскими прототипами, а точнее, по формулировке автора, «определение места бородинских топоров в эволюционном ряду кабардино-пятигорских» (Там же. С. 100). Опираясь на «правила обмера и принципы графического оформления» из работы английского археолога F.E.S. Roe, В.А. Сафронов провел корреляцию топоров КПТ по соотношению длины к ширине и высоте (в районе втулки) (Там же. С. 99–100 и след. Рис. 2, *а*; 3, *а*).

Выборка В.А. Сафронова составила порядка 95 топоров с территории Северного Кавказа (к сожалению, в его работе проиллюстрировано только 66 экземпляров, а остальные отмечены в виде знаков на графиках «зависимости основных характеристик топоров» (*Сафронов*, 1968. Рис. 2, *а*; 3, *а*) и порядка 20 близких по форме топоров с других территорий (в том числе – 4 топора из Бородинского клада). Следует отметить, что чрезвычайная запутанность изложения, отсутствие каталога и, по существу, ссылочного аппарата (имеются в виду ссылки на конкретные публикации и шифры музейных хранений, с которыми автор был явно знаком), во многом обесценивает источниковедческую ценность этого исследования. Однако его значимость неоспорима, так как это была первая масштабная попытка выяснения происхождения и эволюционной динамики развития форм этой категории орудий на Северном Кавказе и «южнорусских территориях». Не останавливаясь на отдельных нюансах концепции В.А. Сафронова, следует отметить, что главным недостатком в логических построениях автора, как представляется, было аксиоматичное следование идее производства сложных форм от простых, исходящее из предположения, что «чем уже и тоньше топор, тем труднее его сделать» (*Сафронов*, 1968. С. 100). В связи с этим именно таблицы эволюции форм топоров диктовали автору их хронологическую позицию и абсолютную датировку. При этом сам В.А. Сафронов сознавал «значительные трудности, ввиду недостаточной разработанности хронологии среднебронзовых памятников Северного Кавказа» (Там же. С. 103). Тем не менее, на основе доступных в то время разрозненных и немногочисленных данных взаимовстречаемости различных категорий и типов предметов, стратиграфии, а также собственных представлений и интуиции, В.А. Сафронов разработал схему датировки, включающую пять хронологических этапов, из которых первые три включали ступени эволюции «кабардино-пятигорских и бородинских топоров» (Там же. С. 103 и далее. Рис. 4). Забегая вперед, надо отметить, что проведенный в настоящей работе классификационный и хронологический анализ (см. ниже – разделы 4 и 5) показал, что излишне прямолинейная схема морфологической изменчивости каменных топоров В.А. Сафронова, основанная на формализованном подходе, практически без опоры на закрытые комплексы, к сожалению, себя не оправдала.

Как представляется, наиболее существенным, с историографической точки зрения, наблюдением В.А. Сафронова было разделение топоров КПТ на две группы не по принципу наличия на них огранки, как это сделал В.И. Марковин, а в соответствии с положением втулки на корпусе топора. Однако совершенно не понятно, почему при таких критериях классифика-

ции автор сохранил за этими группами предложенные предшественником названия «гладкие» и «граненые» (*Сафронов*, 1968. С. 100 и далее).

Работа В.А. Сафронова позже была подвергнута неоднократной критике (*Кореневский*, 1990а. С. 60; 1993. С. 78; *Гей*, 2000. С. 155; *Гаджиев*, 1988. С. 16–17). Несмотря на это, сам В.А. Сафронов и его единомышленники продолжили использовать выводы, представленные в работе 1968 года.

Одним из критиков последней выступил С.Н. Кореневский. В отличие от формализованной классификации В.А. Сафронова, он «придерживается взгляда на доминирующую роль качественных признаков и второстепенное значение количественных показателей при группировке каменных топоров» (*Кореневский*, 1993. С. 78). В первом приближении эта «группировка» была намечена в монографии 1990 г. (*Кореневский*, 1990а. С. 61–62). Итоговый же вариант классификации был опубликован чуть позже в статье «Погребения с каменными топорами эпохи средней бронзы в Центральном Предкавказье» (*Кореневский*, 1993. С. 78, 82, 83). Для удобства восприятия двух версий данной классификации (по: *Кореневский*, 1990, 1993) ее можно представить следующим образом:

1993 г.	**Описание групп**	**1990 г.**
Группа А	«гладкие топоры со слабым изгибом корпуса в профиль, без пояска на втулке и шляпки на обухе» (упоминается 8 экз.)	Группа 2
Группа Б	«гладкие топоры со слабо изогнутым корпусом в профиль, пояском на втулке, без шляпки на обухе» (9 экз.)	–
Группа $В^1$	«гладкие топоры с сильно изогнутым, «коленчатым» профилем, расширенным в лопасть лезвием, пояском на втулке и со шляпкой на обухе... с одним-двумя валиками на корпусе» (10 экз.)	Группа 3
Группа $В^2$	та же форма, что в группе $В^1$, но «с прочерченным елочным орнаментом на втулке» (3 экз.)	–
Группа Г	«топоры с гладким корпусом, лопастным клином, продольным валиком на спинке клина, шляпкой на обухе» (2 экз.)	Группа 4
Группа Д	«граненые топоры с валиком вдоль спинки клина, окантовкой сзади втулки» (28 экз.)	Группа 1

Всего, таким образом, для иллюстрации групп автором было использовано не менее 60 топоров. В отношении локализации упоминаемых находок в рамках Предкавказья группы А и Б определяются как «общекавказские формы», а В и Д – как «кабардино-пятигорский тип» (*Кореневский*, 1993. С. 84). Что же касается хронологической позиции групп относительно друг друга, С.Н. Кореневский делает, по его словам, «довольно умозрительный вывод» о более позднем характере появления топоров групп $В^1$ и $В^2$ – «как

следствие развития более простых орудий групп А и Б» (Там же. С. 85). Здесь же автор отмечает, с одной стороны, «раннее появление ... граненых топоров», а с другой – их сосуществование с гладкими «коленчатыми» орудиями группы В. Эти выводы С.Н. Кореневского – как в отношении классификации («группировки»), так и относительной связи определенных групп с отдельными районами Предкавказья и их хронологической позиции – отчасти подтвердились на основании проведенного в настоящей работе анализа (см. ниже – разделы 4 и 5).

Еще одним значимым опытом систематизации локальной серии каменных топоров стало исследование А.Н. Гея, представленное как небольшой раздел в монографии, посвященной новотиторовской культуре Прикубанья (*Гей*, 2000. С. 154–157). Эту классификацию следует определить как «прецедентно-хронологическую». Дело в том, что автор здесь пошел в обратном, по сравнению с исследованием В.А. Сафронова, направлении. А именно, попытался наметить пути эволюции форм не математически или интуитивно, а исходя из достоверных хронологических привязок отдельных новотиторовских и катакомбных комплексов. В итоге А.Н. Гей сделал вывод, диаметрально противоположный заключениям В.И. Марковина и В.А. Сафронова: развитие форм каменных топоров в целом шло по линии укорочения и утолщения корпуса и вообще «утраты изящества» (*Гей*, 2000. С. 157). Такую же хронологическую последовательность развития форм каменных топоров Предкавказья отметил М.Г. Гаджиев, опираясь на материалы раскопок стратифицированных поселений «эпохи ранней бронзы» в Дагестане (*Гаджиев*, 1988. С. 14–19).

В рамках данного историографического очерка нельзя оставить без внимания и вопрос о местных предкавказских прототипах каменных топоров в памятниках ранней бронзы. Помимо указанного выше предположения В.И. Марковина о существовании прототипов среднебронзовых орудий в виде отдельных находок «топоров-молотов очень простой формы», единственной достоверной находкой каменного топора в закрытом раннебронзовом комплексе в настоящее время является орудие из погребения 31/5 могильника Клады (*Резепкин*, 2012. С. 199. Рис. 70, *8*).

Интересно, что к эпохе ранней бронзы были отнесены также две отдельные находки каменных орудий, обнаруженные вне комплексов на территории Закубанья (*Кореневский*, 2013; 2015; 2017). Так, в последних работах, С.Н. Кореневский относит к эпохе ранней бронзы серпентинитовый топор, обнаруженный при раскопках 1984 г. в насыпи кургана № 1 могильника Чернышевский II в Закубанье (*Кореневский*, 2013. С. 11–13. Рис. 1, *1*; 2017. С. 244. Рис. 77, *5*). Справедливости ради надо отметить, что первыми такую атрибуцию это-

му орудию дали авторы публикации материалов раскопок (*Бианки, Днепровский*, 1988. С. 74). Однако соотношение его с майкопскими древностями представляется весьма спорным по следующим обстоятельствам. Во-первых, это открытый характер самой находки. Действительно, топор был обнаружен на уровне погребенной почвы в 13 м к северо-востоку от основного майкопского погребения № 2 (*Лесков, Днепровский*, 1984. Т. 2. Рис. 42, *2*). Однако погребения майкопской культуры (№№ 1, 3 и 4) и три «развала» сосудов эпохи ранней бронзы находились в радиусе до 7–8 м от центра кургана, что вполне соотносится с предположительными границами первоначальной насыпи, радиус которой не превышал 12 м (*Лесков, Днепровский*, 1984. Т. 1. С. 66; Т. 2. Рис. 42, *2, 4*). Следует сказать, что в 13 м к востоку от центра кургана находилось еще одно скопление фрагментов керамического сосуда, однако описание его (за отсутствием в отчете графического изображения) не дает основания достоверно соотносить его с майкопскими формами. К тому же, «развал» этот находился на 0,4 метра выше уровня погребенной почвы (Там же). Но самое главное, что в центр кургана было впущено погребение эпохи средней бронзы с совершенно типичным бронзовым ножом развитого этапа СКК, соотносящегося с раннекатакомбным временем в Предкавказье (*Клещенко*, 2011в. С. 91–95. Рис. 1, *9–12*, *45–47*). Следовательно, искомый каменный топор вполне мог оказаться у полы уже существовавшего кургана именно в это время. Второе доказательство против майкопской атрибуции данной находки приводит сам С.Н. Корененвский, отмечающий, что «такие орудия нигде в закрытых комплексах МНО (майкопско-новосвободненской общности) не зафиксированы» (*Кореневский*, 2013. С. 12). Наконец, основной аргумент против раннебронзовой датировки чернышевского топора также принадлежит самому автору статьи, который в качестве аналогий ему указывает на орудия из «среднего и верхнего слоев Михайловского поселения» (Там же. С. 12–13. Рис. 2–4). Дело в том, что верхний слой этого памятника, в котором были встречены такие изделия (*Коробкова, Шапошникова*, 2005. С. 171. Рис. 77), соотносится с поздним этапом ямной культуры, то есть с постмайкопским временем в Предкавказье, на что ранее обращал внимание А.Н. Гей, синхронизируя один из верхнемихайловских экземпляров с орудием из погребения восточноприазовской раннекатакомбной культуры (*Гей*, 2000. С. 156. Рис. 47, *1, 10*).

Вторая находка каменного топора, так же датируемого С.Н. Кореневским майкопским временем, сделана на р. Фарс, в 20 км к юго-востоку от г. Майкопа (*Кореневский*, 2015. С. 43, 45. Рис. 4). Аргументами для соотнесения этой находки со временем финала майкопской культуры автору служат наличие округлой шляпки на обухе, как на топоре в комплексе Клады 31/5, а также наличие нескольких поперечных валиков, имитирующих «обмотку

веревкой», аналогии которым С.Н. Кореневский видит в двух комплексах: Первомайский 2/2 («ямная культура» Прикубанья) и «Солдатская слава» погр. 10 (ямная культура Северо-Западного Причерноморья).

Если по обряду, и, в частности, по наличию остатков повозки, погребение Первомайский 2/2 можно соотнести с ранним этапом новотиторовской культуры, что собственно и делает А.Н. Гей (*Гей*, 2000. С. 156. Рис. 47, *7*), и определить его хронологическую позицию рубежом IV и III тыс. до н.э., то погребение из кургана «Солдатская могила» сложно датировать раньше XXIX в. до н.э., на что указывает серия радиоуглеродных дат из ямных комплексов междуречья Днестра и Южного Буга (*Иванова и др.*, 2005. С. 97); но и для такой ранней датировки этого комплекса надежных оснований нет. Таким образом, аналогии валикам на топоре с р. Фарс укладываются в рубеж IV и III тыс. и в начало III тыс. до н.э. С.Н. Кореневский, с одной стороны, не отрицает этого факта, определяя время изготовления этого топора также рубежом IV и III тыс. до н.э., атрибутируя его при этом как «предмет, изготовленный в традициях ямной культуры и майкопско-новосвободненской общности» (*Кореневский*, 2015. С. 45). Здесь не вполне понятно, на каком основании период 3000–2900 гг. до н.э. считается автором «датами финала майкопско-новосвободненской общности» (Там же), и в какое время, в таком случае, берут начало культуры эпохи средней бронзы. Наконец, выводам С.Н. Кореневского косвенно противоречат гораздо более поздние находки каменного топора с поперечными валиками в достоверном погребении западноманычской культуры на Нижнем Дону (*Зельдина*, 1978. Т. II. С. 465; Т. II. Альбом (часть III). Рис. 1589, 1592–1595; см. № 1.17 в табл. 1 и на рис. 12 настоящей статьи), а также топора с вертикальными насечками из погребения восточноманычской культуры в Степном Ставрополье (*Державин*, 1980. Т. 1. С. 29, Т. 2. Рис. 67, 69а и др. источники; см. № 3.16 в табл. 1 и на рис. 12 настоящей статьи).

Таким образом, единственной достоверной находкой каменного топора-молота эпохи ранней бронзы на территории Предкавказья в настоящее время следует все-таки считать только упомянутое выше орудие из могильника Клады.

Не останавливаясь на других немногочисленных исследованиях, так или иначе связанных с темой топоров КПТ, следует отметить серию тезисных работ А.А. Ковалева, попытавшегося по-своему определить закономерности эволюции каменных топоров эпохи средней бронзы Предкавказья (*Ковалев*, 2015; 2016). На основании анализа результатов собственных раскопок курганов в Кавминводах (о которых, кстати говоря, за отсутствием научного отчета, можно судить только по небольшой публикации) в своих рассуждениях А.А. Ковалев идет вслед за В.А. Сафроновым (хотя и отвергает этот факт)

и выделяет два типа топоров: «гладкие» и «граненые», имея в виду, что для первых характерны такие признаки как «отсутствие огранки; наличие сверлины на переходе от лезвийной к обушковой части и вертикального орнаментального пояска», а для вторых – «наличие сверлины в лезвийной части, продольная нервюра от лезвия к сверлине и как минимум одна верхняя плоская грань в лезвийной части» (*Ковалев*, 2016. С. 30). Причем «граненые» топоры, по мнению А.А. Ковалева, «относятся, как правило, к начальному этапу эпохи средней бронзы» (Там же), так как они приходят в Центральное Предкавказье в результате очередного миграционного «импульса с Поднепровья», приведшего к появлению здесь, помимо топоров указанного типа, керамических курильниц на отдельных шаровидных ножках (*Ковалев*, 2015. С. 139). Что касается «гладких» топоров, то они по какой-то причине объявляются автором принадлежащими к «среднекатакомбному периоду» (по С.Н. Братченко). Однако в той части работы С.Н. Братченко (*Братченко*, 2001. С. 44, 45. Рис. 103, 104), на которую ссылается А.А. Ковалев, не указано ничего про соотнесение «гладких» топоров со «среднекатакомбным периодом». Более того, единственный упомянутый в данной работе «гладкий» топор С.Н. Братченко относит к раннекатакомбному времени (Там же. Рис. 88, *29*). Тем не менее, А.А. Ковалев критикует С.Н. Братченко за омоложение датировки «среднекатакомбного периода», настаивая на удревнении ее до XXVII–XXV вв. до н.э. Парадокс же при этом заключается в том, что именно этим временем датируются и ранние курильницы, появляющиеся в Предкавказье вместе с самыми ранними «гранеными» топорами (*Шишлина*, 2007; *Панасюк*, 2010; *Клещенко*, 2011а. С. 14). Таким образом, автор сводит на нет собственные попытки как-либо хронологически разделить два указанных им типа орудий. Основной же вывод А.А. Ковалева о связи троянских топоров с восточно-приазовскими в силу «сходства пропорций» (*Ковалев*, 2016. С. 31), во-первых, представляется неаргументированным, а во-вторых, не имеет отношения к теме настоящей работы, в связи с чем в комментариях не нуждается.

Таким образом, как видно из представленного историографического очерка, первой попыткой детального анализа большой серии каменных втульчатых топоров эпохи средней бронзы Предкавказья была работа В.А. Сафронова (1968). Вторым же и значительно более перспективным опытом систематизации следует, безусловно, считать указанные выше разработки С.Н. Кореневского (1990а, 1993). В тоже время, сильно пополнившийся за это время корпус археологических источников, в первую очередь в отношении закрытых комплексов (в том числе, в стратифицированных курганных насыпях), упомянутые разработки 1980–2000-х годов, а также общая эволюция представлений о культурных процессах эпохи бронзы в Предкавказье

позволяют в определенной степени скорректировать ранее сделанные выводы и предложить более актуальную схему классификации и эволюции форм рассматриваемой категории каменных орудий.

3. Современная источниковая база по каменным втульчатым топорам эпохи средней бронзы Предкавказья

Рассмотрение каменных топоров как феномена конца IV – III тыс. до н.э. в рамках Восточной Европы возможно в сколь угодно широком диапазоне. Представленная в настоящей работе выборка ограничена, собственно, территорией Предкавказья и прилегающими к нему с севера районами долины Нижнего Дона и Ергенинской возвышенности.

В результате достаточно исчерпывающего, как представляется, анализа научной литературы и архивных данных были собраны сведения о 255 орудиях: 236 целых экземплярах и 19 фрагментах (табл. 1; рис. 5). Из них для Нижнего Дона серия составила 21 экземпляр (20 – в закрытых погребальных комплексах), для Прикубанья – 21 (12), для Ставропольской возвышенности – 24 (9), для Ергеней и их окрестностей – 6 (4), для Закубанья – 12 (2), для Верховьев Кубани – 4 (3), для района Кавминвод – 56 (23), для территории Кабардино-Балкарии[3] – 64 (28 – в погребениях, из них 7 – это находки 2014 г. из курганной группы Кёнделенская I), для территории Северной Осетии – 18 (8), для бассейна р. Сунжа (Чечня и Ингушетия) – 14 (8), для бассейна р. Сулак и приморской части Дагестана – 13 (из них 5 – в погребениях и 7 находок на стратифицированных поселениях). Кроме того, в выборку вошли два топора с территории Северного Кавказа, известных по данным В.А. Сафронова и не имеющих какой-либо точной локальной привязки. Для удобства каждый из перечисленных районов получил цифровую нумерацию от 1 до 11 («0» – топоры без локальной привязки) соответственно перечисленным регионам, вторая же цифра в индексе обозначает порядковый номер предмета в рамках отдельного региона (см. табл. 1; рис. 5, 11–19). На рис. 11–19[4] все топоры имеют соответствующий индекс, при этом они сгруппированы по принципу классификации (см. раздел 4).

[3] Разделение в настоящей работе бассейна верхнего и среднего течения р. Терек и его притоков в соответствии с современными административными границами Кабардино-Балкарии и Северной Осетии, конечно, совершенно условно и сделано исключительно для удобства описания и возможного дальнейшего пополнения фонда источников.

[4] Пользуясь случаем, выражаю благодарность художнику К.С. Окорокову за работу по стандартизации изображений топоров, представленных на данных рисунках.

Следует особо отметить, что половина всей имеющейся серии топоров (127 экземпляров) была обнаружена в датируемых с различной степенью уверенности закрытых или предположительно закрытых комплексах, а также культурных слоях поселений с относительно точно определенной хронологической позицией, что чрезвычайно важно для выяснения закономерности эволюции их форм. Как видно из представленных в табл. 1 данных, закрытые погребальные комплексы с топорами относятся к различным культурам[5]: ямной – 10 (Нижний Дон, Ставрополье), новотиторовской – 8 (Прикубанье), северокавказской – 70 (все регионы, кроме Нижнего Дона, Прикубанья и Дагестана), раннекатакомбной – 14 (Нижний Дон, Прикубанье, Ставропольская и Ергенинская возвышенности), поздней куро-араксской – 7 находок на поселениях и 5 экземпляров в двух великентских катакомбах комплексах (Дагестан), западноманычской – 3 (Нижний Дон), восточноманычской – 5 (Ставрополье и Ергени), батуринской – 1 (Прикубанье), бабинской и финалу эпохи средней бронзы – 2 комплекса (Нижний Дон и Центральное Предкавказье), гинчинской – 6 экземпляров в четырех комплексах (Чечня).

К сожалению, в силу недостаточной разработанности характеристик и состояния современной источниковой базы по целому ряду культур эпохи средней бронзы Предкавказья в настоящее время сложно полностью проанализировать частоту встречаемости отдельных категорий предметов по районам и культурам. Более или менее проверенными могут считаться данные по следующим культурам. Для новотиторовской доля погребений с топорами составляет порядка 1%, для батуринской – менее 0,7%, для восточноприазовской – 0,2%, для условной «калмыцкой» раннекатакомбной – 0,6% и, наконец, для северокавказской – в среднем порядка 3%. Причем для последней соотношение это варьирует от 0,5% в Закубанье до 5,2% в Кавминводах (Пятигорье) и даже 7,6% для комплексов, обнаруженных на территории Кабардино-Балкарии (28 находок на 367 погребений). Для сравнения, на 2,5 тысячи ямных погребений Северо-Западного Причерноморья известно лишь 19 погребений с каменными втульчатыми топорами и их фрагментами, что составляет 0,9% (*Иванова, Цимиданов*, 1998. С. 141). В южнобугских комплексах ямной культуры был найден только один топор на 931 погребение – 0,1% (*Шапошникова и др.*, 1986. С. 47, 72–97), на севере степного Поднепровья был обнаружено 2 комплекса с топорами на 500 погребений – 0,4% (*Ковалева*, 1984. С. 66, 90, 92), а для ямной культуры Северо-Западного Приазовья на 589 погребений вовсе не известно ни одного топора (*Рассамакин*, 1992. С. 18).

[5] К сожалению, культурная принадлежность некоторых комплексов не может быть установлена безусловно – в таких случаях в соответствующих графах таблицы 1 стоят знаки «?».

Таким образом, как видно из представленных данных, современные материалы полностью оправдывают введенный в свое время Е.И. Крупновым термин «топоры кабардино-пятигорского типа», так как почти половина (47%) всех находок топоров, в том числе и в погребениях, были сделаны на территории Центрального Предкавказья, причем в подавляющем большинстве случаев – в погребениях СКК.

4. Классификация каменных втульчатых топоров эпохи бронзы Предкавказья

Несмотря на наличие определенного алгоритма при проведении любого научного исследования, следует признать, что классификация археологических источников всегда в определенной степени субъективна. Применительно же к рассматриваемому в настоящей работе материалу и, в частности, к работе с литературными и архивными данными степень субъективности зависит не только от автора классификации, но и от исходного изображения предмета. Представленные на рис. 6 прорисовки наглядно демонстрируют различия в изображении одних и тех же орудий по разным источникам. Таких случаев немного, однако они вызывают определенный скепсис в отношении других – не дублированных по разным публикациям и отчетам – изображений. Поэтому в процессе сбора данных учитывались все возможные изображения и особенно фотографии – как отдельно самих топоров, так и их положения в погребальном сооружении. При этом в каталоге (табл. 1) специально выделены источники, из которых было взято изображение конкретно каждого предмета (см. примечание для табл. 1). Кроме того, как видно из каталога, во многих источниках масштаб предметов указан неверно (в столбце *«источники»* ссылки на них отмечены знаком «*»). К таковым можно отнести не менее 150 изображений, причем в 56 случаях, за неимением альтернативных источников, в анализируемую серию попали именно изображения с неправильным масштабом (их размеры на рис. 11–19 указаны предположительно). ***Учитывая эти обстоятельства, в основу представленной ниже классификации были положены не абсолютные размеры предметов, а их соотношения***. Безусловно, такой двойной субъективный фильтр не позволяет говорить о полной достоверности итоговых выводов, однако большая статистическая выборка, как представляется, несколько нивелирует неточности в изображении и линейных масштабах некоторых экземпляров топоров.

Рассуждая об алгоритмах классификации при анализе археологических источников И.С. Каменецкий, Б.И. Маршак и Я.А. Шер отмечали: «...Поскольку на практике большинство археологических классификаций выпол-

нены чисто эмпирически, даже на интуитивном уровне трудно определить начало, середину и конец классификационного исследования. Не придавая этому существенного значения, археологи часто не публикуют тех соображений, которыми они руководствуются при выборе признаков для классификации и тех методических приемов, которые использованы при построении классификации. Печатаются уже готовые классификационные схемы, а сам метод такого исследования остается «за кулисами», и проследить его иногда вообще невозможно...» (*Каменецкий, Маршак, Шер*, 2013. С. 60). В настоящем исследовании как раз сделана попытка отойти от этой, актуальной и в настоящее время, тенденции путем максимально развернутого описания алгоритма действий, которые привели к конечным результатам представленной ниже классификации каменных втульчатых топоров эпохи средней бронзы Предкавказья.

В ее основу легли 17 признаков, учитывающих, как представляется, максимальное число количественных (признаки №№ 4–12[6]) и качественных (признаки №№ 1–3 и 13–17) характеристик изучаемой серии. Для наглядности, на рис. 7, *I* представлены отдельные количественные составляющие этих признаков. Сам же набор признаков выглядит следующим образом:

№ п/п	Признак
1	Положение втулки (при переходе от лезвия к втулке или в лезвии)
2	Наличие/отсутствие продольной нервюры
3	Наличие огранки
4	Изогнутость корпуса по брюшку (в градусах) (рис. 7, *I* – угол α)
5	Соотношение «длина/высота» (рис. 7, *I* – А/Б)
6	Соотношение «длина/ширина» (рис. 7, *I* – А/В)
7	Соотношение «ширина/высота» (рис. 7, *I* – В/Б)
8	Соотношение «длина лезвия/длина обуха» (рис. 7, *I* – А'/А")
9	Соотношение «высота лезвия/высота втулки» (рис. 7, *I* – Г/Б)
10	Соотношение «диаметр края обуха/высота втулки» (рис. 7, *I* – Д/Б)
11	Форма лезвия (разворот от центра – в градусах) (рис. 7, *I* – угол β)
12	Скошенность лезвия относительно спинки (рис. 7, *I* – угол γ)
13	Форма спинки (прямая или вогнутая)
14	Форма обуха (цилиндрическая или коническая)
15	Форма края обуха (грибовидная или гладкая)
16	Наличие/отсутствие кнопки на «ударной» части обуха
17	Наличие/отсутствие выпуклости на «ударной» части обуха

[6] Из количественных признаков намеренно были исключены соотношения диаметра втулки с другими линейными размерами, в связи с тем, что сравнительные исследования изображений (см. выше) показали, что размеры втулки являются наименее достоверной частью рисунков.

Для анализа представленных признаков был использован **метод главных компонент**, выполненный в программе STATISTICA (версия 8.0)[7].

Помимо серии собственно топоров эпохи средней бронзы (217 целых экземпляров, имеющих двухмерные изображения или полные данные о размерах) в анализ были включены данные по упомянутому выше единственному каменному топору, достоверно относящемуся к эпохе ранней бронзы (погребение 31/5 могильника Клады).

Анализ методом главных компонент состоял из нескольких этапов[8]. Для начала, в результате анализа общей выборки было установлено, что по первым двум главным компонентам, составляющим 46,6% от общей изменчивости, определяется очень четкое и вполне ожидаемое разделение по признаку № 1 (рис. 7, *II*). На этом основании вся серия была дифференцирована на два основных типа топоров: тип I – с втулкой на переходе лезвийной и обушной частей корпуса, тип II – с втулкой в лезвийной части корпуса[9]. Далее это хорошо известное в историографии и доказанное сейчас математическим образом положение повторяться не будет и речь уже пойдет отдельно о двух основных типах.

Следует отметить, что на этом же этапе стала хорошо заметна определенная тенденция в локализации топоров I и II типов, а именно четкая привязанность топоров типа I по большей части к степным районам (Нижнему Дону, Ергеням, Степному Ставрополью, Прикубанью, степному Закубанью), а также менее дифференцированная, но все-таки достаточно очевидная насыщенность предгорий Центрального Предкавказья (Верхнее Прикубанье, Кавминводы, бассейн верхнего и среднего течения р. Терек и его притоков) топорами II типа (рис. 7, *III*:а, *III*:б). Интересным является так же тяготение

---

[7] Использование качественных (бинарных) и количественных (непрерывно варьирующих) признаков в многомерных методах анализа вполне оправданно. Во-первых, известно аргументированное мнение о допустимости обработки бинарных данных так же, как и количественных, и во-вторых – одним из этапов анализа главных компонент является нормирование и центрирование исходных признаков, в результате чего у всех признаков среднее значение становится равным нулю, а стандартное отклонение – единице (подробнее см., например: *Ефимов, Ковалева*, 2008. С. 23 и далее).

[8] Пользуясь случаем, хочу выразить глубокую благодарность к.и.н. А.А. Казарницкому за большую помощь, оказанную при статистическом анализе материалов.

[9] Следует оговориться, что порядка 15 объектов типа II на графике (рис. 7, *II*) оказались внутри «облака» топоров типа I. Как показали дальнейшие исследования, практически все они относятся к двум подтипам (II.1.1 и II.1.2) – прямым или слабоизогнутым топорам коротких и средних пропорций, которые в динамике имеют определенный хронологический приоритет перед другими подтипами типа II, как и большая часть подтипов типа I, к которым они, собственно, и тяготеют (см. раздел 5).

находок, сделанных на Северо-Восточном Кавказе, к топорам типа I, более распространенным в степи, а не к ближайшим по территории распространения орудиям II типа (рис. 7, *III*:в). Далее, при детальном классификационном анализе топоров внутри основных типов эти закономерности в локализации будут определены более подробно.

На следующих двух этапах анализа топоры I и II типа рассматривались отдельно.

Тип I (118 экземпляров с полным набором признаков, из них один топор – эпохи ранней бронзы). Топоры этого типа были рассмотрены по 15 признакам, так как признак № 1 был определен как основной типообразующий, а признак № 3 (наличие огранки) у топоров типа I в принципе отсутствовал.

Работа с серией топоров типа I проходила по двум параллельным направлениям. Первое было связано с установлением признаков, оказывающим наибольшее влияние на группировку изображенных на графике объектов. Опытным путем было установлено, что такими признаками являются: степень изогнутости корпуса по брюшку (признак № 4) и общие пропорции топоров, а именно – отношение длины к высоте (признак № 5) и отношение длины к ширине (признак № 6). О причинах выбора из последних двух именно признака № 5 будет сказано ниже.

Далее был проведен анализ вероятности соответствия нормальному распределению гистограмм значений признаков № 4 и № 5 (по критерию Шапиро-Уилка). Было установлено, что гистограмма показателей признака № 4 не соответствует нормальному распределению (значение $p<0.01$), что позволяет выделять на графике несимметричные группы значений, в отличие от гистограммы показателей по признаку № 5, которые соответствуют нормальному распределению. На основании соотнесения положения конкретных объектов на графике и данных нормальности распределения в каждом из признаков было выделено по три группы значений (рис. 8, *А, Б*), отраженных на графиках (рис. 8, *I А*, *II А*, *I Б, II Б*).

Для угла изогнутости корпуса показатели в этих группах составили следующие значения:

группа 1 – 155–180° (слабоизогнутые и прямые);

группа 2 – 135–150° (среднеизогнутые);

группа 3 – 105–130° (сильноизогнутые).

Для пропорций корпуса (соотношение длины и высоты):

группа 1 – 1–2,5 (короткие);

группа 2 – 2,6–4,5 (средних пропорций);

группа 3 – 4,6–6,5 и 8,5 (длинные).

Второе направление исследований серии топоров типа I – это собственно анализ положения обозначенных групп объектов на графике. Так, первичный анализ по 15 признакам показал, что первая и вторая главные компоненты составили 46% от общей изменчивости. При этом на графике, отражающем результаты анализа, можно выделить два скопления точек: большее их число оказалось в левой части, а меньшее – в правой (рис. 8, *I А*). При этом меньшее скопление, в значительной степени, соотнеслось со слабоизогнутыми и прямыми топорами, а противоположный край большого «облака» заняли, наоборот, сильноизогнутые орудия. Вариации же значений признака № 5 (соотношение длины к высоте) отразились на графике (рис. 8, *I Б*) в направлении, перпендикулярном вектору изменения изогнутости корпуса.

Для более четкой дифференциации отдельных групп топоров в координатной сетке первых двух компонент был проведен подсчет коэффициентов корреляции между изначальными признаками, который показал, что наибольший коэффициент корреляции (около 0,9) наблюдается между признаками № 5 (соотношение длины и высоты) и № 6 (соотношение длины и ширины). На этом шаге был оставлен только признак № 5, так как определенная часть топоров в рассматриваемой выборке имела изображение только в профиль. Дальнейшая логика исключения «неработающих» признаков была основана на проверке коэффициентов корреляции между исходными признаками и главными компонентами (т.е. степени значимости отдельных признаков в первых двух главных компонентах). Оказалось, что для признаков №№ 2, 7, 8, 12–14, 16 и 17 коэффициент этот составил не более 0,6, на основании чего эти признаки так же были удалены из конечных подсчетов. Таким образом, на завершающем этапе анализа методом главных компонент для типа I были взяты данные всего по 6 признакам (№№ 4, 5, 9, 10, 11 и 15). При этом первая и вторая компоненты в этот раз показали 72,8% общей изменчивости. В результате дифференциация групп топоров по общим пропорциям и степени изогнутости корпуса (признаки №№ 4 и 5; рис. 8, *II А, II Б*) стала более очевидной, что подтвердило правильность изначального выбора именно этих признаков. Интересно при этом, что указанная выше близость топоров с территории Северо-Восточного Кавказа к степной серии, намеченная при анализе по 15 признакам (рис. 8, *I В*), после оставления шести «работающих» так же проявилась более наглядно (рис. 8, *II В*).

В результате наложения дифференцированных групп объектов друг на друга, для типа I должно было получиться 9 основных подтипов. Однако анализ исходных значений признаков №№ 4 и 5 показал, что в исследуемой серии топоров типа I – среднеизогнутых коротких экземпляров просто нет, поэтому этот подтип (условно – «I.2.1») существует только теоретически.

Таким образом, для типа I можно говорить о следующих 8 подтипах, а также о нестандартных формах («н/с») и фрагментах без уточнения («б/у»):

Подтип	Описание подтипа	Индекс по каталогу
I.1.1 (рис. 11)	Топоры с втулкой между лезвийной и обушковой частью, слабоизогнутые и прямые, короткие	1.3, 1.4, 1.6, 1.8, 1.9, 1.11, 1.13, 1.18, 2.1, 2.2, 2.9, 3.3, 3.13, 3.20, 4.1, 5.11, 7.25, 7.27, 8.10, 8.54, 10.10
I.1.2 (рис. 12)	Топоры с втулкой между лезвийной и обушковой частью, слабоизогнутые и прямые, средних пропорций	1.1, 1.2, 1.17, 2.3, 2.11, 2.12, 2.20, 3.1, 3.2, 3.6, 3.9, 3.10, 3.16, 3.18, 3.21, 5.6–5.8, 7.54, 8.24, 8.31, 8.58, 9.4, 9.5, 9.12, 10.2, 10.3, 10.9, 10.11–11.13
I.1.3 (рис. 11)	Топоры с втулкой между лезвийной и обушковой частью, слабоизогнутые и прямые, длинные	2.21, 3.12, 3.19, 10.7, 10.13, 10.14
I.2.2 (рис. 13)	Топоры с втулкой между лезвийной и обушковой частью, среднеизогнутые, средних пропорций	1.5, 2.10, 2.19, 3.4, 3.8, 3.15, 3.17, 4.2, 5.1, 5.3, 5.12, 7.3–7.5, 7.22, 7.29, 7.45, 7.48, 8.17, 8.19, 8.35, 8.40, 8.42, 8.46, 8.49, 8.50, 8.63, 9.2, 11.4, 11.11
I.2.3 (рис. 14)	Топоры с втулкой между лезвийной и обушковой частью, среднеизогнутые, длинные	0.1, 1.10, 1.12, 2.7, 2.8, 2.13, 2.17, 2.18, 3.11, 5.9, 8.4, 8.14, 8.18, 11.12
I.3.1 (рис. 14)	Топоры с втулкой между лезвийной и обушковой частью, сильноизогнутые, короткие	3.14, 4.5, 7.14, 7.24, 8.61
I.3.2 (рис. 14)	Топоры с втулкой между лезвийной и обушковой частью, сильноизогнутые, средних пропорций	7.2, 7.12, 7.15, 7.23, 7.28, 7.30, 7.34, 7.42, 7.43, 7.56, 8.8, 8.21, 8.23, 8.30, 8.38, 8.47, 8.48, 9.9, 9.14, 9.17, 9.18, 11.1, 11.9
I.3.3 (рис. 14)	Топоры с втулкой между лезвийной и обушковой частью, сильноизогнутые, длинные	7.19, 8.32
I.н/с (рис. 19)	Топоры с втулкой между лезвийной и обушковой частью нестандартной формы	2.15, 4.4, 8.9, 10.5
I.б/у (рис. 19)	Фрагменты топоров с втулкой между лезвийной и обушковой частью	1.19, 1.20, 2.16, 3.22, 3.23, 10.6, 11.3, 11.5–11.8

На итоговом графике, отражающем дифференциацию по восьми основным подтипам типа I (рис. 10, *I*), визуально относительно четко обозначились границы подтипов I.1.1, I.1.3, I.2.3, I.3.1 и I.3.3. Подтипы же I.1.2, I.2.2 и I.3.2 имеют определенные области наложения с другими подтипами. Таким образом, полученные результаты представляют собой скорее тенденцию, отражающую общую изменчивость.

Тип II (99 экземпляров с полным набором признаков). Топоры этого типа были проанализированы по тому же алгоритму, что и орудия типа I. В частности, опытным путем было установлено, что наибольшее влияние на группировку объектов на графике оказывают степень изогнутости корпуса по брюшку (признак № 4) и общие пропорции топоров, а именно – соотношение длины к высоте (признак № 5) и соотношение длины к ширине (признак

№ 6). Как и для типа I, в качестве дифференцирующего из последних двух был выбран признак № 5.

Анализ вероятности соответствия нормальному распределению гистограмм значений признаков № 4 и № 5 (по критерию Шапиро-Уилка) показал, что гистограмма значений признака № 4, как и для типа I, не соответствуют нормальному распределению, а гистограмма значений признака № 5 – соответствует. На основании соотнесения положения конкретных объектов на графике и данных нормальности распределения в каждом из признаков так же было выделено по три группы значений (рис. 9, *А, Б*), отраженных на графиках (рис. 9, *I А*, *II А*, *I Б, II Б*).

Они несколько отличаются от значений, определенных для типа I. Для угла изогнутости корпуса показатели в этих группах составили следующие значения:

группа 1 – 155–180° (слабоизогнутые и прямые);

группа 2 – 130–150° (среднеизогнутые);

группа 3 – 105–125° (сильноизогнутые).

Для пропорций корпуса (соотношение длины и высоты):

группа 1 – 1–2,7 (короткие);

группа 2 – 2,71–4,3 (средних пропорций);

группа 3 – 4,6–6,0 (длинные).

Параллельно был проведен анализ положения обозначенных групп объектов на графике. Первичный график, составленный по 16 признакам (признак № 1 был определен как основной типообразующий), показал, что первая и вторая главные компоненты отразили 43% от общей изменчивости изначальных признаков. При этом, как и при исследовании топоров типа I, анализ положения обозначенных групп объектов на графике позволил выделить два «облака» (рис. 9, *I А*). Меньшее из них, так же, как и для типа I, в основном соотнеслось с прямыми и слабоизогнутыми топорами, а большое «облако» заняли орудия средне- и сильноизогнутой формы, причем разделение двух последних внутри большого «облака» выглядит скорее как тенденция. График на рис. 9, *I Б* отразил изменения по признаку № 5 (отношение длины к высоте), вариации которого направлены перпендикулярно относительно вектору изменения изогнутости.

Подсчет коэффициентов корреляции между исходными признаками показал, что наибольший коэффициент (0,82) наблюдается между признаками № 5 и № 6. Здесь, по указанным выше причинам (как и для типа I), был исключен признак № 6. Достаточно сильно оказались скоррелированы так же признаки №№ 2 и 3 (коэффициент – 0,68), в связи с чем был исключен признак № 3 (наличие огранки). Далее были проверены коэффициенты корреляции между признаками и главными компонентами, которые для признаков №№ 8,13,14,16

и 17 составили не более 0,6. На этом основании указанные признаки так же были удалены из конечных подсчетов. Таким образом, в итоговом анализе методом главных компонент для типа II были оставлены всего 9 признаков (№№ 2, 4, 5, 7, 9, 10–12 и 15). При этом первая и вторая компоненты в этот раз показали 59,7% общей изменчивости. Полученные результаты привели к относительно большей дифференциации групп топоров по общим пропорциям и степени изогнутости корпуса (признаки №№ 4 и 5, рис. 9, *II А, II Б*). Попытки разделить на графике топоры из разных географических мегарайонов Предкавказья (рис. 9, *I В*, *II В*) показали только определенную связь топоров с прямой профилировкой со степными районами.

Как и для типа I, в результате наложения дифференцированных групп объектов друг на друга, для типа II должно было получиться 9 основных подтипов. Однако анализ исходных значений признаков №№ 4 и 5 показал, что в исследуемой серии топоров типа II прямых и слабоизогнутых длинных экземпляров нет, в связи с чем этот подтип (условно – «II.1.3») существует только теоретически.

Таким образом, для типа II можно говорить о следующих 8 подтипах, а также о нестандартных формах («н/с») и фрагментах без уточнения («б/у»):

Подтип	**Описание подтипа**	**Индекс по каталогу**
II.1.1 (рис. 16)	Топоры с втулкой в лезвийной части, слабоизогнутые и прямые, короткие	1.7, 1.14, 1.21, 2.5, 2.6, 5.5
II.1.2 (рис. 16)	Топоры с втулкой в лезвийной части, слабоизогнутые и прямые, средних пропорций	3.5, 3.7, 7.13, 7.17, 7.33, 10.4, 10.8, 11.2
II.2.1 (рис. 16)	Топоры с втулкой в лезвийной части, среднеизогнутые, короткие	7.35-7.37, 7.47, 7.51, 7.53, 7.55, 8.3, 8.27, 8.36, 8.52, 8.60, 9.15, 9.16
II.2.2 (рис. 17)	Топоры с втулкой в лезвийной части, среднеизогнутые, средних пропорций	0.2, 2.4, 4.6, 5.4, 5.10, 6.3, 6.4, 7.11, 7.20, 7.38, 7.41, 7.46, 7.50, 7.52, 8.1, 8.5, 8.11, 8.13, 8.16, 8.22, 8.33, 8.34, 8.44, 8.45, 8.51, 8.53, 8.55, 8.57, 8.59, 8.62, 9.1, 9.7, 9.10, 9.13, 10.1, 11.10
II.2.3 (рис. 18)	Топоры с втулкой в лезвийной части, среднеизогнутые, длинные	5.2, 6.2, 7.8, 7.39, 7.44, 8.2, 8.6, 8.25, 8.26, 8.39, 8.64, 9.8
II.3.1 (рис. 19)	Топоры с втулкой в лезвийной части, сильноизогнутые, короткие	7.49, 8.7
II.3.2 (рис. 18)	Топоры с втулкой в лезвийной части, сильноизогнутые, средних пропорций	1.15, 1.16, 4.3, 6.1, 7.1, 7.9, 7.16, 7.18, 7.26, 7.31, 7.32, 7.40, 8.12, 8.20, 8.28, 8.29, 8.37, 8.43, 9.3, 9.6, 9.11
II.3.3 (рис. 19)	Топоры с втулкой в лезвийной части, сильноизогнутые, длинные	7.10, 8.41
II.н/с (рис. 19)	Топоры с втулкой в лезвийной части нестандартной формы	8.15
II.б/у (рис. 19)	Фрагменты топоров с втулкой в лезвийной части	3.24, 7.6, 7.21, 8.56

Итоговый график, отражающий дифференциацию по восьми основным подтипам типа II (рис. 10, *II*), визуально не демонстрирует абсолютно четких границ между выделенными восьмью подтипами, что связано с влиянием на положение отдельных точек на графике других признаков (№№ 2, 7, 9, 10–12 и 15). Таким образом, полученные для типа II результаты еще в большей степени, чем для типа I, представляют собой именно тенденцию, отражающую общую изменчивость серии, а не жесткую классификационную модель.

Обобщая полученные результаты классификации каменных топоров эпохи средней бронзы Предкавказья, необходимо отметить несколько важных моментов.

Во-первых, в проанализированной серии, несмотря на намеченные типы и их подтипы, на 236 целых форм нет даже одной пары абсолютно идентичных экземпляров. Можно предположить с большой долей уверенности, что в отличие, например, от керамического или металлического производства, сам материал не позволял мастерам, изготовлявшим каменные топоры, воспроизвести повторно одну и ту же форму. В связи с этим можно говорить лишь об определенных тенденциях в оформлении этой категории изделий, которые можно уловить только на уровне относительно крупных обобщений. В качестве таковых были выбраны медианные или средние арифметические значения того или иного признака в каждом из выделенных выше подтипов, которые условно были обозначены как ***«параметры подтипов»*** (табл. 2). ***Оперируя этими значениями в дальнейшем можно с большой долей вероятности соотнести новые находки каменных топоров с представленной выше классификацией.***

Во-вторых, количественное соотношение топоров двух основных типов указывает на их относительный паритет. В то время как среди подтипов выделяются основные, составляющие 10% и более от общей серии в типе (I.1.1, I.1.2, I.2.2, I.2.3, I.3.2, II.2.1, II.2.2, II.2.3, II.3.2), и условно «девиантные» (менее 10% от общей серии) (рис. 20). Последние, теоретически, могли бы составить варианты внутри основных подтипов, однако с учетом и без того слабой дифференциации отдельных количественных признаков такие допущения на настоящем этапе исследования представляются неоправданными.

В-третьих, данные полученной классификации вполне наглядно представляют особенности локальных серий каменных топоров (табл. 3), особенно хорошо заметных на уровне систематизации по мегарайонам Предкавказья: степной зоне, Центральному Предкавказью и Северо-Восточному Кавказу (рис. 21). В частности, следует отметить привязку к степным районам большей части находок топоров, относящихся к подтипам I.1.1, I.1.2,

I.1.3, I.2.3 и II.1.1, близость некоторых форм топоров Северо-Восточного Кавказа к степным сериям (подтипы I.1.1, I.1.2, I.1.3 и I.2.3), а также полное или подавляющее соотношение с Центральным Предкавказьем орудий подтипов I.3.2, I.3.3, II.2.1, II.2.2, II.2.3, II.3.1, II.3.2 и II.3.3. Топоры же подтипов I.2.2, I.3.1 и II.1.2 оказались равно представленными как в степных, так и в предгорных районах[10]. Как покажет дальнейший ход исследования, эти различия в распределении находок топоров имеют не только локальный, но отчасти и хронологический характер.

5. Хронология каменных втульчатых топоров эпохи средней бронзы Предкавказья

Для решения вопросов хронологической дифференциации комплексов с каменными топорами эпохи средней бронзы определяющее значение имеет их культурная и территориальная принадлежность. В современной историографии для памятников конца ранней и средней стадии эпохи бронзы существует несколько региональных периодизаций (*Кореневский*, 1990а; *Трифонов*, 1991; *Гей*, 2000; *Шишлина*, 2007; *Николаева*, 2011; *Клещенко*, 2011а; *Гак, Калмыков*, 2013; *Гак, Клещенко*, 2016), а также опыты их синхронизации (*Гей*, 2000. С. 208. Рис. 58; *Трифонов*, 2001. С. 75. Табл. 1). Несмотря на принципиальные расхождения авторов последних двух работ во взглядах на культурную принадлежность памятников финала ранней – начала средней бронзы Прикубанья (*Гей*, 2000. С. 19–23; *Клещенко*, 2014. С. 140–141) и разницу в датировках культур и их этапов, связанную с разными подходами в хронологии (некалиброванные даты у А.Н. Гея и калиброванные у В.А. Трифонова), в целом следует отметить близость этих двух синхронизаций. Не вдаваясь в подробности определенного диссонанса данных хронологических схем и упомянутых выше региональных периодизаций, представляется необходимым обозначить здесь актуальную для современной историографической ситуации общую синхронизационную схему культур и их этапов, к которым относятся анализируемые в настоящем исследовании комплексы с каменными втульчатыми топорами (рис. 22).

[10] Обнаруженные закономерности в целом положительно соотносятся с выводами, к которым пришел в упоминавшейся выше статье С.Н. Кореневский (1993). В частности, в его так называемые общекавказские группы А и Б, согласно представленной классификации, вошли топоры подтипов I.1.1, I.1.2, I.1.3, I.2.2, I.2.3, I.3.1 и II.1.1, большая часть которых связана именно с районами степного Предкавказья или представлены в равной степени как в степи, так и в предгорьях. С другой стороны, полученные в настоящей работе результаты классификации позволили дифференцировать серию орудий, обозначенную С.Н. Кореневским как группа Д.

Согласно этой схеме, с ***первым этапом*** эпохи средней бронзы следует связать позднеямные памятники Нижнего Дона и Прикубанья, конец первого, второй и третий этапы новотиторовской культуры в Прикубанье и самые ранние северокавказские комплексы Предкавказья (всего 19 комплексов с каменными втульчатыми топорами – см. табл. 1, 5; рис. 22, 24). Здесь необходимо высказать предположение, что, несмотря на объективную динамику развития новотиторовской культуры на втором и третьем этапе ее существования, обоснованную в исследовании А.Н. Гея (*Гей*, 2000), четких критериев разделения отдельных новотиторовских памятников на два этих этапа пока нет. Это касается как обрядовых их характеристик (Там же. С. 195. Рис. 56), так и материальной культуры. В частности, согласно описанию керамического комплекса (Там же. С. 134–150), нет возможности выделить какие-то типы или подтипы посуды, характерные для одного из этих этапов. Аналогичным образом обстоит дело и с определенной частью металлокомплекса, например, бронзовыми ножами (Там же. С. 150–153) и бронзовыми бляхами (Там же. С. 162–163). В связи с этим в настоящее время можно пока говорить лишь о характерных особенностях динамики развития культуры в средний и поздний периоды ее существования, а не о самостоятельности этих двух ее этапов. В частности, представляется не вполне доказанным четкое хронологическое разделение в их рамках единичных комплексов с находками каменных топоров (Там же. С. 47).

Другим пока не решенным вопросом является хронологическое соотношение поздненовотиторовских и позднеямных памятников Прикубанья и Нижнего Дона с раннекатакомбными комплексами (восточноприазовской и преддонецкой катакомбными культурами, соответственно). Не вдаваясь в отдельные нюансы этой проблемы, следует отметить, что случаев обратной стратиграфии для погребений этих двух традиций не так много, чтобы достоверно утверждать их синхронность на определенном этапе развития. Сейчас можно лишь предположить, что большой объем накопленных в последнее время археологических источников и постоянно пополняемая их база, в частности, по данным радиоуглеродного датирования, помогут в ближайшее время аргументировано ответить на этот вопрос. В настоящей же работе необходимо лишь констатировать текущую историографическую ситуацию, согласно которой раннекатакомбные памятники в Предкавказье следует целиком связывать со следующим (вторым) этапом эпохи средней бронзы.

Второй и ***третий этапы*** эпохи средней бронзы в Предкавказье, помимо появления раннекатакомбных памятников, характеризуется распространением традиций развитой и поздней фаз эволюции СКК (рис. 22). Разработка

периодизации раннекатакомбных древностей находится в настоящее время лишь на самой начальной стадии (см., например: *Гак, Калмыков*, 2013). Более того, раннекатакомбные культуры Прикубанской низменности и Ставропольской возвышенности пока не имеют даже четкой характеристики. При этом вопросы об эволюции этих культурных феноменов напрямую связаны с проблемой периодизации СКК, которая, в свою очередь, имеет относительно богатую историографию (*Марковин*, 1960, 1994а; *Сафронов*, 1974; *Нечитайло*, 1978; *Николаева*, 1981, 2011; *Кореневский*, 1990а; *Клещенко*, 2011б, 2011в, 2013 и др.).

Несмотря на это, до сих пор существует ряд проблем, не позволяющих однозначно интерпретировать значительную часть комплексов СКК в рамках определенных ее этапов, что значительно затрудняет решение актуальной для настоящего исследования задачи установления хронологии закрытых комплексов с каменными топорами эпохи средней бронзы, половина которых (порядка 68 экземпляров) обнаружены именно в комплексах СКК (см. раздел 3 и табл. 1).

Первая из этих проблем связана с абсолютной консервативностью погребального обряда этой культуры, носители которой на протяжении всего времени ее существования практиковали в основном обряд вытянутого трупоположения в ямах с доминирующей восточной ориентировкой, при незначительном (от 5 до 30% в разных районах) числе случаев скорченных на боку и спине погребений, также с устойчивой традицией восточной ориентировки. Вторым обстоятельством, затрудняющим периодизацию отдельных комплексов культуры, является высокая в целом доля (более 50%) безынвентарных комплексов, а также большое количество погребений с малоинформативными в хронологическом отношении находками.

Наконец, последним, пока решающим моментом является далеко не полная разработанность проблем эволюции некоторых массовых категорий погребального инвентаря, и, в первую очередь, керамики. Так, сейчас только для территории Центрального Предкавказья известно не менее 900 находок сосудов северокавказской культуры. Классификация и периодизация керамического комплекса СКК – одна из приоритетных задач изучения эпохи средней бронзы Северного Кавказа на современном историографическом этапе. Начало ему уже положено (*Кореневский*, 1990а; *Николаева*, 2011; *Клещенко*, 2013), однако до решения этой проблемы значительная часть северокавказских комплексов, и в том числе – с каменными топорами, достоверным датировкам пока не поддается. Равным образом, и проблема эволюции форм бронзовых орудий (в первую очередь, ножей и шильев) северокавказской и раннекатакомбной культур, несмотря на наличие региональных пе-

риодизационных схем (*Гей*, 2000. С. 151–153. Рис. 46; *Клещенко*, 2011в; *Гак, Калмыков*, 2013. С. 133. Рис. 11), так же не может считаться проясненной до получения общей синхронизационной модели.

К четким хронологическим маркерам, позволяющим дифференцировать погребения второго и третьего этапов эпохи средней бронзы, в настоящее время можно отнести только бронзовые украшения «северокавказского стиля». Однако наличие в комплексах тех или иных их видов и типов все же не избавляет от сомнений. Дело в том, что такие характерные для раннего этапа развития этих украшений предметы, как короткие (или простейшие) каплевидные и клиновидные подвески (терминология Е.И. Гака и А.А. Калмыкова: *Гак, Калмыков*, 2013. С. 141), диагностичные для второго этапа развития СКК, а также поздних новотиторовских и самых ранних катакомбных комплексов, продолжают встречаться и с развитой гарнитурой «северокавказского стиля». В то же время специфические для II этапа раннекатакомбных древностей в Егорлык-Калаусском междуречье уплощенные подвески с вертикальным рифлением и шариковым завершением (*Гак, Калмыков*, 2013. С. 141. Рис. 13, *1*; 16, *1, 7*) мало отличаются от подвесок из раннекатакомбной группы этого же региона (Там же. Рис. 8, *10, 15*). Аналогичная ситуация с данной формой подвесок наблюдается и в отношении северокавказских комплексов Закубанья (*Гак, Клещенко*, 2016. С. 181. Рис. 3, *33–41*).

Отдельно следует сказать о датировке находок каменных топоров на территории Дагестана – на поселениях куро-араксской культуры и в великентских катакомбах. Насколько можно судить по отчетным данным и публикациям, ни одну из этих находок невозможно уверенно связать со вторым или третьим этапом эпохи средней бронзы: Сигитминское и Чиркейское поселения, где были обнаружены целые формы топоров, М.Г. Гаджиев склонен связывать с первой половиной – серединой III тыс. до н.э., то есть с самым финалом развития куро-араксской традиции (*Гаджиев*, 1983. С. 42), а великентские катакомбы, датирующиеся в этом же диапазоне, сами по себе являются комплексами длительного накопления, что делает невозможной узкую датировку отдельных находок из них. В связи с этим поселенческие и великентские находки топоров с территории Дагестана с уверенностью можно датировать только в широких рамках второго-третьего этапов эпохи средней бронзы (табл. 1).

Таким образом, достоверное соотнесение значительного количества комплексов конкретно со вторым или третьим этапом эпохи средней бронзы на настоящем уровне научных знаний зачастую невозможно. В связи с этим для имеющейся выборки с определенной долей уверенности ко второму этапу

были отнесены 12 находок топоров, к третьему – 27, а 51 атрибутированы недифференцированным вторым/третьим этапом (табл. 1, 5; рис. 24).

Датировка комплексов четвертого и пятого этапов эпохи средней бронзы может быть определена довольно уверенно.

Четвертый этап связан с погребениями восточноманычской, западноманычской и батуринской катакомбных культур (рис. 22), а также одним погребением СКК, который по наличию ножа пятиугольной схемы можно отнести условно к «постсеверокавказскому» времени. Всего к данному этапу относится 9 комплексов с каменными топорами (табл. 1, 5; рис. 24).

Пятый этап представлен комплексами финала средней бронзы, относящимися к бабинской и гинчинской культурам, а также к группе синхронных им погребений Центрального Предкавказья, имеющими связь с аликоновской или архонской культурными группами финала эпохи средней бронзы (в настоящей выборке – 8 находок топоров) (табл. 1, 5; рис. 22, 24).

Возвращаясь к выяснению позиции на хронологической шкале эпохи средней бронзы отдельных комплексов, необходимо упомянуть про состав инвентаря, сопровождавшего находки топоров в закрытых (или предположительно закрытых) погребальных комплексах. Общая их серия составила 117 погребений (табл. 1). Из них 16 не содержали никакого другого погребального инвентаря (или о нем нет сведений), еще несколько комплексов включали помимо топоров только кости животных, астрагалы, отдельные фрагменты керамики и прочие неинформативные вещи (табл. 1). В целом же сводные данные о категориях предметов, сопровождавших каменные топоры, представлены в табл. 4. Как видно из нее, чаще всего из потенциально хронологически диагностируемых предметов с топорами сочетались керамические сосуды и жаровни, бронзовые ножи, шилья, бусы, подвески, пронизи и медальоны, металлические височные кольца, пастовые (фаянсовые) бусы и пронизи. К немногочисленным, но важным для культурно-хронологической дифференциации предметам относились также керамические курильницы, бронзовые орудия (долота, тесла, крюк), наборы кремневых наконечников стрел, бронзовые булавки и браслет, костяная орнаментированная накладка, костяные кольца и костяная зооморфная пряжка.

Следует отметить, что приведенный выше перечень предметов демонстрирует лишь наличие тех или иных диагностичных категорий инвентаря, на основании которых, наравне с другими данными погребального обряда, проходила культурно-хронологическая атрибуция отдельных комплексов. Рассмотрение же вопросов, связанных с символикой сочетания в погребальных комплексах различных категорий находок с каменными топорами, равно как и с семантикой самих втульчатых топоров эпохи средней бронзы выхо-

дит за рамки настоящего исследования. Тем более, что к высказанным ранее по этому поводу мнениям (см., например: *Кореневский*, 1993. С. 86–87) без проведения специальных исследований добавить нечего.

Прежде чем перейти к описанию общей эволюции форм каменных топоров, необходимо сказать о ***хронологической позиции комплексов курганной группы Кёнделенская I***, послуживших непосредственным поводом для настоящего исследования. Основанием для нее являются аналогии в инвентарных наборах, планиграфия курганов и серия радиоуглеродных дат, полученная в лаборатории университета г. Познань (рис. 23). Так, к самому раннему этапу эпохи средней бронзы, то есть к раннему этапу СКК с достаточной долей уверенности можно отнести топоры из погребений 425/10 и 425/12 (табл. 1, №№ 8.16, 8.18). Обоснования для такой датировки следующие. Во-первых, в погребении 425/12 (рис. 2, *IV*) была обнаружена орнаментированная костяная пластина с бронзовыми гвоздиками по периметру (рис. 3, *11*). В настоящее время единственной аналогией ей являются находки, сделанные в новотиторовском погребении Брюховецкая I 5/4 в Прикубанье (*Бочкарев и др.*, 1991. С. 52–53. Рис. 57). В свою очередь, согласно данным планиграфии (рис. 1, *I В*) комплексу 425/10 близко по времени погребение № 12 этого же кургана (рис. 2, *III*), также содержавшее каменный втульчатый топор. Ранней хронологической позиции этих комплексов не противоречат и радиоуглеродные даты (рис. 23).

Остальные орудия из Кёнделенского могильника следует связать уже со вторым этапом эпохи средней бронзы или с развитыми памятниками СКК. Помимо радиоуглеродных определений (рис. 23) такая их датировка обусловлена и другими обстоятельствами. Так, в двойном погребении 426/7 был обнаружен набор кремневых наконечников стрел (рис. 2, *V*; 3, *9*), практически идентичный набору из погребения 1/5 Ильинского I, могильника в среднем течении р. Егорлык (*Калмыков, Кореневский*, 2001. С. 55. Рис. 2, *3*). Последнее погребение так же являлось двойным (более того, отчасти сходится даже возраст погребенных: 25–35 и 12–18 лет в Кёнделене; 25–35 и 9–10 лет в Ильинском) и содержало бронзовый топор бичкин-булукского типа. Кроме того, данные радиоуглеродного датирования ильинского комплекса (ГИН-10138: 2855–2465 ВС) практически идентичны данным, полученным по костям из кёнделенского погребения. Дополнительным основанием для датировки погребения 426/7 именно вторым этапом эпохи средней бронзы является еще одна аналогия этому комплексу в раннекатакомбном погребении Ериковский I 4/3 в низовьях р. Сал (*Ильюков, Яценко*, 2013. С. 251–254. Рис. 3, 4), где вместе с большим набором кремневых наконечников стрел (13 экз.) был обнаружен листовидный бронзовый нож удлиненных пропорций, практи-

чески идентичный по форме и размеру ножу из кёнделенского погребения (рис. 3, *16*).

Основанием для датировки погребения 424/4 с каменным молотком в рамках развитого этапа СКК является находка в нем мелких литых украшений «северокавказского стиля», имеющих ранний облик (рис. 3, *10*).

Хронологическая позиция погребений 423/4 и 423/6 с топорами II типа до получения серии радиоуглеродных определений была неоднозначна, так как единственными сопутствующими топорам предметами в них были керамические сосуды (рис. 3, *17, 18*). Как было отмечено выше, вопросы классификации и эволюции керамического комплекса СКК далеки от своего решения, поэтому изначально датировка этих комплексов представлялась довольно широкой – в рамках развитого и позднего этапов СКК. Данные же анализа по ^{14}C позволяют сузить этот диапазон до второго этапа эпохи средней бронзы.

Наиболее проблематичным является датировка комплекса 423/13. Кроме того, что для него отсутствуют данные радиоуглеродного определения (в этом погребении костей человека обнаружено не было), вопрос о самой принадлежности каменного топора именно этому погребению, к сожалению, неразрешим. Однако есть основания для датировки этой находки именно развитым этапом СКК (или вторым этапом эпохи средней бронзы).

Переходя к ***характеристике эволюции форм общей серии каменных втульчатых топоров эпохи средней бронзы Предкавказья***, необходимо подчеркнуть, что относительные датировки 127 орудий, указанные в соответствующей части табл. 1, были сделаны на основании анализа погребального инвентаря в сочетании с данными культурной атрибуции и периодизации, а также внутренней стратиграфии отдельных памятников. Наличие каталога и ссылочного аппарата позволит другим исследователям не только верифицировать полученные данные классификации и хронологии, но и при необходимости пересмотреть результаты настоящего исследования – согласно своим представлениям или в виду появления новых источников, в том числе, данных радиоуглеродного датирования.

Как видно из представленных данных (рис. 20; 24), соотношение топоров разных подтипов – как внутри общих типов, так и внутри этапов эпохи средней бронзы – далеко не одинаково. Кроме того, за рамками хронологических определений осталась половина из общей серии рассматриваемых орудий (табл. 5). В этих обстоятельствах при рассмотрении динамики изменения форм каменных топоров в рамках обозначенных выше пяти этапов эпохи средней бронзы представляется логичным использование данных по процентному соотношению количества датируемых находок с общим ко-

личеством топоров из закрытых комплексов в рамках основных подтипов (табл. 6).

Судя по ним, ***первый этап*** эпохи средней бронзы связан с появлением топоров семи подтипов[11]: I.1.1 (3 экз., 27% от общего количества хронологически диагностируемых в подтипе), I.1.2 (2 экз., 12%), I.1.3 (1 экз., 25%), I.2.2 (4 экз., 27%), I.2.3 (6 экз., 55%), II.1.1 (1 экз., 25%) и II.2.2 (2 экз., 6%) (табл. 5, 6; рис. 24). При этом наиболее архаичные экземпляры, связанные с ранним этапом новотиторовской культуры (*Гей*, 2000. Рис. 47, *7, 8*), относятся к подтипу I.2.3 (табл. 1; рис. 14: 2.7, 2.18). Этот подтип объединил еще шесть топоров первого этапа эпохи средней бронзы и, в общем, выглядит наиболее представительным в рамках рассматриваемого периода. В целом же топоры этого этапа имеют различные пропорции (от коротких до длинных) и прямой или среднеизогнутый корпус. Два топора типа II, соотносимые с первым этапом, выглядят скорее исключениями, однако связь их с самой ранней серией вполне доказана: первый из них происходит из ямного погребения Новобатайск 1/6 (табл. 1; рис. 16: 1.21), а второй – из описанного выше раннесеверокавказского комплекса Кёнделенская I 425/10 (табл. 1; рис. 17: 8.16). В целом же серия топоров типа II, за исключением этих двух экземпляров, соотносится уже со следующими двумя этапами эпохи средней бронзы.

По указанным выше причинам комплексы ***второго этапа*** на современном научном уровне диагностируются довольно плохо. В частности, для типа I с определенной уверенностью к этому периоду можно отнести только два погребения из Кёнделенского могильника (табл. 1; рис. 14: 8.14, 8.18), топоры из которых относятся к подтипу I.2.3, то есть продолжают традицию самой диагностичной формы первого этапа. В то же время отсутствие для этого этапа достоверных находок топоров подтипов I.1.1, I.1.1, I.1.2, I.1.3 и I.2.2, которые существовали как в предшествующий, так и последующие этапы эпохи средней бронзы (табл. 5, 6; рис. 24), говорит о том, что эти формы должны быть характерны и для рассматриваемого периода.

Топоры II типа представлены в это время сразу несколькими подтипами: II.1.2 (1 экз., 25% от общего количества хронологически диагностируемых в подтипе), II.2.1 (1 экз., 14%), II.2.2 (3 экз., 18%), II.2.3 (2 экз., 40%) и II.3.2 (2 экз., 25%) (табл. 5, 6; рис. 24). Находки орудий последнего подтипа в комплексах второго этапа ранней бронзы наиболее интересны, так как все остальные сильноизогнутые формы относятся уже к третьему этапу или к недиффе-

[11] Нестандартные формы и фрагменты здесь и далее не учитываются – информация о них представлена в табл. 5.

ренцируемой серии второго/третьего этапа. Впрочем, из двух комплексов с топорами подтипа II.3.2 (Кёнделенская I 423/4 и Белый Уголь II 1/9), со вторым этапом уверенно можно связать только первый. Хронологическая же позиция безынвентарного кавминводского погребения довольно спорна и основывается на данных курганной планиграфии и стратиграфии, интерпретация которой может быть субъективным мнением автора раскопок.

Находки топоров в недифференцируемых комплексах ***второго/третьего этапов*** эпохи средней бронзы относятся к 12 из 16 основных подтипов (табл. 5, 6; рис. 24). Из них орудия подтипов II.1.1 и II.1.2 следует связать именно со вторым этапом эпохи средней бронзы: несмотря на то, что в них нет надежных маркеров данного периода, традиция этих изделий восходит к первому этапу и не имеет продолжения на третьем.

В соответствии с этой же логикой сильноизогнутые орудия подтипа I.3.2, так же обнаруженные в недифференцируемых комплексах второго/третьего этапа, можно связать скорее с ***третьим этапом*** эпохи средней бронзы, так как в предыдущий период находок таких форм в типе I не обнгаружено. В целом на 3 этапе фиксируется существование традиций большинства подтипов, за исключением I.1.3, 1.2.3, II.1.1, I.3.3 и II.1.2. В частности, именно к этому времени относится массовое появление сильноизогнутых форм всех групп пропорций (табл. 5, 6; рис. 24). Отсутствие двух форм типа II (прямые и слабоизогнутые коротких и средних пропорций) в этот период, судя по современному состоянию источниковой базы, не вызывает сомнения. Подтипы I.1.3 и 1.2.3 доживают до следующих этапов эпохи средней бронзы, поэтому отсутствие их на третьем этапе не противоречит их теоретическому существованию в это время. Кроме того, как уже было отмечено, есть основания соотносить с этим периодом и единственный сильноизогнутый топор подтипа I.3.3, изначально датированный недифференцируемым вторым/третьим этапом.

Четвертый этап эпохи средней бронзы вновь полностью связан с прямыми, слабо- и среднеизогнутыми формами типа I: подтипы I.1.1 (1 экз., 9% от общего количества хронологически диагностируемых в подтипе), I.1.2 (5 экз., ~29%), I.2.2 (2 экз., 13%), I.2.3 (1 экз., 9%) и, теоретически, I.1.3 (эта форма доживает до следующего этапа) (табл. 5, 6; рис. 24).

Финальную же стадию эпохи средней бронзы (***пятый этап***) в Предкавказье маркируют слабопрофированные орудия типа I: подтипы I.1.1 (1 экз., 9% от общего количества хронологически диагностируемых в подтипе), I.1.2 (3 экз., 18%), I.1.3 (3 экз., 75%) (табл. 5, 6; рис. 24).

Таким образом, прямые, слабо- и среднеизогнутые формы топоров всех групп пропорций типа I (подтипы I.1.1, I.1.2, I.1.3, I.2.2, I.2.3) можно считать

проходными в целом для эпохи средней бронзы Предкавказья: массово появляясь в начале III тыс. до н.э. в степных комплексах ямной и новотиторовской культур, а так же в единичных экземплярах – в Терском бассейне (погребение 425/12 Кёнделенского могильника), на следующих этапах эпохи средней бронзы они распространяются по всему Предкавказью и доживают до позднекатакомбного времени, а группа слабопрофилированных форм – вплоть до финала средней бронзы.

Слабопрофилированные топоры типа II (подтипы II.1.1 и II.1.2), появляющиеся на первом этапе (1 экз. – погребение 1/6 могильника Новобатайск), насколько можно судить по современной источниковой базе, не переживают второго этапа эпохи средней бронзы. Причем находки топоров подтипа II.1.1 связаны с районами Нижнего Дона, Прикубанья и Закубанья, а подтипа II.1.2 – в основном с Центральным Предкавказьем и Северо-Восточным Кавказом.

Среднеизогнутые орудия типа II (подтипы II.2.1, II.2.2, II.2.3) получают распространение на втором и третьем этапах эпохи средней бронзы. Единственным топором этой формы, достоверно относящимся к первому этапу, сейчас является экземпляр из кёнделенского погребения 425/10. В целом же традиции всех форм топоров II типа, появившись в виде единичных находок на первом этапе и достигая своего пика на втором и третьем, полностью исчезают в позднекатакомбное время. Причем подавляющее число находок орудий II типа (80%) связано с территорией Центрального Предкавказья.

Общей же тенденцией в эволюции топоров обоих основных типов является увеличение угла изогнутости корпуса на третьем этапе эпохи средней бронзы (подтипы I.3.1, I.3.2, II.3.3, II.3.1, II.3.2, II.3.3)[12]. Причем сильноизогнутые формы обоих типов, как и бóльшая часть орудий типа II, основательно тяготеют к Центральному Предкавказью (почти 90% находок) и так же исчезают в позднекатакомбное время. Интересно, что эту тенденцию косвенно подтверждает и эволюция немногочисленной серии бронзовых литых топоров эпохи средней бронзы (рис. 25). Так, топор без орнаментации в традициях «северокавказского стиля» из погребения Сатурн 2/1, относящегося к развитому этапу СКК, имеет угол изгиба по брюшку 150° (рис. 25, *1*). В то время как у топоров с богатой орнаментацией в классическом «северокавказском стиле», расцвет которого приходится на третий этап эпохи средней бронзы, этот показатель уменьшается до 125° (рис. 25, *3, 4*).

[12] Следует отметить, что данное наблюдение не является открытием. Ранее С.Н. Кореневским уже был сделан подобный предварительный вывод (*Кореневский*, 1993. С. 85). Сейчас же, в результате обработки более представительной источниковой базы и ее статистического анализа, он стал более очевидным.

Завершая раздел по хронологии каменных втульчатых топоров, нельзя не сказать несколько слов о проблеме происхождения традиции этой категории орудий на территории Предкавказья в эпоху средней бронзы. Для каменных орудий майкопской культуры эпохи ранней бронзы, как известно, характерны формы молотов и клевцов-молотов (*Кореневский*, 2004. С. 44). Единственным предшественником топоров I типа эпохи средней бронзы в настоящее время можно считать орудие из комплекса 31/5 могильника Клады (*Резепкин*, 2012. С. 199. Рис. 70, *8*). Интересно, что включенный в анализ главных компонент вместе с серией топоров эпохи средней бронзы, этот экземпляр оказался в самом центре графика и был соотнесен с подтипом I.2.2 (рис. 10, *I* – обозначен на графике как «РБ»), то есть с одной из самых ранних среднебронзовых форм. Другой близкой аналогией топорам типа I, а именно коротким слабоизогнутым формам подтипа I.1.1, является топор из верхнего слоя Михайловского поселения в низовьях Днепра (*Коробкова, Шапошникова*, 2005. Рис. 77, *9*). Однако, как уже было отмечено в разделе 2 настоящей работы, датировка верхнего слоя этого поселения не позволяет говорить о каком-то хронологическом приоритете михайловских топоров по сравнению с предкавказскими.

Иначе обстоит дело с проблемой происхождения различных форм типа II, аналогий которым в Предкавказье и на соседних территориях в эпоху ранней бронзы как будто бы нет. Еще один топор из того же верхнего слоя Михайловского поселения (*Коробкова, Шапошникова*, 2005. Рис. 77, *2*) по указанным причинам нельзя считать прообразом для предкавказской серии. Другая, достаточно обширная серия визуально схожих форм топоров была обнаружена в памятниках софиевского типа, сконцентрированных в среднем течении Днепра (*Дергачев, Манзура*, 1991. С. 218, 319, 323, 325, 328, 333. Рис. 97, *2;* 98, *10;* 102, *8–11;* 104, *3, 4;* 107, *4;* 112, *21, 22*). В соответствии с обсуждавшейся выше (см. раздел 2) гипотезой А.А. Ковалева, именно миграционный «импульс с Поднепровья» явился причиной появления этой формы каменных орудий в Предкавказье в начале III тыс. до н.э. (*Ковалев*, 2015. С. 139). Следует признать, что анализ серии софиевских топоров по 17 признакам, на основании которых была проведена классификация предкавказских топоров эпохи средней бронзы, показал их чрезвычайную близость орудиям подтипов II.1.1 и II.1.2: для первого сошлись медианные и среднеарифметические показатели по 12 признакам (№№ 1, 3, 4, 6, 9, 11–17), для второго – по 13 (№№ 1–5, 7, 10, 12–17), что указывает на формальную связь между этими традициями. Тем более, что единственная ранняя находка топора подтипа II.1.1 сделана на Нижнем Дону – в наиболее близком к Поднепровью районе Предкавказья. Надо отметить, что представления об абсолютной хронологии

памятников софиевского типа в современной историографии неоднозначны. С одной стороны, радиоуглеродные даты, полученные по материалам из этих памятников, указывают на интервал 3081–2586 BC (68% prob.) (*Kovalyukh et al.*, 1995. P. 138), с другой, сами же авторы публикации опровергают эти данные, определяя «календарный возраст» памятников софиевского типа в рамках 3300–2900 BC, то есть в рамках Триполья C-II (*Kovalyukh et al.,* P. 140). Согласно мнению других современных исследователей, также, впрочем, отвергающим поздние значения радиоуглеродных дат, софиевские памятники соотносятся с интервалом 3000–2900 BC (*Diachenko, Harper*, 2016. S. 90). Если отталкиваться от дат, предложенных этими исследователями, то топоры софиевского типа теоретически могли стать прообразами для предкавказских. Однако механизм этой возможной связи совершенно не ясен. Даже если пренебречь тем фактом, что от Софиевки до Нижнего Дона «по прямой» около 700 км, на протяжении которых топоры таких форм пока не встречены, сама специфика погребальных памятников софиевского типа (грунтовые кремационные могильники) совершенно не известна в Предкавказье и никак не связана с традицией строительства курганов, в которых сделаны находки каменных втульчатых топоров эпохи средней бронзы Предкавказья.

6. Место кёнделенских комплексов с каменными втульчатыми топорами в древностях эпохи средней бронзы

В заключительной части работы имеет смысл представить информацию по таким деталям погребального обряда, как количество погребенных в комплексах с каменными втульчатыми топорами, их половозрастной состав и местоположение орудий в погребении, а также сравнить эти данные с материалами, полученными в результате раскопок могильника у с. Кёнделен.

Так, на 114 погребений с прослеженным обрядом приходится: 89 одиночных (78%), 17 двойных (15%), 1 тройное, 2 четверных и 5 кенотафов (1, 2 и 4%, соответственно) (табл. 1). Любопытно, что на семь кёнделенских погребений с каменными орудиями пришлось одно двойное, составившее 14% из всей серии, что подтверждает имеющиеся статистические наблюдения.

Все 38 погребений с каменными топорами, где был определен пол погребенных (или же он был указан автором источника), принадлежали мужчинам. В пяти же установленных случаях двойных погребений мужчины и женщины топор относился именно к мужскому скелету. В отношении

возраста наблюдается следующее распределение: детские погребения (за исключением коллективных, где топор относился к взрослому) – 2, подростки – 4, взрослые 18–35 лет – 10, взрослые 35–50 лет – 6, взрослые без уточнения – 19. Как видно, кёнделенские материалы, включенные в эти подсчеты, существенно дополнили имевшуюся ранее небольшую базу и в целом соответствуют общей тенденции распределения по возрасту (двое подростков и четыре взрослых 25–35 лет), за исключением отсутствия погребенных зрелого возраста.

В отношении положения каменных орудий в погребениях эпохи средней бронзы ранее в литературе высказывались определенные наблюдения (*Кореневский*, 1990а. С. 62; 1993. С. 87; *Гей*, 2000. С. 154). В частности, А.Н. Гей отметил различие в положении топоров в ранних (у левого плеча) и поздних (у правого плеча) новотиторовских комплексах. Составление аккумулятивных схем расположения 97 находок каменных топоров относительно скелета погребенных на разных этапах эпохи средней бронзы (рис. 26) не показало какого-то устойчивого алгоритма или эволюции традиции, в том числе в отношении положения топоров I и II типов. Стоит лишь отметить, что в обоих случаях находок топоров в раннесеверокавказских погребениях Кёнделенского могильника они располагались у правого локтя.

В заключение, обобщая полученные результаты классификации и хронологии, следует сказать, серия топоров из погребений северокавказской культуры Кёнделенского могильника является одной из наиболее ранних в рамках эпохи средней бронзы Предкавказья и датируется первым и вторым ее этапами. Формы же кёнделенских орудий, за исключением уникального молотка из погребения 424/4, относятся к одним из наиболее распространенных подтипов: I.2.2, I.2.3, II.2.2 и II.3.2.

Важным моментом также является очевидная связь северокавказских погребений Кёнделенского могильника, находящегося в непосредственной близости от Приэльбрусья, со степными районами Предкавказья. На это указывают не только формы каменных топоров «степных» подтипов (I.2.2 и I.2.3), но и сопутствующий им инвентарь (орнаментированная костяная накладка, набор кремневых наконечников стрел, бронзовый нож удлиненной листовидной формы), а также некоторые категории предметов из других захоронений. Интересно, что связь населения, оставившего могильник у с. Кёнделен, со степными соседями не ограничивается только эпохой средней бронзы – открытые здесь погребения предшествующего времени, относящиеся к майкопской культуре, так же носят вполне определенные черты связей с традициями «степного майкопа».

ЛИТЕРАТУРА И АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Андреева М.В., 2014. Восточноманычская культура: анализ материалов погребальных памятников. М.: ТАУС. 272 с.

Анфимов Н.В., 1970-1971. Отчет о раскопках курганов близ ст. Роговской (Тимашевский р-н, Краснодарский край), производившихся в 1970–1971 гг. // Архив ИА РАН Р-1 № 6123.

Афанасьев Г.Е., 1975. Отчет о работе объединенной археологической экспедиции Пятигорского музея краеведения на Кавказских Минеральных Водах и Северо-Осетинского научно-исследовательского института истории, языка и экономики в 1975 г. // Архив ИА РАН Р-1 № 5443.

Бабенко В.А., 2001. Отчет о раскопках курганного могильника «Барханчак-2» в окрестностях г. Ипатово Ипатовского района Ставропольского края в 2001 г. // Архив ИА РАН Р-1 №№ 26055–26056.

Бабенко В.А., 2003. Отчет об охранных раскопках курганного могильника «Белый уголь 2» на юго-западной окраине г. Ессентуки Ставропольского края в 2003 г. // Архив ИА РАН Р-1 №№ 28304–28305.

Батчаев В.М., 1984. Погребальные памятники у селений Лечинкай и Былым // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972–1979 гг. Т. I. Нальчик: Эльбрус. С. 112–165.

Батчаев В.М., 1999. Отчет о новостроечной археологической экспедиции 1999 года в Предгорном районе Ставропольского края (курганный могильник «Горячеводский-1») // Архив ИА РАН Р-1 №№ 23467–23468.

Батчаев В.М., 2002. Отчет об археологических экспедициях 2002 года (Железноводск, Прогресс, Горячеводск) // Архив ИА РАН Р-1 №№ 27311–27312.

Бейсов Г.С., 1980. Отчет об исследовании кургана у с. Ново-Батайское Азовского района Ростовской обл. в 1980 г. // Архив ИА РАН Р-1 № 8085.

Белинский И.В., 1989. Отчет о работах Манычского отряда археологической экспедиции Азовского краеведческого музея в 1989 г. // Архив ИА РАН Р-1 №№ 16603, 16812.

Березин С.Я., 2009. Отчет об археологических раскопках курганного могильника «Энергетик-3» та территории города Железноводска, курганного могильника «Лермонтов-3» на территории города Лермонтов, курганного могильника «Прогресс-2» на территории Кировского района Ставропольского края в 2009 г. // Архив ИА РАН Р-1 №№ 38428–38429.

Березин С.Я., 2010. Отчет об археологических раскопках курганного могильника «Прогресс-2» на территории Кировского района Ставропольского края в 2010 г. // Архив ИА РАН Р-1 №№ 40419–40420.

Березин Я.Б., 1999. Отчет о раскопках курганных могильников «Птичье-3» Изобильненского района, «Успенский-2», «Расшеватский-1», «Расшеватский-4», «Расшеватский-5» Новоалександровского района Ставропольского края в 1999 г. // Архив ИА РАН Р-1 №№ 22358–22361.

Березин Я.Б., 2000. Отчет о раскопках курганного могильника «Иноземцево-1» на территории г. Железноводска Ставропольского края в 2000 г. // Архив ИА РАН Р-1 №№ 24526–24528.

Березин Я.Б., Калмыков А.А., 1998. Курган у села Красногвардейское Ставропольского края // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. 1. Ставрополь: Полиграф. С. 55–95.

Бетрозов Р.Ж., 1974. Курган эпохи бронзы у с. Старый Черек // Археолого-этнографический сборник. Нальчик: Эльбрус. С. 3–13.

Бетрозов Р.Ж., Нагоев А.Х., 1973. Отчет о раскопках курганов в бассейне реки Чегем в 1973 г. // Архив ИА РАН Р-1 № 5090.

Бетрозов Р.Ж., Нагоев А.Х., 1984. Курганы эпохи бронзы у селений Чегем I, Чегем II и Кишпек (1-я и 3-я группы) // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972–1979 гг. Т. I. Нальчик: Эльбрус. С. 7–87.

Бианки А.М., Днепровский К.А., 1988. Об одном из вариантов погребального обряда майкопской культуры // Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп: Изд-во Адыгейского НИИЭЯЛИ. С. 71–85.

Бочкарев В.С., 1979. Отчет о работе Батуринского отряда Кубанской экспедиции за 1979 г. в Брюховецком районе краснодарского края // Архив ИА РАН Р-1 № 7581.

Бочкарев В.С., 1982. Отчет Кубанской экспедиции 1982 года о раскопках курганов в Тимашевском и Кореновском районах Краснодарского края // Архив ИА РАН Р-1 № 9605.

Бочкарев В.С., 1983. Отчет о работе Кубанской экспедиции в Приморско-Ахтарском районе Краснодарского края в 1983 г. // Архив ИА РАН Р-1 № 9594.

Бочкарев В.С., Бестужев Г.Н., Бианки А.М., Трифонов В.А., 1991. Раскопки курганов у станицы Брюховецкой Краснодарского края в 1978 г. // Древние культуры Прикубанья: по материалам археологических работ в зонах мелиорации Краснодарского края. Л.: Наука. С. 3–58.

Братченко С.Н., 1960. Отчет о раскопках у поселка Багаевского Ростовской области в 1960 г. // Архив ИА РАН Р-1 № 2246.

Братченко С.Н., 1976. Нижнее Подонье в эпоху средней бронзы: периодизация и хронология памятников. Киев: Наукова думка. 249 с.

Братченко С.Н., 2001. Донецька катакомбна культура раннього етапу. Луганськ: Шлях. 196 с.

Брашинский И.Б., Демченко А.И., Марченко К.К., 1967. Отчет о работах Южно-Донской археологической экспедиции в 1967 г. // Архив ИА РАН Р-1 № 3568.

Бронзовый век…, 2013 – Бронзовый век. Европа без границ. Четвертое – первое тысячелетия до н.э.: каталог выставки. СПб.: Чистый лист. 648 с.

Виноградов В.Б., Козенкова В.И., Крупнов Е.И., Марковин В.И., Мунчаев Р.М., 1966. Полный научный отчет о работах Северо-Кавказской археологической экспедиции летом 1966 года // Архив ИА РАН Р-1 № 3293.

Виноградов В.Б., Рунич А.П., 1969. Новые данные по археологии Северного Кавказа // Археолого-этнографический сборник. Т. III. Грозный: Чечено-Ингушское книжное изд-во.С. 95–138.

Виноградов В.Б., Хашегульгов Б.М., 1988. Бельтинский могильник эпохи бронзы (материалы раскопок 1978 и 1980 годов) // Погребальный обряд древнего и средневекового населения Северного Кавказа. Орджоникидзе: РИО СОГУ. С. 78–98.

Гаджиев М.Г., 1983. Поселения горного Дагестана эпохи ранней бронзы // Древние и средневековые поселения Дагестана. Махачкала: Изд-во ИИЯЛ Дагестанского филиала АН СССР. С. 6–42.

Гаджиев М.Г., 1988. Камнеобработка в Дагестане в эпоху ранней бронзы // Промыслы и ремесла древнего и средневекового Дагестана. Махачкала: Изд-во ИИЯЛ Дагестанского филиала АН СССР. С. 7–21.

Гаджиев М.Г., 1997. Отчет о работе Дагестано-Американской археологической экспедиции в 1997 г. // Архив ИА РАН Р-1 №№ 22143–22146.

Гаджиев М.Г., 1998. Отчет о работе Дагестано-Американской археологической экспедиции в 1998 г. // Архив ИА РАН Р-1 №№ 21547–21548.

Гак Е.И., Калмыков А.А., 2013. Металлический инвентарь курганных погребений позднеямного – катакомбного времени Егорлык-Калаусского междуречья // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. XI. М.: Памятники исторической мысли. С. 117–158.

Гак Е.И., Клещенко А.А., 2016. Металл северокавказской культуры Закубанья (химико-технологическая оценка) // КСИА. Вып. 243. М. С. 173–193.

Гей А.Н., 1979–1980. Отчет о работе Понурского отряда Северо-Кавказской экспедиции в 1979-1980 гг. (раскопки курганов 2–14 могильника Лебеди I) // Архив ИА РАН Р-1 № 10857.

Гей А.Н., 1986. Погребение литейщика новотиторовской культуры из Нижнего Прикубанья // Археологические открытия на новостройках. Вып.1. М.: Наука. С. 13–32.

Гей А.Н., 2000. Новотиторовская культура. М.: ТОО «Старый сад». 224 с.

Гриневич К.Э., 1949. Отчет о работе Кабардинской археологической экспедиции за 1949 г. // Архив ИА РАН Р-1 № 350.

Гриневич К.Э., 1950. Кабардинский ГПИ // ВДИ. №4 (34). М. С. 207–210.

Гриневич К.Э., 1951. Новые данные по археологии Кабарды // МИА. № 23. М.; Л.: Изд-во АН СССР. С. 125–139.

Гумилевский И.С., 1952. Отчет о раскопках кургана №2 на Константиновском плато близ города Пятигорска (июль-октябрь 1952 года) // Архив ИА РАН Р-1 № 1495.

Деген Б.Е., 1941. Курганы в Кабардинском парке г. Нальчика // МИА. № 3. М.; Л.: Изд-во АН СССР. С. 213–316.

Дергачев В.В., Манзура И.В., 1991. Погребальные комплексы позднего Триполья: Свод источников. Кишинев: Штиинца. 333 с.

Державин В.Л., 1980. Отчет о работах Александровского отряда Ставропольской экспедиции Института археологии АН СССР за 1980 год // Архив ИА РАН Р-1 № 8713.

Державин В.Л., 1989. Погребения бронзового века из курганов у хут. Веселая Роща (по материалам Ставропольской экспедиции 1980 г.) // Древности Ставрополья. М.: Наука. С. 125–194.

Ефимов В.М., Ковалева В.Ю., 2008. Многомерный анализ биологических данных: Учебное пособие. СПб.: Инновационный центр защиты растений (ВИЗР). 87 с.

Житников В.Г., 1984. Отчет о работе Константиновского отряда Ростовского госуниверситета в зоне строительства Константиновской оросительной системы в 1984 г. // Архив ИА РАН Р-1 № 10321.

Зельдина В.Я., 1978. Отчет о работах (Донской археологической экспедиции ИА АН СССР) в 1978 году. Том II // Архив ИА РАН Р-1 № 8102.

Иванова С.В., Цимиданов В.В., 1998. Погребения с топорами в ямной культуре Северо-Западного Причерноморья // Наукові праці історичного факультету ЗДУ. Вип. IV. Запоріжжя: Просвіта. С. 141–157.

Иванова С.В., Петренко В.Г., Ветчинникова Н.Е., 2005. Курганы древних скотоводов междуречья Южного Буга и Днестра. Одесса: Изд-во КП ОГТ. 207 с.

Иессен А.А., 1941а. Археологические памятники Кабардино-Балкарии // МИА. № 3. М.; Л.: Изд-во АН СССР. С. 7–50.

Иессен А.А., 1941б. Река Баксан, 1934 г. // Археологические исследования в РСФСР 1934-1936 гг.: краткие отчеты и сведения. М.; Л.: Изд-во АН СССР. С. 220–236.

Ильюков Л.С., 1981. Отчет об исследовании археологических памятников в Мартыновском районе Ростовской области в 1981 г. // Архив ИА РАН Р-1 № 8867.

Ильюков Л.С., Яценко В.В., 2013. Курганы раннего этапа эпохи средней бронзы из Нижнего Подонья // Археологические записки. Вып. 8. Ростов-на-Дону: Альтаир. С. 248–264.

Ионе Г.И., 1963. Отчет о полевых археологических работах сектора археологии КБНИИ в 1963 г. // Архив ИА РАН Р-1 № 3395.

Казакова Л.М., 1972. Отчет об исследованиях разрушаемых археологических памятников в зонах строительства рисовых совхозов «Большовский», «Дубенцовский» (Цимлянский район Ростовской обл.) // Архив ИА РАН Р-1 № 4980.

Калмыков А.А., Кореневский С.Н., 2001. Новое погребение с бронзовым топором эпохи средней бронзы из степного Предкавказья // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. 2: Археология, антропология, палеоклиматология. М.: Памятники исторической мысли. С. 52–63.

Каменецкий И.С., Маршак Б.И., Шер Я.А., 2013. Анализ археологических источников: Возможности формализованного подхода. Изд. 2-е. М.: ИА РАН. 182.

Каминская И.В., 1983. Отчет о раскопках курганов в ст. Отрадной Отрадненского района Краснодарского края в 1983 году // Архив ИА РАН Р-1 № 9245.

Канивец В.И., 1957. Отчет о раскопках памятников бронзового века на Сулаке в 1957 г. // Архив ИА РАН Р-1 №№ 1606–1608.

Капошина С.И., Шарафутдинова Э.С., Ефанов Ю.П., Кияшко В.Я., Кастанян Е.Г., Мелентьев А.Н., Манцевич А.П., 1961. Исследования Кобякова городища. Работы Кобяковской экспедиции в 1961 году // Архив ИА РАН Р-1 № 2368.

Капошина С.И., Шарафутдинова Э.С., Пругло В.И., Косяненко В.М., Мелентьев А.Н., 1961. Отчет о работах Кобяковской экспедиции в 1962 году // Архив ИА РАН Р-1 № 2497.

Караев Б.З., 2008. Отчет о раскопках курганных могильников: «Дзуарикау – II» (курганы 6,7); «Фиагдон – II» (курган 1); «Фиагдон – III» (курган 1, 2, 3, 8, 9, 10, 11, 12); «Хаталдон – I» (курганы 1, 2); «Хаталдон – II» (курган 1) в Алагирском районе Республики Северная Осетия – Алания в 2008 г. // Архив ИА РАН Р-1 №№ 31396–31398.

Каталог собрания древностей..., 1907 – Каталог собрания древностей графа А.С. Уварова. Отделы III-VI. М: Типография общества распространения полезных книг. 202 с.

Кияшко А.В., 1999. Происхождение катакомбной культуры Нижнего Подонья. Волгоград: Изд-во Волгогр. гос. ун-та. 182 с.

Кияшко А.В., 2002. Культурогенез на востоке катакомбного мира. Волгоград: Изд-во Волгогр. гос. ун-та. 268 с.

Клещенко А.А., 2011а. Северокавказская культура Закубанья / Автореф. дисс. … канд. ист. наук. М.: ИА РАН. 22 с.

Клещенко А.А., 2011б. Северокавказская культура Закубанья / Дисс. … канд. ист. наук. М. // Архив ИА РАН Р-2 № 2801.

Клещенко А.А., 2011в. Бронзовые ножи и шилья раннего этапа эпохи средней бронзы Закубанья // КСИА. Вып. 225. М. С. 88–99.

Клещенко А.А., 2013. Керамический комплекс закубанского варианта северокавказской культуры // РА. № 2. С. 37–43.

Клещенко А.А., 2014. Ямный компонент в сложении погребальной обрядности северокавказской культуры эпохи средней бронзы // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 11. Оренбург: ООО «ИПК Университет». С. 138–150.

Клещенко А.А., 2015а. Отчет о раскопках курганов №№ 422, 423, 424, 425 и 426 Курганной группы «Кёнделенская Первая», расположенной на территории Баксанского и Эльбрусского районов Кабардино-Балкарской Республики в 2014 г. // Архив ИА РАН Р-1. №№ 50131-50136.

Клещенко А.А., 2015б. Курганы эпохи бронзы Центрального Предкавказья // Институт археологии: новые экспедиции и проекты. М.: ИА РАН. С. 28–29.

Клещенко А.А., 2017. Курганная группа «Кёнделенская I»: эталонный памятник северокавказской культуры // V (XXI) Всероссийский археологический съезд. Сб. науч. тр. Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та. С. 476–477.

Клещенко А.А., Атабиев Б.Х., 2016. Исследование курганной группы Кёнделенская I в Эльбрусском и Баксанском районах Кабардино-Балкарской Республики // Археологические открытия 2014 года. М.: ИА РАН. С. 232–234.

Ковалев А.А., 2015. Относительная хронология погребальных комплексов раннего периода среднего бронзового века Центрального Предкавказья в контексте окружающих территорий // Кавказ как связующее звено между Восточной Европой и Передним Востоком: диалог культур, культура диалога (к 140-летию А. А. Миллера): Материалы Междунар. науч. конф. и Гумбольдт-лектория. СПб: ИИМК РАН, Евразийское отделение ДАИ, Невская Книжная Типография. С. 137–144.

Ковалев А.А., 2016. «Гладкие» каменные топоры с поперечным орнаментальным пояском: истоки и распространение традиции // Внешние и внутренние связи степных (скотоводческих) культур Восточной Европы в энеолите и бронзовом веке (V–II тыс. до н. э.): Круглый стол, посвященный

80-летию со дня рождения С.Н. Братченко (Санкт-Петербург, 14–15 ноября 2016 г.). Материалы. СПб: ИИМК РАН. С. 29–32.

Ковалева И.Ф., 1984. Север Степного Поднепровья в энеолите – бронзовом веке. Днепропетровск: ДГУ. 116 с.

Копылов В.П., 1983. Отчет об исследовании археологических памятников в зоне строительства Константиновской оросительной системы в 1983 г. // Архив ИА РАН Р-1 № 9593.

Кореневский С.Н., 1982. Отчет о раскопках на Кавминводах в 1982 г. курганной группы урочища Клин-Яр у г. Кисловодска // Архив ИА РАН Р-1 № 9059.

Кореневский С.Н., 1983. Отчет о работах на Кавминводах в 1983 г. // Архив ИА РАН Р-1 № 9659.

Кореневский С.Н., 1986. Отчет о работе Предгорного отряда Ставропольской экспедиции в 1986 г. // Архив ИА РАН Р-1 № 10926.

Кореневский С.Н., 1988. Отчет о работе Предгорной экспедиции в 1988 г. // Архив ИА РАН Р-1 №№ 14135–14138.

Кореневский С.Н., 1990а. Памятники населения бронзового века Центрального Предкавказья. М.: ИА РАН. 174 с.

Кореневский С.Н., 1990б. Отчет о работе Предгорной экспедиции в 1990 г. // Архив ИА РАН Р-1 № 15839.

Кореневский С.Н., 1993. Погребения с каменными топорами эпохи средней бронзы в Центральном Предкавказье // Социальная дифференциация общества (поиски археологических критериев). М.: Наука. С. 78–92.

Кореневский С.Н., 2004. Древнейшие земледельцы и скотоводы Предкавказья: Майкопско-новосвободненская общность, проблемы внутренней типологии. М.: Наука. 243 с.

Кореневский С.Н., 2013. Втульчатое оружие из камня и кости в погребальном обряде майкопско-новосвободненской общности // КСИА. Вып. 229. М. С. 11–24.

Кореневский С.Н., 2015. Две новые находки эпохи энеолита – бронзового века с реки Фарс (Западное Предкавказье) // Археология, этнография и антропология Евразии. Т. 43. № 1. Новосибирск: Изд-во ИАЭ СО РАН. С. 40–46.

Кореневский С.Н., 2017. Оружие в комплексах культур начала медно-бронзового века (V–IV тысячелетия до н.э.). Очерки военизации древних обществ по данным археологии. Подунавье, юг Восточной Европы, Кавказ, Ближний Восток. М.: ТАУС. 284 с.

Кореневский С.Н., 2018. О символике погребений с оружием ударного действия у племен Кавминводской группы и погребения с каменным топором у ст. Галюгаевской (эпоха средней и начала поздней бронзы) // КСИА. Вып. 251. М. С. 43–63.

Кореняко В.А., 1978. Отчет Арзгирского отряда Ставропольской экспедиции ИА АН СССР в 1978 г. // Архив ИА РАН Р-1 № 7468.

Коробкова Г.Ф., Шапошникова О.Г., 2005. Поселение Михайловка – эталонный памятник древнеямной культуры (экология, жилища, орудия труда, системы жизнеобеспечения, производственная структура). СПб.: Европейский Дом. 316 с.

Круглов А.П., Подгаецкий Г.В., 1941. Долинское поселение у г. Нальчика // МИА. № 3. М.; Л.: Изд-во АН СССР. С. 147–212.

Крупнов Е.И., 1941. Археологические памятники Ассинского ущелья // Труды ГИМ. Вып. XII. М.: Издание ГИМ. С. 157–198.

Крупнов Е.И., 1948. Полный научный отчет о результатах Северо-Кавказской археологической экспедиции 1948 года // Архив ИА РАН Р-1 №№ 280, 284.

Крупнов Е.И., 1949а. Археологические исследования на Северном Кавказе // КСИИМК. Вып. XXVII. М.; Л.: Изд-во АН СССР С. 11–20.

Крупнов Е.И., 1949б. Отчет о работе археологической экспедиции 1947 г. в Кабардинской АССР // Ученые записки КНИИ. Т. IV. Нальчик: Кабардинское книжное изд-во. С. 281–328.

Крупнов Е.И., 1950а. Археологические исследования в Кабардинской АССР в 1948 г. // Ученые записки КНИИ. Т. V. Нальчик: Кабардинское книжное изд-во. С. 195–275.

Крупнов Е.И., 1950б. Археологические работы в Кабарде и Грозненской области // КСИИМК. Вып. XXXII. М.; Л.: Изд-во АН СССР С. 85–100.

Крупнов Е.И., 1951. Материалы по археологии Северной Осетии докобанского периода (опыт периодизации памятников эпохи энеолита и бронзы) // МИА. № 23. М.; Л.: Изд-во АН СССР. С. 17–74.

Крупнов Е.И., 1957. Древняя история и культура Кабарды. М.: Изд-во АН СССР. 157 с.

Крупнов Е.И., Кузнецов В.А., Марковин В.И., Мерперт Н.Я., Милорадович О.В., Мунчаев Р.М., 1959. Полный научный отчет объединенной Северо-Кавказской археологической экспедиции 1960 г. // Архив ИА РАН Р-1 № 2183.

Лагоцкий К.С., 1972. Отчет о работах первого Манычского отряда Донской экспедиции в 1972 г. // Архив Азовского историко-археологического и палеонтологического музея-заповедника. № АКМ КП 134114/ОА 1.

Ларенок В.А., Ларенок П.А., 1990. Отчет о работе отдела полевых исследований ТЛИАМЗ в 1990 г. (курганный могильник у х. Семенкин Волгодонского района Ростовской области) // Архив ИА РАН Р-1 №№ 15112–15114.

Лесков А.М., Днепровский К.А., 1984. Отчет о работе Кавказской археологической экспедиции Государственного музея искусства народов Востока в 1984 году // Архив ИА РАН Р-1 № 10482.

Магомедов Р.Г., 1998. Гинчинская культура. Махачкала: Изд-во ДНЦ РАН. 378 с.

Марковин В.И., 1959. О происхождении северокавказской культуры // СА. № 1. С. 3–20.

Марковин В.И., 1960. Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы (II тыс. до н.э.) // МИА. № 93. М.: Изд-во АН СССР. 149 с.

Марковин В.И., 1963. Новый могильник эпохи бронзы в горной Чечне (могильник у сел. Гатын-Кале) // Древности Чечено-Ингушетии. М.: Изд-во АН СССР. С. 49–135.

Марковин В.И., 1976. Степи и Северный Кавказ: об изучении взаимосвязи древних племен // Восточная Европа в эпоху камня и бронзы. М.: Наука. С. 193–200.

Марковин В.И., 1994а. Северокавказская культурно-историческая общность // Археология. Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии: Ранняя и средняя бронза Кавказа. М.: Наука. С. 254–286.

Марковин В.И., 1994б. Северо-Восточный Кавказ в эпоху бронзы // Археология. Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии: Ранняя и средняя бронза Кавказа. М.: Наука. С. 287–333.

Марковин В.И., 1999. Константиновская группа курганов эпохи бронзы у г. Пятигорска // Древности Северного Кавказа. М.: ИА РАН. С. 24–60.

Марковин В.И., Мерперт Н.Я., Мунчаев Р.М., Крупнов Е.И., 1959. Полный научный отчет Северо-Кавказской археологической экспедиции о работах, проведенных в Чечено-Ингушетии в 1959 г. // Архив ИА РАН Р-1 № 2018.

Марченко И.И., Николаева Н.А., Сафронов В.А., 1979. Отчет о работе Северо-Кавказской археологической экспедиции Северо-Осетинского гос. университета им. К.Л. Хетагурова (СОГУ) в Краснодарском крае в 1979 г. // Архив ИА РАН Р-1 №№ 7863–7866.

Маслов В.Е., 2007. Отчет об археологических раскопках курганных могильников «Учебный-1», «Матвеевский-1», «Пролетарский-1» на территории Прохладненского района Кабардино-Балкарской Республики в 2007 году // Архив ИА РАН Р-1 №№ 48229–48230.

Мизиев И.М., Бетрозов Р.Ж., 1972. Отчет о раскопках курганов на реках Чегем и Баксан в 1972 г. // Архив ИА РАН Р-1 № 4758.

Мизиев И.М., Бетрозов Р.Ж., Нагоев А.Х., 1973. Археологические раскопки 1972 года в Кабардино-Балкарии. Нальчик: Эльбрус. 58 с.

Милорадович О.В., 1956. Новые археологические находки в Грозненской области // КСИИМК. Вып. 64. М.: Изд-во АН СССР. С. 132–134.

Минаева Т.М., 1947. Могила бронзовой эпохи в г. Ворошиловске // КСИИМК. Вып. XVI. М.; Л.: Изд-во АН СССР. С. 131–138.

Минаева Т.М., 1965. Курган эпохи бронзы у с. Старо-Михайловка // Новое в советской археологии. М.: Наука. С. 96–99.

Мошкова М.Г., Максименко В.Е., 1971. Работы Багаевской экспедиции в 1971 г. // Архив ИА РАН Р-1 № 4267.

Мунчаев Р.М., 1962. Памятники майкопской культуры в Чечено-Ингушетии // СА. №3. С. 176–198.

Нагоев А.Х., 1972. Отчет о раскопках курганов в Чегемском районе Кабардино-Балкарской АССР в 1972 г. // Архив ИА РАН Р-1 № 4966.

Нехаев А.А., 1978. Отчет о раскопках курганов в Кореновском районе Краснодарского края в 1978 г. // Архив ИА РАН Р-1 № 7329.

Нехаев А.А., 1979. Отчет о раскопках в Кореновском и Выселковском районах Краснодарского края в 1979 г. // Архив ИА РАН Р-1 № 7551.

Нехаев А.А., 1980. Отчет о раскопках в Кореновском и Динском районах Краснодарского края в 1980 г. // Архив ИА РАН Р-1 № 9708.

Нечитайло А.Л., 1963. Отчет о раскопках у станицы Усть-Джегутинской в Прикубанском районе, 1963 г. // Архив ИА РАН Р-1 № 2792.

Нечитайло А.Л., 1964. Отчет о раскопках у станицы Усть-Джегутинской Ставропольского края в 1964 году // Архив ИА РАН Р-1 № 2872.

Нечитайло А.Л., 1966. Отчет о раскопках курганов у ст. Суворовской Ставропольского края в 1966 г. // Архив ИА РАН Р-1 № 3298.

Нечитайло А.Л., 1978. Верхнее Прикубанье в бронзовом веке. Киев: Наукова думка. 150 с.

Нечитайло А.Л., 1979. Суворовский курганный могильник. Киев: Наукова думка. 84 с.

Николаева Н.А., 1981. Периодизация кубано-терской культуры. Исторические судьбы КТК в катакомбную эпоху // Катакомбные памятники Северного Кавказа (на обложке – «Катакомбные культуры Северного Кавказа»). Орджоникидзе: Северо-Осетинский гос. ун-т. С. 77–100.

Николаева Н.А., 2011. Этно-культурные процессы на Северном Кавказе в III–II тыс. до н.э. в контексте древней истории Европы и Ближнего Востока. М.: Изд-во МГОУ. 536 с.

Николаева Н.А., Сафронов В.А., 1976. Отчет о работе Северо-Осетинской археологическо-реставрационной экспедиции ВЦНИЛКР Министерства культуры СССР в 1976 году // Архив ИА РАН Р-1 № 6472.

Николаева Н.А., Сафронов В.А., 1977. Отчет о раскопках курганов в с. Ногир Пригородного района, с. Чикола Ирафского района СО АССР, проведенных археолого-реставрационной экспедицией ВЦНИЛКР в 1977 году // Архив ИА РАН Р-1 № 6847.

Николаева Н.А., Сафронов В.А., 1980. Курганный могильник эпохи бронзы у с. Дзуарикау // Проблемы археологии Северной Осетии. Орджоникидзе: Северо-Осетинский гос. ун-т. С. 18–80.

ОАК за 1898 г. – Отчет Императорской археологической комиссии за 1898 год. 1901. СПб.: Типография главного управления уделов. 197 с.

ОАК за 1903 г. – Отчет Императорской археологической комиссии за 1903 год. 1906. СПб.: Типография главного управления уделов. 253 с.

ОАК за 1909 и 1910 гг. – Отчет Императорской археологической комиссии за 1909 и 1910 годы. 1913. СПб.: Типография главного управления уделов. 292 с.

ОАК за 1913–1915 гг. – Отчет Императорской археологической комиссии за 1913-1915 годы. 1918. Петроград: Девятая государственная типография. 295 с.

Панасюк Н.В., 2010. Раннекатакомбные курильницы степного Предкавказья // РА. № 2. С. 25–38.

Паромов Я.М., 1988. Отчет о работе Красноармейского отряда Северо-Кавказской экспедиции ИА АН СССР в 1988 г. // Архив ИА РАН Р-1 №№ 14139–14141.

Петренко В.А., 1978. Отчет об археологических работах на территории Чечено-Ингушской АССР I отряда Предгорно-плоскостной археологической экспедиции Чечено-Ингушского госуниверситета им. Л.Н. Толстого 1978 г. // Архив ИА РАН Р-1 № 7386.

Раев Б.А., Крайсветный М.И., 1986. Отчет о работах Новочеркасской археологической экспедиции Музея истории Донского казачества в 1986 г. // Архив ИА РАН Р-1 № 12575.

Раев Б.А., 1998. Отчет о раскопках кургана «Воронцовский-3» в Динском районе Краснодарского края в 1998 году // Архив ИА РАН Р-1 № 21441.

Раев Б.А., Беспалый Е.И., 2001. Раскопки кургана «Воронцовский-3» в 1998 г. // Археологические исследования на новостройках Краснодарского края. Вып. 1. Краснодар: ООО «Фирма НСС». С. 24–40.

Резепкин А.Д., 2012. Новосвободненская культура (на основе материалов могильника «Клады»). СПб.: Нестор-История. 344 с.

Романовская М.А., 1974. Отчет о раскопках 1974 г. в междуречье р. Сала и р. Маныча // Архив ИА РАН Р-1 № 5662.

Романовская М.А., 1979. Отчет о раскопках курганных групп «Веселая Роща III» и «Веселая Роща II», проведенных Александровским отрядом

Ставропольской экспедиции в мае-октябре 1979 г. // Архив ИА РАН Р-1 № 8489.

Ростунов В.Л., 2000. Отчет о раскопках курганных могильников «Расшеватский-1» и «Расшеватский-5» на территории Новоалександровского района Ставропольского края в 2000 г. // Архив ИА РАН Р-1 №№ 26769–26770.

Ртвеладзе Э.В., 1965. Отчет о раскопках курганов на Константиновском плато в полевом сезоне 1965 года // Архив ИА РАН Р-1 № 3230.

Рунич А.П., 1966. Отчет об археологических разведках в районе Кавминвод за 1966 год // Архив ИА РАН Р-1 № 3251.

Рысин М.Б., 2007. Связи Кавказа с Волго-Уральским регионом в эпоху бронзы (проблемы хронологии и периодизации) // Археологические вести. Вып. 14. СПб.; М.: Наука. С. 184–220.

Самоквасов Д.Я., 1908. Могилы Русской земли. М.: Синодальная типография. 270 с.

Сафронов В.А., 1968. Датировка Бородинского клада // Проблемы археологии. Вып. 1. Л.: Изд-во Ленинград. ун-та. С. 75–128.

Сафронов В.А., 1974. Классификация и датировка памятников бронзового века Северного Кавказа // Вопросы охраны, классификации и использования археологических памятников: Сообщ. научно-методич. совета по охране памятников культуры Министерства культуры СССР. Вып. VII. М.: Знание. С. 23–83.

Саяпин В.В., 1990. Отчет о раскопках могильника Отрадный II экспедицией Ростовского археологического центра в 1990 г. // Архив ИА РАН Р-1 №№ 16846, 17318–17319.

Симакин Г.Я., 1967. Археологические работы на Ставрополье (раскопки курганов на горе Ракитной в г. Кисловодске в 1967 году по открытому листу № 228) // Архив ИА РАН Р-1 № 3460.

Синицин И.В., 1962-1963. Отчет об археологических раскопках в Калмыцкой АССР, произведенных в 1962-1963 гг. // Архив ИА РАН Р-1 № 2791.

Синицин И.В., Эрдниев У.Э., 1966. Новые археологические памятники на территории Калмыцкой АССР (по раскопкам 1962–1963 гг.) // Труды КНИИЯЛИ и КРКМ. Вып. 2. Элиста: Калмиздат. 184 с.

Смоляк А.Р., 1986. Отчет об исследовании курганных могильников в Константиновском районе Ростовской области в 1986 г. // Архив ИА РАН Р-1 № 11425.

Тарабанов В.А., 1984. Отчет об исследовании археологических памятников на землях подсобного хозяйства завода «Сатурн» в Северском районе Краснодарского края в 1984 г. // Архив ИА РАН Р-1 № 9495.

Тарабанов В.А., 1992. Отчет о раскопках двух курганов в зоне строительства микрорайона «Молодежный» в ст. Брюховецкой Краснодарского края в 1992 г. // Архив ИА РАН Р-1 №№ 17148, 17149.

Трифонов В.А., 1991. Степное Прикубанье в эпоху энеолита – средней бронзы (периодизация) // Древние культуры Прикубанья: по материалам археологических работ в зонах мелиорации Краснодарского края. Л.: Наука. С. 92–163.

Трифонов В.А., 2001. Поправки к абсолютной хронологии культур эпохи энеолита – средней бронзы Кавказа, степной и лесостепной зон Восточной Европы // Бронзовый век Восточной Европы: Характеристика культур, хронология и периодизация. Самара: Изд-во Самарского гос. пед. ун-та. С. 71–82.

Уварова П.С., 1900. Материалы по археологии Кавказа. Вып. VIII. М.: Товарищество типография А.И. Мамонтова. 381 с.

Уваров А.С., 1881. Археология России: каменный период. Т. II. М.: Синодальная типография. 474 с.

Файферт А.В., 2014. Курганные погребения раннего бронзового века Нижнего Подонья (свод археологических источников). Ростов-на-Дону: электронное издание. 499 с.

Чеченов И.М., 1965. Новый памятник северокавказской культуры (II тысячелетие до н.э.) // Ученые записки КБНИИ. Т. XXIII. Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное изд-во. С. 297–306.

Чеченов И.М., 1969. Древности Кабардино-Балкарии (материалы к археологической карте). Нальчик: Эльбрус. 151 с.

Чеченов И.М., 1984. Вторые курганные группы у селений Кишпек и Чегем II // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972–1979 гг. Т. I. Нальчик: Эльбрус. С. 164–233.

Чеченов И.М., Батчаев В.М., 1974. Отчет о раскопках курганов эпохи бронзы у сел. Лечинкай Кабардино-Балкарской АССР в 1974 году // Архив ИА РАН Р-1 № 5420.

Чеченов И.М., Батчаев М.М., 1975. Отчет о раскопках II группы курганов эпохи бронзы у села Чегем II в 1975 г. // Архив ИА РАН Р-1 № 6277.

Шапошникова О.Г., Фоменко В.Н., Довженко Н.Д., 1986. Ямная культурно-историческая область (южнобугский вариант) // Археология СССР. Свод археологических источников. Киев: Наукова думка. 158 с.

Шафиев Н.А., 1962. Отчет археологической экспедиции КБГУ 1962 г. // Архив ИА РАН Р-1 № 2476.

Шилов В.П., 1962. Отчет о работах Южно-Донской экспедиции в 1962 г. // Архив ИА РАН Р-1 № 2727.

Шилов В.П., 1984. Отчет о раскопках Волго-Донской археологической экспедиции ИА АН СССР в 1984 г. // Архив ИА РАН Р-1 № 11785.

Шишлина Н.И., 2000. Археологические исследования в Ики-Бурульском районе Калмыкии в 2000 году // Архив ИА РАН Р-1 №№ 22440–22442.

Шишлина Н.И., 2007. Северо-Западный Прикаспий в эпоху бронзы (V–III тыс. до н.э.) // Труды ГИМ. Вып. 165. М.: ООО «Унопринт». 400 с.

Яценко В.С., 2015. Памятники энеолита и раннего бронзового века междуречья Дона, Маныча и Еи. Ростов-на-Дону: ООО «Альтаир». 256 с.

Äyräpää A., 1933. Über die Streitaxtkulturen in Russland // Eurasia Septentrionalis Antiqua. VIII. Helsinki: K.F. Puromienen Kirjapaino O.Y. S. 1–160.

Chantre E., 1885. Recherches anthropologiques dans le Caucase. T. I. Lyon: Imprimerie pitrat aine. 93 p.

Diachenko A., Harper T., 2016. The absolute chronology of Late Tripolye sites: a regional approach // Sprawozdania Archeologiczne. Vol. 68. Kraków: Wrocławska Drukarnia Naukowa PAN. S. 81–105.

Gadzhiev M.G., Kohl Ph.L., Magomedov R.G., Stronach D., Gadzhiev Sh.M., 2005. Daghestan-Amerikan archaeological investigations in Daghestan, 1997–1999 // Древности Кавказа и Ближнего Востока. Махачкала: ООО Издательский дом «Эпоха». С. 52–86.

Kovalyukh N., Videiko M., Skripkin V., 1995. Chronology of sofievka type cemeteries: archaeological and isotopic one // Baltic-Pontic studies. Vol. 3: Cemeteries of the Sofievka type: 2950–2750 BC. Poznań: Adam Mickiewicz University. P. 135–140.

Tallgren A.M., 1931. Zu der nordkaukasischen frühen Bronzezeit // Eurasia Septentrionalis Antiqua. VI. Helsinki: K.F. Puromienen Kirjapaino O.Y. S. 126–135.

A.A. Kleshchenko

STONE SHAFT-HOLE AXES OF THE MIDDLE BRONZE AGE FROM THE FORE-CAUCASUS: CLASSIFICATION AND CHRONOLOGY

Abstract. The paper presents classification and chronological analysis of stone socketed axes discovered in the Fore-Caucasus. The paper consists of six sections. The first section is dedicated to the publication of a number of stone tools discovered during the excavation of the Kendelenskaya I cemetery in Kabardino-Balkaria in 2014. This discovery became the basis of the research. The second section looks into the history of researching this type of finds. The third section describes the contemporary database of 255 tools half of which were discovered in the archaeological context and, therefore, can be reliably dated. The fourth and the fifth

sections contain the classification of this type of tools. The classification is based on mathematical analysis of 17 characteristics with the use of the principal components method which helps identify two main morphological types, each comprising eight subtypes. In this case the position of the shaft-hole on the axe body is the key characteristic of the type, while the variation of the correlation between the length and the width and the degree of curvature of the axe body are used as diagnostical characteristics of subtypes. The analysis of the cultural and chronological context in which axes of various subtypes were discovered includes observations about various types of axes such as the time when the axe of a certain type appeared, how long it was in use, where it was common and also examines issues of likely origin of main axe types. Finally, the sixth section summarizes research results and defines the place of the Kendelenskaya assemblages containing stone shaft-hole axes in the corpus of Middle Bronze Age artifacts. A full indexed catalogue of all axes referred to in the paper with the description of key characteristics of closed assemblages and specific chance finds as well as sources with relevant information is enclosed to the paper.

Keywords: stone shaft-hole axes, Middle Bronze Age, Fore-Caucasus, classification, principal components method, chronology, Kendelenskaya I kurgan group.

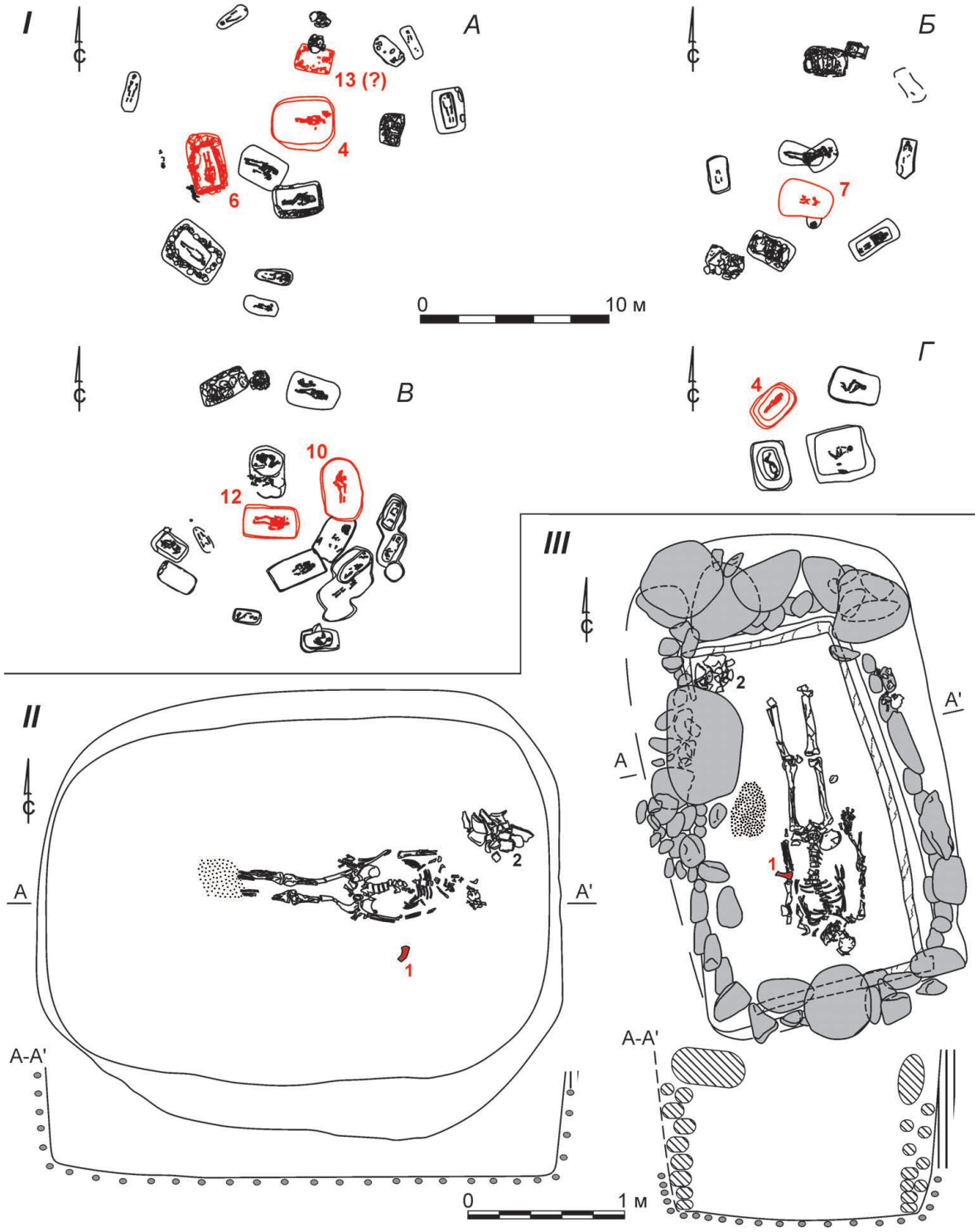


Рис. 1. Местоположение погребений с каменными орудиями из курганов группы Кёнделенская I и погребения кургана 423

I – местоположение погребений в курганах (*А* – № 423, *Б* – № 426, *В* – № 425, *Г* – № 424); *II* – погребение 423/4 (*1* – топор каменный, *2* – сосуд керамический); *III* – погребение 423/6 (*1* – топор каменный, *2* – сосуд керамический)

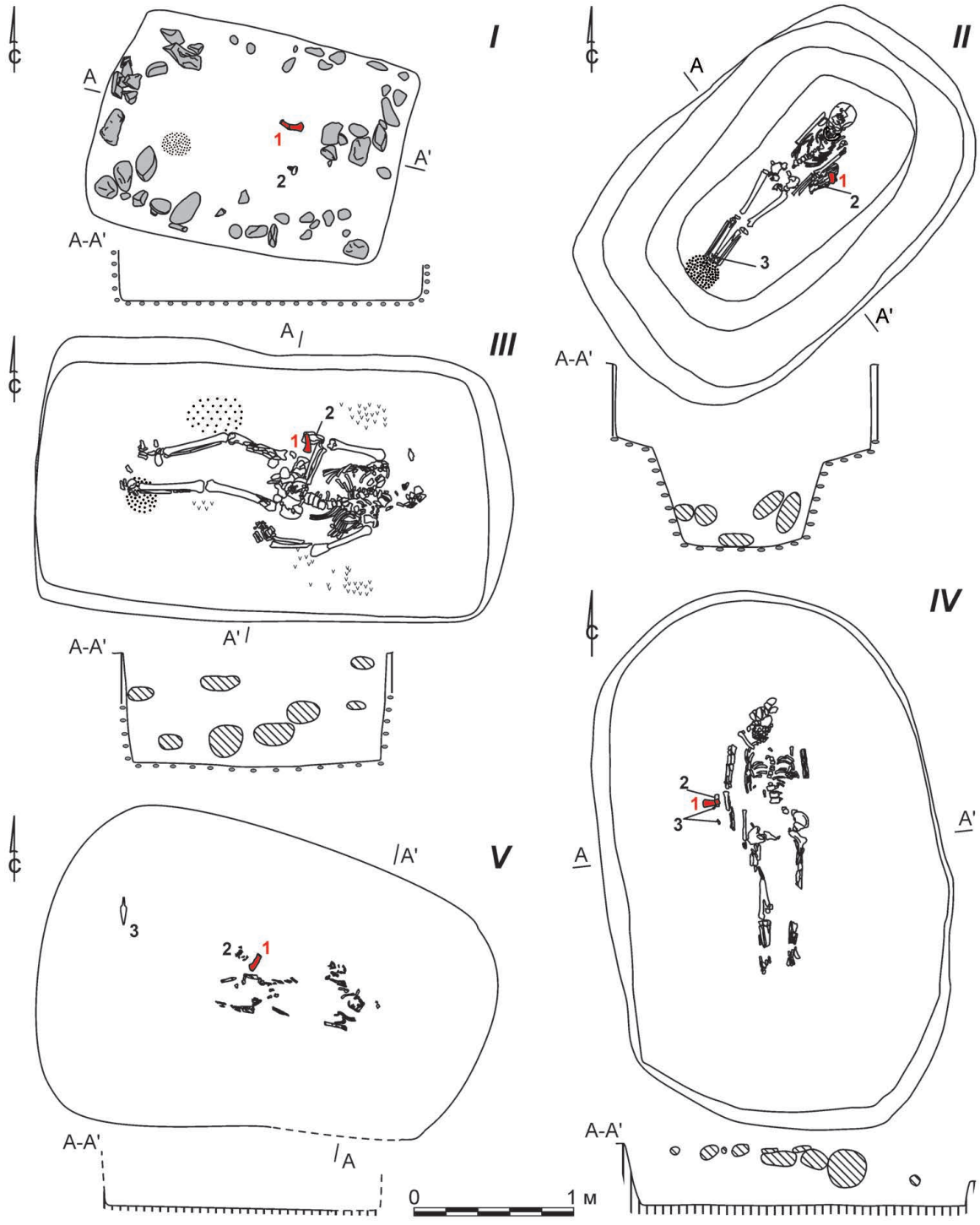


Рис. 2. Погребения с каменными орудиями из курганов группы Кёнделенская I

I – погребение 423/13 (*1* – топор каменный, *2* – фигурка алебастровая); *II* – погребение 424/4 (*1* – топор каменный, *2* – нож бронзовый, *3* – подвески бронзовые); *III* – погребение 425/12 (*1* – топор каменный, *2* – нож бронзовый); *IV* – погребение 425/10 (*1* – топор каменный, *2* – накладка костяная, *3* – отщепы кремневые); *V* – погребение 426/7 (*1* – топор каменный, *2* – наконечники стрел кремневые, *3* – нож бронзовый)

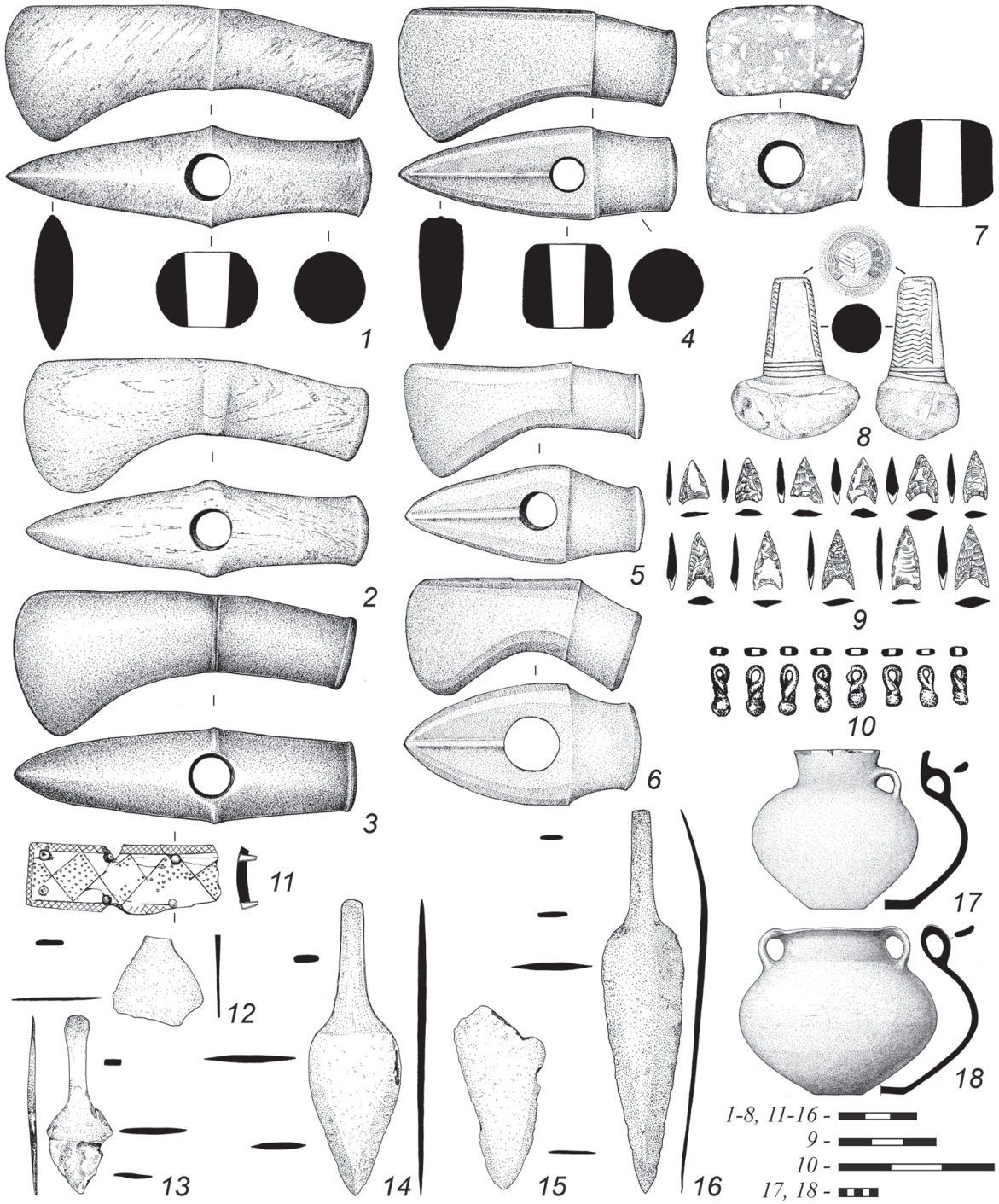


Рис. 3. Каменные орудия из погребений курганной группы Кёнделенская I и сопровождающий инвентарь

1, 8 – погребение 423/13; *2, 9, 16* – погребение 426/7; *3, 14, 15* – погребение 425/12; *4, 11, 12* – погребение 425/10; *5, 18* – погребение 423/6; *6, 17* – погребение 423/4; *7, 10, 13* – погребение 424/4 (*1–6* – топоры каменные, *7* – молоток каменный, *8* – статуэтка алебастровая, *9* – стрелы кремневые, *10* – подвески бронзовые, *11* – накладка костяная, *12–16* – ножи бронзовые и их фрагменты, *17, 18* – сосуды керамические)

Рис. 4. Каменные орудия из погребений курганной группы Кёнделенская I
1 – погребение 423/13, *2* – погребение 426/7, *3* – погребение 425/12, *4* – погребение 425/10, *5* – погребение 423/6, *6* – погребение 424/4, *7* – погребение 423/4

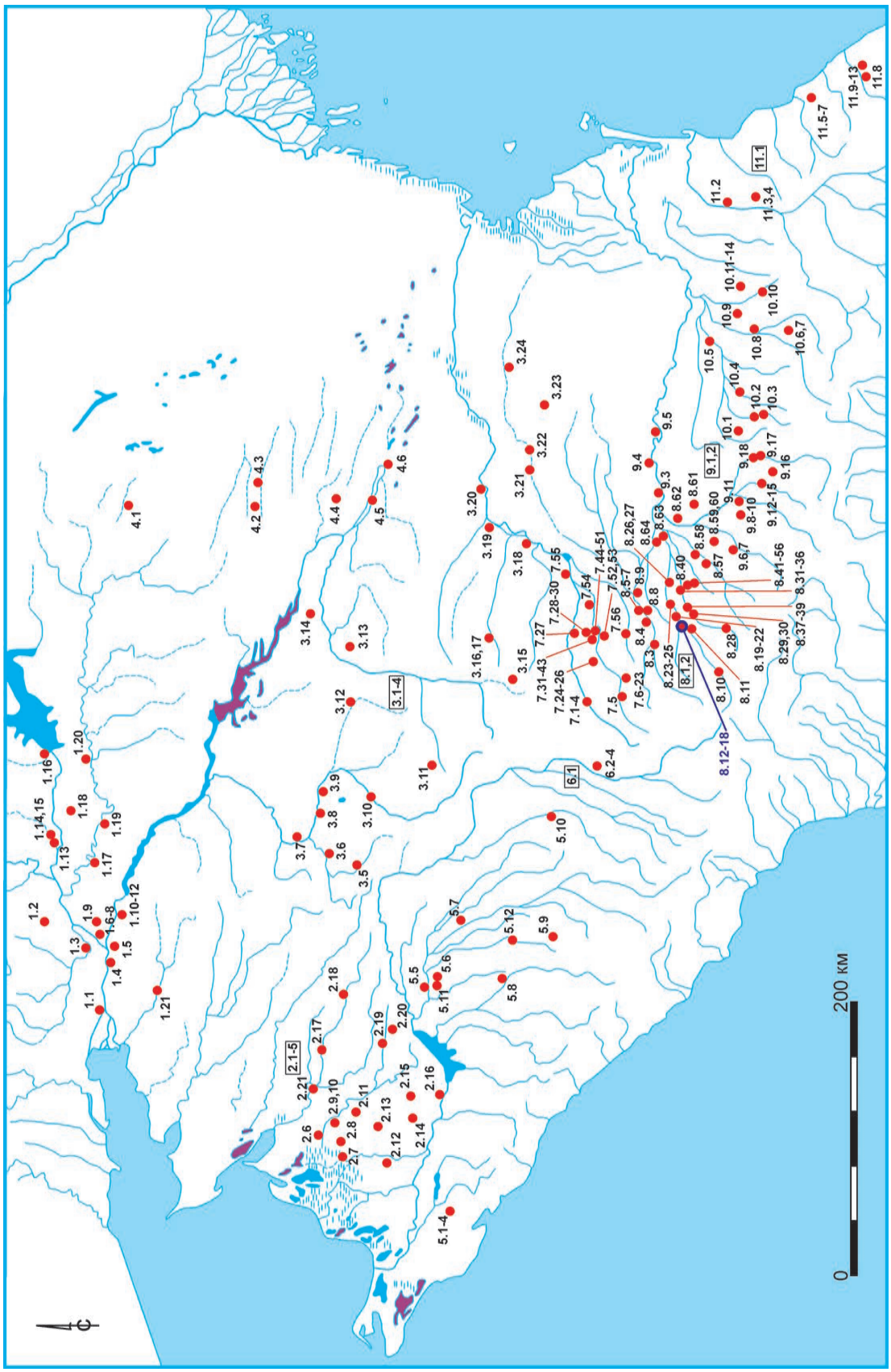


Рис. 5. Находки каменных втульчатых топоров эпохи средней бронзы в Предкавказье (номера находок соответствуют индексам в каталоге)

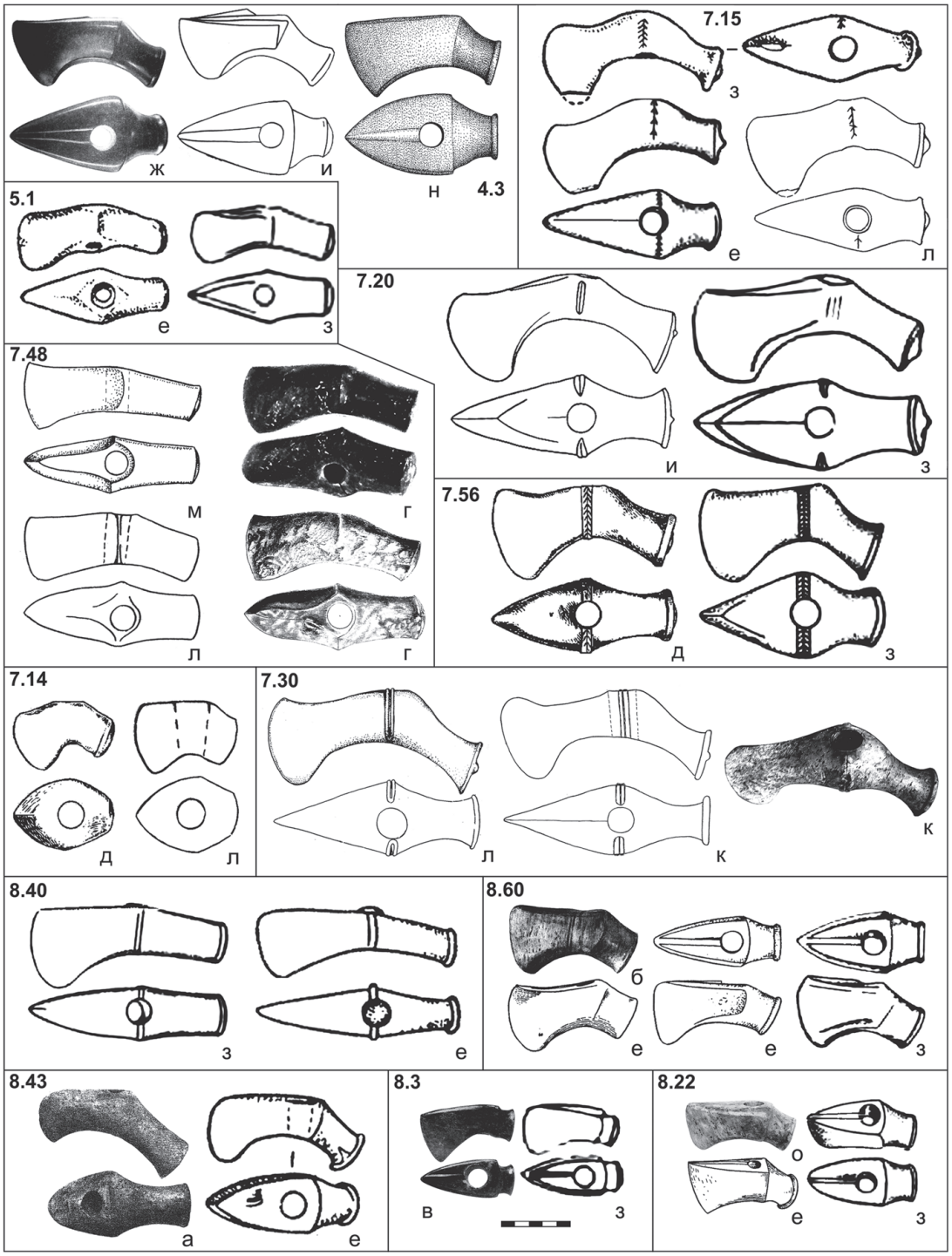


Рис. 6. Примеры изображения каменных втульчатых топоров по различным источникам

Буквами обозначены источники: а – *Круглов, Подгаецкий*, 1941; б – *Крупнов*, 1949а; в – *Гриневич*, 1949; г – *Гумилевский*, 1952; д – *Марковин*, 1959; е – *Марковин*, 1960; ж – *Синицын, Эрдниев*, 1966; з – *Сафронов*, 1968; и – *Сафронов*, 1974; к – *Афанасьев*, 1975; л – *Кореневский*, 1990а; м – *Марковин*, 1999; н – *Шишлина*, 2007; о – Бронзовый век..., 2013. Номера находок соответствуют индексам в каталоге

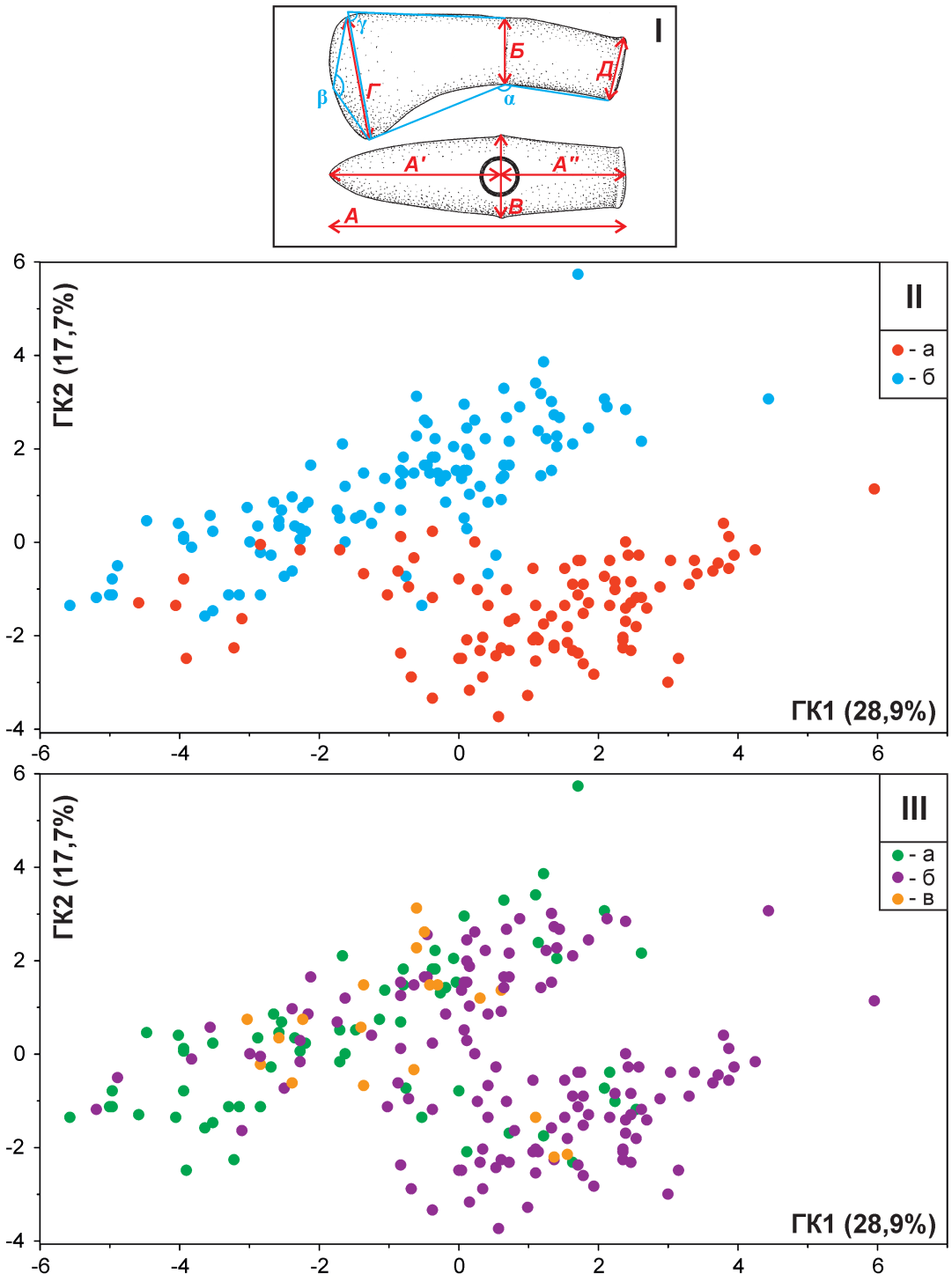


Рис. 7. Графики первичного анализа общей серии каменных втульчатых топоров методом главных компонент (по 17 признакам)

I – отдельные количественные составляющие систематизирующих признаков;
II – дифференциация на основании признака № 1 (а – тип I, б – тип II);
III – дифференциация по географическому признаку (а – Степное Предкавказье, б – Центральное Предкавказье, в – Северо-Восточный Кавказ)

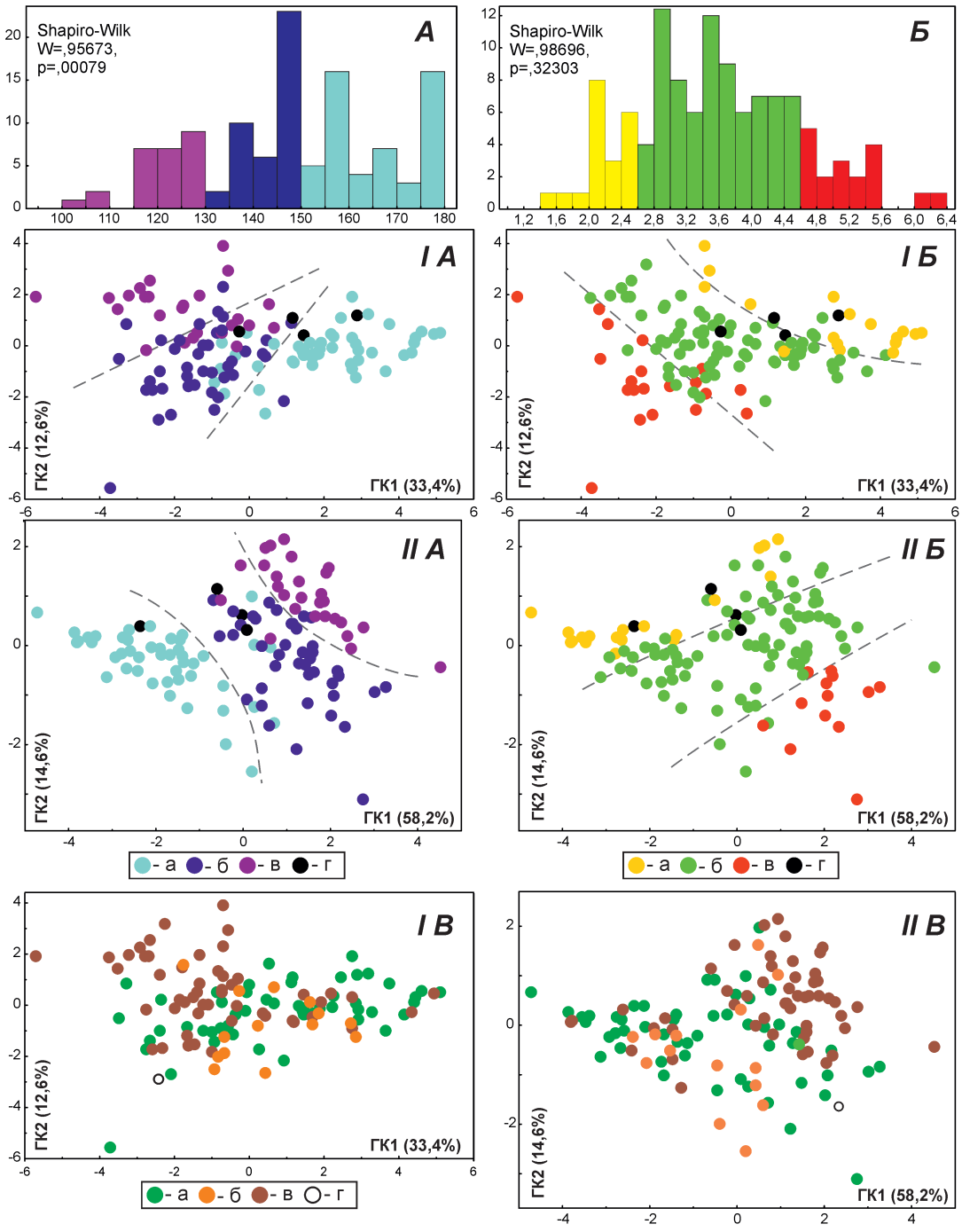


Рис. 8. Графики анализа каменных втульчатых топоров типа I методом главных компонент

I – анализ по 15 признакам, *II* – анализ по 6 признакам; *А* – дифференциация на основании признака № 4 (а – группа 1, б – группа 2, в – группа 3, г – нестандартные), *Б* – дифференциация на основании признака № 5 (а – группа 1, б – группа 2, в – группа 3, г – нестандартные), *В* – дифференциация по географическому признаку (а – Степное Предкавказье, б – Центральное Предкавказье, в – Северо-Восточный Кавказ, г – без точной привязки). Пунктиром показаны условные границы между группами

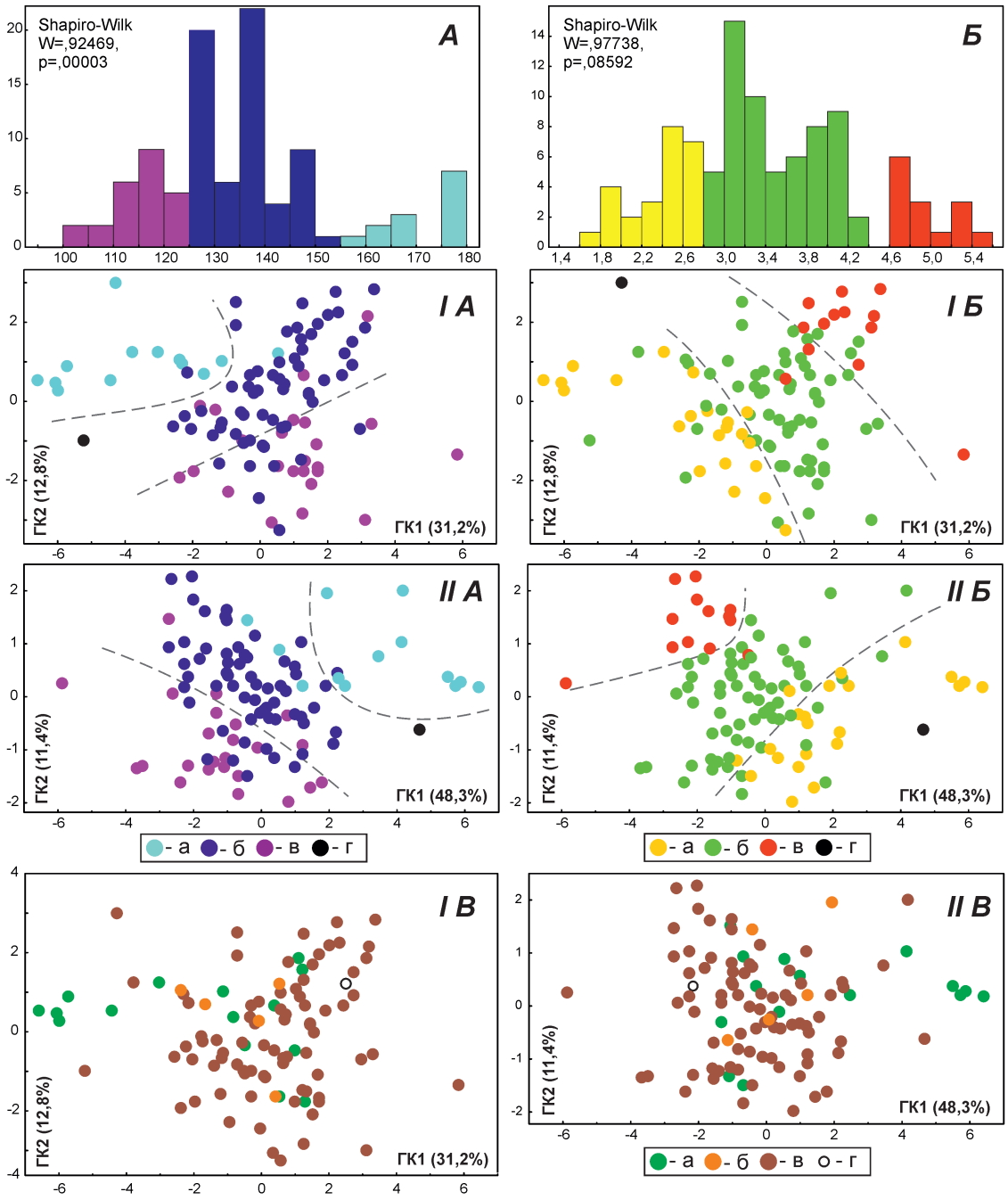


Рис. 9. Графики анализа каменных втульчатых топоров типа II методом главных компонент

I – анализ по 16 признакам, *II* – анализ по 9 признакам; *А* – дифференциация на основании признака № 4 (а – группа 1, б – группа 2, в – группа 3, г – нестандартные), *Б* – дифференциация на основании признака № 5 (а – группа 1, б – группа 2, в – группа 3, г – нестандартные), *В* – дифференциация по географическому признаку (а – Степное Предкавказье, б – Центральное Предкавказье, в – Северо-Восточный Кавказ, г – без точной привязки). Пунктиром показаны условные границы между группами

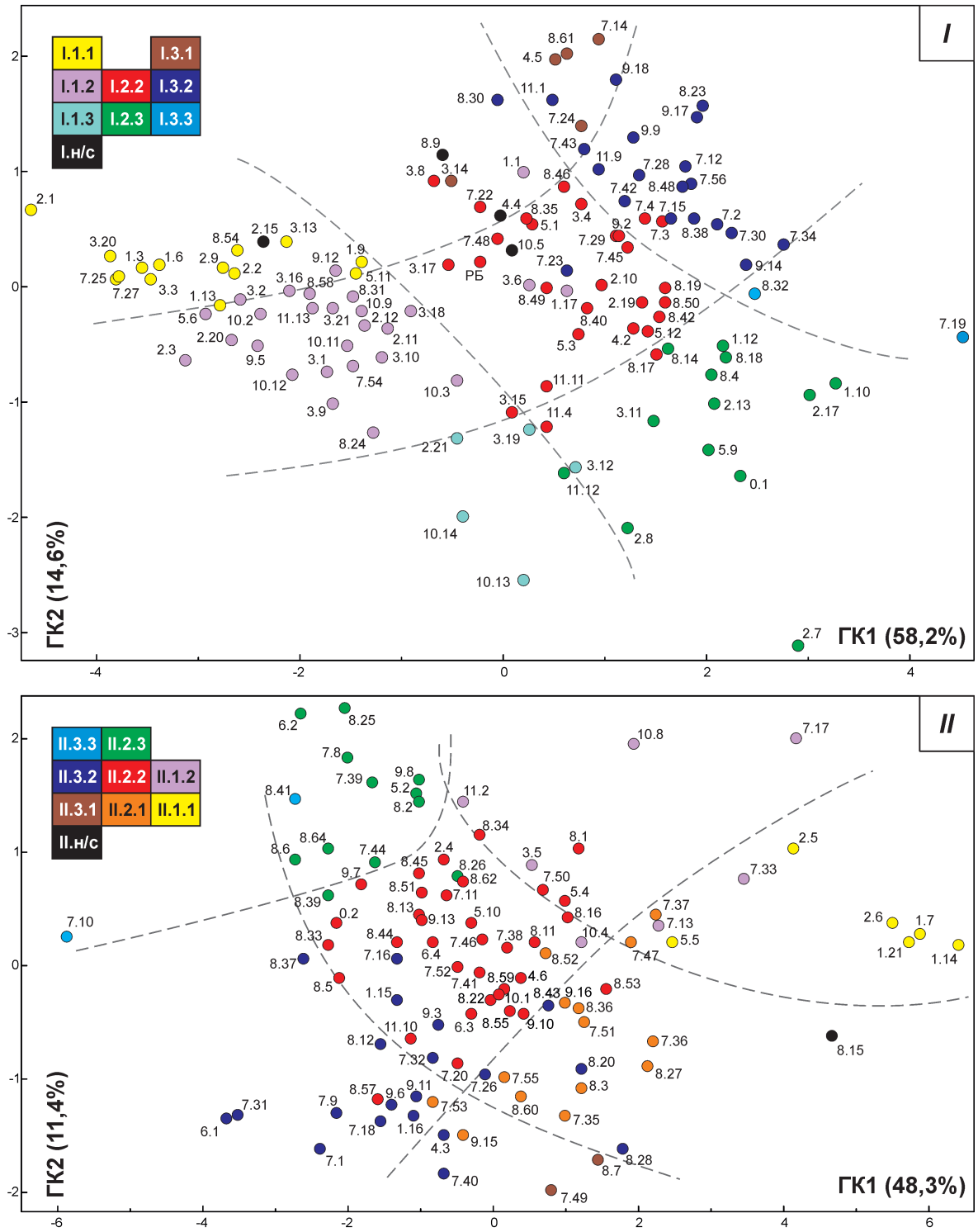


Рис. 10. Итоговые графики анализа каменных втульчатых топоров методом главных компонент

I – тип I и его подтипы (на основе анализа 6 признаков), *II* – тип I и его подтипы (на основе анализа 9 признаков). Номера точек соответствуют индексам находок в каталоге. Пунктиром показаны условные границы между подтипами

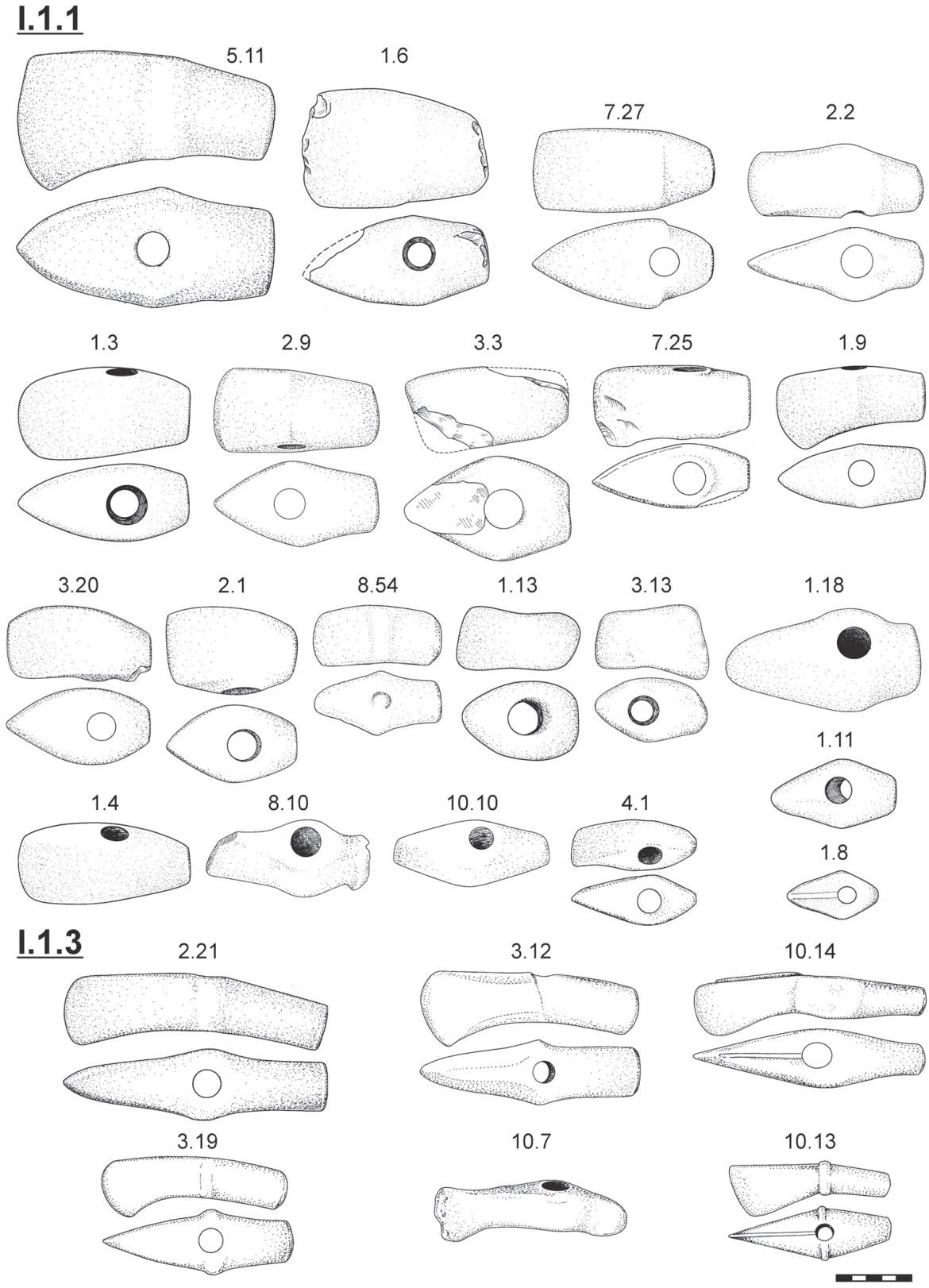


Рис. 11. Классификация каменных втульчатых топоров эпохи средней бронзы Предкавказья. Тип I: подтипы I.1.1 и I.1.3

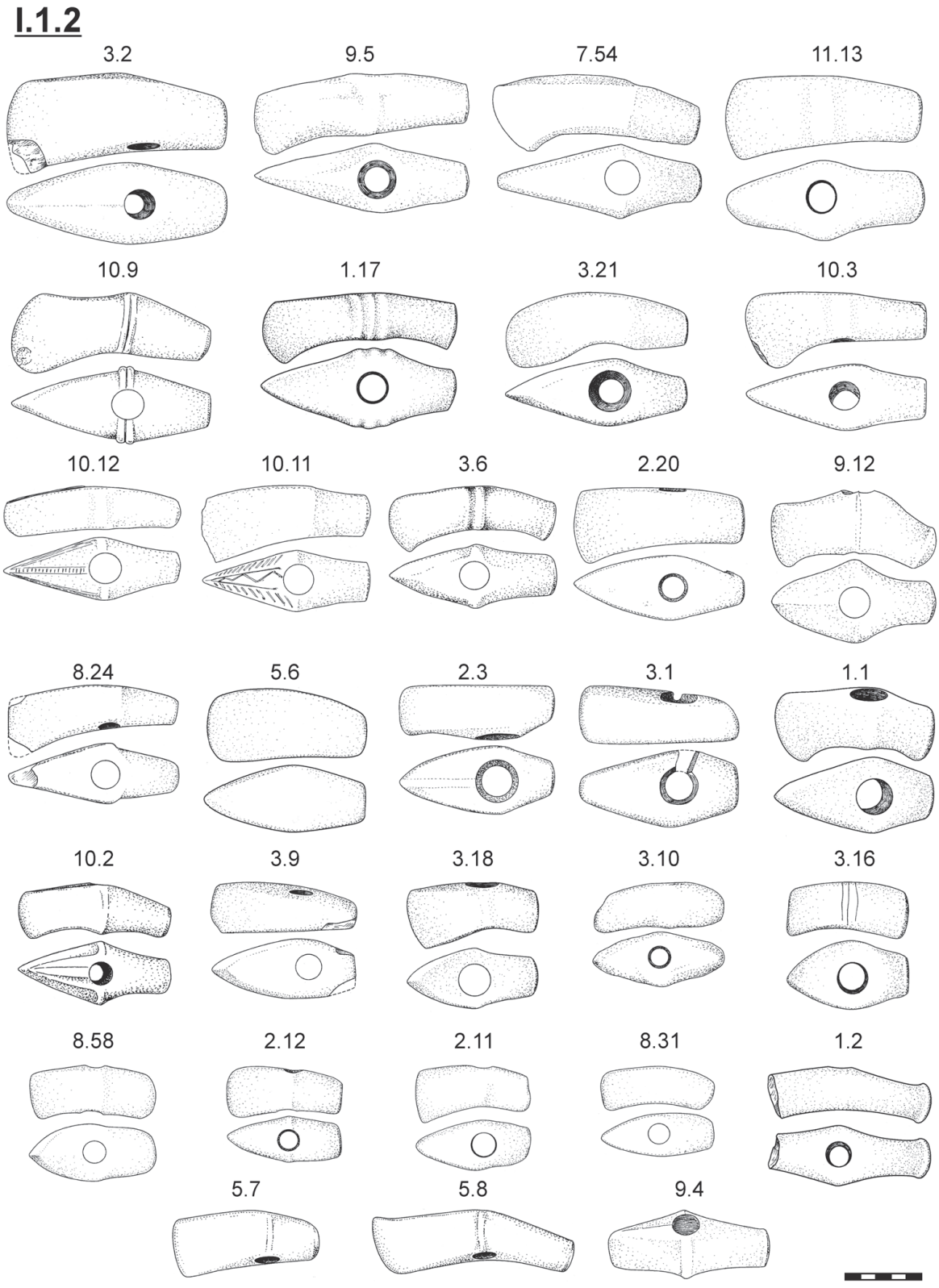


Рис. 12. Классификация каменных втульчатых топоров эпохи средней бронзы Предкавказья. Тип I: подтип I.1.2

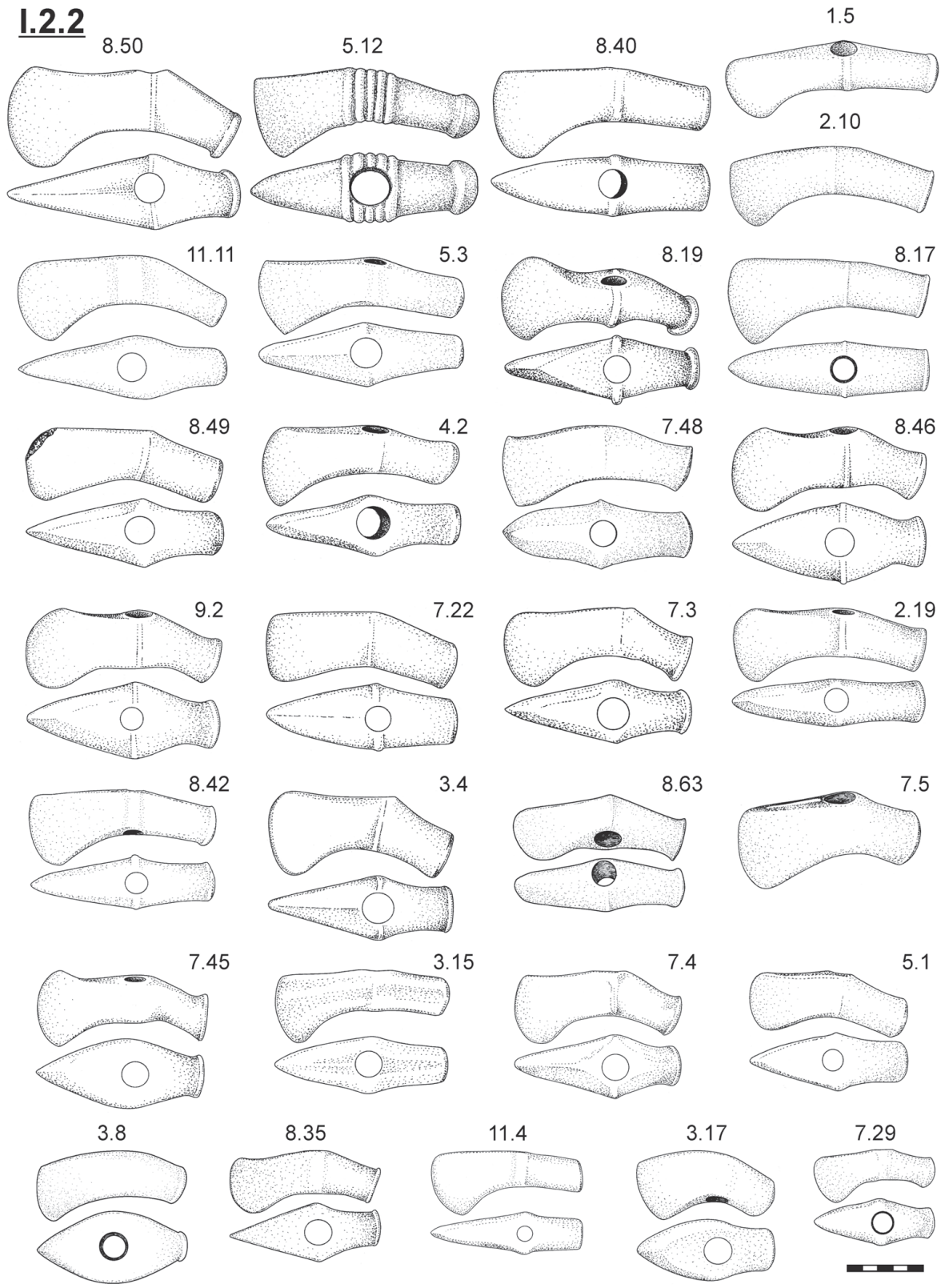


Рис. 13. Классификация каменных втульчатых топоров эпохи средней бронзы Предкавказья. Тип I: подтип I.2.2

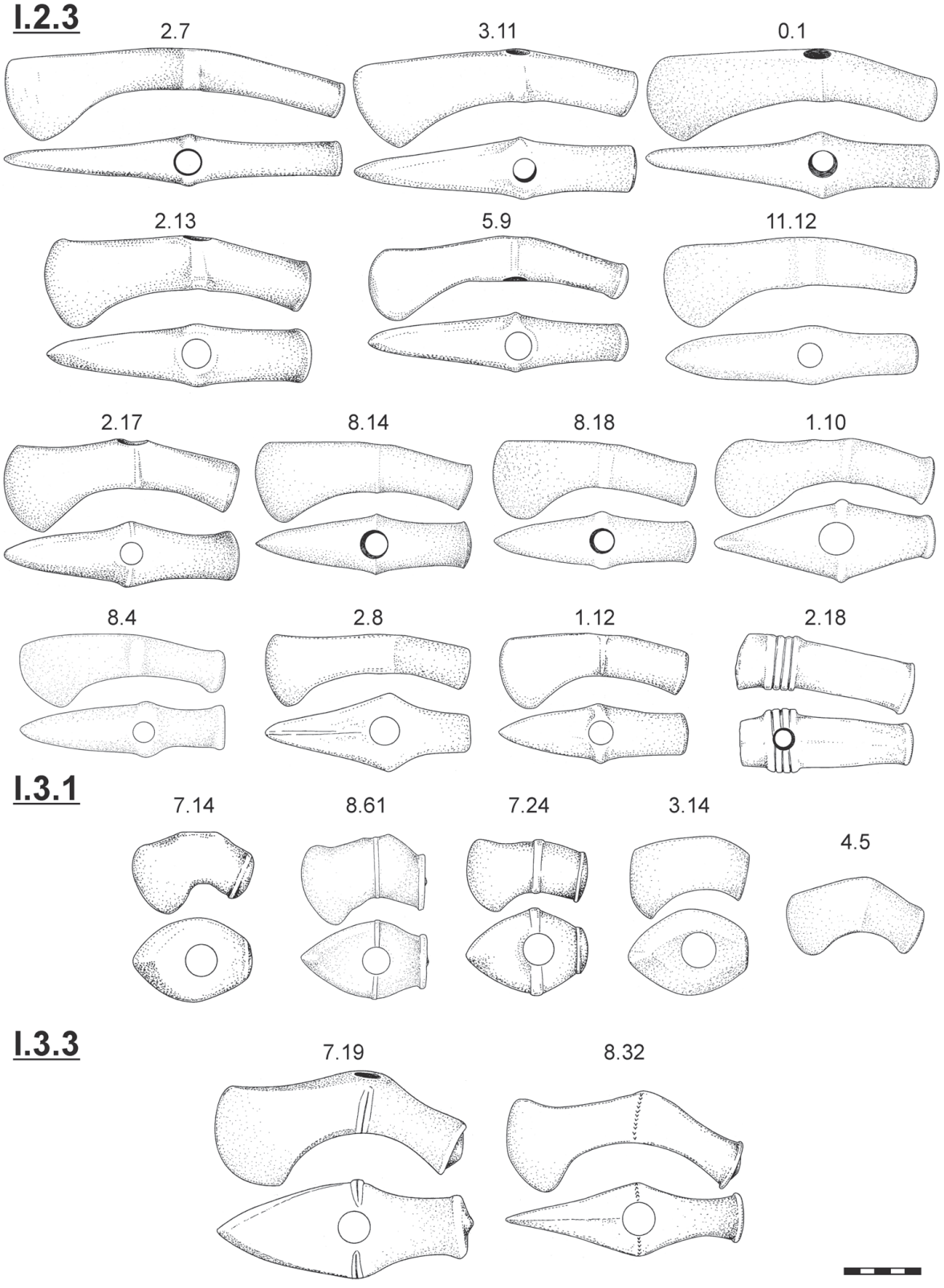


Рис. 14. Классификация каменных втульчатых топоров эпохи средней бронзы Предкавказья. Тип I: подтипы I.2.3, I.3.1 и I.3.3

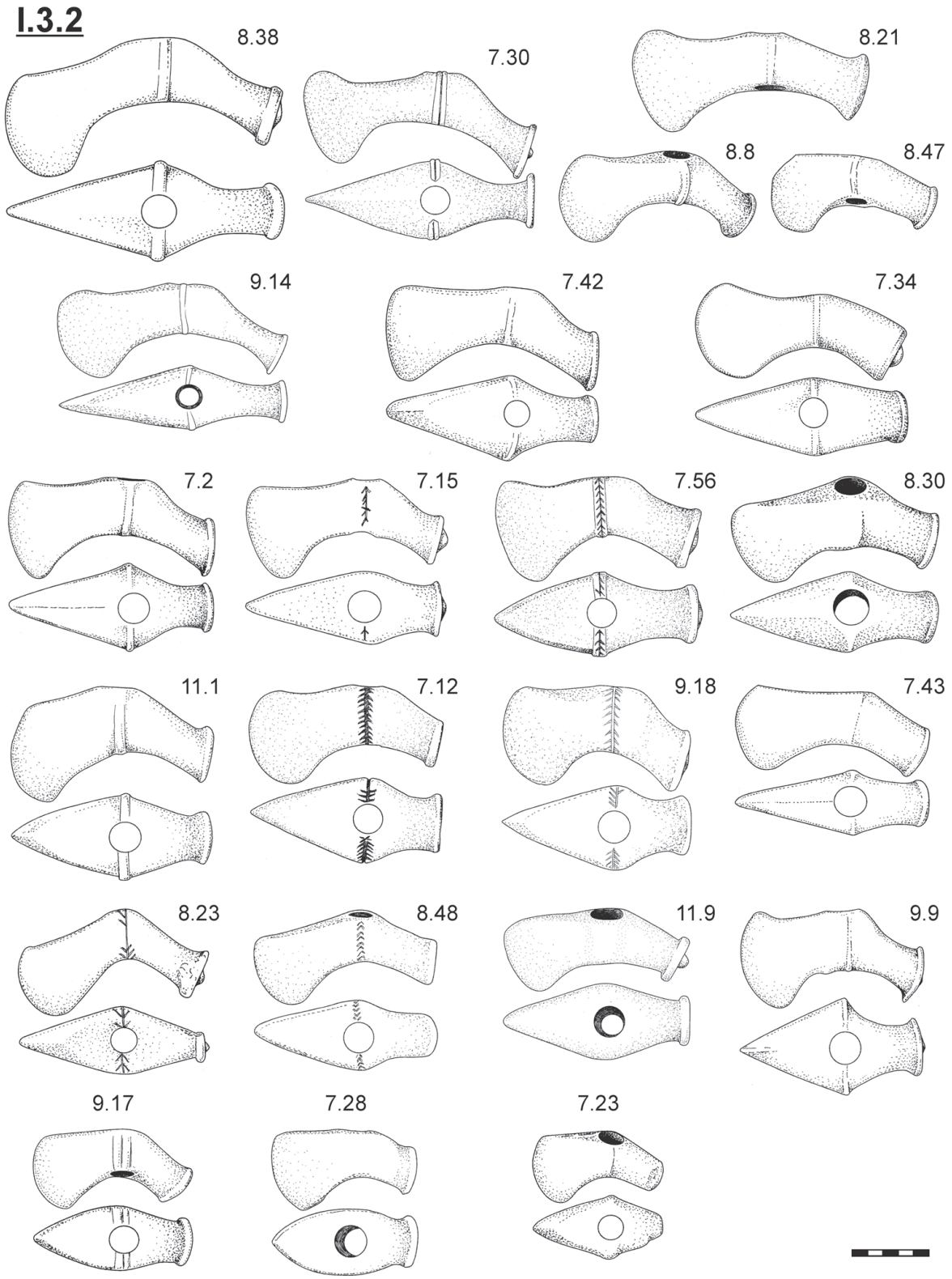


Рис. 15. Классификация каменных втульчатых топоров эпохи средней бронзы Предкавказья. Тип I: подтип I.3.2

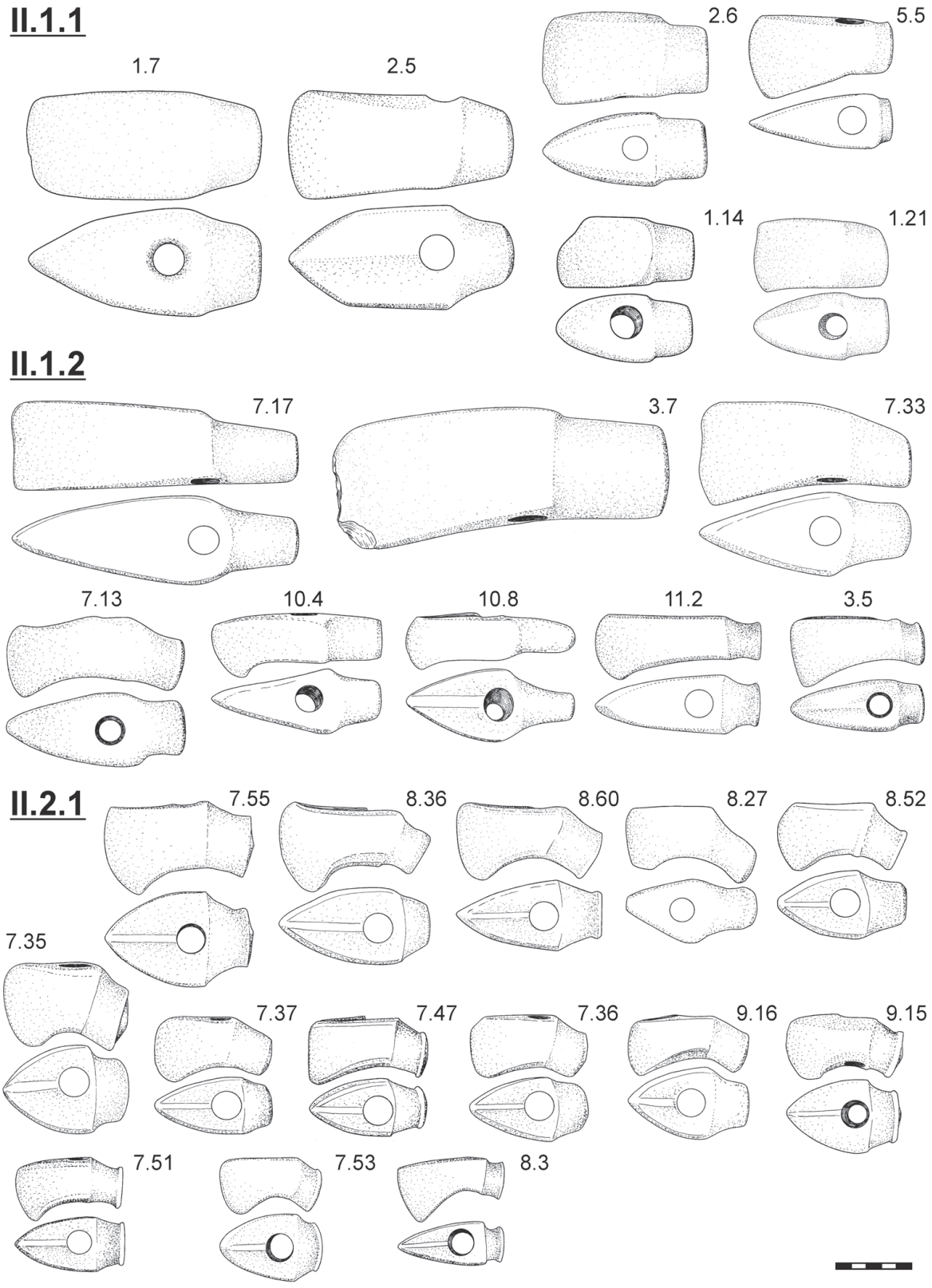


Рис. 16. Классификация каменных втульчатых топоров эпохи средней бронзы Предкавказья. Тип II: подтипы II.1.1, II.1.2 и II.2.1

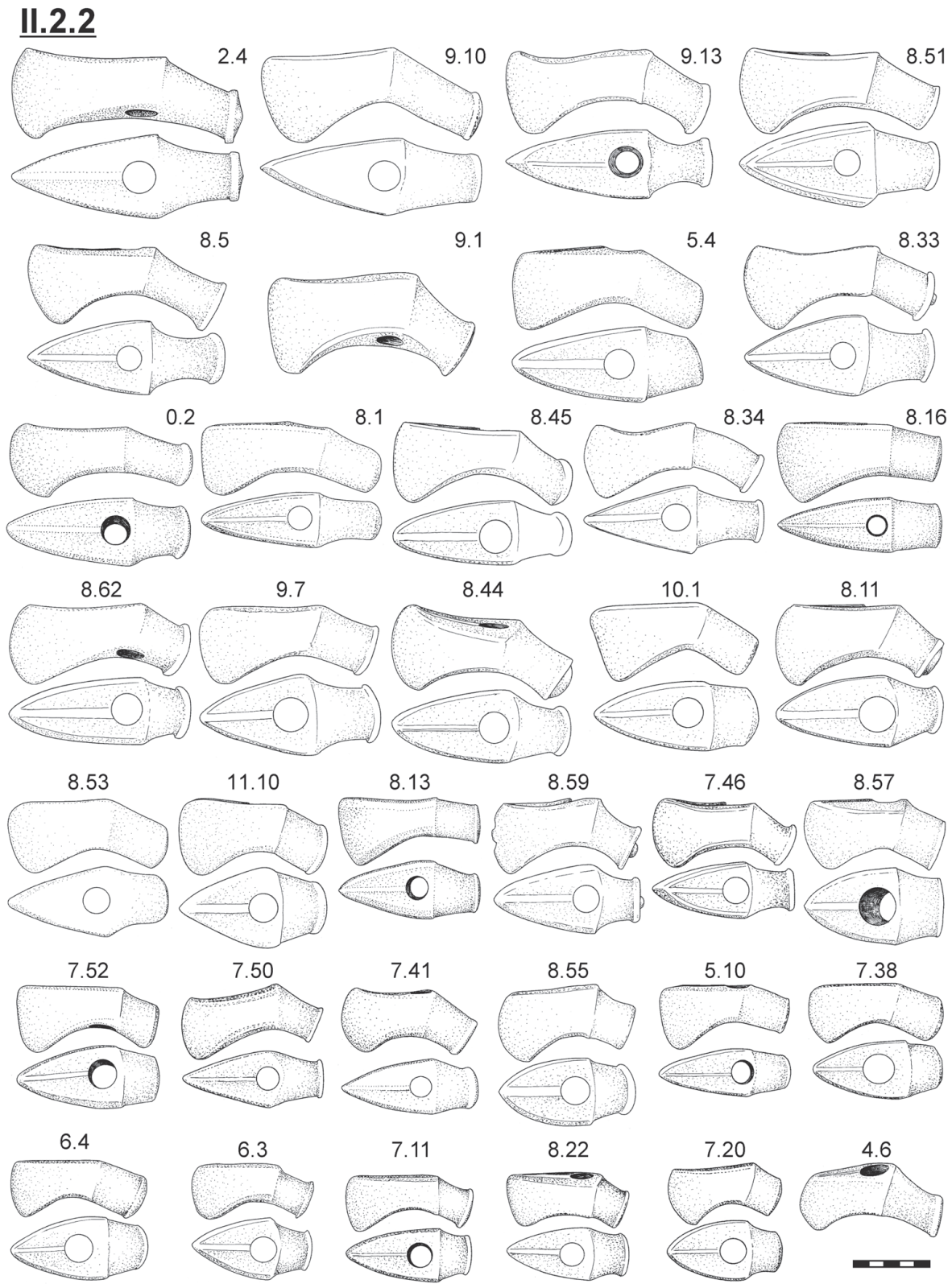


Рис. 17. Классификация каменных втульчатых топоров эпохи средней бронзы Предкавказья. Тип II: подтип II.2.2

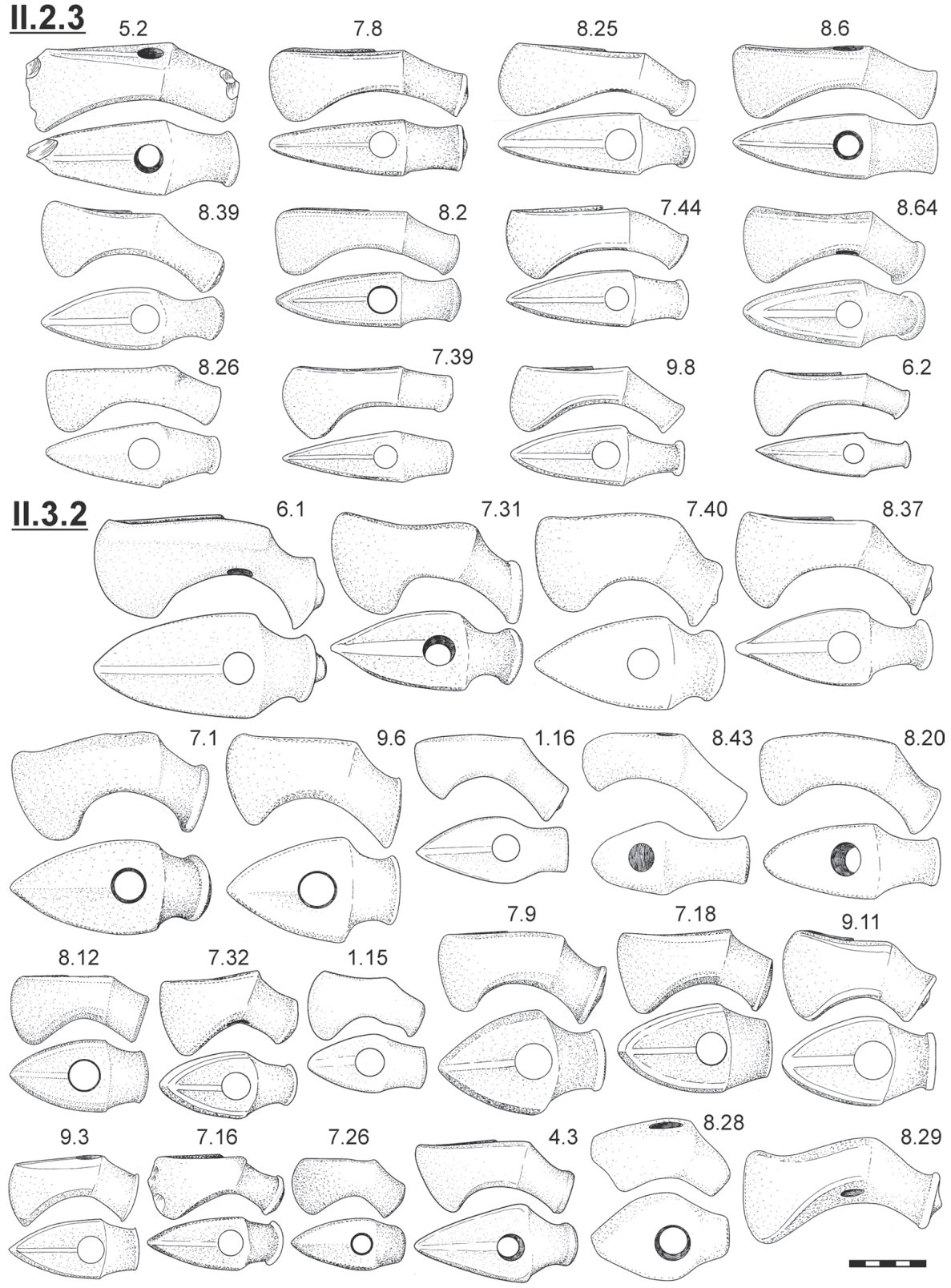


Рис. 18. Классификация каменных втульчатых топоров эпохи средней бронзы Предкавказья. Тип II: подтипы II.2.3 и II.3.2

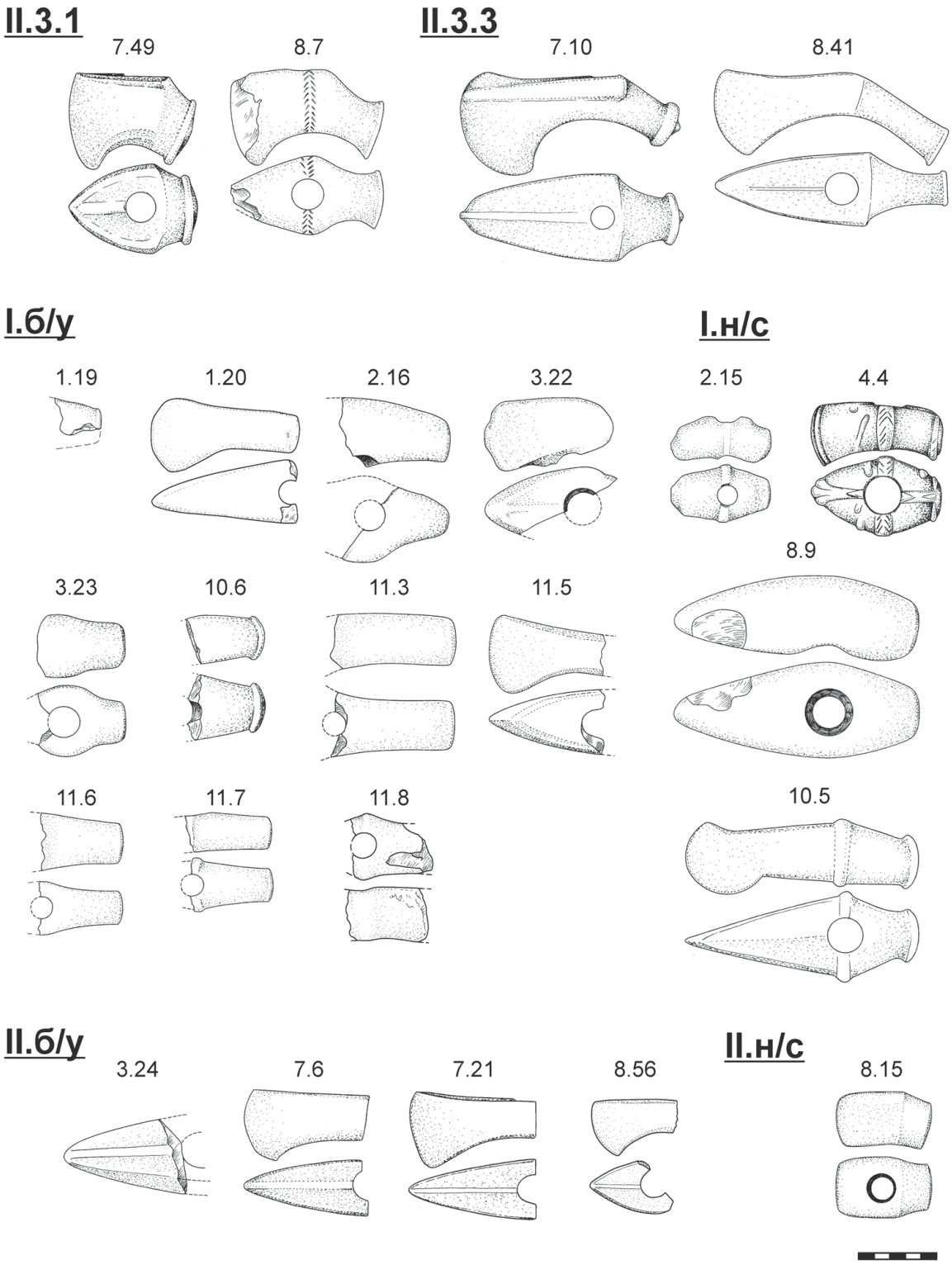


Рис. 19. Классификация каменных втульчатых топоров эпохи средней бронзы Предкавказья. Тип I: «нестандартные» и «без уточнения»; тип II: подтипы II.3.2 и II.3.3, «нестандартные» и «без уточнения»

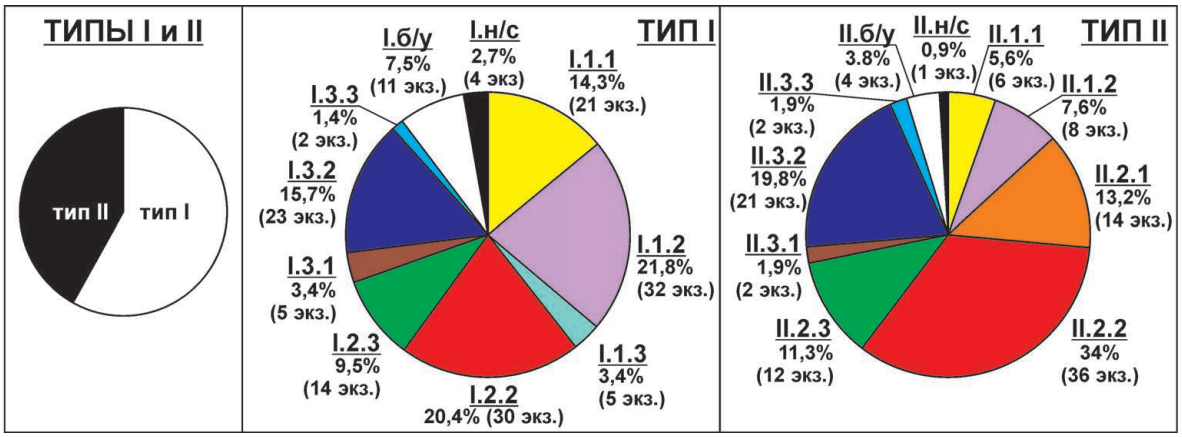


Рис. 20. Количественное соотношение топоров различных типов и подтипов

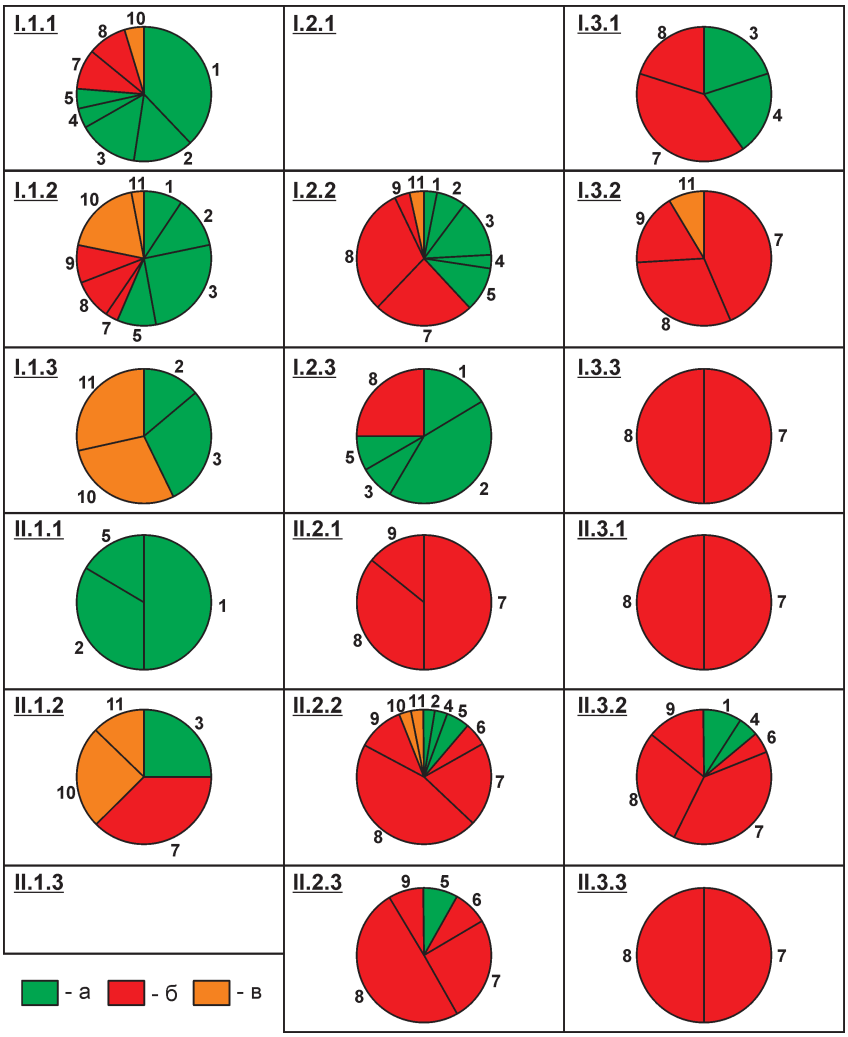


Рис. 21. Географическое соотношение топоров различных подтипов
а – Степное Предкавказье, б – Центральное Предкавказье,
в – Северо-Восточный Кавказ; номера регионов соответствуют нумерации в каталоге

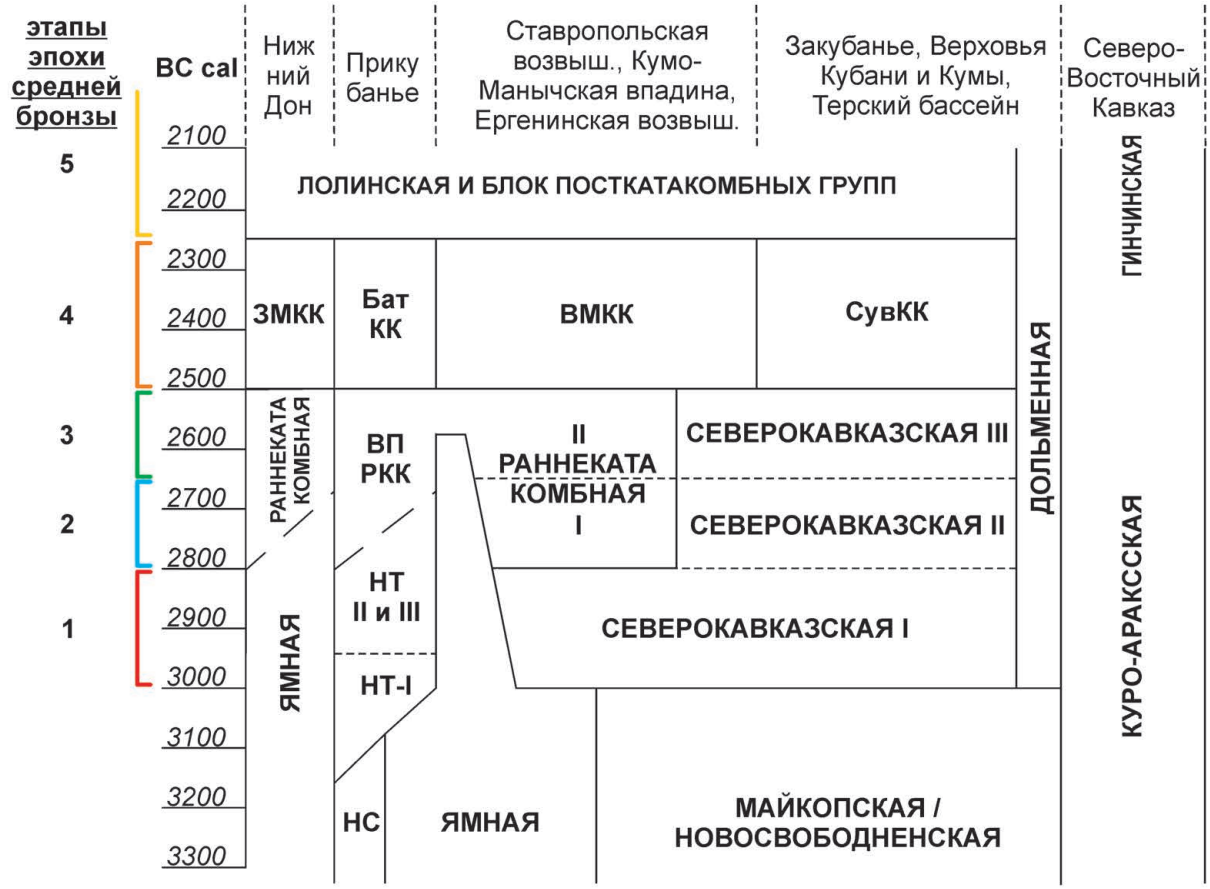


Рис. 22. Культурно-хронологическая схема финала ранней – средней бронзы Предкавказья (по данным современной историографии)

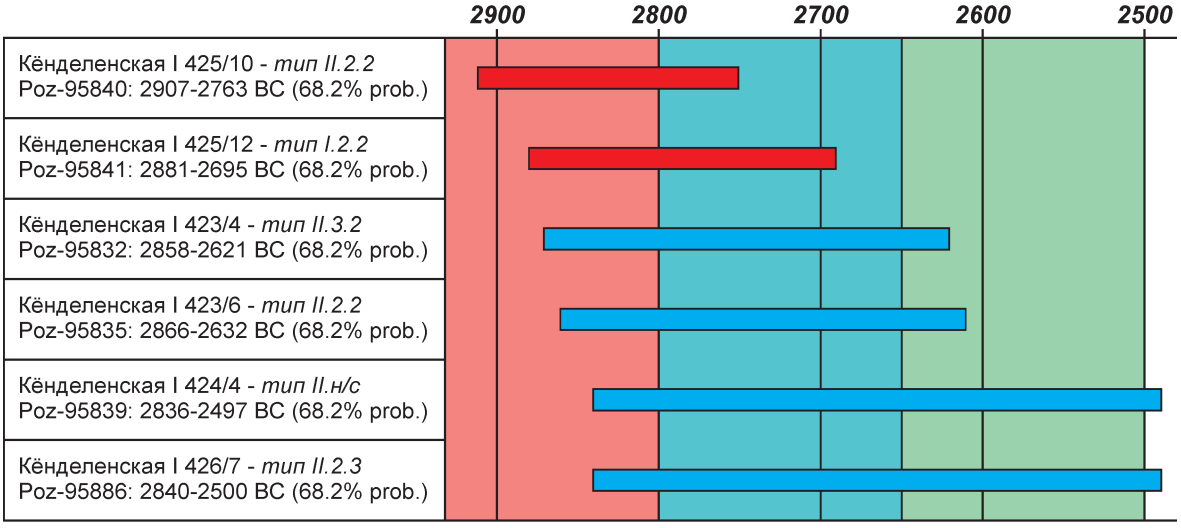


Рис. 23. Данные радиоуглеродного датирования (по костям человека) из погребений северокавказской культуры курганной группы Кёнделенская I

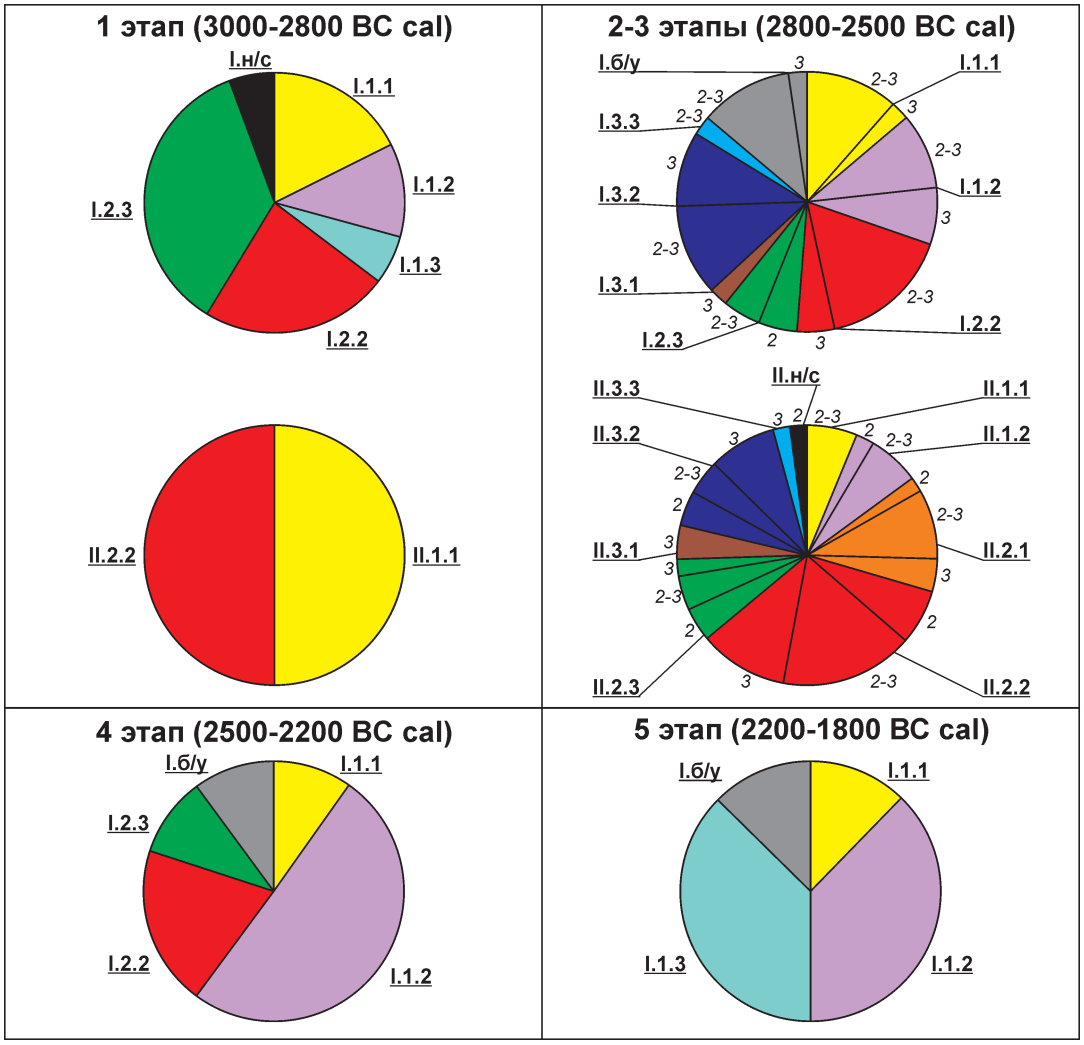


Рис. 24. Соотношение отдельных подтипов каменных втульчатых топоров Предкавказья с этапами эпохи средней бронзы

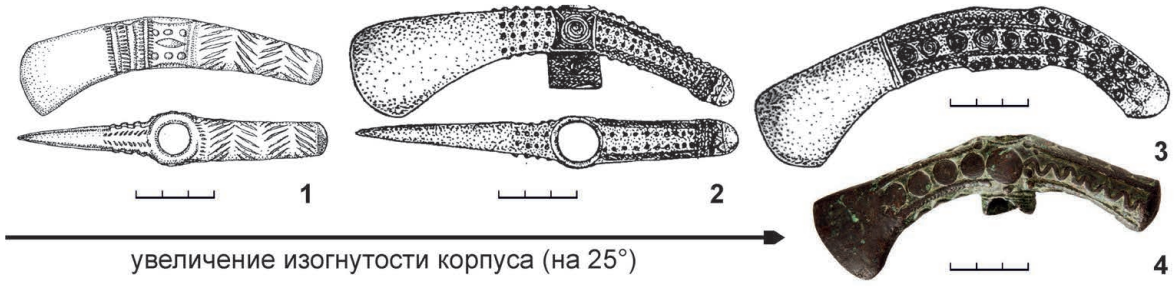


Рис. 25. Отдельные экземпляры литых бронзовых топоров эпохи средней бронзы

1 – Закубанье, «Сатурн» 2/1 (по: *Тарабанов*, 1984); *2* – Саратовское Поволжье (по: *Кияшко*, 2002); *3* – Центральное Предкавказье, г. Георгиевск: разрушенное погребение (по: *Кияшко*, 2002); *4* – «Кабарда», случайная находка (по: Бронзовый век..., 2013)

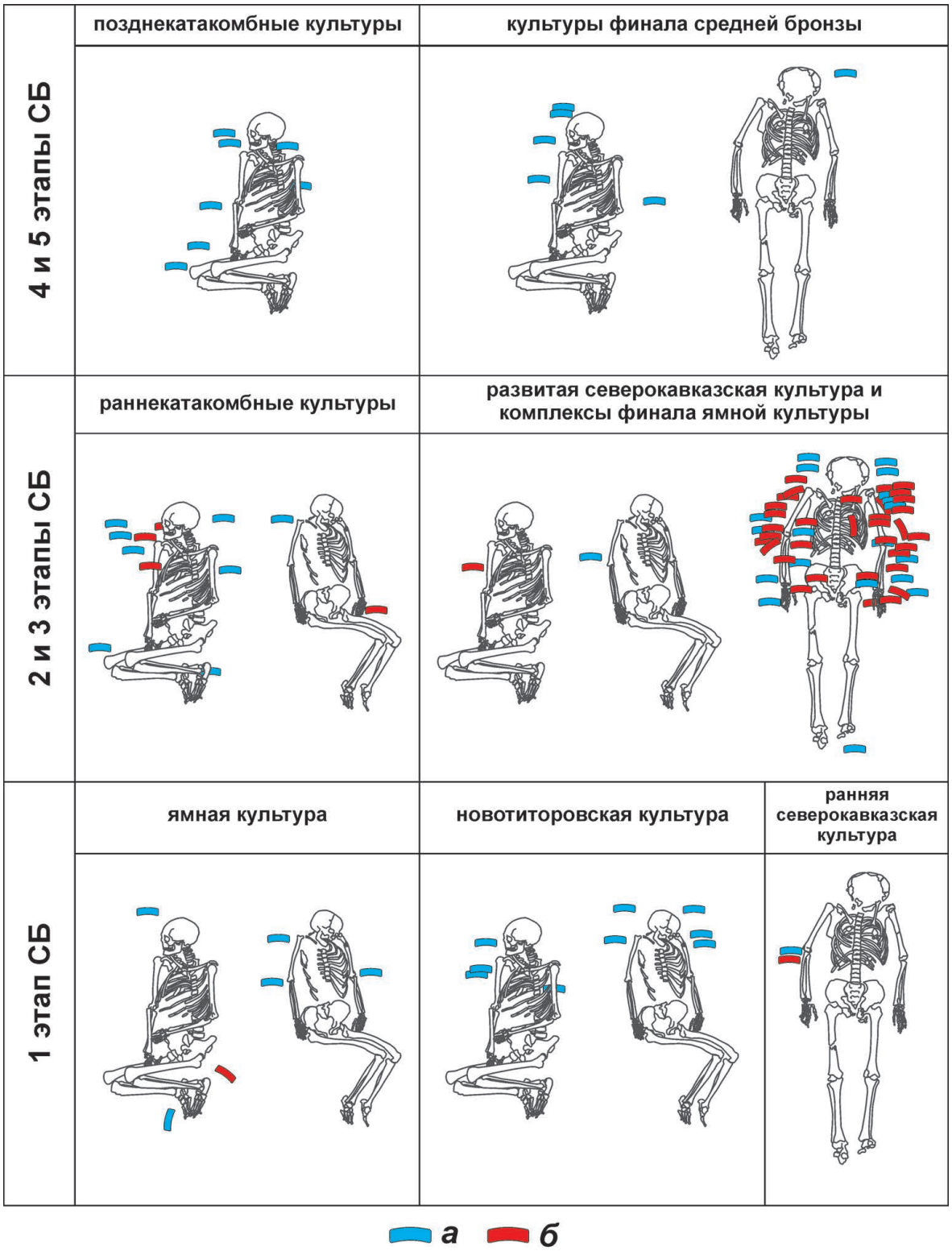


Рис. 26. Аккумулятивные схемы расположения каменных втульчатых топоров в погребениях эпохи средней бронзы Предкавказья

а – тип I; *б* – тип II

Таблица 1. Каменные топоры эпохи средней бронзы Предкавказья. Каталог источников

Индекс	Тип	Комплекс / находка	Место в комплексе	Культура (этап СБ)	Обряд	Сопровождающий инвентарь	Источник
1	2	3	4	5	6	7	8
0. Северный Кавказ (без уточнения)							
0.1	I.2.3	Северный Кавказ, находка					*Сафронов*, 1968. Рис 1, *15*
0.2	II.2.2	Северный Кавказ, находка					*Сафронов*, 1968. Рис 1, *3б*
1. Нижний Дон							
1.1	I.1.2	Ростов, Западный 5/6	у правого локтя	ЗМКК (4 этап)	ктк, ск пб, В	сосуд кер.	*Брашинский и др.*, 1967. Т. 1. С. 12; Т. 2. Рис. XVIII, *2*; *Братченко*, 1976. С. 98, рис. 55, *20*, 72, *III-7*
1.2	I.1.2	Мокрый Керчик I 2/8	у коленей	РКК (2/3 эт.)	ктк, ск пб, ЮВ	3 сосуда кер., жаровня кер., миска дер., ковш дер., височное кольцо в 1 оборот, кости жив.	*Раев, Крайсветный*, 1986. Т. 1. С. 105; Т. 3. Рис. 93
1.3	I.1.1	Донской 5/29	перед лицом	РКК (2/3 эт.)	ктк, ск пб, ЮЮВ	пест кам.	*Капошина и др.*, 1962. Т. 1. С. 82; Т. 4. Табл. XXXIV, *4*; *Братченко*, 1976. С. 54, рис. 26, *12*, 72, *I-4*
1.4	I.1.1	Алитуб 3/18	у правого плеча	РКК (2/3 эт.)	двойное: ск пб и ск лб, оба – СЗ	сосуд кер., жаровня кер., миска дер., орудие кр., астрагалы	*Шилов*, 1962. Т. 1. С. 58; Т. 2. Лист 7.
1.5	I.2.2	Крепинский II 5/8	у головы	ЯК (1 этап)	двойное: оба – ск пб, ЗЮЗ	сосуд кер., нож бр., шило бр., вис. кольцо в 3 оборота сер.	*Лагоцкий*, 1972. Т. 1. С. 76; Т. 2. Рис. 204; *Кияшко А.*, 1999. С. 149, рис. 93, *19*; *Братченко*, 2001. С. 192, рис. 118, *3*; *Файферт*, 2014. С. 305, рис. 224; *Яценко*, 2015. С. 108, 220, рис. 87, *2*
1.6	I.1.1	Лысый курган погр. 3	у таза	ЯК (1 этап)	ск сп (или лб) адорат., ЗЮЗ	сосуд кер.	*Братченко*, 1960. Т. 1. С. 5; Т. 2. Рис. V, *5,6*; 1976. С. 217, 218, табл. XIV, *2*; *Файферт*, 2014. С. 363, рис. 268
1.7	II.1.1	Лысый курган погр. 10	за черепом	РКК (2/3 эт.)	ктк, ск пб, Ю	нет	*Братченко*, 1960. Т. 1. С. 8; Т. 2. Рис. VII, *3,4*; 1976. С. 54, 217, рис. 26, *7*, 72, *3*; табл. XV, *1*

Таблица 1. Продолжение

1	2	3	4	5	6	7	8
1.8	I.1.1	Четыре Брата II 12/10	за спиной, у стенки	бабинская к-ра (5 этап)	ск пб или сп, З	кольцо кост., астрагалы	*Романовская*, 1974. Т. С. 12-13; Т. 2. Рис. 47
1.9	I.1.1	Кудинов 1/8	у правой плечевой	ЯК (1 этап)	тройное: все – ск сп, ЗЮЗ	сосуд кер., изделия из птичьих костей	*Капошина и др.*, 1961. Т. 1. С. 122; Т. 4. Табл. VI, *2*; *Файферт*, 2014. С. 96-97, рис. 68
1.10	I.2.3	Отрадный II 23/4	в центре ямы, расколот	ЯК (1 этап)	кенотаф ?	шило бр., фрагменты кер., кости жив.	*Саяпин*, 1990. Т. 1. С. 84; Т. 2. Рис. 373; *Яценко*, 2015. С. 108, 218, рис. 85, *11*
1.11	I.1.1	Отрадный XIII 3/12	перед плечом	РКК (2/3 эт.)	ктк, ск пб, С	наконечники стрел кр.	*Белинский*, 1989. Т. 1. С. 40-41; Т. 2. Рис. 163
1.12	I.2.3	Отрадный XIII 5/3	в заполнении	ЯК (1 этап)	четверное: все – ск пб, С и Ю	пест кам.	*Белинский*, 1989. Т. 1. С. 44; Т. 2. Рис. 167; *Файферт*, 2014. С. 329, 330, рис. 241; *Яценко*, 2015. С. 109, 213, рис. 80, *3*
1.13	I.1.1	Упраздно-Кагальницкий IV 1/11	за спиной	РКК (3 этап)	ктк, ск пб, ЮЗ	сосуд кер.	*Смоляк*, 1986. Т. 1. С. 59; Т. 2. Рис. 141; *Кияшко А.*, 1999. С. 154, рис. 98, *2*
1.14	II.1.1	Кастырский-VI 1/12	под черепом	РКК (2/3 эт.)	ктк, двойное: оба – ск пб, Ю	3 сосуда кер., жаровня кер., нож бр., астрагал	*Житников*, 1984. Т. 1. С. 21; Т. 2. Рис. 52, 53; *Кияшко А.*, 1999. С. 154, рис. 98, *1*
1.15	II.3.2	Танькин 1/6	перед лицом	РКК (3 этап)	ктк, двойное: ск пб, ЮЮЗ и ск пб, В	2 сосуда кер., сосуд дер., вис. кольца сер., подвеска бр., игла бр., бусы кост., бр. и меловые, кости жив.	*Копылов*, 1983. Т. 1. С. 9-10; Т. 2. Рис. 29; *Кияшко А.*, 1999. С. 154, рис. 98, *3*; Братченко, 2001. С. 156, рис. 83, *15*
1.16	II.3.2	ст. Цимлянская, находка					*Кияшко А.*, 1999. С. 154, рис. 98, *4*; *Братченко*, 2001. С. 156, рис. 83, *15*
1.17	I.1.2	Сагван I 18/8	перед входом	ЗМКК (4 этап)	ктк, кенотаф	сосуд кер., жаровня кер., ступка кам., кости жив.	*Зельдина*, 1978. Т. II. С. 465; Т. II, альбом (часть III). Рис. 1589, 1592-1595
1.18	I.1.1	Дубенцы III 5/11	у стоп	ЯК (1 этап)	двойное: ск лб и ск пб, З	нож бр., шило бр., пест кам.	*Казакова*, 1972. Т. 1. С. 116; Т. 3. Рис. 121, *II*; *Файферт*, 2014. С. 436, рис. 326*
1.19	I.б/у	Кировский I 3/11	под левой стопой	РКК (3 эт.)	ктк, ск пб, З	жаровня кер.	*Ильюков*, 1981. Т. 1. С. 62; Т. 2. Рис. 201, 202.

Таблица 1. Продолжение

1	2	3	4	5	6	7	8
1.20	I.б/у	Семенкин 21/9	у колен	ЗМКК (4 этап)	ктк, двойное: оба – ск пб, С	2 сосуда кер., курильница кер., предметы дер., 2 ножа бр., шило бр., пронизи бр., бисер паст., астрагалы, кости жив.	*Ларенок В., Ларенок П.*, 1990. Т. 1. С. 54; Т. 2. Рис. 134, 137, *8*
1.21	II.1.1	Новобатайск 1/6	у левого бедра	ЯК (1 этап)	«сидя, лицом на В»	сосуд кер., нож бр., шило бр.	*Бейсов*, 1980. Т. 1. С. 10; Т. 3. Табл. XLVII, рис. 34; *Файферт*, 2014. С. 260, рис. 192
2. Прикубанье							
2.1	I.1.1	Прикубанье, находка					*Марковин*, 1960. Рис. 7, *3**
2.2	I.1.1	Прикубанье, находка					*Марковин*, 1960. Рис. 7, *7**
2.3	I.1.2	Прикубанье, находка					*Марковин*, 1960. Рис. 7, *9**
2.4	II.2.2	Прикубанье, находка					*Марковин*, 1960. Рис. 7, *23**; 1994а. С. 278, табл. 85, *13*
2.5	II.1.1	Прикубанье, находка					*Марковин*, 1960. Рис. 31, *10*; 1976. С. 195, рис. 1, *1*
2.6	II.1.1	Приазовский I 7/2	на правой плечевой	ВПКК (2/3 эт.)	ктк ?, двойное: ск пб и сп, оба – СЗ	астрагал	*Бочкарев*, 1983. Т. 1. С. 67, Т. 2. Рис. 218, 219; *Гей*, 2000. С. 156, рис. 47, *1*
2.7	I.2.3	Лебеди I 3/10	под левой плечевой	НТ (1 этап)	ск пб, В	«набор литейщика»	*Гей*, 1979-1980. Т. 1. С. 159; Т. 4. Рис. 399-403; 1986. С. 18,19. Рис. 4, 5; 2000. С. 156, рис. 47, *8*; *Трифонов*, 1991. С. 132, рис. 15, *19*; *Братченко*, 2001. С. 174, рис. 101, *4*
2.8	I.2.3	ПКОС 9/5	перед лицом	БатКК (4 этап)	ктк, ск пб, С	сосуд кер., жаровня кер., бусины паст., пронизь паст.	*Марченко и др.*, 1979. Т. 1. С. 9-12, Т. 2. Рис. 10, *4*; *Трифонов*, 1991. С. 142, рис. 20, *51*
2.9	I.1.1	ст. Роговская, находка					*Марковин*, 1960. Рис. 31,*12*; 1976. С. 195, рис. 1, *3*
2.10	I.2.2	Роговская-70 17/5	у правой плечевой	НТ (1 этап)	ск пб, З	шило бр.	*Анфимов*, 1970-1971. Т. 1. С. 30-31; Т. 2. Рис. 7; *Гей*, 2000. С. 156, рис. 47, *4*
2.11	I.1.2	Днепровская I 3/1	у головы	НТ (1 этап)	двойное: оба – ск сп, З	сосуд кер., нож бр, бусы кост., пластина кам.	*Бочкарев*, 1982. Т. 1. С. 26, 27, Т. 2. Рис. 96; *Трифонов*, 1991. С. 112, рис. 9, *39*; *Гей*, 2000. С. 156, рис. 47, *2*

Таблица 1. Продолжение

1	2	3	4	5	6	7	8
2.12	I.1.2	Старонижестеблиевская 2/9	у правой плечевой	НТ (1 этап)	ск пб, ЗЮЗ	череп жив.	*Паромов*, 1988. Т. 1. С. 43-46; Т. 2. Рис. 81-83; *Гей*, 2000. С. 156, рис. 47, *3*
2.13	I.2.3	Старовеличковская, находка					*Гей*, 2000. С. 156, рис. 47, *5*
2.14	?	Воронцовский 3/насыпь (небольшой фрагмент)					*Раев*, 1998. Рис. 44; *Раев, Беспалый*, 2001. С. 30, 37. Табл. 7, *4*
2.15	I.н/с	Новотитаровская 1/2	перед лицом	НТ (1 этап)	двойное: оба – ск пб, ССЗ	фрагменты кер., кости жив.	*Нехаев*, 1980. Т. 1. С. 47; Т. 2. Рис. 154, 155, 156, *1*; *Трифонов*, 1991. С. 124, рис. 12, *35*
2.16	I.б/у	г. Краснодар, находка					*Марковин*, 1960. Рис. 7,*19**
2.17	I.2.3	Батуринский I 2/9	у левого плеча	НТ (1 этап)	ск сп, З	в заполнении: фрагменты кер., астрагал, кости жив.	*Бочкарев*, 1979. Т. 1. С. 23, 24, Т. 2. Рис. 68; *Трифонов*, 1991. С. 112, рис. 9, *42*; *Гей*, 2000. С. 156, рис. 47, *6*
2.18	I.2.3	Первомайский 2/2	у правого плеча	НТ (1 этап)	ск сп, СВ	2 ножа бр., долото бр., шило бр., детали дер. повозки	*Нехаев*, 1979. Т. 1. С. 55; Т. 2. Рис. 227, *1*, 230; *Трифонов*, 1991. С. 112, рис. 9, *13*; *Гей*, 2000. С. 156, рис. 47, *7*; *Рысин*, 2007. С. 188, рис. 3, *2*
2.19	I.2.2	Верхний 7/11	у левой плечевой	НТ (1 этап)	выт, З	нет	*Нехаев*, 1978. Т. 1. С. 49; Т. 2. Рис. 160; *Трифонов*, 1991. С. 112, рис. 9, *43*
2.20	I.1.2	пос. Праздничный 1/3	у головы	ВПКК ? (2/3 эт.)	ск, З	2 песта кам.	*ОАК* за 1903 г. С. 76, 77, рис. 157; *Марковин*, 1960. С. 32-34, рис. 5, *5*
2.21	I.1.3	Брюховецкая (1992) 2/10	у правого плеча	ЯК (1 этап)	ск сп, В	нет	*Тарабанов*, 1992. Т. 1. С. 28-29; Т. 2. Рис. 129
3. Ставропольская возвышенность							
3.1	I.1.2	Ставрополье, находка					*Марковин*, 1960. Рис. 9, *4**
3.2	I.1.2	Ставрополье, находка					*Марковин*, 1960. Рис. 31, *25*; 1976. С. 195, рис. 1, *4*
3.3	I.1.1	Ставрополье, находка					*Марковин*, 1959. С. 19, рис. 6, *1*
3.4	I.2.2	Ставрополье, находка					*Сафронов*, 1968. Рис. 1, *6*
3.5	II.1.2	Расшеватский I 22/6	у правого плеча	СКК (2 этап)	выт, ЮВ	нет	*Ростунов*, 2000. Т. 1. С. 108-109; Т. 2. С. 104, рис. 308

Таблица 1. Продолжение

1	2	3	4	5	6	7	8
3.6	I.1.2	Успенский II 3/2	в области шеи	ВМКК (4 этап)	ктк, выт, СВ	сосуд кер.	*Березин Я.*, 1999. Т. 2. С. 14-15; Т. 4. С. 203, рис. 670
3.7	II.1.2	с. Летницкое, погребение	в заполнении (?)	РКК ?	«лицом на запад»	сосуд кер., 2 вис. кольца, пест кам., предметы кам. и бр.	*ОАК* за 1898 г. С. 53-54; Бронзовый век .... 2013.С. 335, рис. 26, *5*
3.8	I.2.2	Красногвардейское п. 16	под левой плечевой	ВМКК (4 этап)	ктк, ск пб с завалом на грудь, В	сосуд кер., крюк бр., нож бр., шило бр.	*Березин, Калмыков*, 1998. С. 69, 89, рис. 16, *7*
3.9	I.1.2	с. Преградное, находка					*Марковин*, 1960. Рис. 9, *3**
3.10	I.1.2	Птичье III 6/9	у правого локтя	ЯК-СКК (2/3 эт.)	двойное: ск сп, В	нож бр.	*Березин Я.*, 1999. Т. 1. С. 50-52. Т. 3. Рис. 215
3.11	I.2.3	Старо-Михайловское 1/1	у левого локтя	ЯК (1 этап)	ск сп, ЮЮЗ	нет	*Марковин*, 1960. Рис. 9, *25**, 44, *18**; 1994а. С. 270, 274, 280, табл. 80, *62**, 83, *14**, 86, *26**; *Минаева*, 1965. С. 97,98, рис. 2; *Сафронов*, 1968. Рис. 1, *16*, 3, *13*, 4, *27*; *Братченко*, 1976. С. 145, рис. 74, *4**; *Кореневский*, 1993. Рис. 1, *8*
3.12	I.1.3	с. Золотаревка находка					*Минаева*, 1947. С. 134, 135, рис. 45; *Сафронов*, 1968. Рис. 1, *12*, 3, *12*
3.13	I.1.1	Барханчак II 8/9	у правого плеча	РКК (2/3 эт.)	ктк, ск пб, С	нет	*Бабенко*, 2001. Т. 1. С. 99-101; Т. 2. С. 184, рис. 367, 368
3.14	I.3.1	с. Дивное, находка					*Марковин*, 1959. С. 19, рис. 6, *4*; 1960. Рис. 9, *7**; *Сафронов*, 1974. С. 283, рис. 60, *2**
3.15	I.2.2	ВеселаяРоща III 16/5	перед лицом	ВМКК (4 этап)	ктк, ск лб, ВЮВ	сосуд и курильница кер., нож бр., наконеч. стрелы кр., бусы перламутровые, повозка дер.	Романовская, 1979. Т. 1. С. 137; Т. 3. Рис. 446; *Державин*, 1991. С. 118, рис. 17, *29*; *Андреева*, 2014. С. 217, илл. 48, *1*
3.16	I.1.2	ВеселаяРоща III 23/3а	у колен	ВМКК (4 этап)	ктк, ск лб, В	сосуд кер, нож бр., поднос дер.	Державин, 1980. Т. 1. С. 29, Т. 2. Рис. 67, 69а; 1989. С. 134, 177, рис. 14, *1*; 1991. С.118, рис. 17, *28*; Андреева, 2014. С. 217, илл. 48, *2*
3.17	I.2.2	с. Султановское, находка					*Марковин*, 1960. Рис. 9, *5**
3.18	I.1.2	с. Стародубское, находка					*Марковин*, 1959. С. 19, рис. 6, *3 (обозначен как «Северная Осетия»)*

Таблица 1. Продолжение

1	2	3	4	5	6	7	8
3.19	I.1.3	г. Прикумск, находка					*Сафронов*, 1968. Рис. 3, *33*
3.20	I.1.1	с. Бургун-Маджары, находка					*Марковин*, 1960. Рис. 9, *2**
3.21	I.1.2	с. Кара-Тюбе, находка					*Марковин*, 1960. Рис. 15, *4**
3.22	I.б/у	с. Ачикулак, дача 1, находка					*Марковин*, 1960. Рис. 15, *14**
3.23	I.б/у	с. Махмуд-Мектеб, находка					*Марковин*, 1960. Рис. 15, *16**
3.24	II.б/у	Бажиган (у г. Южно-Сухокумск), находка					*Марковин*, 1960. Рис. 15, *13**
4. Ергенинская возвышенность и ее окрестности							
4.1	I.1.1	Ергенинский 10/2	в ЮЗ углу шахты	ВМКК (4 этап)	ктк, ск лб, Ю	сосуды кер., чаши дер., тесло бр., долото бр., ножи бр., шилья бр., вис. кольцо зол. и сер., бусы и бисер паст., фигурка антропоморф. кам., проколка кост., кости жив., повозка дер.	*Шилов*, 1984. Т. 1. С. 10-13; Т. 2. Табл. 30, *2*; *Андреева*, 2014. С. 217, илл. 48, *3*
4.2	I.2.2	Три Брата 27/1				???	*Сафронов*, 1968. Рис. 1, *41*, 2, *16*
4.3	II.3.2	Архаринский 18/2	у левого предплечья	СКК (2/3 эт.)	выт, В	жаровня кер., кольца кост.	*Синицын*, 1962-1963. Т. 1. С. 70; Т. 3. Рис. 145; *Синицын, Эрдниев*, 1966. С. 80, 155, табл. 24, *3,4*; *Сафронов*, 1968. Рис. 1, *32*, 2, *17*, 4, *16*; 1974. С. 236, рис. 13, *9**, 45, *В**; *Шишлина*, 2007. С. 140, рис. 69, *1*
4.4	I.н/с	Му-Шарет IV 13/2		РКК ?	кенотаф	2 сосуда кер., кости жив. (?)	*Шишлина*, 2000. Т. 1. С. 50; Т. 2. Рис. 183; 2007. С. 140, рис. 69, *2*
4.5	I.3.1	Чограйское вдхр., находка					*http://www.neolitica.ru/lot.php?lot_id=1491*
4.6	II.2.2	Чограй VI 1/1		СКК ?	?	нет	*Кореняко*, 1978. Т. 1. С. 301; Т. 6. Рис. 333
5. Закубанье							
5.1	I.2.2	ст. Крымская, находка					*Марковин*, 1960. Рис. 7,*20**; *Сафронов*, 1968. Рис. 3, *10*
5.2	II.2.3	ст. Крымская, находка					*Марковин*, 1960. Рис. 7,*22**; 1994а. С. 278, табл. 85, *14*

Таблица 1. Продолжение

1	2	3	4	5	6	7	8
5.3	I.2.2	ст. Крымская, находка					*Сафронов*, 1968. Рис. 1, *43*, 2, *11*
5.4	II.2.2	ст. Крымская, находка					*Сафронов*, 1968. Рис. 2, *10*
5.5	II.1.1	ст. Тенгинская, находка					*Марковин*, 1960. Рис. 7, *4**
5.6	I.1.2	аул Ульский 5/7	в ногах	СКК (3 этап)	?, С	2 «кучки» орудий кр., «точилка» кам., 2 выпрямителя кам., шилья бр., модель повозки кер.	*ОАК* за 1909 и 1910 гг. С. 154; *Деген*, 1941. С. 238, табл. XVI, *4*; *Марковин*, 1960. Рис. 29, *2*, 31, *11**; 1976. С. 195, рис. 1, *2**; *Трифонов*, 1991. С. 139, рис. 19, *19*
5.7	I.1.2	ст. Курганная, находка					*Марковин*, 1960. Рис. 7, *8**
5.8	I.1.2	г. Майкоп, находка					*Марковин*, 1960. Рис. 7, *24**
5.9	I.2.3	ст. Баракаевская, находка					*http://www.neolitica.ru/lot.php?lot_id=1069*
5.10	II.2.2	Большетегинский 3/12	под левой плечевой	СКК (3 этап)	выт, В	сосуд кер., медальон бр., подвески бр., кости жив.	*Каминская*, 1983. Т. 1. С. 70; Т. 2. Рис. 246, *1*, 247, *1*; *Клещенко*, 2011б. С. 238, рис. 26, *2*
5.11	I.1.1	Чернышевский II к. 1, находка в насыпи					*Лесков, Днепровский*, 1984. Т. 2. Рис. 42, *2*; *Бианки, Днепровский*, 1988. С. 81, рис. 3, *8*; *Кореневский*, 2013. С. 13, рис. 1, *1*; 2017. С. 244. Рис. 77, *5*
5.12	I.2.2	р. Фарс, находка					*Кореневский*, 2015. С. 43, рис. 4
6. Верховья р. Кубань							
6.1	II.3.2	«Черкессия», находка					*Марковин*, 1960. Рис. 9, *20**; 1994а. С. 270, табл. 80, *56**
6.2	II.2.3	Усть-Джегутинская 24/2	на правом крыле таза	СКК (2 этап)	двойное: оба – выт, З	орудие кр., шило бр.	*Нечитайло*, 1963. Т. 1. С. 47; Т. 2. С. 75, рис. 75, *3*; 1978. С. 15, 37, рис. 14, *1*; *Марковин*, 1994а. С. 278, табл. 85, *12*; *Николаева*, 2011. С. 311, рис. 7, *II**
6.3	II.2.2	Усть-Джеггутинская 32/10	у правого ? локтя	СКК (2 этап)	четверное: все – выт, ВСВ	клык кабана	*Нечитайло*, 1964. Т. 1. С. 18; Т. 2. С. 34, рис. 31; 1978. С. 37, 99, рис. 14, *2,* 39, *15*; *Николаева*, 2011. С. 314, рис. 10, *III*
6.4	II.2.2	Усть-Джеггутинская 46/2	справа от черепа	СКК (2/3 эт.)	выт, С	нет	*Нечитайло*, 1964. Т. 1. С. 68; Т. 2. С. 115, рис. 113, *2-4*; 1978. С. 37, рис. 14, *3*; *Николаева*, 2011. С. 320, рис. 16, *V**

Таблица 1. Продолжение

1	2	3	4	5	6	7	8
7. Район Кавминвод							
7.1	II.3.2	Суворовский 6/4	у левого плеча	СКК (3 этап)	выт, З	бусины бр., бусины перл.	*Нечитайло*, 1966. Т. 1. С. 52; Т. 2. С. 71, рис. 73; 1978. С. 40, 41, 43, рис. 17, *4*; 1979. С. 38; *Николаева*, 2011. С. 418, рис. 114, *IV**
7.2	I.3.2	Суворовский 8/8	у правого локтя	СКК (2/3 эт.)	выт, ЮЮЗ	нет	*Нечитайло*, 1966. Т. 1. С. 64; Т. 2. С. 85, рис. 89; 1979. С. 45, рис. 47; *Николаева*, 2011. С. 420, рис. 116, *II**
7.3	I.2.2	Суворовский 17/13	у левого плеча	СКК (2/3 эт.)	выт, СЗ	нет	*Нечитайло*, 1978. С. 49, рис. 21, *2*; 1979. С. 79, рис. 84, *1,2; Николаева*, 2011. С. 424, рис. 120, *I**
7.4	I.2.2	Суворовский 17/15	у правой кисти	СКК (2/3 эт.)	двойное: оба – выт, ЮЮЗ	сосуд кер., подвески бр.	*Нечитайло*, 1978. С. 42, 49, рис. 21, *1*; 1979. С. 80, рис. 84, *3,4*; *Николаева*, 2011. С. 424, рис. 120, *II**
7.5	I.2.2	с. Учкекен, находка					Бронзовый век..., *2013*. С. 589, рис. 300, *12*
7.6	II.б/у	х. Водопадный, находка					*Кореневский*, 1990а. С. 61, 167, рис. 49, *5**
7.7	?	поселение «Замок», находка (небольшой фрагмент)					*Кореневский*, 1990б. С. 4, 27, рис. 11, *3*
7.8	II.2.3	Нежинский I 1/2	у левого плеча	СКК (2 этап)	выт, Ю	подвески бр.	*Кореневский*, 1982. Т. 1. С. 14; Т. 2. С. 9, рис. 29; 1990а. С. 61, 167, рис. 49, *8*; *Николаева*, 2011. С. 341, рис. 37, *I*
7.9	II.3.2	Нежинский I 1/6	справа от груди	СКК (2/3 эт.)	выт, СЗ	сосуд кер., бусы кост., вис. кольцо бр., астрагал, кость жив.	*Кореневский*, 1982. Т. 1. С. 20; Т. 2. С. 18, 19, рис. 58, 59; 1990а. С. 61, 167, рис. 49, *9*; *Николаева*, 2011. С. 344, рис. 40, *I*
7.10	II.3.3	Нежинский I 2/12	у правого плеча, воткнут в землю	СКК (3 этап)	двойное: оба – выт, ЮЮВ	фрагменты сосудов кер., подвеска бр., медальон бр., пронизи бр., бусы бр., паст. и гешировые	*Кореневский*, 1982. Т. 1. С. 57; Т.2. С. 21, 22, рис. 251, 252; 1990а. С. 61, 168, рис. 50, *5**; 1993. Рис. 1, *6*
7.11	II.2.2	Нежинский I 3/6	у левой плечевой	СКК (2/3 эт.)	выт, В	предмет кост.	*Кореневский*, 1983. Т. 1. С. 25; Т. 2. С 13, рис. 36, 37; 1990а. С. 61, 167, рис. 49, *7*; *Николаева*, 2011. С. 343, рис. 39, *III**
7.12	I.3.2	Нежинский II 5/8	у левого плеча	СКК (2/3 эт.)	двойное: разруш., В (?)	сосуд кер., кости жив.	*Кореневский*, 1986. Т. 1. С. 23; Т. 2. С. 22, рис. 165, 166; 1993. Рис. 1, *4*

Таблица 1. Продолжение

1	2	3	4	5	6	7	8
7.13	II.1.2	Нежинский II 5/10	на правом предпл.	СКК (2/3 эт.)	выт, СЗ	сосуд кер.	*Кореневский*, 1986. Т. 1. С. 24; Т. 3. С. 2, рис. 176, 177; 1993. С. 81. Рис. 1, *2*
7.14	I.3.1	г. Кисловодск, («Красные камни»), находка					*Марковин*, 1959. С. 4, 19, рис. 1, *71**, 6, *5*; 1960. Рис. 9, *8**, 46, *71**, 50, *14**; *Кореневский*, 1990а. С. 168, рис. 50, *1**
7.15	I.3.2	г. Кисловодск, находка					*Марковин*, 1960. Рис. 9, *19**; 1994а. С. 270, табл. 80, *61**; *Сафронов*, 1968. Рис. 1, *3*, 3, *18*; *Кореневский*, 1990а. С. 168, рис. 50, *4**
7.16	II.3.2	г. Кисловодск («Долина Нарзанов»), находка					*Марковин*, 1960. Рис. 9, *22**; 1994а. С. 270, табл. 80, *53**; *Сафронов*, 1968. Рис. 2, *30* *(обозначен как «Пятигорье»)*
7.17	II.1.2	г. Кисловодск, («по дороге к горе Бермамыт»), находка					*Марковин*, 1960. Рис. 31, *26*; 1976. С. 195, рис. 1, *5*
7.18	II.3.2	г. Кисловодск («у военного городка»), находка				сосуд кер.	*Сафронов*, 1968. Рис. 1, *27*, 2, *27*, 4, *3*; 1974. С. 282, рис. 59, *1**; Николаева, 2011. С. 330, рис. 26, *II**
7.19	I.3.3	г. Кисловодск («у мясокомбината»), находка				сосуд кер.	*Сафронов*, 1968. Рис. 4, *2*; 1974. С. 282, рис. 59, *2**; Николаева, 2011. С. 330, рис. 26, *III**
7.20	II.2.2	гора Ракитная 2/9	у лев. кисти, воткнут в дно	СКК (2/3 эт.)	выт, В	нож бр., терочник кам., отщеп кр., кости жив.	*Симакин*, 1967. Т. 1. С. 10; Т. 2. С. 6, рис. 9; *Кореневский*, 1990а. С. 167, рис. 49, *1**
7.21	II.б/у	гора Джинал, находка					*Кореневский*, 1990а. С. 61, 167, рис. 49, *5**
7.22	I.2.2	г. Кисловодск, находка					*Сафронов*, 1968. Рис. 3, *15*
7.23	I.3.2	г. Кисловодск, Три камня 4/8	«у лев. бока»	СКК (2/3 эт.)	выт, С	сосуд кер., 2 терочника кам., кости жив.	*Самоквасов*, 1908. С. 28; *Tallgren*, 1931. S. 127, 129, 130, abb. 1; *Марковин*, 1960. Рис. 20, *2**; 1994а. С. 270, табл. 80, *58**
7.24	I.3.1	г. Ессентуки, находка					*Марковин*, 1959. С. 4, 19, рис. 1, *72**, 6, *7*; 1960. Рис. 9, *9**, 46, *72**, 50, *15**; *Кореневский*, 1990а. С. 168, рис. 50, *2**
7.25	I.1.1	г. Ессентуки, находка					*Марковин*, 1959. С. 19, рис. 6, *2*
7.26	II.3.2	Белый Уголь II 1/9	у левого запястья	СКК (2 этап)	выт, ССВ	нет	*Бабенко*, 2003. Т. 1. С. 34, 35; Т. 2. С. 61, рис. 173, 174

Таблица 1. Продолжение

1	2	3	4	5	6	7	8
7.27	I.1.1	г. Минеральные Воды, находка					*Марковин*, 1960. Рис. 31, *28*; 1976. С. 195, рис. 1, *7*
7.28	I.3.2	Иноземцево I 1/21	слева от кисти, воткнут в землю	СКК (2/3 эт.)	выт, СЗ	сосуд кер., бусы кост.	*Березин Я.*, 2000. Т. 1. С. 48; Т. 2. С. 68, рис. 202, *1*
7.29	I.2.2	Иноземцево I 3/3	слева от таза	СКК (2/3 эт.)	выт, ЮВ	кости жив.	*Березин Я.*, 2000. Т. 1. С. 134; Т. 2. С. 158, рис. 485
7.30	I.3.2	«Машук»вин-совхоз 1/5	у правого предплечья	СКК (3 этап)	выт, З	гвоздь бр., нож бр., терочник кам., 2 вис. кольца: зол. и «сурьмяное», подвески бр., «заклепки» бр., бусы бр.	*Афанасьев*, 1975. С. 5, 18, рис. 11, *2*, фото 14; *Кореневский*, 1990а. С. 61, 135. Рис. 11, *1*; 1993. Рис. 1, *5*; *Николаева*, 2011. С. 344, рис. 4, *II*
7.31	II.3.2	г. Пятигорск, находка					*Уваров*, 1881. С. 143, табл. 45, *5700*; *Марковин*, 1960. Рис. 9, *16**; 1994а. С. 270, табл. 80, *57**; *Сафронов*, 1968. Рис. 2, *26*
7.32	II.3.2	г. Пятигорск, находка					*Марковин*, 1960. Рис. 9, *21**; 1994а. С. 270, табл. 80, *54**; *Сафронов*, 1968. Рис. 2, *24*
7.33	II.1.2	Пятигорье, находка					*Марковин*, 1960. Рис. 31, *29*; 1976. С. 195, рис. 1, *6*
7.34	I.3.2	Пятигорье, находка					*Марковин*, 1960. Рис. 44, 17*; *Сафронов*, 1968. Рис. 1, *10*, 3, *39* *(на рис. 3 обозначен как «Северная Осетия»)*
7.35	II.2.1	Пятигорье, находка					*Сафронов*, 1968. Рис. 1, *25*, 2, *25*
7.36	II.2.1	Пятигорье, находка					*Сафронов*, 1968. Рис. 1, *26*, 2, *28*
7.37	II.2.1	Пятигорье, находка					*Сафронов*, 1968. Рис. 2, *18*
7.38	II.2.2	Пятигорье, находка					*Сафронов*, 1968. Рис. 2, *19*
7.39	II.2.3	Пятигорье, находка					*Сафронов*, 1968. Рис. 2, *20*
7.40	II.3.2	Пятигорье, находка					*Сафронов*, 1968. Рис. 2, *22*
7.41	II.2.2	Пятигорье, находка					*Сафронов*, 1968. Рис. 1, *33*, 2, *29*
7.42	I.3.2	Пятигорье, находка					*Сафронов*, 1968. Рис. 3, *35*
7.43	I.3.2	Пятигорье, находка					*Сафронов*, 1968. Рис. 3, *36*

Таблица 1. Продолжение

1	2	3	4	5	6	7	8
7.44	II.2.3	кол. Константиновская («погр. 3»), находка					Каталог собрания древностей..., 1907. С. 9, рис. 4; *Марковин*, 1959. С. 4, рис. 1, *76**; 1960. Рис. 9, *18**, 44, *12**, 46, *76**, 50, *88**; 1994а. С. 270, 280, табл. 80, *55**, 86, *20**; *Сафронов*, 1968. Рис. 1, *38*, 2, *23*, 4, *25*; 1974. С. 299, рис. 76, *3*
7.45	I.2.2	кол. Константиновская 1/2	у головы	СКК (3 этап)	выт, З	сосуд кер., тесло бр., нож бр., шило бр., подвески бр., вис. кольцо сер., бусы бр., бусы из раковин	*Tallgren*, 1931. S. 132, abb. 19; *Äyräpää*, 1933. S. 58, abb. 51; *Марковин*, 1960. Рис. 20, *6**, 44, *15**; 1994а. С. 260, 270, 280, табл. 74, *18**, 80, *59**, 86, *23**; 1999. С. 40, рис. 1, *9*; *Сафронов*, 1968. Рис. 1, *2*, 3, *21*, 4, *1*; 1974. С. 288, рис. 65
7.46	II.2.2	Константиновское плато к. 2, находка в насыпи		СКК (2/3 эт.)			*Марковин*, 1999. С. 27, рис. 4, 9
7.47	II.2.1	Константиновское плато к. 2, находка в насыпи		СКК (2/3 эт.)			*Марковин*, 1999. С. 27, рис. 4, *12*
7.48	I.2.2	Константиновское плато 2/6А	под левым локтем	СКК (3 этап)	двойное: выт и ск лб, оба – В («в обнимку»)	сосуд кер.	*Гумилевский*, 1952. С. 31, 32, рис. 11; *Сафронов*, 1974. С. 281, рис. 58; *Марковин*, 1999. С. 29, 46, рис. 7, *11*; *Кореневский*, 1990а. С. 61. С. 168, рис. 50, *3**; 1993. Рис. 1, *3**; *Николаева*, 2011. С. 323, 330, рис. 19, *III*, 26, *I**
7.49	II.3.1	Константиновское плато 2/7	слева от таза	СКК (3 этап)	двойное: оба – выт, Ю	2 сосуда кер., подвески бр., пронизи бр., кости жив.	*Гумилевский*, 1952. С. 37, 38, рис. 16; *Сафронов*, 1974. С. 279, рис. 56; *Кореневский*, 1990а. С. 61, 167, рис. 49, *4**; 1993. Рис. 1, *7*; *Марковин*, 1999. С. 29, 47, рис. 8, *7*; *Николаева*, 2011. С. 321, рис. 17
7.50	II.2.2	Константиновское плато 2(4)/8(14)	на левой половине груди	СКК (2 этап)	выт, ВЮВ	сосуд кер., терочник кам., подвески бр.	*Ртвеладзе*, 1965. Т. 1. С. 28; Т. 2. С. 40, табл. XXXIX, *8*; *Сафронов*, 1974. С. 280, рис. 57; *Кореневский*, 1990а. С. 61, 167, рис. 49, *3**; *Марковин*, 1999. С. 33, 52, рис. 13, *5*; *Николаева*, 2011. С. 329, рис. 25*

Таблица 1. Продолжение

1	2	3	4	5	6	7	8
7.51	II.2.1	Константиновское плато 2(4)/16	в левой руке	СКК (2 этап)	выт, В	нет	*Ртвеладзе*, 1965. Т. 1. С. 31; Т. 2. С. 41, табл. XL, *5*; *Кореневский*, 1990а. С. 61, 167, рис. 49, *2**; *Марковин*, 1999. С. 34, 54, рис. 15, *13*
7.52	II.2.2	Горячеводский I 1/2	слева от руки	СКК (2/3 эт.)	выт, В (?)	сосуд кер., нож бр.	*Батчаев*, 1999. Т. 1. С. 7; Т. 2. С. 10, рис. 34
7.53	II.2.1	Горячеводский II 14/2	у левого локтя	СКК (2/3 эт.)	выт, В	нет	*Батчаев*, 2002. Т. 1. С. 34; Т. 2. С. 54, рис. 288
7.54	I.1.2	ст. Незлобная, находка					*Сафронов*, 1968. Рис. 1, *40*
7.55	II.2.1	с. Урухское, находка					*Деген*, 1941. С. 238, 239; рис. 33, *1*; *Сафронов*, 1968. Рис. 1, *24*, 2, 43
7.56	I.3.2	х. Родниковский, находка					*Марковин*, 1959. С. 19, рис. 6, *8*; 1960. Рис. 9, *17**, 50, *89**; 1994а. С. 270, 280, табл. 80, *60**, 86, *25*; *Сафронов*, 1968. Рис. 1, *1*, 3, *17*
8. Территория Кабардино-Балкарии							
8.1	II.2.2	Кабарда, находка					*Сафронов*, 1968. Рис. 2, *56*
8.2	II.2.3	Кабарда, находка					*Chantre*, 1885. Т. 1. Pl. I, *8-10*; *Äyräpää*, 1933. S. 58, abb. 53
8.3	II.2.1	с. Каменномостское 1/1	на перекрытии	СКК (2/3 эт.)	не установлено	более 150 отщепов кр., обломки обсидиана, терочник кам.	*Гриневич*, 1949. Рис. 79; 1950. С. 208, рис. 1; 1951. С. 126,127, рис. 2, *1,2*; *Сафронов*, 1968. Рис. 2, *31*
8.4	I.2.3	Камлюко 1/3	слева от черепа	СКК (2/3 эт.)	выт, В	сосуд кер.	*Ионе*, 1963. Т. 1. С. 7-8; *Чеченов*, 1965. С. 299, 303, рис. 1, *6*
8.5	II.2.2	Прогресс II 1/1	между пр. кистью и тазом	СКК (2/3 эт.)	выт, СВ	сосуд кер.	*Березин С.*, 2010. Т. 1. С. 14; Т. 2. С. 20, рис. 52
8.6	II.2.3	Прогресс II 3/6	у левого плеча	СКК (3 этап)	выт, СЗ	нет	*Березин С.*, 2009. Т. 1. С. 64; Т. 2. С. 140, рис. 362
8.7	II.3.1	Прогресс II 3/10	справа от плечевой	СКК (3 этап)	выт, В	гвоздь бр. – от черенка топора, подвески бр.	*Березин С.*, 2009. Т. 1. С. 68; Т. 2. С. 148, рис. 384, *1*
8.8	I.3.2	с. Малка, находка					*Николаева*, 2011. С. 270, 371, рис. 67; *Бронзовый век...*, 2013. С. 420, рис. 118, *1*

Таблица 1. Продолжение

1	2	3	4	5	6	7	8
8.9	I.н/с	с. Куба, находка					*Марковин*, 1960. Рис. 13, *1**
8.10	I.1.1	с. Верхний Баксан, находка					*Марковин*, 1960. Рис. 13, *3**
8.11	II.2.2	с. Лашкута, находка					*Марковин*, 1960. Рис. 13,*35**; *Сафронов*, 1968. Рис. 2, *51*
8.12	II.3.2	Кёнделенская I 423/4	у левого локтя	СКК (2 этап)	выт, В	сосуд кер.	*Клещенко*, 2015а. Т. 1. С. 109; Т. 4. С. 107, илл. 520
8.13	II.2.2	Кёнделенская I 423/6	на левом локте	СКК (2 этап)	выт, ЮЮВ	сосуд кер.	*Клещенко*, 2015а. Т. 1. С. 114; Т. 4. С. 137, илл. 575
8.14	I.2.3	Кёнделенская I 423/13	в цент ре ямы (?)	СКК (2 этап)	выт, В (?)	антропоморфная статуэтка алебастровая (?)	*Клещенко*, 2015а. Т. 1. С. 129; Т. 4. С. 217, илл. 696
8.15	II.н/с	Кёнделенская I 424/4	у левой плечевой	СКК (2 этап)	выт, СВ	нож бр., подвески бр.	*Клещенко*, 2015а. Т. 1. С. 152; Т. 5. С. 74, илл. 852
8.16	II.2.2	Кёнделенская I 425/10	у правого предпл.	СКК (1 этап)	выт, С	нож бр., накладка кост., отщепы кр.	*Клещенко*, 2015а. Т. 1. С. 182; Т. 5. С. 220, 221, илл. 1111, 1112
8.17	I.2.2	Кёнделенская I 425/12	у правого локтя	СКК (1 этап)	выт, В	2 ножа бр.	*Клещенко*, 2015а. Т. 1. С. 187; Т. 5. С. 242, 243, илл. 1149, 1150
8.18	I.2.3	Кёнделенская I 426/7	у правого бедра	СКК (2 этап)	двойное: оба – выт, ЮВ	нож бр., 11 наконечников стрел кр.	*Клещенко*, 2015а. Т. 1. С. 225; Т. 6. С. 174, 175, илл. 1484, 1485
8.19	I.2.2	с. Заюково, находка					*Марковин*, 1960. Рис. 13, *44**; *Сафронов*, 1968. Рис. 3, *29*
8.20	II.3.2	с. Заюково, находка					*Круглов, Подгаецкий*, 1941. С. 182, табл. IV, *2*; *Сафронов*, 1968. Рис. 2, 33
8.21	I.3.2	Заюково, пос. на холме Хекуардо					*Шафиев*, 1962. С. 4, фото 2
8.22	II.2.2	Заюково 2/2	у левого локтя	СКК (2/3 эт.)	выт, В	2 сосуда кер., 2 терочника кам.	*Иессен*, 1941б. С. 226, 228, табл. XXXVIII, *3*; *Марковин*, 1960. Рис. 25, *4**; *Сафронов*, 1968. Рис. 1, *31*; Бронзовый век..., *2013* С. 425, рис. 125, *2*; *Николаева*, 2011. С. 370, рис. 66, *II**

Таблица 1. Продолжение

1	2	3	4	5	6	7	8
8.23	I.3.2	с. Атажукино, находка					*Марковин*, 1960. Рис. 13, *41**, 44, *16**; 1994а. С. 280, табл. 86, *24**; *Сафронов*, 1968. Рис. 3, *26*
8.24	I.1.2	с. Атажукино, находка					*Марковин*, 1959. С. 4, рис. 1, *68**; 1960. Рис. 46, *68**, 50, *12**
8.25	II.2.3	с. Кызбурун III, находка					*Марковин*, 1960. Рис. 13, *29**
8.26	II.2.3	с. Кишпек, находка					*Круглов, Подгаецкий*, 1941. С. 182, табл. IV, *3*; *Сафронов*, 1968. Рис. 2, *50*
8.27	II.2.1	с. Кишпек, находка					*Деген*, 1941. С. 238, табл. XI, *1*
8.28	II.3.2	с. Верхний Чегем, находка					*Иессен*, 1941а. С. 41, табл. I, *6*; *Марковин*, 1960. Рис. 13, *4*
8.29	II.3.2	с. Чегем (Чишок), находка					*Марковин*, 1960. Рис. 13, *31**
8.30	I.3.2	с. Нижний Чегем, находка					*Иессен*, 1941а. С. 41, табл. I, *1*
8.31	I.1.2	Чегем I 5/1	справа от груди	СКК (3 этап)	выт, В	сосуд кер., медальон бр., подвески бр.	*Мизиев, Бетрозов*, 1972. Т. 1. С. 16; Т. 2. Рис. 11, *В-4*, 12, *Б-7*; *Мизиев и др.*, 1973. С. 26, рис. 14, *4*; *Бетрозов, Нагоев*, 1984. С. 10, 79, рис. 30, *21*; *Николаева*, 2011. С. 360, рис. 56, *II**; *Кореневский*, 1993. С. 81. Рис. 1, *1*
8.32	I.3.3	Чегем I 21/3	в ЮВ углу	СКК (2/3 эт.)	площадка на древнем горизонте	нож бр.	*Мизиев, Бетрозов*, 1972. Т. 1. С. 47; Т. 2. Рис. 40, *А-3*; *Мизиев и др.*, 1973. С. 26, рис. 14, *1*; *Бетрозов, Нагоев*, 1984. С. 16, 79. Рис. 30, *23*; *Николаева*, 2011. С. 352, рис. 48, *I**
8.33	II.2.2	Чегем II 15/1	у З стенки	СКК (3 этап)	?	сосуд кер., вис. кольцо зол.	*Нагоев*, 1972. Т. 1. С. 17; Т. 2. Рис. 34, *А-1*; *Мизиев и др.*, 1973. С. 26, рис. 14, *2*; *Бетрозов, Нагоев*, 1984. С. 26, 79, рис. 30, *25*; *Николаева*, 2011. С. 354, рис. 50, *II**
8.34	II.2.2	Чегем II 16/1	в заполнении	СКК (3 этап)	?	фрагменты сосуда кер., пронизи бр., бусы бр., кости жив.	*Нагоев*, 1972. Т. 1. С. 18; Т. 2. Рис. 35; *Мизиев и др.*, 1973. С. 26, рис. 14, *3*; *Бетрозов, Нагоев*, 1984. С. 26, 79, рис. 30, *24*; *Николаева*, 2011. С. 351, рис. 47, *II**

Таблица 1. Продолжение

1	2	3	4	5	6	7	8
8.35	I.2.2	Чегем II 39/1	у левого плеча	СКК (2/3 эт.)	выт, ЮВ	сосуд кер.	*Бетрозов, Нагоев*, 1973. Т. 1. С. 29; Т. 2. Рис. 57, *2*, 58, *А*; 1984. С. 31, 79, рис. 30, *22*; *Николаева*, 2011. С. 363, рис. 59, *I**
8.36	II.2.1	Чегем II 2-я гр. 6/1	у левого плеча	СКК (3 этап)	выт, ЮВ	сосуд кер., медальон бр., подвески бр.	*Чеченов, Батчаев*, 1976. Т. 1. С. 11-12; Т. 2. Рис. 45, *1*, 46, *2*; *Чеченов*, 1984. С. 203, 206, рис. 36, *2*
8.37	II.3.2	Лечинкай 1/1	у головы или справа от груди	СКК (3 этап)	ск пб (?), ВЮВ	2 сосуда кер., нож бр., медальоны, подвески и бусы бр., 2 вис. кольца сер., бусы паст.	*Чеченов, Батчаев*, 1974. Т. 1. С. 16; Т. 2. Рис. 15, *6*, 16, *1*; *Батчаев*, 1984. С. 114, 138, рис. 18, *9*; *Николаева*, 2011. С. 377, рис. 73, *I**
8.38	I.3.2	Лечинкай 7/4	у правого плеча	СКК (3 этап)	выт, ЗЮЗ	подвески бр., медальоны бр., пронизи паст.	*Чеченов, Батчаев*, 1974. Т. 1. С. 41; Т. 3. Рис. 80, *5*, 86, *1*; *Батчаев*, 1984. С. 121, 138, рис. 18, *7*; *Николаева*, 2011. С. 379, рис. 75, *I**
8.39	II.2.3	Лечинкай 10/4	у правого локтя	СКК (2/3 эт.)	выт, В	2 сосуда кер., нож бр.	*Чеченов, Батчаев*, 1974. Т. 1. С. 51; Т. 3. Рис. 117, *5*, 124, *1*; *Батчаев*, 1984. С. 123, 138, рис. 18, *8*; *Николаева*, 2011. С. 380, рис. 76, *II*
8.40	I.2.2	с. Шалушинское, находка					*Марковин*, 1960. Рис. 13, *98**, 44, *19**; 1994а. С. 274, 280, табл. 83, *32**, 86, *27**; *Сафронов*, 1968. Рис. 1, *11*, 3, *22*
8.41	II.3.3	шоссе Нальчик-Долинское, находка					*Николаева*, 2011. С. 262, 368, рис. 64*
8.42	I.2.2	г. Нальчик, курган у шоссе, находка					Архив А.А. Иессена (поступл. в музей г. Нальчика 6.08.1927 г.) – источник: *Николаева*, 2011. С. 270, 374, рис. 70
8.43	II.3.2	г. Нальчик, Долинское поселение, находка					*Круглов, Подгаецкий*, 1941. С. 181, 205, табл. IV, *1*; *Марковин*, 1960. Рис. 13, *30**
8.44	II.2.2	г. Нальчик, находка					*Марковин*, 1960. Рис. 13, *33**; *Сафронов*, 1968. Рис. 2, *40*
8.45	II.2.2	г. Нальчик, находка					*ОАК* за 1913-1915 гг. С. 208-209, рис. 256; этот же топор (?): *Марковин*, 1960. Рис. 13, *34**; этот же топор (?): *Сафронов*, 1968. Рис. 2, *41*

Таблица 1. Продолжение

1	2	3	4	5	6	7	8
8.46	I.2.2	г. Нальчик, находка					*Марковин*, 1959. С. 4, рис. 1, *80**; 1960. Рис. 13, *39**, 46, *80**, 50, *25**, *116**; *Сафронов*, 1968. Рис. 1, *9*
8.47	I.3.2	г. Нальчик, находка					*Марковин*, 1960. Рис. 13, *40**
8.48	I.3.2	г. Нальчик, находка					*Сафронов*, 1968. Рис. 1, *4*, 3, *25*
8.49	I.2.2	г. Нальчик, находка					*Сафронов*, 1968. Рис. 1, *5*, 3, *23*
8.50	I.2.2	г. Нальчик, находка					*Сафронов*, 1968. Рис. 1, *7*, 3, *24*
8.51	II.2.2	г. Нальчик, находка					*Сафронов*, 1968. Рис. 1, *35*, 2, *38*
8.52	II.2.1	г. Нальчик, находка					*Сафронов*, 1968. Рис. 2, *37*
8.53	II.2.2	г. Нальчик, находка					*Сафронов*, 1968. Рис. 3, *32*
8.54	I.1.1	Кабардинский парк, находка у п. 4/1		СКК (2/3 эт.)	ск лб, Ю	2 сосуда кер., «гигантская» булавка бр., фр-т булавки бр., пронизь бр., бусы бр. и паст.	*Деген*, 1941. С. 227, 228, рис. 28, *3*; *Марковин*, 1960. Рис. 21, *12**; *Сафронов*, 1974. С. 274, рис. 51*
8.55	II.2.2	Кабардинский парк, «садки», находка					*Деген*, 1941. С. 238, 239, табл. X, *1*.; *Марковин*, 1960. Рис. 22, *25*; *Сафронов*, 1974. С. 276, рис. 52; *Николаева*, 2011. С. 376, рис. 72, *I*
8.56	II.б/у	с. Нартан, находка					*Деген*, 1941. С. 238-240, рис. 33, *3*
8.57	II.2.2	с. Аушигер, находка					*Деген*, 1941. С. 339, 240, рис. 33, *2*; *Сафронов*, 1968. Рис. 1, *28*
8.58	I.1.2	Старый Черек 1/4	справа от черепа	пост СКК (4 этап)	выт, З	выпрямитель кам., точило кам., нож бр., шило бр., 11 наконечников стрел и вкладыш кр.	*Бетрозов*, 1974. С. 6, 7. Рис. 4, *1*
8.59	II.2.2	с. Лескен, находка					*Марковин*, 1959. С. 4, рис. 1, *77**; 1960. Рис. 13, *28**, 46, *77**, 50, *24**; *Сафронов*, 1968. Рис. 1, *30,* 2, *44*
8.60	II.2.1	Старый Лескен 1/3	у правого плеча	СКК (2/3 эт.)	выт, ЮЮВ	2 сосуда кер.	*Крупнов* , 1949а. С. 13. Рис. 6, *2*; 1949б. С. 288, рис 7; *Марковин*, 1960. Рис. 25, *6**, 44, *11**; 1994а. С. 280, табл. 86, *19**; *Сафронов*, 1968. Рис. 1, *29*; *Николаева*, 2011. С. 370, рис. 66, *I**

Таблица 1. Продолжение

1	2	3	4	5	6	7	8
8.61	I.3.1	Матвеевский 3/5а	у левого предпл.	СКК (3 этап)	выт, В	сосуд кер., медальоны бр., подвески бр., пронизи бр., бусы бр.	*Маслов*, 2007. Т. 1. С. 47; Т. 2. С. 104, рис. 232
8.62	II.2.2	с. Ново-Полтавское, находка					*Марковин*, 1960. Рис. 13, *32**; *Сафронов*, 1968. Рис. 2, *55*
8.63	I.2.2	Арикский 1/6	?	СКК (2/3 эт.)	«скорченно», СВ	сосуд кер., вис. кольцо сер.	*Чеченов*, 1969. С. 30, рис. 9, *1*
8.64	II.2.3	Верхний Ак-баш 1/9	у левого плеча	СКК (2/3 эт.)	выт, ВСВ	сосуд кер., 2 вис. кольца в 1,5 об. «сер.»	*Крупнов*, 1948. С. 11, рис. 29; 1950а. С. 206, 207, рис. 11, 12; 1950б. С. 97, рис. 26, *15*; 1957. С. 81, рис. 19; *Марковин*, 1960. Рис. 25, *10*; *Сафронов*, 1968. Рис. 1, *37*, 2, *54*, 4, *24*; 1974. С. 298, рис. 75, *3*
9. Территория Северной Осетии							
9.1	II.2.2	«Осетия», находка					Бронзовый век..., 2013. С. 427, рис. 129, *1*
9.2	I.2.2	Северная Осетия, находка					*Сафронов*, 1968. Рис. 3, *38*
9.3	II.3.2	с. Ново-Осетинское, находка					*Деген*, 1941, С. 240, 261, рис. 40, *11*; *Сафронов*, 1968. Рис. 2, *58*
9.4	I.1.2	Моздок, находка					*Уваров*, 1881. С. 143, табл. 45, *5698*; *Chantre*, 1885. Т. 1. Pl. I, *13*
9.5	I.1.2	Галюгай II 1/3	перед грудью	ФСБр (5 этап)	ск лб адорат., СВ	терочник кам.	*Кореневский*, 1988. Т. 1. С. 60. Т. 2. Рис. 119; 2018. С. 59, рис. 6, *1*
9.6	II.3.2	Урух (Хазнидон) 5/4	на левой плечевой (?)	СКК (3 этап)	выт, ЮВ	сосуд кер., медальоны бр., пронизи бр., подвески бр., кольца вис., бусы бр.	*Николаева*, 2011. С. 291, 416, рис. 112*
9.7	II.2.2	Урух (Хазнидон) 1/2	у правой плечевой	СКК (3 этап)	выт, В	4 сосуда кер., нож бр., подвески бр.	*Николаева*, 1981. С. 93, рис. 3, *3*; 2011. С. 288, 401, рис. 97*
9.8	II.2.3	с. Дигора, находка					*Марковин*, 1960. Рис. 13, *37**, 50, *117**; *Сафронов*, 1968. Рис. 2, *47*

Таблица 1. Продолжение

1	2	3	4	5	6	7	8
9.9	I.3.2	с. Дигора (с. Христиановское), находка					*Tallgen*, 1931. S. 137,138, abb. 49; *Äyräpää*, 1933. S. 58, abb. 52; этот же топор (?): *Марковин*, 1960. Рис. 13, *43**; *Сафронов*, 1968. Рис. 1, *8*, 3, *28*
9.10	II.2.2	с. Дигора, находка					*Крупнов*, 1951. С. 40, 41, рис. 8, *6, 7*; *Сафронов*, 1968. Рис. 1, *34*, 4, *14*; 1974. С. 297, рис. 74
9.11	II.3.2	с. Ардон, находка					*Марковин*, 1959. С. 19, рис. 6, *6*; 1960. Рис. 13, *36**; *Сафронов*, 1968. Рис. 2, *46*
9.12	I.1.2	Дзуарикау 2/2	в центре ямы	СКК (3 этап)	кенотаф	4 сосуда, вис. кольцо сер.	*Николаева, Сафронов*, 1976. Т. 1. С. 29; Т. 2. Рис. 123, *а, б*; 1980. С. 30, 33, рис. 7, *10*; *Николаева*, 2011. С. 472, рис. 7, *III**
9.13	II.2.2	Дзуарикау II 6/9	вместе с сосудами	СКК (3 этап)	не определено	2 сосуда кер.	*Караев*, 2008. Т. 1. С. 42; Т. 2. Рис. 144
9.14	I.3.2	Дзуарикау II 7/4	слева от черепа	СКК (3 этап)	не определено, ЮЮВ	3 сосуда кер., медальоны бр., подвески бр., 2 вис. кольца с несом. кон. сер., пронизи кост.	*Караев*, 2008. Т. 1. С. 61; Т. 2. Рис. 223
9.15	II.2.1	Дзуарикау II 7/6	в центре ямы	СКК (3 этап)	не определено	4 сосуда кер.	*Караев*, 2008. Т. 1. С. 68; Т. 2. Рис. 269
9.16	II.2.1	с. Кобан, находка					*Уварова*, 1900. С. 22, рис. 28, 29; *Крупнов*, 1951. С. 41, 42, рис. 8, *4,5*; *Марковин*, 1960. Рис. 13, *38**; *Сафронов*, 1968. Рис. 2, *49 (значится как «Орджоникидзе»)*
9.17	I.3.2	г. Орджоникидзе, находка					*Марковин*, 1960. Рис. 13, *42**; *Сафронов*, 1968. Рис. 3, *27*
9.18	I.3.2	Ногир 1/8	в центре ямы	СКК (3 этап)	кенотаф	сосуд кер., нож бр., шило бр., выпрямитель кам., абразив кам., подвески бр., пронизи и бусы паст., бусы из зубов sparus	*Николаева, Сафронов*, 1977. Т. 1. С. 29; Т. 2. Рис. 65, 68; *Николаева*, 1981. С. 89, 91, рис. 1, *8*; 2011. С. 396, рис. 92, *I**

Таблица 1. Продолжение

1	2	3	4	5	6	7	8
10. Бассейн р. Сунжа							
10.1	II.2.2	Сурхахи, находка					*Сафронов*, 1968. Рис. 2, 53
10.2	I.1.2	Первомайское (Галашки) п. 3	перед грудью	СКК ?	ск лб, ЮВ	4 сосуда кер., бусина сердоликовая, вис. кольцо в 1,5 оборота бр.	*Крупнов*, 1948. С. 99, рис. 92; 1950б. С. 88-89, рис. 23, *11*, *12*; *Марковин*, 1960. Рис. 38, *10*, 44, *14**; 1994а. С. 280, табл. 86, *22**; *Сафронов*, 1968. Рис. 1, *39*, 2, *52*, 4, *23*; 1974. С. 298, рис. 75, *4*
10.3	I.1.2	Верхний Алкун, находка					Крупнов, 1941. С. 160, рис. 1
10.4	II.1.2	Бамут (Новый Аршти) 8 (22)/1	у плечевых	СКК (2/3 эт.)	ск лб, ЮЗ	нет	*Крупнов и др.*, 1960. Т. 1. С. 13; *Мунчаев*, 1962. С. 190, 197, рис. 7, *2*
10.5	I.н/с	г. Грозный, Черноречье, находка					*Милорадович*, 1956. С. 133, 134, рис. 57; *Марковин*, 1959. С. 4, 19, рис. 1, *86**, 6, 9; 1960. Рис. 15, *39**, 46, *86**; 1994а. С. 274, табл. 83, *58**; *Сафронов*, 1968. Рис. 1, *18*
10.6	I.б/у	Гатын-Кале погр. 30	в заполнении	ГК (5 этап)	кости в заполнении	в заполнении: фрагменты кер., пряжка кост., пронизь бр., бисер паст., отщепы кр.; на дне: 5 сосудов, астрагалы, кости жив.	*Марковин и др.*, 1959. Т. 1. С. 22-31; Т. 3. Рис. 59; *Марковин*, 1963. С. 90, 91, рис. 24, *1*; *Магомедов*, 1998. С. 339, рис. 111, *3*
10.7	I.1.2	Гатын-Кале погр. 30	у головы	ГК (5 этап)	выт, ССЗ		*Марковин и др.*, 1959. Т. 1. С. 22-31; Т. 3. Рис. 58; *Марковин*, 1963. С. 92, 94, рис. 25, *1*; *Магомедов*, 1998. С. 339, рис. 111, *4*
10.8	II.1.2	Дуба-Юрт погр.	?	?	«скорченно»	2 сосуда кер.	*Виноградов и др.*, 1966. Т. 1. С. 172; Т. 3. Рис. 12, *2*; *Виноградов, Рунич*, 1969. С. 98, 126, рис. 6, *2*; *Магомедов*, 1998. С. 339, рис. 111, *1*
10.9	I.1.2	с. Шали, находка					*Марковин*, 1960. Рис. 15, *15**
10.10	I.1.1	с. Ведено, находка					*Магомедов*, 1998. С. 339, рис. 111, *2*

Таблица 1. Продолжение

1	2	3	4	5	6	7	8
10.11	I.1.2	Бельтинский № 2 погр. 10	у головы ?	ГК (5 этап)	ск лб, В и перемешанные кости	3 сосуда кер., браслет бр., подвески бр., колпачки бр., бисер паст., бусы из стенок раковин, подвески из когтей животных, наконечники стрел кост. и кр.	*Петренко*, 1978. Т. 1. С. 49; Т. 2. Рис. 68, *1*; *Виноградов, Хашегульгов*, 1988. С. 79, 90, рис. 9, *1*
10.12	I.1.2	Бельтинский № 2 погр. 10	у головы ?	ГК (5 этап)	ск лб, В и перемешанные кости		*Петренко*, 1978. Т. 1. С. 49; Т. 2. Рис. 68, *2*; *Виноградов, Хашегульгов*, 1988. С. 79, 90, рис. 9, *2*; *Магомедов*, 1998. С. 339, рис. 111, *7*
10.13	I.1.3	Бельтинский № 2 погр. 11	у кисти, перед лицом	ГК (5 этап)	двойное: оба – ск лб адорат., В	7 сосудов кер., булавы кам., вис. кольца бр.	*Петренко*, 1978. Т. 1. С. 51; Т. 2. Рис. 72, *1*; *Виноградов, Хашегульгов*, 1988. С. 79, 91, рис. 10, *9*; *Магомедов*, 1998. С. 339, рис. 111, *6*
10.14	I.1.3	Бельтинский № 2 разруш. погребение		ГК (5 этап)			*Петренко*, 1978. Т. 1. С. 37; Т. 2. Рис. 44, *27*; *Виноградов, Хашегульгов*, 1988. С. 78, 87, рис. 6, *22*; *Магомедов*, 1998. С. 339, рис. 111, *5*
11. Бассейн р. Сулак и приморская часть Дагестана							
11.1	I.3.2	Дагестан, находка					*Марковин*, 1960. Рис. 15, *12**
11.2	II.1.2	Сигитминское поселение, помещ. № 3		КАК (2/3 эт.)			*Канивец*, 1957. Т. 1. С. 4-43; Т. 3. Табл. 60; *Гаджиев*, 1983. С. 25, 27, рис. 13, *15*; 1988. С. 8, 17, рис. 1, *12*
11.3	I.б/у	Чиркейское поселение, помещ. № 7		КАК (2/3 эт.)			*Гаджиев и др.*, 1966. Т. 1. С. 20; Т. 2. Рис. 10, *4*; 1988. С. 8, 16, рис. 1, *10*
11.4	I.2.2	Чиркейское поселение, пристр. к помещ. № 3		КАК (2/3 эт.)			*Гаджиев и др.*, 1966. Т. 1. С. 30; Т. 2. Рис. 22, *4*; Гаджиев, 1983. С. 19, рис. 9, *23*; 1988. С. 8, 16, рис. 1, *11*
11.5	I.б/у	Геме-тюбе I посел., находка		КАК ? (2/3 эт.)			*Гаджиев*, 1988. С. 8, 17, рис. 1, *9*
11.6	I.б/у	Геме-тюбе II посел., находка		КАК ? (2/3 эт.)			*Гаджиев*, 1988. С. 8, 17, рис. 1, *7*; *Гей*, 2000. С. 156, рис. 47, *14*
11.7	I.б/у	Геме-тюбе II посел., находка		КАК ? (2/3 эт.)			*Гей*, 2000. С. 156, рис. 47, *13*
11.8	I.б/у	Кабаз-кутан посел., находка		КАК (2/3 эт.)			*Гаджиев*, 1998. Т. 1. С. 35; Т. 2. Рис. 100, *1*, 101

Таблица 1. Окончаие

1	2	3	4	5	6	7	8
11.9	I.3.2	Великент I п. 3		ВК (2/3 эт.)	разрушено		*Марковин*, 1994б. С. 310, табл. 97, *17**
11.10	II.2.2	Великент III п. 11		ВК (2/3 эт.)		сосуды кер., топор, ножи, шилья, тесла, долото, булавки, браслеты, бляхи, медальоны, пронизи, вис. кольца бр., булавы кам., наконечник стрелы кр., проколка кост., бусы бр., кер., серд., гаг., янт., хруст., паст., астрагалы, кости жив.	*Гаджиев*, 1997. Т. 1. С. 51; Т. 3. Рис. 105, *1*, 120, *281*; *Gadzhiev et al.*, 2005. С. 77, fig. 19, *6*
11.11	I.2.2	Великент III п. 11		ВК (2/3 эт.)	из отвала		*Гаджиев*, 1997. Т. 1. С. 51; Т. 3. Рис. 123, *340*, 124; *Gadzhiev et al.*, 2005. С. 77, fig. 19, *14*
11.12	I.2.3	Великент III п. 11		ВК (2/3 эт.)			*Гаджиев*, 1997. Т. 1. С. 51; Т. 3. Рис. 105, *1*, 118, *246*; *Gadzhiev et al.*, 2005. С. 77, fig. 19, *15*
11.13	I.1.2	Великент III п. 11		ВК (2/3 эт.)	из отвала		*Гаджиев*, 1997. Т. 1. С. 51; Т. 3. Рис. 123, *341*, 125; *Gadzhiev et al.*, 2005. С. 77, fig. 19, *19*

Примечания:

Для столбца «*Культура*»: ЯК – ямная, НТ – новотиторовская, СКК – северокавказская, РКК – раннекатакомбная, КАК – куро-араксская, ВК – великентские катакомбы, ВПКК – восточноприазовская, ЗМКК – западноманычская, ВМКК – восточноманычская, БатКК – батуринская, ГК – гинчинская культура, ФСБр – финал средней бронзы.

Для столбца «*Обряд*»: ктк – «катакомба» (в остальных случаях подразумевается «яма»), ск лб – скорченно на левом боку, ск пб – скорченно на правом боку, ск сп – скорченно на спине, выт – вытянуто, адорат. – адоративно.

Для столбца «*Сопровождающий инвентарь*»: кер. – керамический, дер. – деревянный, жив. – животный, кост. – костяной, кам. – каменный, кр. – кремневый, паст. – пастовый (фаянсовый), бр. – бронзовый, сер. – серебряный, зол. – золотой, серд. – сердоликовый, гаг. – гагатовый, янт. – янтарный, хруст. – хрустальный.

В столбце *«Источники»* знаком «*» помечены ссылки на публикации, масштаб изображений в которых либо неверный, либо не вполне достоверный, либо отсутствует; подчеркиванием выделены источники, из которых взято изображение.

Таблица 2. Параметры подтипов каменных топоров эпохи средней бронзы Предкавказья

МЕДИАНА

	признак															
подтип	**2**	**3**	**4**	**5**	**6**	**7**	**8**	**9**	**10**	**11**	**12**	**13**	**14**	**15**	**16**	**17**
I.1.1	0	0	180	2,12	2,02	1,08	1,58	0,98	0,69	160	0	1	0	0	0	0
I.1.2	0	0	165	3,15	2,50	1,30	1,33	1,19	0,78	140	0	1	0	0	0	0
I.1.3	0	0	160	4,89	3,32	1,43	1,35	1,44	0,86	120	15	1	1	0	0	0
I.2.2	0	0	150	3,91	2,94	1,32	1,30	1,53	0,85	128	10	1	1	1	0	0
I.2.3	0	0	150	5,27	3,80	1,37	1,27	1,81	0,97	125	10	1	1	1	0	0
I.3.1	0	0	130	2,35	1,50	1,60	1,36	1,37	0,90	125	10	0	0	1	0	0
I.3.2	0	0	125	3,47	2,54	1,40	1,36	1,61	0,89	120	10	0	1	1	0	0
I.3.3	0	0	125	4,85	3,01	1,62	1,35	2,01	1,16	113	15	0	1	1	1	0
II.1.1	0	0	180	2,07	2,16	1,00	1,45	1,04	0,69	155	0	1	1	0	0	0
II.1.2	1	0	170	3,53	2,58	1,34	1,56	1,25	0,78	135	5	1	1	0	0	0
II.2.1	1	1	140	2,60	1,93	1,34	1,47	1,34	0,86	133	10	1	0	1	0	1
II.2.2	1	1	140	3,62	2,50	1,48	1,35	1,58	0,97	130	10	1	0	1	0	0
II.2.3	1	1	140	4,81	3,25	1,56	1,37	1,91	1,05	130	10	1	1	1	0	0
II.3.1	1	1	120	2,11	1,67	1,27	1,22	1,40	0,92	148	10	1	0	1	0	1
II.3.2	1	1	120	3,28	2,10	1,55	1,30	1,61	1,08	130	15	1	0	1	0	0
II.3.3	1	1	120	5,26	2,88	1,84	1,46	2,30	1,01	110	23	0	1	1	1	0

СРЕДНЕЕ АРИФМЕТИЧЕСКОЕ

	признак															
подтип	**2**	**3**	**4**	**5**	**6**	**7**	**8**	**9**	**10**	**11**	**12**	**13**	**14**	**15**	**16**	**17**
I.1.1	0	0	176	2,10	1,97	1,08	1,55	1,01	0,67	155	4	1	0	0	0	0
I.1.2	0	0	167	3,25	2,52	1,30	1,29	1,19	0,75	139	4	1	0	0	0	0
I.1.3	0	0	162	5,05	3,41	1,49	1,31	1,49	0,87	127	14	1	1	0	0	0
I.2.2	0	0	146	3,91	2,98	1,32	1,29	1,55	0,85	127	9	1	1	1	0	0
I.2.3	0	0	147	5,50	3,99	1,42	1,31	1,83	0,96	122	13	1	1	1	0	0
I.3.1	0	0	127	2,33	1,64	1,46	1,35	1,37	0,89	127	12	0	0	1	0	0
I.3.2	0	0	124	3,51	2,56	1,38	1,38	1,59	0,88	121	11	0	1	1	0	0
I.3.3	0	0	123	4,85	3,01	1,62	1,35	2,01	1,16	113	15	0	1	1	1	0
II.1.1	0	0	178	2,15	2,19	0,98	1,66	1,08	0,70	156	2	1	1	0	0	0
II.1.2	1	0	169	3,59	2,64	1,37	1,61	1,37	0,82	140	7	1	1	0	0	0
II.2.1	1	1	139	2,52	1,85	1,38	1,45	1,36	0,87	135	9	1	0	1	0	1
II.2.2	1	1	137	3,58	2,45	1,48	1,33	1,59	0,97	130	9	1	0	1	0	0
II.2.3	1	1	139	4,92	3,17	1,56	1,38	1,91	1,02	130	10	1	1	1	0	0
II.3.1	1	1	118	2,11	1,67	1,27	1,22	1,40	0,92	148	10	1	0	1	0	1
II.3.2	1	1	118	3,33	2,11	1,59	1,33	1,63	1,03	133	14	1	0	1	0	0
II.3.3	1	1	120	5,26	2,88	1,84	1,46	2,30	1,01	110	23	0	1	1	1	0

Таблица 3. Данные распределения подтипов каменных топоров эпохи средней бронзы по районам Предкавказья

ПОДТИП	РЕГИОН										
	1	**2**	**3**	**4**	**5**	**6**	**7**	**8**	**9**	**10**	**11**
I.1.1	8	3	3	1	1		2	2		1	
I.1.2	3	4	8		3		1	3	3	5	1
I.1.3		1	2							3	
I.2.2	1	2	4	1	3		7	9	1		2
I.2.3	2	5	1		1			3			1
I.3.1			1	1			2	1			
I.3.2							10	7	4		2
I.3.3							1	1			
I.б/у	2	1	2							1	5
I.н/с		1		1				1		1	
II.1.1	3	2			1						
II.1.2			2				3			2	1
II.2.1							7	5	2		
II.2.2		1		1	2	2	7	16	4	1	1
II.2.3					1	1	3	6	1		
II.3.1							1	1			
II.3.2	2			1		1	8	6	3		
II.3.3							1	1			
II.б/у			1				2	1			
II.н/с								1			

Таблица 4. Категории предметов, сопутствующих в комплексах каменным топорам эпохи средней бронзы Предкавказья

	категория сопутствующих предметов	**кол-во компл-в**	**этап эпохи средней бронзы и культурная принадлежность**										
			1 этап			2-3 этап			4 этап			5 этап	
			ЯК	НТ	СК	СК	РК	ВК	ЗМ	ВМ	Бт	Ба	ГК
	1	**2**	**3**	**4**	**5**	**6**	**7**	**8**	**9**	**10**	**11**	**12**	**13**
посуда	сосуд керамический	60	4	1		36	6	1	3	5	1		3
	жаровня керамическая	7				1	4		1		1		
	курильница керамическая	2							1	1			
	керамики фрагменты	6	1	2		2							1
	сосуд / поднос деревянный	6					3		1	2			
орудия и оружие	долото бронзовое	3		1				1		1			
	тесло бронзовое	3				1		1		1			
	нож бронзовый	25	3	2	3	11	1	1	1	3			
	шило / игла бронзовые	16	4	2		5	1	1	1	2			
	проколка костяная	2						1		1			
	крюк бронзовый	1								1			
	топор бронзовый	1						1					
	терочник каменный	8				8							
	«точилка» каменная	2				2							
	ступка каменная	1							1				
	пест каменный	5 (?)	2	1?			2						
	выпрямитель каменный	3				3							
	«набор литейщика»	1		1									
	наконечники стрел кремневые	6			1	1	1	1		1			1
	наконечники стрел костяные	1											1
культ. пред-ты	повозка деревянная	3		1						2			
	модель повозки керамическая	1				1							
	антропоморф. фигурка каменная	2 (?)			1?					1			
	булава каменная	2						1					1

Таблица 4. Окончание

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
булавки и украшения	булавка бронзовая / костяная	2				1		1					
	бляха бронзовая	1						1					
	браслет бронзовый	2						1					1
	медальон бронзовый	10				9		1					
	подвески бронзовые	21				19	1						1
	пронизи бронзовые	9				6		1	1				1
	колпачки бронзовые	1											1
	кольцо костяное	2				1						1	
	пряжка костяная	1											1
	пронизи из птичьих костей	2	1			1							
	накладка костяная	1			1								
	височное кольцо серебряное	9	1			6	1			1			
	височное кольцо бронзовое	8				3	2	1		1			1
	височное кольцо золотое	3				2				1			
	бусы бронзовые	11				9	1	1					
	бисер, бусы и пронизи пастовые	11				5		1	1	1	1		2
	бусы и пронизи костяные	5		1		2	1						1
	бусы из раковин / перламутра	4				2				1			1
	бусы янтарные	1						1					
	бусы каменные / хрустальные	2					1	1					
	бусы из зубов sparus	1				1							
	бусы сердоликовые	2				1		1					
	бусы гешировые / гагатовые	2				1		1					
	бусы керамические	1						1					
прочее	гвоздь бр. от черенка топора	2				2							
	заклепки бронзовые	1				1							
	отщеп кремневый / обсидиановый	4			1	2							1
	орудие кремневое	4				3	1						
	предмет бронзовый	1					1						
	предмет костяной	1				1							
	предмет каменный	1					1						
	астрагал	9		1		1	3	1	1			1	1
	кости животного	20	1	3		9	2	1	3				1
	пластина каменная	1		1									

Сокращения для Таблицы 4:

Для столбца «*культура*»: ЯК – ямная культура, НТ – новотиторовская культура, СК – северокавказская культура, РК – раннекатакомбная культура (суммарно), ВК – великентские катакомбы, ЗМ – западноманычская культура, ВМ – восточноманычская культура, Бт – батуринская культура, Ба – бабинская культура, ГК – гинчинская культура. Знаком «?» отмечены недостоверные случаи.

Таблица 5. Распределение находок топоров различных подтипов из закрытых комплексов по этапам средней бронзы

этапы эпохи средней бронзы	ПОДТИПЫ																			
	I.1.1	**I.1.2**	**I.1.3**	**I.2.2**	**I.2.3**	**I.3.1**	**I.3.2**	**I.3.3**	**I.б/у**	**I.н/с**	**II.1.1**	**II.1.2**	**II.2.1**	**II.2.2**	**II.2.3**	**II.3.1**	**II.3.2**	**II.3.3**	**II.б/у**	**II.н/с**	**ИТО-ГО**
1	3	2	1	4	6					1	1			1							**19**
2					2							1	1	3	2		2			1	**12**
2/3	5	4		7	2		5	1	5		3	3	4	8	2		2				**51**
3	1	3		2		1	4		1				2	5	1	2	4	1			**27**
4	1	5		2	1				1												**10**
5	1	3	3						1												**8**
определимые	**11**	**17**	**4**	**15**	**11**	**1**	**9**	**1**	**8**	**1**	**4**	**4**	**7**	**17**	**5**	**2**	**8**	**1**	**0**	**1**	**127**
неопределимые	10	14	2	15	3	4	14	1	3	3	2	4	7	19	7	0	13	1	4	0	**126**

Таблица 6. Соотношение количества датируемых находок с общим количеством топоров из закрытых комплексов в основных подтипах (в %) – по этапам эпохи средней бронзы

этапы эпохи средней бронзы	ПОДТИПЫ														
	I.1.1	**I.1.2**	**I.1.3**	**I.2.2**	**I.2.3**	**I.3.1**	**I.3.2**	**I.3.3**	**II.1.1**	**II.1.2**	**II.2.1**	**II.2.2**	**II.2.3**	**II.3.1**	**II.3.2**	**II.3.3**
1	27	12	25	27	55				25			6				
2					18					25	14	18	40		25	
2/3	46	~23		47	18		56	100	75	75	57	47	40		25	
3	9	~18		13		100	44				29	29	20	100	50	100
4	9	~29		13	9											
5	9	18	75													

А.Н. Гей, А.В. Шишлов, А.В. Колпакова, Н.В. Федоренко

МОГИЛЬНИК НАТУХАЕВСКИЙ IV – НОВЫЙ ПАМЯТНИК МАЙКОПСКОЙ КУЛЬТУРЫ ПОД НОВОРОССИЙСКОМ

Резюме. Статья посвящена публикации материалов могильника, раскопанного в 2014 г. при спасательных археологических работах на трассе трубопровода «Южный поток», расположенного в окрестностях станицы Натухаевской, в 22 км к северо-западу от города Новороссийск. Здесь, на территории разрушенного вспашкой средневекового курганного могильника было открыто 14 захоронений майкопской культуры раннего периода бронзового века (IV тыс. до н.э.). Все погребения, за исключением одного спорного случая – одиночные, все – скорченные на правом или левом боку, большинство ориентировано головами юго-запад. Сопровождающий инвентарь включал главным образом круглодонные сосуды горшковидной формы, часть из которых имеет следы росписи красной краской, и небольшие миски. Единственная металлическая находка – небольшой бронзовый ножичек.

Необычная планировка могильника, положение его в нижней части склона холма, что не характерно для курганов эпохи бронзы, а, главное, состав погребенных, из которых только один достоверно определен как мужчина, а семь – как женщины 20–35 лет, ставят вопрос о возможности существования на Западном Кавказе особых грунтовых могильников в непосредственной близости от поселений майкопских земледельцев.

Ключевые слова: бронзовый век, майкопская культура, Западный Кавказ, расписная керамика, курган, грунтовый могильник

В 2014 г. отрядом Новороссийского исторического музея-заповедника (НИМЗ) в составе Южной археологической экспедиции ИА РАН, проводившей охранно-спасательные работы по трассе газопровода «Южный поток», был исследован участок могильника Натухаевский IV. Могильник расположен на правой надпойменной террасе р. Котлама, в 2,5 км к западу от станицы Натухаевской, входящей в Новороссийский внутригородской район г. Новороссийска. Первоначально предполагалось, что памятник представляет собой разрушенный в результате многолетнего сельскохозяйственного использования средневековый курганный могильник, поэтому обнаружение погребений эпохи бронзы было неожиданностью.

В ходе работ был исследован пахотный слой мощностью от 25 до 70 см, а также подстилающий его слой коричневого и темно-коричневого суглинка

https://doi.org/10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-284-1.253-293

разной мощности; более мощный слой зафиксирован в южной части раскопа, его толщина достигала 1 м. В общей сложности на так называемом южном раскопе была вскрыта площадь 7902,5 кв. м (рис. 1).

Всего было исследовано 60 объектов; из них 18 относятся к эпохе бронзы, 41 – к средневековью, 1 – к античности. Объекты эпохи ранней бронзы, относящиеся к майкопской культуре, представлены:

– 14 погребениями (погр.1, 2, 4, 10, 16, 17, 20–24, 26–28);

– 4 отдельными находками или ситуациями: объект 1 и объект 8 (распаханные сосуды), объект 3 (очажная яма), объект 6 (скопление камней с фрагментами керамики).

Погребение 1 (рис. 2, *1*). Обнаружено по пятну заполнения, состоявшего из суглинка серого цвета, зафиксированного на глубине 1 м от современной поверхности[1]. Могильная яма овальной в плане формы ориентирована по линии ЗЮЗ–ВСВ. Размеры ее 320 × 220 см, вертикальные стенки прослежены на высоту до 20 см, дно – на глубине около 1,2 м от современной поверхности. Дно ровное, с небольшим наклоном с СВ на ЮЗ. На дне ямы обнаружено погребение женщины в возрасте около 20–25 лет[2]. Погребенная лежала в скорченном положении на левом боку и была ориентирована головой на ЗЮЗ. Череп на левом виске лицом к северу. Левая рука согнута в локте под углом около 45°, правая, судя по сохранившимся костям предплечья, была согнута значительно слабее и направлена вперед, при этом кисти обеих рук были сложены вместе перед лицом, хотя и на некотором расстоянии от него. Подогнутые ноги обращены влево, сильно согнуты в коленях, пятки подтянуты к тазу.

Перед головой и верхней частью туловища, примерно посередине между ними и стенкой ямы, стояли два красноглиняных сосуда, а возле одного из них лежал небольшой фрагмент стенки от третьего, заметно более грубого. При зачистке погребения в заполнении придонной части ямы были найдены окатанная галька без следов использования и 2 каменных орудия.

Описание инвентаря.

Сосуд светло-коричневый с лощением, из глины без минеральных примесей. Тулово сфероидное, сплющенное по вертикальной оси с некоторым

[1] Нивелировочные отметки на планах погребений фиксируют их положение относительно общего репера, находившегося у СЗ угла раскопа, т.е. значительно выше по склону. Замеры от уровня современной поверхности, пусть даже видоизмененной многолетней распашкой и связанным с ней смывом почвы, дают более правильное представление об истинных размерах погребальных сооружений.

[2] Определение остеологического материала проведено ведущими научными сотрудниками ИА РАН, д.и.н. М.В. Добровольской и д.и.н. М.Б. Медниковой, которым авторы выражают глубокую признательность.

сдвигом уровня максимального диаметра в нижнюю часть корпуса. Округлое дно слегка уплощено. Высокий венчик отогнут наружу, округленный край имеет дополнительный легкий отгиб наружу, что создает впечатление наплыва по внешнему его краю. Сосуд украшен орнаментом, нанесенным красно-коричневой краской в виде широких горизонтальных полос на внешней и внутренней сторонах венчика и отходящих от такой полосы вниз вертикальных полос с внешней стороны сосуда. Диаметр венчика – ок. 14 см (рис. 2, *III*:1; 14, *6*).

Сосуд оранжево-красноглиняный с лощением, из глины без минеральных примесей. Тулово сфероидное, сплющенное по вертикальной оси. Донце небольшое, невыделенное, даже слегка вогнутое. Невысокий, слегка вогнутый венчик с уплощенным краем, сильно отогнут наружу через округленный желобок на внешней и четкое ребро на внутренней поверхности. Сосуд украшен орнаментом, нанесенным красно-коричневой краской в виде широких горизонтальных полос на внешней и внутренней сторонах венчика и отходящих от такой полосы вниз вертикальных полос с внешней стороны сосуда. Высота – 12,2 см, диаметр венчика – 11,7 см, диаметр тулова – 16,7 см. Ширина полос – 2,2–2,7 см (рис. 2, *III*:2; 14, *5*).

Фрагмент стенки сосуда из глины с минеральными примесями (рис.14, *4*).

Орудие каменное из уплощенной овальной гальки овального же сечения (лощило для керамики) с одной рабочей поверхностью. Размеры: 4 × 3 × 1,7 см. (рис. 2, *III*:3; 14, *3*).

Орудие каменное (долото для дерева[3]) из микрозернистого песчаника. Подтрапециевидной в плане формы, ромбовидное в сечении. Со всех сторон заметны следы оббитости. Имеется сглаженность рабочего конца и микросколы. Размеры: 8,1 × 4,1 × 3,9 см. Ширина рабочего лезвия – 3,6 см (рис. 2, *III*:4; 14, *2*).

Галька каменная, окатанная без следов использования. Размеры: 12,2 × 6 × 4,5 см. (рис. 2, *III*:5; 14, *1*).

Погребение 2 (рис. 2, *II*). Открыто в нижней части слоя предматерикового суглинка на глубине 1 м от современной поверхности. Контуры могильной ямы не прослежены. Погребенная (женщина 20–29 лет) лежала в скорченном положении на правом боку, головой на юго-запад. Кости плохой сохранности, сильно повреждены кротовинами. Кости черепа сохранились фрагментарно, однако видно, что он лежал на правом виске лицом к ЮВ. Обе руки сильно согнуты в локтях, несохранившиеся кисти их помещались

[3] Все трасологические определения каменных орудий выполнены с.н.с. Экспериментально-трасологической лаборатории ИИМК РАН к.и.н. Г.Н. Поплевко, которой авторы выражают глубокую признательность.

перед лицом. Кости левой ноги снесены техникой; правая нога обращена вправо, ее бедренная и берцовая кости лежат практически параллельно, пятка поджата к тазу.

Погребальный инвентарь отсутствовал.

Погребение 4 (рис. 3, *I*). Зафиксировано в нижней части слоя предматерикового суглинка на глубине 0,8 м от современной поверхности по венчику срезанного сосуда. Контуры могильной ямы прослеживались недостаточно отчетливо, заполнение ее выбиралось не столько по цветности, сколько по разнице в плотности грунта. Могильная яма подпрямоугольной в плане формы, северный и восточный углы закругленные, южный прямой, западный срезан ковшом планировочного экскаватора при работе на соседнем квадрате. Ее размеры составляют 215 × 157 см, глубина – до 13 см от уровня обнаружения. Яма вытянута по линии ЮЗ–СВ, дно ровное, с небольшим понижением в средней части.

В центральной части ямы, чуть ближе к ЮВ стенке на уровне от -558 (череп) до -562 (кости ног) зафиксировано погребение женщины 20–29 лет. Погребенная лежала скорченно на левом боку, головой на ЮЗ. Сохранность костей плохая, их положение сильно нарушено кротовинами. Сохранившиеся *in situ* плечевые кости рук направлены вперед, скорее всего руки были согнуты в локтях и направлены к лицевой части черепа. Кости ног обращены влево, степень скорченности средняя: около 90–100° в тазобедренных и 25–30° в коленных суставах. При исследовании костей погребенной антропологами уже в лабораторных условиях среди них были выявлены кости ребенка до 1 года.

Примерно посередине между головой погребенной и западным углом могилы стояли два сосуда – круглодонный и плоскодонный (последний чуть ближе к голове). К северо-востоку от них и также довольно далеко от черепа находился крупный фрагмент стенки лепного сосуда, уложенный вогнутой поверхностью кверху (жаровня?). При зачистке погребения в заполнении был найден камень со сколами.

Описание инвентаря:

Сосуд светло-коричневый с лощением, из глины без минеральных примесей. Тулово сфероидное, заметно сплюснутое по вертикальной оси. Дно округлое. Высокий прямой или даже слегка выгнутый венчик сильно отогнут наружу через выраженное ребро с внутренней стороны горла. Сосуд покрыт сильно обкрошившимся красно-коричневым ангобом и нанесенной поверх него, на всю (?) внешнюю поверхность и на внутреннюю сторону венчика, красно-коричневой краской. Высота – 10,8 см, диаметр венчика – 11 см, диаметр тулова – 13 см (рис. 3, *II*:1; 15, *1*).

Сосуд красноглиняный с лощением, из глины без минеральных примесей. Тулово сфероидной формы, сплюснутое, со сдвигом уровня максимального диаметра к нижней части корпуса. Дно плоское, невыделенное. Невысокий венчик сильно, но плавно отогнут наружу. С внешней стороны сосуд целиком окрашен красно-коричневой краской, тулово дополнительно покрыто лощением поверх (?) краски. Высота – 8,2–9 см, диаметр венчика – 9,5 см, диаметр тулова – 11,5 см, диаметр дна – 5 см. (рис. 3, *II*:2; 15, *2*).

Крупный фрагмент стенки сосуда с лощением на внешней поверхности, из глины с минеральными примесями. Толщина стенки – 1,1 см. (рис. 15, *3*).

Камень подпрямоугольной формы со сколами-выемками на двух противоположных краях, в сечении подтреугольный. Следов использования нет. Размеры: 6,6 × 5,9 × 3,8 см (рис. 3, *II*:3; 15, *4*).

Погребение 10 (рис. 4). Обнаружено в слое коричневого суглинка на глубине 0,85 м от современной поверхности. Могильная яма, заполненная более темным суглинком, читалась недостаточно четко. Западный конец ее срезан ковшом экскаватора, южная граница размыта. Тем не менее, по очертаниям северной и восточной стенок видно, что она была подпрямоугольной с округленными углами. Длинная ось ориентирована по линии ССВ–ЮЮЗ, длина не менее 190–200 см, ширина до 150 см. На дне в северном углу ямы отмечено несколько небольших необработанных камней. В центральной части зафиксировано погребение женщины (?) 35–39 лет. Погребенная лежала скорчено на правом боку, головой на ЗЮЗ. Череп на правом виске, лицевая часть обращена к ЮВ. Кисти согнутых в локтях рук находились перед лицом. Подогнутые ноги обращены вправо, причем левая поджата к животу значительно сильнее правой (угол в тазобедренном суставе для правой ноги составляет 90°, а для левой – 65°, в коленных суставах – 35° и 30° соответственно). Перед телом или с ЮЮВ стороны от него находились два сосуда. Серо-коричневый горшочек стоял напротив черепа и кистей рук и был слегка наклонен к СВ. Небольшая миска полусферической формы стояла в 30 см восточнее, ближе к колену левой ноги.

Описание инвентаря:

Горшочек серо-коричневый с лощением с внешней стороны, из глины с минеральными примесями и органикой. Асимметричный. Тулово сферической формы, слегка сплюснутое, со сдвигом уровня максимального диаметра к нижней части корпуса. Дно округлое. Венчик плавно отогнут наружу, край закруглен. Высота – 10 см, диаметр венчика – 9,3 см, диаметр тулова – 10,8 см (рис. 4, *1*; 15, *5*).

Миска серо-коричневая с лощением с внешней стороны, из глины с минеральными примесями и органикой. По форме приближается к полусфере

или правильнее к шаровому сегменту, но с выраженной асимметрией. Дно округлое, край венчика уплощен и скошен наружу. Высота – 5,2 см, диаметр края – 14,2 см. Толщина стенок – 0.7 см (рис. 4, *2*; 15, *6*).

Погребение 16 (рис. 5, *I*). Обнаружено на глубине 0,65 м от современной поверхности по костям ног погребенного. Контуры могильной ямы не прослежены. Погребение женщины (?) 20–29 лет совершено в скорченном положении на правом боку и ориентировано головой на ЗСЗ. Череп склонен вперед, лицевая часть его обращена к ЮВ. Вытянутые руки направлены в сторону бедренных костей ног под углом 50° (правая) и 25° (левая) к линии позвоночника, причем положение их указывает на сильный завал туловища на живот. Степень скорченности средняя, угол в тазобедренном суставе составляет 100° для правой и 110° для левой ноги, в коленных суставах 75° и 70° соответственно. Сохранность костей такая же, как и у других майкопских погребений могильника. Погребальный инвентарь отсутствовал.

Погребение 17 (рис. 5, *II*). Выявлено в борту раскопа, в слое коричневого суглинка на глубине 0,7 м от уровня современной поверхности. Расчистка его была затруднена, поскольку оно почти полностью уходило под лежащую на поверхности сваренную плеть трубы газопровода. Для этого была сделана прирезка размером 200 × 130 см. Контуры могильной ямы читались слабо из-за множества кротовин. Ориентирована она была приблизительно по линии СВ-ЮЗ и ее длина составляла не менее 235 см. В слое коричневого суглинка над погребением встречались мелкая галька и камни. Несколько камней было и на уровне дна в северо-восточном и юго-западном концах, т.е. возле торцевых стенок.

Погребение взрослого мужчины (?) сохранилось крайне плохо, разрушено норами. *In situ* остались фрагмент диафиза (правой?) плечевой кости, диафизы бедренных и берцовых костей ног. По ним видно, что покойник был уложен в скорченном положении на правом боку, может быть с некоторым отклонением туловища на спину, и ориентирован головой на ЗЮЗ. Ноги подогнуты в тазобедренных суставах под углом несколько меньшим прямого, в коленных суставах на 60° (правая) и 45° (левая).

Справа или спереди по отношению к телу погребенного и довольно далеко от него стоял красноглиняный сосуд с росписью (рис. 5, *III*:1; 15, *7*). Между ним и тем местом, где должна была находиться голова покойника, вместе с двумя небольшими необработанными камнями лежали миниатюрный ножичек из меди или бронзы и створка раковины речного моллюска (*Unio*?). Еще один сосуд (рис. 5, *III*:2; 16, *1*). находился в ЮЗ конце могильной ямы. При зачистке погребения в заполнении найдено каменное орудие из гальки.

Описание инвентаря:

Сосуд красноглиняный с лощением, из глины без минеральных примесей. Тулово сфероидное, сплющенное по вертикальной оси. Дно округлое. Низкий венчик с закругленным краем резко отогнут наружу. Сосуд украшен орнаментом, нанесенным красно-коричневой краской с внешней стороны: под венчиком, захватывая верхнюю часть плечиков, идет широкая горизонтальная полоса, от которой по направлению к донцу отходят наклонные волнообразные линии. Черепок с серым закалом в центре. Высота – 15,5 см, диаметр венчика – 13 см, диаметр тулова – 20,3 см (рис. 5, *III*:1; 15, *7*).

Сосуд красноглиняный с лощением, из глины без минеральных примесей. Тулово сферическое, слегка сплющенное по вертикальной оси. Дно уплощенно-округлое. Сравнительно высокий и слабо прогнутый венчик отогнут наружу через перегиб, особенно резко оформленный с внешней стороны горла. Край венчика закруглен, отогнут наружу чуть сильнее и имеет небольшой наплыв по внешней кромке. Высота – 18 см, диаметр венчика – 12,2 см, диаметр тулова – 19 см, диаметр дна – 5,5 см. (рис. 5, *III*:2; 16, *1*).

Нож бесчеренковый из меди или медного сплава. Подромбической формы. Длина – 6,5 см, ширина клинка – 1,6 см. По существующей классификации (*Кореневский*, 2004. С. 42) может быть причислен к варианту 1в группы 1 (рис. 5, *III*:3; 15, *8*)

Орудие – плоская галька овальной формы со следами использования в качестве лощила для керамики, заметными по всему периметру. Размеры: 5,3 × 3,8 × 1,5 см (рис. 5, *III*:4; 15, *9*).

Створка раковины речного моллюска (рис. 15, *10*).

Погребение 20 (рис. 6). Обнаружено на глубине 0,7 м от уровня современной поверхности по костям ног погребенного. Могильная яма не читалась. Погребение женщины 20–35 лет сохранилось крайне плохо, к тому же по всей площади сильно повреждено кротовинами. Совершено в скорченном положении на правом боку и ориентировано головой на ЮЗ. От черепа сохранились только зубы. Согнутые в локтях руки направлены к лицевой части черепа. Степень скорченности сильная, угол в тазобедренных суставах около 60°, в коленных около 35°. По взаиморасположению костей правых и левых конечностей можно предполагать сильный завал корпуса на живот.

Перед лицом погребенной (возле сохранившихся зубов) и, вероятно, поверх несохранившихся кистей рук были установлены три лепных сосуда: небольшой горшочек, сосуд кубкообразной формы и глубокая миска-чаша. При разборе развала миски найдено каменное орудие (лощило). Отметим, что размещение вещей впритык к костям и даже поверх них отличает данный комплекс от всех других захоронений могильника.

Описание инвентаря:

Сосуд (горшочек) серо-коричневый, из глины с минеральными примесями. Тулово сфероидное, сплющенное по вертикальной оси. Дно округлое. Невысокий венчик с закругленным краем заметно, но плавно отогнут наружу. Черепок с серым закалом в центре. Высота – 9,2 см, диаметр тулова – 10,8 см (рис. 6, *1*; 16, *2*).

Сосуд (кубок) серо-коричневый асимметричный с лощением на внешней поверхности, из глины с минеральными примесями. Тулово сфероидное, сплющенное по вертикальной оси. Переход от стенок к донцу округлен, само же дно не просто плоское, а заметно вогнутое в центре. Высокий раструбный венчик со слегка приостренным краем отделен от тулова резким, хотя и скругленным прегибом. Высота – 14 см, диаметр венчика – 12,8 см, диаметр тулова – 13 см, диаметр дна – около 5 см. (рис. 6, *2*; 16, *4*).

Миска с лощением по внешней поверхности, из глины с минеральными примесями. Тулово полусферической формы, дно уплощенное, с плавным переходом к стенкам. Венчик простой, невыделенный, край его округлен. Высота миски – 9 см, диаметр венчика – 16 см, диаметр дна около 4 см (рис. 6, *3*; 16, *5*).

Орудие каменное (лощило для керамики). Окатанный камушек неправильной формы (4,5 × 3,2 × 3,5 см) со следами сглаживания по краю на одном из концов (рис. 6, *4*; 16, *3*).

Погребение 21 (рис. 7). Обнаружено в слое коричневого суглинка на глубине 1,2 м от уровня современной поверхности по венчику красноглиняного сосуда. Контуры могильной ямы, заполненной коричневым суглинком чуть более темного оттенка, читались недостаточно отчетливо. Яма овальной в плане формы вытянута по линии ЮЗ–СВ. Размеры 300 × 230 см, вертикальные стенки прослежены на высоту до 21 см. Дно ровное, с небольшим понижением у восточной, западной и южной стенок. На дне ямы зафиксировано погребение мужчины, 35–44 лет, уложенного в скорченном положении на правом боку, головой на ЗЮЗ или с некоторым отклонением от оси ямы. Кости плохой сохранности, погребение сильно повреждено кротовинами. Череп на правом виске, нижняя челюсть отсутствует. Руки сильно согнуты в локтевых суставах, несохранившиеся кисти их помещались перед лицом. Степень скорченности сильная, колени поджаты к животу, пятки к тазу. Углы в тазобедренных суставах составляют 70° для правой и 35° для левой ноги, в коленных 20° и 0° соответственно.

Спереди и в головах погребенного, примерно посередине между черепом и стенкой ямы были помещены два сосуда – красноглиняный и сероглиняный, венчик которого был поврежден ковшом экскаватора.

Описание инвентаря:

Сосуд красноглиняный с лощением, из глины без минеральных примесей. Тулово сфероидное, сплющенное по вертикальной оси с некоторым сдвигом уровня максимального диаметра в нижнюю часть корпуса. Дно уплощенно-округлое. Высокий прямой венчик отогнут наружу через резкий перегиб на внешней поверхности и четкое ребро внутри. Тонкий закругленный верхний край венчика слегка развернут наружу. Сосуд украшен орнаментом, нанесенным красно-коричневой краской: снаружи и внутри по венчику идут широкие горизонтальные полосы, на тулове с внешней стороны просматриваются фрагменты наклонных полос, направленных в разные стороны (зигзагообразный узор?). Высота – 13 см, диаметр венчика – 11,6 см, диаметр тулова – 14,7 см, диаметр дна – 5 см (рис. 7, *1*; 16, *6*).

Сосуд (горшочек) серо-коричневый с лощением с внешней стороны, из глины с минеральными примесями. Тулово сфероидное, сплющенное по вертикальной оси. Дно округлое. Отогнутый наружу венчик не сохранился, форма целиком не восстанавливается. Диаметр тулова – 12 см (рис. 7, *2*; 16, *7*).

Погребение 22 (рис. 8, *I*). Обнаружено в слое темно-коричневого суглинка на глубине 0,7 м от уровня современной поверхности по фрагментам керамических сосудов. Контуры могильной ямы не читались, однако по расположению остатков каменной обкладки видно, что она была ориентирована в широтном направлении и имела размеры не менее чем 170 × 120 см. На момент расчистки сохранилось 3 необработанных камня среднего размера (35 × 19 × 9 см; 26 × 11 × 9 см; 16 × 11 × 5 см) в районе западной и два под восточной стенкой ямы. Еще 4 были вынесены техникой предположительно из северной ее части.

В центре каменной обкладки были расчищены плохо сохранившиеся остатки скелета женщины, 20–29 лет. Погребенная лежала в скорченном положении на правом боку головой на ЮЗ или ЗЮЗ. Степень скорченности сильная, угол в тазобедренном суставе близок к 50°, берцовые кости лежали практически параллельно бедренным. Череп фрагментирован, но по расположению зубов видно, что лицевая часть была обращена к ЮВ. Кости грудной клетки отсутствовали. От рук уцелели фрагменты плечевой (?) и локтевой одной из них. Локтевой сгиб примыкал к середине бедренной кости правой ноги, судя по всему рука была сильно согнута и направлена кистью к голове. В северо-западном углу могилы или сзади головы погребенной стояли два сосуда горшковидной формы (рис.8, *II*:1, 2; 17, *1; 2*), а перед лицом, вплотную к нему лежал фрагмент коричневоглиняного сосудика (рис.8, *II*:3; 17, *3*).

Описание инвентаря:

Сосуд (горшочек) серо-коричневый с лощением с внешней стороны, из глины с минеральными примесями. Тулово сфероидное, сплющенное по вертикальной оси. Дно округлое. Венчик плавно отогнут наружу, край его закруглен. Высота – 12,4 см, диаметр венчика – 11,5 см, диаметр тулова – 14,5 см (рис. 8, *II*:1; 17, *2*).

Сосуд сероглиняный с лощением до блеска, из глины без минеральных примесей. Тулово усеченно-биконическое, с выделенным, хотя и округленным ребром на уровне максимального диаметра. Дно округлое. Высокий венчик с закругленным краем резко отогнут наружу, с внутренней стороны место перегиба имеет вид острого ребра. С внешней стороны этот переход выделен горизонтальной бороздкой, образующей уступ. Высота – 14 см, диаметр горла – 8,8 см, диаметр тулова – 18,5 см (рис. 8, *II*:2; 17, *1*).

Фрагмент стенки из области горла и плечика от коричневоглиняного горшковидного сосуда с лощением, из глины без минеральных примесей. Тулово сфероидное, вероятно, сплющенное по вертикальной оси. В месте перехода венчика к тулову – горизонтальная бороздка, образующая уступ, такая же, как у сосуда № 2 (рис. 8, *II*:3; 17, *3*).

Погребение 23 (рис. 8, *III*). Остатки разрушенного плантажной вспашкой погребения взрослой женщины (?) обнаружены на глубине 0,8 м от уровня современной поверхности. Согласно положению сохранившихся *in situ* фрагментированных диафизов бедренных (?) костей ног можно предполагать скорченное положение и ориентировку в южном секторе. Погребального инвентаря не зафиксировано.

Погребение 24 (рис. 9). Обнаружено в слое темно-коричневого суглинка на глубине 1,1 м от уровня современной поверхности по камням и венчику сосуда. Восточная часть могилы уходила в стенку раскопа, под посадки винограда. Для его зачистки в борту раскопа была сделана дуговидная прирезка длиной до 4 м и шириной 1 м. Ее оказалось недостаточно, но разрешение на дальнейшее расширение от владельца виноградника получить не удалось. Контуры могильного сооружения читались слабо, границы его были зафиксированы более или менее точно только с северной и западной сторон, восточный конец не мог быть расчищен. Тем не менее, ясно, что речь идет о могильной яме подпрямоугольной, с сильно закругленными углами, формы, вытянутой с В на З, длина которой, очевидно, была значительно более 220 см. Южная стенка не определена, поэтому о ширине ямы можно говорить лишь предположительно – по находке с этой стороны двух камней, лежавших один над другим. Она должна была составлять около 185–200 см. Вдоль торцевой западной стенки шла выкладка из еще четырех

камней (37 × 20 × 9 см; 35 × 10 × 7 см; 18 × 8 × 9 см; 12 × 6 × 18 см), три из которых лежали плашмя, а один стоял на ребре.

На дне могильной ямы зафиксировано не полностью сохранившееся погребение женщины (?) 20–35 лет. От костей погребенной непотревоженными сохранились только кости таза, ног и диафиз одной из плечевых. Диафизы второй плечевой и костей предплечья лежали в южной части ямы, скорее всего под южной ее стенкой. Захоронение совершено в скорченном положении на правом боку головой к З. Степень скорченности сильная, угол в тазобедренных суставах достоверно не определяется, но составляет менее 90°, в коленных –35° и 20°.

Справа от тела и на некотором расстоянии от него стояли два сосуда: оранжево-красноглиняный (рис. 9, *1*; 17, *4*) напротив изголовья или головы, коричнево-красноглиняный (рис. 9, *2*; 17, *6*) недалеко от колен.

Описание инвентаря:

Сосуд красноглиняный с лощением, из глины без минеральных примесей. Тулово сферическое, но со смещением уровня наибольшего диаметра в нижнюю половину корпуса. Дно округлое. Прямой средневысокий венчик отогнут наружу через четкий перегиб. Край его округлен и имеет заметный наплыв с внешней стороны. Венчик украшен небрежно нанесенным пролощенным орнаментом в виде неправильной зигзагообразной линии. Высота – 15 см, диаметр венчика – 13,3 см, диаметр тулова – 16,3 см (рис. 9, *1*; 17, *4*).

Сосуд красноглиняный с лощением, из глины без минеральных примесей. Тулово сферическое, слегка сплюснутое по вертикальной оси. Дно округлое. Прямой венчик отогнут наружу через четкий перегиб. Края венчика обломаны, а затем затерты еще в древности. Тулово покрыто лощением поверх красно-коричневой краски. Черепок с серым закалом в центре, поверхность расслаивается. Высота – 19,2 см, диаметр венчика – 13,7 см, диаметр тулова – 21,5 см (рис. 9, *2*; 17, *6*).

Орудие каменное (терочник?). Подтрапециевидной в плане формы, уплощенной в сечении. Торцевые края по всему периметру скошены, затерты. Частично заизвестковано. Размеры: 8,2 × 7,8 × 2,6 см. (рис. 9, *3*; 17, *5*). Точное место его в могиле не зафиксировано.

Погребение 26. Остатки разрушенного погребения обнаружены в отвале на квадрате 215, недалеко от восточной границы раскопа. Были найдены отдельные фрагменты костей человека (женщина? 25–35 лет?), красноглиняный сосуд и фрагменты миски.

Описание инвентаря:

Сосуд красноглиняный с лощением и светлым ангобом, из глины без минеральных примесей. Форма условно может быть названа стаканообразной.

Дно уплощенно-округлое, переход к стенкам округлен. Вытянутый корпус сужается к венчику, сам венчик плавно, но сильно отогнут наружу и делается тоньше к закругленному верхнему краю. Высота – 14,1 см, диаметр венчика – 9,5 см, диаметр тулова – 10,8 см (рис. 10, *1*; 18, *1*).

Фрагмент венчика и стенки лепной серо-коричневой миски с лощением на внешней стороне. Из глины с минеральными и органическими примесями. Венчик не выделенный, слабо наклонен внутрь, округленный край его слегка приострен. Высота миски – около 6,7 см, диаметр – 18 см (рис. 10, *2*; 18, *2*).

Погребения 27 и 28 (рис. 11).

Первоначально на глубине 0,65–0,75 м от современной поверхности, или сразу под пахотным слоем, было обнаружено скопление камней Примерные размеры скопления – 2 × 1,25 м, вытянуто по оси С–Ю (уровень расчистки 1 – рис. 11, *А*). В 0,8–1 м к ЮЮЗ от камней на той же глубине были расчищены развалы двух майкопских сосудов.

Миска коричневоглиняная с лощением, тесто без минеральных примесей. Форма приближается к полусферической, дно округлое. Бортик оформлен широкой углубленной полосой, нижний край которой образует четкое ребро. Округло-приостренный край венчика оттянут наружу, лежит горизонтально. Черепок с серым закалом в центре. Диаметр миски – 20 см, высота – 7 см. (рис. 11, *1*; 18, *3*).

Фрагментированный горшочек из глины с минеральными примесями. Поверхность серо-коричневая, покрыта лощением. Невысокий венчик с закругленным краем отогнут наружу, перегиб заметный, хотя и скругленный (рис. 11, *2*; 18, *4*).

После разборки камней на уровне материка выявлено пятно ямы овальной или подпрямоугольно-овальной в плане формы, вытянутой по линии ССЗ–ЮЮВ. Ее размеры составляли 240 × 165 см, глубина достигала 1,25 м от уровня современной поверхности или около 0,5 м от верхнего уровня камней. Вертикальные стенки были прослежены на высоту до 18 см. Дно ямы слегка вогнутое, в северном и южном концах (или вдоль торцевых стенок) обложено камнями. В яме, причем на разной глубине, зафиксировано два погребения (условный уровень 2 – рис.11, *Б*).

Погребение 27. Человеческие останки и сопровождающий инвентарь находились на дне могилы. Погребенная женщина 20–25 лет лежала в центре ямы в скорченном положении на правом боку головой к ССЗ. Сохранность костей плохая. Череп лежал на правом виске, лицевая часть обращена к ЮЗ. Правая рука согнута в локте под острым углом, кисть поднята к лицу. Левая согнута заметно слабее, вынесена вперед, кисть ее на-

ходилась между коленями и кистью правой руки. Ноги поджаты к животу, степень скорченности сильная: угол в тазобедренных суставах около 45°, в коленных – не более 10°.

Справа или спереди от головы погребенной или в 35 см к ЗЮЗ от черепа были помещены лепной горшочек, красноглиняный сосуд и сравнительно крупный фрагмент стенки лепного сосуда. Еще один миниатюрный сосуд – мисочка – был поставлен между ними и кистью левой руки.

Описание инвентаря:

Мисочка красноглиняная с лощением, из глины без минеральных примесей, асимметричная. Тулово с выраженным на внешней стороне ребром при переходе к бортику. Дно уплощенно-округлое. Край венчика уплощенный, внешняя кромка его слегка оттянута наружу. Диаметр мисочки – 7 см, высота – 2,2 см (рис. 11, *3*; 18, *7*).

Горшочек лепной серо-коричневый, из глины с минеральными примесями. Тулово сфероидное, слегка вытянутое по вертикальной оси, дно округлое. Венчик плавно отогнут наружу, край закруглен. Высота – 12,1 см, диаметр венчика – 9,5–10 см, диаметр тулова – 12 см (рис. 11, *4*; 18, *5*).

Сосуд (горшок) оранжевато-коричневый с лощением, из глины без минеральных примесей. Прямой венчик резко отогнут наружу, скругленный край его слегка утолщен. Тулово усеченно-биконической формы с заметным, хотя и скругленным ребром на уровне максимального диаметра, смещенном ниже середины высоты. Дно уплощенно-округлое. Черепок с серым закалом в центре, сильно расслаивается. Высота – 12,7 см, диаметр венчика – 11,4 см, диаметр тулова – 19,2 см (рис. 11, *5*; 18, *6*).

Фрагменты стенки лепного серо-коричневого лощеного сосуда горшковидной формы, из глины с минеральными примесями (рис. 18, *8*).

Погребение 28 находилось в СЗ части ямы и залегало не на дне, а в нижней части заполнения. Нижняя половина скелета перекрывала полосу из 10 камней, выложенных по дну вдоль ССЗ торцевой стенки могилы, а верхняя и череп просели ниже, но отделялись от дна прослойкой земли толщиной до 12–13 см. Судя по расположению на плане именно это захоронение было перекрыто каменной закладкой, расположенной на 0,4 м выше (уровень 1). Погребенная женщина 20–25 лет лежала скорченно на правом боку головой на юг. Кости плохой сохранности. Череп лежал на правом виске и лицевой частью был обращен к СВ. Правая рука согнута в локте под прямым углом, плечевая кость ее проходила под грудной клеткой, кисть вынесена вперед по направлению к сопровождающему сосуду. Левое плечо завалено вперед, сама левая рука согнута в локте под острым углом, несохранившаяся кисть ее находилась перед лицом. Бедренные кости ног расположены под прямым

углом по отношению к туловищу, берцовые отсутствуют. Перед лицом погребенной и кистью ее правой руки на уровне костей, то есть на 10 см выше дна ямы на земляной прослойке стоял красноглиняный сосуд.

Описание инвентаря:

Сосуд красноглиняный с лощением, из глины без минеральных примесей. Тулово сфероидное, сильно сплюснутое по вертикальной оси. Дно округлое. Прогнутый и слегка отогнутый наружу вертикальный венчик отделен от тулова проглаженной горизонтальной бороздкой. Край его с внешней стороны имеет небольшой наплыв. Сосуд украшен расписным орнаментом: широкие горизонтальные полосы красно-коричневой краски нанесены на венчик с внешней и внутренней сторон, следы такой же краски заметны как будто и в одном месте на тулове. Высота – 15 см, диаметр венчика – 13,6–13,9 см, диаметр тулова – 20,4 см (рис. 11, *7*; 19, *1*).

Помимо погребений на раскопанной площади отмечено еще несколько находок или объектов, относящихся к раннему этапу функционирования памятника.

Объект 1 (рис. 12, *I*) находился в 15,5 м к С от погребения 2, то есть на северо-западной окраине могильника. В затекшем слое серо-коричневого суглинка (древнее ливневое русло?), на глубине около 1 м от уровня современной поверхности, были зачищены фрагменты венчика и стенок майкопского сосуда (горшка).

Сосуд красноглиняный с лощением, из глины без минеральных примесей. Тулово шаровидное. Слегка прогнутый венчик резко отогнут наружу, перегиб оформлен в виде выраженного ребра на внутренней и проглаженной желобчатой линии на внешней поверхности. Округленный край венчика дополнен валикообразным утолщением по внешней кромке. С наружной стороны венчик украшен небрежно нанесенной пролощенной зигзагообразной или волнистой линией, с внутренней – широкой горизонтальной полосой, нанесенной красно-коричневой краской. Черепок с серым закалом в центре. Диаметр венчика – около 21 см. (рис. 12, *I*:1; 19, *2*).

Объект 3 (рис. 12, *II*) располагался в 10,5 м к СЗ от погребения 20. Очажная яма была зафиксирована в слое материкового суглинка светло-коричневого цвета начиная с глубины 1,2 м от уровня современной поверхности. Яма овальной в плане формы, размером 33 × 25 см, глубиной до 23 см. Стенки ямы покатые, дно неровное. Заполнение ямы состояло из серого суглинка, стенки и дно обожжены. По периметру ямы зафиксирован прокаленный материковый слой толщиной от 14 до 23 см.

Рядом с очажной ямой найдены фрагменты майкопской керамики: 3 фрагмента стенок сосудов из глины с минеральными примесями.

Объект 6 (рис. 12, *III*) находился на расстоянии 4 м к З от погребения 20. В слое темно-коричневого суглинка, на глубине 0,9–1,1 м от уровня современной поверхности, было зафиксировано скопление из 12 камней разного размера (от 10 × 5 × 3 см до 22 × 10 × 8 см), вытянутое по линии ЮЗ-СВ. Камни лежали хаотично, на южной границе скопления был найден фрагмент стенки серо-коричневого сосуда из глины с минеральными примесями.

Объект 8 (рис. 12, *IV*) был обнаружен у западной стенки раскопа на расстоянии 18 м к СЗ от погребения 4. Фрагменты сосуда лежали в борозде, оставленной плантажным плугом, примерно на уровне материка или на глубине 0,45 м от поверхности на данном участке.

Сосуд оранжевоглиняный с лощением, из глины без минеральных примесей. Форма восстанавливается частично. Тулово сфероидальное, сплюснутое по вертикальной оси. Дно округлое. На внешней поверхности сохранились следы красно-коричневой краски, вероятно и этот сосуд был покрыт росписью. Черепок с серым закалом в сердцевине. Диаметр тулова – около 16 см (рис. 12, *IV*:1; 19, *3*).

Кроме зафиксированных объектов, к майкопской культуре относится ряд находок из пахотного слоя в раскопе и часть подъемного материала с территории могильника. Среди индивидуальных предметов можно упомянуть два каменных орудия – лощило для керамики из гальки (рис. 13, *1*) и скобель для дерева (рис. 13, *2*); кинжал из медного сплава, найденный на винограднике в 30 м к востоку от раскопа (рис. 13, *3*; 19, *4*); 2 фрагмента головок очажных приставок-конусов (рис. 13, *4, 5*) относящихся по имеющейся классификации (*Кореневский*, 2004. С. 40) к группе 3 «закубанского» или «псекупского» типа. Такие приставки характерны для майкопских поселений Закубанья: Псекупское, Чишхо, Пшиш (*Кореневский*, 2004. Рис. 18, *1*, *2*, *6*), Чекон (*Бочковой и др.*, 2013. С. 7. Рис. 3; *Булах*, 2013. Рис. 1), а также причерноморских поселений Дюрсо I (*Кононенко*, 2003. Рис. I, *3*), Натухаевское-3 (*Шишлов и др.*, 2013б. С. 22. Рис. 7, *1–8*). В пахотном слое также были найдены 36 фрагментов красноглиняных и сероглиняных майкопских сосудов из глины без минеральных примесей. Из них 27 фрагментов стенок красноглиняных сосудов, из которых 3 со следами орнамента или раскраски красно-коричневой краской (рис. 13, *7*); обломок венчика сосуда горшковидной формы (рис. 13, *6*), 7 фрагментов венчиков мисок (рис. 13, *8–14*) и 1 фрагмент сосуда с округлым дном (рис. 13, *15*).

Из 14 погребений эпохи бронзы – 12 женских и 2 мужских, в одном женском погребении (№ 4) антропологами были выявлены кости ребенка до 1 года. Обращают на себя внимание небольшой рост и исключительная грациальность костей большинства индивидов. Погребения, там, где

удалось проследить (7 случаев), производились в ямах подпрямоугольной с закругленными углами или овальной формы размером от 320 × 220 см до 215 × 157 см, причем преобладают именно обширные ямы.

В пяти случаях (погр. 17, 22, 24, 27 и, вероятно, 10) отмечена обкладка из камней торцевых стенок ям в придонной части. Число и размеры камней различны, но признак этот далеко не случаен, он отмечен в целом ряде подкурганных майкопских погребений, изученных в ближайшей округе или прилегающих районах. Одно из них – основное погребение 5 в кургане 1 группы Победа V на противоположном берегу Котламы, а точнее – на высоком водоразделе между рр. Котламой и Маскагой (*Прокофьева,* 2015). В этом же комплексе имеет место ситуация, подобная нашим погребениям 27 и 28, т.е. наложение одного захоронения на другое, допускающее предположение об их ярусном характере. Другие – в кургане 5 у станицы Старотитаровской на Таманском полуострове (по неизвестно кем изобретенной бессмысленной и безликой современной номенклатуре группа, в которую он входил, именуется «К.г. № 4960Б»). Здесь в составе кольцевого майкопского кладбища с каменным кромлехом представлены самые разные варианты оформления могильных ям, в том числе и обкладка камнями в несколько рядов именно торцевых стенок в погребениях 42, 43, 50 и 59 (*Яцюк*, 2016)[4].

Погребенные в Натухаевском IV лежали в скорченном положении на правом (10) или левом (3) боку. Большинство ориентировано головами в западном направлении (ЗСЗ – 1, З – 3, ЗЮЗ – 4, ЮЗ – 1), менее популярно южное (ЮЮЗ – 1, Ю-2?), единичен случай ориентировки на ССЗ. Преобладающим вариантом позы является сильно скорченнное положение с приближенными или поджатыми к животу ногами (8 случаев), средняя степень скорченности отмечена трижды, ослабленный вариант единичен. Руки обычно согнуты в локтях, кисти перед лицом или (в 4 случаях) одна кисть одной руки находится перед лицом, а вторая рука согнута под прямым углом и выдвинута вперед по отношению к телу. Ориентировка и поза погребенных, расположение погребальных сосудов ближе к стенкам или углам ямы на некотором

[4] Обращаем особенное внимание на эту особенность, поскольку в кургане 5 у Старотитаровской выстраивается целый типологический ряд от частичных обкладок могильных ям, через полные обкладки в несколько рядов по их периметру, к каменным ящикам, сложенным из камней или вертикальных плит, имеющим определенное сходство с подкурганными дольменами, новосвободненскими в том числе. Независимо от интерпретации этого ряда, допускающей несколько вариантов (хронологическая последовательность, инокультурное воздействие, социокультурные градации и др.), он важен для дальнейшего структурирования майкопских и околомайкопских материалов Западного Кавказа. Авторы выражают глубокую признательность Д.А. Яцюку за возможность ознакомиться с неопубликованными материалами.

удалении от человеческих останков – все эти обрядовые признаки находят аналогии в погребальных памятниках майкопской культуры (*Мунчаев*, 1994. Табл. 44, *7*; *Кореневский*, 2004).

Инвентарь в большинстве погребений представлен прежде всего керамическими сосудами, обычно их два (8 случаев), реже три (2 случая). Интересной особенностью инвентарного набора является помещение в могилу, наряду с целыми сосудами, фрагмента стенки сосуда, отмеченное в четырех случаях (погр. 1, 4, 22 и 27). В трех случаях такой фрагмент помещен рядом с целыми сосудами, что определенно указывает на неслучайность этого действия. Преждевременно было бы говорить здесь о параллелях с позднейшими культурами бронзового века Предкавказья, где подобные находки достаточно распространены и не ограничиваются одной только традицией жаровен – крупных профилированных частей сосудов со следами углей в них или без таковых. Однако при дальнейших исследованиях, вероятно, стоит учитывать и этот, пока не поддающийся истолкованию момент.

В 4 погребениях были обнаружены каменные орудия (лощила для керамики, долото для дерева, растиральный камень), в одном мужском погребении зафиксирован бесчеренковый нож из медного сплава, сопоставимый с ножами/кинжалами (?) малых размеров типа КБЧI по классификации С.Н.Кореневского, известными по находкам в погребении 13 кургана 1 у ст. Воровсколесской в Ставропольском крае и на поселении Хаджох III в Адыгее (*Кореневский*, 2011. С. 43. Рис. 10, *8, 12*). Второй кинжал, найденный в сборах на поверхности, относится по той же классификации к типу КПБЧ (кинжалы полубесчеренковые) и аналогичен кинжалу из погребения 8 кургана 1 могильника Чегем I в Кабардино-Балкарии (*Кореневский*, 2011. С. 44. Рис. 14, *11*).

Всего в погребениях зафиксировано 24 целых сосуда и несколько фрагментированных, иногда дающих частичное представление об общей форме. 22 сосуда представляют различные вариации горшковидной формы, 14 из них изготовлены из качественной глины без примесей, что обозначается в литературе как посуда «технологического класса 1»; 8 – из глины с минеральными примесями или «технологического класса 2 (*Кореневский*, 2004. С. 22.). Тулово большинства сосудов имеет сферическую или сплюснутосфероидную форму; 13 имеют округлое, 10 – уплощенно-округлое дно. Мисок было обнаружено всего 5: две из глины без примесей и три с минеральными примесями в тесте. Все сосуды покрыты лощением с внешней стороны.

Большая часть красноглиняных сосудов первого класса из погребений и объектов украшена орнаментом, нанесенным темно-красной краской: го-

ризонтальные полосы на шейке с внешней и внутренней сторон и отходящие от нее вниз вертикальные прямые или зигзагообразные полосы с внешней стороны (рис. 14, *5, 6*; 15, *1, 2, 7*; 16, *6*) или сплошное покрытие краской. Аналогии расписной керамики 1 класса мы видим на раннее обнаруженных в районе Новороссийска памятниках: поселениях Дюрсо-I (*Кононенко*, 2003; *Шишлов и др.*, 2013а. С. 471. Рис. 1, *1, 2*), Натухаевское-3 (*Шишлов и др.*, 2013а. С. 471. Рис. 1, *5–8*; *Шишлов и др.*, 2013б. С. 21. Рис. 6, *2–4, 6–8*), Катусвина Кривица-2 (*Шишлов и др.*, 2015. С. 116. Рис. 2, *12, 13*), а также в кургане № 4 курганной группы Натухаевская-1 (*Шишлов, Федоренко*, 2008. С. 126. Рис. 7, *1*; *Шишлов и др.*, 2013а. С. 471. Рис. 1, *3*). В 2 случаях встречен пролощеный зигзагообразный орнамент на горле красноглиняных сосудов горшковидной формы (рис. 17, *4*; 19, *2*), аналогичный орнаменту на венчиках сосудов с поселений Псекупское, Пхагугапе, Серёгинское, Беляевское, объединяемых А.Д. Резепкиным в Закубанскую группу, а также с упомянутых выше поселений Анапско-Новороссийского района: Натухаевское-3 (*Шишлов и др.*, 2013б. Рис. 6, *13*), Катусвина Кривица-2 (*Шишлов и др.*, 2015. С. 116. Рис. 2, *1*) и Чекон (*Бочковой и др.*, 2012. С. 96).

Единственный сосуд, заслуживающий названия кубка, формы, спорадически встречающейся в материалах поселенческих и погребальных памятников майкопской культуры, но особенно свойственной «степной новосвободненской» или «нижнемихайловско-новосвободненской» культурной группе, происходит из погребения 20. Оригинален стаканообразный сосуд из разрушенного погребения 26.

Распределение видов и типов керамических сосудов по погребальным комплексам позволяет заметить некоторые отличия. Красно-, оранжево- и коричневоглиняные горшковидные сосуды со сферическим туловом, изготовленные из глины без минеральных примесей и в большинстве (8 экз.) имеющие следы покрытия полосами или узорами красной или темно-красной краской, происходят из нескольких захоронений (погр. 1, 4, 17, 21, 24, 28). Заметно, что они могут быть представлены двумя экземплярами в одном комплексе, но при этом редко сочетаются с иными формами. Технологически менее совершенные буро-коричневые горшки с минеральными примесями в тесте, а также миски, независимо от состава глиняного теста, связаны с другими комплексами (погр. 10, 20, 22, 26, 27). В этой же группе представлены горшковидные сосуды с намеченным, хотя и достаточно плавным ребром на уровне максимального диаметра тулова, – форма 3 по А.Д. Резепкину (*Резепкин,* 2012), признаваемая за своеобразную визитную карточку западных памятников майкопского ареала или выделяемой С.Н. Кореневским так называемой псекупской разновидности или культуры (*Кореневский*,

2004. С. 53). В этих же комплексах найдены единственный кубок и «стакан» необычной редкой формы. Граница между этими двумя, различающимися по набору керамики, группами захоронений достаточно отчетливая (рис. 20), хотя на площади могильника они никак не разделяются, близки по составу (полу и возрасту) и ориентировке погребенных. Что касается позы, то два из трех левобочных захоронений сопровождались инвентарем и в обоих случаях это были горшки с росписью (погр. 1 и 4).

В связке погребений 27–28 у находившегося ниже скелета (погр. 27) стояли «псекупский» горшок, горшочек с минеральными примесями и миниатюрная мисочка, а у верхнего (погр. 28) качественный горшок с остатками росписи, но возможность различного истолкования самой связки – ярусная могила или случайное наложение – не позволяет сделать однозначный вывод об их стратиграфическом соотношении.

Не стоит, конечно, абсолютизировать эти наблюдения, сделанные на крайне ограниченных материалах, но взять их на заметку для дальнейших разработок, наверное, будет не лишним. Тем более, что есть примеры памятников, заметно различных по наборам керамических форм (так, в упомянутом выше кургане у Старотитаровской, наиболее представительной формой в составе инвентарного набора были миски, причем значительно более крупных размеров, чем в могильнике Натухаевский IV).

При всех сомнительных моментах, связанных с разрушением поверхности многолетней плантажной вспашкой, очевидно, что речь идет о необычном для майкопской культуры погребальном памятнике. С нашей точки зрения имеется целый ряд показателей, не позволяющих однозначно признать его остатками курганного могильника. Один из них – топография, расположение памятника в рельефе. Памятник занимает тыльную часть террасообразного уступа у подножия пологого, но выраженного подъема на водораздельную гряду и нижнюю часть склона, что уже является необычным. Курганы и курганные группы эпохи бронзы приурочены либо к горизонтальным поверхностям террас, либо к водораздельным плато, либо к вершинам водораздельных гряд. В последнем случае отдельные насыпи могут оказаться и на склонах, но, как правило, в верхней их части. Расположение на приречных площадках у подножия склона с захватом нижней его части характерно на Западном Кавказе для средневековых и позднесредневековых курганных могильников. И такой могильник, как это видно по основной массе представленных тут захоронений, действительно существовал на площади Натухаевского IV. Характерно, что дальше к северу, в так называемом «северном раскопе» шириной 60 и протяженностью до 170 м, доведенном до вершины гряды, погребений не было вовсе.

Второй момент – планиграфия, распределение захоронений на площади. Они, как кажется, не образуют явных скоплений, разбросаны достаточно беспорядочно. Расстояния между ними колеблется от 4 до 40 метров. Отмечается только более плотная концентрация в юго-восточной части раскопанного участка при большем рассеянии в северном и северо-западном направлениях (рис. 1). Как уже упоминалось, нет и достоверных случаев стратиграфии, прорезания одних могил другими. Исключение представляет связка погребений 27 и 28, но она не поддается однозначной трактовке, здесь может быть и ярусное захоронение с преднамеренным подхоронением верхнего погребенного в ту же погребальную камеру.

Наконец, совершенно необычным для майкопских подкурганных кладбищ является состав погребенных. Из 14 захоронений 7 (погр. 1, 2, 4, 20, 22, 27 и 28) определены антропологами как принадлежащие женщинам в возрасте 20–25 или 20–29 лет. Еще 5 (погр. 10, 16, 23, 24 и 26) как предположительно женские такого же или чуть более старшего возраста. Лишь одно из них (погр. 10) принадлежит субъекту 35–39 лет. Достоверно мужским признано только одно захоронение (погр. 21), никак не отличавшееся от прочих ни по обряду, ни по сопровождающему инвентарю. Предположительно мужским было признано захоронение 17, сопровождавшееся помимо двух сосудов еще и крохотным бронзовым ножичком. Таким образом, в группе погребенных, где был достоверно определен пол, женщин оказалось в семь раз больше, чем мужчин; среди захоронений, где пол определен предположительно, – в пять раз.

Для сравнения: в подкурганных погребениях, при крайне малом количестве квалифицированных антропологических заключений, большинство исследованных останков взрослых индивидов принадлежит мужчинам. Среди предположительных определений, сделанных археологами, имеются якобы женские захоронения. Однако в тех случаях, когда эти же образцы были изучены антропологами, оказывалось, что речь идет все-таки о мужчинах (к сожалению, пока и тут наблюдения единичны). В качестве примера приведем данные по близкому в культурном и хронологическом отношении памятнику – кургану у хутора Ольховский в нижнем течении р. Кирпили, в степной части Краснодарского края, где из 11 захоронений взрослых субъектов – 7 определены как мужские, одно – как женское, и еще одно – как предположительно женское (*Кореневский, Медникова, Добровольская, Яцюк,* 2018).

Таким образом, есть основания предполагать, что мы имеем дело с особым грунтовым могильником, предназначенным для определенной половозрастной группы населения, скорее всего обитателей одного из расположен-

ных в непосредственной близости поселков майкопской культуры. Рядом, не более чем в 100–200 м западнее и восточнее от нашего могильника разведками были выявлены поселения Орел-1 и Орел-3, подъемный материал с которых содержит майкопскую керамику (*Колпакова,* 2012). На связь могильника Натухаевский IV с группой стационарных майкопских поселений отчетливо земледельческого характера, выявленных к настоящему времени в окрестностях современных Анапы и Новороссийска, указывает и заметное место расписной посуды в его керамических материалах.

В подтверждение гипотезы о грунтовых могильниках приведем еще несколько примеров. Это Псекупский могильник № 1, располагавшийся «на возвышенных местах, но не на курганах» (*Ловпаче,* 1985. С. 17), два древнейших погребения которого содержали выразительный инвентарь и были опознаны исследователем как майкопские. Еще как минимум 11 погребений, разбросанных по всей площади этого могильника, определены как относящиеся к эпохе средней бронзы. Однако по позе погребенных и сопровождающему инвентарю, большинство из них также должно быть отнесено к майкопской культуре. Более чем вероятно, что по крайней мере 2 погребения (26 и 56), отнесенные в публикации Н.Г. Ловпаче к переходному периоду от поздней бронзы к раннему железу, также являются майкопскими. Похожая ситуация имеет место и на бескурганном (?) могильнике Пшиш-2, где найдено 2 достоверно майкопских захоронения (*Ловпаче,* 2010).

При проведении разведочной шурфовки вблизи границ майкопского поселения Чекон I, раскапывавшегося В.В. Бочковым в 2011 г. и находящегося всего в 25 км к северу от станицы Натухаевской и нашего памятника, в одном из шурфов на глубине 0,7 м от поверхности поля В.В. Матаевым была обнаружена целая майкопская миска и рядом с нею – скопление неважно сохранившихся костей, обозначенных в отчете о работах, как кости мелкого рогатого скота (*Матаев*, 2017). Определение явно ошибочное, поскольку ни одна из костей скелета овцы или козы не имеет длины в 30–40 см, как это видно по полевому чертежу. Гораздо вероятнее, что и тут мы имеем дело с грунтовым захоронением майкопской культуры, произведенным совсем близко от края поселка. Заслуживает внимания и находка развала майкопской миски в шурфе 59 на южной окраине майкопского поселения Тузла-15, выявленного в 2010 г. в ходе разведки территории проектировавшегося сухогрузного порта Тамань (*Буравлев*, 2011).

Естественно, проверка гипотезы об особых грунтовых могильниках в западной части майкопского ареала требует новых наблюдений. Обнаружение их из-за рассредоточенности могил на большой площади может произойти либо случайно, либо в результате вскрытия широких площадей рядом с май-

копскими поселениями, как это было при проведении спасательных работ на трассе газопровода «Южный поток». К большому сожалению, дальнейшее расширение раскопа на Натухаевском IV в обозримом будущем невозможно.

ЛИТЕРАТУРА И АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Бочковой В.В., Лимберис Н.Ю., Марченко И.И., Резепкин А.Д., 2012. Материалы поселения Чекон и классификация керамики майкопской культуры // Культура степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. Мат-лы междунар. науч. конф., посвященной 110-летию со дня рождения выдающегося российского археолога Михаила Петровича Грязнова. Кн. 2. СПб.: ИИМК РАН, «Периферия». С. 95–100.

Бочковой В.В., Лимберис Н.Ю., Марченко И.И., Резепкин А.Д., 2013. Поселение майкопской культуры «Чекон» // Археология и этнография понтийско-кавказского региона. Вып. 1. Краснодар: Кубанский гос. ун-т. С. 5–18.

Булах Е.Н., 2013. «Очажные подставки» майкопской культуры (по материалам поселения Чекон) // Шестая международная Кубанская археологическая конференция. Мат-лы конф. Краснодар: Экоинвест. С. 53–56.

Буравлев С.А., 2011. Отчет о спасательных археологических разведках, направленных на уточнение границ и мощности культурного слоя памятников археологии, попадающих в зону строительства сухогрузного района морского порта Тамань в Темрюкском районе Краснодарского края в 2011 г. // Архив ИА РАН. Р-I. № 29247.

Колпакова А.В., 2012. Отчет об археологических разведках на территории г. Новороссийска Краснодарского края в 2010 г. // Архив ИА РАН. Р-I. № 29911.

Кононенко А.П., 2003. Поселение Майкопской культуры Дюрсо // Исторические записки (исследования и материалы). Вып. 4. Новороссийск: Новороссийский исторический музей-заповедник. С. 40–56.

Кореневский С.Н., 2004. Древнейшие земледельцы и скотоводы Предкавказья. М.: Наука. 241 с.

Кореневский С.Н., 2011. Древнейший металл Предкавказья. Типология. Историко-культурный аспект. М.: Таус. 334 с.

Кореневский С.Н., Медникова М.Б., Добровольская М.В, Яцюк Д.А., 2018. Майкопские погребения могильника Ольховский // Кавказ и Месопотамская степь на заре бронзового века (сборник к 90-летию Рауфа Магомедовича Мунчаева). В печати.

Ловпаче Н.Г., 1985. Могильники в устье реки Псекупса // Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп. С. 16–64.

Ловпаче Н.Г., 2010. Научное сотрудничество с В.Г. Самойленко // Проблемы охраны и изучения памятников археологии степной зоны Восточной Европы. Луганск: Глобус.

Матаев В.В., 2018. Отчет об археологических разведках на участках проектируемого строительства объектов в рамках электрификации участка разъезд 9 км – Юровский – Анапа Северо-Кавказской железной дороги на территории г.к. Анапа и Крымского района Краснодарского края в 2017 г. // Архив ИА РАН. Р-I. Б/н.

Мунчаев Р.М., 1994. Майкопская культура // Эпоха бронзы Кавказа и средней Азии. Ранняя и средняя бронза Кавказа. М.: Наука. (Археология СССР). С. 158–225.

Прокофьева Т.Е., 2015. Отчет об археологических раскопках курганных могильников «Мокрый IV» в Октябрьском районе Ростовской области, «Калитановое» и «Победа V» на землях города Новороссийск Краснодарского края // Архив ИА РАН. Р-I. № 45914.

Резепкин А.Д., 2009. Миски из поселений майкопской культуры. Классификация // Пятая Кубанская археологическая конференция. Мат-лы конф. Краснодар: Кубанский гос. ун-т. С. 317–324.

Резепкин А.Д., 2012. Сосуды из поселений майкопской культуры: классификация // Новейшие открытия в археологии Северного Кавказа: Исследования и интерпретации. XXVII Крупновские чтения. Мат-лы междунар. науч. конф. Махачкала, 23–28 апреля 2012 г. Махачкала: Мавраевъ. С. 125–128.

Шишлов А.В., Колпакова А.В., Федоренко Н.В., 2013а. Орнаментация краской керамики на памятниках майкопской культуры в приморской части предгорий Северо-Западного Кавказа // Шестая Кубанская археологическая конференция. Мат-лы конф. Краснодар: Экоинвест. С. 469–471.

Шишлов А.В., Колпакова А.В. Федоренко Н.В., 2013б. Керамический комплекс поселения майкопской культуры Натухаевское-3 // Историко-археологический альманах (Армавирского краеведческого музея). Вып.12. Армавир, Краснодар, М. С. 13–27.

Шишлов А.В., Колпакова А.В., Федоренко Н.В., Гей А.Н., 2015. Поселение Катусвина Кривица 2 – новый памятник майкопской культуры на Западном Кавказе (предварительное сообщение). // КСИА. Вып. 237. С. 113–125.

Яцюк Д.В., 2016. Отчет об итогах проведения археологических полевых работ на памятниках археологии курганных могильников №№ 4960, 4960Б, 4962 и кургана № 4961 в Темрюкском районе Краснодарского края. Краснодар // Архив ИА РАН. Р-I. № 52310.

A.N. Gey, A.V. Shishlov, A.V. Kolpakova, N.V. Fedorenko

THE NATUKHAEVSKAYA IV CEMETERY: A NEW SITE OF THE MAIKOP CULTURE NEAR NOVOROSSIYSK

Abstract. The paper reports on the materials from a burial ground excavated in 2014 during salvage archaeological excavations along the route of the South Stream pipeline near the village of Natukhaevskaya located 22 km northwest of Novorossiysk. These excavations at the site of a medieval kurgan cemetery destroyed by tillage revealed 14 burials dated to the Maikop culture of the Early Bronze Age (IV mill. BC). Each burial, with the exception of one disputable case, contained one skeleton; all bodies were deposited in a contracted position on the right or left side, with face oriented to the southwest. The accompanying funerary offerings included, mainly, round-bottomed pot-shaped vessels, some of them with preserved traces of red paint, and small bowls. The only metal find is a small bronze knife. Unusual layout of the burial ground, its location in the lower part of a hill side which is not typical of Bronze Age kurgans and, more importantly, the gender characteristics of the deceased (only one skeleton was identified reliably as male while seven were identified as women of 20–35 years), suggest that, probably, in the West Caucasus special ground cemeteries were located in close proximity to the settlements occupied by Maikop agriculturalists.

Keywords: Bronze Age, Maikop culture, West Caucasus, painted ceramics, kurgan, ground cemetery.

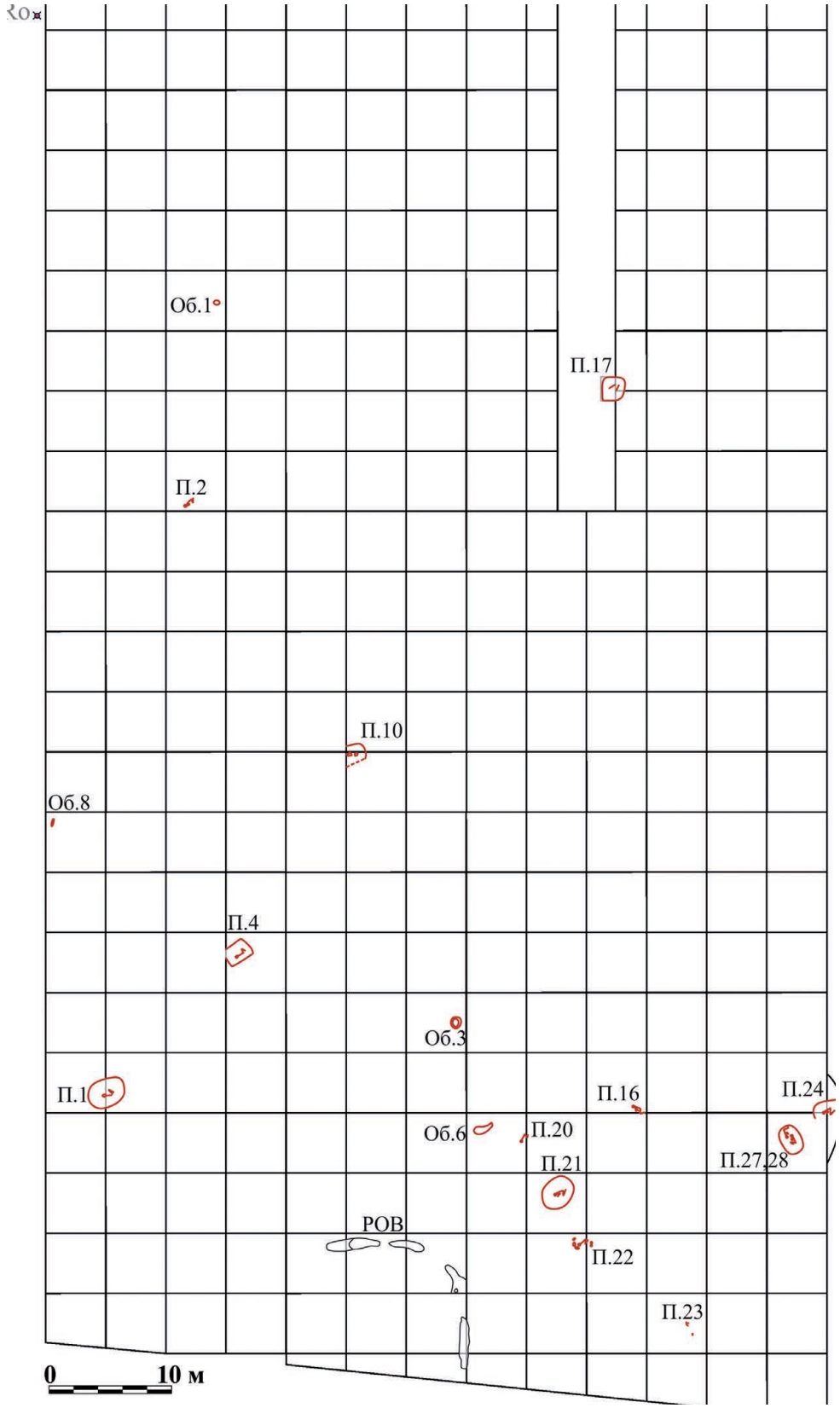


Рис. 1. Могильник Натухаевский IV.
План участка раскопа с погребениями майкопской культуры

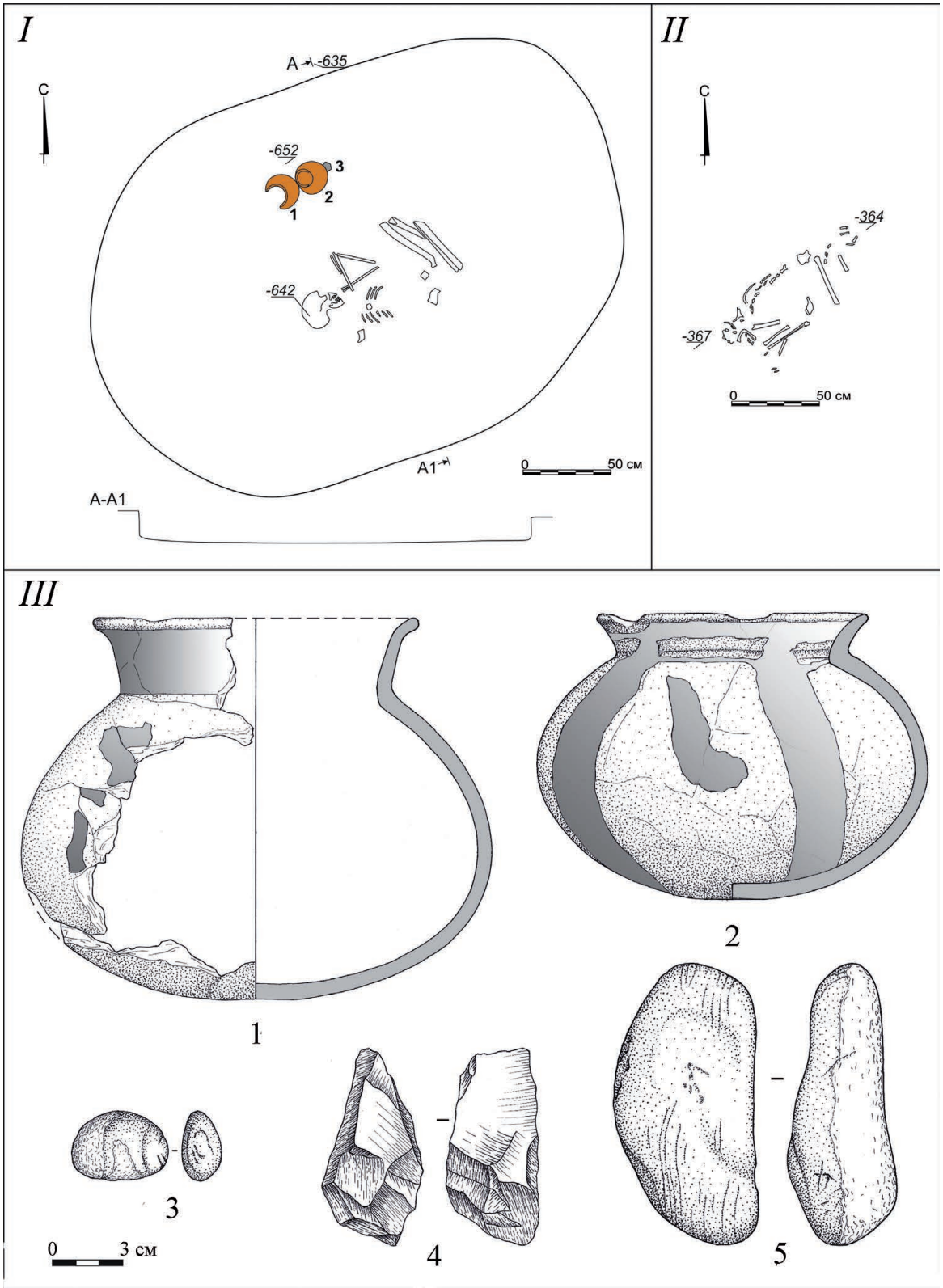


Рис. 2. Могильник Натухаевский IV. Погребения 1 и 2
I – погребение 1 (1, 2 – керамические сосуды, 3 – фрагмент керамики);
II – погребение 2; *III* – находки из погребения 1 (1, 2 – керамические сосуды, 3–5 – каменные предметы)

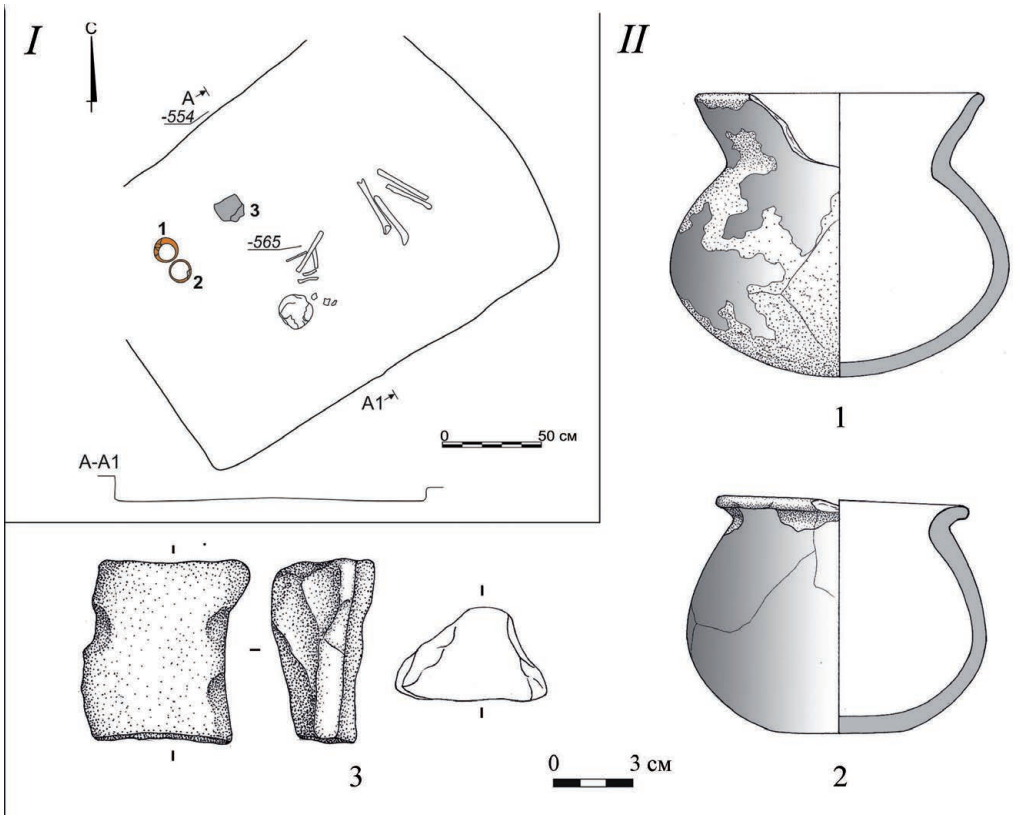


Рис. 3. Могильник Натухаевский IV. Погребение 4
I – чертеж (1, 2 – керамические сосуды, 3 – фрагмент керамики),
II – находки (1, 2 – керамические сосуды, 3 – каменный предмет)

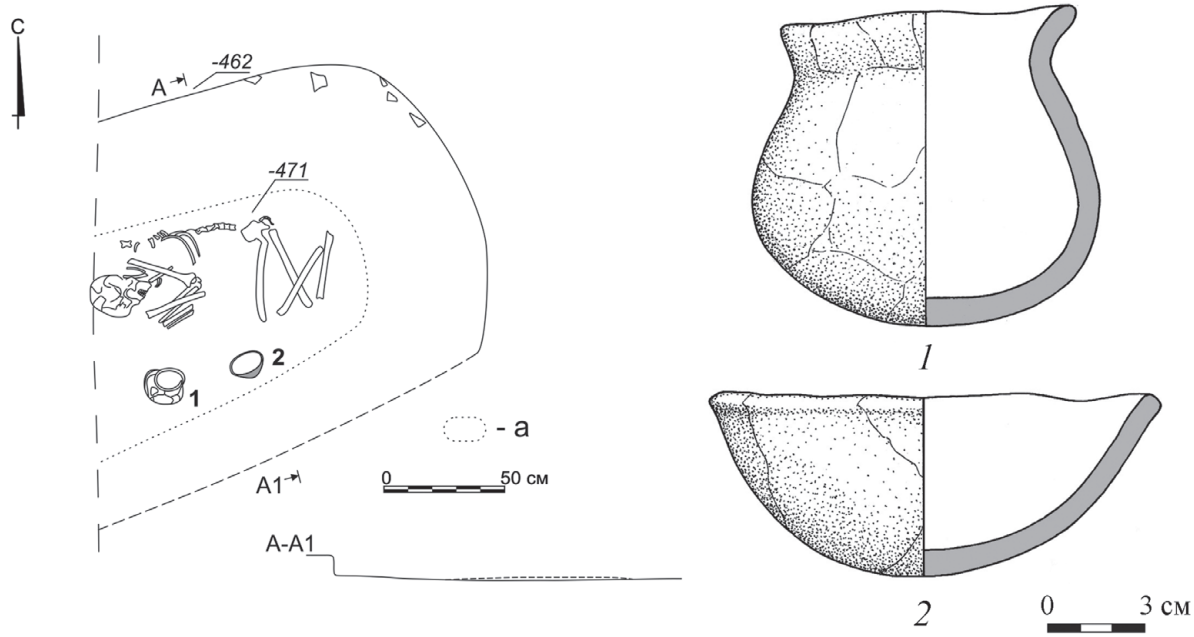


Рис. 4. Могильник Натухаевский IV. Погребение 10
Чертеж (слева) и находки (справа): а – земляная подсыпка;
1, 2 – керамические сосуды

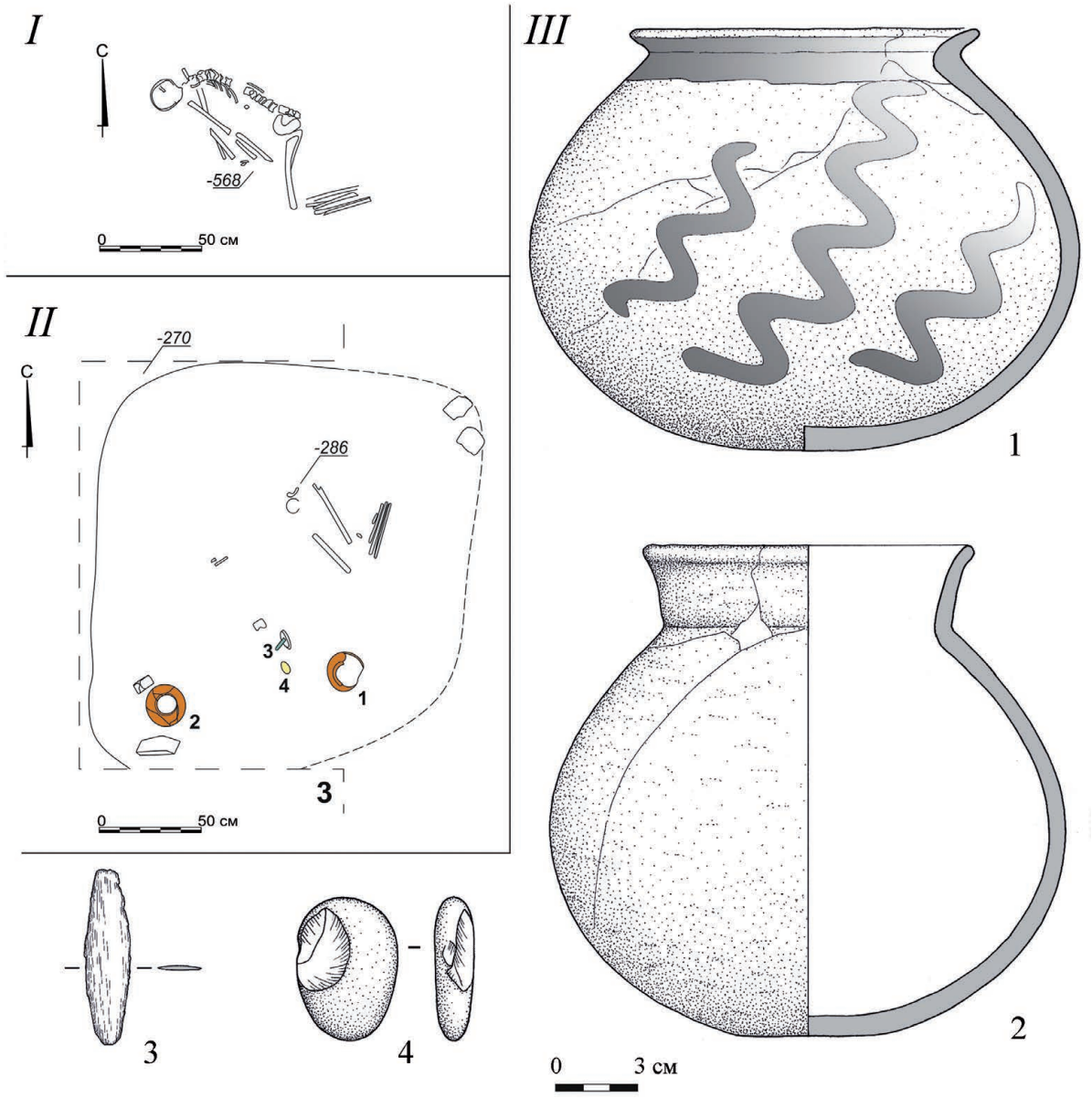


Рис. 5. Могильник Натухаевский IV. Погребения 16 и 17.
I – чертеж погребения 16; *II, III* – погребение 17: чертеж (*II*) и находки (*III*), (1, 2 – керамические сосуды, 3 – бронзовый нож, 4 – лощило (?) из гальки)

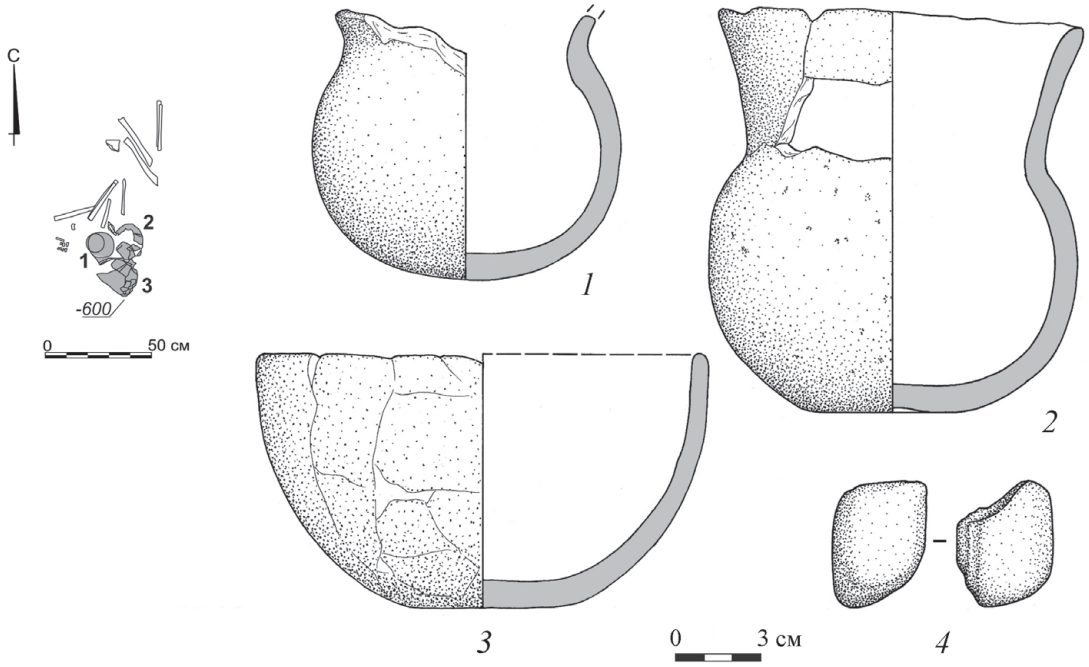


Рис. 6. Могильник Натухаевский IV. Погребение 20
Чертеж (слева) и находки (справа): *1, 2, 3* – керамические сосуды, *4* – каменный предмет

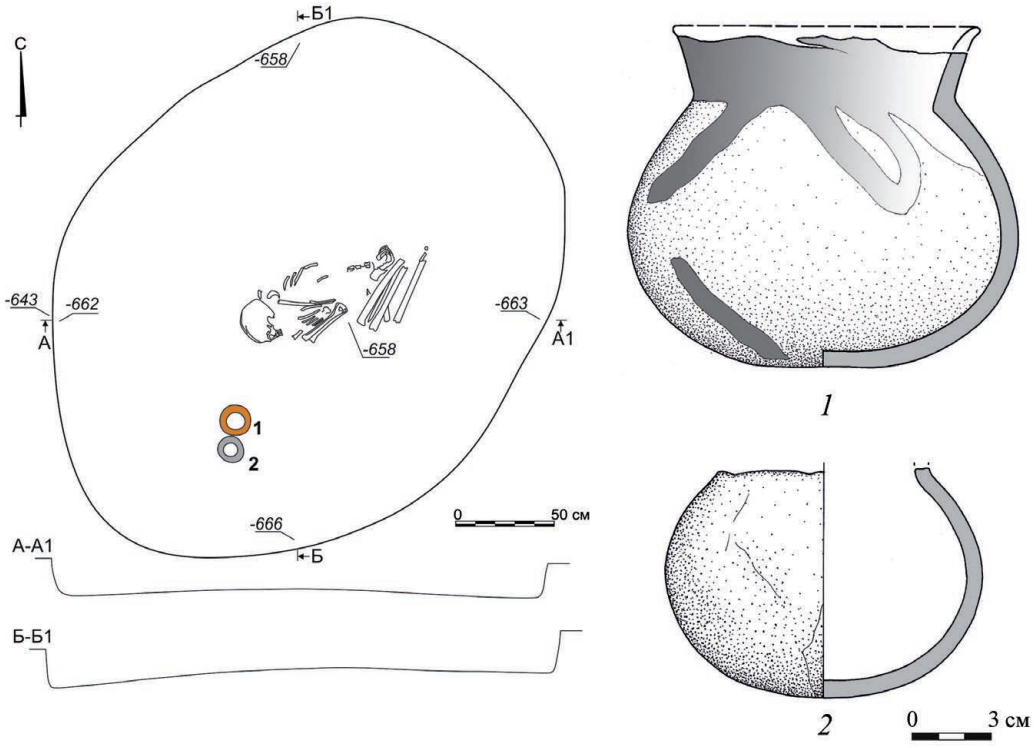


Рис. 7. Могильник Натухаевский IV. Погребение 21
Чертеж (слева) и находки (справа): *1, 2* – керамические сосуды

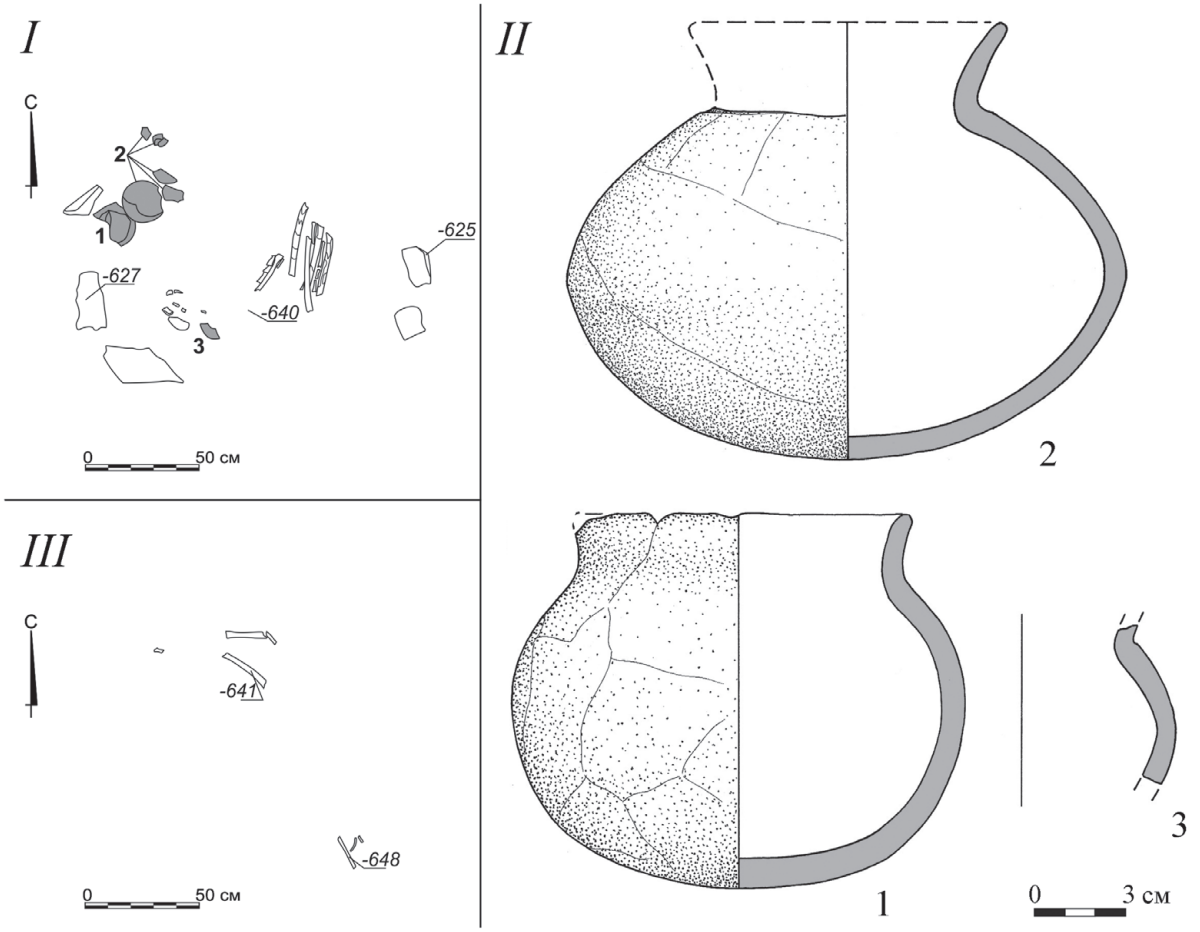


Рис. 8. Могильник Натухаевский IV. Погребения 22 и 23
I, II – погребение 22: чертеж (*I*) и находки (*II*) (1, 2 – керамические сосуды, 3 – фрагмент керамики), *III* – чертеж погребения 23

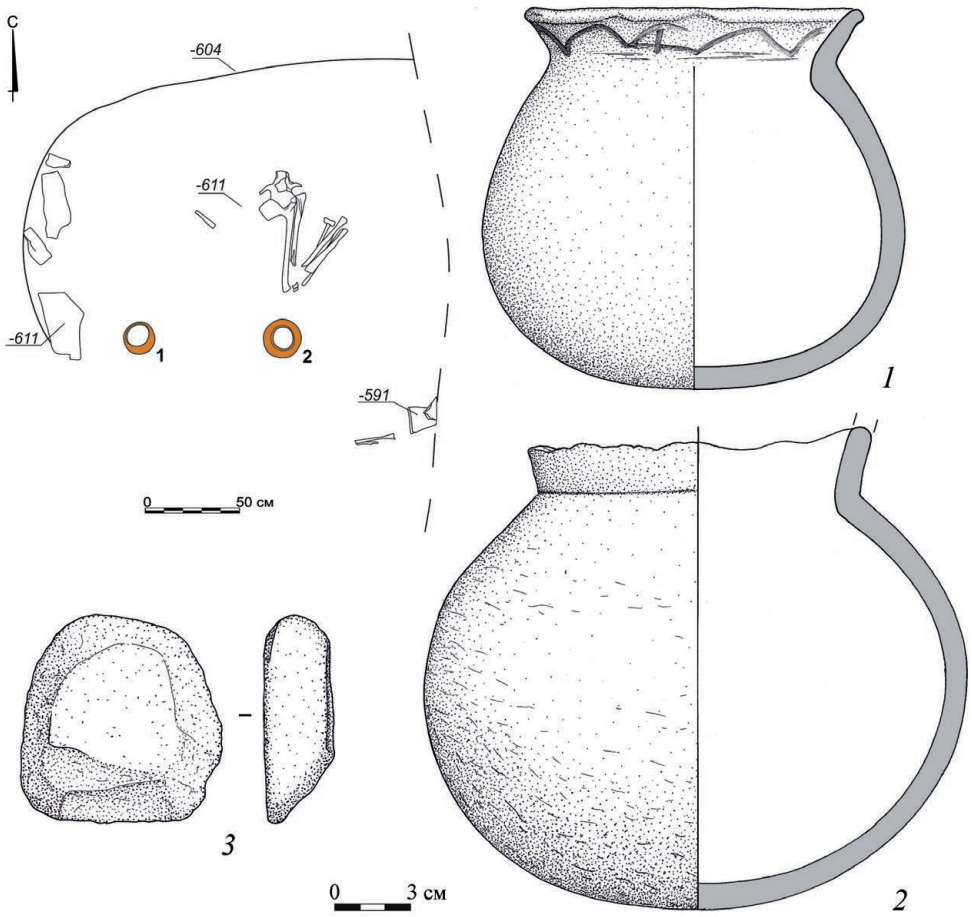


Рис. 9. Могильник Натухаевский IV. Погребение 24
Чертеж (слева вверху) и находки (слева внизу и справа):
1, 2 – керамические сосуды, *3* – каменный предмет

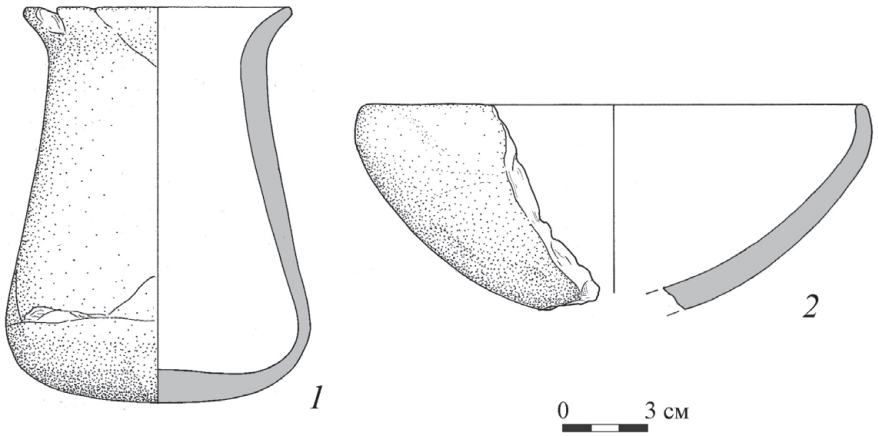


Рис. 10. Могильник Натухаевский IV. Погребение 26. Находки
1, 2 – керамические сосуды.

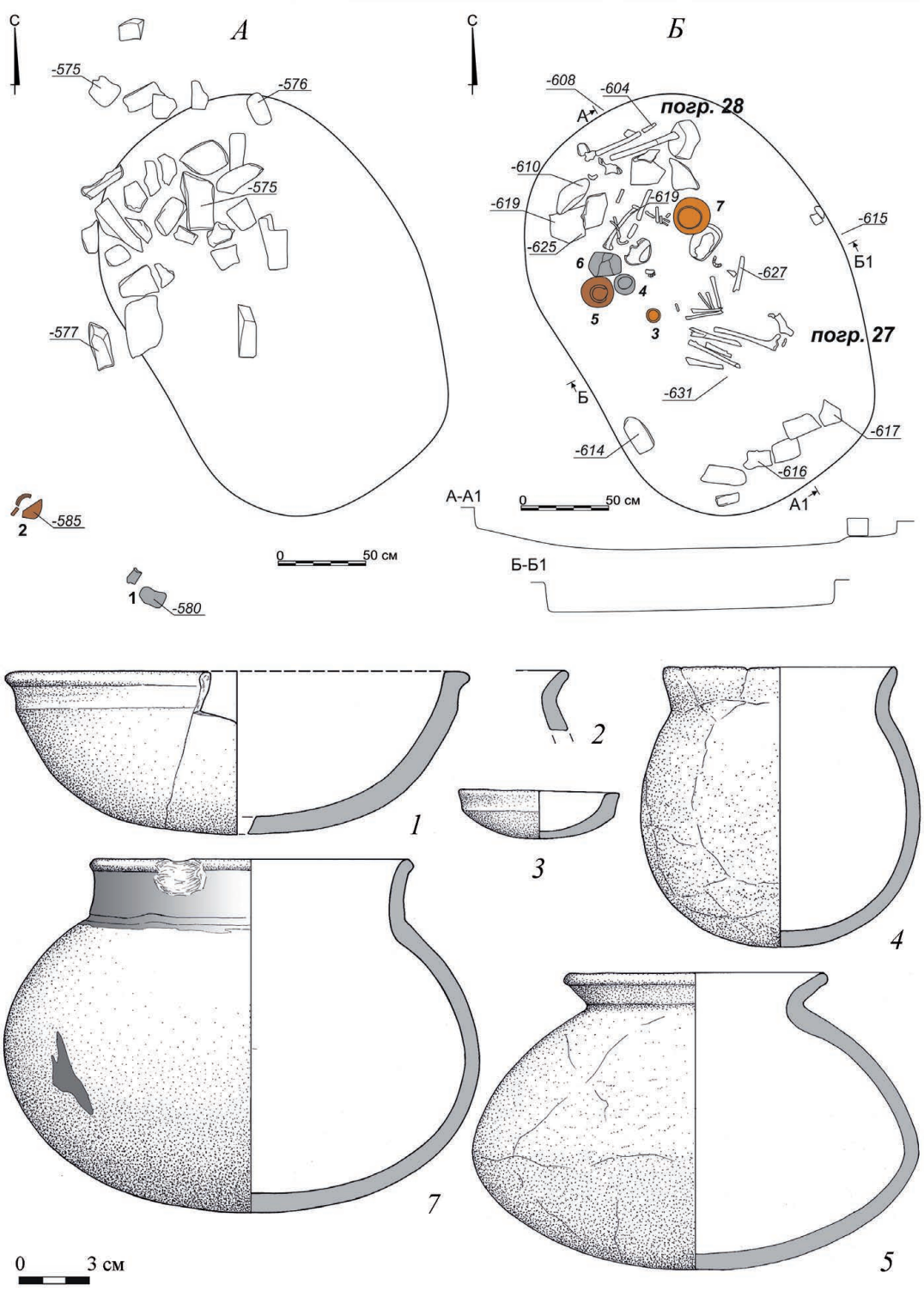


Рис.11. Могильник Натухаевский IV. Погребения 27 и 28
Чертежи (вверху) и находки (внизу): Первый (*А*) и второй (*Б*) уровни расчистки;
1, 2 – керамические сосуды из первого уровня расчистки,
3–5 – керамические сосуды погребения 27, *5* – керамический сосуд погребения 28;
позиция *6* на чертеже *Б* – фрагмент керамики из погребения 27

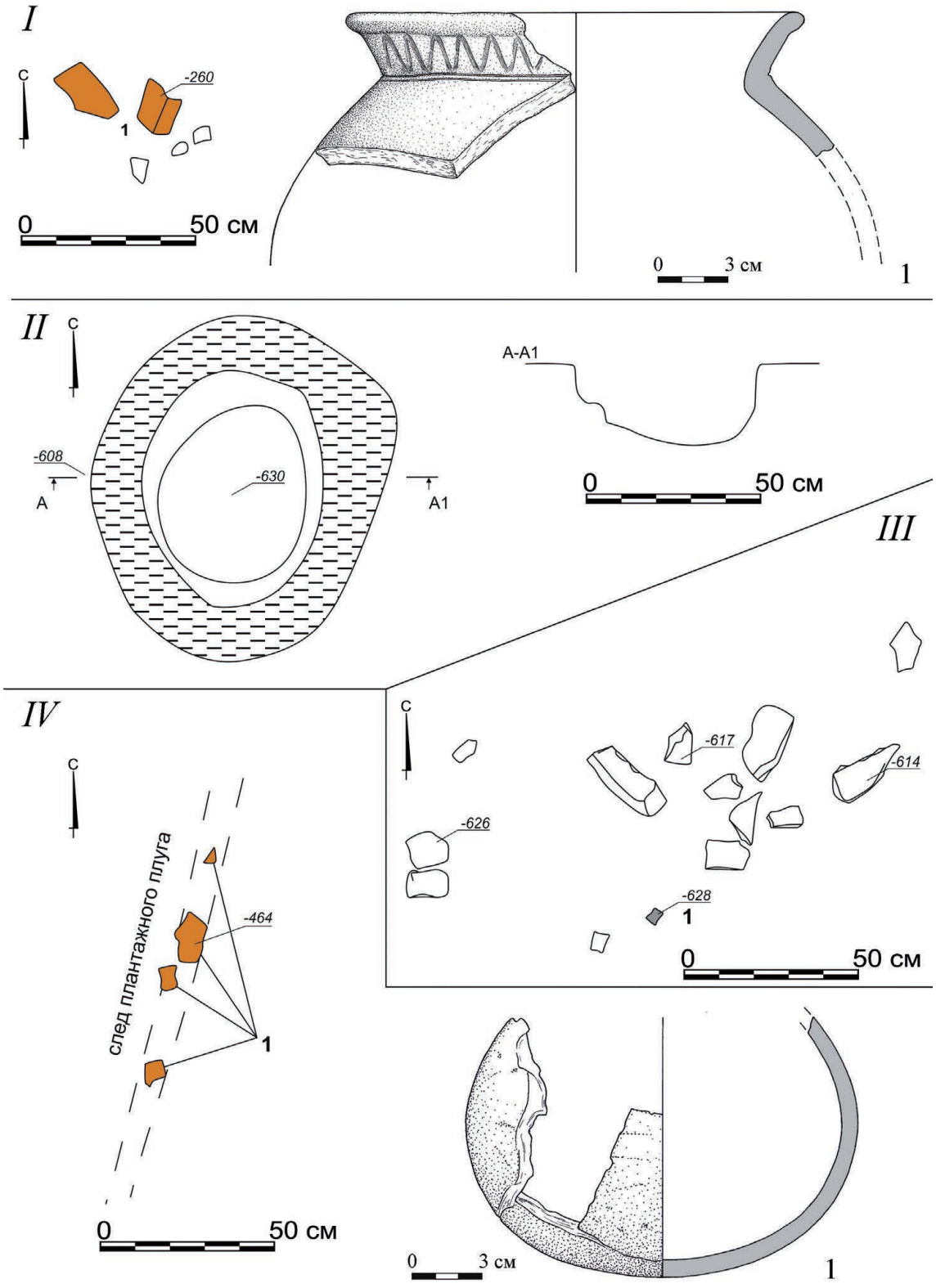


Рис. 12. Могильник Натухаевский IV. Объекты 1, 3, 6, 8
I – объект 1 (1 – фрагменты керамики), *II* – объект 3, *III* – объект 6 (1 – фрагмент керамики), *IV* – объект 8 (1 – фрагменты керамики)

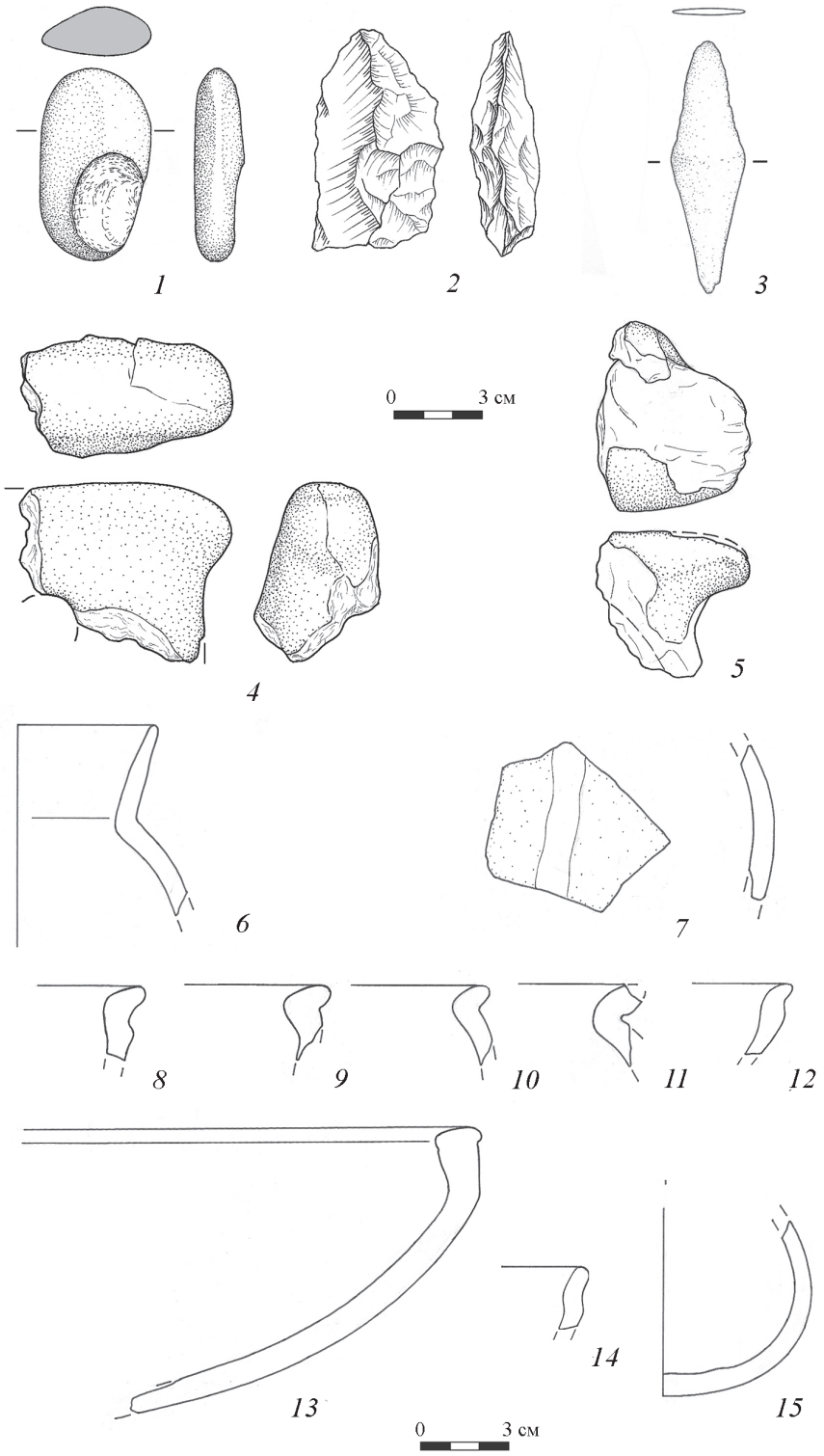


Рис. 13. Могильник Натухаевский IV.
Находки из пахотного слоя и с поверхности
1, 2 – камень; *3* – бронзовый нож; *4, 5* – глиняные очажные приставки; *6–15* – фрагменты керамики

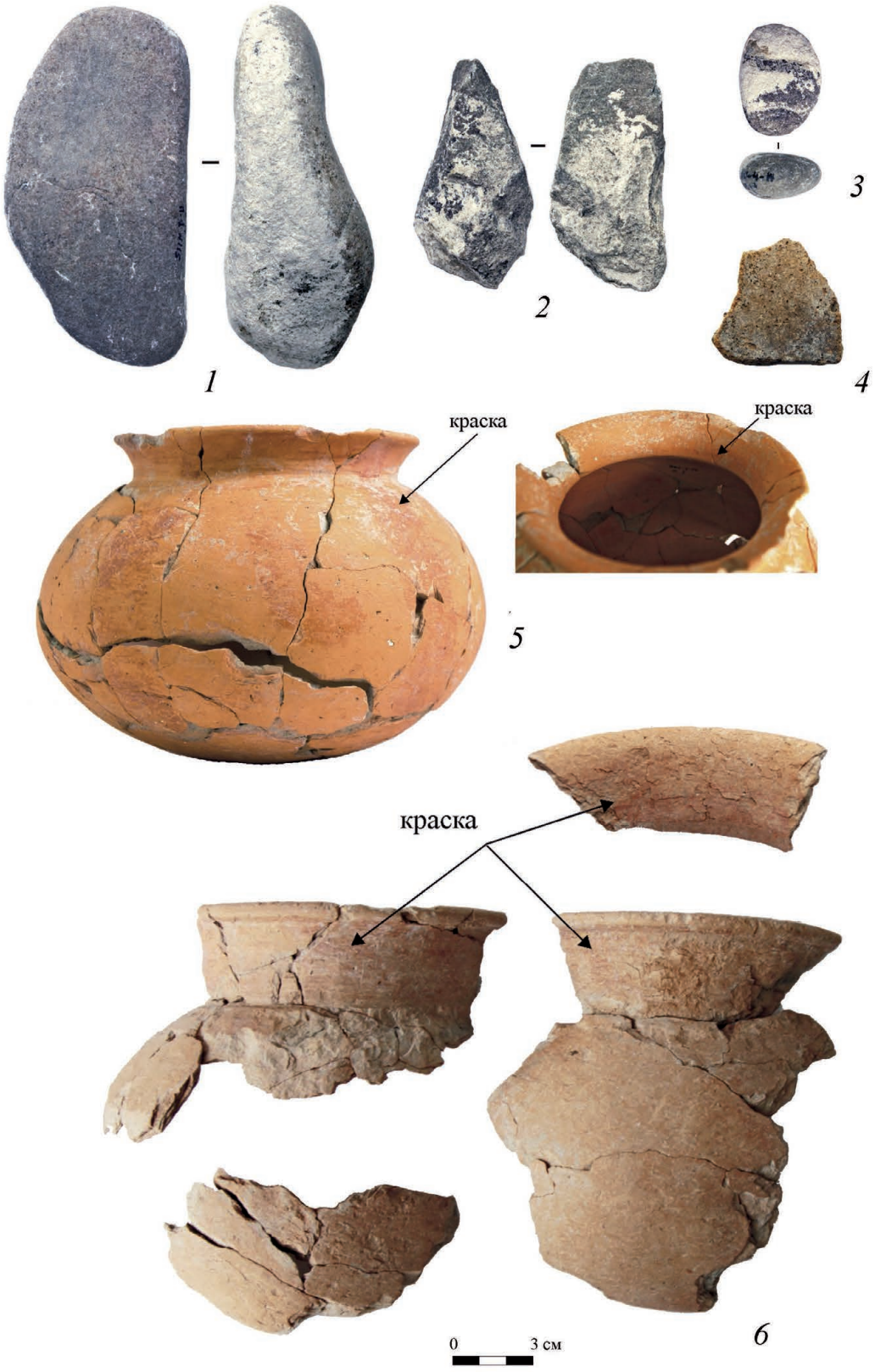


Рис. 14. Могильник Натухаевский IV. Погребение 1
1–3 – каменные предметы; *4* – фрагмент сосуда; *5, 6* – керамические сосуды

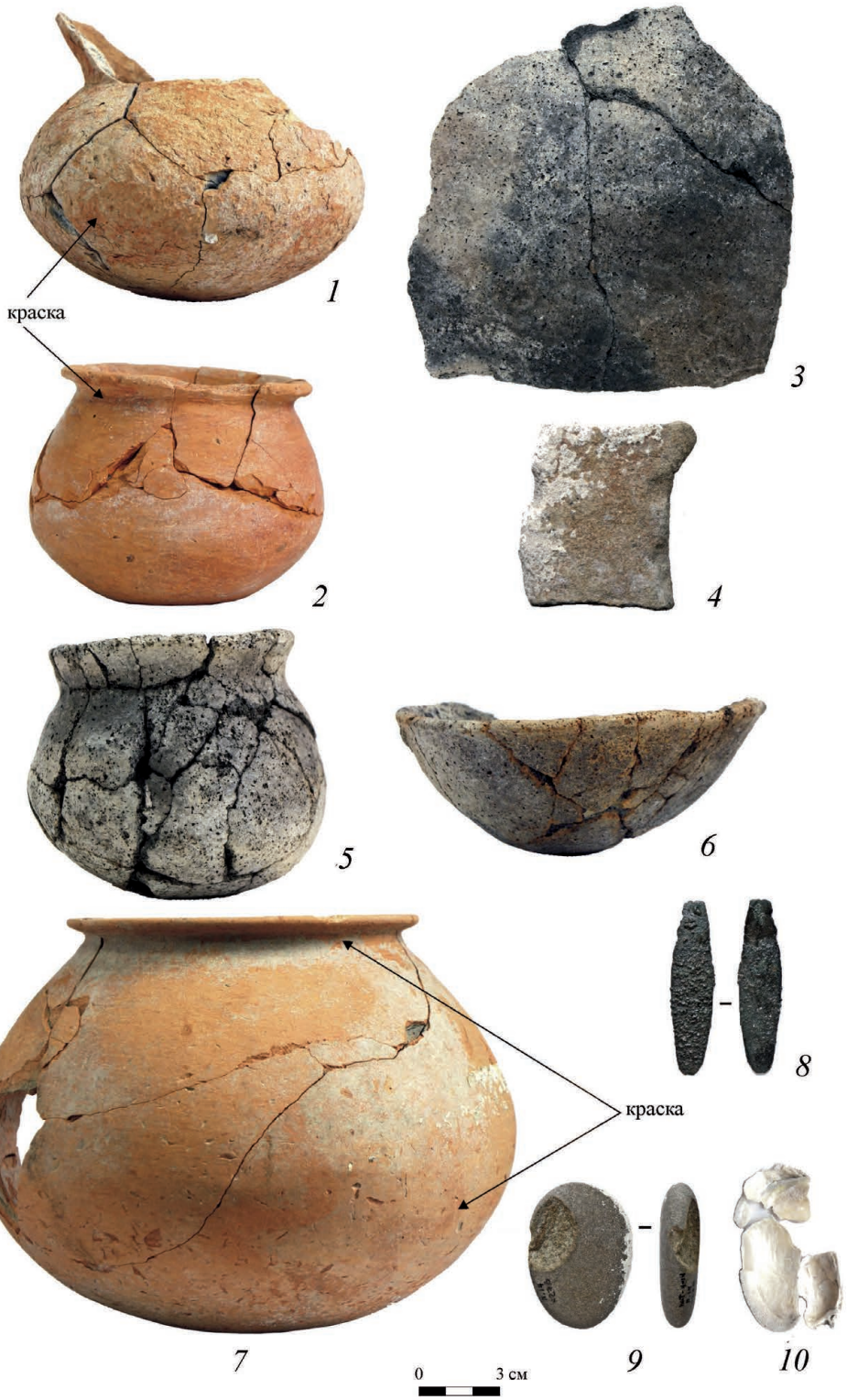


Рис. 15. Могильник Натухаевский IV. Погребения 4, 10 и 17
1–4 – погребение 4 (*1–3* – керамика, *4* – камень); *5, 6* – погребение 10 (керамика);
7–10 – погребение 17 (*7* – керамика, *8* – бронзовый нож,
9 – лощило из гальки, *10* – створка раковины)

Рис. 16. Могильник Натухаевский IV. Погребения 17, 20 и 21
1 – погребение 17 (керамика); *2–5* – погребение 20 (*2, 4, 5* – керамика, *3* – лощило из гальки); *6, 7* – погребение 21 (керамика)

Рис. 17. Могильник Натухаевский IV. Погребения 22 и 24
1–3 – погребение 22 (керамика); *4–6* – погребение 24
(*4, 6* – керамика, *5* – каменный предмет)

Рис. 18. Могильник Натухаевский IV. Погребения 26, 27 и 28
1, 2 – погребение 26 (керамика); *3, 4* – погребение 27 и 28 (керамика);
5–8 – погребение 27 (керамика)

Рис. 19. Могильник Натухаевский IV.
Погребение 28, объекты 1, 8 и подъемный материал
1 – погребение 28 (керамика); *2* – объект 1 (керамика);
3 – объект 8 (керамика); *4* – нож из сборов (бронза)

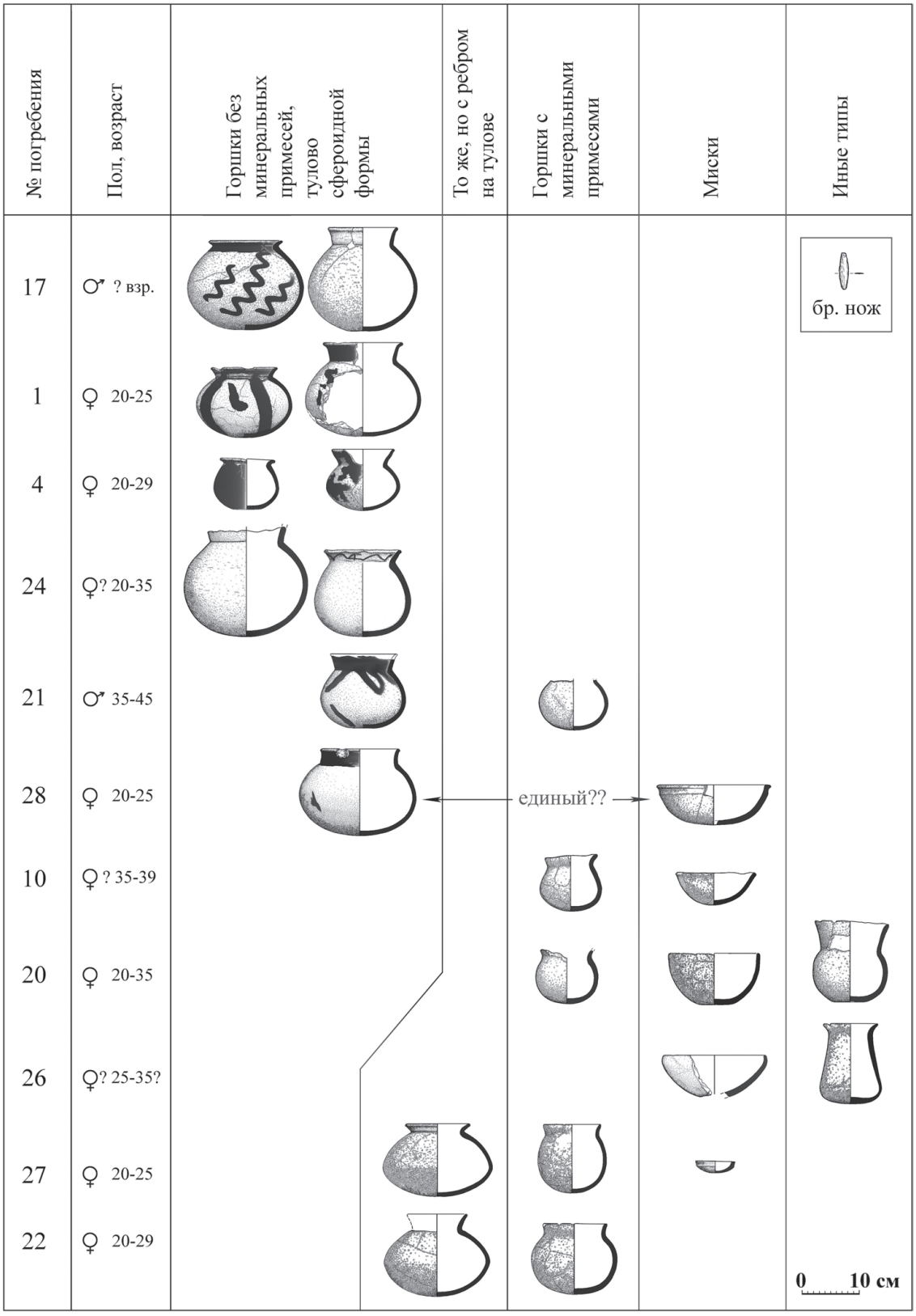


Рис. 20. Могильник Натухаевский IV.
Таблица распределения категорий и типов посуды
по погребальным комплексам

В.И. Мельник

ПОГРЕБЕНИЯ ЭПОХИ БРОНЗЫ КУРГАННОЙ ГРУППЫ СТЕПНОЙ

Резюме. Настоящая работа представляет собой публикацию материалов раскопок Тихорецкого отряда Северокавказской экспедиции, относящихся к эпохе бронзы. Курганная группа Степная располагалась в верховьях р. Челбас. Погребения представлены пятью основными культурными группами: ямной, ямно-катакомбной, раннекатакомбной, позднекатакомбной и позднебронзовой. Данный район в разные периоды эпохи бронзы являлся контактной зоной, что получило отражение в характере представленных памятников.

Ключевые слова: погребальные памятники, эпоха бронзы, верховья реки Челбас; ямные, ямно-катакакомбные, раннекатакомбные, позднекатакомбные и срубные погребения.

В изучении эпохи бронзы Западного Предкавказья существенный сдвиг произошел в результате интенсивных раскопок 70–80-х годов прошлого века. Были получены новые данные, которые не только изменили наши представления о жизни и деятельности людей в эти времена на данной территории, но и дополнили имеющиеся сведения целыми культурными пластами, неизвестными ранее. Значительным вкладом в полевые исследования явились работы Северокавказской археологической экспедиции Института археологии АН СССР (ныне ИА РАН).

В 1987 г. Тихорецкий отряд экспедиции провел раскопки 5 курганов, которые составляли курганную группу Степную (возможное обозначение: курганный могильник Степной I), расположенную в зоне орошения участка животноводческого комплекса мясосовхоза «Кропоткинский» в Кавказском районе Краснодарского края. Следует отметить, что курганная группа Степная находилась в верховьях реки Челбас, где до наших исследований были произведены раскопки курганов экспедициями Северо-Осетинского (1979 г.) и Волгоградского (1983 г.) государственных университетов.

Исследуемые нами курганы представляли собой компактную группу, находящуюся на водоразделе, примерно в пяти км от реки Челбас, по ее правому берегу, в двух км к З от поселка Степной и в 750 м к ЗСЗ от небольшого кладбища. Курганы располагались цепочкой по линии З–В и находились на пахотном поле между двумя лесополосами, идущими по линии С–Ю (рис. 1).

https://doi.org/10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-284-1. 294-327

Курган 1

Курган 1 – самый западный в цепочке курганной группы Степной. Он располагался в 35 м от полевой дороги, проходившей по линии С–Ю, вдоль лесополосы. Курган был вытянут по линии З–В, диаметр по данным раскопок составлял 23 м, высота от уровня погребенной почвы – 0,8 м. Пахотный слой кургана достигал 0,25–0,40 м и был представлен суглинком темно-коричневого цвета. К В от нулевой отметки в слое прослеживались куски светло-коричневой глины, вероятно, выкида из основного погребения. Собственно насыпь – земля серого цвета, слой мощностью до 0,65 м. Погребенная почва серого цвета толщиной 0,4–0,6 м. Переходный слой от почвы к материковой основе серо-коричневого цвета толщиной 0,3–0,4 м. Материковая основа – глина светло-коричневого цвета. По всему кургану прослеживались норы грызунов (рис. 2, *1, 2*).

В кургане зафиксировано 2 находки и 5 погребений. Погребения 1 и 2 относились к раннему железному веку, погребение 3 – неопределенное, а погребения 4 и 5 относились к эпохе бронзы. Погребение 4 – катакомбное, 5 – ямное. Основным являлось погребение 5.

В кургане был обнаружен баночный сосуд эпохи поздней бронзы, не связанный с каким-либо погребением (рис. 2, *3*) и зафиксированный как *находка I.*

Погребение 4 (рис. 3, *1*) находилось в центре кургана и было совершено в катакомбе. Входная шахта имела форму, приближающуюся к трапеции, основание (широкая часть) которой располагалось с Ю и составляло 1–1,1 м. Со стороны узкой части, размером 0,9 м, находился вход в камеру. Шахта была вытянута по линии С–Ю, ее длина составляла 2,5 м. Дно шахты наклонно спускалось к Ю и имело глубину по срезу возле широкой части – 1,2 м, у лаза – 1,6 м.

Лаз в камеру составлял в ширину 0,8 м, в высоту 0,37 м. Камера располагалась перпендикулярно входной шахте (ориентирована по линии З–В). Ширина камеры – 1,5 м, длина – 2 м. Толщина стенки перехода в камеру – 0,2 м. Юго-восточный угол камеры был скруглен. Сохранившаяся часть свода поднималась на высоту 0,5 м.

В погребении было обнаружено два трупоположения.

Костяк 1. Скелет довольно крупного мужчины (*adultus*?) лежал на правом боку скорченно и был ориентирован черепом на ЗЮЗ. Захороненный располагался с небольшим разворотом на спину и наклоном в правую сторону. В процессе расчистки его череп расползся, левое крыло таза из почти вертикального положения было развернуто внутренней частью кверху, а ко-

сти стоп несколько сместились. Руки погребенного были вытянуты вдоль туловища. Кисть правой руки лежала ладонью вниз, фаланги пальцев и кости запястья были несколько смещены. Кости кисти левой руки находились в районе правого тазобедренного сустава и были рассеяны. Ноги в тазобедренных суставах согнуты под тупым углом, в коленных – под острым. Стопы находились в распавшемся виде. Костяк в районе таза просел вниз, ноги также находились ниже уровня туловища.

В ногах у костяка 1 находилась часть тулова большого лепного сосуда во фрагментах (рис. 2, *4*). Три фрагмента сосуда находились за черепом погребенного в заполнении, выше дна могилы.

Костяк 2. Южнее ног костяка 1 располагались частично сохранившиеся нижние конечности костяка 2, принадлежавшие также взрослому и довольно крупному мужчине. Ноги были представлены практически полным набором костей голеней и стоп в естественном сочленении. Стопы находились в положении на боку. Другие кости скелета отсутствовали. Второй скелет находился, вероятно, в позе, аналогичной костяку 1, но, видимо, был разрушен норой. В заполнении погребения были обнаружены кости рук, видимо, относящиеся ко второму скелету. Ноги захороненного и дно могилы были обильно посыпаны красной краской.

Близ лаза, к З от ног костяка 2 прослеживался участок темно-коричневой подстилки. Остальная зона дна погребения была изрыта норами, одна из которых, весьма большого размера, уходила в западную стенку камеры. В норах над погребением 4 были обнаружены лучевая кость и обработанный кремень (рис. 2, *5*), а на стыке с погребением 5 – бронзовая литая подвеска с капелькой на конце (рис. 2, *6*).

Погребение 5 (рис. 3, *2*) находилось в центральной части кургана, и являлось, по видимости, основным. Оно располагалось на 0,1–0,2 м ниже погребения 4, под его дном, и, соответственно, было им перекрыто. Захоронение было совершено в подпрямоугольной яме с округлыми углами. Длина ямы 1,5 м, ширина 1,1–1,15 м. Прослеживаемая глубина от 0,1 м до 0,5 м. Дно ровное, горизонтальное. Длинными сторонами яма ориентирована по линии С–Ю. На дне могилы лежал скелет ребенка (5–7 лет, *infantilis I*) на спине скорченно, черепом был ориентирован на С. Кости хорошей сохранности. Череп фрагментирован, слегка сдавлен, но сохранял форму и лежал на основании. Лицевая часть не сохранилась. Нижняя челюсть фрагментирована. Позвоночный столб проходил прямо. Ребра и крылья таза симметрично развернуты. Руки вытянуты вдоль туловища. Левая рука лежала ладонью вниз. Кисть правой руки отсутствовала. Отсутствовали также правая лопатка и ключица. Правая нога погребенного была слабо согнута в колене и приподнята от дна

могилы примерно на 7 см. Левая нога также была слабо согнута и повернута вправо (к З), вероятно она также была приподнята, но упала. Кости стоп сохранились неполностью и были несколько разрознены.

В 0,25 м к СЗ от погребенного, в СЗ углу ямы лежали кости барана: верхняя и нижняя челюсть и две кости ноги. В 0,1 м от средней части западной стенки находился уголь сгоревшего дерева в сечении около 2 см. Вокруг скелета и под ним прослеживалась темно-коричневая, местами черная подстилка, в районе правой руки интенсивно покрытая красной краской.

Курган 2

Курган 2 находился в 15 м восточнее кургана 1. Диаметр кургана по данным раскопок – 22 м, высота от уровня погребенной почвы – 0,6 м. Пахотный слой темно-серого цвета составлял 0,25–0,4 м. Насыпь состояла из земли светло-серого цвета. Наибольшая ее высота в центральной части составляла около 0,3 м. Погребенная почва светло-серого цвета, почти не отличающаяся от насыпи, толщиной 0,3–0,4 м. Переходный слой от почвы к материковой основе серо-коричневого цвета толщиной 0,3–0,4 м. Материковая основа – глина светло-коричневого цвета с желтым оттенком. По всему профилю кургана прослеживались многочисленные норы грызунов (рис. 4, *1, 2*).

Глубина прокопки кургана в центральной части составляла 1,8 м от 0. В кургане обнаружено 9 погребений. Вероятно, основным было погребение 7 – ямное. Погребение 8 – раннекатакомбное, не исключено что ямно-катакомбное. Погребение 6, вероятно, катакомбное. Погребение 2 – эпохи бронзы. Погребения 1, 3, 4 относились к железному веку. Временная и культурная принадлежность погребений 5 и 9 не определена.

Погребение 2 (рис. 4, *3*) располагалось в центральной части кургана, к Ю от бровки, в слое переходном от гумуса к материковой основе.

Форма могильного сооружения не прослеживалась. Погребение было представлено лишь частью скелета взрослого человека – ногами. Сохранились берцовые кости и одна бедренная. Кости стоп присутствовали неполностью и были рассредоточены. Бедренная кость находилась в несочлененном положении. Малая берцовая кость находилась в стороне; лишь большие берцовые кости лежали вместе почти параллельно друг другу. Одна из коленных чашечек находилась в районе стоп. Несмотря на некоторую разобщенность костей, сознается впечатление, что погребенный, если части его тела присутствовали полностью, был положен на правый бок скорченно и при этом его ориентировка (по черепу) должна была находиться в С или СВ секторе. Коленная часть скелета и поверхность земли под костями (дно

могилы) были покрыта вкраплениям ярко красной краски (охры). Наиболее интенсивно окраска проходила в районе колена и южнее больших берцовых гостей. Здесь также было прослежено пятно подстилки (тлена) темно-коричневого цвета.

Погребение 6 (рис. 4, *4*) находилось в центральной части кургана, под бровкой. Форма могильного сооружения не прослеживалась. Скелет взрослого человека, возможно, мужчины (*juvenius-adultus*), был почти полностью разрушен. Сохранилась лишь левая рука. Она была слегка согнута в локте и лежала ладонью вниз. На 5–7 см выше над кистью левой руки находилась кисть правой руки, судя по фалангам также лежавшая ладонью вниз. Севернее и западнее от рук в заполнении располагались разрозненные кости. Среди них фрагменты черепа и ребра. Западнее от них располагались: фрагмент крыла таза, фаланги кисти и трубчатая кость руки. Погребенный, видимо, был положен на левый бок головой к В, а его руки в сложенном виде протянуты к ногам. Далее в 0,5 м к СВ находилась часть черепа, возможно, коровы – верхние и нижние зубы.

В районе левой руки прослеживалась темно-коричневая подстилка и пятна красной краски. Фрагмент подстилки прослеживался также между восточной и западной группами костей.

Погребение 7 (рис. 4, *5*) располагалось в центральной части кургана, в материковой глине. Форма могильного сооружения не прослеживалась из-за обилия нор. Скелет ребенка (7–9 лет, *infantilis I*) лежал на спине скорченно и был ориентирован черепом на север. Кости скелета плохой сохранности. Череп ребенка истлел и представлял собой труху с отдельными сохранившимися фрагментами. Руки погребенного были вытянуты вдоль туловища. Кисти правой руки не было. Левая рука лежала ладонью вниз. Ноги были сведены в коленях, слегка приподняты и свалились влево от первоначального положения (к В). Ступни практически не сохранились. Скелет лежал на наклонной плоскости. Голова и верхняя часть туловища были значительно выше таза. Смещенными оказались следующие кости: левая локтевая, правая большая берцовая и немного левая большая берцовая. Положение скелета может косвенно указывать на то, что погребенный находился в полусидячем положении. В районе левой голени прослеживались пятна красной краски.

Погребение 8 (рис. 5) находилось в центральной части кургана, под бровкой. Форма могильного сооружения – Т-образная катакомба. Шахта имела в длину 2,2 м, в ширину – 1 м и слегка расширялась к лазу до 1,2 м. Дно ровное, наклонное к лазу. Глубина от среза в материковой основе составляла 0,5 м, у лаза – 0,85 м. Ориентирована шахта была по линии ЮВ–СЗ. Лаз

имел сводчатую форму, его ширина составляла 0,75 м, высота – 0,45м, толщина стенки перехода из шахты в камеру – 0,25–0,3 м.

Камера имела подпрямоугольную форму со скругленными углами. Ее длина составляла 2,2 м, ширина 1,4–1,5 м. Вертикальные стенки камеры прослеживались от дна могилы на высоту до 0,35 м. От этого уровня на юго-восточной стенке камеры к ЮЗ от лаза начинал прослеживаться изгиб свода. В 0,8 м от передней стенки шахты (у лаза) дно шахты понижалось только по ширине лаза, образуя по бокам заплечики. Ширина заплечиков с ЮЗ – 0,25 м, с СВ – 0,2 м.

На дне камеры лежало два скелета взрослых людей вплотную друг к другу, в скорченном положении с завалом на правый бок; с руками, протянутыми к ногам. Костяк 1 возможно принадлежал женщине (*adultus*). Костяк 2 в половом отношении не определен (*maturus*). Погребенные были ориентированы на ЮЗ. Кости удовлетворительной сохранности. Черепа обоих костяков были сильно наклонены лицевой частью книзу, завалены к темени и были отделены от шейных позвонков со смещением к ЮВ. Скелеты погребенных находились в положении на спине, причем плечо и правая часть туловища костяка 2, располагавшегося у задней стенки камеры, перекрывала костяк 1. Правое предплечье второго скелета было анатомически нарушено. Левое плечо костяка 1 находилось под правой частью туловища второго скелета. Ноги обоих погребенных в тазобедренных суставах были согнуты под тупым углом, в коленях под острым. Кости стоп обоих скелетов плохо сохранились. Из такого положения скелетов можно заключить, что погребенные первоначально находились в полусидячем положении, а затем их останки рухнули в правую (юго-восточную) сторону. У костяка 2 зубы на верхней челюсти отсутствовали, а на нижней челюсти было несколько стертых зубов. Обе челюсти имели заросшие зубные ниши.

В шахте, вплотную к ее юго-западной стенке, близ южного угла, находился фрагмент сосуда – венчик с частью боковины (рис. 6, *1*).

В заполнении камеры, в ее северо-восточном углу, были обнаружены кости животного (ножки барана).

Дно камеры под костяками и вокруг было покрыто темно-коричневым тленом. В районе левого плеча костяка 2 и перед черепом костяка 1 прослеживалась красная краска.

Курган 3

Курган располагался в центре курганной группы, в 30 м к СВ от кургана 2. Диаметр кургана по данным раскопок – 26 м, высота от погребенной почвы –

0,75 м. Пахотный слой на кургане – суглинок темно-серого цвета толщиной 0,3–0,4 м. Насыпь – земля серого цвета толщиной до 0,4 м. Погребенная почва серого цвета, почти не отличающегося от насыпи, мощностью 0,4–0,5 м. Переходный слой от почвы к материковой основе серо-коричневого цвета толщиной 0,2–0,3 м. Материковая основа – светло-коричневая глина (рис. 6, *2*).

Глубина прокопки кургана от 0 –1,8 м. В кургане обнаружено 3 находки и 4 погребения Основным было, по всей видимости, погребение 3, принадлежавшее к ямной общности. Погребение 4 относилось к числу ямно-катакомбных; погребение 1 – катакомбное[1]; погребение 2 – неопределенное, разрушенное.

Находка I. Фрагменты черепа крупного животного находились в центральной части кургана (к Ю от бровки, на глубине от 0 до 1,1 м) и располагались вытянуто по линии З–В.

Находка II. Фрагмент челюсти животного был обнаружен в 1,8 м к Ю от 2 м З и 2,50 м к Ю от 0.

Находка III. Ножка барана в наклонном положении располагалась примерно по линии С–Ю в 1,5 м к Ю от 2 м З и 1,8 м к Ю от 0 на глубине 0,7 м от среза. Вероятно, относится к погребению 4.

Погребение 3 (рис. 7, *1*) было обнаружено в центральной части кургана между 1 и 2 м В, частично в бровке (прослеживалось в профиле бровки с южной стороны).

Могильная яма в бровке фиксировалась от уровня погребенной почвы. Ее длина составляла 1,7 м; ширина точно не установлена, но могла составлять примерно 1,3–1,4 м. Яма была ориентирована по линии С–Ю. На дне в разрозненном состоянии находились фаланги и кости пястья, ребро и позвонок. Остальные кости отсутствовали и, возможно, были зафиксированы как погребение 2. Погребение 3, вероятно, было частично разрушено погребением 4, входная шахта которого разрушила западную стенку погребения 3. Одна из фаланг скелета и дно погребения были покрыты красной краской. В заполнении погребения 3 найден фрагмент бронзового изделия (рис.7, *2*).

Погребение 4 (рис. 7, *1*), частично срезающее погребение 3, располагалось в центральной части кургана. Форма могильного сооружения – Т-образная катакомба. Входная шахта в длину имела 2,8 м, наиболее широкая часть составляла 1,5 м, узкая – 1 м. Шахта была ориентирована по линии С–Ю, дно – наклонено в южную сторону. На наклонной поверхности слабо про-

[1] Погребение 1 опубликовано в сборнике статей «Памятники археологии и древнего искусства Евразии» (*Гей, Мельник*, 2004. С. 251–260).

слеживались четыре ступеньки. Площадка первой ступеньки (верхней) была также слегка наклонена в южную сторону. Длина ступеньки (по длине шахты) – 0,8 м. Перепад наклонный, его длина 0,4 м. Площадка второй ступеньки в длину составляла 0,6 м. Перепад наклонный – 0,15 м. Третья ступенька узкая и по длине шахты составляла 0,1–0,2 м, наклон – 0,35 м. Четвертая ступенька – 0,3 м, наклон 0,1 м, далее следовало дно камеры.

Ширина шахты у лаза – 1,1 м. По бокам последней ступеньки и предшествующего ей перепада находились заплечики шириной около 0,15 м, длиной около 0,5 м и высотой от четвертой ступеньки 0,4 м. На середине первой ступеньки у стенки лежала боковина сосуда («жаровня» 1) с венчиком, обращенным к ЮЗ (рис.7, *3*).

Лаз, сводчатой формы, имел высоту 0,45 м и ширину 0,8 м. Камера, была четырехугольной, в форме параллелограмма, длинные стороны которого располагались по линии З–В. СВ угол камеры был тупой, СЗ – острый, соответственно ЮВ угол – острый, ЮЗ – тупой.

Длина камеры по центральному сечению составляла 2,3 м, ширина – 1,3 м. Стенки камеры до высоты 0,5 м от дна могилы были вертикальные. Свод камеры почти по всей площади не сохранился. На стенках камеры прослеживались многочисленные отпечатки орудий труда, которыми рылась катакомба или обрабатывались стенки камеры. Длина следа орудия достигала 20 см, ширина 4 см. След в поперечном сечении был слегка вогнут в середине, и закруглялся по краям.

На дне камеры, на ее середине, скелет мужчины (*adultus*) лежал на спине слабо скорченно и был ориентирован черепом на З. Основные кости располагались симметрично. Череп сильно возвышался над остальной частью скелета и стоял на основании, вероятно, даже на вертикально располагавшихся шейных позвонках. Череп хорошей сохранности. Кости туловища располагались симметрично. Руки были вытянуты вдоль туловища и лежали ладонями вниз. Левая кисть была разрушена, видимо, грызунами, и ее разрозненные кости частично находились под левым бедром. Бедренные кости сходились в коленях, а голени от коленей расходились.

Костяк лежал на подстилке, которая имела параллельные волокна, проходившие поперек остова. Отпечатки подстилки имели белесый цвет.

С южной стороны у черепа и плеча прослеживалась красная краска.

В северо-восточном углу на боку лежало плоское днище лепного сосуда («жаровня» 2), в котором находились угольки (рис.7, *4*). Оно было развернуто внутренней частью в южную сторону. Рядом находились кости барана: ножка и кости черепа с сохранившимися челюстями.

Курган 4

Курган располагался четвертым с З и вторым с В в цепи курганной группы, в 20 м к В от кургана 3. Диаметр кургана по данным раскопок 30 м, высота от погребенной почвы – 1,1 м. Пахотный слой на кургане толщиной 0,2–0,4 м состоял из суглинка темно-серого цвета. Насыпь – перемешанная земля серо-коричневого цвета в центральной части и серого цвета по краям, в 10 м от центра. Погребенная почва темно-серого цвета, сильно отличающаяся по цвету от насыпи в центральной части кургана (в пределах 10 м). По краям кургана погребенная почва по цвету не отличалась от насыпи. Толщина погребенной почвы составляла 0,5–0,6 м. Переходный слой от почвы к материковой основе серо-коричневого цвета мощностью 0,3–0,4 м. Материковая основа – светло-коричневая глина (рис. 8).

Глубина прокопки в центральной части кургана составляла 2,5 м. В кургане обнаружена одна находка и 15 погребений. Основным погребением, по всей вероятности, является погребение 14 – ямное. Видимо, также ямными являются погребения 3 и 10. К кругу ямно-катакомбных погребений относится погребение 7. Погребения 9, 11, 12, 15 – катакомбные. Погребение 6 с северокавказскими чертами принадлежит к эпохе бронзы. Погребение 5 – к эпохе поздней бронзы. Погребение 2 – савроматское, 4 и 8 – сарматские. Культурная принадлежность погребений 1 и 13 не определена.

Погребение 3 (рис. 9, *1*) располагалось в центральной части кургана. Форма могильного сооружения не прослеживалась. Скелет мужчины (*maturus*) лежал на спине, сильно скорченно, руки его были вытянуты вдоль туловища, ориентирован он был на ВСВ. Череп был задет скрепером, снесшим лицевую часть. Череп лежал прямо, на затылке. Кости туловища были развернуты симметрично с легким завалом в левую сторону. Правая рука – вытянута параллельно туловищу, кости предплечья перекрещены, кисть руки отсутствовала, лучевая кость заходила под крыло таза. Левая рука была слегка согнута в локте и отставлена от туловища. Кисть лежала ладонью вниз на нижних позвонках и на верхней части крестца. Ноги в тазобедренных суставах были согнуты под острым углом и направлены влево. Правая нога в коленном суставе была согнута под острым углом. Левая нога в коленном суставе была согнута до отказа и пяточная ее кость вплотную подходила к дистальному концу бедренной кости в районе тазобедренного сустава. Пяточные кости лежали на боку, пястные кости обеих ног располагались с наклоном в левую сторону.

Погребение 5 (рис. 9, *2*) располагалось в восточной части кургана, к С от бровки. Форма могильного сооружения не прослеживалась. Скелет мужчи-

ны (*adultus*) находился на левом боку скорченно, руки согнуты в локтях, ориентирован на восток. Череп погребенного лежал с завалом на левую сторону, но лицевая часть была повернута кверху. Черепная коробка фрагментирована. Правая рука была согнута в локте под прямым углом. Левая – согнута до отказа, и локоть ее был отведен в сторону. Дистальные концы предплечья находились на лицевой части черепа. Здесь же располагалось несколько костей кисти. Кисть правой руки отсутствовала. Не было тазовых костей, подавляющей части позвонков, а также ребер. Присутствовали длинные кости левой ноги, но от стопы сохранились лишь две крупные кости. Бедро располагалось почти под прямым углом по отношению к туловищу. В колене нога была согнута под острым углом.

Район зубов был окрашен в зеленый цвет – след бронзового предмета. Между лицевой частью черепа и на месте, где должна была быть кисть левой руки, обнаружен бронзовый нож с обоюдоострым лезвием (рис. 9, *3*).

Погребение 6 (рис. 9, *4*) располагалось в центральной части кургана к Ю от бровки и частично под бровкой между 2 и 4 м В. Форма могильного сооружения не прослеживалась, однако хорошо прослеживалось дно могилы –целиком или большая его часть. Дно представляло собой площадку, восточная часть которой резко повышалась (на этом повышении находился погребенный). По длине она соответствовала размерам костяка и составляла 2 м. С западной стороны погребенного, площадка была более короткая – 1,3 м в длину, а наибольшая ее ширина составляла 1,5 м.

Скелет взрослого человека лежал вдоль восточного края площадки в вытянутом положении на животе и ничком, черепом ориентирован к ЮЮВ. Череп был фрагментирован, но сохранял форму и лежал лицевой частью вниз. Кости туловища и ног располагались симметрично. Руки были вытянуты вдоль туловища и положены ладонями вверх, а ноги – подошвами и пятками вверх. Анатомическое положение кисти левой руки было нарушено; фаланги левой ступни отсутствовали.

В северо-западном углу площадки погребения лежала часть тулова сосуда с венчиком («жаровня»), на которой находились угольки. Жаровня была фрагментирована, но верхняя часть сосуда сохранилась (рис. 9, *5*).

Дно погребения представляло собой промазанную глиной поверхность, которая в районе костяка и западнее была покрыта слоем темно-коричневого тлена, из-под которого проглядывала лиловая известняковая подстилка. В западной части дна могилы по глине проходили отпечатки белесого тлена.

Вдоль правого бедра и в районе колена погребенного проходили полосы красной краски (охры) шириной 6 см и длиной 30 см. Полосы уходили под колено. Рядом с площадкой, представляющей дно могилы, к СЗ от нее, выше

уровня дна на 0,3 м, в 0,2 м к ЮЗ от «жаровни» найден фрагмент (придонная часть) чашечки (рис. 9, *6*).

Погребение 7 (рис. 9, *7*) было обнаружено в центральной части кургана, к С от бровки. Форма могильного сооружения – Т-образная катакомба. Прослежена, видимо, лишь южная часть шахты длиной 1 м, шириной 0,9 м; дно было наклонное и понижалось к Ю (к лазу). Глубина в материковой глине у лаза составляла 0,2 м, у заднего края – 0,1 м от условного края. Высота лаза, судя по сохранившемуся изгибу свода, должна была составлять 0,4–0,5 м. Ширина лаза – 0,7 м, толщина стенки – около 0,2 м. Перепад между дном шахты (включая лаз) и дном камеры составлял около 0,2 м. Камера имела трапециевидную форму со слегка скругленными, но хорошо выраженными углами, и была ориентирована длинными сторонами по линии З–В. Длина камеры составляла 2,2 м, ширина в средней части – 1,5 м. Длина передней северной стенки (у лаза) – 2,5 м, задней южной (параллельной северной) стенки – 1,38 м, восточной стенки – 1,6 м, западной – 1,2 м. Таким образом, форма камеры в плане представляла собой неправильную трапецию. Стенки на высоту 0,5 м от дна были вертикальные или имели небольшой отрицательный наклон, а затем довольно круто поворачивали на свод, который не прослеживался.

На стенах камеры прослеживались патинизированные следы орудий, которыми копалась или была обработана катакомба. Трассы были слегка вогнуты и имели продольные полосы углублений. Ширина следа – около 4 см, в длину трассы прослеживались до 20 см.

На дне камеры, почти посредине, но ближе к южной стенке, на спине скорченно лежал скелет женщины (*adultus*). Скелет хорошей сохранности. Он был ориентирован верхней частью туловища на В. Сохранивший форму череп был отделен, лежал в 0,25 м от правого плеча на правой стороне и лицевой частью был повернут к западу. Нижняя челюсть находилась в естественном сочленении. Кости туловища и рук располагались симметрично. Руки были вытянуты вдоль туловища и лежали ладонями вниз, и хотя кисть левой руки не сохранилась, положение предплечья (перекрещенные кости) свидетельствовало именно об этом. Ноги были повернуты коленями к Ю (влево) и согнуты в тазобедренных суставах пол тупым углом. Левая нога в коленном суставе была согнута под тупым углом, а правая – под прямым. Кости стоп были рассредоточены по дну могилы. В коленном суставе кости сильно разъединялись. Положение скелета дает основание считать, что первоначально погребенный находился в полусидячем положении на спине скорченно. В процессе разложения тела голова погребенного, вместе с еще не отделившейся челюстью, свалилась вправо, а ноги упали влево. Туловище постепенно осело на спину.

В юго-восточном углу камеры лежала «жаровня» (часть боковины сосуда с венчиком), обращенная венчиковой частью в камеру (к СЗ). Сосуд по тулову имел орнаментацию защипами.

Дно под скелетом и вокруг него было покрыто темно-коричневым тленом. Правая рука и полоса дна камеры около 0,2 м к С от нее были покрыты довольно плотным слоем красной краски (охры).

Погребение 9 (рис. 10, *1*) было расположено в восточной части кургана. Форма могильного сооружения прослеживалась частично. Это, видимо, была катакомба, от которой сохранилась лишь часть камеры. Прослеженная длина камеры составляла 1,2 м, ширина – 1,15 м. Камера, вероятно, была ориентирована по линии С–Ю, и ее форма в плане была близка к овалу. С восточной стороны стенка была прямая, а с З и С – выгнутая. Вход в камеру, вероятно, был с восточной стороны.

На дне могилы лежал скелет, вероятно, женщины примерно 40–50 лет, на правом боку, слабо скорченно, с сильным завалом на грудь; руки были вытянуты вдоль туловища и кистями располагались у ног. Ориентирован он был черепом на Ю. Кости скелета были плохой сохранности. Череп лежал правой стороной вниз, был сильно фрагментирован, но сохранял форму. Лицевая и затылочная кости отсутствовали. Позвонки длинным отростком располагались вверх. Правая рука проходила под туловищем, и ее кисть лежала ладонью вверх. Тазовые кости были очень плохой сохранности.

За головой погребенного лежали ножка и череп барана. В районе ног, с западной стороны, прослеживались фрагменты неопределенной кости и пятно красной краски. Далее к северу погребение было обрезано.

Погребение 10 (рис. 10, *2*) было обнаружено в центральной части кургана, к Ю от бровки. Совершено в прямоугольно яме, длинными сторонами повернутой вдоль линии С–Ю и обрезанной скрепером с северной стороны. Ее длина составляла 1,1 м, ширина 0,9 м, глубина 0,2–0,3 м.

На дне ямы лежал скелет ребенка (4–5 лет, *infantilis I*) в вытянутом положении на спине, ориентированный черепом на С. Большая часть черепа не сохранилась, имелась лишь передняя часть нижней челюсти, которая лежала на основании. Кости погребенного располагались симметрично, руки были вытянуты вдоль туловища с ладонями книзу. Ноги лежали вытянуто по оси туловища.

Между правым предплечьем и правой частью ребер лежало костяное кольцо; возле левой кисти находилась короткая костяная трубочка, рядом с которой была зафиксирована еще одна более длинная аналогичная трубочка (рис. 10, *3*).

Под костяком прослеживался коричневый, местами светло-желтый, тлен. Такие же пятна имелись у ног, справа и слева от костяка. Также справа (к В)

от костяка прослеживалось черное пятно с вкраплениями угольков, которое сверху местами перекрывал коричневый тлен. Ноги костяка ниже колен и дно могилы справа и слева от ног были посыпаны красной краской.

Погребение 11 (рис. 10, *4*) располагалось в центральной части кургана, под бровкой. Форма могильного сооружения – круглая яма диаметром около 2 м и глубиной в материковой основе до 0,3 м. Стенки имели небольшой отрицательный наклон. Посредине ямы находился череп и посткраниальные кости, без сочленения, компактно сложенные в кучу, принадлежащие, вероятно, женщине примерно 40–50 лет.

Кости располагались в следующем порядке: череп удовлетворительной сохранности с нижней челюстью в естественном сочленении стоял на основании и лицевой частью был обращен к Ю. Половина лицевой его части не сохранилась. На темени черепа была продольная ланцетовидная пробоина. Ее длина составляла 30 мм, а ширина 6 мм. Она проходила наискосок относительно лицевой части черепа. Все другие кости располагались к северу от черепа. Лопатки прилегали к черепу по обеим сторонам затылка. Далее за черепом лежала правая бедренная кость по линии СЗ–ЮВ передней частью вверх. Параллельно ей, но немного дальше лежали одна на другой плечевые кости. Верхняя плечевая кость была обращена локтевой частью к СЗ, нижняя наоборот, плечевой частью к СЗ. Перекрывая бедренную кость дистальным концом, по линии З–В лежала лучевая кость, проксимальным концом обращенная к востоку. Параллельно правой бедренной кости, в 0,1 м к СВ от нее лежала, видимо, левая бедренная кость, которая сохранилась неполностью. Далее к СВ в 0,08 м, параллельно ей лежала большая берцовая кость. К СЗ от проксимального конца лучевой кости, параллельно большой берцовой кости, лежала ключица. По СЗ краю костей, между большой берцовой и плечевыми костями, располагались два крыла таза очень плохой сохранности, причем от одного крыла присутствовала лишь часть. Видимо, ее другая часть располагалась к В от большой берцовой кости, но не сохранилась. Вдоль правой бедренной кости, вплотную к ней, находились две крупных кости стопы. Все пространство между частью крыла таза, большой берцовой костью и правой бедренной костью было заполнено ребрами и позвонками. Между левой бедренной костью и левой большой берцовой костью находилась пяточная кость. Близ коленной оконечности правой бедренной кости располагалась таранная кость (левая?), ближе к черепу вторая клиновидная кость. С заходом под череп со стороны затылка находилась кубовидная кость.

Возле черепа в 0,18 м к В, на боку, устьем к ВСВ, лежал плоскодонный сосуд с рифлеными ручками (рис. 10, *5*). В 0,55 м от черепа к ЗЮЗ находи-

лась боковина сосуда, наполненная углями – «жаровня» (рис. 10, *6*), располагавшаяся вплотную к стенке ямы.

Вокруг костей, в удалении от них до 0,5 м и вплотную к ним фиксировался черный тлен, посыпанный мелом или известняком.

К СЗ от костного скопления находилось пятно красной краски размером 0,2 × 0,15 м. Еще одно пятно размером 0,07 × 0,7 м располагалось примерно в 0,5 м к СВ от него. Небольшое пятнышко красной краски имелось в 0,2 м к Ю от черепа. Этой же краской была прокрыта левая глазница черепа. Также следы красной краски прослеживались под сосудом.

После снятия ряда костей обнаружились детали расположения некоторых других костей. Левая бедренная кость была повернута коленной частью к ЮЗ в сторону черепа, параллельно ей лежала малая берцовая кость, а под ней большая берцовая кость, коленной частью выходившая к СЗ. Локтевая кость лежала поперек левой бедренной кости и локтевой частью была обращена к большой берцовой кости (левой) к СВ.

Погребение 12 (рис. 11, *1–4*) зафиксировано в центральной части кургана, южнее бровки. Частично оно располагалось под погребением 8. Могильное сооружение представляет собой Т-образную катакомбу, по конструкции очень близкую к катакомбе погребения 6 кургана 5. Шахта катакомбы была длинной и узкой. Ее длина составляла 1,7 м, ширина у лаза – 0,65 м, у задней стенки – 0,5 м. Дно было слегка наклонено к лазу. Наибольшая высота стенок, прослеженных в материковой основе, достигала 0,5 м. Шахта была ориентирована по линии ЮЗ–СВ. Лаз шириной 0,55 м и высотой 0,33 м, имел подпрямоугольно-овальную форму и был сделан в северо-восточной стенке шахты (соответственно, в юго-западной стенке камеры, ближе к ее южному углу). Ширина стенок лаза – 0,25 м. Лаз продолжался в камеру косым спуском длиной 0,35 м, с перепадом высоты до 0,15 м, который переходил в отвесную стенку высотой 0,45 м от дна камеры. Камера была подпрямоугольной формы со скругленными углами, и ориентирована по линии СЗ–ЮВ. Ее длина – 2,15 м, ширина – 0,95 м, высота свода достигала 0,9 м. В камере, на ее юго-западной стенке, к СЗ от лаза на расстоянии 0,56 м и на высоте 0,15 м от дна, находилось ниша. Ее высота составляла 0,15 м, ширина 0,3 м, глубина в стенке 0,2 м.

Стенки камеры были обработаны орудием шириной 6–7 см, имевшим неглубокие выступы примерно через каждые 1,5 мм. Прослеженные трассы, особенно вдоль юго-западной стенки и на своде в северо-западной части камеры, достигали 0,5 м. Обработка, видимо, производилась деревянным заостренным (путем отщепления) орудием. Следы орудия были патинизированны. Патинизация прослеживалась как к камере, так и в нише.

На дне ямы находились остатки скелета, вероятно, мужчины (*adultus*). Сохранились дистальные концы голеней при стопах, значительная часть стоп, фрагмент бедренной кости, левая локтевая и обе плечевых кости, часть пястных костей и фаланг. От черепа, находившегося в юго-восточной части камеры, сохранилась лишь костная труха и зубы. Несколько зубов находились на западной стороне костного тлена. Северо-западнее черепа находились левые плечевая и локтевая кости, видимо, в сочленении (рука была вытянута вдоль тела). Рядом с локтевой костью располагался фрагмент, вероятно, лучевой кости. Под углом к локтевой находилась правая плечевая кость. Далее к СЗ располагалась бедренная кость, представленная дистальной частью. У северо-западной стенки находились фрагменты костей голеней, а также кости стоп. Стопы лежали на левой стороне и носками были повернуты влево (к ЮЗ), причем правая стопа, сохранившаяся не полностью, перекрывала левую. Скелет, судя по расположению костей, находился на левом боку в слабоскорченном, практически в вытянутом, положении и черепом был ориентирован к ЮВ. Левая рука погребенного была протянута вдоль туловища к ногам, а правая, видимо, была направлена кистью к кисти левой руки.

Вокруг костей скелета прослеживались пятна черного тлена, который сверху был посыпан мелом или известняком. Близ бедренной кости прослеживалось пятно красной краски.

В нише стояла орнаментированная курильница на четырех ножках, в которой находились угольки (рис. 11, *5*); в южном углу камеры зафиксирован реповидный сосуд (рис. 11, *6*).

Погребение 14 (рис. 12, *1*) находилось в центральной части кургана, к Ю от бровки, и являлось, видимо, основным. Оно было совершено в подпрямоугольной яме, длинными сторонами ориентированной по линии СВ–ЮЗ. Северный угол ямы был срезан скрепером. Длина ямы – 2,10 м, ширина – 1,4 м, глубина от среза в материковой основе – 0,45 м.

На дне ямы, на ее середине, лежал скелет подростка (*infantilis II*) на спине скорченно и черепом был ориентирован на СВ.

Череп погребенного лежал на затылке и был сдавлен. Нижняя челюсть, так же как и верхняя, выдавалась вперед, лицевая часть провалилась, что свидетельствует о завале черепа на грудь. Руки были вытянуты вдоль туловища, и слегка от него отставлены, располагаясь симметрично относительно позвоночного столба. Ладони обращены вниз. Судя по ребрам, скелет был слегка наклонен в правую сторону. В правую же сторону упали и ноги, согнутые в тазобедренных суставах под тупым углом, а в коленных – под острым. Ноги первоначально располагались коленями вверх, о чем свидетельствует положение стоп – плашмя.

За головой погребенного лежал бронзовый нож (рис. 12, *2*) в истлевшем деревянном футляре. Отпечаток футляра имел длину 13 см, ширину – 5 см. Длина ножа 17,2 см, длина черенка 4,8 см, максимальная ширина лезвия 4,8 см.

Все дно ямы, отступя от стенок на 0,1 м было покрыто темно-коричневым, местами черным, тленом. Под ногами погребенного отмечено большое пятно мела. Эпизодически встречались мелкие вкрапления красной краски. Скелет сверху также был покрыт темно-коричневым тленом, а лобовая часть черепа имела лиловый цвет с блеском.

Погребение 15 (рис. 12, *3*) находилось в западной части кургана, к Ю от бровки и было совершено в Т-образной катакомбе. Шахта имела подтрапецевидную в плане форму со скругленными углами и была ориентирована длинными сторонами по линии З–В. Узкой стороной она была обращена к лазу. Длина шахты составляла 2,4 м, ширина – 0,6–0,8 м, глубина от среза в материковой основе – 0,6–0,75 м. Дно было ровное, слегка наклонное в сторону лаза. Лаз находился с западной стороны шахты. Он имел сводчатую форму, а дно шахты проходило через лаз в камеру практически на одном уровне и лишь слегка было покато в сторону камеры. Высота лаза достигала 0,4 м, а ширина – 0,6 м; толщина стенок была 0,25 м. Камера в плане была овальной. Ее длина составляла 1,7 м, ширина 1,3 м; свод не прослеживался.

На дне камеры лежал скелет, вероятно, женщины (*adultus)* на правом боку, скорченно, руки его были протянуты к ногам. Ориентирован он был черепом на Ю. Кости удовлетворительной сохранности. Череп лежал на правой стороне и был сдавлен. Около него лежали 2 позвонка. Правая рука скелета была ровно протянута вдоль туловища и ее, несколько разрозненная, кисть находилась возле правой бедренной кости. Левая рука была согнута в локте под тупым углом; кисть – отсутствовала. Рука располагалась на ребрах и правом крыле таза. Кости туловища находились в положении «на правом боку». Тазовые кости были слегка развернуты. Ноги в тазобедренных суставах были согнуты под тупым углом и бедренные кости лежали параллельно. Правое колено было слегка выдвинуто вперед. В коленных суставах ноги были согнуты под острым углом. Пяточные кости – на боку, остальные кости разрозненны.

Скелет лежал на темно-коричневой подстилке, которая занимала почти всю камеру. У черепа, перед лицевой частью, возле кистей рук, и особенно возле правого колена, близ голени, прослеживались четкие отпечатки красной краски. Возле правого колена, справа (к С) от лаза лежали ножки и череп барана.

Курган 5

Курган являлся крайним с восточной стороны курганной группы, край его полы находился в 15 м к З от кургана 4. Диаметр кургана по данным раскопок – 24 м, высота от погребенной почвы – 0,75 м. (рис. 13, *1*)

Пахотный слой на кургане – земля темно-серого цвета толщиной 0,25–0,4 м. Насыпь – суглинок светло-серокоричневого цвета, наибольшая толщина составляла 0,5 м. Погребенная почва серого цвета, слабо отличающаяся от насыпи, толщиной 0,5–0,6 м. Переходный слой от почвы к материковой основе – серокоричневого цвета мощностью 0,3–0,4 м. Материковая основа – глина светло-коричневого цвета с желтым оттенком. Глубина прокопки кургана в центральной части – 2,1 м. По всему профилю кургана прослеживались многочисленные норы грызунов. В профиле кургана (в бровке) по разметке западнее 3 м З на протяжении 3 м прослеживалась яма, дно которой проходило по границе между погребенной почвой и слоем переходным от почвы к материковой основе.

В кургане было обнаружено 6 погребений. Основное – погребение 6, катакомбное[2]. Погребения 3 и 5 относились к поздней бронзе. Погребения 1 и 2 – железного века. Погребение 4 – детское, разрушенное, культурная принадлежность не определена.

Погребение 3 (рис. 13, *2*), обнаруженное в центральной части кургана, с северной стороны бровки, было разрушено. Часть костей взрослого человека, вероятно, мужчины, находилась в разрозненном состоянии на разной глубине. Сохранились фрагменты бедренной кости и больших берцовых костей. Часть других трудноопределимых фрагментов костей располагалась значительно выше.

Между бедренной костью и фрагментами костей, располагающимися выше, лежал наклоненным устьем к ВЮВ маленький лепной сосуд баночно-конической формы, (рис. 13, *3*).

Погребение 4 (рис. 13, *4*) представлено черепом ребенка. От черепной коробки сохранилась лишь черепная крышка. Череп лежал на боку и теменной частью был обращен к Ю. В 0,2 м к Ю от него был обнаружен зуб и, чуть далее, неопределенная фрагментированная кость. К З от черепной крышки находился фрагмент кости, видимо, челюсти. Культурная принадлежность погребения не определена. Южнее и западнее вышеупомянутых останков располагался комплекс костей и сосудов, обозначенный как погребение 5. Не исключено, что комплексы составляют одно погребение.

---

[2] Основная часть данных по погребению опубликована в тезисах и монографии автора «Особые виды погребений катакомбной общности» (*Мельник*,1989. С. 43–44; 1991. С. 16–21).

Погребение 5 (рис. 13, 4) представлено кальцинированными костями, видимо, человека, так как среди них был обнаружен зуб человека, и тремя сосудами.

Сосуд 1 лежал наклонно, устьем к ЮЗ; он представлял собой баночку с загнутым внутрь краем и двумя дырочками в верхней части (рис. 13, *5*).

Сосуды 2 (рис. 13, *6*) и 3 (рис. 13, *7*) были представлены фрагментами и стояли вплотную друг к другу. Рядом с сосудом 2 находился фрагмент обожженный черепной крышки. Кальцинированные кости располагались к В и З от сосудов, но основная их масса и зуб располагались с западной стороны. Здесь же находился фрагмент крупной трубчатой кости, видимо, бедра взрослого человека и обломанный эпифиз.

В курганной группе Степной всего было зарегистрировано 39 погребений, в том числе: неатрибутированных – 7, железного века – 10, эпохи бронзы – 22.

Погребения эпохи бронзы могут быть разделены на 5 основных групп: ямную, ямно-катакомбную, раннекатакомбную, позднекатакомбную и позднебронзовую. Ямных погребений было 6. Погребений ямно-катакомбного типа – 2. Погребений катакомбного круга насчитывалось 9. Одно погребение может принадлежать северокавказскому кругу памятников. Погребений эпохи поздней бронзы – 3. В рамках эпохи бронзы определяется одно погребение.

Территория востока Прикубанской низменности и запада Ставропольской возвышенности является слабоизученной в археологическом отношении. Однако в верховьях реки Челбас были произведены значительные работы. Таким образом, территории верховий реки Челбас в районе Хоперская – Лосево – Степной – Темижбекская в плане изучения курганов оказались весьма важными и дают ключ к пониманию культурно-исторических процессов, происходивших здесь и на более широкой территории.

Имеющиеся свидетельства по эпохе бронзы говорят о том, что эта область являлась контактной территорией, где пересекались различные культурные традиции (*Клещенко*, 2014; *Мельник*, 2014, 2016б). Что касается ямных памятников, то это южные районы их распространения, но именно здесь мы можем наблюдать пересечение ямных, катакомбных и северокавказских традиций. Кроме того, в группе Челбас I, близ станицы Темижбекской, по мнению А.Н. Гея, находятся погребения, близкие новотитаровским (*Гей*, 2000. С. 26).

Информация о ямно-катакомбных погребениях курганной группы Степной в ограниченном виде присутствовала в некоторых публикациях автора

данной статьи (*Мельник*, 2013, 2016а). Имеющиеся здесь ямно-катакомбные погребения по своему характеру очень близки погребениям раннекатакомбным, где камеры имели выделенные углы. Следует отметить, что ямно-катакомбные погребения не зафиксированы в районе основного распространения новотитаровских памятников. Таким образом, присутствие ямно-катакомбных образований в верховьях реки Челбас может свидетельствовать о некой пограничной зоне этого района.

Катакомбные комплексы Восточного Приазовья рассматривались в публикациях автора данной статьи с точки зрения обрядовой группировки (*Мельник*, 2013, 2016а). Одно погребение (Степная 2/8), которое имело, по некоторым данным, плоский потолок камеры катакомбы, должно относится к первой, видимо, наиболее ранней восточноприазовской группе. Другое погребение (Степная 1/4), где форма потолка не прослеживалась, примыкает, тем не менее, к раннекатакомбным группам. Скорее всего, сюда можно отнести и погребение с сосудом-«повозкой» (Степная 3/1). Следует отметить, что сосуд такого типа, только с шестью выступами для подвешивания, был обнаружен в разрушенном кургане также в верховьях реки Челбас (*Семенов*, 1979. С. 91. Рис. 384).

Позднекатакомбное время представлено в исследуемой курганной группе батуринским вторичным погребением (Степная 4/11) и манычским комплексом (Степная 5/6); сочетанием северокавказского катакомбного и манычского компонентов (Степная 4/12).

Батуринское вторичное погребение относится к разряду «пакет» и череп, повернутый лицевой частью в противоположную сторону от остальных костей (*Мельник*,1991. С. 23, 25, 28–30). Для батуринских погребений отмечается высокий процент наличия вторичных погребений (43%) от зафиксированных в степном Прикубанье (*Гей*, 1995. С. 4, 11). Наличие на черепе умершего пролома (Степная 4/11), нанесенного рубящим оружием, может свидетельствовать о военных столкновениях (*Мельник*, 2012), хотя, и не исключен ритуальный вариант.

Наличие «встречи» батуринского и манычского комплексов в данной курганной группе не вызывает удивления. Манычские компоненты распространены далеко вглубь батуринской территории. А здесь, видимо, мы имеем дело с восточной окраиной этой контактной зоны. Северокавказское культурное проникновение было еще более значительно.

Позднебронзовый период, судя по обнаруженным в исследуемом районе сосудам, может быть связан со срубной общностью.

ЛИТЕРАТУРА И АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Гей А.Н., 1995. Батуринская катакомбная культура и финал эпохи средней бронзы в степном Прикубанье // Историко-археологический альманах. Вып.1 / Отв. ред. Р.М. Мунчаев. Армавир – Москва: Армавирский краеведческий музей. С. 4–14.

Гей А.Н., 2000. Новотиторовская культура. М.: ТОО «Старый сад». 224 с.

Гей А.Н., Мельник В.И., 2004. Катакомбное погребение с сосудом-«повозкой» // Памятники археологии и древнего искусства Евразии / Отв. ред. А.Н. Гей. М.: ИА РАН. С.251–260.

Клещенко А.А., 2014. Синтезирующие признаки памятников суворовской катакомбной культуры // Е.И. Крупнов и развитие археологии Северного Кавказа. XXVIII Крупновские чтения: мат-лы междунар. науч. конф. / Отв. ред. Д. С. Коробов. М.: ИА РАН. С. 63–66.

Мельник В.И., 1989. Катакомбное погребение кремневых дел мастера в верховьях реки Челбас // Первая кубанская археологическая конференция / Отв. ред. А.М. Ждановский. Краснодар: Кубанский гос. ун-т. С. 43–44.

Мельник В.И., 1991. Особые виды погребений катакомбной общности. М.: Наука. 136 с.

Мельник В.И., 2012. Особые виды погребений как свидетельства военных столкновений // Роль войны и военного дела в развитии древних и средневековых обществ. Тезисы докладов междунар. науч. конф. / Отв. ред. В.И. Гуляев. М.: ИА РАН. С.17.

Мельник В.И., 2013. Обрядовая группировка катакомбных комплексов Восточного Приазовья // Шестая международная кубанская археологическая конференция / Отв. ред. И.И. Марченко. Краснодар: Экономинвест. С. 282–283.

Мельник В.И., 2014. Межкультурные контакты эпохи средней бронзы в восточных районах степного правобережья Кубани // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Т. I / Отв. ред. А.Г. Ситдиков, Н.А. Макаров, А.П. Деревянко. Казань: Отечество. С. 469–471.

Мельник В.И., 2016а. Особенности наиболее ранних катакомбных погребений степного Прикубанья // Изучение и сохранение археологического наследия народов Кавказа. XXIX Крупновские чтения / Отв. ред. Х.М. Мамаев. Грозный: изд-во Чеченского гос. ун-та. С. 43–44.

Мельник В.И., 2016б. Культурный синкретизм в погребальной практике эпохи средней бронзы степного Прикубанья // КСИА. Вып. 245. Часть I. С.120–131.

Семенов А.И., 1979. Отчет о работе Темижбекского отряда Северокавказской археологической экспедиции Северо-Осетинского государственного университета в 1979 году. Раскопки курганов в зоне строительства Краснодарской оросительной системы в Кавказском районе Краснодарского края // Архив ИА РАН. Р-1. № 11279.

V.I. Melnik

BRONZE AGE BURIALS OF THE STEPNAYA KURGAN GROUP

Abstract: This paper is a publication of materials from the excavations of the Tikhoretsky team of the North Caucasus expedition; these materials date to the Bronze Age. The Stepnaya kurgan group was located in the upstream of the Chelbas River. Burials represent five main cultural groups, i.e. the Yamnaya, the Yamnaya-Catacomb, the Early Catacomb, the Late Catacomb and the Late Bronze Age groups. In various periods of the Bronze Age the region served as a belt of contacts between different groups which was reflected in the sites described.

Keywords: burial sites, Bronze Age, upstream of the Chelbas River; Yamnaya, Yamnaya-Catacomb, Early Catacomb, Late Catacomb, Timber-grave burials.

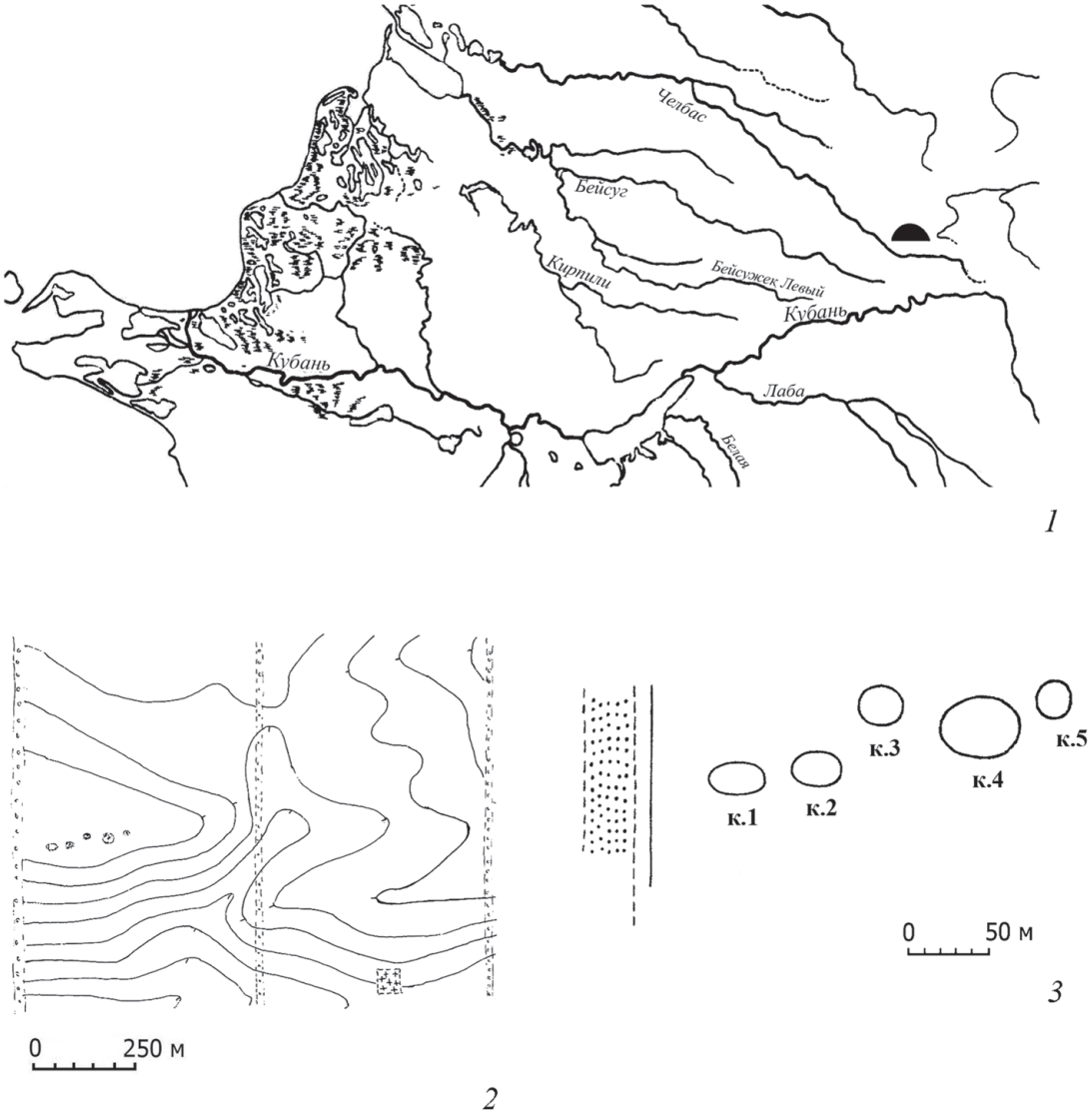


Рис. 1. Курганная группа Степная
1, 2 – местоположение; *3* – план курганной группы

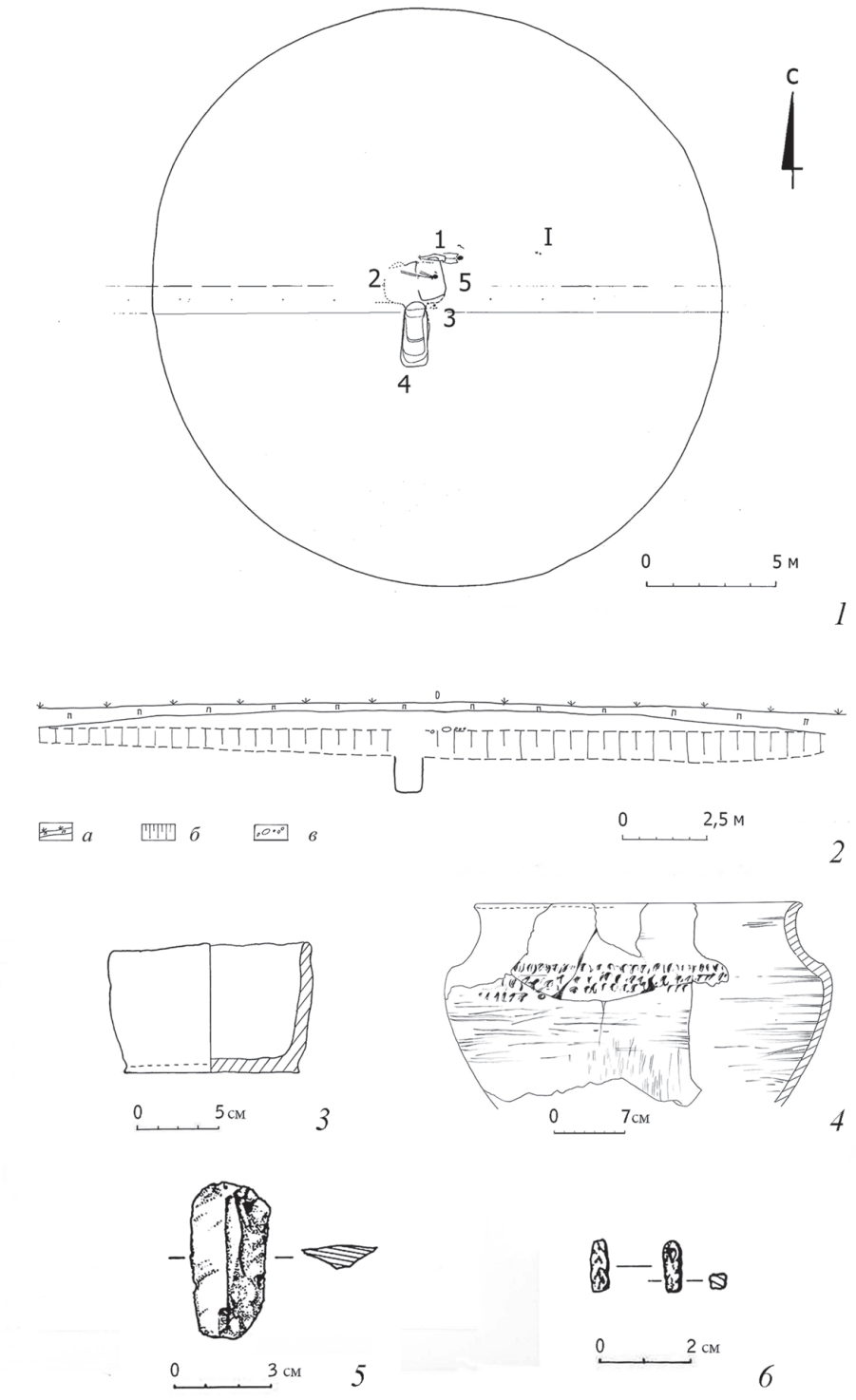


Рис. 2. Степная. Курган 1.
Общий план, южный фас бровки, находка I и вещи из погребения 4
1 – общий план кургана (1–5 – погребения, I – находка 1); *2* – южный фас бровки (*а* – пахотный слой, *б* – погребенная почва, *в* – выкид); *3* – сосуд (находка I); *4* – фрагмент сосуда («жаровня») из погребения 4; *5* – кремневое изделие из погребения 4; *6* – фрагмент бронзовой подвески из погребения 4

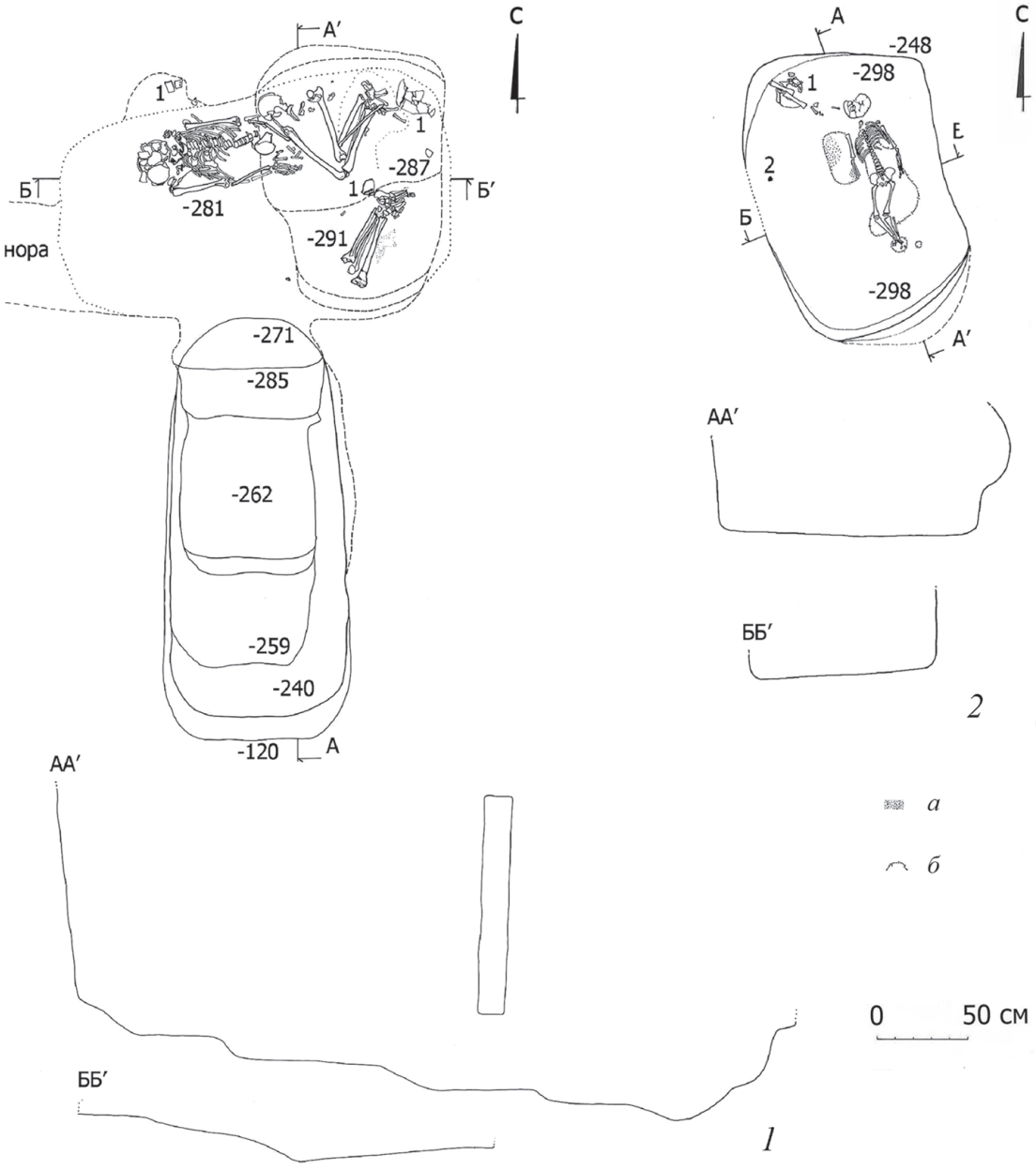


Рис. 3. Степная. Курган 1. Погребения 4 и 5
1 – план и профили погребения 4 (1 – фрагменты сосуда);
2 – план и профили погребения 5
(1 – кости животного, 2 – уголь; *а* – охра, *б* – коричневый тлен)

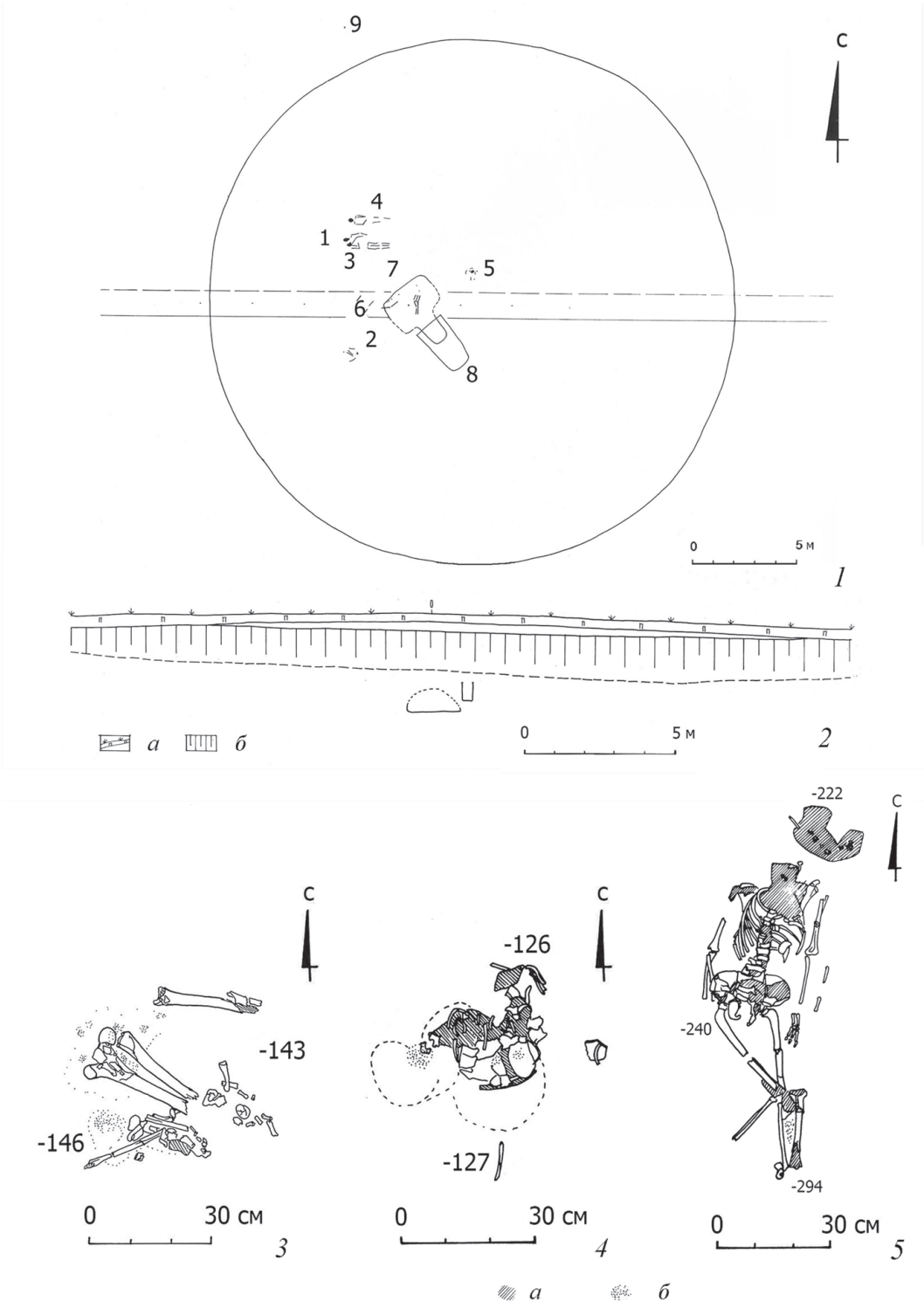


Рис. 4. Степная. Курган 2.
Общий план, южный фас бровки, погребения 2, 6, 7
1 – общий план кургана (1–9 – погребения); *2* – южный фас бровки (*а* – пахотный слой, *б* – погребенная почва); *3* – план погребения 2; *4* – план погребения 6; *5* – план погребения 7 (*3–5: а* – коричневый тлен; *б* – охра)

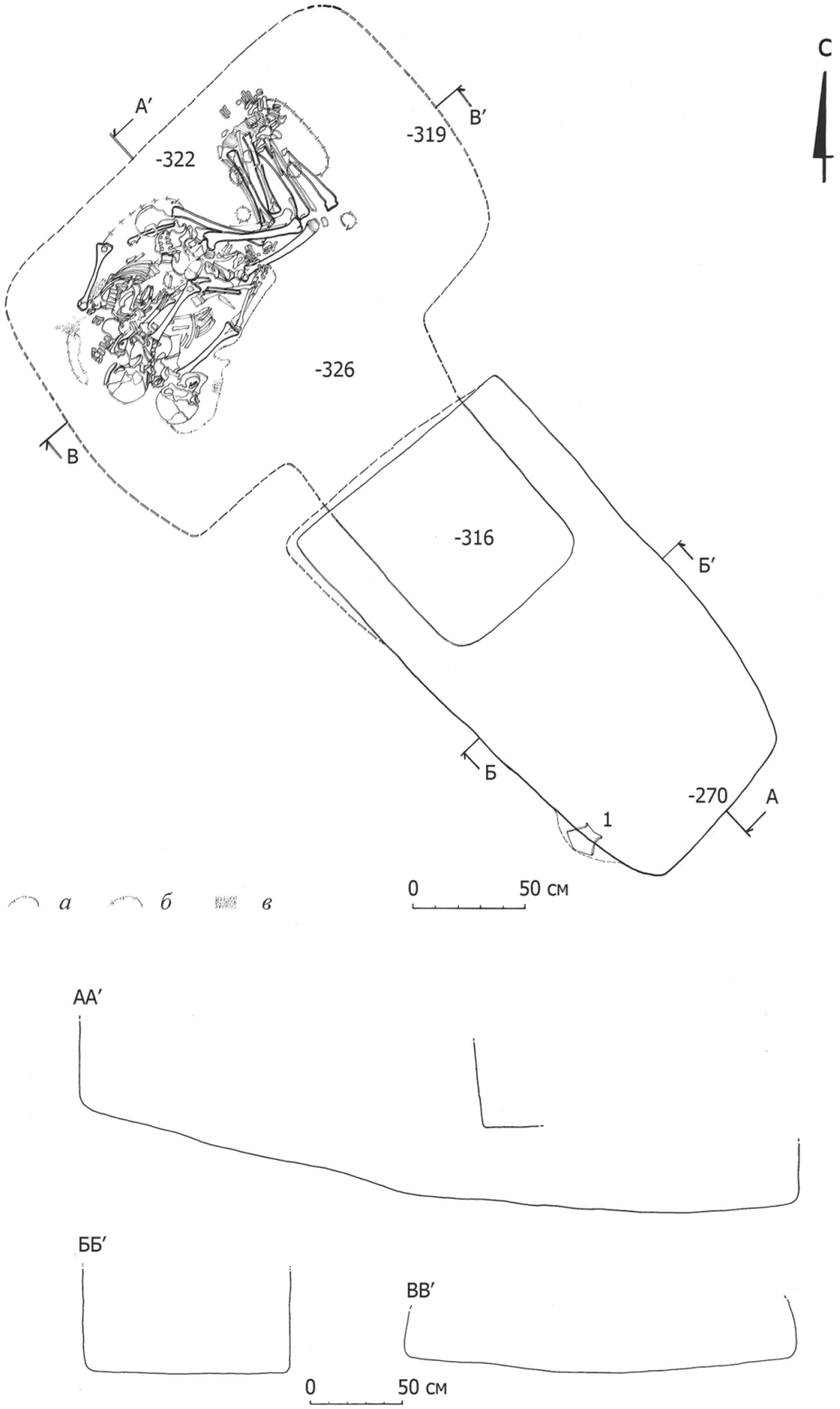


Рис. 5. Степная. Курган 2. Погребение 8. План и профили
1 – фрагмент сосуда («жаровня»); *а* – меловая подсыпка,
б – коричневый тлен, *в* – охра

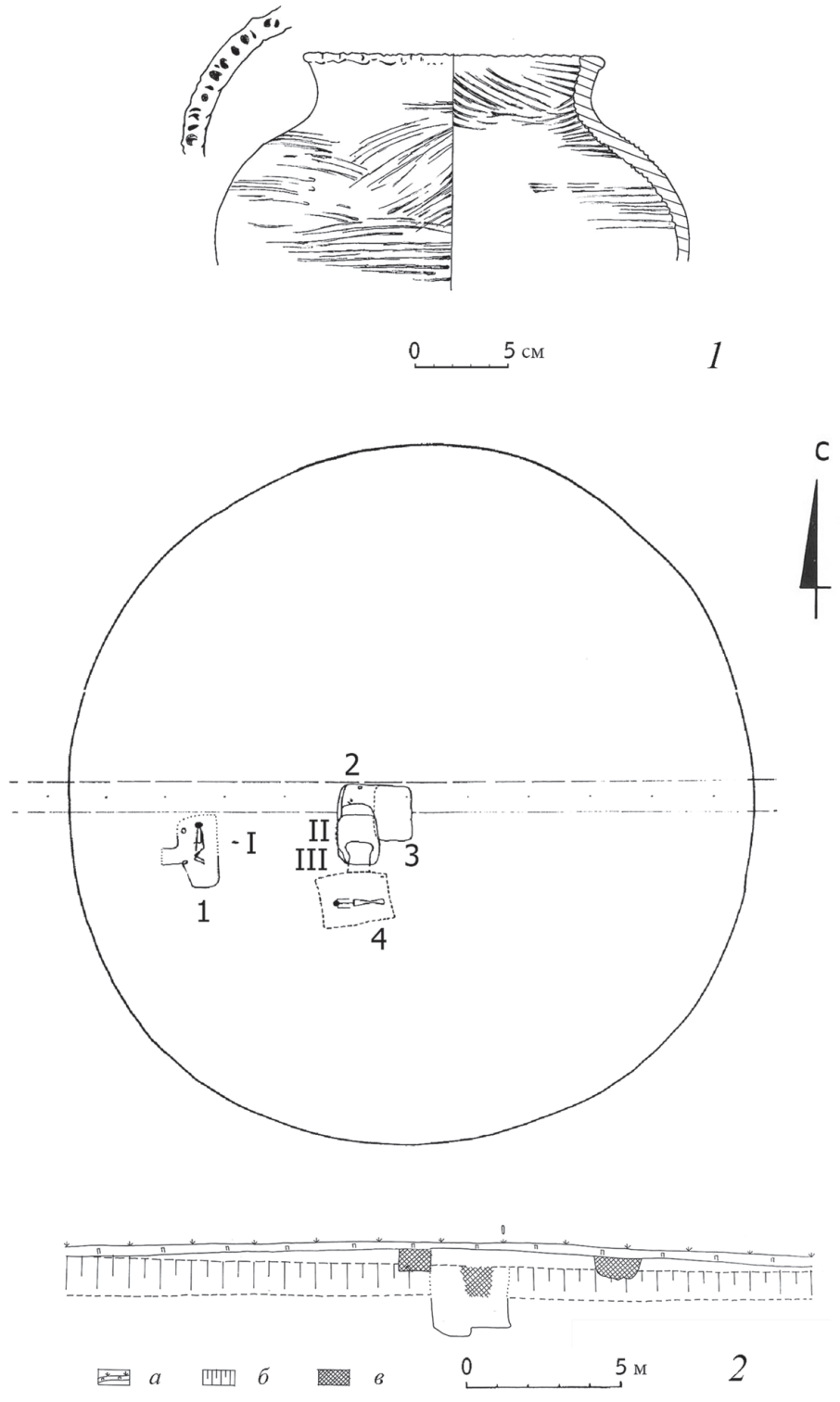


Рис. 6. Степная. «Жаровня» из погребения 8 кургана 2. Общий план и южный фас бровки кургана 3

1 – «жаровня» из погребения 8 кург. 2; *2* – общий план (1–4 – погребения, I–III – находки) и южный фас бровки кургана 3 *(а* – пахотный слой; *б* – погребенная почва; *в* – заполнения ям темного цвета)

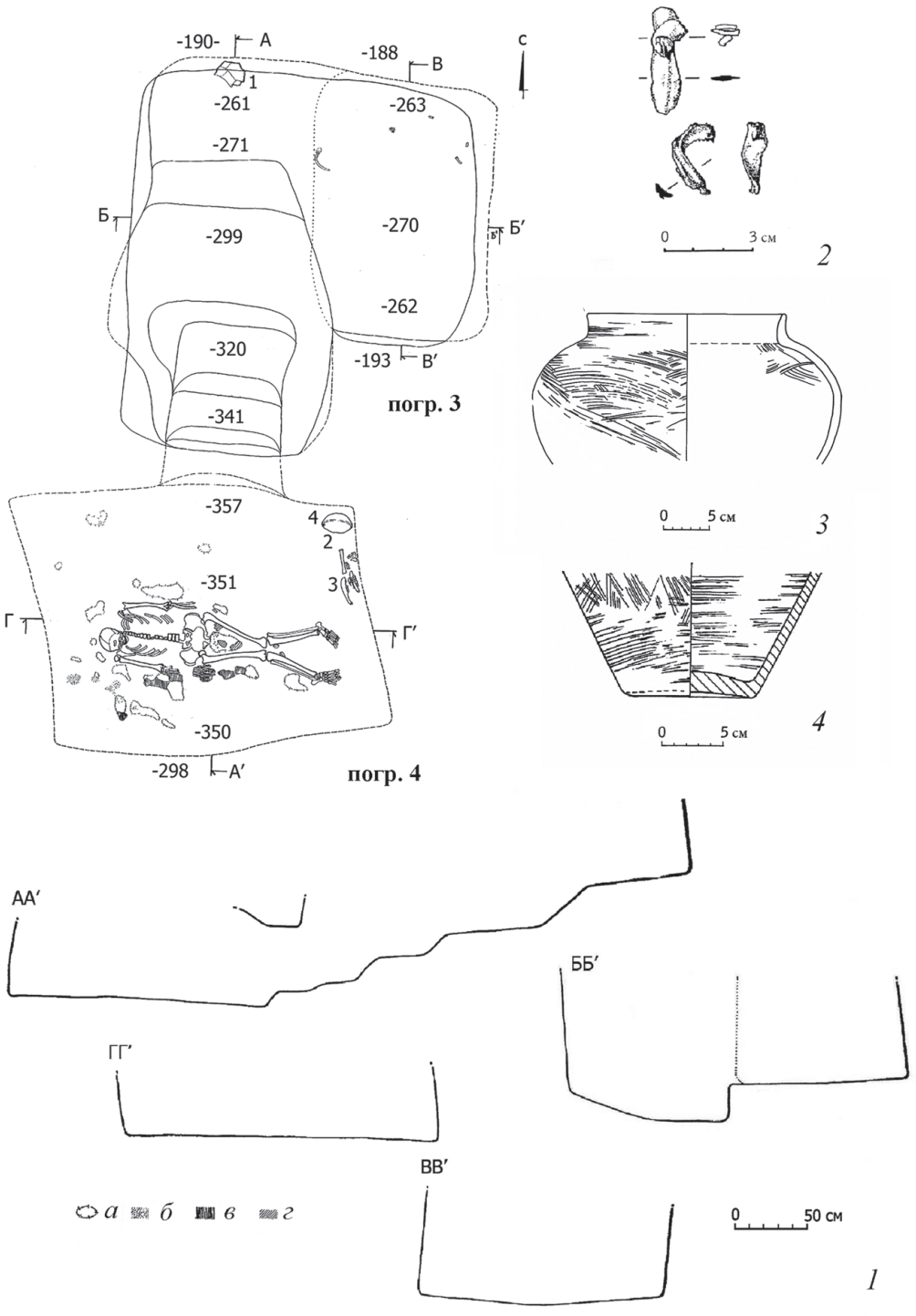


Рис. 7. Степная. Курган 3. Погребения 3 и 4

1 – план и профили погребений 3 и 4 (1 – «жаровня», 2 – днище сосуда, 3 – кости барана, 4 – уголь; *а* – коричневый тлен, *б* – охра, *в* – растительный тлен, *г* – костный тлен); *2* – фрагменты бронзового изделия из погребения 3; *3* – фрагмент сосуда («жаровня 1) из погребения 4; *4* – фрагмент сосуда («жаровня» 2) из погребения 4

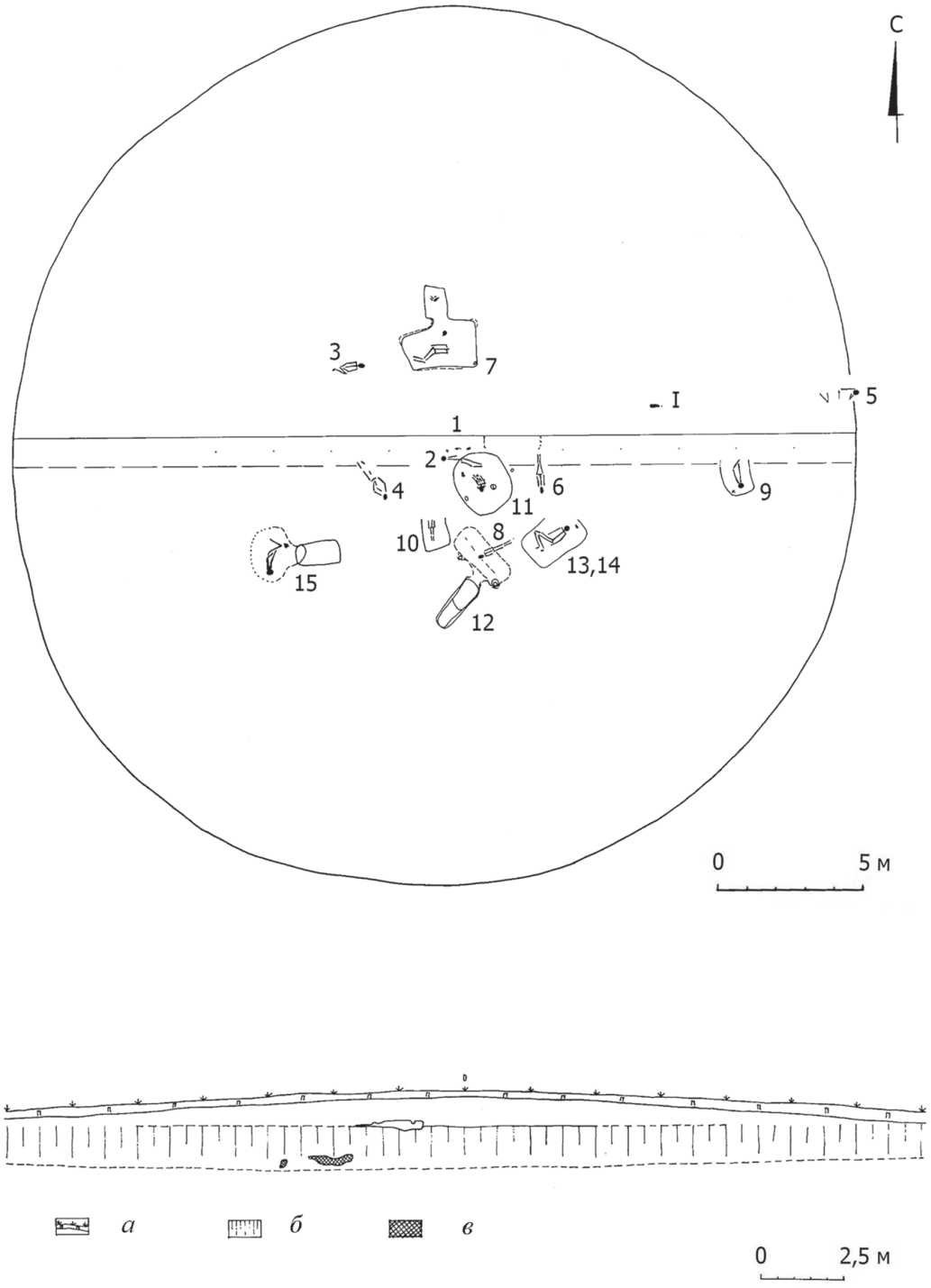


Рис. 8. Степная. Курган 4. Общий план и северный фас бровки
1–15 – погребения, I – находка 1; *а* – пахотный слой,
б – погребенная почва, *в* – заполнение ям

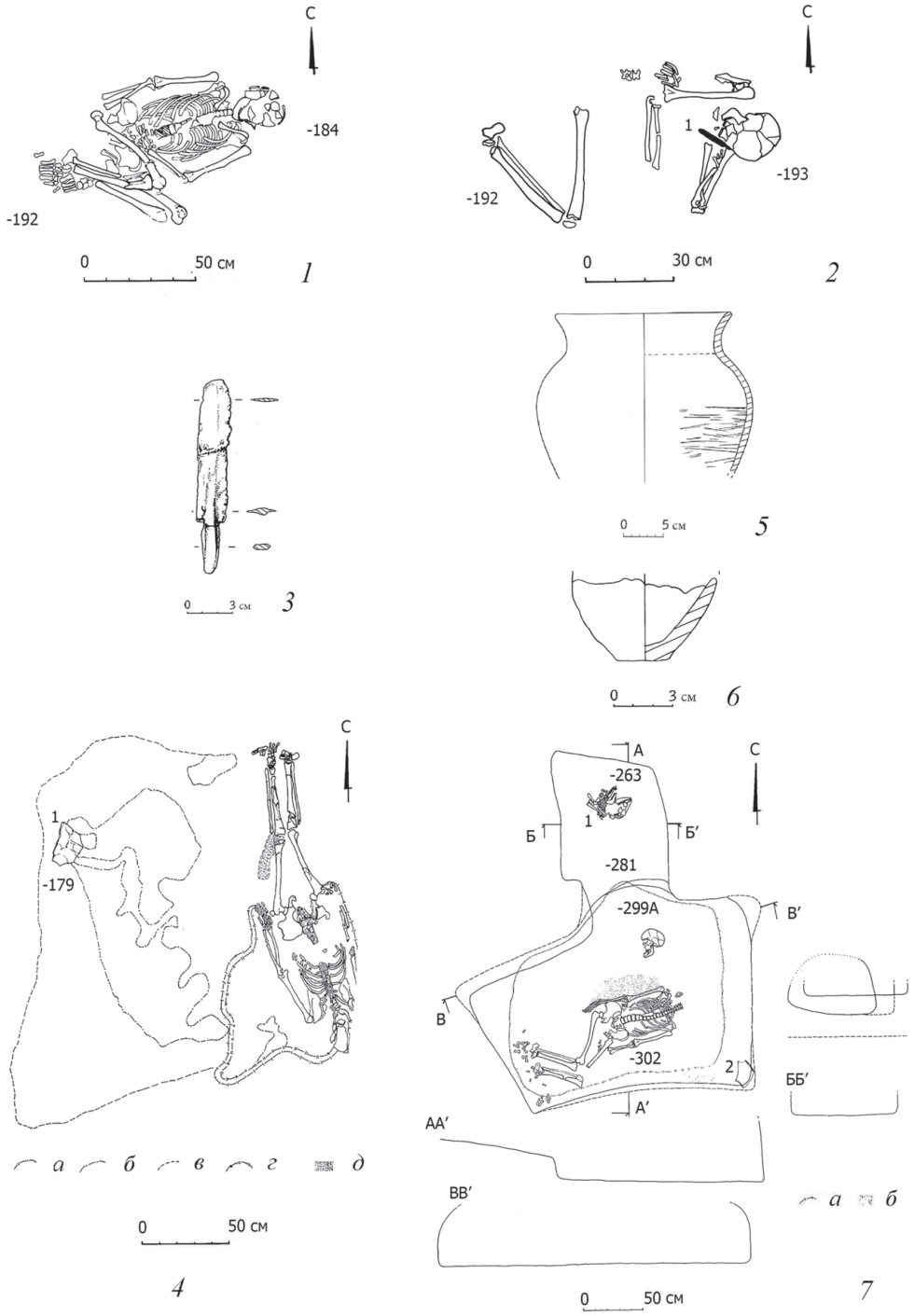


Рис. 9. Степная. Курган 4. Погребения 3, 5, 6, 7

1 – план погребения 3; *2* – план погребения 5 (1 – нож); *3* – бронзовый нож из погребения 5; *4* – план погребения 6 (1 – «жаровня»; *а* – светло-коричневый тлен, *б* – обмазка из сырой глины белого цвета, *в* – граница земли черного цвета, *г* – меловая подсыпка, *д* – охра); *5* –фрагмент сосуда («жаровня») из погребения 6; *6* – фрагмент сосуда из погребения 6; *7* – план и профили погр. 7 (1 – кости животного, 2 – «жаровня»; *а* – темно-коричневый тлен; *б* – охра)

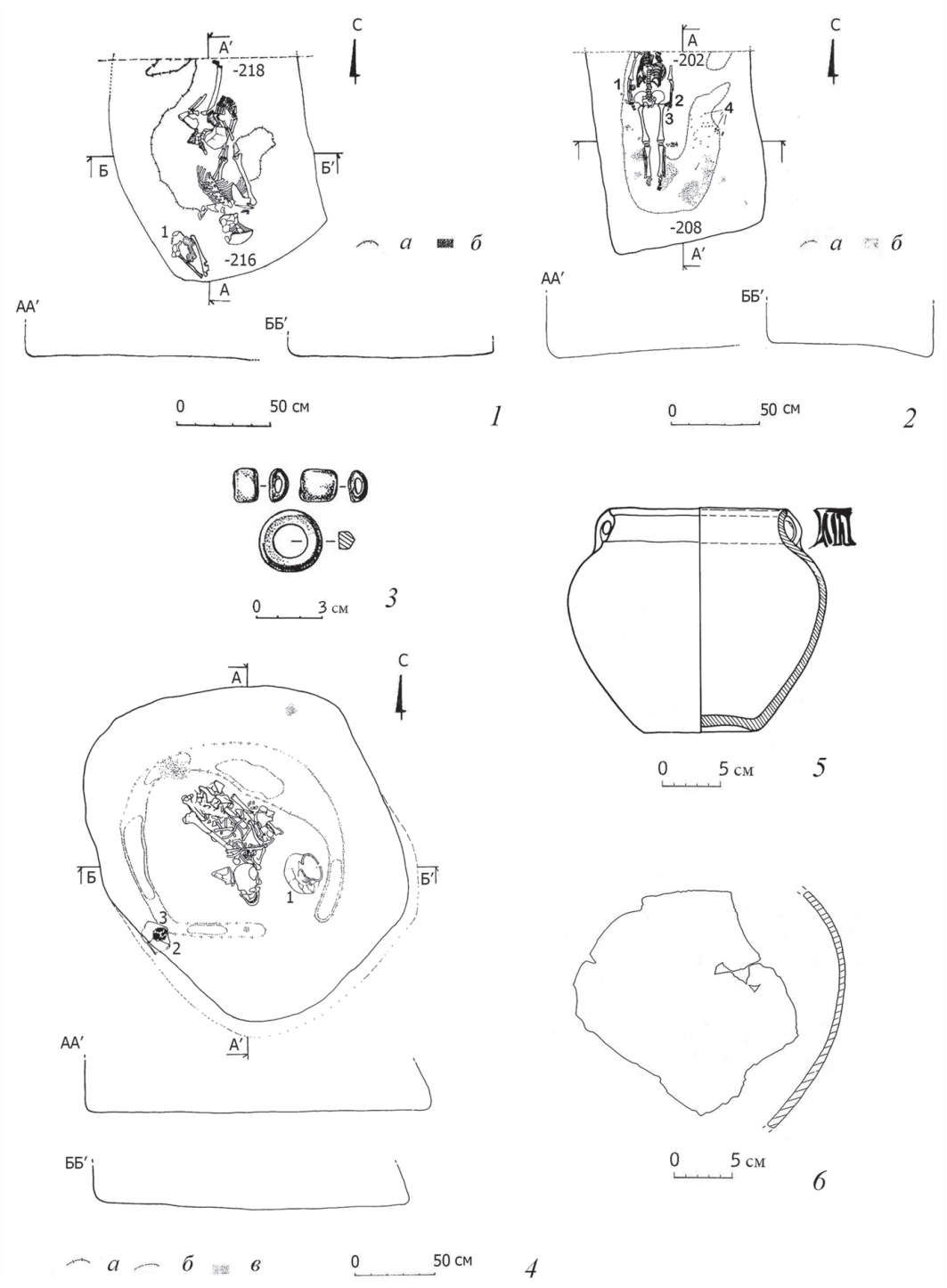


Рис. 10. Степная. Курган 4. Погребения 9, 10, 11

1 – план погребения 9 (1 – кости животного; *а* – темно-коричневый тлен; *б* – охра); *2* – план погребения 10 (1 – костяное кольцо, 2 – короткая костяная трубочка, 3 – длинная костяная трубочка, 4 – уголь; *а* – темно-коричневый тлен, *б* – охра); *3* – костяные трубочки и кольцо из погребения 10; *4* – план погребения 11 (1 – сосуд, 2 – «жаровня», 3 – уголь; *а* – темный тлен, *б* – мел, *в* – охра); *5* – сосуд из погребения 11; *6* – фрагмент сосуда («жаровня») из погребения 11

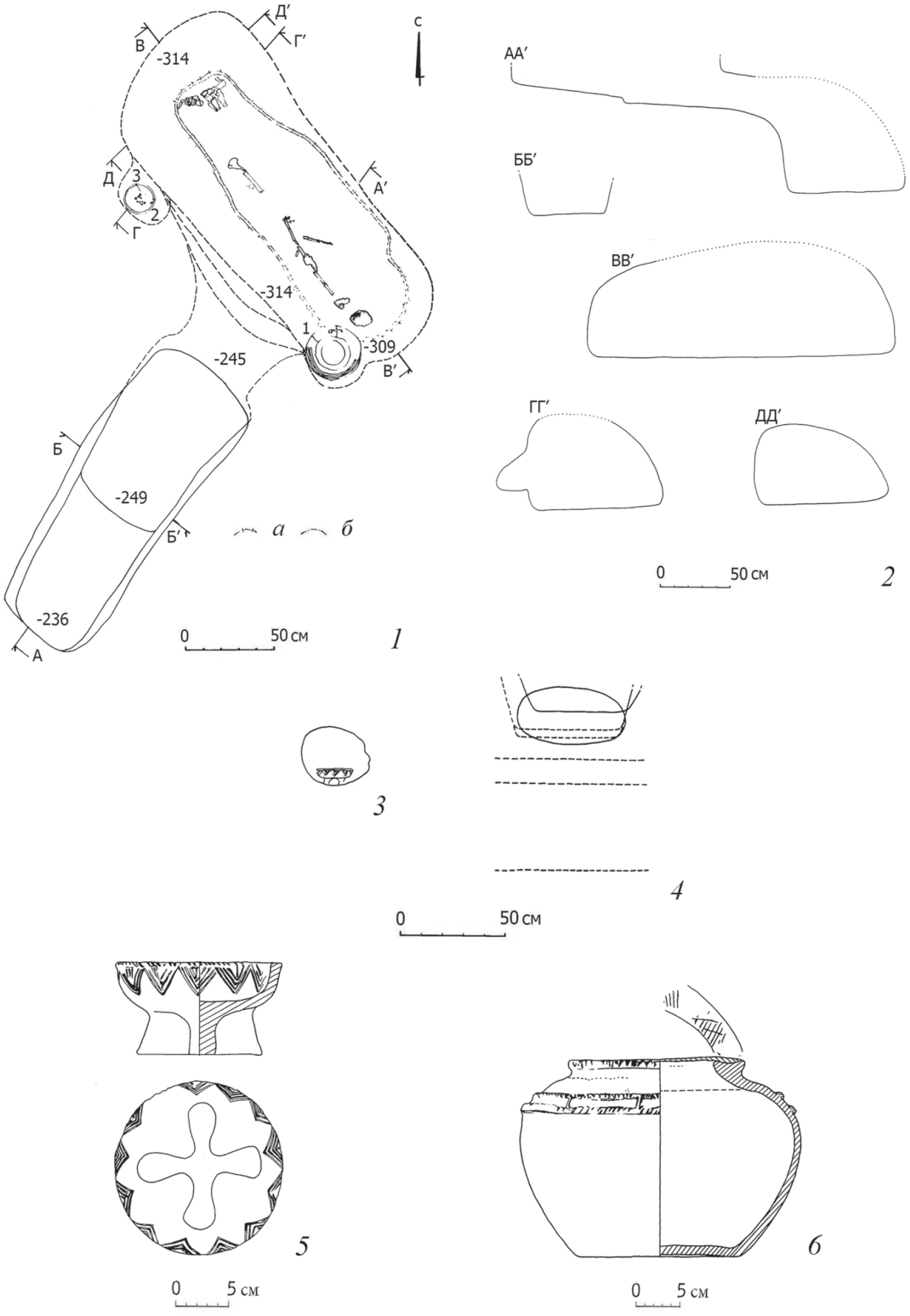


Рис. 11. Степная. Курган 4. Погребение 12

1 – план погребения (1 – сосуд, 2 – курильница, 3 – уголь; *а* – черный тлен, *б* – мел); *2* – профили погребения; *3* – проекция на нишу с курильницей; *4* – проекция на входной лаз; *5* – курильница; *6* – сосуд

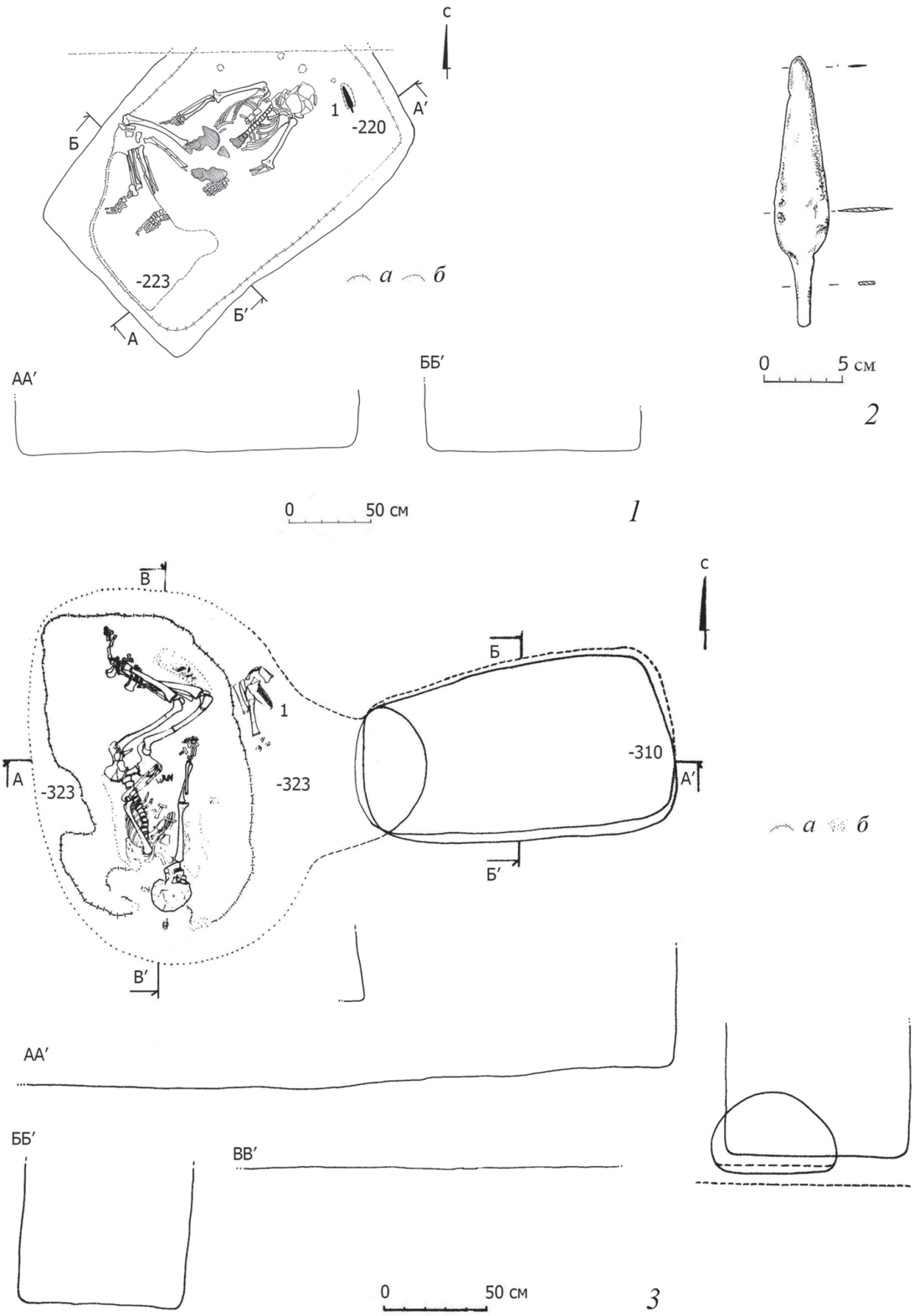


Рис. 12. Степная. Курган 4. Погребения 14 и 15

1 – план и профили погребения 14 (1 – нож; *а* – темно-коричневый тлен, *б* – мел); *2* – бронзовый нож из погребения 14; *3* – план, профили и проекция на входной лаз погребения 15 (1 – кости животного; *а* – темно-коричневый тлен, *б* –охра)

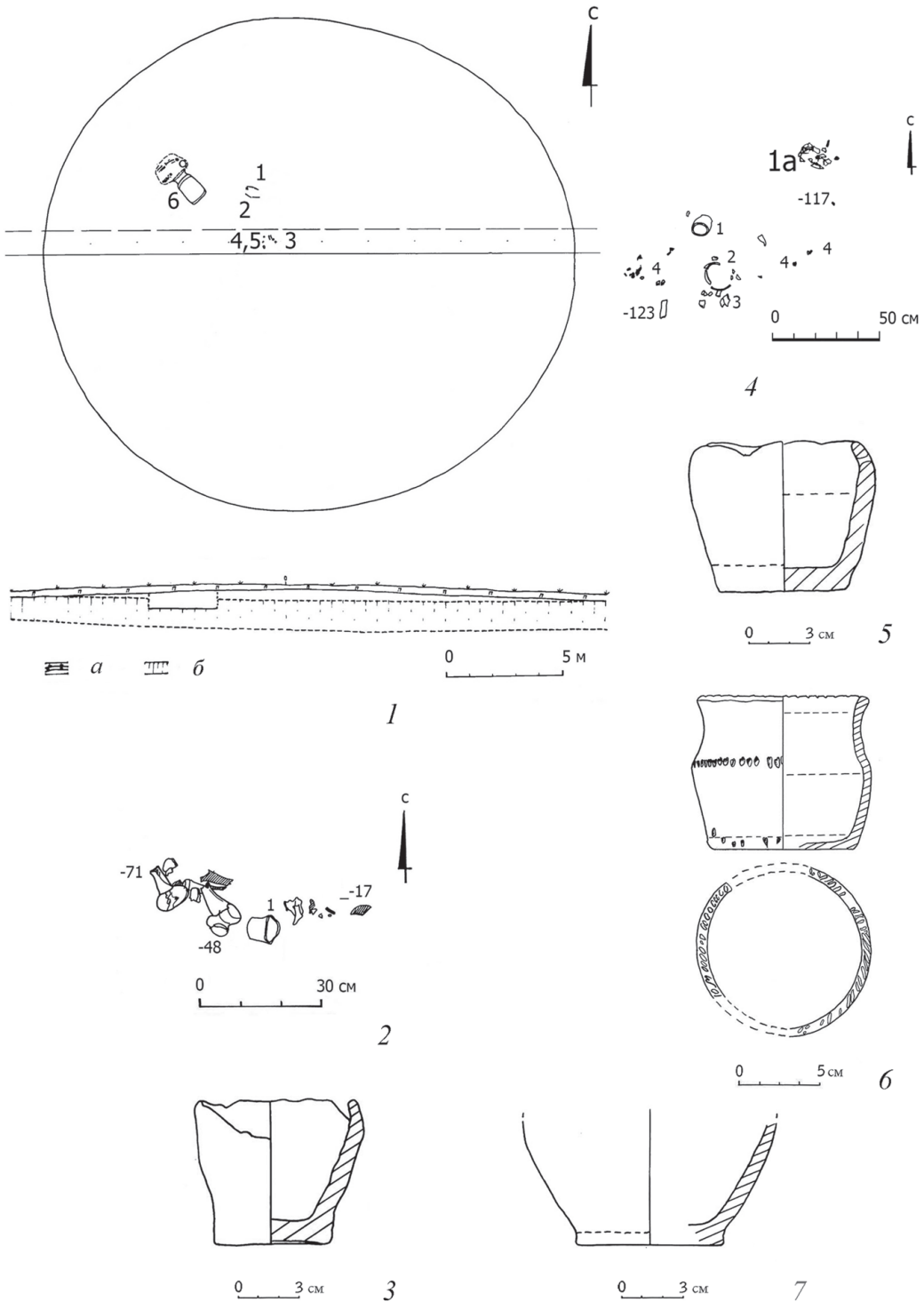


Рис. 13. Степная. Курган 5. Общий план, чертеж бровки, погребения 3, 4 и 5
1 – общий план и южный фас бровки (*а* – пахотный слой, *б* – погребенная почва);
2 – план погребения 3 (1 – сосуд); *3* – сосуд из погребения 3; *4* – план погребений 4 и 5 (1, 2, 3 – сосуды, 1а – череп ребенка, 4 – кальцинированные кости,);
5 – сосуд 1 из погребений 4 и 5; *6* – сосуд 2 из погребений 4 и 5;
7 – сосуд 3 из погребений 4 и 5

А.Ю. Скаков

МОГИЛЬНИКИ ЭПОХИ РАННЕГО ЖЕЛЕЗА НА ТЕРРИТОРИИ АБХАЗИИ: ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ПАМЯТНИКИ И ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД

Резюме. В статье предлагается общий обзор погребальных памятников эпохи поздней бронзы – раннего железа на территории современной Абхазии, дается историографический обзор, анализирующий историю их изучения и характеризующий основную проблематику исследований. Отдельное внимание уделено проблеме достоверности предполагаемых комплексов. Затрагиваются также дискуссионные проблемы функционального назначения так называемых кладов (в том числе, «кладов литейщиков») и происхождения обряда кремации в данном регионе. Для Центральной и Северо-Западной Абхазии погребальные памятники рассматриваются в рамках бзыбской колхидской (до середины – второй половины VII в. до н.э.) и бзыбской позднеколхидской культур. Анализируется изменение погребального обряда, затрагивается проблема внешних воздействий и связей с иными регионами Кавказа.

Ключевые слова: колхидская культура, погребальный обряд, кремация, клад.

Изучение материальной и духовной культуры населения Северо-Западного Закавказья (ныне – территория Республики Абхазия) в эпоху раннего железа затрудняется рядом факторов, обозначившихся для исследователей еще в середине XX, но ставших действительно фундаментальными и труднопреодолимыми в начале XXI века. Исследование памятников региона этого времени имеет более чем столетнюю историю; первая публикация предметов, которые уже в те годы можно было бы соотнести со ставшей тогда широко известной в археологическом мире кобанской культурой, относится к 1909 г. (*Миллер*, 1909. С. 82. Рис. 11). В ходе археологических разведок А.А. Миллера в 1907 г. в с. Ачандара от местных жителей были получены несколько бронзовых предметов, из которых орнаментированный топор вроде бы должен был привлечь внимание. Он же опубликовал находки с Сухумской горы (тогда «гора Чернявского»), где позже был открыт могильник эпохи античности, и с территории санатория Смецкого, в современном Гульрипшском районе (*Миллер*, 1909. С. 74–75. Рис. 2, *5–16*). Имели место и другие отрывочные сведения, но в целом Абхазия тогда вызывала интерес благодаря своим памятникам, связанным с античной колонизацией и эпохой средневековья. По словам одного из первых местных археологов М.М. Ива-

https://doi.org/10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-284-1.X-Y.328-364

щенко, «все эти находки как-то не привлекали ничьего внимания и обходились молчанием» (1935. С. 52).

Полноценное исследование памятников региона, относящихся к «кобанскому типу», началось в 1920-х годов. благодаря деятельности «Абхазского научного общества». Последовали не только сбор рассеянного и, как правило, случайно найденного материала, но и открытие ряда ярких комплексов (1926 г. – урновые погребения в с. Приморское (Петропавловское), 1929 г. – погребение в Аагсте (Мгудзырхва), 1930 и 1934 гг. – урновые погребения в с. Нижняя Эшера), а затем и их вполне достойная для того времени публикация (*Стражев*, 1926; *Иващенко*, 1935; *Лукин*, 1941; *Куфтин*, 1949). Завершением этого периода масштабного накопления материала стали проведенные в послевоенные годы раскопки крупнейших для региона могильников эпохи раннего железа, причем три из них находились в районе г. Сухума (Гуадиху, раскопки 1952–1954 гг., Красный Маяк, раскопки 1956–1959 гг., Сухумская гора, раскопки 1951 г.), а один – близ г. Гудаута (Куланурхва, раскопки 1948, 1951, 1952 гг.) (*Каландадзе*, 1954; *Трапш*, 1962; 1969; 1970).

Результаты этих работ во многом надолго предопределили перспективы восприятия археологических памятников Абхазии эпохи поздней бронзы – раннего железа: все исследованные памятники, как крупные могильники, так и одиночные яркие комплексы, находились в достаточно узкой прибрежной полосе республики, в районе столицы – г. Сухум – и в Бзыбской Абхазии, тяготеющей к г. Гудаута. Юго-восточная часть Абхазии (Гульрипшский, Очамчирский, Гальский районы) и её северо-запад (Гагринский район) практически оставались «белыми пятнами» – о них судили только по немногочисленным случайным находкам. И, конечно, абсолютно неизученной оставались предгорная и горная части Абхазии. Еще одним фактором, повлиявшим на изучение археологических памятников Северо-Западного Закавказья поздней бронзы – раннего железа, стало произведенное в 1950–1960-е годы резкое «размежевание» кобанской и колхидской культур (О.М. Джапаридзе, Е.И. Крупнов), когда анахронизмом стали казаться любые высказывания о «кобанской бронзе» Абхазии или «кобаньской культуре по обеим сторонам Кавказского хребта». В прошлое ушли и представления о единой «колхидской культуре», включающей памятники Западной Грузии, юго-восточного побережья Черного моря и Северной Осетии (*Пиотровский*, 1949. С. 60). При этом, что показательно, граница между культурами практически везде, кроме Южной Осетии и верховьев р. Терек, прошла по Главному Кавказскому хребту и административной границе между РСФСР и Грузинской ССР.

Следствием этого стало во многом автономное изучение археологии раннего железного века Северного Кавказа и Западного Закавказья, отсутствие

устойчивого и вдумчивого интереса к транскавказским связям, слабая изученность горных районов (что, впрочем, можно объяснить и чисто техническими сложностями). Археология Абхазии, как и археология Северного Кавказа («кобанской культуры»), начинает «замыкаться в себе», терять способность определить место своих памятников того или иного периода в системе евразийских межкультурных связей.

Эти негативные процессы совпадают с, казалось бы, расцветом археологии в Абхазской АССР: появляются многочисленные республиканские кадры исследователей (достаточно назвать имена Ю.Н. Воронова и Г.К. Шамба); работают как собственные, так и совместные, с участием археологов из РСФСР (В.В. Бжания) и Грузинской ССР (М.В. Барамидзе), масштабные археологические экспедиции. Проводятся планомерные раскопки поселенческих памятников эпохи бронзы – раннего железа, хотя полученные материалы вводятся в научный оборот в весьма ограниченном объеме. Публикуются достаточно многочисленные яркие погребальные комплексы рассматриваемого периода.

При этом сохраняется как приуроченность археологических исследований к приморской части Абхазии, так и слабый интерес к памятникам горной и предгорной зоны. Кроме того, и это показательно, широкомасштабные исследования поселений поздней бронзы – раннего железа не приводили к открытию синхронных им некрополей, в лучшем случае, дело ограничивалось обнаружением нескольких отдельных погребений. За единичными исключениями, о чем будет сказано ниже, новых крупных некрополей эпохи поздней бронзы – раннего железа с 1950-х годов в Абхазии обнаружено так и не было.

Дело в том, что еще раскопки М.М. Трапша в Куланурхве заставляли предполагать специфичность могильников данного региона. Погребения здесь располагались поодиночке или небольшими группами, расстояния между которыми могли быть значительными, составляя, как в Куланурхве, от 10 до 40 м (*Трапш*, 1970. С. 101). Исследование таких памятников, занимающих обширную площадь, весьма затруднительно. Не исключено также, что погребения могли располагаться поодиночке на территории приусадебных участков. К примеру, исследованное в 2002–2003 гг. погребение из Осиа-Рху (с. Куланурхва) находилось в 10 м от, вероятно, синхронной ему усадьбы (*Бжания и др*., 2004. С. 31). После находки одного или двух захоронений в Приморском или Петропавловском (на участке Репях) В.И. Стражевым и А.С. Башкировым были предприняты попытки найти рядом другие погребения, в частности, закладывались две траншеи, но абсолютно безрезультатно (*Стражев*, 1926. С. 108). После обнаружения Гудаутской археологи-

ческой экспедицией ИА РАН и АбИГИ им. Д.И. Гулиа АН Абхазии в 2003 г. погребения конца VIII в. в с. Абгархук, в 2004 г. рядом был заложен раскоп площадью 12 х 6 м. В ходе проведенных раскопок ни одного погребального комплекса найдено не было (*Скаков, Джопуа*, 2004. С. 53–54). «Приусадебные кладбища» из одного или нескольких захоронений характерны для Абхазии и по сей день. К примеру, как отмечает современный этнограф, «встречаются могилы и на территории двора. Около ворот домов можно увидеть памятники под железной крышей» (*Маан*, 2006. С. 448).

В итоге сложилась ситуация, когда почти все погребальные комплексы, которыми можно было оперировать, происходили из сравнительно небольшого региона между Сухумом и устьем реки Бзыбь. Более того, на территории Абхазии практически отсутствовали ранние комплексы «колхидской культуры», какие бы хронологические рамки для ее бытования не принимать. По хронологической схеме, предложенной в свое время мною совместно с В.Р. Эрлихом (*Скаков, Эрлих*, 2005. С. 222. Табл. 4), ее древнейшими погребальными комплексами на территории Бзыбской Абхазии, датирующимися IX в. до н.э., являются находки из Гудауты (1960 г.), Ачкаца (1948 г.) и Отхары (1967 г.) (*Трапш*, 1970. С. 189–193; *Воронов*, 1969. С. 19–20, 22). При этом находки из Ачкаца и Отхары могут считаться комплексами лишь относительно достоверными, так как информацией о погребальном обряде для них мы не располагаем. В любом случае, вполне очевидно, что это уже комплексы сформировавшейся культуры, но погребальные памятники второй половины II – рубежа II–I тыс. до н.э., из какой бы хронологической схемы здесь не исходить, отсутствовали.

Кроме того, погребальные памятники второй половины II – рубежа II–I тыс. до н.э. практически неизвестны в большинстве внутренних районов Западного Закавказья (за исключением могильников Брили в Раче и Богреши в Сванетии). Напротив, здесь хорошо представлены клады бронзовых изделий, являвшиеся, на наш взгляд, в своем подавляющем большинстве не кладами литейщиков, а ритуальными комплексами. Аналогичная ситуация встречается в некоторых регионах Западной Европы: в тех местностях, где известны погребения с металлическим инвентарем, отсутствуют клады, и наоборот; то есть погребения и клады были взаимозаменяемы, а клады имели вотивное значение (*Бочкарев*, 2002. С. 48–49). В тех же случаях, когда погребения и клады не исключают друг друга, соседствуя в рамках одной культуры, клады также могли иметь вотивное и ритуально-поминальное значение. К таким, безусловно культовым комплексам (святилища), относятся, в частности, Казбекский и Бамборский (1910 г.) клады. Не вызывает сомнений, кстати говоря, ритуальный характер «кобанских» кладов (в данном слу-

чае, Жемталинского и Бештаугорского) и у многих российских исследователей (*Эрлих*, 2007. С. 71).

С.Б. Вальчак справедливо отмечает, что точке зрения о принадлежности «кладов» прослойке «торговцев, посредников и перекупщиков, заключавших торговые сделки в форме натурального обмена» противоречит факт помещения во многие «клады» вещей из железа наряду с бронзовыми (*Вальчак*, 1997. С. 47). По отношению к кладам предскифской эпохи, «по меньшей мере, странной выглядит привычка «торговцев» зарывать «клады» преимущественно в южном секторе насыпей и использовать для «операций обмена» в основном наборы тягловой упряжи – далеко не самые металлоемкие и необходимые в быту (даже кочевом) изделия кавказского производственного центра» (*Вальчак*, 1997. С. 51). Впрочем, сомнения самого С.Б. Вальчака в возможности использования термина «ритуальный» для предскифских кладов кажутся нам необоснованными. Во-первых, ритуальные действия не ограничивались погребальным ритуалом. Не связанные напрямую с тем или иным захоронением, ритуальные действия могли совершаться, в том числе и на кургане, как на своего рода культовом участке. Во-вторых, погребальный ритуал, безусловно, является упорядоченным процессом, но и он состоит из определенной последовательности разовых действий. То место, которое могло занимать в этом процессе сокрытие клада, остается нам неизвестным.

Отметим, что для Бзыбской Абхазии клады (за исключением раннего этапа формирования местной позднебронзовой культуры середины – второй половины II тыс. до н.э.) не характерны. Отсутствие погребальных памятников связано, вероятно, с особенностями погребального обряда (выставление и «уничтожение», экскарнация тела умершего, когда его экспонация (*Смирнов*, 1997. С. 25–26, 156, 242) не носит временного характера), пережитки которого были засвидетельствованы для территории современной Абхазии античными и средневековыми авторами.

Настойчивое стремление трактовать все непогребальные комплексы металлических изделий как «клады литейщиков» или «мастеров-металлургов» не может не удивлять. Если согласиться с этой, на наш взгляд, явно устаревшей точкой зрения и картографировать все известные на сегодняшний день кобано-колхидские «клады», окажется, что подавляющее большинство мастеров-металлургов этой общности проживало на территории современной Юго-Восточной Абхазии, приморских областей Западной Грузии, Рача-Лечхуми, Верхнего Прикубанья и прилегающих районов. Гораздо меньше их мы найдем в современной Бзыбской Абхазии, в Южной Осетии, во внутренних районах Западной Грузии. И уж совсем единичных «мастеров-

металлургов» нам удастся отыскать в регионах северной части Центрального Кавказа. Без сомнения, такая картина нереальна и ни в коей мере не отвечает действительности. Ссылаться же на слабую изученность того или иного региона в этом вопросе было бы вообще некорректно, так как клады, как правило, бывают обнаружены случайно, вне хода археологических исследований.

Последний, несколько удивительный пример такого подхода, мы видим в недавней, весьма полезной и интересной, статье В.И. Козенковой, посчитавшей возможным трактовать находки из местности Чадаколоб (Юго-Западный Дагестан) как клад «мастера-металлурга и ювелира», который спрятал эти вещи «в результате каких-то внешних неблагоприятных обстоятельств» (*Козенкова*, 2008. С. 74). Во-первых, среди обнаруженных там, главным образом высокохудожественных, изделий (странный набор для «мастера-металлурга»!) нет ни предметов с литейным браком, ни полуфабрикатов, ни слитков (хотя и наличие таких находок не свидетельствует однозначно о производственном характере «клада»). Во-вторых, утверждение В.И. Козенковой о характерности для святилищ Северного Кавказа исключительно открытого выставления приношений не соответствует действительности. В таких вполне культовых комплексах, как клад на Бамборской поляне и Казбекский клад, многочисленные ритуальные предметы были помещены в земле.

На культовых площадках-святилищах у подножья горы Верблюд в Кабардино-Пятигорье приношения были закрыты каменными набросками в один-два слоя (*Рудницкий, Фоменко*, 2005. С. 29). В святилище Шилда (вторая половина II – начало I тыс. до н.э.) в Кахетии большая часть инвентаря была помещена в два сосуда большого размера и в три ритуальные ямы (*Майсурадзе, Иванишвили*, 2004. С. 38). В Жемталинском кладе предметы были уложены в заложенную каменной плитой яму под скальным навесом, вдалеке от какого-либо поселения (*Крупнов*, 1952. С. 6–11, 30). В землю были помещены предметы и в святилище (клад, обнаруженный в 1997 г.) эпохи античности на реке Мзымта близ Адлера (хранится в Сочинском художественном музее) (*Марков, Марков*, б.г. С. 22–25). Напомним, наконец, о таврском святилище Гурзуфское седло в Крыму, где часть вещей была помещена в специально вырытые ямки-хранилища (*Новиченкова*, 2015). Как культовый комплекс трактовали находки из Чадаколоба авторы публикации данных материалов, и с этим вполне согласился и О.М. Давудов, недавно опубликовавший ранее неизвестные находки из этого святилища (2013а. С. 795–798; 2013б. С. 85–86, 89). Отметим, кстати, что что-то специфически «кобанское» в этих находках сложно усмотреть (при наличии несомнен-

ного «кобанского» стилистического влияния), а бронзовая антропоморфная пластика на Кавказе не являлась культурно значимым и хронологическим признаком, и ареал ее распространения был крайне широк, что признавала и сама В.И. Козенкова в своих работах. Как справедливо отметил О.М. Давудов, «чадаколобские находки не являются предметами кобанской культуры» (2013б. С. 86). Более того, недавно введенные в научный оборот вещи из этого комплекса (пряжка-сюльгама и крестовидная фибула) могут быть датированы VII в. н.э. (*Давудов*, 2013а. С. 798–799; 2013б. С. 87–88), хотя необходимо учитывать «характер самого клада, накопленного в течение продолжительного времени из предметов, принесенных в жертву божеству» (*Давудов*, 2013б. С. 86).

Даже наличие в составе «клада» литейных форм, слитков и полуфабрикатов не дает оснований считать этот комплекс именно «кладом литейщика», якобы, спрятавшего его в минуту опасности. Показательный пример – обнаруженная кладоискателем в 2010 г. Черкасская (правый берег р. Днепр) «мастерская» эпохи поздней бронзы – «клад» из 20 каменных предметов: литейных форм и инструментария литейшика. Авторы фотографий этих вещей – С.А. Агапов и И.А. Бажан отмечают, что «в комплексе только одна литейная форма представлена полностью (две створки). Трудно себе представить, что человек, обнаруживший комплекс, брал с места находки только по одной створке от каждой литейной формы. Вероятно, здесь имеет место некое сакральное, культовое сокрытие (захороненение) частей литейных форм» (*Бажан*, 2011. С. 61). С этим выводом трудно не согласиться. Таким образом, даже рассматривая, казалось бы, явные «клады металлургов», мы, по крайней мере в большинстве случаев, имеем дело с культовыми комплексами.

Необходимо отметить, что попыток осмыслить причины хронологических лакун и отсутствия погребальных комплексов в тех или иных регионах Кавказа, в том числе, и в некоторых районах Абхазии, практически не предпринималось. Казалось бы, положение начало меняться в 1980-х годах. В 1979, 1980, 1984 гг. исследовался известный с 1963 г. (когда он был отнесен к эпохе ранней бронзы: *Бжания*, 1967. С. 111) крупный могильник в г. Гагра, то есть в том регионе Абхазии, который долгое время оставался «белым пятном». При относительной «бедности» инвентаря, памятник продемонстрировал яркую специфику как материальной культуры, так и погребального обряда (*Бжания, Бжания*, 1991).

В 1977–1981 гг. исследовался (М.В. Барамидзе) могильник в местности Балан (Баглан), недалеко от места впадения р. Кодор в Черное море, у с. Адзюбжа (*Bill*, 2003. С. 149. Taf. 5, *18–29*). Были обнаружены богатые кремационные погребения, суммарно датированные III–II вв. до н.э., которые де-

монстрировали процессы взаимодействия местного населения с греческими колонистами. Но в научный оборот данные материалы были введены весьма ущербно и отрывочно.

В 1982 г. рядом с поселением у с. Пичори Гальского района был открыт синхронный ему могильник, представленный коллективной погребальной ямой; но полученный материал, к сожалению, не был введен в научный оборот (*Барамидзе и др.*, 1985. С. 43–44). В этом случае памятник относился к практически неизвестной до 1970–1980-х гг. культурной группе – коллективным погребальным ямам Центральной Колхиды (*Скаков*, 2011а). Раскопанный в 1964–1969 гг. могильник Палури (*Окропиридзе, Барамидзе*, 1974) был практически незамечен научной общественностью; могильник Ларилари в Сванетии (первые раскопки в 1964–1965 гг.) остается и до настоящего времени почти неопубликованным; могильник Мухурча (раскопки 1974, 1976 гг.) лишь в очень незначительном объеме был введен в научный оборот; могильник Горадзири (раскопки 1967–1968 гг.) находился на периферии нового культурного явления и был опубликован с опозданием (*Гогадзе, Давлианидзе*, 1981); на территории Абхазии близкие к этим памятникам некрополи Мерхеули (1969 г.) и Шубара-2 (1978, 1981 гг.) исследовались на крайне низком методическом уровне и, к сожалению, не были поняты (*Барамидзе*, 1977; *Шамба и др.*, 1989).

Некоторый «прорыв» в изучении этой, по сути, ранее неизвестной археологической культуры наступил после масштабных исследований на территории Западной Грузии Т.К. Микеладзе и продолженных, на более высоком научном уровне, его учеником Р.И. Папуашвили. В 1974–1976 гг. исследовался могильник Нигвзиани, в 1976–1979 гг. – могильник Уреки (*Микеладзе*, 1985), с 1978 г. – могильники Эргеты, с 1985 г. – могильник Дгваба, с 2005 г. – могильник Цаиши (*Apakidze*, 2009).

В 1990 г., в преддверии распада СССР, была издана оставшаяся тогда почти незамеченной монография, посвященная незначительным по объему и проведенным на весьма низком методическом уровне исследованиям (1981, 1983, 1985 гг.) могильника Джантух в горной Абхазии (г. Ткуарчал), который в дальнейшем, спустя десятилетия, стал узловым в изучении культуры коллективных погребальных ям Центральной Колхиды в Северо-Западном Закавказье (*Шамба, Шамба*, 1990). В условиях охватившего страну общего кризиса, эти два могильника, Гагринский и Джантухский, способные закрыть «белые пятна» в археологическом изучении Абхазии эпохи поздней бронзы – раннего железа, оказались практически забытыми.

Как это ни парадоксально, но именно в этих условиях, когда новые материалы еще не были обработаны и поняты, когда источниковая база оста-

валась ущербной и «белые пятна» пребывали незакрытыми, появились серьезные попытки осмыслить и обобщить имеющиеся результаты в изучении археологии Северо-Западного Закавказья эпохи поздней бронзы – раннего железа. Дискуссия шла по нескольким основным направлениям: спор приверженцев «длинной» и «короткой» хронологий, соотношение археологических культур (общностей, областей, локальных вариантов) Центрального и Западного Кавказа, этническая принадлежность археологических культур, соотношение местных археологических культур и внешнего воздействия в виде греческой колонизации (*Скаков*, 2010). На том уровне знаний, учитывая недостаточную степень обработки даже имеющейся источниковой базы и подъем националистических настроений, такие дискуссии не могли оказаться продуктивными, что наглядно продемонстрировала защита ведущим абхазским археологом Ю.Н. Вороновым в Москве докторской диссертации «Восточное Причерноморье в железном веке (Вопросы хронологии и интерпретации памятников VIII в. до н.э. – VIII в. н.э.)» в Москве в 1985 г. и реакция на нее (*Воронов*, 2006; Материалы защиты…, 2011).

Катастрофические события 1990-х гг. и продолжающиеся кризисные явления притормозили как археологическое изучение Абхазии и прилегающих регионов, так и осмысление накопленной информационной базы.

В начале XXI в. исследование памятников археологии Северо-Западного Закавказья возобновилось (*Скаков*, 2016). Можно отметить продолжение раскопок Гагринского могильника; открытие новых, по-прежнему одиночных, погребений эпохи поздней бронзы – раннего железа на территории Бзыбской Абхазии и в районе г. Сухум; многолетние раскопки Джантухского могильника, давшего богатейший и уникальный материал.

Исходя из имеющейся на сегодняшний день источниковой базы, можно усомниться в возможности четкого разделения памятников Западного Закавказья и Центрального Кавказа эпохи поздней бронзы – раннего железа по отдельным «квартирам» «кобанской» и «колхидской» культур. Это устоявшееся на протяжении более чем полувека утверждение уходит в прошлое. Значительная часть специалистов по раннему железному веку Северного Кавказа считает теперь возможным говорить о «кобанской культурно-исторической общности». Как прозвучало еще в 1998 г., «уместнее вести речь не о кобанской культуре …, а о расположении на очерченной территории ***кобанской культурно-исторической общности, системе самостоятельных культур***, связанных общекобанскими элементами, распространившимися в Центральном и Северо-Восточном Предкавказье в результате миграций (притом неоднократных) кобанских племен из ущелий центральной части Кавказа» (*Березин, Дударев*, 1998. С. 181–182). Этот взгляд «на различные варианты

кобанской культурной общности как на самостоятельные культуры» в 2006 г. разделила В.Г. Петренко (2006. С. 87, ссылка 212), а в 2012 г. – и ряд других исследователей (*Березин и др.*, 2012. С. 46), предложивших, соответственно, использовать термины типа «западнокобанская культура».

Независимо от этих исследователей, в 2008 г., автор этой статьи и А.П. Мошинский предложили выделение кобано-колхидской культурно-исторической общности, «а в её рамках – совокупности культур кобанской и колхидской культурно-исторических областей» – восточной, центральной, западной и южной кобанских и Лечхумо-Имеретинской, Ингури-Рионской и Бзыбской колхидских (*Мошинский, Скаков*, 2008. С. 28–29). За несколько лет до этого (*Скаков*, 2006а;б) и в дальнейшем (*Скаков*, 2009) выделение колхидских культур для Западного Закавказья было обосновано в ряде работ автора этих строк.

В интересующем нас регионе, Северо-Западном Закавказье, выделяются две археологические культуры, безусловно, родственные между собой и находящиеся в постоянном взаимодействии как друг с другом, так и со своими соседями к северу от Главного Кавказского хребта. Это Бзыбская колхидская культура, занимающая территорию от района современного г. Сухум до, как минимум, района современного г. Сочи (об ее северо-западной границе мы скажем ниже), и Ингуро-Рионская колхидская культура, занимающая Восточную Абхазию, от района современного Сухума, и прилегающие регионы Грузии (Мегрелию, Сванетию, Гурию, Аджарию). Культуры выделяются по двум основным критериям – погребальному обряду и культурным маркерам, вычленяемым из металлического инвентаря, представленного в погребальных комплексах. Керамический материал, учитывая отсутствие полных публикаций практически всех поселенческих памятников региона, не дает возможностей для полноценного анализа. Вполне очевидно, что для привлечения керамики к локализации культурных ареалов и выделению локальных вариантов, необходимы не суммарные таблицы с несколькими десятками форм и орнаментов, встреченных на памятнике, а статистические и количественные данные, так как та или иная форма на одном памятнике будет представлена единичной находкой, а на другом – окажется одним из наиболее распространенных типов (*Скаков*, 2014).

Формирование обеих колхидских культур на территории Абхазии можно отнести ко второй половине – последней четверти II тыс. до н.э., но говорить о механизмах генезиса бзыбской культуры мы, как уже отмечалось выше, можем только лишь исходя из поселенческого материала. По нашему мнению, на местный субстрат, представленный очамчирской культурой эпохи ранней и средней бронзы, наложился импульс со стороны центрально-колхидской

культуры (*Скаков и др.*, 2010. С. 48–51). При этом элементы субстрата сохранились на крайнем северо-западе ареала, в районе современных Гагры и Сочи, что стало причиной формирования там достаточно архаичного по своему керамическому компоненту локального варианта бзыбской культуры (*Джопуа и др.*, 2009. С. 93). Формирование ингури-рионской культуры, судя по раннему пласту могильника Джантух (XIII–XI вв. до н.э.), шло при наличии проявляющегося, в первую очередь в металлообработке, культурного импульса со стороны Центрального Кавказа (финал протокобанского периода и ранние кобанские памятники). Есть общие черты и в погребальном обряде (коллективные погребения в крупных могильных сооружениях по обряду кремации на стороне) ранних памятников ингури-рионской культуры и памятников протокобанской эпохи (дигорская культура). Вопрос о механизме генезиса этого погребального обряда и о месте, где шел этот генезис, пока следует оставить открытым (*Скаков*, 2006в).

Будучи ограниченными пределами статьи, хотелось бы сейчас дать общую характеристику погребального обряда эпохи поздней бронзы – раннего железа на территории Северо-Западного Закавказья.

Памятники *бзыбской колхидской культуры*, (рис. 1) как отмечалось выше, представлены, в первую очередь, одиночными захоронениями, обнаруженными, как правило, случайно. При этом информация о погребальном обряде в большинстве случае отсутствует, а сами комплексы могут являться недостоверными или неполными. Несколько коллекций предметов с территории Абхазии, традиционно считающиеся комплексами, представляются сомнительными (*Скаков*, 2008б. С. 15). Обстоятельства их обнаружения являются неясными и, возможно, в данных случаях мы имеем дело не с одним, а с двумя или более неодновременными погребениями. Ещё Д.Л. Коридзе отмечал, что «сведения о некоторых коллекциях сомнительны и неизвестно, являются ли они кладами или же памятниками другого порядка» (1965. С. 154).

Так, предметы, найденные в 1930 г. в Нижней Эшере, происходят из трех погребений в урнах, «расположенных в расстоянии 15 м друг от друга на одной и той же горизонтали» (*Иващенко*, 1935. С. 58–59). В одном из этих погребений инвентаря не было (*Иващенко*, 1935. С. 63). Как отмечал Б.А. Куфтин, «не удается окончательно установить, происходят ли все вещи из одного, или двух разных погребений» и осторожно предположил принадлежность всего инвентаря к одному парному погребению, «хотя полной уверенности в этом нет» (1949. С. 155–156).

Еще один пример: в первоначальной публикации Г.К. Шамба и В.К. Квициниа говорили не о комплексе (1970 г.) из Агудзера, а об остатках могильника V–III вв. до н.э. (*Шамба, Квициниа*, 1980). При этом найденную там

Рис. 1. Основные погребальные памятники X–IX – первой половины VII вв. до н.э. на территории Абхазии

позднеколхидскую булавку с ажурным навершием они датировали предантичной эпохой. В более поздней работе Г.К. Шамба довольно уверенно говорит о материалах из Агудзера как именно о комплексе, включающем в себя булавку и датируемом по монете Филиппа III (323–316 гг. до н.э.), хотя и признает, что «установить обряд погребения не удалось» (*Шамба*, 2000. С. 103).

Набор вещей, обнаруженных приблизительно в 1975 г. у села Анухва Армянская, Я.В. Доманский счел комплексом лишь на основании «единства, однородности, однокультурности всех образующих группу предметов», хотя признал, что «остался открытым вопрос о наличии признаков захоронений, вообще следов обстановки, окружавших обнаруженные вещи» (*Доманский*, 1978. С. 73; 1979. С. 23, 31).

Некоторая неясность возникает с так называемым «комплексом Цвинария» (1970 г.) из Нижней Эшеры («Холм Верещагина»), к которому в своей работе обратился мой коллега А.И. Джопуа (2009, С. 10–11). По словам

А.И. Джопуа, в комплекс входили кувшинчик, бронзовые топор, подвеска в виде оленя, кинжал с цельнолитой гравированной рукоятью, две пряжки, 13 бронзовых бус и пастовый бисер. Судя по словам автора раскопок (*Цвинария*, 1971. С. 379–380), в 1970 г. было найдено три доантичных захоронения (всего разновременных захоронений было шесть): в первое (датированое IX–VIII вв. до н.э.) входили бронзовые шлем, браслет, копье («его кончик был воткнут в череп покойника»), железные кинжал, нож, обломок копья (?); во второе – глиняный сосуд (урна) и орнаментированный бронзовый топор; в третье (на пятой террасе холма) – глиняный сосуд (урна), бронзовые подвески в виде птички и оленя, две поясные пряжки («одна цилиндрическая, другая продолговатой форм»), бочонкообразные бусы, пастовый бисер. Иное описание этого комплекса (теперь уже одного и не на пятой, а на четвертой террасе!) дает Г.К. Шамба (1984. С. 51). Согласно этому автору, в него входили кувшинчик (на самом деле, судя по рисунку, погребальная урна), бронзовые топор, подвески в виде птички и оленя, две пряжки (судя по рисунку – бляшки), 13 бронзовых бус и около 40 бронзовых бисерин. При этом кинжал с цельнолитой рукоятью, по словам Г.К. Шамба, в данный комплекс не входил и был передан экспедиции отдельно. Таким образом, состав комплекса или комплексов остается неясен.

Использование недостоверных комплексов для далеко идущих хронологических построений представляется неоправданным и методически неверным. В частности, нельзя согласиться с опорой А.И. Иванчика и С.Л. Дударева при передатировке (кстати, давшей разные результаты) бронзовых шлемов «ассирийского типа» на опубликованную в 1926 г. находку нескольких предметов из Приморского (*Иванчик*, 2000. С. 204–207). Обнаруженные там вещи, по словам нашедших их крестьян, были сложены в два сосуда, то есть представляли собой инвентарь двух урновых погребений (*Стражев*, 1926. С. 106–107; *Иващенко*, 1935. С. 51; *Куфтин*, 1949. С. 139). Не исключено, что эти погребения могли быть близкими по времени, хотя и в этом случае, датировка их второй половиной X – началом IX вв. представляется необоснованной. К сожалению, С.Л. Дударев, критически отозвавшись о хронологических построениях А.И. Иванчика, продолжил рассматривать коллекцию из Приморского как достоверный комплекс (*Дударев*, 2001. С. 88–90; 2002. С. 27–28).

Как и полвека назад, мы можем относительно полноценно (не имея нормального плана памятника, чертежей большинства погребений и т.д.), использовать материалы ранней части могильника Красный Маяк на окраине г. Сухум (*Трапш*, 1969; *Соловьев*, 1960. С. 89–90. Табл. V, *4*, *6*; *Барамидзе, Пхакадзе*, 1977; *Барамидзе и др.*, 1979). Красномаякский могильник неоднократно датиро-

вали и передатировали, его ранние погребения относили к VIII–VII вв. до н.э. (М.М. Трапш, Г.А. Лордкипанидзе, Г.К. Шамба, Ю.Н. Воронов), к первой четверти I тыс. до н.э. (Г.Т. Квирквелия), и к более раннему времени (М.В. Барамидзе). Уже достаточно давно мною была предложена своя хронологическая схема (*Скаков*, 2002), которой, при неизбежной корректировке, можно следовать и сейчас. Могильник существовал непрерывно, как минимум, с VIII до III–II вв. до н.э., демонстрируя преемственность и материальной культуры, и погребального обряда. Поэтому четко отделить погребения первой половины VII в. до н.э. от погребений второй половины VII – начала VI вв. до н.э. не всегда возможно. К интересующему нас сейчас периоду можно отнести 30 ингумаций (погребения 44, 45, 47, 48, 56, 57, 59, 60, 63, 64, 87, 89, 90, 92–95, 101, 102, 106, 135, 137, 139, 144–146, 148, 152, погребения 1 и 5 1976 г.) с вытянутым на спине трупоположением с ориентаций, обычно (кости почти не сохраняются) на северо-запад; в одном случае (погребение 56) – со скорченным трупоположением и ориентацией на запад. Кроме того, к этому периоду относятся 5 урновых, то есть вторичных, захоронений (68, 136, 138, 140, погребение 1947 г.); еще 1 урновое захоронение может быть чуть более поздним (погребение 66), а еще 3 – с трудом поддаются датировке (погребения 67, 80, 125). Наконец, не позже первой половины VII в. следует датировать 4 вторичных погребения в ямах-колодцах (74, 107, 112, 118), диаметром, как правило, 0,7–0,8 м. Кроме них, на могильнике имеется ещё 14 вторичных погребений в ямах-колодцах, но имеющийся в них инвентарь настолько скуден, что предложить им ту или иную датировку затруднительно. Очевидно, на Красномаякском могильнике именно погребальный обряд выполнял роль социального маркера, а вторичное погребение, судя по всему, не являлось престижным.

Из других известных некрополей к интересующему нас периоду (X–IX – первая половина VII вв. до н.э.) можно отнести только часть погребений могильника Куланурхва, а именно: погребения 1969 г., 1, 2 и 11 (*Трапш*, 1962; *Воронов, Вознюк*, 1975. С. 270–273. Рис. 2). Погребение 1969 г. – урновое; уверенно говорить об обряде погребений 2 и 11 невозможно; погребение 1 – ингумация на спине, головой на юго-запад, руки вытянуты.

Достоверными комплексами (*Скаков*, 2008б. С. 15–17) можно также считать погребение 1929 г. из Аагсты (*Лукин*, 1941. С. 29–41), погребение 1917 г.[1] из Чобанлука (*Лукин*, 1956. С. 129; *Воронов*, 1969. С. 25), погребение 1940 г. из Бамборской поляны (*Воронов*, 1969. С. 20–21), погребение № 4

[1] Здесь и далее указывается год обнаружения погребения, так как какой-либо единой нумерации они, по понятным причинам, не имеют.

Бамборского поселения (*Бжания, Габелия*, 1990. С. 5. Рис. 1), погребение 1960 г. из Гудауты (*Трапш*, 1970. С. 189–193), погребение 1969 г. из Звандрипша (*Воронов, Гунба*, 1978), погребение 1970 г. из Ачандары (*Воронов, Гунба*, 1978), погребение 1979 г. из Абгархука (*Бжания и др.*, 1982. С. 13–14. Рис. 11; *Шамба*, 1984. С. 55–56. Рис. 18а), погребение 1934 г. из Нижней Эшеры (*Куфтин*, 1949), комплекс 1951 г. из селения Колхида (ныне с. Псахара) (*Трапш*, 1970. С. 193–197; *Бжания, Скаков*, 2004. С. 342), погребение 1953 г. из Верхней Эшеры (*Лукин*, 1956), погребение 1976 г. из Ачадара (*Гунба*, 1978), погребение 1934 г. из района СухумГЭС (*Лукин*, 1941. С. 40; *Воронов*, 1969. С. 34), урновое погребение 1991 г. из Джирхуа (*Бжания*, 2000; *Бжания, Скаков*, 2004. С. 339–342. Рис. 3, *1, 2*). Урновое захоронение с представительным инвентарем было обнаружено в 1947 г. в могильнике Красный Маяк (*Воронов*, 1969. С. 31; *Соловьев*, 1960. С. 89). Прекрасный комплекс конца VIII в. до н.э. был обнаружен нами в 2003 г. в селении Абгархук (*Скаков и др.*, 2004). Ещё один комплекс был в 2002–2003 гг. изучен абхазскими археологами в селении Куланурхва на холме Осиа-рху (*Хондзия, Бжания*, 2004; *Бжания и др.*, 2004; *Хондзия*, 2012. С. 36–37. Рис. 1–3).

Сохранность этих комплексов весьма различна, и лишь в немногих случаях мы можем говорить о погребальном обряде. В частности, Бамборское погребение 1940 г., будучи, по мнению А.Л. Лукина, поврежденным уже в древности, после обнаружения крестьянами бронзовых копья, ритона и браслета оказалось частично разрушено. В итоге, при его доследовании в 1948 г. А.Л. Лукин столкнулся лишь с небольшим нетронутым участком захоронения (ИИМК. Ф. 76. Дело 83. Л. 55–60). *In situ* были обнаружены бронзовый (длиной 91,6 см, заключенный в органическом материале, диаметром 4 см) и железный (длиной 55,7 см) пруты (жезлы), перекрещивающиеся под прямым углом; два бронзовых топора, находившихся лезвиями вниз; две бронзовые биконические бусины и 14 сердоликовых бусин рыжевато-коричневого цвета. В перемешанном слое были найдены фрагменты тонкостенного красноглиняного сосуда, два бронзовых сосуда (миска и ситула?), бронзовый дугообразный рожок (длиной 15 см, заполненный внутри сероватой массой), кинжал, цилиндрическая миниатюрная бусина, обломки листовой бронзы (от пояса?), спиралька в 5 оборотов, 8 обрывков золотой фольги, 17 сердоликовых бусин различного размера, обломки железных предметов. Поза погребенного, если здесь не имело место вторичное погребение, не восстанавливалась, хотя А.Л. Лукин предполагал его скорченный характер на правом боку. Конечно, такие комплексы, как следует из описания, в значительной степени разрушенные, не могут не считаться ущербными.

В погребении 1979 г. из с. Абгархук костяк вообще не был прослежен. Во многих случаях (погребение 1960 г. из г. Гудаута (Бамборской поляны), погребение 1970 г. из с. Ачандара, Шубарские находки 1974 г. (инвентарь нескольких, по мнению автора публикации, двух, разрушенных погребений), верхний слой дольмена № 7 в Верхней Эшере, погребение 1951 г. из с. Колхида) известно лишь о находке, вместе с бронзовым инвентарем, человеческих костей. Только об инвентаре сообщается в публикации погребения 1976 г. из с Ачадара. Мало известно об обряде погребения 1953 г. из Верхней Эшеры: обломки костей были «предельно утлы и чрезвычайно раздроблены, причем поверхности изломов несвежие» (*Лукин*, 1956. С. 127), поэтому не исключено, что захоронение было вторичным. О погребальном обряде захоронения из поселка Чобанлук в с. Анухва (1917 г.) мы знаем только то, что останки погребенного были «обложены» бронзовым листом (*Лукин*, 1956. С. 129). Возможно, это также было вторичное погребение (так как останки, захороненные в урне из Куланурхвы (вторичное захоронение), аналогичным образом были обложены бронзовыми поясами, то сходство между этими двумя памятниками несомненно), но говорить об этом с какой-либо уверенностью нельзя.

Из описания погребения 4 в Бамборском поселении, положение костяка, находящегося в округлой яме диаметром 60 см неясно; судя по размерам ямы, это также вторичное погребение (*Бжания, Габелия*, 1990. С. 5). Сообщалось о наличии каменного ящика в погребении у СухумГЭС, но положение костяка в данном случае осталось неизвестным.

Погребение 1929 г. из Аагсты было совершено в обложенной камнями подпрямоугольной яме, вытянутой с востока на запад, с заметным отклонением к северо-западу и представляло собой либо вторичное захоронение, либо ингумацию. Утверждение А.Л. Лукина (1941. С. 38) о наличии здесь скорченного на боку костяка не вполне подтверждается описанием и планом захоронения (*Лукин*, 1941. С. 30–32). Главным аргументом в пользу предположения исследователя является находка парных браслетов, надетых, по его мнению, на берцовые кости и лежащих рядом друг с другом. Ничем не обосновано и утверждение Г.К. Шамба о вытянутом трупоположении на спине в этом погребении (*Шамба*, 1984. С. 58).

Погребение, обнаруженное в 2002–2003 гг. на холме Осиа-рху в Куланурхве, являлось вытянутым трупоположением на спине, с западной ориентацией (*Хондзия, Бжания*, 2004. С. 200–201). Любопытно, что пояс с пряжкой и ещё одна круглая умбоновидная пряжка находились не в районе пояса, а у головы погребенного. Как отмечалось выше, тот же обряд, с ориентацией на юго-запад, мы видим в погребении 1 могильника Куланурхва. Домини-

рует этот обряд и в Красномаякском могильнике. Не исключено, что в этих памятниках устойчивая ориентация погребенного головой на запад, северо-запад, юго-запад соответствовала его ориентации в сторону моря, которое находится именно в том направлении.

Наличие в бзыбской колхидской культуре вторичных захоронений – несомненно, что подтвердил, в частности, обнаруженный Гудаутской археологической экспедицией ИА РАН и АбИГИ в 2003 г. комплекс из с. Абхархук. Данный погребальный комплекс с бронзовыми пекторалью, орнаментированным топором, гривной, пинцетом, наконечником копья должен считаться престижным, в отличие от подавляющего большинства вторичных погребений Красномаякского могильника. Как известно, вторичное погребение является культурно значимым маркером древнего населения Восточного Причерноморья, и в этом качестве было описано (в двух версиях) античными авторами (*Скаков*, 2007. С. 217).

Часть комплексов представляет собой урновые захоронения. Это три урновых захоронения 1930 г. из Нижней Эшеры, погребение 1934 г. из Нижней Эшеры (останки погребенного были обернуты тканью), два погребения 1970 г. с Холма Верещагина, два погребения 1926 г. из Приморского (участок Репях), погребение 1969 г. из Звандрипша, погребение 1947 г. из Красномаякского могильника, погребение 1969 г. из Куланурхвинского могильника, комплекс 1991 г. из Джирхуа. В последнем случае дно погребальной ямы было выложено уплощенными булыжниками.

Кроме того, урновыми являются многие (в общей сложности, 25 или 26 погребений по данным на 1991 г.) захоронения Гагринского могильника (погребения 1-63, 3-63, 4-63, 5-63(?), 8-63, 1-79, 3-79, 5-79, 6-79, 1, 5, 9, 15, 17а, 21, 22, 23, 29, 30, 39, 47, 49, 51, 56, 58, а также погребение 1971 г.), относящегося к локальному варианту бзыбской культуры (*Воронов, Гунба*, 1978. С. 257, 258; *Бжания, Бжания*, 1991; *Бжания*, 2010). При этом в большинстве «урновых» погребений Гагринского могильника под сосудом, перевернутом вверх дном, лежал только череп, а остальные немногочисленные кости находились рядом, в могильной яме размерами 0,5–0,9 или 0,7–0,8 м и глубиной 0,6–0,8 м. В двух случаях дно ямы было выложено камнями. Аналогичное погребение с лежащим в сосуде черепом было обнаружено на стоянке Псоу I в устье реки Псоу (*Воронов*, 1979б. С. 44. Рис. 18, *1*). В двух случаях (погребение 1 1979 г., а также еще одно погребение по данным на 2009 г.), напротив, горшок укрывал кости, а помещенный на плоском камне череп лежал рядом. В ряде случаев отмечено захоронение исключительно черепа в сосуде, помещенное в небольшой яме диаметром 0,4 на 0,6 м. Собственно урновыми захоронениями можно считать только те погребения, в которых

керамическими сосудами укрыты как череп, так и другие сохранившиеся останки. Любопытно, что останки при этом оборачивались органическим материалом (кожа, шерсть, войлок, ткань) (*Бжания*, 2010. С. 67). Отдельно надо упомянуть встреченные в Гагре кенотафы (4 случая по данным на 2009 г.), когда под установленными в ямы керамическими урнами не было обнаружено ни человеческих останков, ни вещей.

Отметим, что по данным на 2009 г. в общей сложности 106 (на самом деле, 102, так как 4 кенотафа считать вторичными захоронениями некорректно) погребений Гагринского могильника являлись вторичными (*Бжания*, 2010. С. 65, 67). Часть из них (по данным на 1991 г. – 31 захоронение) (погребения 6-63, 9-63, 2-79, 4-79, 2, 5 (один из захороненных), 6, 8, 10, 11, 14, 16, 18, 19, 20, 24, 25, 26, 27, 34, 38, 40, 41, 43, 44, 45, 46, 48, 52, 53, 55) носила характер вторичных погребений в ямах-колодцах округлой или эллипсовидной формы размерами 0,7 × 0,8 или 1 × 0,7 м и глубиной 0,6–0,8 м; шесть из них (по данным на 1991 г. – погребения 4-79, 5, 14, 20, 40, 52) были парными. В парных погребениях известно использование для подстилки дна и перекрытия устья погребальной ямы крупных валунов уплощенной формы. В одном из парных погребений кроме валунной выкладки на дне отмечено укрытие одного из черепов керамической урной (*Бжания*, 2010. С. 66), таким образом, это захоронение можно отнести к промежуточному типу погребений. Кости конечностей иногда были уложены в форме «шалашика», череп помещался среди костей (в 7 случаях по данным на 2009 г.), поверх костей (в 3 случаях), рядом с костями (в 15 случаях). В ряде случаев часть костей погребенного сохраняла анатомическую последовательность (*Бжания*, 2010. С. 66).

Наконец, часть погребений (погребения 7-63, 10-63, 12-63, 3, 4, 7, 12, 13, 17, 28, 32, 33, 35, 36, 37, 42, 50, 54, 57 – всего 19, по данным на 2009 г. – 20) Гагринского могильника представляла собой вытянутое (в одном случае – скорченное) трупоположение, как правило, на спине, а в одном случае – на боку (погребение 3). Ориентировка костяков в этом памятнике различна, доминировали южный, юго-западный и северо-западный секторы, единичными случаями были представлены западная, северная, северо-восточная и восточная ориентации. Различным было и положение рук – на груди, на животе, одна на животе и одна на груди, обе на ключицах, одна согнута и одна вытянута, одна на животе и одна на плече, одна на ключице и одна на шее. В одном случае ноги погребенного были скрещены в щиколотках. Погребальные ямы имели овальную форму и размеры (в среднем) 0,7 × 1,7 м. Надмогильные сооружения отсутствовали. В двух случаях над черепом была помещена плита известняка, в нескольких случаях – валуны были уложены на дне могильной ямы по её углам или у изголовья. В одном захоронении над костяком был прослежен

Рис. 2. Основные погребальные памятники второй половины VII – III–II вв. до н.э. на территории Абхазии

тонкий тлен, ещё в одном – у ног погребенного обнаружено скопление угольков (*Бжания, Бжания*, 1991; *Бжания*, 2010. С. 64–68).

Таким образом, по своему погребальному обряду, пусть и достаточно своеобразному, Гагринский могильник соответствовал основным параметрам погребального обряда бзыбской колхидской культуры.

Бзыбская позднеколхидская культура (рис. 2) формировалась в условиях начала греческой колонизации черноморского побережья Северо-Западной Колхиды. Есть информация о находке фрагментов античной импортной керамики конца VII в. до н.э. на Красномаякском поселении на территории современного Сухума, рядом с одноименным могильником (*Воронов*, 1969. С. 50; 1980. С. 29; 1984. С. 262), но материалы этого памятника остаются практически неопубликованными. В результате мы сейчас можем апеллировать лишь к датирующимся первой половиной VI в. до н.э. нескольким фрагментам импортной керамики из Эшерского городища и поселения местной культуры на близлежащем Холме Верещагина (*Джопуа и др.*, 2004; *Шамба и др.*, 2004).

Как было подробно аргументировано Ю.Н. Вороновым[2], колонизация в этом районе происходила в условиях сокращения местного населения, уменьшения количества поселений и погребений, что, безусловно, облегчало задачу греческих поселенцев (*Воронов*, 1980. С. 35; 2006. С. 107–110). Очевидно, местная культура, переживавшая расцвет в VIII – первой половине VII вв. до н.э., затем, в середине – второй половине VII в. до н.э., погружается в состояние достаточно серьезного кризиса, в том числе, и демографического, что, вероятно, было связано и с затронувшими территорию современной Абхазии походами ранних кочевников.

Формирование новой, по сути, культуры – бзыбской позднеколхидской – шло на основе безусловной преемственности с традициями местной, более ранней культуры, при наличии явного импульса и постоянного воздействия со стороны греческих колонистов. При этом территория, занимаемая этой культурой, включала хору Диоскурии (район между устьем реки Кодор и Новым Афоном), то есть местное население, проживавшее здесь, относилось именно к бзыбской культуре, на что указывают материалы таких могильников, как Красный Маяк и Гуадиху. На северо-западе, как подтверждают исследования последнего десятилетия, территория бзыбской культуры включала в себя район между современными Адлером и Туапсе (*Мимоход и др.*, 2015; *Кудин, Кизилов*, 2016), являвшийся, вероятно, локальным вариантом, обладавшим своей спецификой.

К сожалению, за исключением могильников на территории хоры Диоскурии (Красный маяк и Гуадиху), а также нескольких других менее крупных памятников, большинство погребений бзыбской позднеколхидской культуры, опять же, обнаруженных случайно, представляют собой в лучшем случае достоверные комплексы предметов, и не содержат информации о погребальном обряде.

С погребальным обрядом Красномаякского могильника возникла явная путаница. Автор публикации материалов памятника М.М. Трапш, характеризуя погребальный обряд «старшей группы» захоронений могильника[3],

[2] По его подсчетам, на территории будущей хоры Диоскуриады, 30% выразительных комплексов датируются суммарно VIII–VII вв. до н.э. с пиком в первой половине VII в. до н.э.; 10% – VI в. до н.э.; 33% – V–IV вв. до н.э. с пиком во второй половине IV – первой половине III в. до н.э. (*Воронов*, 2006. С. 109).

[3] Выделение «старшей» и «младшей» групп было достаточно искусственным, по крайней мере, исследователь не успел его обосновать. Тем не менее, оно до сих пор продолжает «давить» на исследователей, рассматривающих эти погребения раздельно и использующих предложенную М.М. Трапшем отдельную нумерацию для погребений каждой из групп, что создает неизбежную путаницу.

утверждал, что 70% погребений имели вытянутое на спине положение костяка, а 6,5% – скорченное на правом боку (1969. С. 149). При этом, к примеру, погребение 4 было отнесено при характеристике погребального обряда к вытянутым, а в описании – к скорченным (*Трапш*, 1969. С. 85, 149). Но важнее другое – в описании погребений в подавляющем большинстве случаев отмечается, что костяк не сохранился, полностью истлел. Из более чем 150 погребений, только для десяти указано, что костяк вытянут (погребения 3, 12, 35, 36, 42, 58, 59, 128, 135, 137), а для девяти – что он скорчен (погребения 1, 2, 4, 9, 10, 13, 14, 50, 56). Почти для всех погребений, судя по могильным ямам, доминирует ориентировка на северо-запад; только в трех случаях определенно говорится об ориентировке на юго-восток (погребения 2, 3, 4); по одному – на восток (погребение 42) и на запад (погребение 56). Кроме того, можно уверенно сказать, что на Красномаякском могильнике к VI в. до н.э. полностью исчезают вторичные погребения в кувшинах-оссуариях или в округлых ямах-колодцах[4], но, с другой стороны, вытянутое трупоположение появляется здесь в более ранний период, раньше VI в. до н.э. (погребение 137), не позже первой половины VII в. до н.э. Отсутствие подробной информации о погребальном обряде не позволяет нам однозначно согласиться с мнением Г.А. Лордкипанидзе о том, что на рубеже VI–V вв. до н.э. вытянутая на спине ингумация вытесняет скорченные погребения, хотя на каком-то этапе эти два обряда сосуществуют (1978. С. 47, 50).

С могильником Гуадиху, также исследованном М.М. Трапшем (который и здесь без особых обоснований выделил «старшую и «младшую» группы погребений), путаницы гораздо меньше. Отметим лишь, что исследователь памятника датировал «старшую группу» погребений этого могильника VIII–VI вв. до н.э., а «младшую» – V–II в. до н.э. Г.А. Лордкипанидзе вполне обоснованно определил нижнюю дату могильника концом VII – началом VI вв. до н.э. (1978. С. 55). Здесь доминирует кремация на стороне с помещением праха в округлую яму-колодец (61 погребение), в меньшей степени представлено трупоположение (30 погребений). Как можно судить по шести ингумационным погребениям (погребения 11, 12, 14, 71, 72, 77), для которых есть схема (для погребения 72 – только фотография) и описание (видимо, сохранность костяков в других погребениях не позволяла дать четкую фиксацию обряда), костяки лежали вытянуто на спине и были ориентированы на запад (в двух случаях – погребения 11, 12 – на запад-юго-запад). Еще в трех случаях – погребения 16, 51, 83 – костяк был, вероятно, ориентирован на северо-запад).

[4] Если округлые ямы диаметром 0,7–0,8 м являлись остатками именно вторичных погребений, а не детских захоронений, как предполагал Г.А. Лордкипанидзе (1978. С. 47).

Г.А. Лордкипанидзе, опять же, предполагает, что кремационные погребения являлись женскими, а ингумационные – мужскими (1978. С. 56).

Третий некрополь этого времени, расположенный также в пределах хоры Диоскурии (где бы ее не размещать, но это отдельный вопрос) – могильник Сухумская гора (*Каландадзе*, 1954). Но здесь мы имеем информацию об обряде лишь 4 погребений из 14 обнаруженных, причем погребение 1 с вытянутым трупоположением на спине и ориентировкой на восток обычно относят к более раннему периоду. Впрочем, несмотря на наличие в комплексе этого погребения трех бронзовых топоров с прямым корпусом и молоточковидным обухом (тип II), форма и декор браслета заставляют нас датировать его в рамках VII в. до н.э. (*Каландадзе*, 1954. Рис. 9). Соответственно, можно говорить только о трех кремациях – двух в округлых ямах и одной в урне. По предположению Г.А. Лордкипанидзе, основанному на анализе погребального инвентаря, мужские погребения здесь были ингумационными, а женские (комплекс 7 и «кремационные погребения» 1 и 2) – кремациями (1978. С. 52–54).

Также в пределах хоры Диоскурии находились погребения, обнаруженные в районе Эшерского городища. Хорошо известно погребение 1968 г. (на месте его обнаружения, очевидно, находился могильник), с богатым инвентарем, датирующееся в пределах второй половины IV в. до н.э. (*Шамба*, 1972). Костяк был помещен на спине, вытянут, руки размещены на животе, ориентирован на юго-запад (в сторону моря). Не менее ярким и богатым комплексом является погребение 1977 г. с чернофигурной амфорой 530–520-х гг. до н.э. (*Шамба*, 1983; *Шамба и др.*, 2007. С. 164–167). Костяк был ориентирован на северо-восток, сопутствующее захоронение (мужское) имело северо-западную ориентировку, рядом были помещены три костяка лошадей с уздой, а также бычок и свинья. Отметим здесь, что на Красномаякском могильнике к погребению 7 второй половины VI – первой половины V вв. до н.э. (*Шамба и др.*, 2007. С. 170) примыкало захоронение черепа коня (погребение 8) с уздой и колокольчиком «казбекского типа» (в погребении 1977 г. узду сопровождали также колокольчики этого типа).

В 2003 г. на верхней площадке Эшерского городища были обнаружены два или три захоронения, в том числе, погребение 2 с женским костяком, ориентированным на север – северо-запад, датированное второй половиной V – IV вв. до н.э. (*Шамба и др.*, 2004; 2005).

Упомянем также погребальные памятники эпохи эллинизма – могильник (6 захоронений) III в. до н.э. на верхней площадке Эшерского городища (*Шамба*, 1977) и погребение 1934 г. с близлежащего «Холма Верещагина» (*Куфтин*, 1949. С. 21–99), датируемое Ю.Н. Вороновым второй половиной

III – первой половиной II в. до н.э. (2006. С. 86). Хотя эти комплексы уже не относятся к бзыбской позднеколхидской культуре, наличие в них черт, восходящих к ней, при несомненной преемственности населения, не вызывает сомнений. В могильнике на Эшерском городище в достаточной степени сохранились три захоронения: в женском погребении 1 лежащий на спине костяк был ориентирован на юг (с небольшим отклонением к востоку), в мужских погребениях 2 и 5 костяки (также лежащие на спине) – ориентированы на запад (с небольшим отклонением, соответственно, к югу и северу). Показательно, что положение рук у погребенных неустойчиво: вдоль туловища (погребение 1), скрещены на груди (погребение 2), положены на живот (погребение 5). В захоронении на Холме Верещагина (рядом располагалось кремационное погребение в амфоре, относящееся к тому же времени) погребенный лежал на спине и был ориентирован на северо-восток, левая рука помещена на животе, кисть правой находилась у лицевых костей. Также к III–II вв. до н.э. отнесли захоронение по обряду кремации (1969 г.) в горшке-оссуарии у Холма Верещагина (*Шамба*, 1973. С. 187–188).

В собственно Бзыбской Абхазии, как правило, захоронения по-прежнему носят «приусадебный» характер, поэтому крупные могильники отсутствуют. На могильнике Куланурхва из 13 захоронений к интересующему нас времени (VI–V вв. до н.э.) относятся погребения 3, 4 и 5, 10 и 12 (*Трапш*, 1970. С. 98–168). Погребение 4 является конским, оно расположено в 7 м к югу от связанного с ним погребения 5. В разрушенном погребении 10 кроме костей погребенного также находились конские останки. О погребальном обряде можно говорить для погребений 3 и 5 – костяк лежал на спине, с вытянутыми вдоль туловища руками, ориентирован на юго-запад (к морю), а также для погребения 12 – костяк лежал на спине, ориентирован на северо-запад.

Практически во всех других случаях мы можем с некоторой степенью условности предполагать принадлежность находок к одному погребальному комплексу, но информации непосредственно о самом обряде – мы, к сожалению, не имеем. Можно только упомянуть погребения 1 и 2 на горе Яштхва близ Сухума, со скорченным на боку трупоположением (*Квирквелия*, 1978), традиционно датируемые в пределах VI–IV вв. до н.э. В погребении 1940 г. на холме Ахул-абаа близ Сухума костяк был ориентирован на запад и, видимо, лежал на спине (*Воронов*, 1979а. С. 34–35. Рис. 26). Там же в 1968–1969 гг. были найдены остатки кремационного погребения в урне III–II вв. до н.э. (*Воронов*, 1979а. С. 35). В погребении 1 в поселке Цоухуа села Ачандара погребенная (на спине?) женщина лежала головой на северо-запад (*Шамба*, 1996. С. 49). В поселке Тасракуа села Абгархук в 2013 г. местными жителями обнаружено и частично разграблено элитное погребение второй половины VI –

первой половины V вв. до н.э., с ингумацией, на спине (очевидно, мужское), головой на юг, и сопутствующим конским захоронением (*Хондзия*, 2016; *Скаков и др.*, В печати). В близлежащем к с. Абгархук селении Куланурхва, в поселке Осиа-рху, были обнаружены два погребения интересующего нас времени, с лежащими на спине костяками, ориентированными на запад (*Хондзия*, 2000; 2012. С. 7). В погребении с поселения Кистрик (Бамборское) известны только размеры и форма могильной ямы – 100 × 50 см, овальная; кости же не сохранились (*Бжания и др.*, 1982. С. 12, 13). В погребении середины I тыс. на Тамышском поселении (1987 г.) костные останки не сохранились, погребальная яма размерами 2,4 × 0,75 × 1,05 м была ориентирована с северо-запада на юго-восток (*Бжания, Сангулия*, 1989. С. 75). Аналогична ситуация с погребением 1984 г. из с. Атара (IV–III вв. до н.э., по мнению публикатора): костные останки отсутствуют, яма размерами 2,3 × 1,2 м была ориентирована с северо-запада на юго-восток (*Квициния*, 1989. С. 79, 80). Наконец, яркий комплекс находок Шубара-2 (*Шамба и др.*, 1989; *Шамба*, 2000. С. 103–105. Табл. 68) относится не к разрушенным поселению и могильнику, как предполагали авторы публикаций, а к кремационному коллективному захоронению в погребальной яме крупного размера, границы которой просто не были определены исследователями. Этот погребальный обряд находит полные аналогии на могильнике Джантух, а обнаруженный инвентарь имеет черты как бзыбской позднеколхидской культуры, так и джантухско-лариларского варианта ингуро-рионской колхидской культуры (*Скаков*. 2008а. С. 93; 2011. С. 105–106).

Как мы видели, сопутствующие захоронения коней (или конских черепов с уздой) встречены в погребениях 4 (5) и 10 из Куланурхвы, погребениях 7 (8) из Красного маяка, комплексе 1977 г. из Нижней Эшеры. Наиболее ранним из их является комплекс из Куланурхвы (погребения 4, 5), который по узде и оружию можно датировать в рамках второй половины VII – первой половины VI вв. до н.э. Погребения 7 (8) из Красного маяка датируются второй половиной VI – первой половиной V вв. до н.э., а комплекс из Нижней Эшеры – концом VI в. до н.э. Таким образом, захоронения с конями из Абхазии не образуют единого хронологического пласта и являются чертой погребального обряда местной элиты на протяжении не менее чем столетия.

К следующему хронологическому периоду относятся погребения III–II вв. до н.э. из с. Мгудзырхуа (Аагста) (*Бжания*, 2000. С. 22. Рис. 3, *2, 3*), с. Калдахуара[5] (*Барцыц*, 2003) и с западной окраины г. Гудаута (*Габелия*, 2002). В погребении из Калдахуара костяк лежал на спине, головой на север, в погребе-

[5] Это погребение, очевидно, относится к III–II вв. до н.э., а не к V–IV вв. до н.э., как считал автор публикации комплекса.

нии из Гудауты – на спине, головой на запад, в погребении из Мгудзырхуа – на спине, головой на юго-восток, с перекрещенными ногами.

Таким образом, при анализе всей совокупности данных о погребальном обряде данного региона в эпоху ранней античности, в самом деле, можно предполагать, что со временем вытянутые погребения на спине начинают преобладать, вытесняя иные формы погребального обряда, в первую очередь – скорченные погребения. К VI в. до н.э. исчезают вторичные захоронения. Спорадически на всем протяжении данного хронологического периода продолжают встречаться кремационные погребения в оссуариях.

Ориентировка костяков неустойчива, но преобладает западная, юго-западная и северо-западная. Крайне неустойчиво и положение рук погребенного. Обращает на себя внимание значительная вариабельность погребального обряда как в рамках одного микрорегиона, так и в рамках одного могильника. Несмотря на исчезновение вторичных захоронений, преемственность погребального обряда по отношению к предшествующему периоду (*Скаков*, 2008б. С. 17; *Мимоход и др.*, 2015. С. 92) не вызывает сомнений.

Появление в бзыбской позднеколхидской культуре обряда кремации в эпоху ранней античности следует, на наш взгляд, связать с воздействием на нее со стороны ингуро-рионской колхидской культуры. Формирование последней сейчас относят ко второй половине II тыс. до н.э. (*Папуашвили*, 2011. С. 86), что было подтверждено обнаружением нижнего уровня погребальной ямы 6 Джантухского могильника, достаточно надежно датируемого в рамках XIII–XI вв. до н.э. (*Скаков*, 2011а. С. 122. Рис. 1). Проблема состояла, скорее, в определении хронологии позднейшей группы погребальных ям ингуро-рионской колхидской культуры, которые можно было бы соотнести с бзыбской позднеколхидской культурой, но, по устоявшейся хронологической схеме, она доживает только до начала VI в. до н.э., то есть практически не сосуществует с периодом греческой колонизации Восточного Причерноморья (*Папуашвили*, 2011. С. 82–83, 86). Исследования Джантухского могильника позволяют уверенно говорить о доживании погребального обряда ингури-рионской культуры до II в. до н.э., что подтверждается находками многочисленного античного импорта и местного подражания статеру Александра Македонского раннего типа (*Скаков*, 2012; *Скаков и др.*, 2016). Очевидно, исчезнув или трансформировавшись (вероятно, именно о такой трансформации свидетельствуют упомянутые нами выше материалы могильника Балан) в приморской и равнинной части Западного Закавказья, племена ингуро-рионского варианта удержали контроль над горной частью региона (могильники Джантух, Шубара-2, Ларилари). Отметим специфику этих памятников, поскольку и до этого они представляли собой локальный

вариант ингури-рионской культуры, тесно связанный, благодаря перевальным коммуникациям, с Северным и Центральным Кавказом.

При этом, судя по материалам могильника Джантух, на протяжении тысячелетия, погребальный обряд ингуро-рионской культуры (или данного её варианта) меняется (при сохранении вторичного обряда погребения): не ранее конца VIII – начала VII вв. до н.э. на смену обряду «кремация на стороне» приходит «кремация на месте».

Две погребальные ямы (V–IV и IV–III вв. до н.э.) демонстрируют и такую особенность обряда, как существование «тайников», своего рода, жертвенных комплексов – созданных до начала использования могильного сооружения небольших ям, заполненных сожженным бронзовым и железным инвентарем определенных категорий и типов, и замазанных затем материковой глиной. Еще одной «новацией» стало создание вместо погребальной ямы – погребально-поминальной площадки с каменными вымостками, где кости и вещи помещались либо на уровне камней, либо непосредственно под ними. Отметим еще и то, что соседние участки могильника, являясь синхронными, принадлежали, видимо, разным общинам и родовым группам, на что указывают различия в инвентаре и в обряде. Важной чертой материальной культуры населения джантухско-лариларского локального варианта ингури-рионской культуры можно считать также нарочитую архаизацию, когда продолжают использоваться типы вещей (украшений и т.д.), давно вышедшие из употребления на соседних территориях.

Можно считать, что исследование Джантухского могильника не только закрыло «белое пятно» на археологической карте региона эпохи поздней бронзы – раннего железа, но и позволило восстановить связующее звено между археологическими культурами Западного Закавказья и Северного Кавказа. Нами уже обращалось внимание на заметные серии разнотипных предметов, в первую очередь, украшений, маркирующих связи между племенами джунтухско-лариларского варианта ингури-рионской культуры и западнокобанской культурой; при этом ведущую роль играл маршрут, проходивший через относительно открытое (на равнину) Баксанское ущелье (*Скаков*, 2006г; 2009. С. 162–168). Кроме того, именно в этот период, в VII–VI вв. до н.э., в Баксанском ущелье и на прилегающих территориях появляется целая группа могильников с кремацией, сходных по погребальному обряду и некоторым типам инвентаря с Джантухским. Это Бедык (*Батчаев*, 1985. С. 10–11), Карабашевский курган (*Любин*, 1964), Мужглы (Булунгу) (*Алексеева*, 1961. С. 201–202), могильник на горе Донгат (Верхний Чегем) (*Алексеева*, 1961. С. 197–198).

Недавно появилась возможность говорить об еще одном свидетельстве культурного воздействия джантухско-лариларских племен на население со-

временного Баксанского ущелья: при исследовании могильника Заюково-3 (Гунделен) были выявлены явные признаки вторичного обряда погребения. Судя по предварительным публикациям, в большинстве случаев человеческие останки помещались в погребения не в полном составе, «существенной части костей недоставало»; а в погребении 2 кости покойного были разломаны, «порой до состояния мелкой крошки, и уложены в могилу в анатомическом порядке» (*Кадиева, Демиденко*, 2016. С. 79–80). Как предполагают авторы раскопок, не являющиеся, к сожалению, специалистами по данному хронологическому периоду: «мы имеем дело с постмортальными манипуляциями с телами», «тела погребенных извлекались из могилы спустя значительный период после разложения трупа», «каменный заклад над погребениями после разрушения восстанавливался» (Там же. С. 79). Все это не представляется убедительным, тем более, что следы разрушения и восстановления заклада, в принципе, возможно уловить и зафиксировать при исследовании погребения, но этого сделано не было. Напротив, даже судя по плану погребения 11 (Там же. Рис. 1), речь должна идти о помещении в могилу инвентаря совместно лишь с некоторыми костями погребенного. Было бы просто невозможно разобрать каменный заклад (и потом его аккуратно восстановить), изъять большую часть костей, и не потревожить аккуратно уложенные здесь предметы, включая, в частности меч и два скопления стрел. Как указывают сами авторы, «костяк подростка был практически полностью уничтожен, однако бронзовый пояс и фибула лежали на своих местах» (*Кадиева, Демиденко*, 2017. С. 167). Можно только предложить авторам раскопок самостоятельно провести подобный эксперимент…

Кроме того, в нескольких захоронениях могильника погребенные «были уложены вытянуто на спине, что нехарактерно для кобанской культуры», но искать здесь, как это делают авторы раскопок, «продолжение традиций северо-кавказской археологической культуры» (*Кадиева, Демиденко*, 2017. С. 166, 171), отстоящей более чем на тысячелетие от периода функционирования могильника, я бы не стал. Как мы видели, вытянутое трупоположение на спине также хорошо известно в бзыбской колхидской культуре. Таким образом, целая серия признаков указывает на воздействие погребальных традиций «колхидских» племен на обряды населения прилегающих районов Северного Кавказа, при этом здесь вряд ли может идти речь о каких-либо миграциях крупных групп населения из-за южного склона Главного Кавказского хребта. По моему мнению, логичнее говорить об активном взаимодействии в обоих направлениях, причем это могли быть как торговые или родственные связи, так и перемещение групп кочевников или иных вооруженных формирований (*Скаков*, 2009. С. 168).

Теперь, уточнив характер северных связей, насущной необходимостью становится детальное изучение механизмов контактов местного населения с греческими колонистами, взаимодействия культурных ареалов горной части региона и приморской равнины.

ЛИТЕРАТУРА И АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Алексеева Е.П., 1961. Археологические раскопки в районе села Верхний Чегем в 1959 г. // Сборник статей по истории Кабардино-Балкарии. Выпуск девятый. Нальчик. С. 193–204.

Бажан И.А., 2011. Археологические предметы из случайных находок на территории Восточной Европы 2009–2011 гг. Альбом древностей // КСАН (Корпус случайных археологических находок). Вып. 1. М.: Ваш полиграфический партнер. 211 с.

Барамидзе М.В., 1977. Мерхеульский могильник. Тбилиси: Мецниереба. На груз. яз., русск. резюме. 84 с.

Барамидзе М.В., Пхакадзе Г.Г., 1977. Археологические разведки в Абхазии // АО 1976 года. М. С. 464–465.

Барамидзе М.В., Пхакадзе Г.Г., Квирквелия Г.Т., Квициния В.К., 1979. Археологические разведки в Абхазской АССР // Полевые археологические исследования в 1976 году. Тбилиси: Мецниереба. С. 77–82.

Барамидзе М.В., Чигошвили Т.Э., Квирквелия Г.Т., Джибладзе Л.В., Хубутиа Г.П., 1985. Основные итоги работ археологической экспедиции Абхазии // Полевые археологические исследования в 1982 году. (Краткие сообщения). Тбилиси: Мецниереба. С. 40–44.

Барцыц Р.М., 2003. Погребение воина из села Калдахуара // Абхазоведение. История. Археология. Этнология. II / Гл. ред. О.Х. Бгажба. Сухум: Алашара. С. 49–53.

Березин Я.Б., Дударев С.Л., 1998. Могильник «Лермонтовская скала (у реки)» – памятник раннего железного века Пятигорья // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. I. Археология / Отв. ред. А.Б. Белинский. Ставрополь. С. 167–209.

Березин Я.Б., Каминский В.Н., Малашев В.Ю., 2012. Татарское городище и формирование памятников типа Татарка-Вербовка. М.: ТАУС. 206 с.

Бжания В.В., 1967. История археологического изучения памятников энеолита и ранней бронзы в Абхазии // Материалы по археологии Абхазии / Ред. М.М. Трапш. Тбилиси: Мецниереба. С. 99–114.

Бжания В.В., Кобахия Б.С., Хибба З.А., 1982. Охранные раскопки Кистрика // Археологические открытия 1980 года в Абхазии / Ред. Г.К. Шамба. Тбилиси: Мецниереба. С. 12–14.

Бжания В.В., Габелия А.Н., 1990. Результаты исследования Бамборского поселения // Археологические открытия в Абхазии (1986–1987) / Отв. ред. Г.К. Шамба. Тбилиси: Мецниереба. С. 3–5.

Бжания В.В., Бжания Д.С., 1991. Древний могильник в Гагре. Сухуми: Алашара. 69 с.

Бжания В.В., Бжания Д.С., Хондзия З.Г., Агумаа А.С., 2004. Погребальный комплекс Осиа-рху, в селе Куланырхуа // Абхазоведение. История. Археология. Этнология. III / Гл. ред. О.Х. Бгажба. Сухум: Алашара. С.30–39.

Бжания Д.С., 2000. Мгудзырхуское поселение и некоторые находки из различных пунктов Абхазии. // Абхазоведение. История, этнология, археология. 1 / Гл. ред. Г.К. Шамба. Сухум: Алашара. С. 20–33.

Бжания Д.С., 2004. Работы в городе Гагра // АО 2003 года. М.: Наука. С. 517–519.

Бжания Д.С., 2007. Исследования Гагрской экспедиции // АО 2005 года. М.: Наука. С. 570–571.

Бжания Д.С., 2010. Погребальный обряд Северо-Западной Абхазии в эпоху поздней бронзы (на примере Гагрского могильника) // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников и культур Северного Кавказа. XXVI «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Тезисы докладов междунар. науч. конф. / Отв. ред. М.Б. Мужухоев. Магас: ООО «Пилигрим». С. 64–68.

Бжания Д.С., Сангулия Г.А., 1989. Погребение раннеантичного времени из села Тамыш // Вопросы археологии Абхазии. Материалы юбилейной научной сессии АИЯЛИ им. Д.И. Гулиа, посвященной 70-летию М.М. Трапша. Сухуми: «Алашара». С. 75–78.

Бжания Д.С., Скаков А.Ю., 2004. Новые находки колхидской бронзы из Абхазии // Памятники археологии и древнего искусства Евразии / Отв. ред. А.Н. Гей. М.: ИА РАН. С. 335–343.

Бочкарев В.С., 2002. Проблема интерпретации европейских кладов металлических изделий эпохи бронзы // Клады: состав, хронология, интерпретация. Мат-лы тематич. науч. конф. // Отв. ред. Д.Г. Савинов. СПб.: Б/и. С. 45–54.

Вальчак С.Б., 1997. Предскифские колесницы и «новочеркасские клады» (некоторые дополнения к проблеме) // Памятники предскифского и скифского времени на юге Восточной Европы. Материалы и исследования по ар-

хеологии России. Вып. 1 / Отв. ред. Р.М. Мунчаев, В.С. Ольховский. М.: ИА РАН. С. 40–56.

Воронов Ю.Н., 1969. Археологическая карта Абхазии. Сухуми: Алашара. 95 с.

Воронов Ю.Н., 1979а. Ахул-абаа – поселение античного времени в окрестностях Сухуми // Материалы по археологии Абхазии. Ред. Отар Лордкипанидзе. Тбилиси: Мецниереба. С. 32–36.

Воронов Ю.Н., 1979б. Древности Сочи и его окрестностей. Краснодар: Краснодарское книжное издательство. 125 с.

Воронов Ю.Н., 1980. Диоскуриада-Себастополис-Цхум. М.: Наука. 127 с.

Воронов Ю.Н., 1984. Рецензия на Онайко Н.А. Архаический Торик. Античный город на северо-востоке Понта. М., 1980. // СА. № 2. С. 260–263.

Воронов Ю.Н., 2006. Колхида в железном веке. Вопросы хронологии и интерпретации памятников VIII в. до н.э. – VIII в. н.э. // Научные труды. Том I. Сухум: Абхазский институт гуманитарных исследований. С. 11–292.

Воронов Ю.Н., Вознюк А.С., 1975. Новые археологические находки в Гудаутском районе Абхазской АССР // СА. № 2. С. 268–274.

Воронов Ю.Н., Гунба М.М., 1978. Новые памятники колхидской культуры в Абхазии // СА. № 2. С. 257–264.

Габелия А.Н., 2002. Античное погребение в Гудауте // Историко-археологический альманах. Вып. 8 / Отв. ред. Р.М. Мунчаев. Армавир; М. С. 49–50.

Гогадзе Э.М., Давлианидзе Ц.О., 1981. Горадзири. Тбилиси: Мецниереба. На груз. яз., русск. резюме. 96 с.

Гунба М.М., 1978. Погребение эпохи поздней бронзы из с. Ачадара // Известия Абхазского института языка, литературы и истории. VII / Отв. ред. Г.А. Дзидзария. Тбилиси: Мецниереба. С. 174–177.

Давудов О.М., 2013а. О хронологии археологических находок из Чадаколоб (Дагестан) // Фундаментальные науки. № 11–4. Пенза: Издательский Дом «Академия естествознания». С. 795–800.

Давудов О.М., 2013б. Археологические находки из селения Чадаколоб // Вестник Института истории, археологии и этнографии. № 2. Махачкала. С. 84–97.

Джопуа А.И., 2009. Центральная Абхазия в I тысячелетии до н.э. по археологическим памятникам села Эшера (Абхазия). Автореф. дисс. … канд. ист. наук. М. 23 с.

Джопуа А.И., Ксенофонтова И.В., Эрлих В.Р., Шамба Г.К., 2004. Новые находки архаической греческой керамики из района Диоскурии // Боспор-

ский феномен: Проблемы хронологии и датировки памятников. Мат-лы междунар. науч. конф. / Отв. ред. В.Ю. Зуев. СПб.: Издательство Государственного Эрмитажа. С. 51–56.

Джопуа А.И., Мимоход Р.В., Скаков А.Ю., Клещенко А.А., 2009. Новые поселения эпохи бронзы – раннего железа на территории Имеретинской низменности и их место в системе поселенческих древностей Северо-западного Закавказья // Пятая Кубанская археологическая конференция / Отв. ред. И.И. Марченко. Краснодар. С. 90–93.

Доманский Я.В., 1978. Пополнение коллекции древнекавказских бронз Эрмитажа // Сообщения ГЭ. Вып. XLIII. Л.: Аврора. С. 72–74.

Доманский Я.В., 1979. Новый комплекс колхидской культуры из Абхазии // Труды ГЭ. Том XX. Л.: Искусство. С. 23–36.

Дударев С.Л., 2001. О дискуссионных вопросах изучения предскифского периода на Северном Кавказе и в Юго-Восточной Европе // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Выпуск II. Археология, антропология, палеоклиматология / Гл. ред. А.Б. Белинский. М.: Памятники исторической мысли. С. 84–92.

Дударев С.Л., 2002. Ещё раз о времени появления на Кавказе шлемов ассирийского типа // Античная цивилизация и варварский мир. (Мат-лы 8-го археол. семинара Краснодар, 13–15 июня 2001 г.) / Отв. ред. Б.А. Раев. Краснодар: Комитет по охране, реставрации и эксплуатации историко-культурных ценностей (наследия) Краснодарского края. С. 27–31.

Иванчик А.И., 2000. О так называемых «передневосточных» шлемах, найденных на Кавказе // Археология, палеоэкология и палеодемография Евразии / Отв. ред. В.С. Ольховский. М.: ГЕОС. С. 203–225.

Иващенко М.М., 1935. Исследование архаических памятников материальной культуры в Абхазии // Известия НИИ кавказоведения им. академика Н.Я. Марра при ЗакЦИК. Вып. 3. Тифлис. 86 с.

Кадиева А.А., Демиденко С.В., 2016. Могильник Заюково-3 (Гунделен) по материалам раскопок Объединенной Северокавказской археологической экспедиции в 2014 г. // Изучение и сохранение археологического наследия народов Кавказа. XXIX Крупновские чтения. Мат-лы междунар. науч. конф. Грозный, 18–21 апреля 2016 г. / Отв. ред. М.Х. Багаев, Х.М. Мамаев. Грозный: Чеченский гос. ун-т. С. 79–81.

Кадиева А.А., Демиденко С.В., 2017. Раскопки комплекса археологических памятников близ селения Заюково (Кабардино-Балкарская республика) // Вестник РФФИ. Гуманитарные и общественные науки. № 2. М. С. 164–171.

Каландадзе А.Н., 1953. Археологические памятники Сухумской горы. Сухуми: АБГИЗ. На груз. языке, русск. резюме. 101 с.

Квирквелия Г.Т., 1978. Погребение раннеантичного времени на горе Яштхва // Вопросы археологии Грузии. Вып. I. Тбилиси: Мецниереба. С. 74–80. На груз. яз., русск. резюме.

Квициния В.К., 1989. Об одном раннеэллинистическом погребении в с. Атара // Вопросы археологии Абхазии. Материалы юбилейной научной сессии АИЯЛИ им. Д.И. Гулиа, посвященной 70-летию М.М. Трапша. Сухуми: Алашара. С. 79–81.

Козенкова В.И., 2008. О процессах пространственной подвижности границ ареала кобанской культуры // Проблемы современной археологии. Сборник памяти В.А. Башилова / Отв. ред. М.Г. Мошкова. М.: ТАУС. С. 69–95.

Коридзе Д.Л., 1965. К истории колхской культуры. Тбилиси: Мецниереба. На груз. яз., русск. резюме. 167 с.

Крупнов Е.И., 1952. Жемталинский клад. Труды ГИМ. Серия «Памятники культуры». М.: ГИМ. 36 с.

Кудин М.И., Кизилов А.С., 2016. Случайные находки колхидо-кобанских древностей на территории г. Сочи и прилегающей части Туапсинского района // VI «Анфимовские чтения» по археологии Западного Кавказа. Проблемы изучения погребального обряда народов Западного Кавказа в древности и средневековье. Мат-лы междунар. археол. конф. / Ред. Р.Б. Схатум, В.В. Улитин. Краснодар: ИП Смородин. С. 139–147.

Куфтин Б.А., 1949. Материалы к археологии Колхиды. Т. I. Тбилиси: Техника да шрома. 360 с.

Лордкипанидзе Гурам, 1978. Колхида в VI–II вв. до н.э. Тбилиси: Мецниереба. 170 с.

Лукин А.Л., 1941. Материалы по археологии Бзыбской Абхазии // Труды Отдела истории первобытной культуры. Т. I / Ред. А.А. Иессен. Л. С. 17–97.

Лукин. А.Л., 1956. Эшерская находка // Труды Абхазского института языка, литературы и истории. Вып. XXVII. Сухуми. С. 126–177.

Любин В.П., 1964. Находки скифской эпохи в Карачаево-Черкесии // Труды Карачаево-Черкесского научно-исследовательского института. Выпуск IV (серия историческая). Ставрополь. С. 253–261.

Майсурадзе В.Г. Инанишвили Г.В., 2004. Святилище Шилда, культовый памятник из Кахетии (Грузия) // РА. № 4. С. 38–51.

Маан О.В., 2006. Абжуа. Историко-этнологические очерки Очамчирского района Абхазии. Сухум: Дом печати. 595 с.

Марков Н.И., Марков Д.Н., б.г. Тайны древних верований. Языческие святилища на территории Сочинского национального парка. Сочи. 52 с.

Материалы защиты..., 2011 – Материалы защиты Ю.Н. Вороновым диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. Подго-

товлены к печати А.Ю. Скаковым и В.Н. Чхаидзе. // Проблемы археологии Кавказа (К 70-летию Ю.Н. Воронова). Сб. мат-ов междунар. науч. конф., посвященной 70-летию Ю.Н. Воронова (10–11 мая 2011 г., г. Сухум) / Отв. ред. А.Ю. Скаков. Сухум: АбИГИ. С. 202–298.

Микеладзе Т.К., 1985. Колхидские могильники эпохи раннего железа (Урекский и Нигвзианский могильники). Тбилиси: Мецниереба. На груз. яз., русск. резюме. 133 с.

Миллер А. 1909. Разведки на Черноморском побережье Кавказа в 1907 году // Известия Императорской Археологической комиссии. Вып. 33. СПб. С. 71–102.

Мимоход Р.А., Скаков А.Ю., Клещенко А.А., 2015. Могильник эпохи раннего железа Веселое 2 (предварительная публикация) // Города, поселения, могильники (Сборник статей). Материалы охранных археологических исследований. Вып. 17 / Отв. ред. А.В. Энговатова, З.Х. Албегова (Царикаева). Чебоксары: Перфектум. С. 78–99.

Мошинский А.П., Скаков А.Ю. 2008. Кобано-колхидская культурно-историческая общность: внутренняя структура и отражающие её понятия // В.Ф. Миллер и актуальные проблемы кавказоведения. (I Всероссийские Миллеровские чтения). Тез. докл. / Отв. ред. З.В. Канукова. Владикавказ: Изд-во Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований (СОИГСИ). С. 28–29.

Новиченкова Н.Г., 2015. Горный Крым: II в. до н.э. – II в. н.э. По материалам раскопок святилища у перевала Гурзуфское Седло. Симферополь: Н.Оріанда. 215 с.

Окропиридзе Н.И., Барамидзе М.В., 1974. Палурское «Садзвле». (Итоги работ 1968 г.) // Материалы по археологии Грузии и Кавказа. Вып. VI. Тбилиси: Мецниереба. С. 95–123. На груз. яз., русск. резюме.

Папуашвили Р., 2011. К вопросу об абсолютной хронологии могильников Колхиды эпохи поздней бронзы – раннего железа // Вопросы древней и средневековой археологии Кавказа / Отв. ред. Х.М. Мамаев. Грозный; М.: ИА РАН. С. 82–94.

Петренко В.Г., 2006. Краснознаменский могильник. Элитные курганы раннескифской эпохи на Северном Кавказе. (Corpus tumulorum scythicorum et sarmaticorum. Т. 1). М., Берлин, Бордо: Палеограф. 309 с.

Пиотровский Б.Б., 1949. Археология Закавказья. Курс лекций. Л.: Изд-во Ленинградского государственного университета. 134 с.

Рудницкий Р.Р., Фоменко В.А., 2005. Археологические памятники у горы Верблюд. Пятигорск. 70 с.

Скаков А.Ю., 2002. К вопросу о хронологии Красномаякского могильника // Боспорский феномен. Погребальные памятники и святилища. Материалы международной научной конференции. Часть 2 / Отв. ред. В.Ю. Зуев. СПб.: Изд-во Государственного Эрмитажа. С. 220–232.

Скаков А.Ю., 2006а. Проблемы выделения археологических культур эпохи поздней бронзы – раннего железа в Западном Закавказье // Современные проблемы археологии России. Мат-лы Всероссийского археологического съезда 23–28 октября 2006 г. / Отв. ред. А.П. Деревянко, В.И. Молодин. Том I. Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН. С. 461–463.

Скаков А.Ю., 2006б. Ещё раз к вопросу о кобано-колхидском единстве // Город и степь в контактной евро-азиатской зоне. Третья междунар. науч. конф., посвященная 75-летию со дня рождения профессора Г.А. Федорова-Давыдова. Тезисы докладов / Отв. ред. В.В. Мурашева. М. (Труды ГИМ. Вып. 184). С. 45-47.

Скаков А.Ю., 2006в. К вопросу о происхождении обряда кремации у кобанских и колхидских племен // Первая Абхазская междунар. археол. конф. Посвящена памяти Ю.Н. Воронова. Древние культуры Кавказского Причерноморья, их взаимодействие с культурами соседних регионов. Сохранение культурного наследия. Материалы конференции / Отв. ред. В.В. Бжания. Сухум. С. 325–328.

Скаков А.Ю., 2006г. К вопросу об использовании перевалов Западного Кавказа в эпоху раннего железа // Производственные центры, источники, «дороги», ареал распространения. Мат-лы тематич. науч. конф. СПб.: Элексис Принт. С. 80–85.

Скаков А.Ю., 2007. К вопросу о погребальных обрядах населения древней Колхиды. // Лавровский сборник. Материалы Среднеазиатско-Кавказских исследований. Этнология, история, археология, культурология. 2006–2007 / Отв. ред. Ю.Ю. Карпов, И.В. Стасевич. СПб.: МАЭ РАН. С. 215–218.

Скаков А.Ю., 2008а. Фибулы древней Колхиды: происхождение, типология, хронология // Revista Arheologică (Археологический журнал). Serie noua. Vol. IV. Nr. 2. Chişinău. (Кишинев). С. 74–99.

Скаков А.Ю., 2008б. Погребальные памятники Бзыбской Абхазии X–VII вв. до н.э. // РА. № 1. С. 15–27.

Скаков А.Ю., 2009. Некоторые проблемы истории Северо-западного Закавказья в эпоху поздней бронзы – раннего железа // КСИА. Вып. 223. С. 143–172.

Скаков А.Ю., 2010. К вопросу о выделении археологических культур в Западном Закавказье // Традиции народов Кавказа в меняющемся мире. Сб. ст. к 100-летию со дня рождения Леонида Ивановича Лаврова / Отв. ред. Ю.Ю. Карпов. СПб.: «Петербургское Востоковедение». С. 48–67.

Скаков А.Ю., 2011а. Погребальные ямы Колхиды // Вопросы древней и средневековой археологии Кавказа / Отв. ред. Х.М. Мамаев. Грозный; М.: ИА РАН. С. 95–113.

Скаков А.Ю., 2011б. Раскопки Джантухского могильника в Абхазии // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. № 4 (65). С. 121–132.

Скаков А.Ю., 2012. Находки подражаний статерам Александра Македонского и Лисимаха в Западном Закавказье // Историко-археологический альманах. Вып. 11 / Отв. ред. Р.М. Мунчаев. Армавир; Краснодар; М. С. 53–69.

Скаков А.Ю., 2016. Археология в Абхазии в начале XXI века: сотрудничество российских и абхазских ученых // Абхазия в мировой истории и международных отношениях. Посвящается 70-летию Владислава Григорьевича Ардзинба. Мат-лы междунар. науч. конф. Сухум, 14–17 мая 2015 г. / Отв. ред. А.Ю. Скаков. Сухум; М.: АбИГИ; ИВ РАН. С. 74–135.

Скаков А.Ю., Джопуа А.И., 2004. Новый памятник колхидской культуры в Бзыбской Абхазии // Абхазоведение. История. Археология. Этнология. Вып. III / Гл. ред. О.Х. Бгажба. Сухум. С. 40–59.

Скаков А.Ю., Джопуа А.И, Шамба Г.К., 2004. Новый могильник колхидской культуры в Бзыбской Абхазии // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Вып. 4 / Отв. ред. Е.И. Нарожный. Армавир: АГПИ. С. 66–84.

Скаков А.Ю., Эрлих В.Р., 2005. Ещё раз о хронологии «киммерийских» и раннескифских древностей // Древности Евразии: от ранней бронзы до раннего средневековья. Памяти В.С. Ольховского / Гл. ред. В.И. Гуляев. М.: ИА РАН. С. 201–227.

Скаков А.Ю., Джопуа А.И., Гольева А.А., 2010. Абгархукское поселение эпохи бронзы в Бзыбской Абхазии // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Вып. 11 / Отв. ред. Е.И. Нарожный. Армавир: АГПУ. С. 32–73.

Скаков А.Ю., Джопуа А.И., 2014. Керамика могильника Джантух эпохи раннего железа (Восточная Абхазия) // КСИА. Вып. 236. С. 99–108.

Скаков А.Ю., Джопуа А.И., Журавлев Д.В., 2016. Античный керамический импорт Джантухского могильника // Древняя Диоскуриада. Мат-лы междунар. науч.-практич. конф. к дню города Сухум, 4 декабря 2015 года, г. Сухум / Ред. Б.С. Кобахия, И.А. Джопуа, В.А. Нюшков. Сухум. С. 55–71.

Скаков А.Ю., Джопуа А.И., Хондзия З.Г., В печати. Новый комплекс эпохи раннего железа из села Абгархук (Абхазия) // Причерноморье в античное и раннесредневековое время. II. К 70-летию В.П. Копылова. Ростов-на-Дону.

Смирнов Ю.А., 1997. Лабиринт: Морфология преднамеренного погребения. М.: Восточная литература. 279 с.

Соловьев Л.Н., 1960. Погребения дольменной культуры в Абхазии и прилегающей части Адлерского района // Труды Абхазского ин-та языка, литературы и истории. Вып. XXXI. Сухуми: Изд-во Академии наук Грузинской ССР. С. 69–100.

Сочинский художественный музей. – URL: http://sochiartmuseum.com/authors/mz.php. Дата обращения – 09.11.2017.

Стражев В.И., 1926. Бронзовая культура в Абхазии // Известия Абхазского научного общества. Вып. IV. Сухум. С. 105–124.

Трапш М.М., 1962. Памятники колхидской и скифской культур в селе Куланурхва Абхазской АССР. Сухуми: Абгосиздат. 83 с.

Трапш М.М., 1969. Труды. Т. 2. Древний Сухуми. Сухуми: Алашара. 373 с.

Трапш М.М., 1970. Труды. Т. 1. Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Абхазии. Сухуми: Алашара. 210 с.

Хондзия З.Г., 2000. Новые археологические находки с. Куланырхуа // Абхазоведение. История. Археология. Этнология. Вып. 1 / Гл. ред. Г.К. Шамба Сухум: Алашара. С. 34–37.

Хондзия З.Г., 2012. История археологического изучения села Куланырхуа // Абхазоведение. Археология. История. Этнология. Вып. 7 / Гл. ред. О.Х. Бгажба. Сухум: АбИГИ. С. 35–45.

Хондзия З.Г., 2016. Раннеантичный могильник в поселке Тасракуа // Абхазоведение. Археология. История. Этнология. Вып. X / Гл. ред. О.Х. Бгажба. Сухум: АбИГИ. С. 19–21.

Хондзия З.Г., Бжания Д.С., 2004. Новые археологические реликвии села Куланырхуа (Абхазия) // Древний Кавказ: ретроспекция культур. Междунар. науч. конф., посвященная 100-летию со дня рождения Евгения Игнатьевича Крупнова (XXIII Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа). Тез. докл. / Отв. ред. Л.Т. Яблонский. М.: ИА РАН. С. 200-201

Цвинариа И.И., 1971. Находки в с. Нижняя Ешыра // АО 1970 года. С. 379, 380.

Шамба Г.К., 1972. Об одном раннеэллинистическом захоронении представителя древнеабхазской знати из с. Эшера // Известия Абхазского института языка, литературы и истории. I. Тбилиси: Мецниереба. С. 98–112.

Шамба Г.К., 1973. О некоторых археологических находках из села Нижняя Эшера Сухумского района // Известия Абхазского института языка, литературы и истории. II. Тбилиси: «Мецниереба. С. 181–190.

Шамба Г.К., 1977. Материалы могильника эллинистической эпохи из Эшерского городища (по раскопкам 1972 г.) // Известия Абхазского института языка, литературы и истории. VI. Тбилиси: Мецниереба. С. 127–136.

Шамба Г.К., 1983. Погребение VI в. до н.э. близ Сухуми // КСИА. Вып. 174. С. 33–37.

Шамба Г.К., 1984. Раскопки древних памятников Абхазии. Сухуми: Алашара. 99 с.

Шамба Г.К., 1996. Новые археологические материалы из Ачандара // Актуальные проблемы истории народов Кавказа. Мат-лы науч. конф., посвященной 70-летию со дня рождения З.В. Анчабадзе / Отв. ред. А.Э. Куправа. Сухум: Издательско-полиграфическое объединение Республики Абхазия. С. 48–57.

Шамба Г.К., 2000. Абхазия в I тысячелетии до нашей эры. Сухум: Алашара. 312 с.

Шамба Г.К., Квициниа В.К., 1980. Открытия в пос. Агудзера близ Сухуми // Труды Абхазского государственного музея. Вып. V / Отв. Ред. А.М. Тариа. Сухуми. С. 120–127.

Шамба Г.К., Квициниа В.К., Шенкао Н.К., 1989. Археологические раскопки в бассейне р. Гумиста (Шубара-2) // Известия Абхазского института языка, литературы и истории. XV. Тбилиси: Мецниереба. С. 136–142

Шамба Г.К., Шамба С.М., 1990. Археологические памятники верховьев реки Галидзга (Джантух). Тбилиси: Мецниереба. 62 с.

Шамба Г.К., Эрлих В.Р., Джопуа А.И., Ксенофонтова И.В., 2004. Исследование Эшерского городища в Абхазии в 2003 г. // Абхазоведение. История. Археология. Этнология. III / Гл. ред. О.Х. Бгажба Сухум: АбИГИ. С. 60–74.

Шамба Г.К., Джопуа А.И., Эрлих В.Р., Ксенофонтова И.В., 2005. Новые данные к хронологии Центральной Абхазии I тыс. до н.э. // Четвертая Кубанская археол. конф.: тез. и докл. / Отв. ред. И.И. Марченко. Краснодар. С. 287–290.

Шамба Г.К., Эрлих В.Р., Джопуа А.И., Ксенофонтова И.В., 2007. Элитные архаические воинские комплексы из Центральной Абхазии // Вестник Академии наук Абхазии. Вып. 2 / Гл. ред. Ш.К. Арстаа. Сухум. С. 164–181.

Эрлих В.Р., 2007. Северо-Западный Кавказ в начале железного века. Протомеотская группа памятников. М.: Наука. 429 с.

Apakidze Joni, 2009. Die Spätbronze- und Früheisenzeit in West- und Zentralkaukasien. Chronologische Studien zur Kolchis-Kultur 1600–700 v. Chr. (Prähistorische Archäologie in Südosteuropa. Band 24. Teil 1). Rahden\Westf. Verlag Marie Leidorf GmbH. 322 s.

Bill Adele, 2003. Studien zu den Gräbern des 6. bis 1. Jahrhunderts v. Chr. in Georgien unter besonderer Berücksichtigung der Beziehungen zu den Steppenvölkern. (Universitätsforschungen zur prähistorischen Archäologie, Band 96). Bonn.: Habelt. 269 s.

A.Yu. Skakov

EARLY IRON AGE CEMETERIES IN ABKHAZIA: BURIAL SITES AND THE FUNERARY RITE.

Abstract. The paper provides an overview of burial sites dated to the Late Bronze Age – the Early Iron Age in the region presently known as Abkhazia; it also contains a historiographical overview with analysis of the history of research and description of main issues. A special focus is placed on reliability of presumed assemblages. The paper also raises a number of issues for debate concerning the functional use of the so called 'treasure hoards' (including smelters' hoards) and the origin of the cremation rite in this region. For Central and Northwest Abkhazia burial sites are explored in the context of the Bzyb Colchis culture (up to the middle – second half of the 7th century BC) and the Bzyb Late Colchis culture. Changes in the funerary rite are analyzed; external contacts and links with other regions in the Caucasus are also touched upon.

Keywords: Colchis culture, burial rite, cremation, treasure hoard.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АО – сборник «Археологические открытия»
АС – Археологический Съезд
ВАС – Всероссийский археологический съезд
ВДИ – Вестник древней истории
ВСХИ – Ворошиловградский сельскохозяйственный институт
ИА НАНУ – Институт археологии Национальной академии наук Украины
ИА РАН – Институт археологии Российской академии наук
КСИА – Краткие сообщения Института археологии Российской академии наук
КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР
МНМ – Мифы народов мира
ОАК – Отчет Императорской Археологической комиссии
РА – Российская археология (журнал)
СА – Советская археология (журнал)

AS – Anatolian Studies

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Авилова Людмила Ивановна, Институт археологии РАН, Москва; e-mail: aviloval@mail.ru

Балабина Вера Игоревна, Институт археологии РАН, Москва; e-mail: balabina@mail.ru

Гей Александр Николаевич, Институт археологии РАН, Москва; e-mail: donkuban@mail.ru

Клещенко Александр Александрович, Институт археологии РАН, Москва; e-mail: sansanych@bk.ru

Колпакова Алиса Вадимовна, Государственное бюджетное учреждение культуры Краснодарского края «Новороссийский исторический музей-заповедник»; e-mail: alice_k@list.ru

Кореневский Сергей Николаевич, Институт археологии РАН, Москва; e-mail: skorenevskiy@yandex.ru

Мельник Валерий Иосифович, Институт археологии РАН, Москва; e-mail: melvaler@yandex.ru

Мишина Татьяна Николаевна, Институт археологии РАН, Москва; e-mail: tnmishina@mail.ru

Скаков Александр Юрьевич, Институт археологии РАН, Москва; e-mail: Skakov09@gmail.com

Федоренко Наталья Валентиновна, Государственное бюджетное учреждение культуры Краснодарского края «Новороссийский исторический музей-заповедник» e-mail: nfed@yandex.ru

Шишлов Александр Владимирович, Государственное бюджетное учреждение культуры Краснодарского края «Новороссийский исторический музей-заповедник» e-mail: nfed@yandex.ru

Научное издание

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ И МЕЖКУЛЬТУРНЫЕ ФЕНОМЕНЫ ЭНЕОЛИТА И БРОНЗОВОГО ВЕКА

Редактор
Г.С. Пузакова

Дизайн и верстка: *В.Ю. Луньков*
Обложка: *Н.С. Сафронова*

Подписано в печать 20.12.2018. Формат 60x84/8
Усл. печ. л. 42,78. Уч.-изд. л. 23,39.
Тираж 300 экз.

Институт археологии РАН
117036. Москва, ул. Дм. Ульянова, 19

Отпечатано с готового оригинал-макета
в ООО «Красногорский полиграфический комбинат»
115093 Москва, Партийный пер., д. 1, корп. 58.

ISBN 978-5-94375-284-1